

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2021. № 467. Июнь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2021. № 467. June

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); Н.А. Глушенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь); В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.; С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов, д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.; С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.; Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р ист. наук, проф.; Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц.; А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор Издательского Дома Томского государственного университета; Т.С. Портнова, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; А.И. Потекаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; Л.М. Прокументов, д-р юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.; Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор Издательства ТГУ; С.П. Сушенко, д-р техн. наук, проф.; П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук, проф.; О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р пед. наук, проф.; Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –

Н.А. Глушенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

Founder – Tomsk State University

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasily P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Бушуева Л.А. Эвфемистические репрезентации ситуации «измена» в английской лингвокультуре	5
Зусева-Озкан В.Б. Валькирический миф в творчестве Андрея Белого	15
Колмакова О.А. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» в художественной интерпретации М.А. Булгакова	28
Марков А.В. Переводческие решения К. Бальмонта в свете иллюстраций Г. Нарбута: от интермедальности к экспрессии	34
Новосёлова Е.А. Эволюция художественного воплощения одного сюжета: «Переулоч забытых лиц» и «Время и место» Ю.В. Трифонова	41
Трубецкова Е.Г. К вопросу о морбуальном коде русской литературы	47

ПЕДАГОГИКА

Буйкова К.И., Малкова И.Ю., Будакова А.В. Диагностика субъектной позиции участников волонтерской деятельности в образовании	55
Котова Т.Г., Дмитриева С.В., Родина И.В. Коррекция массы тела у дзюдоисток 14–16 лет в соревновательном периоде подготовки	64
Пешков В.Ф. Восстановительные средства в спортивной и профессиональной подготовке студенток, занимающихся силовым видом спорта	71
Шагарова Е.А., Горская И.Ю. Информативные показатели мониторинга функционального состояния высококвалифицированных лыжниц-гонщиц	81
Tsiguleva O.V., Pozdeeva S.I. Human Capital Humanitarianization in the Context of an Anthropological Approach to Education	88
Якушева И.В., Марина О.А., Демченкова О.А. Влияние преподавателей и выпускников на формирование взглядов студентов на иноязычные потребности в профессиональной деятельности	92

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Алексеев Г.А., Дюльденко А.А. Особенности виртуального поведения пользователей, зависимых от социальных сетей	100
Габдрахманов Н.К., Орлова В.В., Александрова Ю.К. Миграционное поведение студентов российских вузов на основе данных цифровых следов	106
Захарова Е.А. Социально-экономические факторы формирования электоральных предпочтений граждан Германии	115
Ильиних С.А. Интернет как источник информации: взгляд сквозь призму доверия	124
Кашпур В.В., Барышев А.А., Чудинов С.И. Репрезентация радикальных сообществ в российских социальных медиа: специфика контента и индекс активности	133
Митягина Е.В., Конышев Е.В., Чернышев К.А., Сайфулин Э.Р. Цифровые следы выпускников вузов при исследовании миграции из регионов-доноров	144
Мягков М.Г., Кубрак Т.А., Латынов В.В., Мундриевская Ю.О. Пандемия COVID-19 и конспирологические убеждения: психологические предпосылки, последствия, возможности коррекции	156

CONTENTS

PHILOLOGY

Bushuyeva L.A. Euphemistic Representations of the Act of Adultery in English Linguaculture	5
Zuseva-Özkan V.B. Valkyrian Myth in the Works by Andrey Bely	15
Kolmakova O.A. Gogol's <i>Dead Souls</i> in the Literary Interpretation of Mikhail Bulgakov	28
Markov A.V. Konstantin Balmont's Translation Solutions of in the Light of Illustrations by Georgy Narbut: From Intermediality to Expression	34
Novosyolova E.A. The Evolution of the Literary Embodiment of One Plot: "The Alley of Forgotten Faces" and <i>Time and Place</i> by Yuri Trifonov	41
Trubetskova E.G. On the Morbual Code of Russian Literature	47

PEDAGOGICS

Buyakova K.I., Malkova I.Yu., Budakova A.V. Diagnostics of the Volunteering Participants' Agency in Education	55
Kotova T.G., Dmitrieva S.V., Rodina I.V. Correction of Body Weight In Female Judokas Aged 14 to 16 in the Competitive Training Period	64
Peshkov V.F. Rehabilitation Means in Sports and Professional Training of Female Students Participating in Strength Sport	71
Shagorova E.A., Gorskaya I.Yu. Informative Indicators of Monitoring the Functional State of Highly Qualified Female Cross-Country Skiers	81
Tsiguleva O.V., Pozdeeva S.I. Human Capital Humanitarianization in the Context of an Anthropological Approach to Education	88
Yakusheva I.V., Marina O.A., Demchenkova O.A. Teachers' and Graduates' Influence on the Formation of Students' Views on Foreign Language Needs in Their Professional Activities	92

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Alekseev G.A., Dyuldenko A.A. Features of the Digital Behavior of Users with Social Media Addiction	100
Gabdrakhmanov N.K., Orlova V.V., Aleksandrova Yu.K. Migration Behavior of Russian University Students Based on Digital Footprint Data	106
Zakharova E.A. Socio-Economic Factors of Citizens' Voting Behavior in Germany	115
Ilyinykh S.A. The Internet as a Source of Information: A View Through the Prism of Trust	124
Kashpur V.V., Baryshev A.A., Chudinov S.I. Representation of Radical Communities in Russian Social Media: Content Specifics and Activity Index	133
Mitiagina E.V., Konyshev E.V., Chernyshev K.A., Saifulin E.R. A Study of University Graduates' Migration in Regions with High Migration Outflow: A Digital Footprint Analysis	144
Myagkov M.G., Kubrak T.A., Latynov V.V., Mundrievskaya Yu.O. COVID-19 Pandemic and Conspiracy Beliefs: Psychological Antecedents, Consequences, Possibilities for Correction	156

Сербина Г.Н., Мацута В.В., Гойко В.Л. Анализ связи психологических характеристик пользователей социальной сети «ВКонтакте» с подписками на сообщества с девиантным контентом	164	Serbina G.N., Matsuta V.V., Goiko V.L. Analysis of the Relationship Between VK Users' Psychological Characteristics and Subscriptions to Communities With Deviant Content	164
Щекотин Е.В. Цифровые следы как новый источник данных о качестве жизни и благополучии: обзор современных тенденций	170	Shchekotin E.V. Digital Footprints as a New Source of Data on Quality of Life and Well-Being: An Overview of Current Trends	170
Gunes H.N. Attitudes of Gagauzes and Ulupamir Kyrgyzes Towards Premarital Sex: A Comparison Based on Ethnicity–Religion–Tradition	182	Gunes H.N. Attitudes of Gagauzes and Ulupamir Kyrgyzes Towards Premarital Sex: A Comparison Based on Ethnicity–Religion–Tradition	182

ИСТОРИЯ

Васильев Д.В. Проект преобразования управления Туркестанским краем 1913 г.	193	Vasilyev D.V. The 1913 Bill for Transformation of Turkestan Regional Governing	193
Клинова М.А., Трофимов А.В. Образы Великой Отечественной войны в советском кинематографе второй половины 1940-х гг. и их отражение в эгодокументах	200	Klinova M.A., Trofimov A.V. Images of the Great Patriotic War in the Soviet Cinema of the Second Half of the 1940s and Their Reflection in Egodocuments	200
Пасицка О.И. Социально-экономические измерения Галичины 20–30-х гг. XX в.	209	Pasitska O.I. The Socio-Economic Situation in Galicia in the 1920s–1930s	209
Старостин Д.Н. Историческая концепция Григория Турского и распространение христианского летоисчисления и пасхального календаря Дионисия Малого в раннесредневековой Европе	215	Starostin D.N. Gregory of Tours's Historical Conception and Dionysius Exiguus's Anno Domini and Easter Table in Early Medieval Europe	215

ПРАВО

Безруков А.В., Иксанов И.С., Исаева А.А. Правовые основы миграционной политики в России и Европейском Союзе	225	Bezrukov A.V., Iksanov I.S., Isaeva A.A. Legal Framework for Migration Policy in Russia and the European Union	225
Белецкий И.А., Борков В.Н. Квалификация получения взятки в виде скидки на товары, работы или услуги	231	Beletsky I.A., Borkov V.N. Qualification of Receiving a Bribe in the Form of a Discount on Goods, Works, or Services	231
Витко В.С. О содержании понятия «самоплагиат»	235	Vitko V.S. The Content of the Self-Plagiarism Concept	235
Дёмкина А.В. Ответственность за недобросовестное ведение переговоров по законодательству России и Франции: сравнительно правовой анализ	244	Demkina A.V. Responsibility for Unfair Negotiation Under the Laws of Russia and France: A Comparative Legal Analysis	244
Шевченко О.К. Функционал обычного права в созидании архитектуры глобальной безопасности в XXI в.	251	Shevchenko O.K. The Role of Customary Law Functions in the Creation of Global Security Architecture in the 21st Century	251

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	257	INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	257
--	-----	---	-----

HISTORY

LAW

ФИЛОЛОГИЯ

УДК: 811.161.1'1

Л.А. Бушуева

ЭВФЕМИСТИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СИТУАЦИИ «ИЗМЕНА» В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Рассматриваются эвфемистические единицы, выступающие средствами языковой репрезентации поступка «измена». Представлена фреймовая модель ситуации поступка «измена», выделены слоты в структуре данной модели, актуализирующие различные аспекты ситуации «измена», показана степень актуализации слотов фреймовой модели, исследованы ключевые приемы, лежащие в основе эвфемизации измены, такие как языковое обобщение, метафора, метонимия и некоторые другие виды.

Ключевые слова: поступок; измена; фрейм; эвфемизм; стигма; языковое обобщение; метафора; метонимия.

Несомненная яркость эвфемизации привлекает внимание исследователей уже не одно десятилетие. Изучаются виды и формы эвфемии, ее мотивы, источники возникновения и сферы употребления (О.С. Ахманова, Е.Ю. Голованова, Б.А. Ларин, А.Д. Шмелев, М.Л. Ковшова, Л.П. Крысин, В.П. Москвин, G. Lakoff, E. Benveniste, E. Partridge, R. Holder).

В лингвистической литературе встречается довольно много определений термина «эвфемизм», однако общепринятого определения до сих пор не существует. Лингвисты обычно рассматривают эвфемизм как одну из разновидностей тропов (О.С. Ахманова, Б. Томашевский, К. Шахжури). В отличие от тропов, эвфемизмы «имеют целью не образное представление действительности, а затемнение, прикрытие неприглядных явлений жизни или нескромных мыслей, намерений» [1. С. 120].

Поскольку ключевой функцией эвфемизмов является функция маскировки социально неприемлемого, большинство зарубежных исследователей определяют эвфемизмы как субституты неприличных, резких высказываний, способных обидеть собеседника [2–4]. Понимание эвфемизма как субститута более грубых слов и выражений широко распространено и в отечественной лингвистике. Ср.: «эвфемизм – это слово или выражение, служащее в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими» [5. С. 398]; «эвфемизмы – эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов и выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [6. С. 590].

В данном исследовании эвфемизм рассматривается как косвенное наименование стигматического денотата, нацеленное на смягчение и вуалирование неприглядных сторон действительности.

Значимым признаком эвфемизма признается стигматичность денотата. Стигма – это «любая дискредитирующая черта или качество, неуместная у представителя данной группы или носителя конкретной социальной роли с точки зрения обобщенных социальных ожиданий» [7. С. 25]. Набор качеств, которые считаются нормальными для индивида, устанавливает общество. Понятие стигмы уточняется в работе Е.Н. Торопцевой: под стигмой понимается не только

отрицательное качество или свойство денотата, но также его способность вызывать в сознании носителя языка негативные эмоции [8. С. 17]. Слова, которые сами по себе не несут в себе отрицательного заряда, могут приобретать его в процессе постоянного соотношения со стигматичным денотатом. Для стигматичности денотата характерна изменчивость, что обусловлено исторически сформировавшимися морально-этическими правилами поведения, которые также могут меняться в ходе развития общества.

Познавая окружающий мир, мы оцениваем те или иные объекты и явления по социально значимым параметрам. Выбор слов зависит от нашего отношения к тому, о чем мы говорим. Номинация неразрывно связана с оценкой [9. С. 106]. Язык служит средством выражения эмоционально-оценочных состояний носителей языка и средством номинации оценочных концептов и категорий. Ценностный модус существования языка означает возможность не только выведения в фокус внимания оценочных характеристик объектов и явлений, но и их затушевывания. Это происходит в том случае, когда оценка, с точки зрения правил социального поведения, является неуместной или нежелательной [10. С. 164].

Вслед за А.М. Кацевым полагаем, что эвфемизмы отражают негативную реакцию на обозначаемое [11. С. 54]. Характерная для эвфемизма стигматичность денотата, выбор эвфемизма вместо прямого наименования предмета или явления свидетельствуют о негативном отношении адресанта к данному предмету или явлению или об осознании говорящим негативной социальной оценки обозначаемого явления. При этом стигматичность самого денотата не меняется.

К денотатам, прямолинейное описание которых может вызвать негативное впечатление со стороны собеседника, относится поступок «измена». Поступок в данном исследовании рассматривается как сознательное и разумное действие человека, совершающееся в результате реализации мотива и вызывающее определенную реакцию у окружающих в виде оценки (подробнее о поступке см.: [12]). В данной работе основное внимание уделяется измене в значении «нарушение супружеской верности или верности в любви». Нечестные поступки, к которым

относится измена, находят осуждение в кодексе ценностей на протяжении долгого времени и входит в систему стигм.

Эвфемистическая репрезентация поступка «измена» ранее не подвергалась анализу, что обуславливает новизну данного исследования. Целью нашей статьи является выявление специфики эвфемистической объективации измены в английской лингвокультуре. В задачи данной работы входит определение особенностей фреймовой организации представлений о поступке «измена», установление степени эвфемистической объективации слотов исследуемого фрейма в английской лингвокультуре.

В процессе исследования использовались метод сплошной выборки, а также дефиниционный, контекстуальный, фреймовый анализы. Методика фреймового моделирования ситуации на основе языковых данных позволяет раскрыть структуру и содержание знаний о поступке.

Исследование осуществлено в синхронном плане на материале британского и американского вариантов английского языка. Источниками материала исследования послужили данные толковых словарей, словарей эвфемизмов, тексты публицистической, устной речи XX–XXI вв. Рассматривались семантика, функционирование эвфемистических единиц со значением «измена», а также лексем, которые эвфемистически репрезентируют элементы ситуации данного поступка. Всего было проанализировано около 5000 контекстов с 127 лексемами, вербализующими ситуацию измены.

Дефиниционный анализ позволил выявить лексемы, которые являются прямыми номинациями различных элементов ситуации измены в лексической системе английского языка: *adultery, adulterise, adulterous, adulterer, adulteress, infidelity* [13]. Ср.: «*adultery* – if a married person commits adultery, they have sex with someone that they are not married to»; «*infidelity* – occurs when a person who is married or in a long-term relationship has sex with another person» [13]. Отметим, что лексема *infidelity* использовалась как эвфемизм ранее, на что указывает, в частности, R. Holder [14], однако, как отмечает J. Ayto в книге «*Wobbly bits and other euphemisms*» [15], в настоящее время данная лексема более не воспринимается как эвфемизм: «now this word is so firmly established that we scarcely think of it as circumlocution any more. A more “literary” alternative to *infidelity* is *inconstancy*» [15. P. 114].

С помощью метода сплошной выборки из «*A dictionary of euphemisms*» [14], «*Wobbly bits and other euphemisms*» [15], анализа контекстов British National Corpus [16], поисковой системы Google [17], социальной сети Twitter [18] были отобраны номинации, косвенно обозначающие измену.

Представим ситуацию поступка «измена» в виде фрейма. Фрейм – концептуальная структура, предназначенная для представления декларативных знаний о типизированной тематически единой ситуации [19. С. 14]. Фрейм «измена» состоит из типовых слотов, получающих эвфемистическую номинацию в английском языке.

Имя фрейма: прямые номинации: *adultery, infidelity*; эвфемистические номинации: *act of desperation, act of self-preservation, activities / extracurricular activities, adventure, affair / extramarital / emotional / love / physical affair, amour, assignation, consensual relationship, crisis of faith, disloyalty, extramarital connection / excursion / experience, faithlessness, fantasy, fling, fornication, free love, hanky-panky, inappropriate friendship, inconstancy, indiscretions, jolly, lapse, liaison, left-handed honeymoon, long-term relationship / extramarital / inappropriate emotional / minor relationship, mid-life crisis, misbehavior, mistake, one-night stand, open / left-handed marriage, phony act, restless period, romance, reaction to loneliness, spur of the moment passion, straycation, thing going, two-time*.

Слот «Агент поступка и его свойства» актуализирует активного участника ситуации, целенаправленно совершающего поступок; свойства характера активного участника ситуации. Прямые номинации: *adulterer, adulteress*; эвфемистические номинации: *cheater, fornicator, player, two-timer, to have a roving eye, to have itchy feet*.

Слот «Действие как проявление поступка». Любой поступок в своей основе имеет действие, реализованный акт воли человека. Прямые номинации: *to commit adultery (with), to adulterise, to commit infidelity*; эвфемистические номинации: *to break a commandment, to carry on with, to cheat, to chase / to chase tail, to commit misconduct, to creep around, to deceive, to do wrong, to go outside marriage, to go with, to hurt (wife), in flagrante (delicto), to fool around, to get someone on the side, to have it away, to have a bit on the side, to hike the Appalachian trail, to hurt (someone's partner), to mess, to mess around, to misbehave, to play away / away from home / around, to play the field, to run around on someone, to sin, to sleep around, to sleep on the other side of the bed, to sleep over, to sneak around, to sneak off with another woman, to step out on, to stray, to take up with, to take up a lover, to two-time, to wander*.

Слот «Контрагент поступка» подразумевает активного участника, задействованного в агентивной ситуации (в соответствии с классификацией семантических ролей Е.В. Кашкина и О.Н. Ляшевской [20]). Эвфемистические номинации: *admirer, amour, bit on the side, co-respondent, friend, extramarital partner, girlfriend, gentleman / lady / man / more than a (good) / woman friend, lover, other woman / man / person, third person, left-handed wife*.

Слот «Пациент поступка» – участник ситуации, претерпевающий самопроизвольно или под воздействием другого участника изменения [20]. Эвфемистическая номинация: *cheatee*.

Слот «Оценка поступка, агента поступка» репрезентирует отношение к поступку, установление его соответствия нормам и принципам морали. Прямая номинация: *adulterous*; эвфемистические номинации: *disloyal, errant, faithless, unfaithful, untrue*.

Слот «Мотив поступка». Под мотивом понимается действие, состояние, свойство или положение вещей, объясняющее, почему агентивный участник

совершает данный поступок, но не являющееся его причиной. Эвфемистическая номинация: *seven-year itch*.

Слот «Место» подразумевает участок пространства, где локализуется ситуация поступка. Эвфемистическая номинация: *on the side*.

В фреймовой структуре ситуации поступка «измена» наибольшей заполненностью эвфемизмами характеризуется слот «Действие как проявление поступка», поскольку стигматично, главным образом, само действие. К ключевым элементам данного фрейма, судя по количеству выявленных эвфемистических единиц, являются также слоты «Агент поступка, его свойства», «Контрагент поступка» и «Оценка поступка, агента поступка». Данные элементы ситуации в первую очередь подлежат «маскировке», что может быть мотивировано 1) желанием скрыть неприятную, возможно, пугающую сторону измены, 2) стремлением смягчить эффект высказывания, 3) представить себя или третью сторону в более выгодном свете.

Слоты «Мотив поступка», «Место поступка», «Пациенс поступка» находятся на периферии внимания носителей английского языка.

Мотив поступка актуализирован в английском языке одним выражением, а именно *seven year itch*, которое обозначает «зуд седьмого года»: это еще не измена, а лишь желание ее совершить, возникающее у супругов на седьмом году брака и объясняющееся однообразием спокойной семейной жизни. Мотив поступка прочитывается также в некоторых косвенных номинациях поступка, например, *act of desperation*, *act of self-preservation*, *reaction to loneliness*, *spur of the moment passion*, *mid-life crisis*. Данные единицы как будто призваны оправдать агента, объяснить, что именно побудило его поступить таким образом: отчаяние (*act of desperation*), желание сохранить себя (*act of self-preservation*), страстный порыв (*spur of the moment passion*), одиночество (*reaction to loneliness*), кризис среднего возраста (*mid-life crisis*), беспокойство / тревога (*restless period*).

Данные выражения не характеризуются высокой частотностью в речи (встречаются лишь единичные примеры их употребления), а являются скорее индивидуально-контекстными заменами прямых номинаций измены. Важно, что их цель – частично снять ответственность за неприглядный поступок, найти ему правомерное объяснение.

Слот «Место поступка» также незначительно актуализирован в английской лингвокультуре. Выражение *on the side* имеет в своей основе метафорический концепт СТОРОНА: данный образ призван подчеркнуть деятельность за пределами дома, семьи.

В английском языке посредством единицы *cheatee* вербализован слот «Пациенс поступка» – «законный» партнер, который оказывается жертвой в ситуации измены. В пассивный слой лексики постепенно переходят лексемы *cuckold* (муж, которому изменяют) и *cuckqueen* (жена, которой изменяют). В настоящее время данные лексемы практически не употребляются применительно к ситуации измены.

В основе всего многообразия эвфемизмов, репрезентирующих ситуацию измены, лежат такие приемы,

как обобщение, метафора, метонимия и другие смешанные типы.

Механизм языкового обобщения, лежащий в основе образования эвфемистических единиц и выражений, заключается в переименовании явления (измены) с помощью лексических единиц более общей или более диффузной семантики: *activities*, *thing going*, *affair*, *physical / emotional affair* – номинации измены; *other woman* – номинация контрагента измены. Ср.: «activity – something that you spend time doing: *You can take part in activities from canoeing to bird watching*»; «affair – от фр. *a faire*: to do; a situation or subject that is being dealt with or considered»; «thing – you can use thing to refer to any object, feature, or event when you cannot, need not, or do not want to refer to it more precisely» [13]; «*Over the course of this weekend, Jon's activities have left me no choice but to file legal procedures in order to protect myself and our children*» (M. Peters. Hiking the Euphemistic Trail); «*Of course, after the Affair, I was drowning in what if's and why's. Since we weren't unhappy, I agonized over every detail*» (Anonymous. Six things I learned when my husband had an affair); «*Me and Mrs Jones we got a **thing going on**. And... it's... adultery*» (B(*)(*)B. Twitter).

Лексема *thing* принадлежит к числу наиболее употребительных слов в английском языке: она занимает шестое место в списке наиболее частотных английских существительных. О.К. Ирисханова объясняет высокую частотность данной лексемы ее референтной и концептуальной диффузностью [10. С. 105]. Благодаря диффузности и компактности конструкции с существительным *thing* способны выводить в фокус внимания различные обобщенные аспекты описываемой ситуации, что и находит свое применение в эвфемизации измены.

При обобщении семантический фокус эвфемизма по сравнению с прямой номинацией расширяется и становится диффузным за счет включения менее конкретизированных элементов. С помощью общего наименования размываются те границы между группами событий, которые оцениваются обществом как неуместные.

Единицы *phony act*, *hanky-panky*, *misbehavior*, *mistake*, *to cheat*, *to deceive*, *to do wrong*, *to commit misconduct*, *to fool around* также являются примерами механизма языкового обобщения с той лишь разницей, что они репрезентируют отрицательнооценочные явления, выводя на первый план отклонение от правильных и допустимых в данном обществе поступков, при этом они дефокусируют то, в чем конкретно заключается это отклонение. Ср.: «phony – insincere or deceitful»; «hanky-panky – if you describe behavior as hanky-panky, you disapprove of it because it is dishonest or breaks rules»; «misbehavior – behavior that is not acceptable to other people»; «mistake – part of something which is incorrect or not right»; «to cheat – when someone cheats, they do not obey a set of rules which they should be obeying»; «to do wrong – if you do wrong you do something which is considered incorrect or socially unacceptable»; «misconduct – bad or unacceptable behaviour»; «to fool around – to behave in a silly, dangerous or irresponsible way» [13]; «*I know in my*

heart that if he didn't push me away I never would have **cheated**» (R. Reynolds. Six types of affairs: fallen in love); «My wife's so-called best friend told her I was having an **affair** with my secretary. <...> We were sitting in a booth next to each other rather than across from each other. This to her was proof that there was some **hanky-panky** going on» (C. Lavin. To tell or not to tell when a friend's partner is cheating); «North Carolina family law, particularly the law on alimony, uses the term "**marital misconduct**" to include adultery» (Adultery in North Carolina: Does cheating affect alimony); «Why do married people **fool around**? What's the point of getting married and exchanging vows?» (J. Harland. Quora forum); «She belonged to a generation of church women who would rather cover up their husbands' **misbehavior** to save face» (Rita Onwurah. Twitter).

Механизм эвфемистического обобщения лежит также в основе выражений *crisis of faith*, *to break a commandment*, *to sin*. Данные единицы имеют широкую семантику по сравнению с прямыми номинациями *adultery*, *infidelity*. В данном случае эвфемизация измены осуществляется через соотнесение ее с системой религиозных ценностей. Базовой идеей в этом отношении следует считать идею греховности, признаваемую всеми течениями христианской идеологии. Однокоренные лексемы *fornication*, *fornicator*, также черпающие свою образность из религиозного культурного фона, имеют значение, аналогичное значению прямых номинаций измены и изменника. Ср.: «fornication – the action of having sex with someone who you are not married to»; «adultery – sex between a married man or woman and someone he or she is not married to» [13]. Данные единицы приобретают эвфемистическую функцию благодаря своей принадлежности к лексике из «более высоких» сфер языка в отношении к повседневному языку. Ср.: «According to him, the board has recorded four rape cases, 149 **fornication**, two new born baby abandonment, four pregnancy abortions, seven homosexual and 66 thefts within the period under review» (News Agency of Nigeria. Hisbah reconciles 3079 couples in 2020); «Graham appreciates a lying **fornicator** that is an agent of Moscow and a draft dodger?» (Ronald Smith. Trump's Sharpie ran out of ink. Twitter).

В эвфемистической функции выступают заимствования из специального языка в отношении к повседневному языку – юридические термины *in flagrante delicto*, *co-respondent* (соответчик в делах по расторжению брака): «in flagrante delicto – while committing the offence» (букв. на месте преступления); «co-respondent – a person cited in divorce proceedings, who is alleged to have committed adultery with the respondent» [13]. Примечательно, что в отношении выражения *in flagrante delicto*, которое дословно переводится с латинского как «в пылающем преступлении», мы имеем дело с параллельным действием метафорического концепта ОГОНЬ (ЖАР, ПЛАМЯ – концептуальные составляющие), что позволяет актуализировать представления о сексуальном возбуждении. Ср.: «The wife is a good actress, not showing that she's suspecting. I can see through one of my visions that they will be caught in **flagrante delicto**. it will be hell

when that happens» (Mai Te. Twitter); «**other woman... other man... co-respondent... homerwrecker... cakk them what you like... are all included in that list... all will have to give an account to Christ... eternal danger is: Hell awaits them**» (Zipporah Moses. Twitter).

Говоря о собственной измене, адресант стремится скрыть неприятные стороны описываемого поступка, акцентировать выгодный для него аспект и, таким образом, частично снять ответственность за произошедшее: «People make up all kinds of names for it because they know it's wrong but if you can call it something that doesn't sound so wrong, it somehow isn't so wrong. **Adultery** is glamourized in popular culture, a lot of euphemisms come from there, I would expect. It was to make it seem less bad, because I (like most) didn't want to portray myself as a bad person (or even have to think of myself as a bad person)»; «During the affair, he refused to call it an affair, instead he called it a "**fantasy**"» (Marriage Builders' Discussion Forum). В основе использования эвфемизмов в данном случае лежит стремление к самооправданию, которое является одним из важных условно-адаптивных механизмов человека.

В рамки стремления оправдать свое поведение укладывается и «приукрашивание» мотивов измены: «It's less guilt inducing to say lonely than selfish»; «My wife told me recently that she had **to go outside of our marriage to find her sanity and happiness**» (Marriage Builders' Discussion Forum).

Тип собеседника также является одним из ключевых факторов эвфемизации. Ср.: «When I confessed all to a priest, I used the words **unfaithful to my wife**. When I told her father, I said **my hands aren't clean**. I believe I told my parents **I have had some problems of my own with fidelity in the past**. When I told my son, I just said **I have made mistakes in the past and hurt your mother very much**» (Marriage Builders' Discussion Forum). Деликатность темы измены, боязнь неловким выражением усугубить эту деликатность, усилить напряженность побуждает говорящего избегать единиц, которые могут нанести ущерб адресату.

В основе эвфемизации может лежать также метонимический перенос: в семантический фокус попадает часть элементов ситуации – как онтологически релевантных, так и косвенно связанных с ситуацией, при этом смежные элементы вытесняются на задний план. Одной из ведущих эвфемистических стратегий следует признать метонимическую репрезентацию измены как ОТНОШЕНИЙ вообще: *consensual / inappropriate emotional / long-term relationship, liaison, connection / extramarital connection*. В данных выражениях также задействован метафорический концепт СВЯЗЬ, актуализирующий представление об измене в терминах объединения. Ср.: «I did have an opportunity before I engaged in my first **extramarital relationship**. But we didn't go through with it because we were both held up in the same morality, I think, religiously and psychologically» (L. Atwater. The **Extramarital Connection**); «I was going to say my ideal relationship is being a **consensual side piece** in an already established relationship but then I realized polyamory. I am describing polyamory» (Lo. Twitter); «Jain Lees-Galloway has been "dismissed" by the

Prime Minister having had an inappropriate relationship with a former staffer in one of his agencies <...> If everyone who entered Parliament who had an extramarital relationship was fired, there'd be a few gone!» (Maiki Sherman – Hue. Twitter).

Как отмечает J. Ayto в своей книге «Wobbly bits and other euphemisms», лексема *liaison*, заимствованная из французского языка, еще в XIX веке использовалась для эвфемистической репрезентации любовных отношений: «the use of French *liaison* for 'love affair' dates from the early 19th century (Lord Byron again being apparently instrumental in its introduction)» [15. P. 116].

Эвфемистическая стратегия в таком случае заключается в смещении фокуса с признака «sex between a married person and someone he / she is not married to» на представление об отношениях вообще. Данные эвфемистические выражения профилируют идею легальности поступка, выступают в языке в функции «законного» прикрытия для «незаконных» отношений.

Обобщенное представление об измене как об отношениях между людьми может конкретизироваться как представление об 1) отношениях романтических: *amour, free love, romance, admirer* – подобный ракурс видения измены профилирует идеи естественности и непредвзятости общения между людьми, связанными сильным чувством; 2) отношениях дружеских: *friend, girlfriend, inappropriate friendship, man friend, woman friend, more than a (good) friend* – образ дружбы позволяет подчеркнуть «нефизический», платонический характер номинируемых отношений, душевную близость между людьми. Ср.: «*Donna was a bad friend to Jackie. She praised feminism but didn't tell Jackie that Kelso was cheating on her and when Hyde cheated on her, she was so quick to convince Jackie to take him back. To me it seemed like she liked being one of the guys more than a good friend to Jackie*» (Daisy Pinos. Twitter); «*Happened to friend of mine who found her wife was cheating. She was told she could cite only an "inappropriate friendship"*» (Sue Alexander. Twitter); «*I'm a poly person, and this story reeks of toxic behavior masked as free-love. "People don't belong to each other" is not an excuse for cheating and abandoning your family*» (El. Twitter).

Идея законности акцентирована также в эвфемистическом выражении *open marriage* (ср. также с такими выражениями, как *consensual non-monogamy, polyamory, polyamorous marriage, left-handed marriage*), которое эксплицирует идею о допустимости сексуальных связей с другими людьми, таким образом выводя измену из категории отрицательно оценочных поступков. Изменник, при этом, наделяется такими положительно оценочными характеристиками, как терпимость, открытость, мудрость. Ср.: «*open marriage – a marriage in which the partners are free to pursue their own social and sexual lives*» [13]; «*He told me he has a wife and that they engage in "kitchen-table polyamory – a term I've never heard before <...> But after we met, it became pretty clear he is cheating on his wife – asking me not to wear perfume or scented products, telling me he could meet for an hour and a half.*

A lying cheater, right?» (Stoya. I suspect the “poly” married guy I’m sleeping with is just a cheater); «*A left-handed marriage is an adulterous sexual liaison, a left-handed honeymoon is one with someone else’s husband. A left-handed wife is actually a mistress*» (The Village Celeb. Twitter).

Одним из видов метонимической эвфемии является литота, недосказанность, смягчение (understatement) [21; 22]. Разновидность данного типа смягчающих выражений представляют собой эвфемизмы, образованные посредством номинаций «от противоположного»: *faithlessness, disloyalty, indiscretions, to be disloyal / faithless / unfaithful / untrue*. Приставка / суффикс берут на себя эвфемистическую нагрузку, смещая акцент с табуированного понятия, выражаемого словообразовательной основой. Эвфемизмы, образованные от соответствующих антонимов, основанные на отрицании противоположного, выражают «сдержанное порицание» для отрицательно оцениваемых свойств [23. С. 312]. Например, «*Oh, I have an update on her rumoured indiscretion. It's with a foreigner, because she feels that doesn't count*» (The Durrells movie, Season 4); «*Leaving your job is a necessary consequence of your disloyalty*» (Jo Abe. Wife who cheated on her husband with work colleague asks for advice).

Стремление скрыть смысл явления «измена» с помощью преуменьшения просматривается в таких обозначениях, как *fling*: «*fling – 1. short period of enjoyment, especially the last one that you will get an opportunity to have; 2. if two people have a fling, they have a brief sexual relationship*»; *lapse*: «*lapse – a moment or instance of bad behaviour by someone who usually behaves well*» [13], *a bit on the side*. Данные единицы «смягчают» порочную суть измены за счет акцентирования мимолетности (short period, brief, instance), незначительности (a bit) происходящего. Таким образом, происходит некоторый сдвиг по оценочной шкале: измена представляется как нечто эпизодическое, как однократное событие, которое не получит продолжения. Ср.: «*A couple of lapses in behavior, if they are unwitting, cannot be called adultery*» (The Times of India. Few unwitting lapses not adultery); «*When we call 'adultery' an 'affair', we are saying that this is just a fling, a light thing. It is not as if I'll be unfair forever*» (Dennis Sy. Twitter).

Лексема *fling* обладает эвфемистическим потенциалом также благодаря еще одному значению, а именно «to throw forcefully or casually» [13], букв.: швырнуть, кинуть как попало, небрежно. Данный признак позволяет профилировать идею непреднамеренности, случайности измены: «*Just as adultery was rebranded; Adultery – unfaithfulness – an affair – a fling. Fling is very casual, when you fling something, you don't even look where it lands*» (Lurid Ape. Twitter).

Отметим, что лексема *fling* может использоваться как применительно к отношениям свободных людей, и тогда речь не идет о измене: «*Every time I've tried to have a fling, the guy ends up wanting to marry me*» (Melissa. Twitter), так и в контекстах, описывающих измену, – в таких высказываниях данная единица эксплицирует идею незначительности, мимолетности

произошедшего: «*In surveys 43% of all Germans state that for them a **fling** is sufficient reason to terminate even a longstanding relationship. And almost two thirds consider it to be the beginning of the end when a partner cheats*» (F. Heyne. Will a fling kill your relationship?).

Выражения *minor relationship*, *one-night stand*, в основе которых также лежит метонимический перенос, проводят грань между разовой изменой и изменой, растянутой во времени (аналогичную функцию может выполнять эвфемизм *affair*): «*Ok a **one night stand** and some phone calls may not meet the definition of an **affair**. It does however meet the definition of **adultery***» (Jim Hess. Twitter); «*I think Stormy knew she had to own up to at least one episode of **adultery**. If it was only once, it was actually just 'a **one night stand**'...*» (Kim Bradbury. Twitter); «*Well, it wasn't a 'one night stand' was it? Apparently it was a 'minor relationship'. I think they both count as **adultery***» (Paul Mac. Twitter); «*Splitting hair over the use of the phrase 'having an affair' (which suggests multiple contacts) and having a **one night stand** (which is what S.D says happened) is a foolish distinction. He's been **unfaithful** – period. Melania is not that stupid. This **adultery** was not the first*» (Truth&Justice. Twitter); «*Treasonous Strzok had an ongoing affair while influencing 2 other biggest investigations in FBI history. Trump had a **one night stand** before taking office. Both are bad but they are on different levels of adultery*» (Goose. Twitter).

Следующий когнитивный процесс, лежащий в основе эвфемии и эксплуатирующий механизм дефокусирования, – метафорический перенос. Говорящий неосознанно или осознанно сдвигает фокус ровно настолько, насколько ему представляется необходимым для решения той или иной прагматической задачи. Для иллюстрации приведем лексему *adventure*, которая употребляется в метафорическом значении «a sexual relationship with other than your regular partner» [14. P. 5]. Например, «*According to studies, at one time or the other, 50% of all long-term relationships are subject to adultery. <...> Men enjoy boasting with their **adventures** while females keep their mouth shut and indulge in silence*» (F. Heyne. Will a fling kill your relationship?). В случае с данной единицей развитие метафорического значения осуществляется по направлениям ПОСТУПОК как ПРОИСШЕСТВИЕ; МЕНТАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ как ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ. В результате измена сравнивается с неожиданным, захватывающим случаем, нередко связанным с риском, агент которого наделен такими положительнооценочными характеристиками, как смелость, сила, стремление открывать новое. Эвфемизация происходит благодаря тому, что при семантическом переносе связь со значением «an unusual, exciting, and possibly dangerous activity, or the excitement produced by such an activity» [13] у лексики *adventure* сохраняется, поскольку прямое значение данной лексики является наиболее частотным. Таким образом, положительная ассоциация нейтрализует отрицательную оценку измены.

Высокой маскировочной способностью обладают эвфемистические единицы, имеющие в основе своей семантики действие метафорического концепта РАЗВЛЕЧЕНИЕ / ОТДЫХ, актуализирующего пред-

ставление об измене как о приятном времяпрепровождении: *extramarital excursion*, *jolly*, *straycation* (от *straying* + *vacation*). В данном случае мы также имеем дело со смещением фокуса денотата, сопровождающегося изменением коннотации: на передний план выводятся положительнооценочные признаки, такие как *exciting*, *unusual*, *pleasant*, *enjoyable*, *interesting*, *cheerful*, *lively*, *relaxing*. Ср.: «*And this is the same GOP that derided Hillary for staying with Bill after his **extramarital excursion***» (George-Dudley says. Twitter); «*Kristen was fired from Pump Rules, along with Stassi Schroeder. They filed a false police report against the chick Jax Taylor used as a **straycation** from Brittany Cartwright*» (Allisun. Kristen Doute Wants Vanderpump Rules to be Canceled So She can do a New Show with her Friends).

Положительные ассоциации вызывает также эвфемистическое выражение *left-handed honeymoon*, содержащее существительное *honeymoon*, которое высвечивает в первичном фокусе каникулы / приятную поездку с любимым человеком, при этом прилагательное *left-handed* оставляет доступными нашему сознанию негативные свойства обозначаемого явления. Ср.: «*Here's the bloke David, who had a **left-handed honeymoon** with a stunner called Bathsheba and bought her husband a one-way ticket for the Gravesend bus*» (Stephen Guthrie. Twitter).

Метафорический концепт СПОРТ также играет важную роль в репрезентации измены: *to play away / around / away from home*, *player*, *to play the field*, *to hike the Appalachian trail*. Функцию ведущего концептуального фокуса в задействованном образе выполняет идея заполнения досуга, которая в некоторой степени коррелирует с представлением об измене как о развлечении. Ср.: «*Henry VIII beheaded one of his wives for **cheating** on him. Men could **play around** because it didn't undermine their authority but there was nothing resembling free love because women could not **play around***» (Fritz Zennist. Twitter). Прямое значение идиом *to play away / away from home* – играть на чужом поле: «to play away – when a sports team plays away, it plays at an opponent's ground» [13]; «*Tudge broke a commandment shalt not commit adultery. Also criminal behavior. Pastor Morrison said its ok **to have a wandering eye and play away from home***» (Robert. Twitter).

Источником выражения *to play the field* является терминология конного спорта: *to play the field* – букв. ставить на несколько лошадей в одной гонке. В контексте межличностных отношений данное выражение обозначает «иметь множество романтических связей одновременно»: «to date more than one person during the same period of time» [13]. Ср.: «*Some of McCain's acquaintances are less forgiving, however. They portray the politician as a self-centred womanizer who effectively abandoned his crippled wife to 'play the field'*» (The other woman. The Economist).

Интересна история возникновения эвфемизма *to hike the Appalachian trail*. Выражение появилось в результате таинственного исчезновения губернатора американского штата Южная Каролина Марка Сэнфорда. В 2009 г. он на несколько дней пропал из поля

зрения своей семьи и коллег. Ранее он сообщил своим помощникам, что отправляется в горы Аппалачи, чтобы заняться хайкинг. Позже губернатор выступил с речью, в которой признался, что все это время он находился со своей любовницей в Аргентине. Данное выражение так полюбили американцам, что они до сих пор используют его в ироническом ключе как эвфемистическое обозначение измены.

Эвфемистический потенциал данные выражения приобретают за счет актуализации идеи непредосудительности и естественности номинируемого поступка.

Выражения *to chase / to chase tail, to go with, to go outside marriage, to run around on someone, to stray, to wander, to step out on* имеют в основе своей семантики действие метафорического концепта ДВИЖЕНИЕ, выводя в фокус внимания разные его аспекты. В выражении *to go with*, за счет способности глагола *to go* наполняться разным содержанием в зависимости от ситуации, максимально «затемнена» идея противозаконности поступка «измена». Глагол *to go* в сочетании с предлогом *out* в выражении *to go outside marriage* создает концептуальный образ, который призван имплицировать идею выхода откуда-либо: брак представляется в образе здания / строения: «*Research identifies 5 main factors which lead people to go outside their marriages*» (Grant Hilary Brenner. Can infidelity support marriage and increase happiness?). Признак «деятельность вне дома» также выдвигается на первый план в выражениях с общей семантикой *to get someone on the side, to have it away, to step out on*. Ср.: «*It is not a girl you marry. It is a girl you have on the side, Joel*» (The Wonderful Missis Meisel. TV series); «*Maybe before we step out it's a good idea to revisit some of the reasons we dedicated our lives to our spouse instead of why want to step out on them. Choose wisely my friends*» (Troy Spry. Stepping out of your marriage: 6 reasons you may want to reconsider).

В единицах *to chase / to chase tail, to run around on someone* с помощью метафорического концепта ДВИЖЕНИЕ в фокус внимания выводится активная позиция агентивного участника ситуации «измена», а также склонность к такому поведению: «*if you chase someone, you run after them or follow them quickly in order to catch or reach them*» – в фокусе внимания лексемы *to chase* находится потенциальный контрагент поступка, на который нацелены действия агента поступка; «*to chase tail – to pursue women looking for sex*» – в данном случае осуществляется метонимическая репрезентация измены: потенциальный контрагент поступка обозначается через единицу *tail* (аналогично *skirt-chaser, бегать за юбками*) – данное выражение в большей степени обозначает склонность мужчины к ветреному поведению и в некоторых контекстах может актуализировать измену; «*to run – when you run you move more quickly than when you walk; to run around on – to be sexually unfaithful; cheat*» [13] – с помощью данного выражения актуализируется и агент поступка, изменник, и тот, кому изменяют. Ср.: «*You seem to forget this guy was an aviator and they all have a bad reputation for chasing tail. Chasing tail is one thing. Chasing around married women is quite another*» (Major dismissed for affair with deployed soldier's wife gains

sentence review. Military); «*When he came home and saw that Carol was not the beauty he left behind, he started running around on her almost right away. Everybody around him knew it*» (The wife US Republican John McCain callously left behind. Mail online).

Глаголы *to stray, to wander* обозначают бесцельное движение, блуждание. Способность данных единиц обозначать ситуацию измены обеспечивает сема «отдаляться от места, где ты должен находиться», т.е. от дома: «*if someone strays somewhere, they wander away from where they are supposed to be*»; «*if a person or animal wanders from a place where they are supposed to stay, they move away from the place without going in a particular direction*» [13]. Эвфемизация достигается за счет внешнего эффекта удаленности эвфемистической единицы от своего референта, что позволяет затемнить табуируемые свойства явления (измены). Ср.: «*Here are my top five tips to stop your husband straying: be aware of any changing dynamics in the relationship and make sure communication channels are open*» (The blog by Rebecca Dakin); «*Now, I know my parents know that he was to blame as well <...> The fact is they just see no reason ever to get a divorce. Hence I needed to suck it up. Men wander. And believing that men wander (as my parents implied) or are always cheaters (as my friend said) is very sexist*» (Anonymous. Six things I learned when my husband had an affair).

В одном ряду с эвфемизмами *to stray, to wander* следует рассмотреть единицу *errant (errant husband / wife / partner)*. Данная единица обладает значительным эвфемистическим потенциалом, во-первых, благодаря своей широкой семантике, во-вторых, благодаря метафорическому концепту ДВИЖЕНИЕ, который профилирует идею заблудшего, сбившегося с пути человека. Ср.: «*errant – 1. behaving badly: errant child; 2. straying outside the proper path or bound: errant calf*» [13]. Как показывают речевые данные, данный эвфемизм характеризуется высокой употребительностью в настоящее время: «*Like trusting an errant partner who says they will reform. Fool me twice*» (La Reine des Metaphores. Twitter); «*It rarely works out for the abused spouse who chooses to stay. In fact, often it's only leaving that can be a catalyst for change in the errant partner, if anything is*» (Mo. Twitter); «*All my sympathies are with you. Unfortunately, I have no power to punish or reform such errant husbands*» (Sushma Swaraj. Twitter).

Переменчивость, неспособность оставаться на одном месте, как ключевые свойства характера агента измены, актуализированы также в метафорических выражениях *to have a roving eye, to have itchy feet*: «*if you have itchy feet, you have a strong desire to leave a place and to travel*» [13]. В основе семантики лексемы *roving* лежит идея мобильности, что также связано с концептом ДВИЖЕНИЕ: «*roving – capable of being shifted from place to place*» [13].

Оба выражения могут метафорически описывать человека, который всегда находится в поиске новых «романтических» отношений, т.е. склонен к совершению измены. Для выражения *to have a roving eye* данное значение фиксируется современными словарями: «*if you say that someone has a roving eye, you are*

criticizing them for continually looking to start new sexual relationship» [13]; «*He also happens to have a roving eye. Four wives and numerous girlfriends aside, he still is very eloquent and charming*» (Kashmiri. Twitter); «*So for a 'long and happy' marriage, the man may have a roving eye, while the woman turns a blind one*» (Jane Bramley. Twitter).

Выражение *to have itchy feet* более частотно в контекстах, описывающих неудержимое желание отправиться в путешествие, развлечься, при этом оно может эвфемистически репрезентировать легкомысленное настроение партнера в отношении противоположного пола. Ср.: «*Ohh this is giving me itchy feet, can't wait to travel again. We have Madeira and Barbados booked*» (Nicola Gunn. Twitter); «*I seriously think the seven year itch exists as I am there again and feel itchy feet again*» (Stewart Bailey. Twitter).

В определенной степени концепт ДВИЖЕНИЕ задействован и в выражениях *to creep around, to sneak around, to sneak off with another woman*. Ср.: «*to creep – move quietly and slowly*»; «*to sneak – go quietly on foot, trying to avoid being seen or hear*» [13]. Однако метафорический перенос в данных эвфемистических единицах, а также в единице *assignation* осуществляется на основе акцентирования признака «действовать секретно», который содержится в семантике данных единиц: «*to sneak – to go somewhere secretly, or to take someone or something somewhere secretly*»; «*to creep – to move slowly, quietly, and carefully, usually in order to avoid being noticed*»; «*assignation – a meeting that is secret or not allowed, especially one between two people having a romantic relationship*» [13]. Признак секретности придает обозначаемым действиям оценочный характер, который явно прочитывается в контекстах с данными единицами, при этом высвечиваемая оценка не доходит до ее крайней отрицательной точки, как это происходит в прямых номинациях измены: «*If your wife loved you, she would prove it by doing everything in her power to help you through the rough periods, including finding a job to help with the bills, not sneaking around with other men*» (The Alliance review); «*Rey Jakku has had an assignation with a mystery lover every second Friday night*» (Queen Vixen. Twitter); «*The lovers are back for another assignation! Both cars parked up, they meet in one car... oh it's so cute (who is cheating on who I wonder?)*» (Dr Dee. Twitter).

Эвфемистические обозначения измены могут представляться через метафорический концепт СОН: *to sleep around, to sleep on the other side of the bed, to sleep over*. Например, «*In this situation, you have to decide if it is worth staying with your husband or not. If you're not okay with him sleeping over, then you need to tell him that and if it continues then it's best to leave*» (Samantha Palmer. What do I do? My husband has been sleeping with other women for about 13 years. Quora forum). Данный физиологический образ призван подчеркивать естественность и, в какой-то степени, необходимость актуализируемого поступка, образ сна акцентирует также пространственную близость между участниками ситуации.

Достаточно высокой активностью характеризуется метафорический концепт ЗАГРЯЗНЕНИЕ. Ср.: *to*

mess, to mess around. Данный образ, являющийся достаточно сложным в концептуальном плане, призван фокусировать идеи порочности и безнравственности поступка. Ср.: «*Should a married woman confront the woman she heard was messing around with her husband, or is this a conversation she should have only with her husband?*» (Quora forum).

Метафорический концепт ВРЕМЯ прослеживается в эвфемистической единице *two-time*: «*to deceive someone, esp. a lover, by carrying on a relationship with another*» [13]. Базовой идеей в данном случае, вероятно, является идея отношений с разными партнерами в одно и то же время: «*Liaison, falseness, two-timing, hanky-panky, cheating doesn't start from 'hi'. It starts from the mind*» (Gedson. Twitter); «*Wait!!! Does Rosie know he is two-timing her?*» (Douglas B. Rogers. Twitter).

Таким образом, как показало проведенное исследование, выделяется достаточно обширная группа эвфемистических единиц, которые косвенно репрезентируют разные аспекты поступка «измена». Фрейм поступка «измена» актуализирован в английской лингвокультуре семью слотами: «Агент поступка, его свойства», «Действие как проявление поступка», «Контрагент поступка», «Пациент поступка», «Оценка поступка, агента поступка», «Мотив поступка», «Место поступка», из которых в большей степени эвфемистически репрезентирован слот «Действие как проявление поступка».

Детальную лексикализацию измены можно объяснить разными факторами. Во-первых, речевое поведение англичан отличается сдержанностью в проявлении эмоций, тактичностью, тщательным подбором языкового материала в процессе формирования высказывания [24]. Это обуславливает использование эвфемизмов при необходимости завуалировать социально неприемлемое. Важен также тезис о том, что означиванию подвергаются не только и не столько сами предметы и явления, сколько наше отношение к ним [25. С. 24]. Эвфемизмы, обозначающие измену, призваны отразить не только мельчайшие детали данного табуированного явления, но и непростое и зачастую противоречивое отношение людей к нему. Так, избыточная лексикализация измены в английском языке, которая проявляется как в общем количестве выделенных эвфемизмов, так и в числе актуализированных элементов данной ситуации, свидетельствует о сложном отношении представителей данного языкового сообщества к этому явлению.

В речевой ситуации носитель языка, имеющий определенные прагматические задачи (рассказать об измене вообще, рассказать о своей измене, рассказать об измене третьего лица и т.д.), выбирает ту фокусную идею, которая соответствует его мотивам и определяет выбор конкретных метафорических или метонимических концептов из всех имеющихся в его арсенале.

В проанализированной области большинство фокусных идей носят достаточно обобщенный характер (измена – обман / грех / проделки / шалость); некоторые идеи «понижают» измену до незначительного эпизода (измена – мимолетное увлечение / роман на одну ночь); некоторые – «повышают» измену до

уровня отношений (измена – любовная связь / романтические отношения / брак на стороне); другие идеи представляют собой положительные понятия (измена – приключение / каникулы / развлечение / фантазия), что обеспечивает лексемам высокий эвфемистический потенциал.

Наиболее активным в рассматриваемой области следует признать метафорический концепт ДВИЖЕНИЕ, позволяющий выделить разные аспекты

ситуации поступка «измена»: активную позицию агента поступка, наиболее характерные для него свойства, идею удаления от дома, секретность совершаемого поступка и др. Менее активным в рамках данной области является метафорический концепт ЗАГРЯЗНЕНИЕ, что можно объяснить ключевой задачей эвфемизации, которая заключается в акцентировании положительных сторон отрицательных явлений, к которым, вне всякого сомнения, относится измена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ларин Б.А. Об эвфемизмах // Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова. 1961. Вып. 60. С. 110–124.
2. Lakoff R. You are what you say // Mind Speaks to Mind. Washington : USIA, 1994.
3. Neaman J.C., Silver C.G. The Wordsworth Book of Euphemisms : The Hilarious Guide to the Unmentionable. London : Cumberland House, 1995.
4. Matthews P.H. Euphemism // The Concise Oxford Dictionary of Linguistics. Oxford : Oxford University Press, 1997.
5. Шмелев Д.Н. Эвфемизм // Русский язык. Энциклопедия. М. : Сов. энциклопедия, 1979.
6. Арапова Н.С. Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1990.
7. Гилинский Я. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения. СПб. : Питер, 1993.
8. Торопцева Е.Н. Эвфемистические наименования в аспектах языка, истории, культуры : дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
9. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М. : КомКнига, 2006.
10. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М. : Языки славянской культуры, 2014.
11. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия. Л. : Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена, 1988.
12. Бушуева Л.А. Фреймовая модель и прототипические значения категории «неразумный поступок» (на материале русского языка) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 5–12.
13. Collins online dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary> (дата обращения: 27.01.2021).
14. Holder R.W. How not to say what you mean. A dictionary of euphemisms. Oxford : Oxford university press, 2002.
15. Ayto J. Wobbly bits and other euphemisms. London : A&C Black, 2007.
16. British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 21.01.2021).
17. Google. URL: <http://www.google.com/> (дата обращения: 20.02.21).
18. Twitter. URL: <https://twitter.com/> (дата обращения: 21.01.2021).
19. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М. : Едиториал УРСС, 2003.
20. Кашкин Е.В., Ляшевская О.Н. Семантические роли и сеть конструкций в системе FrameBank // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М. : Изд-во РГТУ, 2013. Вып. 12 (19). С. 325–343.
21. Locher M. Power and Politeness in Action: Disagreement in Oral Communication. Berlin : Mouton de Gruyter, 2004.
22. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Языки славянских культур, 2009.
23. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. 2-е изд. М. : ЯРК, 1995.
24. Тырникова Н.Г. Общее и специфическое национальное в речевом этикете (на материале русского и английского языков) : автореферат дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003.
25. Порохницкая Л.В. Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, немецкого, французского, испанского, итальянского языков) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 28 февраля 2021 г.

Euphemistic Representations of the Act of Adultery in English Linguaculture

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 5–14.

DOI: 10.17223/15617793/467/1

Lyudmila A. Bushuyeva, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: sebeleva@yandex.ru

Keywords: act; adultery; frame; euphemism; stigma; generalization; metaphor; metonymy.

The aim of this article is to investigate euphemisms underlying the act of adultery in English. The research objectives are to build a frame model of the act of adultery, to define the components of this model which emphasize different aspects of this situation, to analyze which components are represented by a larger number of euphemisms, and to figure out the most popular devices that are used in the creation of euphemisms of adultery. The sources of the material are English dictionaries of euphemisms, modern texts of the British National Corpus, Google, messages from the Twitter social networking service (in general about 5,000 texts with 127 lexemes that represent the situation of adultery). In the furtherance of the goals, the following methods are applied: the method of continuous sampling, the analysis of the semantics of the lexemes, contextual analysis, quantitative analysis, frame-based analysis. A frame is considered to be one of the means of structuring knowledge and experiences. By means of vocabulary research, euphemisms which are used to denote the situation of adultery are identified. These words are thoroughly analyzed in terms of their semantic peculiarities, their functioning in the modern English discourse, which helps to design a frame-model of the situation the lexemes represent and define its basic elements which are “agent of adultery”, “counter-agent of adultery”, “patient of adultery”, “action behind adultery”, “aim of adultery”, “valuation of adultery”, “location of adultery”. The quantitative analysis specifies the core of the frame and helps to find less significant elements within the frame. The most popular devices employed to disguise the act of adultery are determined. They are generalization, the use of terms, metonymy, understatement, metaphor. Terms of high generality, although having negative meaning, are used in order to blanket the sensitive topic of adultery and make it difficult to understand it out of context. The use of religious and law terms is a way to hide the immoral act behind an obscure word. Metonymy, defusing a strong statement about the act by emphasizing some of its elements, shifts attention from the negative side of the act. Understatement helps to make the situation of adultery seem less indecent than it really is. Metaphoric euphemisms that represent the situation of adultery are aimed at making a more positive impression when talking about adultery.

REFERENCES

1. Larin, B.A. (1961) Ob evfemizмах [On euphemisms]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.A. Zhdanova*. 60. pp. 110–124.
2. Lakoff, R. (1994) You are what you say. In: *Mind Speaks to Mind*. Washington: USIA.
3. Neaman, J.C. & Silver, C.G. (1995) *The Wordsworth Book of Euphemisms: The Hilarious Guide to the Unmentionable*. London: Cumberland House.
4. Matthews, P.H. (1997) Euphemism. In: *The Concise Oxford Dictionary of Linguistics*. Oxford: Oxford University Press.
5. Shmelev, D.N. (1979) Evfemizizm [Euphemisms]. In: Filin, F.P. (ed.) *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* [Russian Language. Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
6. Arapova, N.S. (1990) Yvfemizmy [Euphemisms]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
7. Gilinskiy, Ya.I. (1993) *Sotsiologiya deviantnogo (otklonyayushchegosya) povedeniya* [Sociology of Deviant Behavior]. Saint Petersburg: Piter.
8. Toroptseva, E.N. (2003) *Evfemisticheskie naimenovaniya v aspektakh yazyka, istorii, kul'tury* [Euphemistic names in aspects of language, history, culture]. Philology Cand. Diss. Moscow.
9. Shmelev, D.N. (2006) *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of Semantic Analysis of Vocabulary]. Moscow: KomKniga.
10. Iriskhanova, O.K. (2014) *Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya* [Focus Games in Language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
11. Katsev, A.M. (1988) *Yazykovoe tabu i evfemiya* [Linguistic Taboo and Euphemy]. Leningrad: Herzen Leningrad State Pedagogical University.
12. Bushueva, L.A. (2018) Frame model and prototypical meanings of the category “unwise act” (in the Russian language). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 434. pp. 5–12. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/434/1
13. *Collins Online Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary>. (Accessed: 27.01.21).
14. Holder, R.W. (2002) *How Not to Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms*. Oxford: Oxford University Press.
15. Ayto, J. (2007) *Wobbly Bits and Other Euphemisms*. London: A&C Black.
16. *British National Corpus*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/bnc/>. (Accessed: 21.01.21).
17. *Google*. (n.d.) [Online] Available from: <http://www.google.com/>. (Accessed: 20.02.21).
18. *Twitter*. (n.d.) [Online] Available from: <https://twitter.com/>. (Accessed: 21.01.21).
19. Baranov, A.N. (2003) *Vvedenie v prikladnyuyu lingvistiku* [Introduction to Applied Linguistics]. Moscow: Editorial URSS.
20. Kashkin, E.V. & Lyashevskaya, O.N. (2013) [Semantic roles and construction net in Russian FrameBank]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies]. Proceedings of the International Conference “Dialog” [Dialogue]. Vol. 12 (19). Bekasovo. 29 May – 2 June 2013. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 325–343. (In Russian).
21. Locher, M. (2004) *Power and Politeness in Action: Disagreement in Oral Communication*. Berlin: Mouton de Gruyter.
22. Larina, T.V. (2009) *Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikatsii: Sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsiy* [Category of Politeness and Communication Style: Comparison of English and Russian linguocultural traditions]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
23. Apresyan, Yu.D. (1995) *Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical Semantics: Synonymous language means]. 2nd ed. Moscow: YaRK.
24. Tyrnikova, N.G. (2003) *Obshchee i spetsificheski natsional'noe v rechevom etikete (na materiale russkogo i angliyskogo yaz)* [General and specifically national in speech etiquette (based on the Russian and English languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.
25. Porokhnitskaya, L.V. (2014) *Kontseptual'nye osnovaniya evfemii v yazyke (na materiale angliyskogo, nemetskogo, frantsuzskogo, ispanskogo, ital'yanskogo yazykov)* [Conceptual foundations of euphemia in language (based on the material of English, German, French, Spanish, Italian)]. Philology Dr. Diss. Moscow.

Received: 28 February 2021

В.Б. Зусева-Озкан

ВАЛЬКИРИЧЕСКИЙ МИФ В ТВОРЧЕСТВЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100) в ИМЛИ РАН.

Исследуется сюжетно-мотивный комплекс, связанный с фигурой валькирии, в частности Брунгильды, во всем корпусе произведений Андрея Белого. Выявляются источники, устанавливается своеобразие креативной рецепции Белым валькирического мифа. Продемонстрированы константные ее черты: контаминация двух подвигов Зигфрида – пробуждения валькирии и победы над Фафниром, а также выдвижение на первый план пары Брунгильда и Дракон (враги) – в противовес традиционной паре Брунгильда и Зигфрид (возлюбленные).

Ключевые слова: валькирия; Брунгильда; Зигфрид; А. Белый; Р. Вагнер; Г. Ибсен; А. Блок; воительница; Апокалипсис; гендер.

Источники валькирического мифа в литературе Серебряного века и у Андрея Белого

Данная статья посвящена практически не исследованному аспекту творчества Андрея Белого, который, тем не менее, связан с принципиальными для этого писателя темами и мотивами и имеет непосредственное отношение к его мистическим построениям. Речь идет о так называемом «валькирическом мифе» – сюжетно-мотивном комплексе, связанном с мифологической фигурой валькирии, который чрезвычайно своеобразно преломился в текстах Белого.

Фигура валькирии часто появляется в литературе русского модернизма – например, у В. Брюсова, К. Бальмонта, А. Блока, Н. Гумилева, Б. Лившица, Е. Замятина, М. Цветаевой и др., на что в большой степени повлиял культ Р. Вагнера и его «тетралогии кольца», хотя и «эддические» сказания, и «Песнь о Нибелунгах», и исландская «Сага о Вёльсунгах» были известны – в переводах отдельных фрагментов и в переложениях, а также из хрестоматий по западноевропейской средневековой литературе. Так, в «Очерках из истории средневековой литературы» А.И. Кирпичникова [1] и во «Всеобщей истории литературы» под его же редакцией [2] содержится пересказ памятников «Эдды» и немецкого эпоса о Нибелунгах. В 1897 г. в серии «Русская классная библиотека» под редакцией А.Н. Чудинова вышла «Старшая Эдда (Семунда Мудрого): сборник мифологических, гномических и эпических песен в переводах русских писателей» [3], а еще в 1875 г. Чудиновым были изданы «Образцовые произведения скандинавской поэзии в переводах русских писателей» [4]. Важным источником являлась трехтомная хрестоматия «Западноевропейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращенных переводах с подлинных текстов О. Петерсон и Е. Балобановой» [5].

Андрей Белый, несомненно, примыкал к тем авторам, кто воспринял этот образ, и прежде всего историю валькирии Брюнхильд, в первую очередь через Вагнера, но другим важнейшим источником его креативной рецепции было творчество А. Блока, для которого история Зигфрида и Брунгильды была парадигматической (как вариант константной коллизии «любить Ее на небе / И изменить ей на земле») [6–8].

Д.М. Магомедова писала о «феномене литературного двойничества» Андрея Белого и А. Блока: «Два по-настоящему крупных поэта в одно и то же время <...> проходят почти синхронно одни и те же параллельные этапы художественной эволюции, пользуясь одним и тем же <...> кругом мотивов, устойчивых символов и сюжетов. При этом наблюдается еще одна <...> закономерность: помимо общих символических источников (поэзия и философия Вл. Соловьева, Евангелие, поэзия Фета и др.), генератором мотивов и сюжетов, как правило, оказывается Андрей Белый; обратные случаи крайне редки...» [9. С. 137]. Валькирический миф тоже в основном разрабатывался Белым в творческом диалоге с Блоком.

Валькирия в лирике Белого

Исключением является первое явление валькирии у Белого, и единственное в его лирике, – в первом стихотворении двухчастного цикла «Поединок» (октябрь 1903 г.), посвященного Эллису и включенного в раздел «Образы» книги «Золото в лазури» (М.: Скорпион, 1904). В поединок бога Тора и «согбенного викинга» в последних шести строках врывается валькирия:

...И ухнул Тор громовым молотом,
по латам медным,
обсыпав шлем пернатый золотом
воздушно-бледным:

«Швырну расплавленные гири я
с туманных башен...»
Вот мчится в пламени валькирия.
Ей бой не страшен.

На бедрах острый меч нащупала.
С протяжным криком
помчалась с облачного купола,
сияя ликом. [10. Т. 1. С. 127–128]

Образ валькирии здесь вполне вписывается в «светоносную», «солнечно-лазурную» образную доминанту книги стихов, в ее мистическую утопию: как пишет А.В. Лавров, «пришедшие в стихи Бело-

го из древности и из архаических глубин сознания великаны, кентавры, гномы, боги скандинавского пантеона указуют на вечность, предстоят вестниками запредельного и вместе с тем медиаторами, помогающими постичь первозданную силу и красоту бытия» [11. С. 26]. Валькирия «мчится в пламени», с «облачного купола» и «сияет ликом». Одновременно возникают ассоциации с «поясом огня» вокруг спящей валькирии – в частности, у Вагнера. Здесь, однако – в отличие от более поздних и, несомненно, «блокоцентричных» обращений Белого к образу валькирии, – вряд ли возможно с уверенностью говорить о вагнерианской составляющей, хотя Белый к этому времени уже стал автором статьи «Формы искусства» (1902), где в том числе рассуждал о музыке Вагнера, и два сохранившихся автографа стихотворения имеют прямое отношение к двум главным вагнерианцам в жизни Белого – Э.К. Метнеру (РГБ. Ф. 167.1.30, датировка 29 декабря 1903; стихотворение переписано рукой Белого в письме Метнеру) и Блоку (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 2; датировка 7 февраля 1904; переписано рукой Блока). Примечательно, однако, что в этих автографах стихотворение представлено без последних двух строк, где и появляется валькирия. То же – в первой публикации (альманах «Гриф», 1904) и в вариантах стихотворения, опубликованном в книге «Стихотворения» (Берлин; Петроград; Москва : Изд-во З.И. Гржебина, 1923) и подготовленном для книги «Зовы времен. Первый том собрания стихов, отредактированный автором для посмертного двухтомного собрания стихотворений (1929–1931)» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 9). То есть валькирия здесь – декоративный образ, без которого вполне можно обойтись.

В «Собрании стихотворений» 1914 г. предпоследняя строфа выглядит иначе:

Вот что-то огненное бросится
В клоки тумана.
Вдали Валькирия пронесется
В клоках тумана. [10. Т. 1. С. 424]

Здесь валькирия тоже предстает как «что-то огненное», т.е. неизменно ассоциируется с темой огня. Одновременно отметим и «туманы» – А. Гозенпуд пишет о тумане и паре как необходимых элементах постановки тетралогии кольца: «Все четыре картины “Золота Рейна” исполнялись без перерыва, и пары, закрывавшие сцену, позволяли сменять декорации невидимо для зрителей. Пар окутывал подмостки и в финале “Валькирии” (заклинание огня), и в последней сцене “Гибели богов”» [12. С. 131]. Это – о Байрейте, но декорации и костюмы русской постановки, вся ее техническая сторона копировались с байрейтской¹. Сам Белый в книге «На рубеже двух столетий» вспоминал о химике Г.Д. Волконском: «В лаборатории он казался беспроким; но был очень “проким” в Большом театре, заведывая там пиротехническими фокус-покусами, – вроде творения “огней” при “Валькирии”, или устраивал пожары Вальгаллы; и, может быть, производил искусственный гром» [14. С. 402].

«Литературное двойничество» Белого и Блока. Валькирический миф в статьях о Г. Ибсене

В дальнейшем образ валькирии будет возникать у Белого среди образов и суждений, которые станут для него и Блока «общими». Очевидный пример такой общности являют собой статьи обоих поэтов об Ибсене: «Генрик Ибсен» (1906) Белого и «Генрих Ибсен» (1908) и «От Ибсена к Стриндбергу» (1912) Блока. Вот как заканчивает свою статью Белый: «Только три имени яркими звездами зажглись на небе XIX века: это были имена тех, которые первыми прозрели путь человечества, которые сказали нам о том, что весы судьбы опустились для нас, что нам остается или погибнуть, или стать героями. Ибсен, Ницше и Вагнер – вот наши храбрые викинги, единственные. <...> Мы должны идти за ним [Ибсеном], если мы хотим жизни, потому что потоп грозит нашему старому материку. Но если хотим мы жизни, мы должны ее добиться упорным боем. Мы должны стать героями.

Ибсен первый призвал нас на этот путь. <...> Обнажим головы и склонимся долу, когда солнечные валькирии понесут тело героя на белых воздушных конях в Вальгаллу» [15. С. 217–218].

Валькирии здесь тоже появляются лишь в финале как «коллективное множество» мифологических существ и исполняют традиционную роль «классических» валькирий: как пишет Н.Ю. Гвоздецкая, «принято выделять два пласта в развитии валькирического мифа: более древний, “архаический”, связанный с первобытными представлениями о “демонических существах женского пола, которые рыскали по полям сражений и кормились плотью и кровью павших” <...>, и более новый, “классический”, связанный с культом верховного бога Одина и его Вальгаллой, буквально “Палатами павших”, куда он приглашает на пир героев, погибших в битве» [16. С. 79]. Принципиально, что валькирии по-прежнему ассоциируются Белым со светлым полюсом: они «солнечные», они несутся на «белых воздушных конях», и им следует поклониться. Ибсен же *сравнивается с героическими викингами и чуть ли не с самим Зигфридом* (хотя, согласно «Эдде», Сигурд как раз оказался в мрачной Хель, поскольку был убит не в битве).

То же самое встречаем у Блока, но несколько позже: с Ибсеном «произошло решительно все, что должно произойти с героем, носителем мировой воли; но произошло не в дремучем лесу, не в молниях и радугах Вальгаллы, не в огненном кольце спящей Валькирии, дочери Хаоса...» («Генрих Ибсен») [17. Т. 5. С. 311]; «С Ибсеном произошло то же, что с Зигфридом; только не в дремучем лесу, не в молниях и радугах Вальгаллы, не в огненном кольце Валькирии...» («От Ибсена к Стриндбергу») [17. Т. 5. С. 456]. Речь также идет о *героизме Ибсена*, причем и здесь *смерть писателя уподобляется смерти легендарного героя*: «Так Зигфрид, понявший голос птицы, достигает вершины скалы, разрывает огненное кольцо и обретает свою любовь и гибель близ дочери Хаоса, которую он разбудил.

Страшен холод вершин. Что происходит на вершинах с теми, кто остается там один <...>?

Здесь я ставлю вопросительный знак: может быть, с этой минуты пути героя и человека расходятся: юноша Зигфрид вступает на свой последний, *ясный и крестный*, не омрачаемый даже изменой путь. Зрелый муж Ибсен вступает на путь, *который нам до сих пор непонятен* <...>; путь, может быть, *тоже ясный и крестный*» [17. Т. 5. С. 458].

Как и у Белого, *Ибсен сопоставляется* Блоком с Вагнером – и эксплицитно, и имплицитно, через описание ибсеновского жизненного и творческого пути посредством образов «Кольца». Отметим также *мотив скал и «холода вершин»* – но и его находим ранее у Белого: «На руках понесем тело угасшего героя. Обовьем его щит и меч сосновыми ветками. Там, на высокой горе, оставим его одного.

Белоглавая туча, проплывая, точно колесница, загрохочет по ясному небу. Это помчится с павшим траурный катафалк прямо в Валгаллу. Это пал герой, всю жизнь воевавший с чудовищами, чтобы освободить спящую красавицу – душу – от плена.

Человечество вступило на тернистый путь. Оно должно вырваться от низин к солнцу. <...> Над головой ледяной верх, многогребенный. Нет нам покою, нет нам свершения. Мы должны идти, все идти, если мы ставим цели себе и человечеству. Мы должны выдержать бой с химерами духа» [15. С. 216].

Здесь возникает целый ряд мотивов, которые у Блока и Белого связаны с образом *Брунгильды*, понимаемой как одно из воплощений *Души Мира* (здесь: «спящая красавица – душа», которую герой должен «освободить <...> от плена»). Отсюда – эсхатологический настрой статей об Ибсене. «Море огня» вокруг валькирии ассоциируется поэтами с огнем Рагнарёка, который, в свою очередь, понимается как Апокалипсис, а Брунгильда – «спящая красавица», таким образом, выступает как апокалиптическая «Жена, облеченная в Солнце». Ср. у Блока: «Немногие подозревают эту нашу грядущую Валгаллу – Сион». <...> Мы видим себя уже как бы на фоне зарева, <...> а под нами – громыхающая и огнедышащая гора, по которой за тучами пепла ползут, освобождаясь, ручьи раскаленной лавы» (1908 г.; «Стихия и культура») [17. Т. 5. С. 359]; «Гёте <...> будет наблюдать языки огня, которые начнут скоро струиться в этом храме на месте солнечных лучей; Гёте будет слушать музыку этого огня. Он <...> подает руку Рихарду Вагнеру, автору темы огней в “Валькирии” <...>. Вагнер <...> был вызывателем и заклинателем древнего хаоса. Ибсен уводит на опасные и острые скалы» («Крушение гуманизма») [17. Т. 6. С. 96, 109].

Белый опережает Блока: его статья об Ибсене написана раньше, однако система образов, запечатлевшаяся в ней, по нашему мнению, в большой мере восходит к Блоку, у которого к этому времени образ валькирии оказывается гораздо более «проработан» в лирике.

Эсхатологические мотивы: валькирия в статьях Белого и Блока 1905 г. Брунгильда и Дракон

Еще в 1905 г. – в период крайне тесного общения Белого и Блока, которое при этом уже вступило в фа-

зу кризиса и было осложнено подспудно зреющими противоречиями, – оба пишут статьи, в которых эсхатологические мотивы вновь ассоциируются с образом валькирии и в максимально отчетливом виде Брунгильда сопрягается с соловьевским образом Софии, Души Мира. Белый опять проговаривает это раньше Блока, в статье «Апокалипсис в русской поэзии», написанной в начале 1905 г.: «Соловьев пытался указать нам на благовидную личину лжи, накиннутую врагом на лик Той, Которая соединит разъединенные небо и землю наших душ в несказанное единство. Только заревые лепестки вечных роз могут утишить жгучесть адского пламени, лижущего теперь мир. Вечная Жена спасает в минуты смертельной опасности. Недаром вечно женственный образ Брунгильды опоясан огненной рекой. Недаром ее сторожит Фафнер, чудовищный дракон» [15. С. 481]. Блок же в августе 1905 г. пишет статью-рецензию «Н.М. Минский. Религия будущего (Философские разговоры). СПб., 1905», где тоже возникает *мотив пробуждения от сна и освобождения мировой души*: «Здесь лежит огненное кольцо с провалом в пустоту смертного сна Валькирии, и над этим провалом должен возникнуть Зигфрид, косматая юность, залог пробуждения от сна, восстания с ложа смерти...» [17. Т. 5. С. 597]. Статья заканчивается вполне эсхатологически: «Это – “глас хлада тонка”, женственно-нежный образ Духа Святого, возносящий горé, обещающий нам, что *времени больше не будет*» [17. Т. 5. С. 598].

Отметим следующую любопытную особенность рецепции вагнерианского мифа у Белого: по его мнению, Брунгильду «сторожит Фафнер, чудовищный дракон». Разумеется, и у Вагнера, и в тех источниках истории нибелунгов, которыми композитор пользовался («Старшая Эдда», «Сага о Вёльсунгах», «Песнь о Нибелунгах» и др.), *победа над Фафниром и пробуждение валькирии представляют собой два независимых друг от друга подвига Сигурда/Зигфрида*, и спящую Брунгильду хранит не дракон, а «море огня» вокруг ее утеса. Пожалуй, лишь в «Сказании о Роговом Зигфриде», которое было помещено во вполне доступной Белому книге – хрестоматии «Западноевропейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращенных переводах с подлинных текстов О. Петерсон и Е. Балобановой», Зигфрид действительно спасает от извергающего пламя дракона плененную в скалах девицу (Кримгильду) и увозит невесту, «а вместе с нею и сокровище Нибелунгов» [5. Т. 3. С. 318]. Более вероятно, однако, что дело здесь не в специфическом источнике, а в том, что историю Зигфрида и Брунгильды Белый видит сквозь призму сходных историй, чья суть в его глазах – *спасение Вечной Женственности*: историй Персея и Андромеды, св. Георгия и царевны. Сходный ряд выстраивает Блок в статье 1910 г. «Рыцарь-монах» (учитывая именование Брунгильды «дочерью Хаоса» в цитированной выше статье «Генрих Ибсен»): «...одно земное дело: дело освобождения пленной Царевны, Мировой Души, страстно тоскующей в объятиях Хаоса <...> Пожелаем друг другу, чтобы каждый из нас был верен древнему мифу о Персее и Андромеде; все мы, насколько хватит сил, должны принять участие в

освобождении плененной Хаосом Царевны – Мировой и своей души» [17. Т. 5. С. 451, 454].

Этот образ Брунгильды, которую стережет чудовищный дракон, оказывается очень устойчивым у Белого. В письме Белого Блоку, написанном не ранее 25 июля и не позднее 20 августа 1904 г., рассуждая об их общих духовных муках, он говорит: «На каменных утесах, среди пустырей, сидим друг перед другом с <...> уже радостной улыбкой: изорванное тело не болит, как бы в анестезии. <...> Милый, мы – тоже мученики, сжигаемые на кострах, пробегаем огневой пояс – борясь с драконом, там, за “кольцом огня” – спящая Брунгильда – “Невеста Иерусалим” – город Новый» [18. С. 172]. Здесь опять новые Зигфриды пробиваются к спящей Брунгильде, ассоциируемой с Мировой Душой и эсхатологическим образом «Нового Иерусалима», «невесты Агнца», «Жены, облеченной в Солнце», через пояс огня, одновременно борясь с драконом.

14 августа 1905 г. Белый пишет П. Флоренскому: «Приходилось много бороться с Химерами. Химера <...> многих людей для меня <...> занавешивала своей плененою, пока я не обратился от людей к Самой Химере, этому Дракону. Знаете ли, Павел Александрович, воистину Дракон близко. Часто мне он открывается как Фафнер, но Фафнер одна оболочка. Вот еще Он приблизится и станет не Фафнер, а Змий Древний. <...> Дракон гнездится всегда рядом с Брунгильдой. Иногда, высунув язык, он выползает из норы, чтобы коварной пастью своей словить Брунгильду. Но Брунгильда не Брунгильда. И Фафнер не Фафнер. Вот так и я: попал в какое-то опасное место между Фафнером и Брунгильдой; с места моего ничего не разберешь в пылу войны <...> попадаешь мечом в своих и чужих, <...> знаешь только, что надо не падать духом, а рубиться, рубиться без конца <...>» [19. С. 40]. Отметим здесь мотив «борьбы с химерами», имеющийся и в цитированной выше статье об Ибсене. Химера отождествляется с Драконом, Дракон – с Фафниром. Примечательно данное письмо и тем, что в этой системе символов Белый оказывается в позиции Зигфрида – позиции, не вполне для него «своей» (о чем подробнее мы скажем далее), а также выраженными здесь сомнениями, питавшимися сложными отношениями с Блоком и Любовью Дмитриевной Менделеевой-Блок.

Позднейшее объяснение этих отношений и символической системы, в которой они разворачивались, дано в «Воспоминаниях о Блоке» (1923), где Белый сближает Любовь Дмитриевну и Брунгильду в контексте идеи жизнотворчества. Он рассказывает о 1905 годе: «В то время Л.Д. увлекалась Вагнером; часто А.А. и Л.Д. посещали в те дни представленья “Кольца” <...>; звуки “Валькирии” пересекались со звуками, извлекаемыми меж нами; да, кто-то из нас был Вотаном; и кто-то, наверное, – Зигфридом; явно: в Л.Д. проявлялись отчетливо жесты Валькирии...» [20. С. 195]. Начало раздора между собой и Блоком Андрей Белый описывает так: «...издали, из молчания фехтовались друг с другом; “идеи”, которыми жили, казались Брунгильдой, похищенной темным Драконом; хотелось Дракона убить.

Очень помнится мне, что в то именно время Л.Д. показала рукой картину, повешенную на стене, изображавшую привязанную Брунгильду; у ног же ее извивался Дракон.

И сказала она:

– Освободите Брунгильду!

Я понял, что нас призывает она на последний, решительный бой:

– Что такое Дракон?

Он есть демон уныния, косности, разочарованной лени; он – дух буржуазности, жизнь без подвига; и – выходило: А.А., унывающий и угрюмо сидящий часами на кочках, – причина победы Дракона...» [20. С. 180–181]. Принципиальны несколько деталей. Во-первых, опять возникающая *контаминация двух подвигов Зигфрида*, в результате которой он спасает Брунгильду от дракона, причем здесь дракон ассоциируется с «жизнью без подвига». Во-вторых, *сближение*, если не отождествление, *Любови Дмитриевны с Брунгильдой* – как в сознании Белого и Блока, так и ее самой: характерно, что на «Брунгильду» указывает и призывает к ее «освобождению» именно она. В-третьих, постоянно сохраняющаяся и типичная для символизма двойственность, когда Брунгильда и получает *воплощение в реальном человеке*, и остается *мистической идеей*.

Вернемся, однако, к статье «Апокалипсис в русской поэзии», от которой мы сделали необходимое отступление. Здесь присутствует та же система мотивов и образов, которую мы уже выявили в статье «Генрик Ибсен» и которая, очевидно, ассоциируется в сознании Белого с историей Зигфрида и Брунгильды. Это, во-первых, *мотив высоких гор, скал*, в которые должен подняться герой (Зигфрид), – мотив, связываемый, очевидно, с одной стороны, с ибсеновским «Брандом», а с другой – с утесом Брунгильды: «Обозначился ряд ледяных пиков, крутых снегоблещущих гор, по которым мы должны будем пройти, чтобы не свалиться в пропасть. А из черных провалов взвивался дым туч; лучи солнца, обливая тучи кровью, являли в дымах грядущий лик воспламененного яростью дракона» [15. С. 478].

Во-вторых, это *образ дракона* или гидры (она же – *химера*, как в статье об Ибсене). По Белому, «сколько бы мы ни срубили змеиных голов, вырастут новые, пока мы не поймем, что самая гидра призрачна; она – Маска, наброшенная на действительность, за которой прячется Невидимая; пока мы не поймем, что Маска призрачна, она будет расти, слагая кровавые всемирно-исторические картины: извне налетающий дракон² соединится с красным петухом, распластавшим крылья над старинными поместьями в глубине России; все потонет в море огня» [15. С. 480] (обратим внимание на это словосочетание, прямо отсылающее к вагнеровской валькирии).

В-третьих, *мотив Апокалипсиса* («потоп грозит нашему старому материку», «весы судьбы опустились для нас» в статье об Ибсене). В-четвертых, связанный с ним *мотив хаоса*: «У Блока она [Жена, облеченная в Солнце] уже появляется среди нас <...> Но <...> еще кругом бунтует хаос, не ставший ее телом. Там, в хаосе, злобные силы, противоборствующие ее власти. Обращаясь к хаотической действительности, поэзия Блока пре-

вращается в кошмар: <...> плывет безобразный карлик в красном фраке. Это и есть многоликий змей – дракон, собирающий против Нее свои Силы» [15. С. 488–489]. Ср. также фрагмент письма Белого Э.К. Метнеру от 1 апреля 1905 г., где Белый, как Блок в статье «Генрих Ибсен», цитирует слова Вл. Соловьева, относя их к образу Брунгильды, о которой речь идет дальше: «...образ <?> *Жены в хаосе*: тут как бы рождается “Темного Хаоса светлая дочь”. Нестройный Хаос борется за свои владения, на поверхности его бунтующих волн отражается начертание *Зверя*» [21. С. 501].

В «Апокалипсисе в русской поэзии» отчетливо прочитывается «воительность» «*Жены, облеченной в Солнце*»: содержанием «мировой трагедии», или мистерии, по мнению Белого, является «*борьба Жены со Зверем*» [15. С. 487], апокалиптическая «мировая борьба Зверя и Жены» [15. С. 489]. Отсюда, в частности, и возможность отождествления «Жены» с валькирией Брунгильдой; с другой стороны, она имеет под собой древнюю параллель воительницы и Девы Марии. Как показала О.И. Тогоева, такая параллель восходит еще к раннесредневековому соотношению Богородицы и Афины Паллады в их функциях «защитницы города» [22. С. 315–316]. Таким образом, Брунгильда у Белого выступает не только в пассивной роли пленной Души Мира, которую освобождает избранный герой, но и в активной роли воительницы – спасительницы героя и мира, которая *сама вступает в борьбу со Зверем (драконом)*.

Примечательно, что заканчивается статья призывом к «Жене, облеченной в Солнце», где она вновь выступает в облике героини «эпохи зорь» – общих для Белого и Блока: «Ты сама обещала явиться в *розовом*, и душа молитвенно склоняется пред Тобой, и в зорях – пунцовых лампадках – подслушивает воздыхание Твое молитвенное...» [15. С. 490]. Тем самым еще раз подчеркивается, что *Прекрасная Дама, неизменно являющаяся «на заре», и Брунгильда – две ипостаси одной сущности*. Ощущается здесь и спор или, точнее, начало расхождения с Блоком: Белый говорит о «превращающейся в кошмар» поэзии Блока, в том числе через аллюзии к стихотворению «Обман» из цикла «Город» второго тома блоковского лирики. То же самое, только чуть более отчетливо, – в очерке «Блок» (1907): «В прекрасных стихах расточает автор ласки чертенятам и дракончикам. <...> любой дракончик может вытянуться в настоящего дракона (туманы, как известно, растут). Рыцарь Жены всегда – в борьбе с Драконом. А вот превратился Дракон в дракончика, и поэт его пожалел: пожалел и пригрел. Помнит ли он, что с нечистой шутки плохи?» [15. С. 344]. В «Воспоминаниях о Блоке» (1923) это расхождение анализируется Белым подробно – и опять же с привлечением мифологемы Брунгильды и Дракона.

Говоря в гностических терминах о «драме схождения Софии, Ее изменения в Ахамот» «от первого тома» блоковской лирики «к второму», Белый цитирует фрагмент стихотворения Блока «Там, в полусумраке собора...» (1902) таким образом, что за счет контекста существенно меняет смысл текста:

«Вдохновительно молчанье
И скрыты помыслы твои,

И смутно чутся познание
И дрожь *голубки и змеи*.

Как у Владимира Соловьева:

Нашу голубку свяжите
Ярыми кольцами древнего Змия.

Связыванье “*Царевны*” явлением – закон, точно ведомый гнозисом: здесь приставляется Фафнер к Брунгильде; здесь *ярые кольца* – “*огни*” (заклинание огней). <...> “Безысходно туманная ты предо мной затеваешь игру”; она – связана кольцами Логге-Люге: “*Голубке* привольно в пламенных кольцах” (Вл. Соловьев): спит во лжи:

Как ты лжива и как ты бела,
Мне же по сердцу белая ложь.

Не по сердцу ложь Зигфриду, вырвавшему Брунгильду из царства огней; он есть “Я”, самосознание, вооруженное мечом или гнозисом; вооружения нет у А. А.; и великое совершить – нет, нет: “Будет день – и свершится великое, чую в *будущем* подвиг души” [20. С. 269–270].

Единый блоковский образ «голубки и змеи», который во втором томе лирики станет все более клониться к полюсу «змеи» (см., в частности, трехчастную формулу «Валкирия, Дева, Змея» из чернового варианта стихотворения «За холмом отзвенели упругие латы...» [23. Т. 2. С. 465], параллельную подобной же формуле «Светозарная – Сказка – Жена» [23. Т. 1. С. 366] из черновика более раннего стихотворения «Вечерняя»), в трактовке Белого распадается на два враждебных друг другу образа, так что голубка (Брунгильда) оказывается «связана» змеем (Фафниром). Белый фактически обвиняет Блока в том, что он изменил своему духовному пути, что София (она же Брунгильда) в его поэзии превратилась в Ахамот, Софию падшую, побежденную драконом: «Ярость древнего Змея над Нею исполнилась: “*пьяный красный карлик*”, не дававший проходу ей <...>, совершает “*ужасное дело*” <...> Совершив это дело, ее покидает: “*Плывут собачьи уши, борода и красный фрак...*” [20. С. 271], – причем карлик из стихотворения «Обман», упоминавшийся и в статье «Апокалипсис в русской поэзии», ассоциативно связывается с другим карликом из поэзии Блока – Миме, воспитавшим Зигфрида («Поет, краснея, медь. Над горном...»).

В 1905–1907 гг. проанализированный комплекс идей «прорывается» отдельными мотивами в разных текстах Белого. В эссе «О целесообразности» (1905) Белый вновь говорит о «Жене, облеченной в Солнце» в связке с драконом (как неизменно говорил о Брунгильде), причем приписывает ей способность летать на крыльях – в данном случае не голубиных, а орлиных (грозный, воинственный атрибут): «Мы должны возвести человечество в Великое Существо, в “*Жену, облеченную в Солнце*”, которую хоть и пытается проглотить дракон нашей непоследовательности, но которой даны два орлиных крыла, чтобы она улетела от змия» [15. С. 90]. В эссе «Феникс» (1906) тема получает продолже-

ние – орел и дракон оказываются таинственным образом связаны: «Горный орел – птица, а всякая птица – крыленный гад, т.е. дракон. Можно и орла превратить в дракона: так говорят нам чары магии. Но и обратно: в самом драконе можно выделить черты птичьи» [15. С. 116]. Более того, «Откровение Слова Звериного превращается в Откровение Слова Орлиного. Орлоподобный Феникс взвигается перед нами из распавшегося праха Апокалиптического Дракона» [15. С. 120]. Очевидна здесь отсылка к «Песне офитов» Вл. Соловьева, которая цитировалась выше, в составе «Воспоминаний о Блоке», когда речь шла о голубке и Змие. У офитов (одна из гностических сект), как показывает Д.М. Магомедова, «змею принадлежит двойственная роль: чаще всего *змей – это сама София* [курсив мой. – В. З.-О.], которая одновременно и противопоставлена творцу, и приносит людям знание» [9. С. 81]. Более того, в свете нашей темы напомним, что именно в такой позиции по отношению к Вотану находится и Брунгильда у Вагнера (ее историю как воплощение древнего мифа, впоследствии связавшегося с гностическими идеями, описал еще Ф.Ф. Зелинский в главе «Елена Прекрасная» своей книги «Соперники христианства» [24. С. 153–185]): она и нарушает волю верховного бога (одновременно угадывая его тайное желание), и обладает сакральным знанием, которое передает Зигфриду.

Однако, как известно, тетралогия завершается гибелью богов и всего мира. Так и у Белого – *образ Брунгильды и дракона, теснейшим образом связанные* (реже, как в последнем случае, будучи единым амбивалентным существом, чаще – как враждебные, но друг другу от века «предназначенные» сущности), неизменно *предстают на апокалиптическом фоне и ассоциируются с образом хаоса*. Ср., например, в более ранней статье «Священные цвета» (1903) о красном цвете: «Где-то внизу, вдали, клубясь, догорает “злое пламя земного огня”, как говорит Соловьев, догорает, свиваясь в багровые кольца: это красный дракон, побежденный, уползает в безвременье; а еще ниже, где-то в туманных пропастях, глухое рокотанье отступившего хаоса» [15. С. 99]. Апокалиптичность поддерживается и *мотивом «безвременья», отсутствия времени*: «Русская литература <...> в борьбе с темными силами увидела апокалиптическую борьбу с драконом времени» («Настоящее и будущее русской литературы») [15. С. 404]. Ср. приведенную выше цитату из статьи Блока «Н.М. Минский. Религия будущего (Философские разговоры). СПб., 1905», где рядом с образами Зигфрида и Брунгильды возникает сентенция «*времени больше не будет*».

Валькирический миф в «Кубке метелей»

Наиболее отчетливо и детально мотивно-образный комплекс, связанный с фигурой Брунгильды, проявляется у Белого в «4-й симфонии (Кубок метелей)» (1907, перв. публ. 1908). Эксплицитно она упоминается всего дважды – оба раза почти в самом начале симфонии, в главке «Бусы и бисер» первой части: «“Не пробегаем ли мы огневой пояс страсти, как

Зигфриды? Почему древний змий оскалится на нас? Обнажаем меч и точно все ищем Брунгильду.

Вот-вот с зарей пролетает она...

Рассыпает незабудки. Дышит светом, дышит нежно.

Будто в зелени, сочится медовым золотом безвременья, и деревья, охваченные ею, отмахиваются от невидимых объятий и поцелуев.

Возмечают ликующе зеленые орари свои, точно диаконы светослужения, – упиваются, дышат, купаются в ней, прогоняя полуночь”» [25. С. 211].

И: «Окно света застыло на глухой стене: это прислуга поставила лампу, чтоб отпереть ему дверь. <...> Лежал в постели. Пробежали думы. Открыл глаза.

Пробежали пятна света на потолке: это ночью на дворе кто-то шел с фонарем.

Другие думы оживили его – думы скорби: “Я – ищущий, а она – Брунгильда, окруженная поясом огня!

Брунгильда из огня”.

Открыл глаза.

Пятна света бежали обратно по потолку» [25. С. 216–217].

Первая цитата представляет собой речь «мистика-анархиста», вторая относится к главному герою – Адаму Петровичу, мечтающему о своей возлюбленной Светловой. В речи мистика-анархиста отметим следующие константы: во-первых, Брунгильда опять упоминается в связи не с каким-либо иным звеном сюжета, но именно в связи с *преодолением Зигфридом «огневого пояса»* (в данном случае имеется уточнение «огневой пояс страсти» – что важно в контексте всей симфонии, где разворачивается мистериальный, апокалиптический сюжет, включающий как один из необходимых этапов преодоление Адамом Петровичем и Светловой земной «страсти» и посмертное соединение вне земных пределов после победы над апокалиптическим Зверем). Во-вторых, *Брунгильда вновь появляется рядом с «древним змием»* (драконом). В-третьих, *Брунгильда ассоциируется с героиней «эпохи зорь», с Софией* (ср. мотивы «зари», «света», изгнания тьмы, богослужения). В-четвертых, Брунгильда связана с *мотивом «безвременья», т.е. конца света*. Но есть здесь и нечто новое, характерное именно для «Кубка метелей» – связь с *образом «пятен света»*, в том числе на зелени («Будто в зелени, сочится медовым золотом...»; «Возмечают ликующе зеленые орари свои, точно диаконы светослужения...»). В этой речи мистика-анархиста речь идет, подчеркнем, о мистической идее.

Во второй же цитате речь идет уже о конкретной женщине, в которой герой видит черты Брунгильды, – о Светловой. Здесь сначала тоже выделим константы: во-первых, это вновь *Брунгильда, окруженная поясом огня*; во-вторых, «*ищущий*» и *спасающий ее герой* (Зигфрид), с которым Адам Петрович здесь прямо себя ассоциирует. Главное же, что, как и в первой цитате, здесь появляется образ «*пятен света*». Эта же «тема» симфонически повторяется в главке «Сумбур» первой части, где имя Брунгильды не упоминается, но в остальном фрагмент почти полностью воспроизво-

дит приведенный выше: «Лежал в постели. Пробежали думы. Открыл глаза.

Пробежали пятна света на потолке: это ночью на дворе кто-то шел с фонарем.

Другие думы осенили его – его другие думы: «Ищущий – я: а она? Да, да!»

Открыл глаза. Набежала слеза.

Пятна света по потолку бежали обратно: убегали невовратно» [25. С. 231].

Образ пятен света и тени, или «воздушно-золотого гепарда» (в некоторых местах текста – «леопарда»), вообще многократно повторяется в тексте симфонии, особенно часто – по отношению к Светловой³, и может быть сближен, по нашему мнению, с образом «леопардовой шкуры» из уже упоминавшегося эссе «Феникс»: «Заревые перья Феникса испещрены, как павлиньи перья, очами мрачными сфинксов. Так заря ясная да радостная, испещренная тучками темными, напоминает леопардовую шкуру, протянутую у горизонта»; «Леопардовая шкура зари ранит сердце неслыханной близостью. Там – вдали, вдали – искони звучит людям тайна последняя, – соединяющая тайна жизни и смерти. <...> И золотые зори самообожествления, и красные зори Голгофы одинаково содержатся в леопардовой заревой шкуре. И не сам ли Феникс воскресения пролетает в душе нашей, когда на осиянном горизонте протянется леопардовая шкура» [15. С. 122]. Фактически речь здесь идет о *соединении противоположностей, в конце концов разрешающемся «воскресением», победой света-Феникса*. С этой точки зрения и следует, видимо, рассматривать образ пятен света и тени в приложении к Светловой – например, в главах «Верхом на воздухе» и «Воздушный набег» второй части симфонии: «Впереди неслось звонкое цоканье, которое началось и не могло кончиться.

Это голубая амазонка словно шаталась, склоняясь, пролетала, шатаясь, в кусты, то бледнея, то зацветая солнцем.

Точно Светлову бросили в ветер – и вот она врезалась в воздух, потому что конь ее, белый, как день, с днем сливался. <...> белый воздух лепил ей воздушного коня, и воздушный конь мчался на зелени, испещренной золотыми пятнами: это плясала солнечная порфира из-под сквозных бушующих листьев ярными очертаниями: – воздушно-золотые гепарды, словно из ярких солнечных углей, шатались, перемешанные ветром, то пригибаясь, то прыгая на коня.

Но кусты неслись: – золотые воздушные гепарды бежали ей навстречу (их бросила бесконечность), вылепляясь из света и тени: точно ей навстречу пустили воздушную, ветром ревущую стаю – и вот гепарды бросались на нее, разбивались у нее на груди <...>.

Это летели мгновенья – летели и разбивались.

Это она пролетала сквозь время, страстно рвалась в голубую свободу» [25. С. 260]. Светлова здесь убеждает от влюбленного в нее Светозарова (Люцифера, Сатаны, Древнего Змия, Времени, Смерти), и показательно, что «гепарды» – «пятна света и тени» – уподобляются мгновениям, т.е. времени, преследуют ее, но разбиваются об нее, оказываются бессильны.

Напомним, что Светлова изображена в симфонии амбивалентно: «...“свет” Светловой, ее стремление ввысь, тоска по “неизвестной родине”, сочетание святости с греховностью, порождаемой присущей ей чувственностью (“грешные помыслы” одолевают Светлову даже после превращения в игуменью <...>)» [26]. В этом русле неудивительны *сближения ее со змеей* – в частности, в сцене едва не случившегося «падения» Светловой и Адама Петровича в главке «Хаос зашевелился»: «Томно губы ее зашевелились страшной улыбкой, пламенной до боли...» [25. С. 286]; «Когда, вырвавшись от нее, лицо закрыл он стыдливо руками, ее нога свесилась на ковер и пролетела свистом ткань, выше колена открыв черную, шелковую, змеей протянутую ногу на желтом плюше дивана» [25. С. 287] и пр. Напомним также, что изначально Белый задумывал героиню по фамилии Тугарина (ср.: Тугарин Змей), которая лишь позднее превратилась в Светлову. Таким образом, *образ «гепардов» («пятна света и тени») как бы «дублирует» двойственность природы героини*, и тот факт, что «гепарды» «разбивались у нее на груди», свидетельствует о *грядущей победе светлого начала* в ней, о будущей победе ее над Зверем и над временем.

Светлова-Брунгильда представлена на коне, в бешеной скачке, чуть ли не по воздуху, как часто изображали валькирий – вспомним, например, чудесного коня Брунгильды Гране в тетралогии Вагнера. Причем конь этот белый, а амазонка голубая (ср. с представлениями Андрея Белого о цветовой символике, где белый и голубой, наряду с золотым, принадлежат сфере божественного). Не вполне понятно из приведенного фрагмента, употреблено ли здесь слово «амазонка» (в значении одежды для верховой езды) или метафорически (т.е. сближая Светлову не только с Брунгильдой, но и с амазонками). Зато во фрагменте книги воспоминаний Белого «Начало века», где писатель вспоминает условия рождения «Симфоний», амазонка – явно не одеяние, но всадница:

«–“Расскажите, откуда особенность атмосферы в ваших «Симфониях» <...>”

Ответ – точен: особенности ее – поездка верхом с шести до восьми с половиной в ландшафте без контуров <...> Сеть солнечных пятен, слагающаяся меж листьев, охваченных ветром, являла в условиях дня мне “воздушных гепардов”; и вот “золотые гепарды... из солнечных... углей, шатались”: в листьях; изысканность – от наблюденности; она – не выдумка; она – конструкция опыта видеть: “летели гепарды, вырезанные в зелени пятнами света” в глазах амазонки, несущейся вскачь: чрез кустарник; коль вы никогда не скакали в кустах иль, скача, не разглядывали сочетание из листьев и солнечных пятен, то вам приведенная фраза покажется, может быть, чепухой» [27. С. 146–147].

Весьма интересно не только то, что Светлова – она же София, она же Брунгильда – *оказывается еще и амазонкой* (из чего можно заключить, что образы валькирий и амазонок в сознании Белого были близки; если задать вопрос, в чем именно тут точка совпадения, то, по-видимому, ответ будет достаточно банальный – в «воинственности» и «всадничестве»), но и то, что *Белый передоверяет «амазонке» свой соб-*

ственный опыт. Более того, фраза построена таким образом, что субъект речи оказывается ассоциирован с женским субъектом. Возможно ли, что Белый видел себя не только в образе Зигфрида и рыцаря Дамы, но и в образе амазонки? По нашему мнению – да, хотя бы отчасти, чему подтверждением может служить известный факт «неясной половой самоидентификации» Белого [28; 29. С. 18] (по крайней мере в детстве), изживаемой им в романах и в «Симфонии (2-ой, драматической)». Более того, по мнению М.Л. Спивак, «ошибочно было бы предположить, что девический имидж воспринимался А. Белым лишь как искусственно навязанный, как неорганичный, мешающий. В художественной прозе травматическое переживание связано, наоборот, с утратой девических признаков. Катастрофически воспринимается героем “Котика Летаева” не необходимость носить платье, а угроза быть одетым в наряд мальчика» [28].

Кроме того, достаточно непростым является отношение Белого к мужской роли в сюжете Зигфрида и Брунгильды (и вообще – спасающего героя и спасаемой героини). Если в случае Блока можно констатировать чуть ли не идеальное совпадение с ролью *Зигфрида* (в художественных текстах, самоосознании, взглядах со стороны), то в случае Белого такого полного совпадения нет. Неслучайно, что в уже цитировавшемся фрагменте «Воспоминаний о Блоке», где роль Валькирии отчетливо отдана Любове Дмитриевне Блок, о роли Зигфрида Белый говорит неуверенно («...кто-то из нас был Вотаном; и кто-то, наверное, – Зигфридом...»). В «Начале века» роль Зигфрида вообще предстает Белому навязанной извне: «...меня пугал разговор; Соловьева его представляла готовящимся ратоборством “Зигфрида” с ужасной змеей, в результате которого “Боренькой-Зигфридом” глава змеи – будет стерта... <...> “Зигфридом” не ощущал я себя» [27. С. 205]. И далее: «Чувствовал, как поднимался во мне этот страх: разговор предстоял-таки; “Зигфрид”, придуманный Ольгой Михайловной и аттестованный Розановым, ощутил себя “Боренькой” глупым» [27. С. 205]. Правда, речь здесь идет о конфликте с Мережковскими (именно Д.С. Мережковский представлен здесь «змеей»). Но «Зигфридом» не может быть Белый и в совсем иной ситуации, а именно в отношениях с Н. Петровской (которую он тоже некоторое время пытался представить в виде «Жены, облеченной в Солнце»): «Слабый “Боря” вообразил себя Зигфридом; не умеющий себя ни от чего защищать, вообразил... Орфеем себя, изводящим Эвридику из ада: вместо ж этого, усугубив “ад” жизни Н***, я сам попался в “ад”; и потом позорно бежал от всех и “раев”, и “адов”... в Нижний Новгород, к другу» [27. С. 309].

Если мы вернемся непосредственно к «Кубку метелей» с этим же вопросом, то увидим, что и здесь роль *Зигфрида* не вполне выдержана *Адамом Петровичем* – альтер эго автора. Так, он не побеждает дракона, но сначала отступает («Соломенная шляпа его казалась медным шлемом, а перистое облако, проплывавшее над его головой, казалось ей снизу пучком белых, страусовых разметанных перьев. Он спешил к ней, чтобы вырвать ее из рук времени, и вот грустно

повис конем над обрывом, накрыв ее в объятиях старика. <...> Вот искаженное мукой лицо синими очами в последний раз впилося в желанную, и он скрылся за холмом, будто уплывающее облако с двумя просветами лазури» [25. С. 262–263]), а потом сам оказывается жертвой дракона, пав на дуэли с полковником Светозаровым. Правда, своей смертью он в конечном счете освободит «Жену»: «Пора, сын, напоить ее небом, унести в солнечную обитель.

Сойти к ней странником.

Не прежде гад отойдет от жены, потому что она еще покорна времени» [25. С. 308].

Тем не менее, активной силой, *змееборцем* выступает здесь сама «Жена». В главке «Змей повержен» сказано прямо: «“Гад к нам ползет. На нас воздвигается, просится: пора оковать твою, жена, чистоту змеиным кольцом возврата <...>”. <...> То не солнце – жена, обтекающая светом и оболочком, яро над ним замахнулась крестом. <...> Когда крест на митру упал, окровавился хрустнувший череп.

Когда глухо рухнуло тело, корчась змеиными кольцами, митра покатила золотым колесом.

Когда повергся дракон, кучка монахинь возопила гласом велиим: “Жена сокрушила главу змею”» [25. С. 338–339]. Таким образом, в «Кубке метелей» Белый реализует не «основной», но «дополнительный» символистский миф, где спасающим началом предстает не избранный герой, а Душа Мира.

Примечательно, что еще 1 апреля 1905 г., в письме к главному московскому вагнерианцу Э.К. Метнеру, Белый высказывается в духе главенства Жены в «действенной и окончательной борьбе со *Зверем*», причем «Жена» опять оказывается неразрывно связана с образом Брунгильды, но также и воительницы вообще (у Белого появляется еще и «царь-девица» русских сказок): «Прежде были религии Отчества и Материнства (Ветхий Завет, так называемое язычество), была религия Богочеловечества (Новый Завет). Теперь наступает соединение заветов в *Завет последний* – приближается Дух Утешитель. Образуется полная религия Троицы. Если религия Человечества стоит в связи с явлением Его Женственной Сущности в Лике Жены при посредстве коллективной мистерии, то отдельные начинающиеся вспышки кружкового теургизма должны ставить во главе мистерии Женщину: в этом рыцарский орден Грядущей. Сюда же и Царь-девица.

Теперь: *отношение России к Германии*. Германская культура рождает златокудрых, лазурнооких, златопанцирных героев, но отнюдь не рождает “Брунгильды”, к которой Зигфрид стремится, побеждая Зверя (Фафнера), пробегая огневой пояс. Русская бледно-зеленая сонная действительность от времени до времени озорятся вспышками вечных роз – зорь. Не способна ли явить Россия Царь-Деву. Ведь Россия – Матушка (Mutterland), а Германия – Батюшка (Vaterland). В Германии золото + лазурь = белизна, в России зелень + розы = белизна. Не тут ли произойдет какое-то *обретение* сретения. Здесь что-то есть» [21. С. 501–502].

Следует отметить параллель с чуть более поздними размышлениями Блока на ту же тему: в разделе

«Родина» третьего тома лирики и в пьесе «Песня Судьбы» (1908) *героиня в обеих своих ипостасях – и плененной, спящей Мировой Души, подлежащей спасению героем, и софийной героини, освобождающей пленного героя* (причем оба сюжета спроецированы на историю Зигфрида и Брунгильды), – *предстает еще и Россией, «душой» национально-исторического бытия*. Интересна и такая параллель с «Песней Судьбы»: в «Кубке метелей», как обсуждалось выше, героиня глубоко двойственна; в книге «Между двух революций» Белый прямо говорит: «Вытащил текст уж когда-то готовый симфонии, мысля ее переделывать <...> с материалами фраз я хотел поступить так, как Вагнер с мелодией; мыслил тематику строгого линейного ритма; подсобные темы – две женщины, “ангел” и “демон”, слившиеся в духе героя – в одну, не по правилам логики, а – контрапункта» [30. С. 125]. В «Песне Судьбы» наблюдается тот же прием, но в перевернутом виде: если у Белого – одна героиня, соединяющая в себе две, то у Блока, наоборот, две героини, по сути являющиеся одной. Фаина и Елена, как показала Д.М. Магомедова, представляют собой не две разные сущности, но две ипостаси одного лица, или, точнее, воплощения двух стадий одного пути: «Фаина – “стихийный”, земной полярный двойник Елены – воплощает черты падшей Софии, заключенной в земное тело, плененной и тоскующей» [9. С. 35], она демонична, тогда как Елена – София в славе и ангелоподобна. Как и у Белого, герой погибает, но, по всей видимости, посмертно спасается и воссоединяется с возлюбленной, которая отчасти спроецирована на валькирию (см., например, в черновике: «И я был когда-то честным воином, как твой прекрасный Герман, Елена. Помню, когда я упал на щит в шумящем поле, белая дева, похожая на тебя, Елена, обняла меня и подняла над землею» [23. Т. 6, кн. 1. С. 275]). Примечательно и то, что в обоих текстах принципиально важен локус монастыря, связанный в первую очередь с героиней. «Кубок метелей», как мы знаем из переписки Белого и Блока, был прочитан последним в апреле 1908 г. (24 апреля он пишет Белому письмо, в котором признает симфонию «враждебной» ему «по существу» [18. С. 363, 364]). Работа же над черновым автографом «Песни Судьбы» на его обложке датирована как раз апрелем 1907 г. – 29 апреля 1908 г., т.е. влияние так не понравившегося Блоку «Кубка метелей» на «Песню Судьбы» вполне вероятно.

Кризис валькирического мифа у Андрея Белого

После 1908 г., когда интенсивное общение Белого и Блока прекращается, почти исчезает с умственного горизонта Андрея Белого и образ Брунгильды, столь значимый для Блока. Уже в 1907 г., на фоне «мучительных переживаний», связанных с Л.Д. Блок, и в результате духовного кризиса, Белый пишет «саморазрушительный» манифест – статью «Против музыки», где в том числе высказывает свои сомнения в истории Зигфрида и Брунгильды. Белый – символично отказавшись от псевдонима и выступив собственно как Борис Бугаев – обрушивается на музыку вообще и

на Вагнера в частности за то, что они «обессиливают», разлагают слушателей. Принципиальны в статье мотив «геройства» и образ героя, неразрывно связанные у Белого и Блока с образом вагнеровского Зигфрида: «Что такое музыкальное развитие? Это – незаметное угасание героя, смутно живущего в душе каждого, в извращенную, лживую, сентиментальную дряблость. Смутно поющее геройство, соблазненное как бы ответными струями музыки, растворяется в невоплотимом. <...> Музыка – вампир, высасывающий душу из героя. <...> Вагнер всю глубину своих мелодий употребил только на то, чтобы показать, как напрягаются мускулы несуществующего героя в несуществующем его поединке с драконом» [31. С. 59–60]. Белый подвергает здесь скепсису то, что было ему наиболее дорого: герой, спасающий Душу Мира от Зверя, оказывается, не существует.

На эту статью печатно ответил Э.К. Метнер, и ответил в той же вагнеровской парадигме: «Музыкальное чувство играет очень важную роль в музыке, и Вагнер как-то особенно сильно действует на это чувство своей ритмикой и постоянной сменой как бы приливов и отливов в динамике и темпе. Герой, сражающийся с драконом, – символ многообъемлющий <...> Да, не советую предрасположенным к размягчению мозга много слушать Вагнера; не все выдерживают температуру огненного кольца, которым Ватан-Вагнер оцепил свою Музу-Брунгильду, кроме того, мускулы валькирии сокрушают аскетические тела запечатленных царевичей, нервная система и головной мозг которых развиты слишком в ущерб другим тканям» [32. С. 62]. Очевидно, что Метнер, в ответ на скепсис Белого по отношению к Вагнеру и к своим прежним идеалам, высказывает сомнения в «героичности» самого поэта, его, грубо говоря, *способности быть Зигфридом*. Обращаясь к любимому Белым образу Брунгильды в кольце огня, он намекает, что «запечатленный царевич» (судя по контексту, здесь кивок в сторону Ивана-царевича из рассказа Белого 1906 г. «Куст», где герой, альтер эго автора, проигрывает «ратоборство» за «полоненную душу», дочку огородника, проекцию Л.Д. Блок, кусту-колдуну, т.е. А.А. Блоку) – не пара могучей валькирии, чем, видимо, подтверждает и худшие подозрения Белого относительно себя самого.

Так или иначе, с 1908 г. образ Брунгильды практически исчезает из творчества Белого, лишь мельком появляясь в романе «Петербург» в отчетливо ироническом контексте: «Если же посетитель Софьи Петровны оказывался или сам музыкант, или сам музыкальный критик, или просто любитель музыки, Софья Петровна поясняла ему, <...> что и сама намерена изучить мелоластику, чтоб исполнить танец полета Валькирий ни более ни менее как в Байрейте; музыкант, музыкальный критик или просто любитель музыки, потрясенный неверным произнесением двух собственных имен <...>, заключал, что Софья Петровна Лихутина просто-напросто пустая бабенка; и становился игривее; между тем очень хорошенькая прислуга вносила в комнатку граммофон: и из красной трубы жестяное

горло граммофона изрыгало на гостя полет Валькирий» [33. С. 60].

Как известно, Софья Петровна – это шаржированное изображение Л.Д. Блок, а ее отношения с Николаем Аблеуховым иронически «дублируют» отношения Любови Дмитриевны с самим Белым. При этом героине дано имя, отсылающее к Софии Премудрости и как бы ее «сводящее на землю». В этом контексте упоминание валькирии (как мы знаем – другого воплощения Души Мира) *становится профанным*: автор здесь сводит счеты со своими прежними идеалами и убеждениями.

Валькирия Белого в зеркале Марины Цветаевой

О важности образа валькирии в духовном горизонте Белого даже в позднейшие годы может свидетельствовать очерк М.И. Цветаевой «Пленный дух»; правда, тут надо иметь в виду, что для самой Цветаевой образ воительницы принципиально важен [34] – гораздо важнее, чем для Белого, – так что возможны некоторые aberrации. Тем не менее у Цветаевой как раз валькирия (не Брунгильда, а «валькирия» вообще) – наименее значимый вариант образа воительницы, в отличие от Белого. А в мемуарном очерке об Андрее Белом дважды упоминается валькирия – и оба раза в связи с *мотивом несостоявшейся, погибшей любви*, и в обоих случаях – *от лица самого Белого*.

В первом эпизоде Марина Цветаева пересказывает (напоминает) Белому, как дочка некой помещицы звонила ему узнать, какого цвета его глаза: «Милый Борис Николаевич, когда я четырнадцать лет спустя в берлинской “Pragerdiele” вам это рассказала, ваш первый вопрос был:

– А какие у нее были? Бишет? Bichette? Козочка? Серые, наверное? <...> – Почему же она мне никогда не написала? Родная, голубушка, ее нельзя было бы найти? Нельзя – нигде? Она, конечно, умерла. Все, все они умирают – или уходят (вызывающий взгляд на круговую) – вы не понимаете! <...> Девушка. Четырнадцать лет назад. Bichette, с козыими глазами <...> Четырнадцать лет назад. Она сейчас – Валькирия... Вернее, она была бы Валькирия... Я знаю, что она умерла... <...> – А эта Bichette – действительно была? Вы это не... сочинили? (Подозрительно и агрессивно.) Потому что я ничего не помню, никаких глаз по телефону... Я вам, конечно, верю, но... (Окружающим.) Потому что это чрезвычайно важно. Потому что, если она была – то это была моя судьба. Моя не-судьба. Потому у меня и не было судьбы. И я только теперь знаю, отчего я погиб. До чего я погиб!» [35. Т. 4. С. 225–226].

Во втором эпизоде Белый рассказывает Цветаевой о расставании со своей женой Асей Тургеневой: «О, вы не знаете, как она зла! Вы думаете – он ей нужен, дикарь ей нужен, ей, которой (отлет головы)... тысячелетия... Ей нужно (шепотом) ранить меня в самое сердце, ей нужно было убить прошлое, убить себя – ту, сделать, чтобы той – никогда не было. <...> Она мне – она... Мерцающее видение... Козочка на уступе... <...> Что же я такого о ней сказал? Да и книга уже была отпечатана... Где она увидела “ин-

тимность”, “собственничество”, печать (недоуменно) мужа? Гордость демона, а поступок маленькой девочки. Я тебе настолько не жена, что, вот... жена другого. Точно я без этого не ощутил. Точно я всегда этого не знал. <...> Вы ее видели? Она прекрасна. Она за эти годы разлуки так выросла, так возмужала. Была Психея, стала Валькирия. В ней – сила! Сила, данная ей ее одиночеством» [35. Т. 4. С. 252–253].

Как видим, в обоих случаях Белый называет объект своей несостоявшейся или погибшей любви «валькирией», причем два ее «явления» сближаются через мотив «козочки» («козьи глаза» / «козочка на уступе»). В обоих случаях героини *становятся* валькириями, а не являются ими изначально – и, как можно догадаться, становятся ими вследствие пересечения их жизненного пути с Белым. В обоих случаях речь идет о некоем не вполне материальном явлении, «мерцающем видении», существе не полностью земном. С обеими героинями связывается *мотив времени и бесконечности* («Никакого *сейчас*, кроме *тогда*, потому что *тогда* вечно, вечно, вечно!...» [35. Т. 4. С. 226] и «ей, которой (отлет головы)... тысячелетия...»), известный нам по предыдущим явлениям Брунгильды у Белого. Далее, в обоих случаях с валькирией ассоциируются *мотив смерти и мотив судьбы*, архетипические для этого образа. В первом эпизоде «разминование» с предназначенной судьбой возлюбленной прочитывается Белым как причина его «гибели» (что находит прямое соответствие в истории Зигфрида и Брунгильды, оказавшейся не узнанной героем после того, как он выпил напиток забвения, и ставшей причиной его гибели – и гибели мира в целом). Во втором эпизоде уход жены описывается Белым как убийство – его и самой себя в прошлом (Психеи) из-за раненой гордости, нежелания «принадлежать»; сила Валькирии связывается Белым с «одиночеством», что является вариацией древнейшего мотива (когда воительница становится женой, вместе с девичеством исчезает и ее сила – ср., например, с Брунгильдой в германской «Песни о Нибелунгах»). Таким образом, мы видим здесь и *известные по писаниям Белого элементы, и в них не зафиксированные, зато характерные для самой Цветаевой*.

Так, совершенно не случайно, что Цветаева подчеркивает в Асе Тургеневой неженские черты (валькирия, как и всякая воительница, – образ гендерно неконформный) и что она называет ее «амазонкой» – как и себя: «Прелесть ее была именно в этой смеси мужских, юношеских повадок, я бы даже сказала – мужской деловитости, с крайней лиричностью, девичеством, девчончеством черт и очертаний» [35. Т. 4. С. 229]; «...уже начало какой-то ревности, уже явное занывание, уже первый укол Zahnschmerzen im Herzen, что вот – уедет, меня – разлюбят, и чувство более благородное, более глубокое: тоска за всю расу, плач амазонок по уходящей, переходящей на тот берег, тем отходящей – сестре. <...> (Молча: “Ася! Ася! Ася! Не выходите замуж, хотя бы за Андрея Белого!”)» [35. Т. 4. С. 225–226]. Можно, по-видимому, констатировать в «Пленном духе» соединение как представлений о валькириях Андрея Белого (известных нам по проанализированным текстам), так и

представлений об амазонках Марины Цветаевой. Важно и то, что, как следует из этого очерка, полностью образ валькирии позднего Белого не покинул.

Итоги и выводы

Возвращаясь к гипотезе, с которой мы начали эту статью, уточним ее. Итак, по нашему мнению, образ валькирии (вообще воительницы) возникает у Андрея Белого значительно реже, чем у Блока, и связывается с более узким контекстом. *Главное и чуть ли не единственное звено сюжета о Зигфриде и Брунгильде, интересующее Белого, – это ее спасение героем из «огненного пояса», что писатель непосредственно связывает с гностическими представлениями о спасении пленной Души Мира.* У Блока этот подтекст тоже имеет место, но не всегда; «литературный двойник» Белого значительно разнообразнее в своей интерпретации образа воительницы. Кроме того, если специфика рецепции Белым вагнерианского сюжета состоит в том, что он *контаминирует два подвига Зигфрида – пробуждение валькирии и победу над Фафниром*, воспринимая их в апокалиптическом, эсхатологическом горизонте, то Блок гораздо ближе следует букве сюжета (хотя никогда почти не воспроизводит его целиком). Если Блок в этом сюжете твердо ассоциирует себя с Зигфридом, то у Белого *эта роль всегда остается как бы «велика» ему.* Блок не пренебрегает таким традиционным топосом сюжета о воительнице, как поединок «возлюбленных врагов»; у Белого он не возникает вообще. При этом, как мы постарались показать, оба поэта в 1903–1908 гг. «делят на двоих» целый ряд связанных с Брунгильдой мотивов и топосов. И, хотя Блок разрабатывает их разнообразнее, причем не только в публицистике, но и в лирике, все же «хронологический» приоритет, как обычно, остается за Белым. Зато у Белого валькирия быстрее и «исчезает», тогда как в произведениях Блока она будет являться и в последние годы. Тем не менее у обоих «пик» упоминаний Брунгильды приходится на время их интенсивного общения. У обоих также постепенно размывается и ставится под сомнение ее образ и связанный с ним сюжет – но у Белого гораздо жестче и карикатурнее, чем у Блока.

Наконец, если говорить о воительнице с гендерной точки зрения (с нашей точки зрения, обязательной, ибо подсказанной самой спецификой этого образа), то придется сказать, что у Блока она более «конвенциональна», чем у Белого – как и более конвенционален сам его лирический герой, предстающий в традиционном из мужских амплуа – воинском: ни у какого другого поэта Серебряного века, за исключением, пожалуй, Н. Гумилева, нет такого количества воинских метафор, ассоциаций и боевых атрибутов героя (латы, меч, копье, щит, знамя и пр.). Хотя и Белый порой представлял себя «рыцарем», в его случае это выражено в гораздо меньшей степени; рыцарь его почти всегда одновременно ассоциируется с фигурой Христа (чего у Блока почти нет), т.е. фигурой жертвенной, страдательной. Блок практически отказывается от какой бы то ни было активности героини вне сюжета с участием избранного героя, так что эта фигура оказывается у него как бы несамостоятельной. У Белого, напротив, именно Брунгильда, а не Зигфрид, выдвигается на первый план. У него основная пара – не Брунгильда и Зигфрид (возлюбленные), а Брунгильда и Дракон (враги). Хотя и у Белого, и у Блока проигрываются оба варианта символистского мифа спасения, у Белого в конечном счете ведущая роль приписывается героине – именно «Жена, облеченная в Солнце» побивает древнего Змия; она становится драконоборцем, занимая место избранного героя. Но сближает Блока и Белого то, что оба воспринимают ее образ мистически, в специфическом ряду: Душа Мира – София (и Ахамет) – «Жена, облеченная в Солнце», даже Дева Мария. Кажется, такое встраивание образа воительницы в отвлеченные, мистические схемы характерно именно для поэтов-мужчин исследуемого периода.

Кроме того, в отличие от поэтов-женщин Серебряного века (прежде всего от Цветаевой), они оба не маскулинизируют валькирию внешне: у них она лишается такой существенной изначальной черты этого образа, как определенное «мужеподобие». Наконец, у них обоих с воительницей не связывается мотив независимости, столь типичный для поэтов-женщин: тот единственный раз, когда он возникает в связи с Белым, происходит это не в его собственном тексте, а в очерке о нем Марины Цветаевой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. также о «Гибели богов» в новаторском оформлении А. Бенуа: «С самого момента, когда герой испускает дух, сцена заволакивалась идущим от Рейна туманом...» [13. С. 373].

² Здесь речь идет о русско-японской войне 1904–1905 гг.

³ Мы не вполне согласны с утверждениями О. Тиллес-Заусской, что «мотив “испещренного пятнами” “гепарда-леопарда”» «связан преимущественно» со Светозаровым и что причиной тому христианская символика: «Леопард является в христианской традиции одним из воплощений Сатаны и ассоциируется прежде всего с похотью <...> Борьба мистика, Светловой, Адама Петровича со временем изображается соответственно как борьба с “испещренным пятнами”» [26]. По нашему мнению, истоки этого образа следует искать в личной мифологии Андрея Белого и, в частности, в эссе «Феникс».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирпичников А.И. Очерки из истории средневековой литературы. М., 1869.
2. Всеобщая история литературы : сост. по источникам и новейшим исследованиям, при участии русских ученых и литераторов. СПб., 1885. Т. VII: История средневековой литературы.
3. Старшая Эдда (Семунда Мудрого) : сборник мифологических, гномических и эпических песен, в переводах русских писателей : древнескандинавский народный эпос. СПб., 1897.
4. Образцовые произведения скандинавской поэзии в переводах русских писателей, издаваемые под редакцией А.Н. Чудинова. Воронеж, 1875. Ч. 1.

5. Западноевропейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращенных переводах с подлинных текстов О. Петерсон и Е. Балобановой : в 3 т. СПб., 1896–1900.
6. Зусева-Озкан В.Б. «И поднимет щит девица...»: дева-воительница в лирике А. Блока. Статья первая // Новый филологический вестник. 2019. № 2 (49). С. 160–176.
7. Зусева-Озкан В.Б. «И поднимет щит девица...»: дева-воительница в лирике А. Блока. Статья вторая // Новый филологический вестник. 2019. № 4 (51). С. 187–209.
8. Зусева-Озкан В.Б. Образ деви-воительницы в художественном мире А. Блока (на материале драм и прозы) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 443. С. 44–53.
9. Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М., 1997.
10. Белый А. Стихотворения и поэмы : в 2 т. СПб. ; М., 2006.
11. Лавров А.В. Андрей Белый. Разыскания и этюды. М., 2007.
12. Гозенпуд А. Рихард Вагнер и русская культура. Л., 1990.
13. Бенуа А. Мои воспоминания. М., 1980. Кн. 4–5.
14. Белый А. На рубеже двух столетий. Воспоминания : в 3 кн. М., 1989. Кн. 1.
15. Белый А. Собрание сочинений. Арабески. Книга статей. Луг зеленый. Книга статей. М., 2012.
16. Гвоздецкая Н.Ю. Валькирический миф в женских образах «Старшей Эдды» // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. М., 2005. С. 78–103.
17. Блок А. Собрание сочинений : в 8 т. М., 1960–1963.
18. Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М., 2001.
19. Переписка П.А. Флоренского с Андреем Белым // Контекст. М., 1991. С. 23–52.
20. Белый А. Собрание сочинений. Воспоминания о Блоке. М., 1995.
21. Андрей Белый и Эмилий Метнер. Переписка. 1902–1915. Т. 1: 1902–1909. М., 2017.
22. Тогоева О.И. Еретичка, ставшая святой: Две жизни Жанны д'Арк. М. ; СПб., 2016.
23. Блок А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 1997– .
24. Зелинский Ф.Ф. Соперники христианства // Из жизни идей : в 2 т. [Репринт с изд. 1907, 1922 гг.]. М., 1995. Т. 2. С. 153–185.
25. Белый А. Собрание сочинений. Симфонии. М., 2014.
26. Тиллес-Заусская О. «Четвертая симфония» Андрея Белого: точки «затемнения фокализации» и неомифологический порядок действия // Amsterdam International Electronic Journal for Cultural Narratology. 2005. № 1. URL: https://cf.hum.uva.nl/narratology/_pdf/tielkes.pdf (дата обращения: 25.12.2020).
27. Белый А. Начало века. Воспоминания : в 3 кн. М., 1990. Кн. 2.
28. Спивак М.Л. Мать, жена, сестра, дочь? (Объект влечений Андрея Белого) // Логос. 1999. № 5 (15). С. 174–199. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_05/1999_5_24.htm (дата обращения: 25.12.2020).
29. Ljunggren M. The Dream of Rebirth. A Study of Andrej Belyj's Novel "Peterburg". Stockholm, 1982.
30. Белый А. Между двух революций. Воспоминания : в 3 кн. М., 1990. Кн. 3.
31. Бугаев Б. На перевале. VI. Против музыки // Веси. 1907. № 3. С. 57–61.
32. Вольфинг <Э.К. Метнер>. Борис Бугаев против музыки // Золотое руно. 1907. № 5. С. 56–62.
33. Белый А. Собрание сочинений. Петербург. М., 1994.
34. Зусева-Озкан В.Б. Образ деви-воительницы в творчестве М.И. Цветаевой // Русская литература. 2017. № 4. С. 212–228.
35. Цветаева М.И. Собрание сочинений : в 7 т. М., 1994–1995.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 29 декабря 2020 г.

Valkyrian Myth in the Works by Andrey Bely

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 15–27.

DOI: 10.17223/15617793/467/2

Veronika B. Zuseva-Özkan, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com

Keywords: Valkyrie; Brünnhilde; Siegfried; Andrey Bely; R. Wagner; H. Ibsen; A. Blok; female warrior; Apocalypse; gender.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-78-10100.

The aim of this article is to study the so-called “Valkyrian myth”, i.e. the plot and motif complex related to the mythological figure of Valkyrie, in the artistic world of Andrey Bely. The article aims to establish the text corpus where the image of Valkyrie appears, to identify the sources affecting the Valkyrian myth in Bely, to describe the constant features and the evolution of its creative reception by the writer, and, finally, to define the specificity of this figure and the related plot in Bely’s works. The author of the article uses the method of structural and semiotic analysis, the comparative method, involves mythopoeic analysis, applies some techniques of gender studies. The Symbolist text is read through the optics of “life-building”, the interaction of art, social action, and biographical reality. The author demonstrates that the Valkyrian myth in Bely’s works unfolds in the close creative dialogue with Alexander Blok and develops the theme of Blok and Bely as “literary doppelgangers” who used the same set of plots, motifs, and images (until 1908), which also includes Valkyrie Brünnhilde. However, while Blok, who does not reproduce the story of Nibelungs in its entirety, still addresses its various episodes, Bely is interested in a single one – that of sleeping Brünnhilde’s rescue by Siegfried, who braves the ring of fire; the writer links this episode directly to the gnostic idea of the imprisoned, enchanted, and sleeping World Soul waiting to be rescued by a hero. Moreover, the specific nature of Bely’s creative reception of the Wagnerian plot expresses itself in the blending of the two different exploits of Siegfried – the awakening of Valkyrie and the slaying of the dragon Fafnir, which Bely perceives exclusively in the apocalyptic, eschatological light. It is curious that, unlike Blok, Bely brings to the fore the Brünnhilde who overshadows Siegfried. In his works, the main pair of characters who almost in all cases appear together are not Brünnhilde and Siegfried (lovers), but Brünnhilde and the Dragon (enemies). Though both Bely and Blok recreate two variants of the main symbolist myth of rescue, Bely ultimately attributes the primary role to the heroine – it is the “Woman clothed in the Sun” who slays the ancient Serpent; she becomes the dragonslayer and takes up the role of the chosen hero. Both Bely and Blok perceive Brünnhilde mystically, in the following chain: World Soul – Sophia (and Achamoth) – “Woman clothed in the Sun”, even Virgin Mary. Though Blok’s interpretations of the Wagnerian plot are more diverse and occur not only in essays but also in his lyrical works, the “chronological” priority lays with Bely. Both Blok and Bely mention Brünnhilde the most during the period of their intensive interactions. After these interactions become sparse, this figure and the related plot are called into question, but Bely is

much harder and more sarcastic than Blok. Still, as the analysis of the essay by Marina Tsvetaeva “A Captive Spirit” featuring two mentions of Valkyrie (in the voice of Bely) shows, the image of Valkyrie stayed with the writer during the 1920s.

REFERENCES

1. Kirpichnikov, A.I. (1869) *Ocherki iz istorii srednevekovoy literatury* [Essays on the History of Medieval Literature]. Moscow: Tipografija Gracheva i Komp.
2. Anon. (1885) *Vseobshchaya istoriya literatury: Sost. po istochnikam i noveyshim issledovaniyam, pri uchastii russkikh uchenykh i literatorov* [General history of literature: Compiled according to sources and the latest research, with the participation of Russian scientists and writers]. Vol. 7. Saint Petersburg: [s.n.].
3. Anon. (1897) *Starshaya Edda (Semunda Mudrogo): Sbornik mifologicheskikh, gnomicheskikh i epicheskikh pesen, v perevodakh russkikh pisateley: Drevneskandinavskiy narodnyy epos* [Elder Edda (by Sæmundr fróði): A collection of mythological, gnomic and epic songs, translated by Russian writers: Old Norse folk epic]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Glazunova.
4. Chudinov, A.N. (ed.) (1875) *Obraztsy prozvedeniya skandinavskoy poezii v perevodakh russkikh pisateley* [Exemplary Works of Scandinavian Poetry Translated by Russian Writers]. Pt. 1. Voronezh: [s.n.].
5. Peterson, O. & Balobanova, E. (1896–1900) *Zapadnoevropeyskiy epos i srednevekovyy roman v pereskazakh i sokrashchennykh perevodakh s podlinnykh tekstov O. Peterson i E. Balobanovoy* [Western European epic and medieval novel in retellings and abbreviated translations from the original texts by O. Peterson and E. Balobanova]. Vols 1–3. Saint Petersburg: [s.n.].
6. Zuseva-Ozkan, V.B. (2019) “And the Maiden Will Pick Up the Shield...”: Female Warrior in A. Blok's Poetry (Article I). *Novyy filologicheskyy vestnik – New Philological Bulletin*. 2 (49). pp. 160–176. (In Russian).
7. Zuseva-Ozkan, V.B. (2019) “And the Maiden Will Pick Up the Shield...”: Female Warrior in A. Blok's Poetry (Article II). *Novyy filologicheskyy vestnik – New Philological Bulletin*. 4 (51). pp. 187–209. (In Russian).
8. Zuseva-Ozkan, V.B. (2019) The Image of a Female Warrior in the Creative World of A. Blok (Based on His Dramas and Prose). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 443. pp. 44–53. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/443/5
9. Magomedova, D.M. (1997) *Avtobiograficheskiy mif v tvorchestve A. Bloka* [Autobiographical Myth in the Works of A. Blok]. Moscow: Martin.
10. Belyy, A. (2006) *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems and Narrative Poems]. Saint Petersburg; Moscow: Progress-Pleyada.
11. Lavrov, A.V. (2007) *Andrey Belyy. Razyskaniya i etyudy* [Andrey Bely. Research and Studies]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
12. Gozenpud, A.A. (1990) *Rikhard Vagner i russkaya kul'tura* [Richard Wagner and Russian culture]. Leningrad: Sovetskiy kompozitor.
13. Benoist, A. (1980) *Moi vospominaniya* [My memories]. Vols 4–5. Moscow: Nauka.
14. Belyy, A. (1989) *Na rubezhe dvukh stoletiy. Vospominaniya* [At the Turn of Two Centuries. Memories]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
15. Belyy, A. (2012) *Sobranie sochineniy. Arabeski. Lug zelenyy* [Collected Works. Arabesque. The Green Meadow]. Moscow: Respublika.
16. Gvozdetzkaya, N.Yu. (2005) Val'kiricheskyy mif v zhenskikh obrazakh “Starshey Eddy” [Valkyrian myth in female images of the “Elder Edda”]. In: Mikhaylova, T.A. (ed.) *Mifologema zhenshchiny-sud'by u drevnykh kel'tov i germantsev* [Mythologem of a fate woman among the ancient Celts and Germans]. Moscow: Indrik. pp. 78–103.
17. Blok, A. (1960–1963) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow: Goslitizdat.
18. Belyy, A. & Blok, A. (2001) *Perepiska. 1903–1919* [Correspondence. 1903–1919]. Moscow: Progress-Pleyada.
19. Florenskiy, P.A. & Belyy, A. (1991) *Perepiska* [Correspondence]. *Kontekst*. pp. 23–52.
20. Belyy, A. (1995) *Sobranie sochineniy. Vospominaniya o Bloke* [Collected Works. Memories of Blok]. Moscow: Respublika.
21. Belyy, A. & Metner, E. (2017) *Perepiska. 1902–1915* [Correspondence. 1902–1915]. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
22. Togoeva, O.I. (2016) *Eretichka, stavshaya svyatoy: Dve zhizni Zhanny d'Ark* [The Heretic Who Became a Saint: The Two Lives of Joan of Arc]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
23. Blok, A. (1997–cont.) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Moscow: Nauka.
24. Zelinskiy, F.F. (1995) *Iz zhizni idey* [From the Life of Ideas]. Vol. 2. (Reprint of 1907–1922). Moscow: Ladimir. pp. 153–185.
25. Belyy, A. (2014) *Sobranie sochineniy. Simfonii* [Collected Works. Symphonies]. Moscow: Respublika.
26. Tilkes-Zauskaya, O. (2005) “Chetvertaya simfoniya” Andrey Belogo: tochki “zatemneniya fokalizatsii” i neomifologicheskyy poryadok deystviya [Tilkes-Zauskaya O. “Fourth Symphony” by Andrei Bely: points of “darkening of focalization” and neomythological order of action]. *Amsterdam International Electronic Journal for Cultural Narratology*. 1. [Online] Available from: https://cf.hum.uva.nl/narratology/_pdf/tielkes.pdf. (Accessed: 25.12.20).
27. Belyy, A. (1990) *Nachalo veka. Vospominaniya* [Beginning of the Century. Memories]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
28. Spivak, M.L. (1999) Mat', zhen, sestra, doch'? (Ob'ekt vlecheniy Andrey Belogo) [Mother, wife, sister, daughter? (The object of Andrey Bely's attraction)]. *Logos*. 5 (15). pp. 174–199. [Online] Available from: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_05/1999_5_24.htm. (Accessed: 25.12.20).
29. Ljunggren, M. (1982) *The Dream of Rebirth. A Study of Andrej Bely's Novel “Peterburg”*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
30. Belyy, A. (1990) *Mezdu dvukh revolyutsiy. Vospominaniya* [Between Two Revolutions. Memories]. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
31. Bugaev, B. (1907) Na perevale. VI. Protiv muzyki [At the Pass. VI. Against Music]. *Vesy*. 3. pp. 57–61.
32. Vol'fing [E.K. Metner]. (1907) Boris Bugaev protiv muzyki [Boris Bugaev against music] *Zolotoe runo*. 5. pp. 56–62.
33. Belyy, A. (1994) *Sobranie sochineniy. Peterburg* [Collected Works. Petersburg]. Moscow: Respublika.
34. Zuseva-Ozkan, V.B. (2017) The Persona of a Woman Warrior in the Works by M. I. Tsvetaeva. *Russkaya literatura*. 4. pp. 212–228. (In Russian).
35. Tsvetaeva, M.I. (1994–1995) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow: Ellis Lak.

Received: 29 December 2020

О.А. Колмакова

ПОЭМА Н.В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ М.А. БУЛГАКОВА

Исследуется проблема диалога двух произведений М.А. Булгакова с поэмой Н.В. Гоголя «Мертвые души». На материале фельетона «Похождения Чичикова» и пьесы «Мертвые души» рассмотрены элементы поэтики, мотивно-образные структуры текстов Булгакова, показывающие смещение значений оригинального гоголевского сюжета. Выявлена авторская концепция фельетона и инсценировки Булгакова и обоснована мотивация обращения русских писателей к поэме Гоголя в контексте социально-исторической ситуации 1920-х гг.

Ключевые слова: М.А. Булгаков; Н.В. Гоголь; «Похождения Чичикова»; «Мертвые души»; художественная интерпретация; интертекст; гротеск.

Прецедентность художественного текста является актуальной проблемой современного литературоведения и, возможно, останется таковой, поскольку, как отмечал М.М. Бахтин, «всякое конкретное высказывание – лишь звено в цепи речевого общения и полно ответных реакций на другие высказывания» [1. С. 286]. Помимо бахтинской концепции диалогичности, методология изучения художественной прецедентности основывается на идеях феноменологической герменевтики П. Рикера, в которой центральным является понятие конфликта интерпретаций, возникающего в процессе диалога оппонентов – писателей разных эпох, культур, мировоззрений [2]. Также методологически значимой для подобных исследований является теория «открытого произведения» У. Эко [3], опирающаяся на идеи Ю.М. Лотмана о классическом тексте, который не только берет на себя функцию «коллективной памяти», но и генерирует смыслы, нуждаясь в интерпретаторе [4]. В данной статье речь пойдет о диалоге М.А. Булгакова с Н.В. Гоголем, осуществленном писателем XX столетия в фельетоне «Похождения Чичикова» (1922) и пьесе «Мертвые души» (1930).

Первая треть XX в. характеризуется всплеском интереса к личности Н.В. Гоголя и его поэме. В 1905 г. выходит роман Ф. Сологуба «Мелкий бес», полный аллюзий на русские классические произведения, среди которых гоголевские «Мертвые души» занимают особое место. По словам М.М. Бахтина, «Мелкий бес» сходен с романом Гоголя «и в форме, и в архитектонике, и в стиле», и особенно – в «чрезвычайном внимании к вещам и мелким подробностям – чисто гоголевской черте» [5. С. 147]. Действительно, «Мертвые души» «отзываются» у Сологуба не только символически, в созданной писателем мертвящей атмосфере провинциального городка, но и в сюжетных коллизиях. Наиболее яркая из них – цепь визитов Передонова к знатым горожанам – пародирует центральную сюжетную линию поэмы Гоголя.

Как и М.А. Булгаков, к жанру фельетона обращается М.М. Зощенко, которого современники считали прямым наследником Гоголя (М. Ремизов назвал Зощенко «новым Гоголем» (цит. по: [6. С. 37]), а О. Форш вывела Зощенко под именем «Гоголенки» (!) в своем романе «Сумасшедший корабль»). Фельетон Зощенко «Товарищ Гоголь» (1926) изображает клас-

сика русской литературы, ставшего советским писателем: теперь Гоголь «пописывает мелочишку», а не «разные там “Мертвые души”», «стреляет» трешки до зарплаты и терпит нападки какого-то малограмотного критика Засекина.

Диалог с «Мертвыми душами» Н.В. Гоголя можно найти в произведениях И.А. Бунина, в частности, в его повести «Деревня» (1910) и рассказе «Князь во князьях» (1912). Исследуя повесть «Деревня», Н.М. Кучеровский в своей статье под знаменательным названием «История Дурновки и ее “мертвые души”» сделал яркое наблюдение о полемичности образа «тройки худых рабочих лошадей», запряженных в «тарантас» погорельца Мишки Сиверского, и «птиц-тройки» из гоголевской поэмы [7. С. 119]. Позже в герое рассказа «Князь во князьях» Лукьяне Степанове, прижимистом обитателе «земляной берлоги», Бунин тонко обыграл образ гоголевского Плюшкина.

«Мертвые души» становятся одним из наиболее «цитируемых» текстов Гоголя не только в художественных произведениях, но и в публицистике первой трети XX в. Так, в программной статье А.А. Блока «Народ и интеллигенция» (1908) есть характерное сравнение интеллигенции, устремившейся в поисках спасения к народу, с гоголевской тройкой: «Что, если тройка, вокруг которой “тремит и становится ветром разорванный воздух”, – летит прямо на нас? Бросаясь к народу, мы бросаемся прямо под ноги бешеной тройке, на верную гибель» [8. С. 76]. А.М. Горький в «Несвоевременных мыслях» (1918) также обращается к гоголевскому образу, говоря о «либеральной маниловщине» [9. С. 455]. В статье «Духи русской революции» (1918) Н.А. Бердяев констатирует особую актуальность гоголевских образов: «И сейчас после всех реформ и революций Россия полна мертвыми душами» [10. С. 58]. Примеры можно множить.

«Дух эпохи» и личный интерес к Н.В. Гоголю способствовали появлению двух художественных интерпретаций «Мертвых душ», сделанных М.А. Булгаковым: фельетона «Похождения Чичикова» и пьесы «Мертвые души».

Исследователи творчества Булгакова рассматривают «Похождения Чичикова» как сатиру на советскую действительность, не придавая особого значения поэтике текста. Вот пример подобной оценки: «Начиная от названия фельетона и эпиграфа к нему из

«Мертвых душ» и кончая прямыми обращениями героев и автора к Гоголю, весь фельетон построен на остроумном использовании фабулы и персонажей «Мертвых душ», переселенных Булгаковым в «дикий сне» в Москву начала двадцатых годов» [11. С. 112]. На наш взгляд, Булгаков не ограничивается лишь «остроумным использованием» ресурсов хрестоматийного произведения, и его «взаимоотношения» с гоголевским текстом не столь поверхностны.

Действительно, апеллируя к классическому произведению, Булгаков изображает общественно-политические процессы в России эпохи НЭПа. Рассказчику снится сон, «будто бы в царстве теней, над входом в которое мерцает неугасимая лампада с надписью «Мертвые души», шутник-сатана открыл двери» и «двинулась вся ватага на Советскую Русь» [12. Т. 1. С. 168].

Свою игру с классиком Булгаков начинает уже в названии и подзаголовке («Похождения Чичикова. Поэма в десяти пунктах»), которые обыгрывают не общепринятое название гоголевского романа, а титул его первого издания 1842 г.: «Похождения Чичикова, или Мертвые души, поэма Н. Гоголя».

Рассказ открывается эпиграфом – эпизодом из «Мертвых душ»:

«– Держи, держи, дурак! – Кричал Чичиков Селифану.

– Вот я тебя палашом! – Кричал скакавший навстречу фельдьегер, с усами в аршин. – Не видишь, леший дери твою душу, казенный экипаж» [12. Т. 1. С. 168]. Этот эпиграф обозначает еще одну гоголевскую тему – тему чиновничества, символически сталкивая обывателя с бюрократической машиной – «казенным экипажем». Булгаковский сатирический гротеск проявляет себя в том, что герои Гоголя легко вписываются в советскую бюрократическую систему – вместе со всей своей риторикой, прочитывающейся как интертекст.

Так, Собакевич успешно «орудует» в учреждении, «где пайки выдают», и получает даже «академический», но со скандалом, потому что там «мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет и что есть один только порядочный человек делопроизводитель, да и тот, если сказать правду, свинья!» [12. Т. 1. С. 170].

Ноздрев сотрудничает с Внешторгом на предмет поставки за границу кавказских кинжалов: «И поставил. И заработал бы на этом тьму, если б не мерзавцы англичане, которые увидели, что на кинжалах надпись «Мастер Савелий Сибиряков» и все их забраковали» [12. Т. 1. С. 170].

Сам Чичиков превзошел всех: паек «на себя получил, на несуществующую жену с ребенком, на Селифана, на Петрушку <...> на старуху мать, которой на свете не было <...> Так что продукты к нему стали возить на грузовике» [12. Т. 1. С. 170]. Разузнав о деятельности Ноздрева, Чичиков начал бриллианты за границу переправлять – «в колесах, дышлах, в ушах и невесте в каких местах» [12. Т. 1. С. 171].

Вершиной карьеры Чичикова стала, говоря современным языком, фирма-однодневка «Пампуш на Твербуле», для чего он создал бюрократический ше-

дев – «техническую смету», в которой «печатей столько, как в небе звезд. И подписи налицо.

– За заведующего – Неуважай-Корыто, за секретаря – Кувшинное Рыло, за председателя тарифно-расценочной комиссии – Елизавета Воробей» [12. Т. 1. С. 172].

Несмотря на неоднозначное отношение Булгакова к «формальной школе», выраженное, в частности, в пьесе-пародии «Багровый остров» (в которой знаменитая формула «оно талантливо сделано» [12. Т. 5. С. 188] характеризует набор клише революционной драмы), писателю оказывается не чуждой стратегия «обнажения приема» Гоголя. В приведенном эпизоде Булгаков использует один из ведущих позднегоголевских приемов, обозначенных Ю.В. Манном: «гротескные мотивы <...> уходят в стиль» [13. С. 253]. Гротеск у Булгакова рождается из совмещения казенной советской номенклатуры с фамилиями персонажей классического художественного произведения. Этот же прием у Булгакова высвечивает всю нелепость нарождающегося советского «новояза». Актуальные советские штампы особенно комично звучат в следующих контекстах: «Чичиков наладил вопрос с питанием», «Чичиков взял подряд на электрификацию города», «Кувшинное Рыло уехал инструктировать Губотдел», «Дядя Митяй призвал назначить следственную комиссию», «Чичиков уверял, что у него нетрудоспособная мать». Сатирический гротеск делает тексты Булгакова и Гоголя «взаимопроницаемыми», что снимает рикеровский «конфликт интерпретаций».

Булгаков обращает особое внимание на «приемы словесной мимики и жеста <...> комические артикуляции», отмеченные у Гоголя Б.М. Эйхенбаумом [14. С. 172]. Звуковой каламбур у Булгакова может переходить в смысловой, как, например, в следующем случае: «...с биржи труда <...> командировали: на место Петрушки – плюшкинского Прошку, на место Селифана (водителя!) – Григория Доезжай-недоедешь» [12. Т. 1. С. 176]. Гоголевская «подстага Сидоровна» превращается у Булгакова в «Подстегу Сидоровну», раскрывая игровую природу гоголевской комической ономастики, в основе которой, по словам В.В. Виноградова, «побочные ассоциации к этимологическим частям <имени>» [15. С. 264].

Гоголевская тема абсурда является особо привлекательной для Булгакова-модерниста. Квинтэссенцией абсурда у Булгакова выступает все тот же «новояз». Приведем характерный эпизод: «А слухи о Чичикове становились все хуже и хуже <...> Зазвенели телефоны, начались совещания. Комиссия построения в комиссию наблюдения, комиссия наблюдения в жилотдел, жилотдел в наркомздрав, наркомздрав в главкустпром, главкустпром в наркомпрос, наркомпрос в пролеткульт» [12. Т. 1. С. 174]. Появление в финале «пролеткульта» нивелирует значимость каждого компонента градации (а это – названия исполнительных комитетов советской власти) и доводит ее до абсурда.

В качестве прецедентного текста помимо «Мертвых душ» Булгаков привлекает и другие гоголевские произведения, обыгрывая тем самым прием автоцитации Гоголя. Вспомним, что в «Мертвых душах» мож-

но встретить отголоски и «Вечера накануне Ивана Купалы» (в образе истлевшего «синим огоньком» кузнеца Коробочки), и «Носа» (после драки у «солывычегодского мужика» носа не осталось на лице «ни на полпальца»), и «Ивана Федоровича Шпоньки...» (как и юный Шпонька, «в классах» Чичиков умел особенно «мирно сидеть на лавке»), и «Ревизора» (слух о том, что Чичиков «ухлестывал» и за губернаторшей, и за губернаторской дочкой).

Булгаков обращается к пьесе Гоголя «Игроки», «заимствуя» оттуда компаньонов Чичикова – Замухрышкина, Утешительного и Мурзофейкина (у Гоголя – Мурзафейкин). Сцена разоблачения Чичикова сопровождается цитатой из «Пропавшей грамоты»: «Гром пошел по пеклу». За свою «испорченную репутацию» Чичиков ругает Гоголя словами Чуба из «Ночи перед Рождеством»: «чтоб ему набежало, дьявольскому сыну, под обоими глазами по пузырю в копну величиною!» [12. Т. 1. С. 168].

В кульминации рассказа Булгакова возникает интертекст гоголевского «Ревизора» – знаменитый пассаж Хлестакова о том, как он управлял департаментом. Булгаковский рассказчик берется управлять расследованием дела Чичикова, в котором все остальные оказались бессильны. «35 тысяч курьеров» Хлестакова превращаются у Булгакова в «35 тысяч мотоциклистов». Булгаковский «новый Хлестаков» мнит себя «богом на машине» (вновь каламбур с *deus ex machina*), от его гласа «дрожат стекла». Примечательно, что в награду рассказчик мечтает получить «брюки... фунт сахару... лампу в 25 свечей...». Сниженно-бытовой характер притязаний «нового Хлестакова» раскрывает образ классического Хлестакова, который «гениально пуст, гениально тривиален» [13. С. 192].

«Взаимопроникновение» текстов двух классиков русской литературы ощутимо не только в стиле, но и в самой проблематике – изображении социального хаоса, который у Булгакова, как и у Гоголя, воплощает бесовство. Образ сатаны и многочисленные черты ханжества рассказчика и героев фельетона Булгакова вводят сквозную для гоголевского творчества тему черта. Рассказ изобилует выражениями типа «сам черт не мог разобраться», «ни черт знает что», «дело запуталось до того, что и черт в нем никакого вкуса не отыскал», «вот черт налетел» и т. д. Количество, переходящее в качество, буквально материализует образ черта, что обыгрывает концепцию Чичикова как черта «без маски» у Д. С. Мережковского [16. С. 181].

Как известно, образ дьявола и тема бесовства будят интересовать Булгакова на протяжении всего его творчества. Вместе с тем в публицистике и литературе пореволюционной эпохи бесовство становится емкой метафорой социально-исторических катаклизмов, обрушившихся на Россию. Об этом писал в уже упомянутой статье Н.А. Бердяев, видя в русской революции «бесовское вихревое движение» и провозглашая его «провозвестником» именно Н.В. Гоголя: «Если пойти в глубь России, то за революционной борьбой и революционной фразеологией нетрудно обнаружить хрюкающие гоголевские морды и рожи» [10. С. 56].

Пытаясь воплотить подлинного героя пореволюционного времени, русские писатели изображают ли-

бо растерянного обывателя, с ужасом смотрящего в глаза новой реальности (М.М. Зощенко, А.П. Платонов, И.Э. Бабель, Ю.К. Олеша), либо, что более актуально для нас, авантюриста, «нового Чичикова», пользующегося ситуацией «смутного времени» (М.А. Булгаков, И. Ильф и Е. Петров, А.Н. Толстой, И.Г. Эренбург и др.).

Так, в романе И.Г. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито» (1922) создается образ реальности, которая «вне черта была бы немислима» [17. С. 223]. Мотивы гоголевской поэмы обыгрываются Эренбургом в описании деятельности учеников Хуренито – «скупого и расчетливого» рантье мосье Дэле, заработавшего «на мертвецах» будущего «Универсального некрополя», и мистера Куля, который осуществлял «своеобразное продолжение “Мертвых душ”, скупая национализированные фабрики, аннулированные акции и реквизируемые ценности» [17. С. 397].

В повести А.Н. Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус» (1924) ужас революционной России, ставшей в одночасье «гиблым местом», воплощен в образе демона «Ибикуса». Преследуя главного героя, Ибикус превращает «чувствительного» обывателя сначала в «расчетливого и осторожного спекулянта», а затем – в дельца, испытывающего от своих афер «сатанинское тщеславие». Примечателен вполне «гоголевский» сон Невзорова: «Из этой каменной темноты измученный дух его был восхищен отвратительными сновидениями... Лезли какие-то рожи, хари, кривлялись, мучили...» [18. С. 272].

Если Невзоров – обманщик, то великий Провокатор Хуренито – искуситель. Как видим, писатели-современники Булгакова переносят на советскую реальность отдельные элементы сюжета «Мертвых душ» и обращаются к образу Чичикова как прототипу своих героев-авантюристов. При этом в каждом «новом Чичикове» авторы видят лик дьявола, а современную им действительность изображают как бесовское кружение, в котором, как по слову Бердяева, «сцены из Гоголя разыгрываются на каждом шагу» [10. С. 60].

Героиня повести Толстого теософка Дэво называет большевиков «сонмом демонов, получивших возможность проникнуть в физический мир и материализовавшихся эманациями человеческого зла» [18. С. 300]. Потому-то у Булгакова страшен не тривиальный «черт с рогами», появившийся во время спиритического сеанса, или привычная русскому человеку «нечистая сила», которая не дает подняться по обледенной лестнице («Спиритический сеанс», «Лестница в рай»). Инфернальный ужас вызывает начальник учреждения Кальсонер, чье «квадратное туловище сидело на искривленных ногах, причем левая была хромая» [12. Т. 1. С. 416], и старик-делопроизводитель с «синими глазными дырками» из повести «Дьяволиада» (1924), в которой фантазмагория финала «Похождений Чичикова» разворачивается в самостоятельный сюжет.

В 1930 г. Булгаков вновь обращается к поэме Гоголя. Написанная им пьеса «Мертвые души» представляет собой инсценировку поэмы, сделанную по заказу МХТ. Сюжет пьесы в целом соответствует го-

голевскому оригиналу. Булгаков обращается к материалу первого тома «Мертвых душ», но вставляет туда сцену с Чичиковым в арестном помещении, канва которой взята из второго тома. Создается ощущение, что второй том как бы «поглощен» первым. В этом оригинальном композиционном решении видится идея тщетности нравственного перерождения Чичикова, ставшая, по одной из версий, причиной уничтожения Гоголем второго тома поэмы.

В ходе текстологического анализа М.О. Чудакова установила, что Булгаков изначально задумывал пьесу-фантазмагорию, где литературная реальность гоголевской поэмы сочетается с реальной историей ее создания. Такая структура пьесы, по мнению исследователя, должна была «передать основные черты сложнейшего художественного мира Гоголя, показать своеобразие не только манеры, но и мышления писателя» [19. С. 40–41].

Ранние варианты пьесы содержали многочисленные аллюзии на целый ряд гоголевских произведений, причудливо сочетая их образы и мотивы, обыгрывая факты биографии Гоголя – действие должно было начаться в Риме. Однако худсовет МХТ потребовал у Булгакова изменить творческий замысел пьесы, о чем драматург весьма сожалел: «Рим мой был уничтожен <...> И Рима моего мне безумно жаль!» – писал он П. С. Попову 7 мая 1932 года [12. Т. 10. С. 308].

Несмотря на жесткую цензуру, пьеса Булгакова сохранила игровой потенциал, передающий особую атмосферу гоголевского художественного мира. «Веселящийся и играющий дух художника» (Б. Эйхенбаум) проявляет себя уже в прологе. Сцена, когда опекунский секретарь натолкнул Чичикова на мысль об афере с мертвыми душами, сопровождается следующей ремаркой: «Донеслись голоса: “Саша! Александр Сергеевич! Еще шампанских жажда просит <...> А уж брегета звон доносит..!”» [12. Т. 6. С. 94]. Адресатом ремарки, безусловно, является А.С. Пушкин, не только названный здесь, но и процитированный с небольшими искажениями (в «Евгении Онегине»: «Еще бокалов жажда просит. // Залить горячий жир котлет, // Но звон брегета им доносит...»). Так у Булгакова происходит «встреча» двух реальностей, литературной и подлинной: секретарь подарил Чичикову идею, а Пушкин Гоголю – сюжет.

Специфическое мизансценирование пьесы также усиливает комизм действия, что наглядно иллюстрирует следующая сцена:

«С о б а к е в и ч. Мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все христопродавцы. Один только...

Пр о к у р о р показывается за спиной С о б а к е в и ч а. и есть порядочный человек – прокурор...

Пр о к у р о р улыбается.

да и тот, если сказать правду, свинья!

Пр о к у р о р скрывается» [12. Т. 6. С. 99].

Рассматривая эволюцию гоголевского гротеска, Ю.В. Манн отметил особую роль стилистического плана «Мертвых душ» [13. С. 253]. Булгаков утрирует эту гоголевскую стилистику, делая источником гротеска ремарку. У Булгакова ремарка перестает быть всего лишь элементом «языка» пьесы и получает ста-

тус мотива. Например, заявление Ноздрева «Он торгует мертвыми душами!» сопровождается ремарка «Гробовое молчание». Та же ремарка предваряет сакраментальный вопрос Коробочки «Почем ходят мертвые души?». Гротескная семантика возникает у устойчивой формулы высокой степени алкогольного опьянения – «мертвецки пьян», когда эта формула становится ремаркой в сцене допроса Петрушки. Ремарка «Петрушка входит мертво пьяный» рифмуется с вопросом Коробочки «Почем ходят мертвые души?», звучащим три раза. Ремарка в данных примерах не просто полемизирует с излюбленной темой гротеска – «контрастом живого и мертвого и омертвлением живого» [13. С. 252], но создает эффект присутствия смерти в пьесе, значительно менее ощутимый в поэме Гоголя.

Б. Соколов писал, что в булгаковской пьесе «большую роль, чем в оригинале, играет гротеск, особенно замечательный там, где мы имеем дело со своеобразным “мнимым миром” – миром подсознания, миром воображения героев» [20. С. 174]. В этой связи особого внимания заслуживает образ Первого (в черновиках – Чтеца). Этот образ удачно передает атмосферу условности гоголевского мира, особенно в сценах, где Первый становится «внутренним голосом» героя, например: «П е р в ы й. ...Страшно, чтоб как-нибудь не досталось... Ч и ч и к о в. Дан же человеку на что-нибудь ум!» [12. Т. 6. С. 94].

Образ Первого в ипостаси комментатора вносит в пьесу дополнительный комизм. Например, в сцене визита Чичикова к губернатору Первый раскрывает читателям (зрителям) мысли обоих героев: «“Ученый человек”, – подумал Губернатор. “Дурак этот губернатор”, – подумал Чичиков» [12. Т. 6. С. 96]. Первый может суфлировать герою, что также придает действию комический характер, например: «П е р в ы й. ...Вон оно как! Ч и ч и к о в. Вон оно как» [12. Т. 6. С. 110].

Однако реплики и монологи Первого не только комичны. В основе многих из них – лирические отступления из гоголевской поэмы, названные Ю.В. Манном «авторской, “личной” партией Гоголя» [13. С. 488]. Значимость образа Первого в пьесе натолкнула К. Рудницкого на мысль о том, что Булгаковым «задумывался спектакль не о Чичикове, а о Гоголе» [21. С. 148]. Позиция исследователя находит свое подтверждение: на фоне всеобщей увлеченности Гоголем в литературе и публицистике первой половины XX в. у Булгакова складываются особые «отношения» со своим великим предшественником. По сведениям П.С. Попова, Михаил Афанасьевич еще девятилетним мальчиком «зачитывался Гоголем <...> особенно увлекался “Мертвыми душами”» [22. С. 555]. Став зрелым художником, Булгаков не скрывает своего преклонения перед классиком. Делясь впечатлениями с В.В. Вересаевым по поводу его книги «Гоголь в жизни», Булгаков восклицает: «Боже! Какая фигура! Какая личность!» [12. Т. 10. С. 332]. Хрестоматийно известной стала «просьба» Булгакова к Гоголю-учителю: «Укрой меня своей чугуною шинелью!» [12. Т. 10. С. 294]. Наконец, по свидетельству того же П.С. Попова, «при мысли о предстоящей кончине, он

<Булгаков>, уже лишенный зрения, бесстрашно прошил ему читать о последних жутких днях и часах Гоголя» [22. С. 544].

По-видимому, изображение Булгаковым поэтического сознания Художника, явленного в лирико-философских размышлениях о «юности и свежести», о «бледном отражении чувства» на лице скряги, о дороге – это не просто гоголевский прием, благодаря которому резче высвечивается пошлость событийной линии текста и расширяется его смысловая перспектива. Образ Первого у Булгакова выстраивает ситуацию диалога сознаний двух писателей, разделенных временем – писателей, видевших инфернальное в абсурде окружающей их реальности.

Создавая фельетон «Похождения Чичикова» и пьесу «Мертвые души», М.А. Булгаков наполняет хорошо известный художественный материал новым содержанием, соответствующим этико-эстетическим приоритетам своего времени. У Булгакова обращение к гоголевской поэтике гротеска создает особый стиль, созвучный пореволюционной эпохе мировоззренческих деформаций, породивших феномен советского «новояза». Разрабатывая сквозную для Гоголя тему бешовства, Булгаков передает атмосферу социально-исторического хаоса 1920-х гг. Кроме того, посредством стратегии художественной интерпретации Булгаков-художник рефлексировал о судьбе своего великого предшественника и о его творчестве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 444 с.
2. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. М. : Академический Проект, 2008. 695 с.
3. Эко У. Открытое произведение: Форма и неопределенность в соврем. поэтике / пер. с итал. А. Шурбелева. СПб. : Академический Проект, 2004. 380 с.
4. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб. : Искусство-СПб, 2002. 768 с.
5. Бахтин М.М. Лекции об А. Белом, Ф. Сологубе, А. Блоке. С. Есенине (в записи Р.М. Миркиной) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 2–3. С. 138–174.
6. Чудакова М.О. Поэтика Михаила Зощенко. М. : Наука, 1979. 200 с.
7. Кучеровский Н.М. История Дурновки и ее «мертвые души»: (Повесть И.А. Бунина «Деревня») // Русская литература XX века: (доокт. период). Калуга, 1970. Сб. 2. С. 107–154.
8. Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 8: Проза (1908–1916). М. : Наука, 2010. 590 с.
9. Горький М. Книга о русских людях. М. : Вагриус, 2000. 571 с.
10. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М. : Изд-во Моск. ун-та; СП «Ост-Вест Корпорейшен», 1990. С. 55–89.
11. Чеботарева В. «Рукописи не горят». Баку : Язычы, 1991. 144 с.
12. Булгаков М.А. Собр. сочинений : в 10 т. М. : Голос, 1995–2000.
13. Манн Ю.В. Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 744 с.
14. Эйхенбаум Б.М. Сквозь литературу : сб. ст. Л. : Academia, 1924. 279 с.
15. Виноградов В.В. Поэтика русской литературы : избр. тр. М. : Наука, 1976. 512 с.
16. Мережковский Д.С. Гоголь и черт: Поэзия; Гоголь и черт: исследование; Итальянские новеллы. М. : Книжный Клуб Книговек, 2010. 384 с.
17. Эренбург И.Г. Собр. сочинений : в 8 т. М. : Худ. лит., 1990–2000. Т. 1.
18. Толстой А.Н. Четыре века. М. : Сов. Россия, 1980. 512 с.
19. Чудакова М.О. Булгаков и Гоголь // Русская речь. 1979. № 2. С. 38–48; № 3. С. 55–59.
20. Соколов Б. О киносценарии М. Булгакова «Ревизор» // Киносценарии : Альманах. М. : Госкино СССР, 1988. № 3. С. 173–176.
21. Рудницкий К. «Мертвые души» МХЛТ-1932 // Театральные страницы. М. : Искусство, 1979. С. 145–185.
22. Булгаков М. Письма. Жизнеописание в документах. М. : Современник, 1989. 576 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 31 января 2021 г.

Gogol's *Dead Souls* in the Literary Interpretation of Mikhail Bulgakov

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 28–33.

DOI: 10.17223/15617793/467/3

Oksana A. Kolmakova, Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: post-oxygen@mail.ru

Keywords: Mikhail Bulgakov; Nikolai Gogol; *The Adventures of Chichikov*; *Dead Souls*; literary interpretation; intertext; grotesque.

The article discusses the urgent issue of a contemporary work of art interacting with the text of a classical work. The subject-matter of the study is the intertextual game strategy in the artistic interpretation of Gogol's poem *Dead Souls* performed by Mikhail Bulgakov. The material of the study is Bulgakov's two texts (the feuilleton "The Adventures of Chichikov" and the play *Dead Souls*) and Gogol's *Dead Souls* (the original work), *The Government Inspector*, St. Petersburg tales, and the cycle *Evenings on a Farm Near Dikanka*. The methodology of the article is based on the concept of dialogism belonging to Mikhail Bakhtin and on the hermeneutic phenomenology of Paul Ricoeur. Also, the article uses the methodology of "The Open Work" theory by Umberto Eco, based on the ideas of Yuri Lotman about a classical text that generates meanings and needs an interpreter. To analyze literary texts, the principles of literary hermeneutics, receptive aesthetics, structural, semiotic, cultural, and historical methods are used. The feuilleton "The Adventures of Chichikov" by Bulgakov is an intertextual game interpretation of Gogol's *Dead Souls*, and it is based on the use of specific techniques that Gogol employed in his poetics. Relying on the devices of Gogol's stylistic grotesque, Bulgakov combines poetic and formal words, which highlights the absurdity of the developing Soviet "newspeak" and the absurdity of the Soviet ideology. The appeal to the image of the rogue Chichikov and the theme of devilry allows us to correlate Bulgakov's feuilleton with a number of rogue novels of the 1920s (Ilya Ehrenburg's *The Extraordinary Adventures of Julio Jurenito and His Disciples*, Aleksey N. Tolstoy's *The Adventures of Nevzorov, or Ibicus*). Bulgakov's play *Dead Souls*, being as close as possible to its pretext, is more grotesque in character, which is explained by the specific worldview of the modernist writer. The game potential of the play, which is realized at all the levels of the text (semantic, stylistic, communicative, pragmatic ones), conveys a special atmosphere of Gogol's artistic world and builds a situation of dialogue between the minds of two time-separated writers. Creating the feuilleton "The Adventures of Chichikov" and the play *Dead Souls*, Bulgakov fills the well-known literary frame with a new content that

corresponds to the ethical and aesthetic priorities of his time. Bulgakov's appeal to Gogol's poetics of grotesque creates a special style, consonant with the post-revolutionary era of ideological deformations that gave rise to the phenomenon of the Soviet "newspeak". Developing the theme of devilry that is cross-cutting for Gogol, Bulgakov conveys the atmosphere of the social and historical chaos of the 1920s. In addition, through the strategy of artistic interpretation, Bulgakov the artist reflects on the fate of his great predecessor and his works.

REFERENCES

1. Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Art]. Moscow: Iskusstvo.
2. Ricœur, P. (2008) *Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germeneytike* [Conflict of Interpretations. Essays on hermeneutics]. Translated from French by I.S. Vdovina. Moscow: Akademicheskii proekt.
3. Eco, U. (2004) *Otkrytoe proizvedenie: Forma i neopredelennost' v sovremennoy poetike* [The Open Work: Form and Uncertainty in the Contemporary Poetics]. Translated from Italian by A. Shurbelev. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt.
4. Lotman, Yu.M. (2002) *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [History and Typology of Russian Culture]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb.
5. Bakhtin, M.M. (1993) Lektsii ob A. Belom, F. Sologube, A. Bloke. S. Esenine (v zapisi R.M. Mirkinoy) [Lectures about A. Bely, F. Sologub, A. Blok. S. Yesenin (recorded by R.M. Mirkina)]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*. 2–3. pp. 138–174.
6. Chudakova, M.O. (1979) *Poetika Mikhaila Zoshchenko* [Poetics of Mikhail Zoshchenko]. Moscow: Nauka.
7. Kucherovskiy, N.M. (1970) Istoriya Durnovki i ee "mertvyie dushi": (Povest' I.A. Bunina "Derevnya") [The story of Durnovka and its "dead souls": (I.A. Bunin's short novel "Village")]. In: *Russkaya literatura XX veka: (dookt. period)* [Russian Literature of the 20th Century: (Pre-October period)]. Vol. 2. Kaluga: [s.n.]. pp. 107–154.
8. Blok, A.A. (2010) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 8. Moscow: Nauka.
9. Gor'kiy, M. (2000) *Kniga o russkikh lyudyakh* [The Book about Russian People]. Moscow: Vagrius.
10. Berdyaev, N.A. (1990) Dukhi russkoy revolyutsii [Spirits of the Russian Revolution]. In: *Iz glubiny. Sbornik statey o russkoy revolyutsii* [From the Depths. Collection of articles about the Russian revolution]. Moscow: Moscow State University; SP "Ost-Vest Korporeyshen". pp. 55–89.
11. Chebotareva, V. (1991) "Rukopisi ne goryat" ["Manuscripts Don't Burn"]. Baku: Yazychy.
12. Bulgakov, M.A. (1995–2000) *Sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow: Golos.
13. Mann, Yu.V. (2007) *Tvorchestvo Gogolya: smysl i forma* [Gogol's Creativity: Meaning and Form]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
14. Eykhenbaum, B.M. (1924) *Skvoz' literaturu* [Through Literature]. Leningrad: Academia.
15. Vinogradov, V.V. (1976) *Poetika russkoy literatury* [Poetics of Russian Literature]. Moscow: Nauka.
16. Merezhkovskiy, D.S. (2010) *Gogol' i chert: Poeziya; Gogol' i chert: issledovanie; Ital'yanskie novelly* [Gogol and the Devil: Poetry; Gogol and the Devil: A Study; Italian Novellas]. Moscow: Knizhnyy Klub Knigovek.
17. Erenburg, I.G. (1990–2000) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
18. Tolstoy, A.N. (1980) *Chetyre veka* [Four Centuries]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
19. Chudakova, M.O. (1979) Bulgakov i Gogol' [Bulgakov and Gogol]. *Russkaya rech'*. 2. pp. 38–48; 3. pp. 55–59.
20. Sokolov, B.V. (1988) O kinostsenarii M. Bulgakova "Revizor" [About M. Bulgakov's screenplay "The Inspector General"]. *Kinostsenarii: Al'manakh*. 3. pp. 173–176.
21. Rudnitskiy, K. (1979) "Mertvyie dushi" MKhLT-1932 ["Dead Souls" MHLT-1932]. In: *Teatral'nye stranitsy* [Theater Pages]. Moscow: Iskusstvo. pp. 145–185.
22. Bulgakov, M. (1989) *Pis'ma. Zhizneopisanie v dokumentakh* [Letters. Biography in documents]. Moscow: Sovremennik.

Received: 31 January 2021

А.В. Марков

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ К. БАЛЬМОНТА В СВЕТЕ ИЛЛЮСТРАЦИЙ Г. НАРБУТА: ОТ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ К ЭКСПРЕССИИ

Исследуется соотношение эстетической программы сборника переводов К. Бальмонта «Зовы древности» (1908) и оригинальных иллюстраций Г. Нарбута. Устанавливается, что синкретическое мировоззрение Бальмонта, выразившееся в выборе образцов для перевода, было обогащено в этом сборнике пониманием древнейшей поэзии как точки отсчета трансформаций лирического жанра. Иллюстрации Г. Нарбута, с элементами национального стиля и раннего экспрессионизма, способствовали принятию этой точки отсчета читателями.

Ключевые слова: Бальмонт; Георгий Нарбут; поэтический перевод; интермедальность; стилистика перевода; экспрессия; книжная иллюстрация.

Любой исследователь русского модернизма знает о повышенном внимании символистов к книжному оформлению, с целью как приближения местной печатной продукции к лучшим мировым образцам, так и раскрытия новой жизнотворческой программы и в наглядных завораживающих образах. Такое продуманное оформление нельзя сводить к эмоциональному запросу эпохи, в отрыве от литературных идеологий: достаточно указать на то, что акмеистический поворот журнала «Аполлон» привел к созданию в этом журнале нового искусствоведения, предпочитающего графическую условность иллюзорному натуроподобию, концепт – стилизации, ансамбль в архитектуре – эклектике, и соединение неоклассицизма общего оформления с изощренной экзотической графикой в оформлении отвечало общей идеологии издания. Также и деятельность открывшегося в 1909 г. издательства «Мусагет», синтезировавшего вагнеровскую программу национального неоромантизма с религиозным обоснованием символа, внесла, как показано в недавнем коллективном труде [1], свой вклад в сопоставление древнерусской иконы с античной архаикой и радикально новое осмысление древнерусской культуры.

Менее очевидны процессы, происходившие в 1907–1908 гг., например, связанные с деятельностью издательства «Пантеон», поставившего целью создать переводы классики всех народов мира. В этом смысле издательство было прямым предшественником позднейших проектов М. и С. Сабашниковых и М. Горького по созданию библиотеки всемирной литературы. Отсылки к памятникам прошлого, включая визуальные и пластические, для создания воображаемой генеалогии собственного творчества было нормой для книжных проектов старших символистов. Они утверждали истоки современной эстетики в античном и средневековом понимании символа, также для них и Гёте, и Пушкин были своеобразными символистами – достаточно указать на В. Брюсова как издателя пушкинских рукописей, на иллюстрации по средневековым миниатюрам в журнале «Весы» и по ренессансным гравюрам в романе В. Брюсова «Огненный ангел» [2]. Такое внимание как к литературным памятникам, так и к характерным для каждой прошлой эпохи живописным и пластическим решениям мы и называем вслед за Н.А. Дровалевой «интермедальностью» – хотя этот термин появился сравнительно недавно, он вполне удачен как

характеризующий культурные процессы начала XX в., времени бурного развития различных новых медиа, таких как кинематограф или телефон.

Случай переводов Бальмонта из древних литератур и экзотических памятников фольклора, вышедших отдельной в издательстве «Пантеон», особый. Конечно, еще издательство «Скорпион» [3] привлекало разных художников для воспроизведения стилистики и основных узнаваемых черт древних цивилизаций, чтобы усилить эту мнимую укорененность символизма в тайнах и мудрости древних. Но среди художников, работавших над этой книгой, по крайней мере двое выделялись наличием собственной эстетической и идеологической программы: Л. Бакст как создатель оригинального неомифологизма и Г. Нарбут как создатель оригинального национального неоромантизма. Мы ставим вопрос, в какой мере своеобразие оформительских решений Нарбута соответствовало жизнотворческим амбициям переводческой программы Бальмонта.

Среди символистов-переводчиков Бальмонт занимает особое место не только по продуктивности работы репутации полиглота, но и по особой организации книг и переводов. Уже первое его издание стихотворений 1890 г. включало антологию переводов из французской и немецкой поэзии, причем организованную не по тематическому или хронологическому типу, но как представительные подборки самых известных новейших западных лириков. Этим он отличается от Брюсова или Вяч. Иванова, предпочитавших переводить отдельные образцы лирики. Особый интерес к архаике, отличающий и оригинальное, и переводческое творчество Бальмонта 1907–1909 г., потребовал от него усилить внимание к экзотике: миры поэтов разных стран и народов должны были не столько анализироваться, сколько запоминаться как живущие по своим неотменимым этическим и эстетическим законам. Это вполне соответствовало синкретическому мировоззрению Бальмонта и культурному запросу издательства «Пантеон» на представление памятников различных народов.

Такую необходимость принять не только достижения поэзии других стран, но и собственные законы выразительности каждого отдельного мира, не зависящие от привычек и установок восприятия современного человека, мы и называем «экспрессией». Проблема нашей статьи – произошедший в книге «Зовы

древности» сдвиг от интермедийности к экспрессии: от перевода как иллюстрации данной культуры с ее нюансами и неожиданными эмоциями, который может быть подкреплен книжной иллюстрацией, к антологическому представлению культур как самостоятельных миров, неотменимых в своей выразительности. Графическая манера Нарбута способствовала этому переходу, утверждая Бальмонта не просто как виртуозного переводчика, чья виртуозность к тому времени была оспорена критиками начиная с К. Чуковского, но как экспрессивного поэта, способного представлять целые этнические миры.

Георгий (Егор) Нарбут (1886–1920) среди художников национального стиля занимает особое место, прежде всего по умению соединить перемены собственной манеры под влиянием образцов и уроков современников, от Бакста, Билибина и Рёриха до Эмиля Преториуса, с сохранением на протяжении всей творческой карьеры свойственного только ему стиля как узнаваемо-национального. Стилистика этого украинско-русского художника-оформителя, искусно маскирующего влияние современников и внушающего зрителю впечатление аутентичного национального декора, стала возможна только благодаря особой технике проработки деталей, когда почти ювелирная тщательность соединяется с отчаянным экспериментом в области идей. Примером можно считать еще раннюю работу Нарбута, «Герб города Москвы» (1904, в виде открытки – 1907), рисунок по тогдашнему гербу, где всадник по общим геральдическим правилам был обращен влево, напоминающий детализированный этюд к мозаике. Соединение размашистой стилизации со скрупулезной проработкой декоративных элементов, которые будто бы можно рассматривать с разных сторон, позволило Нарбуту перенести копьё за круп лошади, что противоречило геральдическим правилам, но создавало особую экспрессию рассмотрения мнимого объема как бы со стороны фона.

Уже в первых исследованиях о Нарбуте его творческий метод описывали как соединение неомифологизма Билибина с объемным наложением нескольких планов и нескольких точек зрения в духе Пиранези [4. С. 15], которого искусствоведы часто называют экспрессионистом XVIII в. Позднейшие исследователи пытались определить особенность стилизации Нарбута, отличающий его от современников и учителей, таких как важные для него Билибин и Рёрих, и итогом дискуссий стало удачное утверждение, что Нарбут «превращает исторические образы в категориальные» [5. С. 11]. Историки искусства и историки типографики отмечали склонность Нарбута использовать «все возможные средства графической техники» [6. С. 124], все инструменты выразительности, в духе синкретической эстетики В. Брюсова и К. Бальмонта, «всех напевов», поклонения всем богам, где разнообразие идей и форм высказывания должно было привести не к эклектизму, но напротив, к завершенности формы, как у Брюсова, или к полноте внутреннего переживания, как у Бальмонта.

Технику сложного и при этом комментирующего взгляда Нарбут сохранял и в последующих

иллюстрациях к поэзии. Ограничимся одним примером. Иллюстрация [7. С. 75] к стихотворению его брата Владимира Нарбута «Предпасхальное» (1913) [8. С. 144–145] передает главный сюжет стихотворения: лирический повествователь в нем отождествляет себя со свиньей, образцом безобразия и тоски, и при этом выводит Фортуна, поощряющую гедонизм пасхальной трапезы с неизбежной свининой. Здесь кратко дана предэкспрессионистская поэтика, в которой эмпатическое переживание безобразного соединяется с признанием того, что человек не властен над своими чувствами, может менять разве угол зрения или контекст восприятия, всем владеет Фортуна. Экспрессионизм – это и есть эстетика отчуждения чувства от субъекта, превращение чувства из принадлежности субъекта во властную над субъектом стихию. И здесь такое отчуждение выстроено самой композицией гравюры, где зритель сначала видит свинью, потом опознает в обнаженной крестьянке Фортуна, а потом начинает рассматривать декоративный фон, и только после этого понимает общий смысл композиции.

Мы сейчас не касаемся огромных заслуг Нарбута, например, по созданию в 1917–1920 гг. украинского национального стиля в книжном оформлении, основанного на обновленном наследии киевского барокко в архитектуре и фресках, видах усадеб, располагавшихся в восточной страны и достижениях львовской и киевской типографики – здесь он по масштабам деятельности сопоставим с символистами, создававшими национальный дизайн, как Альфонс Муха в Чехии, как и Нарбут разработавший дизайн банкнот и почтовых марок. Нас интересует, как именно его установка на переход от обычного считывания картины, переднего и заднего плана, к сложной игре и взгляду снизу или сзади картины, проявилась в иллюстрировании книги К. Бальмонта «Зовы древних» [6], представляющая собой антологию перевода мировой поэзии различных континентов, прежде всего мифологической, в соответствии с тогдашними острыми этнографическими интересами и самого поэта, и его публики.

Если ранний символизм в своей издательской деятельности, как показывает пример издательства «Скорпион» [10, 11], должен был просто наладить регулярный выход образцов новейшей словесности, западного символизма, и мало думал о композиции книг и альманахов, подчиняя все композиционные решения общему культуртрегерскому пафосу [12. С. 170–175], то «Пантеон», издательство, в котором вышла эта книга поэтических переводов, представляет собой следующий этап развития символистского культуртрегерства, уже разборчивого, требующего особого отбора переводимых текстов, переводчиков и иллюстраторов, квалифицированного контроля качества перевода [13. С. 179]. Издательство должно было не просто сформировать взгляд читателя на новую литературу, но опираясь на уже сформировавшийся круг авторитетных филологов и переводчиков, научить читателя смотреть не только на классиков с позиций современности, но и на современность – с позиций классики. Классический фон и должен был стать основной позицией при эстетической оценке, а каждый этнический экзотический мир – обрести экспрессивную самостоятельность.

Дурная слава Бальмонта-переводчика, в чем-то заслуженная из-за отдельных грубых ошибок, ритмического однообразия и произвольного выбора метра, к счастью, опровергнута современной наукой. Исследования стиховедов, например В.С. Полиловой [14. С. 157], показали, что Бальмонт, исходя из своих представлений о магии слова, вполне сохранял и порядок слов оригинала, и многие его стилистические особенности, а неудачи в выборе метра были вынуждены из-за сложностей самих оригинальных метрических систем – поэтому переводам Бальмонта не откажешь ни в последовательности, ни в поэтическом вдохновении. Внимательное чтение переводов Бальмонта с европейских языков, таких как испанский или английский [15. С. 137], показывает, что сколь бы велика ни была мера вольности, поэт воспроизводил не просто точно, но искусно, композиционные и риторические схемы оригинала, так что они превращались в средство передачи жанрово-стилистических предпочтений данного поэта или эпохи. Воспроизведение в переводе уже известных читателю жанровых и риторических паттернов помогало читателю усвоить и синкретический пафос Бальмонта как переводчика, а в свете него разглядеть и особую экспрессию оригинала в тех местах, где переводчик становился слишком увлечен материалом.

Если перевод европейской поэзии имеет обычно дело с устоявшимся вкусом среднего читателя, привычным к хрестоматийному, то переводы древней и экзотической поэзии всегда отходят от хрестоматийности и требуют различать, по крайней мере, «неискушенного» и «искушенного» читателя. Это различие вполне отвечало представлениям Бальмонта 1907–1909 г. о литургически-магическом предназначении настоящей поэзии, создающей свой эзотерический круг. Антология «Зовы древности» выглядела как магическая книга, потому что завершался текст комментариев в конце виньеткой работы Нарбута, с изображением скарабея [9. С. 211], символа движения солнца и времени, которому, правда, из-за формы винетки не удалось широко расправить крылья. Это был талисман книги, содержащей прежде всего интересовавшие Бальмонта предания о Солнце в разных культурах планеты.

Бальмонт прямо сказал в предисловии к книге, что книга является частью культуры взаимодействия слова и изображения (что мы и называем интермедийностью), но задачу книги определил как выходящую за пределы простого утверждения синкретического мировоззрения. Он определил своих современников, работавших над освоением мировой культуры как в поэтическом творчестве, так и в рисунке, как «Певучую Дружину» [9. С. 11], и говорил, что в создании нового суггестивного образа красоты как достояния мировой культуры, в «замысле» «свить цветочную гирлянду красоты и знания» [9. С. 11] выступают как поэты, создающие собственные версии культуры как эстетической системы, от Мережковского до Городецкого, так и художники, как Бенуа и Бакст, и исследователи и популяризаторы древней культуры, как Ф.Ф. Зелинский, упоминание которого, вероятно, связано больше с политикой издательства по привлечению филологов [16. С. 69], чем с собственными вкусами Бальмонта.

Вообще, эта книга Бальмонта – один из первых манифестов обновленного поэтического национализма: в предисловии поэт прямо говорил, что «только в России существует сейчас кипение настоящего творчества» [9. С. 10], что возлагает на поэтов особую задачу – создать убедительную идеализированную образность для всей мировой культуры, «создадим великую звездность в области Русского Поэтического Слова» [9. С. 10].

Другими словами, Бальмонт призвал всех современников-культуристов к созданию идеализированных и экспрессивных образов культуры прошлого, способных оправдать субъективные лирические переживания. В таком движении в сторону экспрессии на новом, уже мультикультурном уровне воспроизводилась национальная идеология «родного языка», формирующего с детства целостное мирозерцание и умение понимать ключевые эстетические и этические понятия. Такой вселенский национализм проповедовал и упомянутый проф. Зелинский в апологии классических гимназий «Древний мир и мы» [17], утверждая, что только изучение классических языков может передать народу самые благородные понятия, непередаваемые на современные языки, но своим содержанием сразу внушающие умеренность, жертвенность, честность и другие необходимые для развития общества качества. В проекте в проекте «Пантеона» и Бальмонта подразумевалось, что эти два аспекта, мирозерцание и понимание того, что такое «стыд» или «подвиг», поддерживаются не собственной энергией языка, но этическим пафосом авторов и их переводчиков, исключая нечестную конкуренцию и потому требующим передавать авторские озарения как нравственно воспитательные для читателя независимо от его квалификации в области мировой литературы.

Исходя из этого педагогического проекта вселенского национализма, следует интерпретировать заставку Нарбута к этой книге. Над книгой работали и другие художники, например заставка к разделу «Эллада» [6. С. 155] представляет собой пластическую композицию Бакста с Корой и Горгоной, в которой любой тогдашний образованный читатель узнавал темы его же «Древнего ужаса», а читатель не настолько проницательный – просто образность красоты и безобразия, в достаточно сдержанных пластических формах, что даже больше соответствовало внутренним переживаниям Бакста, как проницательно показано в недавней монографии о нем [18]. Для раздела «Индия» [9. С. 83] Бакст употребил свой фирменный узор-сетку, на который оказались как бы подвешены уверенно стоящие друг напротив друга слоны – квалифицированный читатель здесь видел общую идею танца жизни, стоящую за этим узором и покоящуюся на древнейших основаниях индийской культуры, тогда как менее искушенный любитель переводов – просто образ Индии как страны, в отличие от сдержанной Эллады, повышенно декоративной, и поэтому готовился к чтению чего-то прихотливого, но обещающего весомые философские утверждения. Книга, представляя в переводах символистскую поэтику Бальмонта, нервически-яркую, основанную на кричащих парадоксах, обещала читателю опыт новых миров как ориентирующих в том числе в философских и этических вопросах.

Нарбут пошел дальше Бакста, стремясь, чтобы это ориентирование не было только временным переживанием, а сделалось законченной программой отношения к культуре. Например, имитация скульптур майя в заставке к разделу «Майя» [9. С. 51] была решена как трехчастная композиция с выступом-доминантой, как бы крыльцом, средней части. Равнение на скульптуру этой цивилизации, а не росписи, позволило ввести декоративные элементы, как ель, цветок или куст, совершенно не имеющие отношение к майя, никогда не изображавших растительность натуроподобно. Трудно оправдать решение изобразить елочку частным содержанием избранных Бальмонтом для перевода отрывков, но его легко соотнести с главной темой всех переведенных им отрывков – феноменологией письма, возможностью воспользоваться иглой резчика для создания магических заклятий, что и воспевается в переведенных отрывках, где в письме полностью восстанавливаются полномочия устной магии.

Тем самым Нарбут, давая узнаваемый читателем пейзаж, внушал, что знакомая магия пейзажного очарования будет экспрессивно действовать, несмотря на отдаленность мезоамериканской культуры от европейской системы понятий. Основание для решения Нарбута дал сам Бальмонт, решивший трактовать мезоамериканские цивилизации как вписавшиеся в русский пейзаж, а не в русскую архитектуру или живопись. Свой как бы академический комментарий к разделу «Перу» [9. С. 205] Бальмонт открыл трогательной заметкой, сколь родными родными выглядят в российских ландшафтах перуанские подсолнух и гвоздика. Для Перу заставку тоже делал Нарбут [9. С. 61], и использование, кроме растительных мотивов, контурного шрифта с засечками, могло быть вдохновлено геометрикой перуанской керамики, как ее описывает Бальмонт, что ее «лиризм утончен и нежен» [9. С. 205] – специфические засечки букв и внушают этот образ утонченного и даже пресыщенного эстетизма.

Заставка к разделу «Иран» [9. С. 111] имитирует архитектуру Персеполиса, сжав ее до формулы, поместив чешуйчатый карниз входной группы дворца на сложные колонны, но заменяя дверь окном с рамой, так что мы оказываемся в комнате. У одной из колонн стоит кувшин, по ступеням стелется ковер, а на окне стоят не то горшки, не то светильники. За этим двусторчатым окном с изощренной верхней балкой видна двуххвостая комета, причем хвосты кометы идут дугой, что, конечно, не было свойственно никаким изображениям комет в древних культурах, но отвечало декоративной иллюстративной культуре символизма, наследующей галантным образам фейерверков и фонтанов. В таком иллюстративном решении возможна отсылка к гробнице Кира, выглядящей как домик. Смысл его становится понятен, учитывая общий стиль переводов из «Авесты», декламационный, с анафорами и возвращением повествования к себе, с как бы постоянным обживанием читателем непривычной традиции. Домашняя обстановка указывает на то, что иранская культура может быть так же обжита, как греческая и арабская, благодаря особому связыванию фрагментарных впечатлений, как бы арабесок, поэтическим

восстановлением зороастризма как одного из способов собирать реальность внутри повествования здесь и сейчас.

Еще один возможный ключ к такой двусторчатости – автокомментарий поэта, утверждавшего, что Индия и Иран – два «братские народа», с общими интуициями и интересами, но если Индия мыслит жизнь в противопоставлении смерти, то Иран может наслаждаться мелочами жизни, «воплотил в своем религиозно-поэтическом творчестве очарование Жизни» [9. С. 207]. Далее Бальмонт говорит, что индусов и персов объединяет как раз опьянение цветами, цветок «ведет их к светлым экстатическим состояниям и вводит их в стройное Миропознание». Внимание к деталям лучше всего представить как комнату, где может состояться такой опьяняющий опыт не как стихийный экстаз, но как то, что подлежит наблюдению и тщательной интермедальной интерпретации при осмыслении этой поэзии, в поэтическом переводе опять превращающейся в экспрессивный восторг.

Иллюстрируя раздел «Скандинавия», Нарбут простодушно воспроизвел с некоторыми изменениями свой рисунок 1903 г. к «Песни о Роланде» [7. С. 2], первое свое мастерское произведение, сохранив использование полой буквицы (которая в поздний период станет его фирменным знаком модернистского преобразования украинских барочных традиций [19. С. 136]) в декоративном картуше, изображение конской попоны, закрытого шлема и цветочного узора в поле с целью создать обобщенный образ рыцарских выездов, битв и турниров. Но исчезли те детали, которые объявил бы неисторичными даже не слишком интересующийся средневековой историей читатель: экстравагантные декоративные нашьлемники, множественность слишком модернизированных флагов, замок со множеством мелких башенок, соответствующий позднесредневековым иллюстрациям или архитектурным стилизациям XIX в., но не эпохе, когда происходит действие «Песни» и тем более скандинавских саг. Здесь Нарбут поместил вполне историчную для эпохи романскую архитектуру и вполне исторические для местности корабли викингов, заменил условные цветы на геральдические розы, воспринимавшиеся тогда как важный архитектурный символ посвященности [20. С. 122], а над всем пейзажем протянул прихотливую девизную ленту без надписи.

Такое решение соответствует выбору отрывков из «Эдды», где проповедуется особый безличный героизм, героизм любого боевого товарища, укорененный в житейской мудрости, – вырвав эти отрывки из контекста, Бальмонт поневоле санкционировал новую экспрессию художника, оторванную от историзма «Эдды». Эпос превратился в песню, молитву, заклинание и мудрый афоризм. По комментарию самого Бальмонта, любой норвежец знает такие отрывки наизусть и «прослушает их, как слушают псалом» [9. С. 209], иначе говоря, это всеобщее знание, но знание, которое при простом повторении порождает серьезное, молитвенное, ожидающее решений отношение к действительности. Получается, что храбрость, взаимовыручка, честь – те части предписываемого общего опыта, которые как бы существуют сами по себе, без каких-либо

индивидуальных параметров, просто благодаря самой диспозиции наличия войска и боевого братства. Отрывкам из Речей Высокого предшествуют в подборке Бальмонта космогонические фрагменты из Прорицания Вёльвы, которые вряд ли поддаются иллюстрации, поэтому заставка Нарбута дает читателю этические ориентиры, а не космогоническую образность.

Совершенная конструкция театральных подмостков и занавеса, с бусами вместо занавеса и идолами вместо колонн, на которых держится его балка, для раздела «Океания» [9. С. 145] – эта работа Нарбута выражает задачу Бальмонта дать типологию жанров литературы аборигенов, потому что если для жанров Китая или мезоамериканских систем словесности существовали устойчивые квазитермины, то как назвать словесное творчество Океании? Бальмонт поделил его на «песни», связанные с ритуалом, и «предания», космогонические сказания, которые он в комментарии называет также только «легендами» [9. С. 208], хотя они были записаны только этнографами, а значит, не могут быть признаны легендами в терминологическом смысле. Слово «легенда» позволило Бальмонту не комментировать «песни», как будто они само собой разумеются, а пояснить специфику восприятия аборигенами окружающего мира в сравнении с их космогониями, как именно буйство природы может быть познано как поэтическое благодаря переданному от предков не меньшему буйству фантазии.

В этом смысле предания как мировоззренческий фон этой словесности составляют сущность «легенды» – они позволяют определенным образом считывать природу, понимать, как непосредственно пережитое отныне оказывается и прочитанным; и порядок экспрессии отражается в порядке восприятия этических уроков. Образ невидимого театра здесь подходит как универсальная заставка к любой сюжетной книге, где чаще всего так и строилась обложка в массовых изданиях, как декоративная рамка и одновременно театр-домик – в расчете на простоватых читателей, привыкших к зрелищам. Зрелищем оказывается само повторение жителями Океании преданий, само умение отнестись к природе как зрелищу и хранилищу культурной памяти – и тем самым притязание Бальмонта на воспроизведение мировоззрения жителей Океании поддерживается эффектной театральной заставкой Нарбута.

Наконец, «Бретань» Нарбута [9. С. 177], – руническое узорное кольцо, в которое заключен титул стилизованным под каролингский минускул, и под ним поставлена условная буква, кельтский узор в виде дракона, причем перевернутого. Данная композиция внушала читателю мысль, с одной стороны, о вечности, а с другой – о сведении наследия Бретани к кельтскому

наследию вообще. Бальмонт стремился представить самое экзотическое из поэзии этого края, переполнив стихи экспрессивными восклицаниями. Он не давал читателю самому установить ассоциативную связь между образами, требуя признать Бретань как первичный фон западного мировоззрения. Так Бальмонт истолковал экзотические воинские пляски в комментарии [9. С. 211], не как инициацию или подготовку к бою, а как ловкость, артистическую точность, требующую ловить меч, – приписав тем самым этой поэзии точность и остроту мысли, которая стоит выше любого разделения устного или письменного текста. Для Бальмонта эта ловкость была первым примером виртуозности западного типа, прецедентом изощренности символистской поэзии. Тогда Нарбут, сведя мир Бретани к узору, тоже концентрировал внимание читателей не на описываемых в стихах событиях, а на форме выражения.

Таким образом, эстетизируя мифологическую и ритуальную поэзию разных народов, Бальмонт вовсе не «бальмонтизировал» переводы, в чем его обвиняли критики. В рамках более общего проекта издательства «Пантеон» он утвердил особый тип перевода, в котором лирические переживания читателя оказываются только частью экспрессивного восторга, который внушает традиция как фон последующих эстетических и этических решений. Без иллюстраций этот тип перевода воспринимался бы как слишком произвольный, как продолжение собственного восторга и собственного синкретического мировоззрения Бальмонта. Иллюстрации, в которых взгляд из прошлого и взгляд из настоящего сочетаются наиболее причудливым образом, позволили квалифицированным читателям обращать внимание на переводческую программу Бальмонта, требующую стереть границу между устным и письменным, назвать миф «легендой», для того, чтобы перевод состоялся как непосредственное продолжение эстетических интуиций древних.

А для неквалифицированных читателей, которым эта переводческая программа не так внятна, на первый план выходил общий образ мифоритуального экстаза, который оправдывает отношение к декоративной причудливости не как к предмету любопытства, но как к интерпретации, объясняющей зрелищность и экспрессивность поэзии древних. Бальмонт благодаря иллюстративному комментарию Нарбута и других участников книжного проекта оказался интерпретатором-антропологом, способным показать, как именно экзотическое порождает дифференциацию лирических жанров, а не просто восторженным лириком, навязчиво привносящим в переводимые произведения свойства собственного стиля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Книгоиздательство «Мусaget»: история, мифы, результаты / сост. А.И. Резниченко. М.: РГГУ, 2014. 532 с.
2. Дровалева Н.А. Портрет как предмет изображения в отдельных прижизненных изданиях романа В.Я. Брюсова «Огненный ангел» (литература и книжная графика) // Новый филологический вестник. 2017. № 2 (41). С. 110–118.
3. Кузнецов О.В. Книжная графика художников-символистов издательства «Скорпион» в России начала XX века // Наука и общество в современных условиях. 2016. № 1. С. 7–18.
4. Лукомский Г.К. Егор Нарбут: Художник-график. Берлин: Изд. Е.А. Гутнова, 1923. 40 с.
5. Зайцева В.И. Традиции и поиски в области книжной графики на примере творчества Георгия Нарбута (киевский период) // Наука 21 века: вопросы, гипотезы, ответы. 2016. № 3. С. 9–12.

6. Чижев А. Азбука Г.И. Нарбута (1886–1920): история создания и особенности художественного оформления // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. 2014. № 3. С. 123–131.
7. Нарбут Г. Альбом / сост. П.О. Белецкий. Киев : Мистецтво, 1983. 130 с.
8. Нарбут В. Стихотворения / сост. Н. Бялосинская, Н. Панченко. М. : Современник, 1990. 446 с.
9. Бальмонт К. Зовы древних: Гимны, песни и замыслы древних. СПб. : Пантеон, 1908. 216 с.
10. Шапкина О.И. С.А. Поляков – забытый деятель московской культуры // Москва и «московский текст» в русской литературе. Москва в судьбе и творчестве русских писателей : сб. науч. ст. Вып. 7. М. : МГПУ, 2013. С. 126–133.
11. Шапкина О.И. Символистские издательства России начала XX века // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2013. № 6. С. 131–136.
12. Богомолов Н.А. К истории лучшей книги Бальмонта // Новое литературное обозрение. 2005. Т. 75. С. 167–183.
13. Голлербах Е.А. Германский след в русском пантеоне. Петербургское издательство «Пантеон» (1907–1912) как агент немецкой культуры // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11, № 3. С. 177–187.
14. Полилова В.С. Испанские народные песни в переводе К. Бальмонта // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2013. № 1. С. 147–161.
15. Дудко А.Э. Сонет П.Б. Шелли «To Wordsworth» в переводе К.Д. Бальмонта с позиций сравнительного стиховедения // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 4 (81). С. 135–138.
16. Голлербах Е.А. «Год тяжелых испытаний»: И.Ф. Анненский и петербургское издательство «Пантеон» (1907–1912) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 1. С. 68–74.
17. Зелинский Ф.Ф. Древний мир и мы. СПб., 1903. 428 с.
18. Медведкова О. Лев Бакст, портрет художника в образе еврея. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 384 с.
19. Полищук Г.В. Преобразование украинских старопечатных полиграфических мотивов в книжной графике художников XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9-2. С. 136–138.
20. Кушлина О.Б. Страстоцвет, или Петербургские подоконники. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 336 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 12 февраля 2021 г.

Konstantin Balmont's Translation Solutions of in the Light of Illustrations by Georgy Narbut: From Intermediality to Expression

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 34–40.

DOI: 10.17223/15617793/467/4

Aleksandr V. Markov, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: markovius@gmail.com

Keywords: Konstantin Balmont; Georgy Narbut; poetic translation; intermediality; translation style; expression; book illustration

The article examines the book of translations *Calls of Antiquity* (1908) by Konstantin Balmont as an intermedial project. Georgy Narbut's and other early 20th-century illustrators' contribution to this project consisted in the explanation that each culture has its own laws, and the isolation of literary genres is due not only to a written rhetorical culture, but also to types of ritual ecstasy. The illustrative program allowed looking at ecstasy not as an object of curiosity, but as a productive principle that overcomes the difference between oral and written utterances. The ecstatic then turns out to be a certain background, thanks to which, in translation, individual descriptive statements acquire a different modality and become part of the recognition of the mythological heritage of different world peoples as classics. Symbolism in Russia, which arose as an interest in contemporary Western literature, expanded the boundaries over time and began to include the reproduction of mythological poetry. Balmont's book became an important milestone on this path, and the mentions of Sergei Gorodetsky and Thaddeus Zelinsky in it are not accidental. Balmont himself, an avid traveler, sought to find a common ground for symbolist poetry in myth and ritual, becoming an anthropologist. He understood translation as a new substantiation of symbolist poetry, no longer the fashion of today, but the fundamental principles of the ecstatic experience of ritual that overcome the difference between oral and written speech. In ecstasy, the fixation of experience coincides with its translation into other intermedial expressivities, into the codes of other semiotic systems. The concept of translation, which Balmont supported, also changed. For translation, the background, the understanding of the archaic world outlook became important: only by taking the position of the latter one can understand the content of the main genres of symbolism. Illustrations by Narbut, in which the background created a special key for reading individual images, contributed to the classicization of exotic traditions and greater public confidence in Balmont's translations. The public got used to Balmont as a capricious and wayward poet, and this book was just supposed to correct his reputation, turning him into a poet capable of both theoretical comprehension and renewal of lyric genres, based on the deep concept of universal human emotions. To master this concept, he made translations in such a way that they were read in different ways by the specialist reader and the general reader. The specialist reader paid attention to formal decisions, while the general reader accepted Balmont's searches and experiments as a necessary part of acquaintance with the exotic and, as it were, initiation into world culture. This approach contributed to the understanding of world culture in Russia as the development of the original myth-ritual syncretism as applied to intellectual tasks.

REFERENCES

1. Reznichenko, A.I. (ed.) (2014) *Knigoizdatel'stvo "Musaget": istoriya, mify, rezul'taty* ["Musaget" Publishing House: History, myths, results]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
2. Drovalova, N.A. (2017) The Portrait as an Object of Depiction in Bryusov's Lifetime Publications of "The Fiery Angel" (Literature and Book Illustrations). *Novyy filologicheskyy vestnik – The New Philological Bulletin*. 2 (41). pp. 110–118. (In Russian).
3. Kuznetsov, O.V. (2016) Knizhnaya grafika khudozhnikov-simvolistov izdatel'stva "Skorpion" v rossii nachala XX veka [Book graphics by the symbolist artists of the Scorpion publishing house in Russia at the beginning of the 20th century]. *Nauka i obshchestvo v sovremennykh usloviyakh*. 1. pp. 7–18.
4. Lukomskiy, G.K. (1923) *Egor Narbut: Khudozhnik-grafik* [Egor Narbut: Graphic artist]. Berlin: Izd. E.A. Gutnova.
5. Zaytseva, V.I. (2016) Traditsii i poiski v oblasti knizhnoy grafiki na primere tvorchestva Georgiya Narbuta (kievskiy period) [Traditions and searches in the field of book graphics on the example of the work of Georgy Narbut (Kiev period)]. *Nauka 21 veka: voprosy, gipotezy, otvety*. 3. pp. 9–12.
6. Chizhov, A. (2014) Azbuka G.I. Narbuta (1886–1920): istoriya sozdaniya i osobennosti khudozhestvennogo oformleniya [Alphabet by G.I. Narbut (1886–1920): the history of creation and features of the decoration]. *Vestnik MGUP imeni Ivana Fedorova*. 3. pp. 123–131.
7. Narbut, G. (1983) *Al'bom* [Album]. Kiev: Mistetstvo.
8. Narbut, V. (1990) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow: Sovremennik.

9. Bal'mont, K. (1908) *Zovy drevnikh: Gimny, pesni i zamysly drevnikh* [Calls of the Ancients: Hymns, Songs and Designs of the Ancients]. Saint Petersburg: Panteon.
10. Shapkina, O.I. (2013) S.A. Polyakov – zabytyy deyatel' moskovskoy kul'tury [S.A. Polyakov – a forgotten figure of Moscow culture]. In: *Moskva i "moskovskiy tekst" v russkoy literature. Moskva v sud'be i tvorchestve russkikh pisateley* [Moscow and the "Moscow text" in Russian literature. Moscow in the fate and work of Russian writers]. Vol. 7. Moscow: Moscow State Pedagogical University. pp. 126–133.
11. Shapkina, O.I. (2013) Russian symbolist publishing in the beginning of the 20th century. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela*. 6. pp. 131–136. (In Russian).
12. Bogomolov, N.A. (2005) K istorii luchshey knigi Bal'monta [On the history of Balmont's best book]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 75. pp. 167–183.
13. Gollerbakh, E.A. (2010) Germanskiy sled v russkom panteone. Peterburgskoe izdatel'stvo "Panteon" (1907–1912) kak agent nemetskoy kul'tury [German trace in the Russian pantheon. Petersburg publishing house "Pantheon" (1907–1912) as an agent of German culture]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii – Review of the Christian Academy for the Humanities*. 3 (11). pp. 177–187.
14. Polilova, V.S. (2013) Spanish folk songs in K. Balmont's translation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya – Moscow University Philology Bulletin*. 1. pp. 147–161. (In Russian).
15. Dudko, A.E. (2018) P.B. Shelley's sonnet "To Wordsworth" in K.D. Balmont's translation from the comparative study of verse meter and rhythm positions. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific notes of Orel State University*. 4 (81). pp. 135–138. (In Russian).
16. Gollerbakh, E.A. (2012) "A year of heartrending experiences": Innokentii Annensky and Pantheon Publishing House (1907–1912) in St. Petersburg. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Vestnik of Saint Petersburg State University of Culture*. 1. pp. 68–74. (In Russian).
17. Zelinskiy, F.F. (1903) *Drevniy mir i my* [The Ancient World and Us]. Saint Petersburg: Senatskaya tipografiya.
18. Medvedkova, O. (2019) *Lev Bakst, portret khudozhnika v obraze evreya* [Lev Bakst, portrait of the artist as a Jew]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
19. Polishchuk, G.V. (2013) Transformation of Ukrainian black letter poly-type motifs in book graphics of artists of the 20th century. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 9–2. pp. 136–138. (In Russian).
20. Kushlina, O.B. (2001) *Strastotsvet, ili Peterburgskie podokonniki* [Passion Flower, or Petersburg Windowsills]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha.

Received: 12 February 2021

ЭВОЛЮЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОПЛОЩЕНИЯ ОДНОГО СЮЖЕТА: «ПЕРЕУЛОК ЗАБЫТЫХ ЛИЦ» И «ВРЕМЯ И МЕСТО» Ю.В. ТРИФОНОВА

Анализируется дважды повторяющийся в творческой практике Ю.В. Трифонова сюжет – в рассказе «Переулок забытых лиц» (1970) и главе романа «Время и место» «Переулок за Белорусским вокзалом» (1980). На разных уровнях поэтики рассматривается, как за десятилетие трансформируется способ художественного изображения одного сюжета. Случайное столкновение с «местом памяти» (П. Нора) в рассказе и сознательная памятливая установка романа определяют разные способы изображения времени, мотива исчезновения, темы памяти.

Ключевые слова: Ю.В. Трифонов; «Переулок забытых лиц»; «Время и место»; сюжет; исчезновение; память.

Периодизация творчества любого автора базируется на триединстве «раннего», «зрелого» и «позднего» этапов и подразумевает идею эволюционного развития. Стимулом для перехода от одного этапа к другому становится смена ценностных установок писателя, корректировка его мировоззренческой парадигмы, что связано с процессом как личностного, так и творческого созревания. Смена ценностных установок при этом не подразумевает полный отказ писателя от предыдущих художественных находок: «самоощущение», т.е. так называемое ядро творчества не претерпевает принципиального изменения – трансформируется угол зрения и способы и формы художественного изображения.

В творческой практике Ю. Трифонова изменение угла зрения на устойчивые темы можно проследить, рассмотрев, каким образом писатель возвращается к одним и тем же сюжетам в произведениях разного периода времени. Ситуация возвращения, имеющая семантику кругового движения, завершенности, преодоления времени [1. С. 58], связана с иерархической моделью мира, где соотносятся центр и периферия. Возвращение смещает смысловой центр, частично включает в него периферийные значения. В ситуации возвращения «целое обретает смысл в индивидуальном» [2. С. 146], возвращение становится мерилем «добра и зла, созидания и разрушения, греха и возрождения в душе человека» [3. С. 220].

Ситуация возвращения занимает в художественном мире Ю. Трифонова особое место: как и его герои, которые постоянно обращаются к своим воспоминаниям в попытке их переосмыслить, сам писатель обнаруживает возвращение как стратегию творческого развития. Повторяясь («<...> я люблю повторяться и считаю, что писатель должен повторяться <...>» [4. С. 101]) – от текста к тексту развивая одни и те же темы, совершенствуя механизмы смыслопорождения, возвращаясь к одному и тому же сюжету – Ю. Трифонов через личные истории утверждает общечеловеческие и вечные ценности в итоговых книгах.

В рамках настоящей работы нас будет интересовать один аспект возвращения – возвращение к одним и тем же сюжетам в произведениях разного периода времени. В творческой практике Ю. Трифонова подобные возвращения происходят, как правило, через значительный промежуток времени относительно первой «пробы» сюжета (так, к примеру, повесть

«Дом на набережной» (1976) является возвращением к сюжету повести «Студенты», опубликованной в 1950-м) [5]. Возвращение к сюжету помещает его в более широкий индивидуально-авторский и историко-временной контекст, позволяет проследить механизмы смещения смыслового центра и свидетельствует о его принципиальной важности для интерпретации прозы Ю. Трифонова.

Приведенный выше пример о связи сюжетов «Студентов» и «Дома на набережной» – не единственный в художественном мире Ю. Трифонова. Так, к примеру, рассказ 1980 г. «Кошки или зайцы?» повторяет сюжет рассказа «Воспоминания о Дженцано» (1970), в «Вечных темах» писатель переписывает свои «туркменские» опыты. Рассказы конца 1960-х гг. («Вера и Зойка», «В грибную осень», «Голубиная гибель» и др.), хотя прямо и не повторяют сюжетов более ранних текстов, развивают идеи трифоновских спортивных репортажей. Кроме того, отдельные сюжетные линии переходят из текста в текст на протяжении всей творческой биографии: события Гражданской войны («Отблеск костра», «Старик»), 1937 г. («Игры в сумерках», «Исчезновение», «Время и место») и т.д.

Вопрос повторного прописывания одного и того же сюжета открывает перспективную проблему трифоноведения: проследить, каким образом на разных уровнях поэтики проявляется процесс транспонирования сюжета или темы из текста в текст, как соотносятся личные дневники и рабочие тетради писателя с его художественным наследием, малоизвестные¹ художественные произведения Ю. Трифонова – с его «классическими» текстами.

А.П. Шитов в книге «Юрий Трифонов. Хроника жизни и творчества» сообщает о двух рассказах, предваряющих роман «Исчезновение» – «Возвращение Игоря» и «Переулок забытых лиц»: «В журнале “Новый мир” № 9 (3-я страница обложки) объявлено о намерении опубликовать в 1971 году роман Трифонова “Исход” (первоначальное название романа “Исчезновение”» [6. С. 432]; «10 декабря (1970 г. – Е.Н.) в газете “Труд” опубликован рассказ “Переулок забытых лиц” (отрывок из будущего романа “Исчезновение”» [6. С. 431]; «В журнале “Смена”, № 11 публикуется рассказ “Возвращение Игоря” (рис. В. Карякина). Эта публикация – отрывок из будущего романа “Исчезновение”» [6. С. 435].

Оба этих рассказа – «белые пятна» трифоноведения. Ни один из них не вошел ни в сборники «Избранное», ни в единственное на сегодняшний день собрание сочинений в 4 т. (1985–1987 гг.). В 1977 г. рассказ «Переулочок забытых лиц» был напечатан в сборнике «Московский рассказ» (сост. Г. Дробот, И. Ракша), куда вошли рассказы на «московскую» тематику самых разных советских писателей. Рассказ «Возвращение Игоря» после первой публикации больше не печатался, но вошел в первую главу романа «Исчезновение» без существенных изменений.

Между тем эти рассказы продуктивно будет рассмотреть как первые обращения к сюжетам, которые в писатель будет использовать в дальнейшей творческой практике. Если рассказ «Возвращение Игоря» фактически представляет собой начало опубликованного романа «Исчезновение», то «Переулочок забытых лиц» с романом «Исчезновение» текстовых / сюжетных / содержательных совпадений не обнаруживает. На наш взгляд, сюжет этого рассказа ложится в основу главы «Переулочок за Белорусским вокзалом» из финального романа «Время и место».

Первые упоминания о романе «Время и место» датируются в дневниках Ю. Трифонова 1974 г.: «<...> через несколько белых страниц – список героев и план романа “Ностальгия”. Так Ю.В. хотел сначала (еще в 1974 году!) назвать будущий роман “Время и место”. <...> Удивительно, что в 1974 году план “романа-пунктира” был продуман и позже не изменялся» [7. С. 382]. Судя по этой записи, замысел романа возник именно в 1974 г., тогда как рассказ был опубликован в 1970 г. В связи с этим вряд ли можно говорить о том, что этот рассказ специально задумывался как «подготовка» к большому тексту: Ю. Трифонов обратился к этому рассказу с целью его «переписать» уже в то время, когда активно работал над романом «Ностальгия». Однако тот факт, что герой рассказа становится литературным прототипом Саши Антипова в романе «Время и место», а воспоминание о времени работы на авиационном заводе ложится в основу одной из тринадцати глав романа, свидетельствует о важности этого сюжета в художественном мире Ю. Трифонова.

Фабульная основа рассказа и главы романа – воспоминание главных героев (Володьки – в рассказе, Саши Антипова – в романе) о времени работы на авиационном заводе во время войны. Различие в типах мнемонического повествования [8] наблюдается в экспликации авторской установки. Так, роман «Время и место» представляет собой сознательное памятное воспроизведение главным героем событий собственной жизни, куда вписано и воспоминание о военных годах. Эта установка проявляется уже в первой главе: «<...> вспоминать и жить – это цельно, слитно, не уничтожаемо одно без другого и составляет вместе некий глоток, которому названия нет» [9. С. 293].

В рассказе же воспоминания вызвано совершенно случайным столкновением героя с давно забытым местом – переулком, где в военные годы находился упомянутый уже завод. Авиационный завод, пользуясь терминологией французского историка П. Нора, можно назвать «местом памяти», которое возникает

или актуализируется в процессе «деритуализации нашего мира» [10. С. 25]. Под деритуализацией в данном случае понимается нарушение повседневного течения жизни случайным воспоминанием, на некоторое время отрывающее героя от обычных ежедневных ритуалов. Будучи избыточным местом, – пишет П. Нора, оно «закрытое в себе самом, замкнутое в своей идентичности и собранное своим именем, но постоянно открытое расширению своих значений» [10. С. 48]. Авиационный завод становится, таким образом, местом памяти, который стимулирует возвращение воспоминаний: случайно – в рассказе, сознательно – в романе. Нас будет интересовать «расширение значений» места памяти относительно наращивания смыслового потенциала места, что, в свою очередь, трансформирует поэтику текстов Ю. Трифонова. Целью настоящей работы, таким образом, станет выявление сущностных изменений в приемах поэтики и механизмах смыслопорождения при повторном обращении к одному сюжету.

Переключка сюжетов начинается с заглавия. Название рассказа, обнаруживающее темы *Места* (Переулочок) и *Исчезновения* (забытых лиц), прогнозирует его содержание: «Шел откуда-то со стороны Савеловского, кружил, петлял по когда-то знакомым улицам, теперь ничего не узнать, все перестроено, домишки снесены, сожжены, громоздятся кругом многоэтажные башни, и вдруг выскочил этот переулочок. Сразу не узнал, а потом что-то толкнуло в сердце. Господи, я ведь не был тут полжизни!» [11. С. 293]. Противопоставление пространства *того времени и сегодняшнего* (все перестроено, снесено, сожжено, громоздятся) выражается и в образе главного героя, эксплицированного в тексте посредством оппозиции *я-тогда/я-сейчас*: «Назовем его Володькой. Собственно говоря, это был я, но странный, давнишний, почти совсем забытый мною я. Поэтому пусть Володька. Или как-нибудь иначе, все равно» [11. С. 293].

Название главы «Переулочок за Белорусским вокзалом» вписывается в общий контекст романа и указывает на место воспоминания. Внешняя простота названия, его буквальное прочтение продиктовано эволюцией Ю. Трифонова в течение 1970-х гг.: потенциально символические заголовки («Обмен», «Предварительные итоги», «Игры в сумерках» и др.) сменяются заглавиями констативного характера («Дом на набережной», «Старик», «Время и место»). Лаконичность формулировки дает большое количество смысловых ответвлений в текстах Ю. Трифонова, что отвечает его эстетике, выраженной во фразе «в кратком находить бесконечное» [4. С. 268].

Герой рассказа, как уже было обозначено выше, воплощается в образе Саши Антипова в романе «Время и место», где принципиально изменяется способ его художественного воплощения: Ю. Трифонов отказывается от оппозиции *я-тогда/я-сейчас* и вводит двух повествователей: первый – Саша Антипов, второй – его знакомый, с которым они вместе работали на авиационном заводе во время войны. Сознательная памятливая установка романа свидетельствует об абсолютной честности героев, об их прямолинейном взгляде на мир, а расщепление повествования на две

линии укрупняет, удваивает оптику, позволяет посмотреть на одно воспоминание с разных сторон. Подобная позиция резко противопоставлена позиции героя рассказа, который в образе *я-тогда* «исчез навсегда»: герой романа, вспоминая все, принимает себя во всяком проявлении. Иными словами, в романе происходит процесс самоидентификации героя, позволяющий осмысливать прошедшие события в иной ценностной парадигме. Подтверждением тому можно считать финал романа, где два героя воссоединяются после тридцатилетней разлуки.

Подобная организация образа главного героя диктует разные способы художественного изображения времени. Время действия как рассказа, так и главы разворачивается в 1943 г., исторический контекст которого связан с событиями Великой Отечественной войны, личный – периодом работы героев на авиационном заводе. При этом исторический контекст времени рассказа восстанавливается лишь в сопоставлении с главой романа, поскольку в нем опущены упоминания о военных событиях, однако вводятся приметы личного воспоминания: «Двадцать семь лет назад <...>» (относительно времени создания рассказа – 1970 г.), «Парень был здоровый, только что слепой, очкарик».

Редуцирование исторического времени в рассказе диктует способ реализации личного воспоминания, которое характеризуется лексемой *настоящее*: «Настоящая картошка. От нее жизнь зависела» [11. С. 294], «Все кругом было настоящее» [11. С. 294]; «И люди, которые были рядом, казались Володьке необыкновенно настоящими. Алексей Терентьевич был, например, настоящий старый мастер. Виктор Иванович – настоящий агент по снабжению, а Николай Львович – настоящий начальник» [11. С. 294]; «Не понимал, как быть, что делать. Только одно знал: настоящее. Самое что ни на есть» [11. С. 296]; «Все, что было настоящим в его жизни, продолжало оставаться настоящим. И беда, которая случилась, была настоящей бедой» [11. С. 300]. Значение происходящих вокруг событий осознается в момент их непосредственного проживания, а личное время в воспоминании приобретает подчеркнутую ценностную окраску.

Обратный способ изображения времени реализуется в главе «Переулочек за Белорусским вокзалом», где личные воспоминания вписываются в контекст исторического времени и утрачивают свою автономность и самооценку. В главе романа доминирование исторического, преобладание его над личным, передается через восьмикратное повторение фразы «Мы делали радиаторы для самолетов»: ею начинается и заканчивается глава, она рассредоточена на всем ее протяжении и фигурирует в самых разных контекстах: «Нам давали иногда сверх карточек кое-что – например, суфле и капусту. Ведь мы делали радиаторы для самолетов. Суфле было из сои, сладковатая кашка, похожая на раскисшее мороженое довоенных времен» [9. С. 370–371]; «Просто не верилось, что из-за пустяка – да все подряд эти листья у мальчишек рвут – может случиться плохое. Но время было жесткое, смертью насыщенное, и мы делали радиаторы

для самолетов. А у товарища Смерина лицо было багровое, как сургуч, брови черные и усы черным квадратиком» [9. С. 372]; «– Что я? Наказывайте. – Сашка пожал плечами. – Я не возражаю. Шла война, были нужны самолеты, мы делали для них радиаторы, а все остальное не имело значения» [9. С. 376]; «Это случилось с ним в инструментальном складе в феврале сорок четвертого, днем, во мраке, когда обрубали ток и когда шла война, пожирившая радиаторы для самолетов» [9. С. 379]; «С каждым месяцем мы делали все больше радиаторов для самолетов» [9. С. 384]; «Жалеть нас было не надо. Мы делали радиаторы для самолетов. И война приближалась к концу» [9. С. 390]. Эта фраза становится маркером Времени, подчеркивает его абсолютную онтологическую значимость, а также – «уравнивающую» и объединяющую функцию по отношению к отдельным жизненным проявлениям.

Способ изображения времени определяют расстановку акцентов в описании центральных эпизодов рассказа и главы романа – поездка за картошкой и выключение света в рабочем цеху.

Так, в рассказе Володька, желая помочь Кате, отправляется на электричке к старику, у которого, по данным начальника цеха, есть мешок картошки. С трудом уговорив старика отдать ему картошку, герой на обратном пути ставит мешок в тамбуре электрички, но, когда из нее начинают выходить люди, мешок падает, и картошка разлетается в разные стороны. На следующий день Володька продает свою теплую бекешу и покупает мешок картошки для Кати. Когда он приходит к ней домой, чтобы отдать картошку, то видит там начальника цеха Николая Львовича, который, с точки зрения Володьки, ведет себя странно: «В Катиной комнате сидел за столом Николай Львович в белой расстегнутой рубашке и пил чай» [11. С. 300]. В знак благодарности Катя приглашает Володьку присоединиться к ним, однако в этот момент он случайно замечает под столом босые ноги Николая Львовича: «Она посмотрела серыми, ясными глазами, и Володькино сердце замерло, как обычно. Он опустил голову и увидел босые ноги Николая Львовича. Почему-то тот сидел за столом без ботинок, даже без носков. <...>. Володька сказал, что не может задерживаться, он спешит, ужасно спешит. Правда, он спешил. Но куда? Он бежал по темной улице, не желая садиться в трамвай, бежал, бежал, бежал. Все, что было настоящим в его жизни, продолжало оставаться настоящим. И беда, которая случилась, была настоящей бедой. Жить дальше не имеет смысла. Конечно, он выдержит, устоит на ногах, но будет очень трудно. Бежал по обледенным тротуарам, через парк, не замечая мороза...» [11. С. 300].

В описании реакции героя на «предательство» Кати проступает мотив *исчезновения*, связанный не столько с осознанием собственной ненужности, сколько с исчезновением иллюзий и надежд о будущем своего чувства. Для передачи мотива *исчезновения иллюзий* Ю. Трифонов использует два приема: троекратное повторение глагола *бежать*², во-вторых, лексемы с семантикой *темного, холодного*: «бежал по темной улице», «бежал по обледенным тротуарам», «<...> не замечая мороза»³.

Мотив *предчувствия исчезновения* проступает в рассказе с помощью ключевых слов-«формул». К примеру, в начале, когда герой только подходит к переулку, он замечает, что «за воротами глыбилось что-то чужое, громадно-стеклянное». Во второй половине 1970-х гг. лексемы со значением *устрашающе-большого* укрупняются и становятся в романах характерологической приметой времени⁴. К словам-«формулам», характеризующим Время, можно отнести и глаголы с *семантикой исчезновения*: «Двадцать семь лет назад сбились случайно в кучу. <...> а к концу этого года *разлетелись* кто куда» [11. С. 294]. Это предложение перефразируется в романе «Время и место» в главе «Переулок за Белорусским вокзалом»: «И все мы скоро *разлетелись* кто куда. Война сводила людей и *рассыпала* навек» [9. С. 390].

Рассказ «Переулок забытых лиц» завершается констатацией исчезновения: вспомнив время работы на заводе, герой отмечает, что и *он-тогда* «исчез навсегда». В роман «Время и место», как уже упоминалось выше, вводятся два повествователя, постоянная смена которых не дает герою-тогда (воспоминаниям о собственном прошлом) исчезнуть совсем. Здесь закладывается принципиальная оппозиция *исчезновению* – *память*, выраженная в сознательной памятливой установке: именно она позволяет скрепить *тогда* и *сейчас* (ср.: в рассказе «Переулок забытых лиц» герой не вспоминал о том времени до того, пока случайно не набрел на давно забытые места).

Помещение сюжетов в контекст романа раздвигает их потенциал: два повествовательных голоса расщепляют общее пространство романа на реальность отдельно взятого момента жизни и реальность *общего контекста Времени и Места*, который позволяет героям видеть конкретные ситуации как в их момент непосредственного проживания, так и дистанцированно, что созвучно позиции внеаходимости по М. Бахтину [13]. Подобный угол зрения свидетельствует не только о принципиально изменившемся уровне рефлексии, но и трансформирует способ художественного изображения событий.

Так, это можно проследить на другом эпизоде, связанным с ситуацией внезапного выключения света в рабочем цеху. Однажды во время смены внезапно на несколько мгновений выключили свет, и в темноте Володька дотронулся до руки Кати. Когда свет включили, Катя сделала вид, что ничего не произошло.

В рассказе любовь к Кате так же, как и все вокруг, описывается в ценностном ключе: «Смотрит серыми глазами, улыбается устало, а у Володьки – душа замирает. Первый раз так. Не понимал, как быть, что делать. Только одно знал: настоящее. Самое что ни на есть» [11. С. 296]. В главе «Переулок за Белорусским вокзалом» изменение в изображении этого эпизода можно проследить, выявив так называемые фабульные модели. Так, фабульную модель ситуации с выключенным светом в рассказе можно представить как ряд глаголов *схватил* – *испугался* – *рука вырвалась* – *пусти*, в романе – ряд слов-«формул», отражающих состояния: *оцепенел* – *выпорхнуло из тьмы* – *ощущающая тьму* – *они исчезли*. Однако если в рассказе изображение этого эпизода ограничивается указанными

глаголами, то в главе «Переулок за Белорусским вокзалом» надстраивается еще один уровень – уровень рефлексии, который, в свою очередь, можно дифференцировать на две ступени.

В романе повествование от третьего лица позволяет дистанцироваться от события, посмотреть на него «чужими глазами» (М. Бахтин): «– Но тот миг, когда я вдруг поверил, возликовал – до безумия, понимаешь? Был миг такой силы... такого...». Не объяснил чего. Я понял – счастья. Это случилось с ним в инструментальном складе в феврале сорок четвертого днем, во мраке, когда обрубili ток и когда шла война, пожирившая радиаторы для самолетов» [9. С. 379].

Подобный полифонизм описания создает объем изображения. Речь Саши Антипова, с которым и происходит это событие, представлена отрывочно, через ряды многоточий, символизирующие здесь ощущения героя, его *сиюминутную рефлексию* на событие. Если в рассказе Володька вспоминает об этом событии как об исчезнувшем навсегда («Но не случилось больше внезапной тьмы»), то многоточия в романе свидетельствуют о перспективе формулирования, об имплицитно выраженной важности этого ощущения.

На уровень первоначальной (сиюминутной) рефлексии надстраивается еще один – уровень рефлексии второго повествователя, который формулирует то, что Антипов выразил через многоточия: «Не объяснил чего. Я понял – счастья». Весь роман представляет собой подобного рода «накопления» выводов, противостоящих абсолютному исчезновению: из памяти исчезает фактуальная информация, события, но остается ощущение «счастья». Подобные «выводы», накапливаясь, определяют становление героя, расширяют круг его ценностей, становятся неотъемлемой частью личного самостояния. Это свидетельствует о непримиримости исчезновению, о постоянном противостоянии ему памятью. Памятливая установка подчеркивается и в этом отрывке: помещение в единый синонимичный ряд частного (обрубili ток) и исторического (шла война) свидетельствуют о невозможности обесценивания каждого случая, сохранения его ценности в контексте индивидуального времени.

Воспоминание о замкнутом пространстве переулочка, размыкаясь в пространстве романа, обнаруживает принципиально иной, обусловленный эволюцией творческого метода Ю. Трифонова, способ художественного воплощения. Проанализировав два способа изображения одного сюжета, мы выявили, что основные конструкты трифоновской художественной системы остаются неизменными: тема времени, вариации мотива исчезновения, емкое заглавие, наконец, тема памяти, которая на протяжении десятилетия остается и модусом жизни, и смысловой установкой, и приемом [14. С. 214]. Принципиальным открытием «позднего» Ю. Трифонова становится полифонизм повествования, который достигается в романе «Время и место» путем введения двух повествователей – не столько их сменой от главы к главе, сколько перемешиванием их голосов в одной романной ситуации, одном эпизоде. Герою рассказа, вспомнившего исключительно фактуальную информацию, исчезнувшего из собственной памяти

«навсегда», противостоит установка на рефлексивное повествование романа, реализованное через систему точек зрения: жизнь Антипова вспоминает он сам и его знакомый. Память, таким образом, удваивается, становится главным инструментом рефлексии и формой легитимизации всех эпизодов романа. Подобная установка способствует принятию Антиповым «реальности жизни» – осознанной формы жизнепроживания, предполагающей личную и творческую зрелость. Встреча двух героев после тридца-

тилетней разлуки в финале романа отсылает к рассказу Ю. Трифонова 1969 г. «Путешествие», где герой оказывается перед собственным отражением в зеркале и впервые *видит* себя. Эта ситуация в рассказе, ставшая проводником к изменению трифоновской поэтики начала 1970-х гг. [15], повторяется спустя десятилетие и свидетельствует о переходе на следующую ступень писательской эволюции, которая воплотилась в последующем за романом цикле «Опрокинутый дом».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под «малоизвестными» текстами Ю. Трифонова имеются в виду тексты, которые до сих пор не становились объектом исследовательского интереса и упоминались в научной литературе лишь констатиивно.

² Ср., к примеру, с романом «Старик», где после осознания Светланой расставания с Кандауровым, Трифонов также описывает ее состояние через повтор: «Потом, когда стало темно, как ночью, пошли в ванную, под душ, он мыл губкой любимое тело, с которым расставался навеки, говорил: “Ponte el pie aquí”, – брал ее ногу за колено и ставил ступню на борт, она подчинялась, обнимал ее, целовал мокрое лицо, не ощущая губами слез, лилась вода, они стояли до изнеможения под душем, лилась и лилась, стояли, лилась, стояли, лилась, лилась, лилась из последних сил» [12. С. 141].

³ Мотив исчезновения становится устойчивым в произведениях Ю. Трифонова с конца 1960-х гг., эволюционируя от «темноты» и «сумерек» к «леднику», «тьме», «мгле»: «...и на этом конец, и все, и навсегда, на жизнь, обледенелое крыльцо, красноармеец в тулупе, я сажусь в снег, остальное неинтересно, разве эта сухенькая, гнутая старушонка – она?» («Старик») [12. С. 275]; «...громдная тяжесть отпустила, <...> война перемогалась и прожигаящим землю ледником отползала на запад» («Время и место») [9. С. 363].

⁴ Например, в романе «Исчезновение»: «И то, что казалось анекдотом в Царицыне, стало тупой и могущественной истиной, распростертой над миром наподобие громадной, не имеющей меры, железной плиты. Она висела, покачиваясь. На нее смотрели привычно, как смотрят снизу на небеса. Но ведь должен был наступить час, когда истина весом в миллиарды тонн упадет, не могла же она висеть вечно и покачиваться» [9. С. 276]; «Когда-то я жил в этом доме. Нет – тот дом давно умер, исчез, я жил в другом доме, но в этих стенах, громадных темносерых, бетонированных, похожих на крепость. <...>. Он стоял на острове и был похож на корабль, тяжеловесный и несуразный, без мачт, без руля и без труб, громоздкий ящик, ковчег, набитый людьми, готовый к отплытию» [9. С. 140].

ЛИТЕРАТУРА

1. Рыбальченко Т.Л. Ситуация возвращения в сюжетах русской реалистической прозы 1950–1990-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2007. № 1. С. 58–82.
2. Никонова Т.А. Типология сюжета возвращения и проза Андрея Платонова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 1. С. 146–158.
3. Снигирева Т.А., Подчиновин А.В. Сюжет «возвращения» в идеологическом пространстве русской литературы советской эпохи // Филология и культура. 2011. № 2 (24). С. 220–228.
4. Трифонов Ю.В. Как слово наше отзовется... М., 1985.
5. Иванова Н.Б. Проза Юрия Трифонова. М., 1984.
6. Шитов А.П. Юрий Трифонов. Хроника жизни и творчества. 1925–1981. Екатеринбург, 1997.
7. Катаева Н.Г. Юрий Трифонов. Отблеск личности. М., 2015.
8. Сундукова К.А. Память как поэтологический принцип в искусстве романа: на материале творчества Г.И. Газданова, В.В. Набокова, Ю.В. Трифонова : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2018.
9. Юрий Трифонов. Время и место. М., 1988.
10. Пьер Нора. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 17–50.
11. Юрий Трифонов. Переулок забытых лиц // Московский рассказ. Сборник. М., 1977.
12. Юрий Трифонов. Старик. М., 2011.
13. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
14. Амосин М. Под знаком памяти // Дружба народов. 2015. №7. С. 214–224.
15. Панкин Б.Д. По кругу или по спирали? // Строгая литература: литературно-критические статьи и очерки. М., 1982. С. 138–179.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 6 марта 2021 г.

The Evolution of the Literary Embodiment of One Plot: “The Alley of Forgotten Faces” and *Time and Place* by Yuri Trifonov

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 41–46.

DOI: 10.17223/15617793/467/5

Ekaterina A. Novosyolova, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: novosyolova_e@mail.ru

Keywords: Yuri Trifonov; plot; evolution of literary world; poetics of literary text; mechanisms of meaning generation.

The article analyzes the plot Yuri Trifonov twice repeated in his creative practice: the story “The Alley of Forgotten Faces” (1970) and the chapter “The Lane Behind the Belorussian Station” from the novel *Time and Place* (1980). The aim of the work is to identify transformation points in the ways of transmitting a single story related to the memory of the time when the characters worked at an aircraft factory during the war. The factory, being a “place of memory” (P. Nora), provokes two types of recollection: a collision with the lane in the story becomes an incentive for the hero’s accidentally recall, while the novel reveals the main character’s conscious memory attitude as a reflexive strategy. Different attitudes dictate two ways of representing a single plot, expressed at different levels of text poetics. Thus, the image of the main character of the story is based on the opposition I-then/I-now, where I-then disappears from memory “forever”. This changes fundamentally in the novel: Trifonov, renouncing the opposition, introduces two narrators, whose constant change creates a polyphonic three-dimensional image that refutes the idea of the totality of disappearance. These attitudes are reflected in the reconstruction of the temporal context: if the character of the story

focuses on then-perception, passing the memory about people and events through the prism of the “present” by detecting the value dominant of individual time, which is closed in time, the chapter of the novel focuses on the representation of historical time. The phrase “we made radiators for airplanes” repeated many times in the chapter becomes a marker of historical time, revealing its ontological nature, its “equalizing” and unifying function in relation to individual life manifestations. Depiction of the central episodes of both texts are subordinated to the attitudes of random and conscious recollection. When placed in the context of the final novel, events in the story, depicted through variations of extinction (the motif of the disappearance of illusions, the motif of premonition of disappearance), discover the expansion of artistic potential: two narrative voices break down the total space of the novel into the reality of a certain moment of life and the reality of a general context of *Time and Place*, which allows the characters to see different situations both in the moment of direct residence, and from a distance (the position of “tense being-out” according to Bakhtin). This contributes to adding the level of “doubled” reflection implicitly expressed by the hero himself and explicitly formulated by the second narrator to the event-factual level; the former level indicates the author’s worldview that fundamentally changed over the decade, which was expressed through the changed poetics of his later texts.

REFERENCES

1. Rybal'chenko, T.L. (2007) Situation of Returning in the Plots of the Russian Realistic Prose of the 1950–1990ies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1. pp. 58–82. (In Russian).
2. Nikonova, T.A. (2008) Tipologiya syuzheta vozvrashcheniya i proza Andrey Platonova [Typology of the plot of the return and prose of Andrey Platonov]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Proceedings of Voronezh State University. Series: Humanities*. 1. pp. 146–158.
3. Snigireva, T.A. & Podchinenov, A.V. (2011) The “returning” plot in the ideological space of Russian literature of the Soviet epoch. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 2 (24). pp. 220–228. (In Russian).
4. Trifonov, Yu.V. (1985) *Kak slovo nashe otzovetsya...* [How Our Word will Respond...] Moscow: Sovetskaya Rossiya.
5. Ivanova, N.B. (1984) *Proza Yuriya Trifonova* [Prose by Yuri Trifonov]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
6. Shitov, A.P. (1997) *Yuriy Trifonov. Khronika zhizni i tvorchestva. 1925–1981* [Yuri Trifonov. Chronicle of life and work. 1925–1981]. Yekaterinburg: Ural State University.
7. Kataeva, N.G. (2015) *Yuriy Trifonov. Otblesk lichnosti* [Yuri Trifonov. A glimpse of personality]. Moscow: Galeriya.
8. Sundukova, K.A. (2018) *Pamyat' kak poetologicheskii printsip v iskusstve romana: na materiale tvorchestva G.I. Gazdanova, V.V. Nabokova, Yu.V. Trifonova* [Memory as a poetological principle in the art of the novel: on the material of G.I. Gazdanov, V.V. Nabokov, Yu.V. Trifonov]. Philology Cand. Diss. Samara.
9. Trifonov, Yu. (1988) *Vremya i mesto* [Time and Place]. Moscow: Izvestiya.
10. Nora, P. (1999) *Frantsiya-pamyat'* [Memory France]. Translated from French. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 17–50.
11. Trifonov, Yu.V. (1977) *Pereulok zabytykh lits* [Lane of Forgotten Faces]. In: Drobot, G.V. & Raksha, I.E. (eds) *Moskovskiy rasskaz* [Moscow Story]. Moscow: Moskovskiy rabochiy. pp. 293–300.
12. Trifonov, Yu.V. (2011) *Starik* [Old Man]. Moscow: AST.
13. Bakhtin, M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo.
14. Amusin, M. (2015) *Pod znakom pamyati* [Under the sign of memory]. *Druzhba narodov*. 7. pp. 214–224.
15. Pankin, B.D. (1982) *Strogaya literatura: literaturno-kriticheskie stat'i i ocherki* [Strict Literature: Literary critical articles and essays]. Moscow: Sovetskiy pisatel'. pp. 138–179.

Received: 06 March 2021

Е.Г. Трубецкова

К ВОПРОСУ О МОРБУАЛЬНОМ КОДЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья посвящена теоретическому обоснованию и уточнению термина «морбуальный код», употребляемому в современном литературоведении. Морбуальный код понимается как семантический и культурный код художественного текста, на основе которого выделяются метатекстовые единства в творчестве отдельных писателей и периодов литературного развития. Рассматривается пересечение морбуального кода с соматическим, духовным, пространственным, временным и предметным суб-кодами. Материалом исследования являются произведения русской литературы XIX–XXI вв.

Ключевые слова: морбуальный код; культурный код; литература и медицина; болезнь.

Несмотря на то, что сюжеты и образы, связанные с болезнью, с древнейших времен были одним из постоянных объектов изображения в художественных текстах, исследовательская рецепция взаимодействия литературы и медицины (в основном в аспекте изучения патологических отклонений авторов, отразившихся в текстах) интенсивно начинает развиваться только во второй половине XIX в. в работах Ч. Ломброзо, М. Нордау, Д. Ранкура-Лаферьера. Мощным импульсом для изучения взаимодействия литературы и медицины стало развитие в середине XIX – начале XX в. психиатрии как науки, что обусловило определенный ракурс исследования художественных текстов. Из отечественных работ надо отметить монографии В.Ф. Чижа «Достоевский как психопатолог» и «Болезнь Н.В. Гоголя»; статьи Н.Н. Баженова о Гоголе и Гаршине; И.Б. Галанта о Пушкине, Горьком и Леониде Андрееве; В.И. Руднева и Г.В. Сегалина о Толстом. В психиатрических терминах описывали искусство модернизма и авангарда Г.И. Россолимо [1], Ф.Е. Рыбаков [2], Н.И. Вавулин [3], Е.П. Радин [4], А.К. Закржевский [5].

После фундаментального анализа рецепции болезни и становления медицины, предпринятого в работах М. Фуко («История безумия в классическую эпоху» и «Рождение клиники»), становится очевидной философская и культурологическая роли института медицины и отношений врач – пациент. Однако долгое время эти вопросы оставались за рамками внимания отечественного литературоведения.

Новый виток интереса к исследованию сюжетов и образов, связанных с болезнью, начинается в середине 1990-х гг., что было обусловлено тенденцией «медиализации» современного общества [6]. Представляется возможным видеть в этом отражение резкой смены кодов в постмодернистской парадигме, повышения интереса к маргинальности, ориентации на девиантное, психически неполноценное, болезненное и преступное [7].

В то же время интерес к взаимосвязи литературы и медицины был связан с осознанием медицинским сообществом ценности разработки в художественных текстах этических проблем отношений «врач – пациент» и философской рецепции болезни. Особую роль здесь сыграло появление биоэтики. В 1980-е гг. на медицинских факультетах университетов США и Европы был введен курс *Literature and Medicine*¹, цель которого – сформировать у студентов-медиков более

полное представление о морально-этических основах будущей профессии, помочь понять психологию больного, продемонстрировать на литературных примерах успешные и проигрышные стратегии во взаимоотношениях «врач – пациент». В российских вузах подобный курс отсутствует, хотя и в медицинских, и в историко-литературных работах не раз рассматривалась роль литературы в развитии медицинской деонтологии и биоэтики².

В отечественном литературоведении наиболее проработанным аспектом взаимосвязи литературы и медицины долгое время являлось исследование литературных образов врачей. При этом большое внимание уделялось анализу проекций биографии писателей, профессионально связанных с медициной (А. Чехова, В. Вересаева, М. Булгакова, В. Аксенова), на разработку сюжетов и образов произведений [10, 13, 14].

На рубеже XX–XXI вв. очевидной становится необходимость междисциплинарного синтеза в осмыслении «медицинских» текстов, созданных писателями³. Различные аспекты подобного синтеза (истории литературы, медицины, философии, культурологии, литературоведения и лингвистики) были отражены в материалах сборников, выпущенных по итогам международных конференций «*Morbus, Medicamentum et Sanus*» (в Варшаве) [15], «Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика» (в Москве) [16].

Как и столетие назад, популярным остается жанр патографии: от фиксации отдельных «диагнозов» героев и анализа эстетических функций психических отклонений, отраженных писателями (В. Руднев [17], А. Пекуровская [18], К. Богданов [19], И. Сироткина [20], О. Сконечная [21]), до рассмотрения с точки зрения психиатрии различных периодов развития литературы и искусства (И. Смирнов [22]).

Наряду с изучением «сюжетогенности» болезни и этических вопросов, связанных с данной проблематикой, внимание исследователей привлекает эстетическая функция, связанная с изображением болезни: особая «оптика», порождаемая измененным мировосприятием героя [23, 24], где «больной человек и сама болезнь становятся не только объектом изображения, а призмой видения» [24. С. 44].

Универсальность метафорических проекций болезни и лечения на политические, экономические и исторические процессы, продемонстрированная в эссе Сюзан Сонтаг [25] на примере двух наиболее «знако-

вых» заболеваний XIX и XX вв. – туберкулеза и рака, – была развита в работах Л. Геллера [26], К. Инчин [27], Н. Тамручи [28], показавших изменение рецепции болезни и ее метафорического осмысления в зависимости от социального контекста эпохи.

Медиализация общества отразилась на появлении большого количества лингвистических исследований, посвященных анализу речевого взаимодействия врача и пациента. В работах Л. Бейлинсон, М. Барсуковой, Э. Акаевой, В. Жура, Н. Сидоровой, Н. Гоголева и Н. Шпильной, Л. Шуравиной, М. Невзоровой, Т. Карымшаковой и других исследователей рассматривается понятие медицинского дискурса, осмысляемое как «многомерное коммуникативное образование, системообразующими факторами которого являются его цель, типовые участники, социокультурные обстоятельства общения» [29. С. 67]. При многочисленных трактовках самого понятия «дискурс» большинство исследователей сходятся в его понимании как «речи, погруженной в жизнь» [30. С. 136] и выделяют социально-деятельностный характер дискурса; связь лингвистических и экстралингвистических факторов в его функционировании; многообразие коммуникативных манифестаций; его когнитивную функцию [31. С. 45].

Медицинский дискурс понимается как тип институционального дискурса, представляющий собой общение в рамках статусно-ролевых отношений. Его участниками «являются, с одной стороны, врачи, старший и младший медицинский персонал как представители социально-профессиональной группы (агенты института), и с другой – пациент и его родственники (клиенты института)» [32. С. 34].

Исследователи выделяют основные и вспомогательные коммуникативные стратегии и тактики⁴ данного дискурса, определяют его концептосферу.

В исследованиях последних лет материалом для изучения стратегий и тактик медицинского дискурса становятся художественные тексты различной природы. Так, в диссертации Н. Ефремовой [35], статьях К. Керер [33] анализируется литературная (на материале произведений Н. Амосова, Ф. Углова, Д. Правдина) и кинематографическая (на материале сериала «Неотложка») рецепция медицинского дискурса [36]. Е. Пономаренко [37] исследует отрефлексированные в литературе модели общения врача и пациента с точки зрения теории речевых жанров (объектом исследования стали тексты А. Чехова, В. Вересаева, М. Булгакова, Н. Амосова, Ю. Крелина, Ф. Углова).

Разноуровневость аспектов, связанных с темой болезни, и неоднородность их реализации в художественных текстах делают актуальным введение обобщающего термина, охватывающего все многообразие заявленной проблематики. В современном литературоведении в таком качестве выступает «морбуальный код».

«Морбуальный» (от лат. *morbus* – болезнь)⁵ является своего рода «антонимом» по отношению к «медицинскому» («врачующему болезнь»). Обозначение «морбуальный» представляется более удачным, так как включает в себя не только проблематику, в той или иной мере обусловленную взаимодействием врача и пациента, но и отношение к болезни самого больного, изменение его мировосприятия, поведения

и связанных с этим философских и нравственных вопросов.

Термин «морбуальный код» был использован в работах Г. Козубовской [39] и В. Стениной [40–42], но не получил теоретического обоснования. В монографии Г. Козубовской он, наряду с другими (биографическим, поведенческим, пространственным, онейрическим, ольфакторным, музыкальным, охотничьим, акватическим, вегетативным), применяется для описания индивидуальных художественных систем писателей XIX в. [39]. Но определение термина и критерии выделения кодов исследователь не приводит. В диссертации и статьях В.Ф. Стениной также отсутствует трактовка кода, а она необходима, так как данный термин осмысляется по-разному в лингвистике, семиотике, культурологии.

Общим для различных подходов является понимание кода как «системы постоянных признаков и их значимостей» [43. С. 49] (Е. Фарино), в которой существует ряд оппозиций, а также определенные правила сочетаемости условных символов. При описании морбуального кода литературы мы будем опираться на семиотическую и культурологическую трактовки. Согласно концепции Р. Барта [44. С. 44], сравнивающего коды с «нитеями», которые, переплетаясь, составляют «ткань» текста, выделяются пять основных кодов: герменевтический, символический, семический (семантический код в классификации А. Брудного [45. С. 176]), пройаретический (или нарративный), гномический (или культурный). Е. Фарино пишет, что «наличие общего кода – непереносимое условие сверхтекстовых образований» [43. С. 50].

С одной стороны, морбуальный код является семантическим, так как относится к плану содержания текста, обуславливает его тематику и проблематику. Он позволяет видеть метатекстовые образования как в произведениях разных авторов (например, Ф. Достоевского [46–48], А. Чехова [41, 42, 49], М. Булгакова [50], М. Алданова [51], Е. Водолазкина [52]), так и в литературе изучаемого периода в целом [53–55].

С другой стороны, морбуальный код – один из культурных кодов. При множестве подходов к определению и вычленению функций культурного кода (С. Толстая, Г. Левинтон, Б. Кононенко, Т. Ерохина, В. Красных, М. Пименова, В. Маслова, А. Бувич) большинство авторов сходятся в его трактовке как ««ключа» к пониманию конкретного типа культуры» [56–58], «некой понятийной сетки», с помощью которой носитель языка «категоризирует, структурирует и оценивает окружающие его и свой внутренний миры» [59. С. 232]. Исследования по лингвокультурологии показывают, что правила его дешифровки «задаются культурой: культурным хронотопом, культурной компетенцией интерпретатора» [60. С. 19]. Они «фиксируются в языковом сознании и в языке и проявляются в дискурсе» [59. С. 233].

В. Красных выделяет базовые коды культуры: соматический (телесный), пространственный, временной, предметный, биоморфный и духовный [59. С. 233]. При этом она подчеркивает, что нет жестких границ между кодами, они накладываются друг на друга. Так, «соматический код используется <...>

для описания пространства» (ср. фразеологизмы «под рукой», «в двух шагах»), а «пространственные отношения переносятся на временные» («в двух минутах отсюда») и наоборот («в трех часах езды») [59. С. 233]. При анализе одного кода необходимо учитывать его взаимодействие с остальными, являющимися в данном случае субкодами.

Культурный код содержит ряды основных оппозиций, например, пространственный: «верх – низ», «внутреннее – внешнее», «далекое – близкое». Для морбуального кода основными оппозициями являются «здоровье – болезнь», «жизнь – смерть», «врач – пациент». Они определяют концептосферу⁶ морбуального кода.

По наблюдению исследователей, концепт «болезнь» является одним из наиболее древних в языке. При этом Г.П. Бурова фиксирует, что «в некоторых авторских словарях культуры <...> (В.П. Руднев, Ю.С. Степанов), статья “Болезнь” отсутствует: возможно, негативная ментальная оценка этого феномена и наличие оппозиционного концептуального фактора здоровья как высшей ценности способствовали устранению из некоторых современных лексикографических репрезентант культуры понятийной области “болезнь”» [62].

Морбуальный код является одним из наиболее важных и древних (универсальных) кодов культуры. Он становится основой для порождения метафор. «Все отвратительное или уродливое напоминает нам болезнь. Во французском осыпающийся каменный фасад все еще определяют эпитетом *lèpreuse* (изъеденный проказой, прокаженный. – *Прим. пер.*) <...> На болезнь проецируется наше восприятие зла. А болезнь (обогащенная смысловыми оттенками) проецируется на мир» [25. С. 59], – пишет Сюзан Сонтаг. В ставшем классическом эссе она показывает универсальность метафорических проекций болезни на политические и социальные процессы в европейской культуре.

В русской литературе XX в. морбуальные метафоры реализуются как на уровне языка («духовная слепота», «политическая близорукость», «безумная любовь/решение/поступок», «близорукий интеллигент», «язвы капитализма»⁷). Они общеупотребительны. Также в морбуальных метафорах выражается глубинное осмысление происходящих перемен (например, революция осмысляется как «высокая болезнь» или «великолепная хирургия» у Б. Пастернака; А. Солженицын создает развернутую метафору опухоли ГУЛАГа в «Раковом корпусе» и «Архипелаге ГУЛАг» [63]). Л. Геллер, рассматривая «парадигму болезни» в произведениях советских авторов 1930-х гг., пишет: «В литературе соцреализма мотив “болезни” часто связывается с мотивом “врага”. <...> Поэтому процесс выздоровления получает здесь типично идеологические черты» [26. С. 363]. Осмысление социального или политического отклонения как «болезни» требовало и скорейшего излечения «недуга», что ярко отразилось в произведениях соцреализма [27, 28].

Таким образом, морбуальный код может быть одним из ключевых в произведениях, не связанных напрямую с изображением болезни. В «Архипелаге

ГУЛАг» формирование и развитие лагерной системы осмысляется в метафорах рака: «Архипелаг дает метастазы» – так называется одна из глав третьей части произведения, автор в терминах морбуальности описывает и возникновение первого из лагерей, Соловецкого, и показывает быстрое «распространение опухоли» до гигантской лагерной системы, сравнивая ее последствия для страны с выбрасыванием «метастазов». То, что основой для построения метафоры становится сопоставление с раком, не случайно, здесь играет роль представление об онкологическом заболевании как о болезни смертельной, но «не возвышенной, а отталкивающей и вызывающей страх» [63. С. 68].

Морбуальный код находит выражение в разных видах искусства: в литературе, живописи, кинематографе, в театре. В нем запечатлены особенности национального сознания и культуры описываемой эпохи. Так, если рассматривать различные способы кодирования образов, непосредственно связанных с морбуальностью, можно видеть принципиальное отличие в осмыслении и способах репрезентации одних и тех же единиц кода в меняющемся культурном и (или) научном контексте. Например, образ врача во второй половине XVIII в., с одной стороны, осмысляется как образ стяжателя-шарлатана (в баснях В. Тредиаковского, А. Сумарокова, эпиграммах М. Хераскова и Д. Хвостова, отражено массовое недоверие к медицине и представление о врачах–«мертодавах») а, с другой – как «лечителя душ» (в произведениях Н. Новикова, А. Радищева). Развитие медицины и появление ряда новых областей знания в середине и второй половине XIX в. преломляется в текстах И. Тургенева, А. Герцена, В. Вересаева, рисующих врача-скептика и материалиста, подвергающего жесткой ревизии не только тело больного, но и устройство общества. А в произведениях М. Булгакова, А. Платонова, Б. Лавренева находит отражение характерное для советской культуры 1920–1930-х гг. утопическое видение врача как создателя «нового человека» [24. С. 90–129].

При анализе морбуального кода важнейшими субкодами становятся соматический и духовный. Не случайно в древних культурах и религиях представлено понимание телесной немощи как духовной ущербности или, наоборот, избранности, а телесного здоровья – как совершенства духовного, что отражено в латинской поговорке «*Mens sana in corpore sano*». Соответственно, врачевание осмыслялось как дар «целительства»: «И от Вышнего врачевание, И от царя получает он дар» (Сир. 38:1-2). В русской культуре наряду со светскими «лечьцами», которых было очень немного, широко практиковали «лечьцы-монахи» и знахари, которых до XVII в. называли волхвами [55]. Воздействие на болезнь осуществлялось или с помощью обращения к Богу и святым или, в последнем случае, – к языческим силам. Изображение болезни – страдания физического – выводило писателей на осмысление предельных экзистенциальных вопросов (в произведениях Ф. Достоевского, Л. Толстого, М. Алданова, А. Солженицына, Е. Водолазкина, Л. Улицкой). Литературная рецепция «пороговых» (в бахтинском понимании) ситуаций неотделима от многогранной духовной рефлексии.

Другими субкодами, тесно связанными с морбуальным, являются временной, пространственный, предметный.

Как правило, болезнь обуславливает ограничение пространства, его замкнутость. Типичные морбуальные локусы, начиная с XIX в.: это комната (умирающего Базарова или Ивана Ильича), больница (в «Записках сумасшедшего» Гоголя, «Палате № 6» Чехова, «Записках врача» В. Вересаева или «Записках юного врача» М. Булгакова). В литературе XX–XXI вв. к ним добавляются тюрьма и лагерь (в «Колымских рассказах» В. Шаламова, «Зулейха открывает глаза» Г. Яхиной, «Авиаторе» Е. Водолазкина). В то же время это может быть разомкнутое пространство воспоминаний или бредовых галлюцинаций героя (в «Записках сумасшедшего» Н. Гоголя, «Защите Лужина» В. Набокова, «Казусе Кукоцкого» Л. Улицкой).

Пространственный код переплетается с предметным. Ограничение пространства тесно связано с отказом от привычных вещей, что очень точно описал Ю. Олеся: «Когда он (Пономарев. – Е.Т.) понял, что тяжело заболел и умирает, то понял он также, как велик и разнообразен мир вещей и как мало их осталось в его власти» [64. С. 227]. Обыденные предметы могут приобретать символическую функцию, часто становясь воплощением утраченной полноты мира.

Пересечение пространственного и предметного кодов с морбуальным обогащает визуальную поэтику произведений. Так, изображение болезни (психических расстройств героев у Н. Гоголя, В. Одоевского, Ф. Достоевского, Ф. Сологуба, В. Набокова, С. Соколова; деформации зрения в произведениях В. Набокова, А. Ремизова, С. Кржижановского) позволяет авторам показать сложные эксперименты с пространством и окружающим вещным миром [65–67].

Временной код при изображении болезни неоднороден. Наряду с недискретным линейным током времени авторы используют обратный (от «Смерти Ивана Ильича» до «Опытов» М. Вишневецкой, «Авиатора» и «Брисбена» Е. Водолазкина); показывают слитность воедино прошлого, настоящего и будущего (в «Школе для дураков» Саши Соколова: «<...> недавно (сию минуту, в скором времени) я плыл (плыву, буду плыть) на весельной лодке по большой реке» [68.

С. 39]); или описывают застывшее время (для сошедшего с ума профессора Вольфа Лейбе в романе Г. Яхиной).

Морбуальный код может быть реализован в художественном медицинском дискурсе (в «Записках врача» В.В. Вересаева, «Записках юного врача» М.А. Булгакова, «Раковом корпусе» А.И. Солженицына и многих других произведениях). В то же время в ряде текстов медицинский дискурс может отсутствовать или может быть сведен к минимуму, как, например, в «Мелком бесе» Ф. Сологуба, в «Защите Лужина» В. Набокова, при этом изображение измененного сознания героя играет в романах центральную роль [21, 69], и морбуальный код проявляется на сюжетно-композиционном, пространственно-временном, идейно-философском уровнях текстов.

Учитывая множественность и разнообразие проявлений и функций морбуального кода, мы предлагаем следующее определение, выработанное на основе семиотического подхода: морбуальный код – формально-содержательное единство, репрезентирующее в художественных текстах образы и (или) метафорические проекции морбуальности. Литература «кодирует» представление о болезни, образы больных, врачей, медицинские «сюжеты» жизни. В то же время с помощью морбуального кода писатель может изображать политические, социальные, культурные процессы, напрямую не связанные с болезнью.

Код как «системность авторских выборов» [43. С. 49] в конкретных произведениях может быть реализован на разных уровнях текста с разной степенью полноты. Вариативность использования данного кода зависит от индивидуальной поэтики писателя, от социальных, политических этических, философских и эстетических кодов эпохи.

Морбуальный код – один из важных семантических и культурных кодов художественного текста. Его пересечение с соматическим, духовным, пространственным, временным, предметным кодами определяет как своеобразие поэтики отдельного произведения, так и позволяет видеть целостное единство текстов того или иного периода истории литературы в осмыслении не теряющих актуальности вопросов, связанных с рефлексией болезни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обзор междисциплинарного курса *Literature and Medicine* и проблемы его развития даны в статье Е. Неклюдовой [8].

² Так, произведения А.И. Герцена, А.П. Чехова, В.В. Вересаева, М.А. Булгакова перепечатывались в отрывках, а иногда и целиком в пособиях для студентов медицинских университетов (см., напр., [9]). Многочисленные высказывания выдающихся врачей разных специальностей о большой роли изучения литературных «случаев из практики» для их собственного становления приведены в монографии И. Лихтенштейн [10] (см. также [11, 12]).

³ Особенно подробно разработан этот подход по отношению к творчеству А.П. Чехова. В 1990-е гг. в доме-музее Чехова в Москве прошли конференции: «Чехов и медицина», «“Черный монах” глазами врачей и филологов», «“Палата № 6” глазами врачей и филологов», «“Степь” глазами врачей и психологов».

⁴ М. Барсукова выделяет диагностирующую, лечащую и рекомендующую стратегии медицинского дискурса [32]; Е. Керер рассматривает как основные когнитивные стратегии, представленные убеждением и внушением; а также вспомогательные: прагматические («направлены на изменение условий взаимодействия между участниками коммуникации, улучшение психоэмоционального состояния пациента, на содействие выполнению назначений и рекомендаций специалиста, демонстрации эмпатии»); диалоговые стратегии («стимулируют речевую активность клиента медицинского дискурса»); риторические («позволяют врачу “приблизиться” к пациенту, подстраиваясь под его восприятие с целью получения релевантной информации и создания психологического комфорта») [33. С. 101]. Важен вывод исследователей, что «Система стратегий и тактик медицинского дискурса способна варьироваться и дополняться новыми компонентами в зависимости от смены коммуникативных условий и социальных практик» [34. С. 401].

⁵ В литературоведении слово «морбуальный» начинает употребляться после выхода сборника [15] и работы Т. Шмелевой [38].

⁶ Концепт понимается как «единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [61. С. 271].

⁷ Наталья Тамручи говорит о метафоричности понятий «здоровый» и «больной» в советской риторике, где данные антонимы стали применяться «не только по отношению к человеческому телу, но и к телу социальному. Так, социализм “здоровый” противопоставлен капитализму “загнивающему”; высказывания, расходящиеся с курсом партии, именуются “гнилыми”, и т.п.» [28. С. 135].

ЛИТЕРАТУРА

1. Россолово Г. Искусство, больные нервы и воспитание (по поводу «декадентства»). М. : Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1901. 50 с.
2. Рыбаков Ф. Современные писатели и больные нервы. Психиатрический этюд. М. : Типо-лит. В. Рихтер, 1908. 50 с.
3. Вавулин Н. Безумие, его смысл и ценность: Психологические очерки. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1913. 232 с.
4. Радин Е. Футуризм и безумие. Параллели творчества и аналогии нового языка кубо-футуристов. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1914.
5. Закрежевский А. Рыцари безумия (Футуристы). Киев: Тип. акц. о-ва «Петр Барский», 1914. 163 с.
6. Кириленко Е. Концепт медиализации культуры как опыт социокультурной интерпретации // Дефиниции культуры. Томск, 2009. Вып. 8. С. 96–97.
7. Чавдарова Д., Стойменова Б. Тема болезни в европейской литературе (предварительный обзор) // *Studia Literaria Polono-Slavica*. 6. *Morbus, Medicamentum et Sanus*. Warszawa: SOW, 2001. 205–216.
8. Неклюдова Е. «Воскрешение Аполлона»: literature and medicine – генезис, история, методология // *Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика* : сб. статей / под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. М. : Новое издательство, 2006. С. 16–27.
9. Медицина в произведениях русских писателей : хрестоматия для студентов медицинских учебных заведений / сост. А. Сатретдинова. Астрахань, 2009.
10. Лихтенштейн И. Литература и медицина. [Ontario]: Altasphera, 2015.
11. Трубецков А., Трубецкова Е. Роман А.И. Солженицына «Раковый корпус» в контексте биоэтики // А.И. Солженицын и русская культура : сб. науч. тр. Вып. 3. Саратов : Изд. центр «Наука», 2009. С. 63–70.
12. Трубецкова Е.Г. «Записки врача» В. Вересаева в контексте этических проблем современной медицины // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2020. Т. 20, Вып. 2. С. 207–211.
13. Гончаров С., Гончарова О. Врач и его биография в русской литературе // *Studia Literaria Polono-Slavica*. 6. *Morbus, Medicamentum et Sanus*. Warszawa: SOW, 2001. С. 217–227.
14. Каган-Пономарев М. Литераторы и врачи: очерки и подходы с приложением Библиографического словаря. М. : Дашков и К., 2007.
15. *Studia Literaria Polono-Slavica*. 6. *Morbus, Medicamentum et Sanus*. Warszawa: SOW, 2001.
16. *Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика*. М. : Новое издательство, 2006. 304 с.
17. Руднев В. Характеры и расстройства личности. Патография и метапсихология. М. : Класс, 2002.
18. Пекуровская А. Страсти по Достоевскому: механизмы желаний сочинителя. М. : Новое литературное обозрение, 2004.
19. Богданов К. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVII–XIX вв. М. : ОГИ, 2005.
20. Сироткина И. Классики и психиатры: психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX веков. М. : Новое литературное обозрение, 2008.
21. Сконечная О. Русский параноидальный роман: Федор Сологуб, Андрей Белый, Владимир Набоков. М. : Новое литературное обозрение, 2015.
22. Смирнов И. Психодиахронология: Психистория русской литературы от романтизма до наших дней. М. : Новое литературное обозрение, 1994.
23. Faryno J. Чем и зачем писатели болеют и лечат своих персонажей? // *Studia Literaria Polono-Slavica*. 6. *Morbus, Medicamentum et Sanus*. Warszawa: SOW, 200. Р. 485–494.
24. Трубецкова Е. «Новое зрение»: болезнь как прием острашения в русской литературе XX века. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 297 с.
25. Сонтаг С. Болезнь как метафора. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016.
26. Геллер Л. Враги здоровья и народа. Парадигма болезни в русском соцреализме // *Studia Literaria Polono-Slavica*. 6. *Morbus, Medicamentum et Sanus*. Warszawa: SOW, 2001. С. 351–364;
27. Инчин К. Римское изречение «В здоровом теле – здоровый дух» и поэтика социалистического реализма // *Studia Literaria Polono-Slavica*. 6. *Morbus, Medicamentum et Sanus*. Warszawa: SOW, 2001. С. 385–397.
28. Тамручи Н. Медицина и Власть // *Новое литературное обозрение*. 2013. № 122. С. 134–155.
29. Шуравина Л. Медицинский дискурс как тип институционального дискурса // *Вестник Челябинского государственного уни-та*. 2013. № 37 (238). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 65–67.
30. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Сов. энциклопедия, 1990.
31. Косицкая Ф., Матюхина М. Английский медицинский дискурс в сфере профессиональной коммуникации // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2017. Вып. 6 (183). С. 45.
32. Барсукова М. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача : дис... канд. филол. наук. Саратов, 2007. С. 34.
33. Керер К. Особенности языкового выражения речевого воздействия врача на пациента в рамках медицинского дискурса (на материале кинофильма «Неотложка») // *Вестник Северо-Восточного федерального университета*. 2018. № 4 (66). С. 99–111.
34. Майборода С. Вспомогательные стратегии в профессиональной речевой коммуникации доктора и пациента (К вопросу о границах классификации) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 396–401.
35. Ефремова Н. Когнитивно-дискурсивные механизмы создания медицинского текста (на материале произведений Н.М. Амосова, Ф.Г. Углова) : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2017.
36. Керер К. Лингвокультурный концепт «врач» в отечественном художественном медицинском дискурсе (на материале произведения Д. Правдина «Записки городского хирурга») // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 149–154.
37. Пономаренко Е. Жанровая организация речевого общения врача и пациента (на материале художественных произведений писателей-врачей) : дис. ... д-ра филол. наук. Симферополь, 2014. 405 с.
38. Шмелева Т. Морбуальная оптика // *Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества*. Т. 7. Екатеринбург, 2001. С. 4–15.
39. Козубовская Г. Середина века: миф и мифопоэтика. Барнаул : АлтГПА, 2008. 273 с.
40. Стенина В. Субъективация времени в эпистолярной А.П. Чехова: Морбуальный код // *Философия Чехова. Материалы Международной научной конференции Иркутск, 27 июня – 2 июля 2006 г. Иркутск* : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008.
41. Стенина В. Филология болезни в прозе А.П. Чехова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006.
42. Стенина В. Оппозиция «мужское»/«женское» в прозе Чехова: морбуальный код // *Диалог культур. 7: Сборник материалов межвузовской конференции молодых ученых*. Барнаул : Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2005. С. 23–32.
43. Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. 639 с.
44. Барт Р. S/Z / пер. с фр., под ред. Г. Косикова. 2-е изд. М. : Едиториал УРСС, 2001. 232 с.
45. Брудный А. Психологическая герменевтика : учеб. пособие. М., 1998.

46. Кузнецов О., Лебедев В. Достоевский над бездной безумия. М. : Когито-Центр, 2003.
47. Лахманн Р. «Истерический дискурс» Достоевского // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика : сб. статей / под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. М. : Новое издательство, 2006. С. 103–121.
48. Медведева Д., Казаков А. Проблема безумия в романах Ф.М. Достоевского 1865–1880-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 351. С. 333–338.
49. Клуге Р. Отображение болезни в рассказах «Палата № 6» и «Черный монах» // Чеховиана. М. : Наука, 1995. С. 52–59.
50. Шабалдина Е. Безумие как сквозной мотив в творчестве М.А. Булгакова (генезис, варианты реализации) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2013. № 1 (23). С. 175–180.
51. Трубецкова Е. История болезни в романах М.А. Алданова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, Вып. 3.
52. Трубецкова Е. Борьба с амнезией: набовские «знаки и символы» в романе Е. Водолазкина «Авиатор» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 104–108.
53. Одесский М. Человек болеющий в древнерусской литературе // Древнерусская литература: изображение человека и природы. М. : Наследие, 1995.
54. Мертен С. Поэтика медицины. От физиологии к психологии в раннем русском реализме // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика : сб. статей / под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. М. : Новое издательство, 2006. С. 103–121.
55. Malek E. Врачевание и «болеющий человек» в быту и литературе России XVI–XVIII веков // Studia Literaria Polono-Slavica. 6. Morbus, Medicamentum et Sanus. Warszawa: SOW, 2001. P. 243–259.
56. Кононенко Б. Большой толковый словарь по культурологии. М. : Вече, 2003. 512 с.
57. Горелова И., Лысенко Н. Культурология: Тематический словарь : учеб. пособие. М. : МИИТ, 2011. 88 с.
58. Ерохина Т. Текст-код массовой культуры // Ярославский вестник. 2015. № 2, Т. 1 (Культурология).
59. Красных В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М. : Гнозис, 2002.
60. Маслова В. Национальные ценности и язык: духовный код культуры // Лингвистика. 2010. № 2 (20). С. 19–30.
61. Воркачев С. Культурный концепт и значение // Труды Кубанского государственного технологического университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 17, вып. 2. Краснодар, 2003. С. 268–276.
62. Бурова Г. Фармацевтический дискурс как культурный код: семиотические, прагматические и концептуальные основания : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ставрополь, 2008.
63. Трубецкова Е. Болезнь как социальная и политическая метафора в литературе и публицистике XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 65–68.
64. Олеша Ю. Люмп // Олеша Ю. Избранное. Фрунзе : Адабият, 1989.
65. Трубецкова Е. Глаз и оптические средства: деформация зрения в прозе Владимира Набокова // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 58–65.
66. Трубецкова Е. «Ракетка и глаз, брошенный в пространство»: визуальные коды русского формализма в новеллах Сигизмунда Кржижановского // Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание. М. : Новое литературное обозрение, 2017. С. 611–621.
67. Трубецкова Е. Близорукость как дар творческого видения в романе А. Ремизова «Подстриженными глазами» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 183–187.
68. Соколов С. Школа для дураков. СПб. : Симпозиум, 2001.
69. Букс Н. Набоков и психиатрия. Случай Лужина // Семиотика безумия / под ред. Н. Букс. Москва; Париж : Европа. Русский институт, 2005. С. 172–193.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 января 2021 г.

On the Morbual Code of Russian Literature

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 47–54.

DOI: 10.17223/15617793/467/6

Elena G. Trubetskova, Saratov State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: etrubetskova@gmail.com

Keywords: morbual code; cultural code; literature and medicine; disease.

The article aims at solving the problem of a theoretical substantiation of the term ‘morbual code’. The object of the research was Russian literature of the 19th–21st centuries. On the basis of semiotic and linguocultural methods of analysis, the morbual code is considered and examined as one of the most ancient (universal) cultural codes reflecting the peculiarities of the national consciousness of the epoch under consideration. The main oppositions of the morbual code are identified: ‘health – disease’, ‘life – death’, ‘doctor – patient’. The analysis has shown that the same code units (images of doctor, illness, patient) have different forms of representation in literary texts of different eras, depending on changes in the cultural and/or scientific context. The article examines the relationship between the morbual code and medical discourse, identifies their overlapping areas and their differences. The article shows that the morbual code can be present both in works thematically or figuratively related to disease/medicine (in B. Pasteranak’s *Doctor Zhivago*, it is determined by the profession of the protagonist; in A. Solzhenitsyn’s *Cancer Ward*, by the main problem range and the location), and in texts not directly related to the image of the disease (in Solzhenitsyn’s *The Gulag Archipelago*, the formation and development of the prison system is interpreted in metaphors of cancer: the author shows the onset, the rapid “spread of a tumor” and describes how “the archipelago metastasizes”). On the basis of E. Faryno’s definition of the code as the “consistency of the author’s choices”, the examples of how the morbual code is implemented on different text levels are analyzed, and the overlaps of the code with the basic cultural codes – somatic, spiritual, temporal, spatial, subject – are considered. Typical morbual loci are described; the main features of the temporal organization of texts associated with the image of the disease are identified. The morbual code is shown to have become the basis for identifying metatextual unities both in the works by different authors (for example, F. Dostoevsky, A. Chekhov, M. Bulgakov, M. Aldanov, V. Aksenov, E. Vodolazkin), and in the literature of a particular period of literary history as a whole. The study has made it possible to clarify the scope of the term and give it the following definition: the morbual code is a formal-meaningful unity, representing images and/or metaphorical projections of morbuality in literary texts. The variability in the use of this code depends on the individual poetics of the writer, on the social, political, ethical, philosophical, and aesthetic codes of the era.

REFERENCES

- Rossolimo, G.I. (1901) *Iskusstvo, bol'nye nervy i vospitanie (po povodu "dekadentstva")* [Art, Ill Nerves and Education (About "decadence")]. Moscow: Tipo-lit. t-va. I.N. Kushnerev i K.
- Rybakov, F.E. (1908) *Sovremennyye pisateli i bol'nye nervy. Psikhiatricheskii etyud* [Modern Writers and Ill Nerves. A psychiatric study]. Moscow: Tipo-lit. V. Rikhter.
- Vavulin, N.V. (1913) *Bezumie, ego smysl i tsennost': Psikhologicheskie ocherki* [Madness, its meaning and value: Psychological essays]. Saint Petersburg: Tip. F. Vaysberga i P. Gershunina.
- Radin, E.P. (1914) *Futurizm i bezumie. Paralleli tvorchestva i analogii novogo yazyka kubo-futuristov* [Futurism and madness. Parallels of creativity and analogies of the new language of the cubo-futurists]. Saint Petersburg: Tip. F. Vaysberga i P. Gershunina.
- Zakrzhevskiy, A.K. (1914) *Rytsari bezumiya (Futuristy)* [Knights of Madness (Futurists)]. Kiev: Tip. akts. o-va "Petr Barskiy".
- Kirilenko, E.I. (2009) *Kontsept medikalizatsii kul'tury kak opyt sotsiokul'turnoy interpretatsii* [Concept of medicalization of culture as an experience of socio-cultural interpretation]. In: *Definitsii kul'tury* [Definitions of Culture]. Vol. 8. Tomsk: Tomsk State University. pp. 96–97.
- Chavdarova, D. & Stoymenova, B. (2001) Tema bolezni v evropeyskoy literature (predvaritel'nyy osmotr) [The topic of illness in European literature (preliminary examination)]. *Studia litteraria Polono-Slavica*. 6. pp. 205–216.
- Neklyudova, E. (2006) "Voskreshenie Apollona": literature and medicine – genesis, istoriya, metodologiya ["The Resurrection of Apollo": literature and medicine – genesis, history, methodology]. In: Bogdanov, K., Murashov, Yu. & Nikolozhi, R. (eds) *Russkaya literatura i meditsina: Telo, predpisaniya, sotsial'naya praktika* [Russian literature and medicine: Body, prescriptions, social practice]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. pp. 16–27.
- Satretdinova, A.Kh. (ed.) (2009) *Meditsina v proizvedeniyakh russkikh pisateley: khrestomatiya dlya studentov meditsinskikh uchebnykh zavedeniy* [Medicine in the Works of Russian Writers: A reader for medical students]. Astrakhan: Astrakhan State Medical University.
- Likhtensheyn, I.E. (2015) *Literatura i meditsina* [Literature and Medicine]. Ontario: Altasphera.
- Trubetskoy, A. & Trubetskova, E. (2009) Roman A.I. Solzhenitsyna "Rakovyy korpus" v kontekste bioetiki [Cancer Ward in the context of bioethics]. In: Gerasimova, L.E. (ed.) *A.I. Solzhenitsyn i russkaya kul'tura* [A.I. Solzhenitsyn and Russian Culture]. Vol. 3. Saratov: Izd. tsentr "Nauka". pp. 63–70.
- Trubetskova, E.G. (2020) Notes of a Doctor by V. Veresaev in the Context of Ethical Problems of Contemporary Medicine. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 2 (20). pp. 207–211. (In Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2020-20-2-211
- Goncharov, S. & Goncharova, O. (2001) Vrach i ego biografiya v russkoy literature [Doctor and his biography in Russian literature]. *Studia Literaria Polono-Slavica*. 6. pp. 217–227.
- Kagan-Ponomarev, M. (2007) *Literaturnyye vrachi: ocherki i podkhody s prilozheniem Biobibliograficheskogo slovary* [Literators and Doctors: Essays and approaches with the application of the Biobibliographic Dictionary]. Moscow: Dashkov i K.
- Studia Literaria Polono-Slavica*. (2001) 6.
- Bogdanov, K., Murashov, Yu. & Nikolozhi, R. (eds) (2006) *Russkaya literatura i meditsina: Telo, predpisaniya, sotsial'naya praktika* [Russian Literature and Medicine: Body, prescriptions, social practice]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Rudnev, V. (2002) *Kharaktery i rasstroystva lichnosti. Patografiya i metapsikhologiya* [Characters and Personality Disorders. Pathography and Metapsychology]. Moscow: Klass.
- Pekurovskaya, A. (2004) *Strasti po Dostoevskomu: mekhanizmy zhelaniy sochinitelya* [Passions According to Dostoevsky: Mechanisms of the writer's desires]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Bogdanov, K. (2005) *Vrachi, patsienty, chitateli: Patograficheskie teksty russkoy kul'tury XVII–XIX vv* [Doctors, Patients, Readers: Pathographic texts of Russian culture of the 17th–19th centuries]. Moscow: OGI.
- Sirotkina, I. (2008) *Klassiki i psikiatry: psikiatriya v rossiyskoy kul'ture kontsa XIX – nachala XX vekov* [Classics and Psychiatrists: Psychiatry in Russian culture of the late 19th – early 20th centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Skonechnaya, O. (2015) *Russkiy paranoid'nyy roman: Fedor Sologub, Andrey Bely, Vladimir Nabokov* [Russian Paranoid Novel: Fyodor Sologub, Andrei Bely, Vladimir Nabokov]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Smirnov, I. (1994) *Psikhodiakhronologika: Psikhistoriya russkoy literatury ot romantizma do nashikh dney* [Psychodichronology: Psychohistory of Russian literature from romanticism to the present day]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Faryno, J. (2001) Chem i zachem pisateli boleyut i lechat svoikh personazhey? [What with and why do writers get sick and treat their characters?]. *Studia Literaria Polono-Slavica*. 6. pp. 485–494.
- Trubetskova, E. (2019) "Novoe zrenie": bolezni kak priem ostraneniya v russkoy literature XX veka ["New Vision": Disease as a method of defamiliarisation in Russian literature of the 20th century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Sontag, S. (2016) *Bolezni kak metafora* [Disease as a Metaphor]. Translated from English by M.A. Dadyan & A.E. Sokolinskaya. Moscow: Ad Marginem Press.
- Geller, L. (2001) Vragi zdorov'ya i naroda. Paradigma bolezni v russkom sotsrealizme [Enemies of health and the people. The paradigm of illness in Russian socialist realism]. *Studia Literaria Polono-Slavica*. 6. pp. 351–364.
- Inchin, K. (2001) Rimskie izrecheniya "V zdorovom tele – zdorovyy dukh" i poetika sotsialisticheskogo realizma [Roman dictum "In a healthy body – a healthy mind" and the poetics of socialist realism]. *Studia Literaria Polono-Slavica*. 6. pp. 385–397.
- Tamruchi, N. (2013) *Meditsina i Vlast'* [Medicine and Power]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 122. pp. 134–155.
- Shuravina, L.S. (2013) On typology of medical discourse. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo uni-ta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 37 (328). pp. 65–67.
- Yartseva, V.N. (ed.) (1990) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya.
- Kositskaya, F.L. & Matyukhina, M.V. (2017) English medical discourse in the sphere of professional communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 6 (183). pp. 44–48. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2017-6-44-48
- Barsukova, M.I. (2007) *Meditsinskiy diskurs: strategii i taktiki rechevogo povedeniya vracha* [Medical discourse: strategies and tactics of the doctor's speech behavior]. Philology Cand. Diss. Saratov.
- Kerer, K.A. (2018) Peculiarities of linguistic implementation of doctor's speech influence on patient (on the material of the film "Neotlozhka"). *Vestnik Severo-vostochnogo federal'nogo universiteta – Vestnik of North-Eastern Federal University*. 4 (66). pp. 99–111. (In Russian). DOI: 10.25587/SVFU.2018.66.16127
- Mayboroda, S.V. (2016) Accessory strategies in professional speech communication of a doctor and a patient (to the issue of the classification borders). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 4 (16). pp. 396–401. (In Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-396-401
- Efremova, N.V. (2017) *Kognitivno-diskursivnye mekhanizmy sozdaniya meditsinskogo teksta (na materiale proizvedeniy N.M. Amosova, F. G. Uglova)* [Cognitive-discursive mechanisms for creating a medical text (based on the works by N.M. Amosov and F.G. Uglov)]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
- Kerer, K. (2019) Linguocultural concept 'doctor' in the Russian artistic medical discourse (based on the novel the city surgeon's notes by Dmitry Pravdin). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 2 (19). pp. 149–154. (In Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2019-19-2-149-154

37. Ponomarenko, E.A. (2014) *Zhanrovaya organizatsiya rechevogo obshcheniya vracha i patsienta (na materiale khudozhestvennykh proizvedeniy pisateley-vrachey)* [Genre organization of speech communication between a doctor and a patient (based on the fiction by physician writers)]. Philology Dr. Diss. Simferopol.
38. Shmeleva, T.V. (2001) Morbual'naya optika [Morbual optics]. *Lingvistika. Byulleten' Ural'skogo lingvisticheskogo obshchestva*. 7. pp. 4–15.
39. Kozubovskaya, G.P. (2008) *Seredina veka: mif i mifopoetika* [Mid-century: Myth and mythopoetics]. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy.
40. Stenina, V.F. (2008) [Subjectivation of time in the epistolary of A.P. Chekhov: Morbual code]. *Filosofiya Chekhova* [Philosophy of Chekhov]. Proceedings of the International Conference. Irkutsk. 27 June – 2 July 2006. Irkutsk: Irkutsk State University. (In Russian).
41. Stenina, V.F. (2006) *Mifologiya bolezni v proze A.P. Chekhova* [The mythology of disease in the prose by A.P. Chekhov]. Abstract of Philology Cand. Diss. Samara.
42. Stenina, V.F. (2005) [Opposition “masculine” / “feminine” in Chekhov’s prose: the morbial code]. *Dialog kul'tur* [Dialogue of Cultures]. Proceedings of the Interuniversity Conference. Vol.7. Barnaul. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University. pp. 23–32. (In Russian).
43. Faryno, J. (2002) *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to Literary Theory]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University.
44. Barthes, R. (2001) *S/Z*. Translated from French by G. Kosikov. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS. (In Russian).
45. Brudnyy, A.A. (1998) *Psikhologicheskaya germenevtika* [Psychological Hermeneutics]. Moscow: Labirint.
46. Kuznetsov, O.N. & Lebedev, V.I. (2003) *Dostoevskiy nad bezdnoy bezumiya* [Dostoevsky Over the Abyss of Madness]. Moscow: Kogito-Tsentr.
47. Lakhmann, R. (2006) “Istericheskiy diskurs” Dostoevskogo [Dostoevsky’s “Hysterical Discourse”]. In: Bogdanov, K., Murashov, Yu. & Nikolozzi, R. (eds) *Russkaya literatura i meditsina: Telo, predpisaniya, sotsial'naya praktika* [Russian literature and medicine: Body, prescriptions, social practice]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. pp. 103–121.
48. Medvedeva, D.A. & Kazakov, A.A. (2011) The problem of madness in 1865–1880s novels of F. Dostoyevsky. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 351. pp. 333–338. (In Russian).
49. Kluge, R. (1995) Otkazanie bolezni v rasskazakh “Palata № 6” i “Chernyy monakh” [Display of the disease in the stories “Ward No. 6” and “Black Monk”]. In: Lakshin, V.Ya. (ed.) *Chekhoviana*. Moscow: Nauka. pp. 52–59.
50. Shabaldina, E.V. (2013) Insanity as prevailing theme in the works of M.A. Bulgakov (genesis, variants of implementation). *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva – Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University*. 1 (23). pp. 175–180. (In Russian).
51. Trubetskova, E.G. (2017) ‘Case history’ in M. A. Aldanov’s novels. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistsika – Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 3 (17). pp. 323–326. (In Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-3-323-326
52. Trubetskova, E.G. (2020) The Fight against Amnesia: Nabokov’s ‘Signs and Symbols’ in the Novel by E. Vodolazkin The Aviator. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistsika – Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 1 (20). pp. 104–108. (In Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2020-20-1-104-108
53. Odesskiy, M.P. (1995) Chelovek boleyushchiy v drevnerusskoy literature [A person who is sick in ancient Russian literature]. In: Demin, A.S. (ed.) *Drevnerusskaya literatura: izobrazhenie cheloveka i prirody* [Old Russian literature: the image of man and nature]. Moscow: Nasledie.
54. Merten, S. (2006) Poetika meditsiny. Ot fiziologii k psikhologii v rannem russkom realizme [Poetics of Medicine. From physiology to psychology in early Russian realism]. In: Bogdanov, K., Murashov, Yu. & Nikolozzi, R. (eds) *Russkaya literatura i meditsina: Telo, predpisaniya, sotsial'naya praktika* [Russian literature and medicine: Body, prescriptions, social practice]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. pp. 103–121.
55. Malek, E. (2001) Vrachevanie i “boleyushchiy chelovek” v bytu i literature Rossii XVI–XVIII vekov [Medicine and the “sick person” in everyday life and literature of Russia in the 16th–18th centuries]. *Studia Literaria Polono-Slavica*. 6. pp. 243–259.
56. Kononenko, B.I. (2003) *Bol'shoy tolkovyy slovar' po kul'turologii* [Big Explanatory Dictionary on Cultural Studies]. Moscow: Veche.
57. Gorelova, I.N. & Lysenko, N.N. (2011) *Kul'turologiya: Tematicheskii slovar'* [Cultural Studies. Thematic Dictionary]. Moscow: Russian University of Transport.
58. Erokhina, T.I. (2015) Text – the code of mass culture. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2 (1). pp. 37–45. (In Russian).
59. Krasnykh, V.V. (2002) *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya* [Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology]. Moscow: Gnozis.
60. Maslova, V.A. (2010) Natsional'nye tsennosti i yazyk: dukhovnyy kod kul'tury [National values and language: the spiritual code of culture]. *Lingvistika*. 2 (20). pp. 19–30.
61. Vorkachev, S.G. (2003) Kul'turnyy kontsept i znachenie [Cultural concept and meaning]. *Trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta – Scientific Works of the Kuban State Technological University*. 2 (17). pp. 268–276.
62. Burova, G.P. (2008) *Farmatsevticheskiy diskurs kak kul'turnyy kod: semioticheskie, pragmaticheskie i kontseptual'nye osnovaniya* [Pharmaceutical discourse as a cultural code: semiotic, pragmatic and conceptual foundations]. Abstract of Philology Dr. Diss. Stavropol.
63. Trubetskova, E. (2018) Illness as a social and political metaphor in literature and journalism of the XXth century. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistsika – Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 1 (18). pp. 65–68. (In Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-65-68
64. Olesha, Yu. (1989) *Izbrannoe* [Selected Works]. Frunze: Adabiyat.
65. Trubetskova, E.G. (2018) The eye and optical devices: deformation of sight in Vladimir Nabokov’s prose. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 429. pp. 58–65. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/429/7
66. Trubetskova, E.G. (2017) “Raketka i glaz, zabroshenny v prostranstvo”: vizual'nye kody russkogo formalizma v novellakh Sigizmunda Krzhizhanovskogo [“The racket and the eye thrown into space”: visual codes of Russian formalism in the novels of Sigismund Krzhizhanovskiy]. In: Levchenko, Ya. & Pil'shchikov, I. (eds) *Epokha “ostraneniya”. Russkiy formalizm i sovremennoye gumanitarnoe znanie* [The era of “defamiliarization”. Russian formalism and modern humanitarian knowledge]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 611–621.
67. Trubetskova, E.G. (2018) Short-sightedness as a gift of creative vision in the novel by A. Remizov with trimmed eyes. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistsika – Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 2 (18). pp. 183–187. (In Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-183-187
68. Sokolov, S. (2001) *Shkola dlya durakov* [School for Fools]. Saint Petersburg: Simpozium.
69. Buhks, N. (2005) Nabokov i psixiatriya. Sluchay Luzhina [Nabokov and psychiatry. Luzhin’s case]. In: Buhks, N. (ed.) *Semiotika bezumiya* [Semiotics of Madness]. Moscow: Evropa; Russkiy institut. pp. 172–193.

Received: 19 January 2021

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.013.31; 159.9.072.533: 378.4

К.И. Буякова, И.Ю. Малкова, А.В. Будакова

ДИАГНОСТИКА СУБЪЕКТНОЙ ПОЗИЦИИ УЧАСТНИКОВ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 19-313-90037 «Разработка модели педагогического сопровождения развития субъектной позиции обучающихся в процессе волонтерской деятельности».

Диагностируется субъектная позиция обучающихся в условиях волонтерской деятельности. Субъектная позиция рассматривается авторами через метакомпетенции. Приводится анализ понятий «субъектная позиция» и «метакомпетенции» применительно к обучающимся, участвующим в волонтерской деятельности. Дано описание психометрических свойств опросника, изучающего уровень развития субъектной позиции обучающихся в условиях реализации программы педагогического сопровождения волонтерской деятельности на базе некоммерческих организаций.

Ключевые слова: обучающиеся; субъектная позиция; метакомпетенции участников волонтерской деятельности; волонтерская деятельность; педагогическое сопровождение.

Введение. Современный этап развития общества характеризуется глобальными изменениями практически во всех сферах человеческой деятельности, что трактуется исследователями как «информационное» или «сетевое общество» и др. [1, 2]. Трансформация информационно-коммуникативной реальности способствует увеличению спроса на формирование у будущих выпускников образовательных учреждений компетенций, отвечающих вызовам современного общества [3]. Социальный заказ сфере образования включает не только компетентных специалистов в междисциплинарных сферах деятельности, но высоко нравственных, способных к обучаемости, творчеству и проявлению инициативы, готовых к сотрудничеству и совместной деятельности граждан.

Исследователи сходятся во мнении, что мир становится все менее предсказуемым [4] и способ укрепить устойчивость общества в долгосрочной перспективе – возложить на каждого ответственность за собственное образование и развивать субъектную позицию обучающегося.

При этом волонтерская деятельность обучающихся, понимаемая как добровольная безвозмездная деятельность, активно внедряется в современный образовательный процесс как практика неформального образования, направленная на совершенствование таких личностных качеств, которые обуславливают профессиональное становление обучающегося [5, 6].

Теоретическое исследование. Вопросы содержания и развития субъектной позиции рассмотрены в психолого-педагогической литературе. Единого определения данного термина в научной литературе не представлено. Ее описывают как сложную, интегральную характеристику личности [7–10], отражающую устойчивую систему доминирующих избирательных отношений человека к миру, другим людям и к себе самому [11, 12]. Эта система отношений позволяет ему сознательно, ответственно и свободно строить свою жизнь в мире людей, а также совершать жизненные выборы и поступки (В.И. Слободчиков), управлять своей деятельностью и общением на осно-

ве ценностей (М.Р. Битянова). Другими словами, субъектная позиция определяет ценности, интересы, мотивы человека, способы реализации в своей жизни отношений с окружающими людьми [13].

Исследования данных вопросов в образовании [14–16] показывают, что субъектная позиция проявляется в способности обучающегося ставить цели своего обучения, определять темп процесса обучения, использовать и создавать необходимые образовательные ресурсы, а также погружаться в различные образовательные события с целью устроения противоречий собственного развития. Субъектную позицию обучающегося рассматривают как особое развивающееся качество его личностной позиции, характеризующее ценностное, инициативно-ответственное отношение к образованию и проявляющееся в деятельности, связанной с определением личностного смысла образования [17]. То есть она характеризуется влиянием обучающегося на свое образование, на его проектирование [14], и задает внутреннюю структуру организации учебно-познавательной и профессиональной деятельности будущего специалиста в условиях образования [12].

В англоязычной литературе наиболее близким к сочетанию терминов «субъектность» и «позиция» по содержанию является понятие «агенсу»: способность индивида выступать «агентом» (субъектом) своих действий, действовать целенаправленно, самостоятельно, ответственно и рефлексивно в значимых жизненных ситуациях, в том числе в контексте профессиональной деятельности [18]. В контексте высшего образования термин понимается как опыт студента в достижении личных ресурсов в осознанных и значимых действиях и обучении, где к личным ресурсам относятся рефлекслируемая студентом его самооценочность и убеждения в компетентности, а также достижение доверительных отношений с другими обучающимися и педагогом в ситуации самостоятельного выбора, влияния на процесс обучения [19].

В логике субъектно-деятельностного подхода качества человека как субъекта проявляются в различ-

ных видах его деятельности. Большинство авторов сходятся во мнении, что субъектная позиция напрямую связана и проявляется в процессе осуществления и осмысления деятельности, а уровень ее развития обусловлен уровнем развития определенных качеств, позволяющих человеку осознанно осуществлять ту или иную деятельность [20–22].

Поскольку компетенции понимаются как единицы измерения способности и готовности к выполнению деятельности, развитие субъектной позиции в образовании рассматривается нами как показатель сформированности метакомпетенций.

Единого определения метакомпетенций также не представлено в науке, однако авторы сходятся в понимании того, что метакомпетенции есть ядро приобретения профессиональных компетенций [23], необходимое условие, фундамент для развития всех других навыков и умений [24]. Они характеризуются самосознанием и самоуправлением, включая когнитивные, поведенческие и эмоциональные аспекты, ведущие к более эффективному поведению в различных ситуациях [25].

В метакомпетенции включаются такие их показатели, как инициативность, самоконтроль, самоуверенность, умение адаптироваться к различным требованиям новой ситуации, рефлексия, способность действовать в условиях разнообразия и неопределенности, управлять мотивацией и эмоциями, организованность, самостоятельность, ответственность, способность к планированию, решению проблем, целеполагание, способность к самопознанию, способность принимать на себя моральную ответственность и др. [26, 27]. В образовании они понимаются как комплекс универсальных учебных действий, направленных на освоение обучающими учебных дисциплин, позволяющих в дальнейшем решать сложные профессиональные задачи, повышая эффективность профессиональной деятельности [28], и включают познавательные, критические и рефлексивные способности обучающихся. В современных психолого-педагогических исследованиях раскрывается довольно явное соответствие содержания показателей сформированности метакомпетенций и характеристик субъектной позиции. Однако широкий спектр определений и показателей метакомпетенций в компетентностном подходе в образовании свидетельствует, как отмечается многими исследователями, о сложности их измерения и оценивания, в связи с чем они находятся в процессе методологических уточнений в современной науке.

Существует не так много исследований, посвященных изучению развития компетенций через волонтерскую деятельность [29]. Волонтерская деятельность была рассмотрена как образовательный ресурс в психолого-педагогических работах – ее педагогический потенциал в развитии профессиональных и социальных навыков, компетенций [30], как ресурс профессионально-личностного развития [31, 32] и т.д.

Волонтерская деятельность понимается как общественно полезная деятельность, осуществляемая людьми безвозмездно на основе доброй воли и сво-

бодного выбора в пользу третьих лиц или общества в целом. Современное мировое сообщество подразумевает под волонтерской деятельностью основу для построения гражданского общества, инструмент для наращивания его благосостояния, социального капитала и экономического роста. Признается ее образовательный потенциал, способствующий личностному развитию волонтеров [33] и значимый для обеспечения преимущества при будущем трудоустройстве [34. Р. 31].

Волонтерская деятельность – это особая деятельность, имеющая ценностные основания, где обучающиеся, осуществляя ее, воплощают осмысленную и принятую ценность. В условиях образовательной ситуации обучающийся, который знакомится со способами воплощения ценности, личными смыслами разных людей в волонтерской деятельности (преподавателя, представителей некоммерческих организаций (далее – НКО) и др.), получает разные возможности, чтобы найти собственный способ воплощения в жизнь ценности.

При этом сами волонтеры отмечают развитие метакомпетенций как одно из преимуществ добровольчества, увеличивающих их перспективы трудоустройства [35]. Это отражают и результаты проведенного нами ранее экспертного опроса молодых людей в возрасте от 20 до 30 лет, которые показали, что волонтерская деятельность помогает развивать компоненты метакомпетенций: когнитивный (критическое мышление, способность решать проблемы и др.), регулятивный (инициативность, рефлексия, стремление к саморазвитию, способность брать на себя ответственность, управлять своим временем и др.), коммуникативный (способность выстраивать эффективное общение, умение работать в команде и др.). [27]. Кроме того, респонденты отметили, что недостаточно внимания уделяется развитию этих метакомпетенций в университетах их страны. В опросе (февраль 2020 г.) приняли участие молодые люди, члены сети выпускников EU4Youth из Грузии, Армении, Азербайджана и России, которые имеют большой опыт волонтерства и проведения образовательных мероприятий для волонтеров. Выборка составила 31 человек.

Таким образом, на основе теоретического исследования мы определяем **субъектную позицию участников волонтерской деятельности** в образовании как систему доминирующих избирательных отношений, характеризующих осознанное участие и влияние обучающегося на свое образование и определяющих его последующую профессиональную активность и активный характер его профессионально-личностного саморазвития.

Методология. Дизайн исследования состоял из двух этапов. В рамках **первого этапа** с целью выявления эмпирических признаков качества субъектной позиции обучающихся, участвующих в волонтерской деятельности, были проведены четыре групповых интервью 26 обучающихся г. Томска от 16 до 30 лет, имеющих опыт волонтерской деятельности, и феноменологический анализ рефлексивных текстов 25 студентов Томского государственного университе-

та по результатам их волонтерской деятельности в НКО местного сообщества.

На основе концептуального анализа исследований содержания характеристик субъектной позиции и показателей сформированности метакомпетенций, образовательного ресурса волонтерской деятельности, а также результатов анализа рефлексивных текстов и фокус-групп были выделены четыре основных

компонента субъектной позиции обучающихся, занятых в волонтерской деятельности: мотивационно-ценностный, рефлексивный, регуляторно-деятельностный и поведенчески-нормативный. Для каждого компонента были сформулированы показатели, отражающие метакомпетенции и характеризующие содержание каждого из компонентов субъектной позиции обучающихся [36–39] (табл. 1).

Таблица 1

Показатели субъектной позиции обучающихся, вовлеченных в волонтерскую деятельность

Показатели	Компоненты субъектной позиции			
	Мотивационно-ценностный	Рефлексивный	Регуляторно-деятельностный	Поведенчески-нормативный
	Самостоятельное целеполагание, готовность к проявлению инициативы	Развитость рефлексивных способностей	Включенность в деятельность, интенсивность прилагаемых усилий	Степень активности (адаптации)
	Удовлетворенность в ситуации собственного выбора	Осознанное устранение противоречий собственного развития	Способность к принятию собственных решений	Социальная направленность творческих проявлений
	Согласованность личностных и социальных ценностей	Степень осознанности своих эмоций	Способность эффективно и мотивированно действовать при наличии препятствий и помех	Нравственные ориентиры Способность к их социальной реализации
			Саморегуляция	

Так, в рамках мотивационно-ценностного компонента метакомпетенция «Самостоятельное целеполагание, готовность к проявлению инициативы» характеризуется планированием деятельности с учетом собственных интересов и целей, проявлением инициативы по отношению к деятельности. В рамках данного показателя примерами выступают следующие утверждения обучающихся: «Я проявлял инициативу максимально часто, потому что мне очень нравилось то, что я делаю»; «Я предлагал варианты того, чем могу помочь и чем хотел бы заняться в организации»; «Мне не требовался контроль со стороны организации, но нужен был тьютор» и др. В рамках регуляторно-деятельностного компонента метакомпетенция «Способность к принятию собственных решений» характеризуется способностью к рассмотрению различных способов решения проблемы, способностью взять на себя ответственность за собственный выбор, готовностью к последствиям собственного выбора. Примерами выступают следующие утверждения обучающихся: «Часто возникают ситуации, когда я очень долго взвешиваю все “за” и “против”»; «Иногда необходимость сделать выбор вызывает у меня легкое беспокойство»; «Надо не бояться делать ошибки, все исправимо» и др.

На основании разработанной модели был подготовлен опросник уровня развития субъектной позиции, состоящий из 28 утверждений, по отношению к которым испытуемый должен выразить степень своего согласия, используя семибалльную шкалу Лайкерта, где значению 1 соответствовал ответ «Не похоже на меня», 7 – «Очень похоже на меня». Респондентами стали обучающиеся от 16 до 26 лет (всего 251 человек): школьники старших классов, студенты разных уровней и направлений подготовки Томского государственного университета.

В рамках второго этапа реализована программа педагогического сопровождения теоретического кон-

структа. Программа была реализована в виде факультативного курса. В программе участвовали две группы обучающихся (40 человек), студенты 1–4-х курсов разных направлений подготовки, которые были зачислены на факультативный курс «Волонтер XXI века: социальные практики в действии». Курс продолжительностью один семестр включал аудиторные и практические занятия, волонтерскую деятельность на базе НКО местного сообщества, самостоятельную работу и рефлексивные форматы обучения. Первая группа (19 человек) участвовала в курсе в первом семестре, вторая (21 человек) – во втором.

В исследовании посредством опросника изучаются лишь определенные показатели субъектной позиции, связанные с мотивационными, рефлексивными, регуляторно-деятельностными образованиями субъекта. Дополнительными технологиями диагностики ценностных оснований, нравственных ориентиров, социальной направленности творческих проявлений, как и остальных показателей, выступают: анализ продуктов деятельности (результатов волонтерской деятельности в НКО), наблюдение, кейс-стади на основе ситуационных задач из деятельности НКО), осуществляемые в процессе реализации программы на разных ее этапах. То есть диагностика показателей субъектной позиции имеет два направления: внешнее – включает использование различных методик в исследовательских целях; внутреннее – направлено на развитие у обучающихся навыков самодиагностики. Опросник является вспомогательным диагностирующим инструментом, способствует большей объективности исследования [40]. Система методов, «перекрывающих» друг друга, обеспечивает возможность перепроверки полученных данных [12]. В данной работе рассматриваются только те результаты нашего исследования, которые связаны с использованием опросника уровня развития субъектной позиции.

Также в исследовании применялись следующие опросники: опросник самоорганизации деятельности (ОСД) Е.Ю. Мандриковой, «Удовлетворенность жизнью» Э. Динера, «Самодетерминация личности» (Б. Шелдон, в адаптации и модификации Е.Н. Осина) и опросник эмоционального интеллекта «ЭмИн» (Д.В. Люсин). Измерения осуществлялись до и после прохождения обучающимися курса.

Опросник самоорганизации деятельности предназначен для диагностики сформированности навыков стратегического целеполагания [41]. Опросник «Удовлетворенность жизнью» измеряет «когнитивную оценку соответствия жизненных обстоятельств ожиданиям индивида и отражает общую меру внутренней гармонии и психологической удовлетворенности» [42]. В «Самодетерминации личности» особое внимание уделялось результатам шкал «самотождественность/самоотчуждение» и «воспринимаемый выбор», отражающим степень ориентации обучающегося на свои внутренние принципы, спо-

собность определять ход собственной жизни [43]. В опроснике эмоционального интеллекта ключевой для анализа стала шкала внутриличностного эмоционального интеллекта [44].

Статистическая обработка данных проводилась в программе SPSS 24. В результатах приведены психометрические свойства опросника.

Результаты. На первом этапе исследования для изучения внутренней структуры опросника были проанализированы описательные статистики опросника и проведен анализ надежности.

В итоговую анкету были отобрано 20 вопросов (табл. 2). Коэффициент надежности альфа Кронбаха опросника составляет 0,80. Коэффициент надежности альфа Кронбаха при удалении каждого пункта представлен в табл. 4. Удаление нескольких пунктов (а именно пунктов утверждений 24, 25, 26) привело бы к увеличению надежности, но не значительному.

Описательные статистики итогового варианта анкеты (20 вопросов) представлены в табл. 3.

Таблица 2

Статистика пунктов по отношению к суммарному баллу

Утверждения анкеты	Шкалировать среднее при исключении пункта	Шкалировать дисперсию при исключении пункта	Исправленная корреляция между пунктом и итогом	Альфа Кронбаха при исключении пункта
1. Я часто определяю цели для себя	102,30	154,23	0,49	0,79
2. Я понимаю, как выполнение поставленных мне задач может быть связано с моими личными целями	102,17	155,25	0,46	0,79
3. Я организую свое время для наилучшего достижения моих целей	103,11	150,05	0,49	0,79
4. Я сознательно стараюсь сделать все необходимое для продвижения в учебе и работе	102,66	150,65	0,51	0,79
7. Я спрашиваю себя, рассмотрел (-а) ли я все варианты после того, как я уже решил проблему	103,19	155,28	0,30	0,80
8. Я плохо себя ощущаю, когда вынужден (-а) перенести обещанное мной кому-то выполнение задания/действия	102,04	161,52	0,23	0,80
9. Я горжусь собой, когда выполняю свои обещания несмотря на обстоятельства	101,71	162,44	0,25	0,80
11. Обычно я точно могу сказать, какие именно эмоции я испытываю в данный момент времени	103,10	158,57	0,28	0,80
13. Я стараюсь не унывать, когда встречаюсь с трудностями и проблемами	103,00	149,15	0,52	0,79
14. Я прилагаю добросовестные усилия, чтобы получить лучшие результаты	102,30	153,65	0,55	0,79
15. Я чувствую, что почти все может быть достигнуто, если хочешь этого	101,88	156,14	0,41	0,79
17. Я выполняю задания лучше, когда у меня уже есть понимание задачи	101,41	163,24	0,38	0,80
18. Я думаю о нескольких способах решения проблемы для выбора лучшего	102,42	152,85	0,51	0,79
19. Я спрашиваю себя, рассмотрел (-а) ли я все варианты в процессе решения проблемы	103,15	151,14	0,46	0,79
20. Мне нравится выполнять те задания, в которых я вижу ценность для своего развития	101,55	160,15	0,44	0,79
21. Решая проблему/выполняя задание, я часто подмечаю, каких знаний или навыков мне не хватает	102,04	158,01	0,40	0,79
23. Мне важно видеть значимость и осмысленность моих задач	101,78	160,71	0,37	0,80
24. Я люблю давать советы	102,97	164,34	0,14	0,81
25. Мне трудно делать что-то с сомнительным для меня смыслом	102,26	165,52	0,15	0,81
27. Если я хочу что-то сделать, я не позволяю другим сильно отвлекать меня	102,64	162,07	0,21	0,81

Таблица 3

Описательные статистики шкалы опросника уровня развития субъектной позиции, N=251

Шкала	Среднее значение	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум	Медиана	Асимметрия (ст. ошибка)	Экссесс (ст. ошибка)	Значимость критерия Колмогорова–Смирнова
Опросник уровня развития субъектной позиции	107,8	13,1	71	140	109	–0,31 (0,154)	–0,25 (0,306)	0,013

Критерий Колмогорова–Смирнова оказался значимым, это говорит о том, что распределение отличается от нормального, в связи с чем использовались непараметрические критерии для сравнения переменных.

Высокий уровень развития субъектной позиции (баллы выше 117 (верхний квартиль) характеризует целеустремленного человека с высокой самооценкой и степенью вовлеченности в постановку задач деятельности с учетом собственных интересов. Способного взять ответственность за собственный выбор, осознавать свое отношение к людям, себе и миру. Характеризует волевого и организованного человека, стремящегося доводить начатое дело до конца, способного использовать возможности для осознанного устранения противоречий собственного развития. Человек действует по убеждению, что он творец собственной жизни.

Низкие баллы (ниже 100 баллов (нижний квартиль) характеризуют человека, который не видит пе-

ред собой целей, слабо верит в свою способность выбирать и скорее не готов принимать на себя ответственность за собственную жизнь. Человек с довольно низкой самооценкой, зачастую зависящий от мнения окружающих и не способен эффективно осознавать причины своего отношения к людям, себе и миру. Характеризуется слабым стремлением к саморазвитию и степенью самоорганизации.

В рамках второго этапа исследования измерялись метакомпетенции участников до и после курса. Были рассчитаны описательные статистики по всем изучаемым показателям. Для сравнения результатов до и после курса мы провели дисперсионный анализ повторных измерений, но, поскольку не все переменные были нормально распределены, проверили непараметрическим критерием Вилкоксона для двух связанных выборок. Анализы показали одинаковый результат (табл. 4).

Таблица 4

Описательные статистики опросников до и после прохождения курса (где 1 – до прохождения курса, 2 – после прохождения курса), N=40

Показатели	Статистические характеристики					
	Среднее (ст. откл)	Асимметрия (ст. ошибка)	Экссесс (ст. ошибка)	Минимум	Максимум	Критерий Колмогорова–Смирнова (асимп. знач.)
Опросник субъектной позиции 1	101** (11,8)	0,0 (0,3)	–0,2 (0,7)	73	125	0,98 (0,901)
Опросник субъектной позиции 2	111** (11,5)	0,1 (0,4)	–1,0 (0,7)	91	133	0,96 (0,201)
Опросник самоорганизации деятельности 1	114 (19,9)	–0,8 (0,5)	–0,4 (0,7)	74	159	0,98 (0,636)
Опросник самоорганизации деятельности 2	118 (17,8)	–0,7 (0,4)	1,3 (0,7)	64	154	0,96 (0,19)
«Удовлетворенность жизнью» 1	22,2 (4,5)	–0,3 (0,4)	–0,0 (0,7)	12	32	0,98 (0,612)
«Удовлетворенность жизнью» 2	23 (4,5)	–0,3 (0,4)	–0,0 (0,7)	12	32	0,93 (0,444)
Опросник самодетерминации личности 1	16,5 (3,0)	0,3 (0,4)	–1,1 (0,4)	12	22	0,93 (0,019)
Опросник самодетерминации личности 2	16,8 (2,8)	0,2 (0,4)	–0,8 (0,7)	11	23	0,95 (0,078)
Шкала внутреннего эмоционального интеллекта 1	39,8* (6,7)	0,3 (0,4)	0,3 (0,7)	23	53	0,95 (0,064)
Шкала внутреннего эмоционального интеллекта 2	41,9* (7,0)	–0,1 (0,4)	0,5 (0,7)	23	56	0,97 (0,387)

Примечание: уровни значимости различий, p, между показателями до и после формирующего эксперимента исследования: * – p < 0,05; ** – p < 0,01.

Результаты анализа с использованием критерия Вилкоксона показали, что средние значения выросли после прохождения участниками программы.

Следует указать на возможные ограничения методического плана. В частности, программа педагогического сопровождения в рамках курса была реализова-

на в условиях основного учебного процесса в университете, который также оказывал образовательное воздействие на участников. Можно сделать предположение (на уровне тенденции) о возможном формировании основы для развития высокого уровня субъектной позиции обучающихся в волонтерской деятельности через развитие их метакомпетенций.

Выводы. Формирование компетенций перестает быть прерогативой только формального образования. Увеличивается влияние неформального образования, в частности волонтерского опыта, на развитие человеческого капитала [45].

Рассматривая гуманитарный потенциал образования как психологическую реальность, В.Е. Ключко подчеркивает, что «настоящая деятельность совершается тогда, когда человек понимает смысл и ценность своих действий» [46. С. 147]. В логике субъектно-деятельностного подхода качества человека как субъекта проявляются в различных видах его деятельности, что позволяет рассматривать развитие субъектной позиции только в процессе организации деятельности. В свою очередь, метакомпетенции представляют собой интеллектуальные, когнитивные и эмоциональные способности обучающегося, которые развиваются в разных видах его осмысленной деятельности и совпадают с характеристиками субъектной позиции.

Одними из ключевых принципов волонтерской деятельности являются добровольность участия, свобода в определении целей, форм, видов и методов добровольческой деятельности, а также ее актуальный социальный контекст. Поэтому диагностика развития субъектной позиции обучающихся осуществлялась в условиях

образовательного курса, включающего: педагогическое сопровождение формирования позитивного отношения обучающихся к волонтерской деятельности; становления опыта участия в волонтерской деятельности; организацию рефлексии обучающимися полученного опыта волонтерской деятельности. Образовательной задачей каждого из этапов программы являлась активация тех или иных компонентов субъектной позиции, согласно разработанной нами теоретической модели.

Разрабатываемый нами опросник направлен на измерение показателей субъектной позиции, связанных с мотивационными, рефлексивными, регуляторно-деятельностными образованиями субъекта. Дополнительными технологиями диагностики ценностных оснований, нравственных ориентиров, социальной направленности творческих проявлений выступают методы анализа продуктов деятельности, наблюдение, кейс-стади, осуществляемые в процессе реализации программы на разных ее этапах.

Таким образом, результаты пилотажного исследования будут использованы как основание для уточнения разрабатываемого конструкта, что войдет в работу на следующем этапе разработки опросника уровня развития субъектной позиции обучающихся в волонтерской деятельности. В частности, результаты теоретического исследования указывают на сложную многомерную структуру субъектной позиции, поэтому дальнейшие исследования будут направлены на совершенствование методики для выделения факторов шкал опросника, а также изучение валидности авторского опросника и возможностей его доработки и оптимизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 494–505.
2. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: пер. с англ. М.: АСТ, 2003. 669 с.
3. Education for Sustainable Development Goals: learning Objectives // United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2017. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000247444_rus
4. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development // Resolution adopted by the General Assembly, 2015. URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E
5. United Nations Volunteers UNV Strategic Framework, 2018–2021 // United Nations, 2018. URL: <http://undocs.org/ru/DP/2018/6>
6. Сикорская Л.Е. Педагогический потенциал добровольческой деятельности студенческой молодежи: концептуальные основы / под ред. В.А. Ситарова. М., 2010. 120 с.
7. Коломиец О.В. Теоретическое обоснование психологического конструкта «субъектная жизненная позиция» // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/126PSMN619.pdf> (дата обращения: 10.06.2020).
8. Битянова М.Р., Беглова Т.В. Развитие субъектной позиции учащихся: модель и технология // Сибирский педагогический журнал. 2016. № 5. С. 112–116.
9. Москаленко А.В. Становление субъектной позиции старшеклассника в условиях педагогического взаимодействия : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Смоленск, 2011.
10. Петков В.А. Становление субъектной позиции старшеклассника в профессиональном самоопределении // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2011. № 4. С. 53–58.
11. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе. М.: Школьная пресса, 2000. 416 с.
12. Борытко Н.М., Мацкайлова О.М. Становление субъектной позиции учащегося в гуманитарном пространстве урока. Волгоград : Изд-во ВГИПКО, 2002. 132 с.
13. Мацкайлова О.А. Субъектная позиция как цель гуманитарного образования // Среднее профессиональное образование. 2006. № 10. С. 43–48.
14. Прозументова Г.Н., Малкова И.Ю. Проблема субъекта совместной деятельности в образовательном проектировании // Сибирский психологический журнал. 2007. № 26. С. 170–174.
15. Обухов А.С., Киселев Б.А. Развитие субъектной позиции учащихся в условиях учебно-исследовательской деятельности // Преподаватель XXI век. 2010. № 2. С. 179–188.
16. Киселева П.В., Малкова И.Ю. Особенности развития субъектной позиции студентов в процессе проектирования образовательной деятельности // Язык и культура. 2014. № 1 (25). С. 95–109.
17. Гогоберидзе А.Г. Теоретические основы развития субъектной позиции студента в условиях высшего профессионально-педагогического образования : дис. ... д-ра пед. наук. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. СПб., 2002. 536 с.
18. Cavagnetto A.R., Hand B., Premo J. Supporting student agency in science // Theory Into Practice. 2020. № 59 (2). P. 128–138.

19. Jääskelä P. Assessing agency of university students: validation of the AUS Scale // *Studies in Higher Education*. Routledge. 2017. № 42 (11). P. 2061–2079.
20. Леонтьев А.Н. К теории развития психики ребенка // *Проблемы развития психики*. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 509–537.
21. Артемьева Ю.А. Психолого-педагогические условия формирования субъектной позиции старшеклассников в процессе предпрофильного сопровождения // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. 2009. № 113. С. 250–253.
22. Байборонова Л.В. Формирование субъектной позиции студентов в образовательном процессе педагогического вуза // *Педагогика в современном мире: интернет-форум в рамках всерос. науч. конф. с междунар. участием*. СПб., 2014. URL: <http://kafedraforum.narod.ru/index/0-24> (дата обращения: 26.05.2020).
23. Чернявская В.С., Малахова В.Р. Метакомпетенции в контексте психологической культуры как профессиональные компетенции студента вуза // *Мир науки, культуры, образования*. 2014. № 4 (47). С. 31–33.
24. Le-Deist F., Winterton J. What is competence? // *Human Resource Development International*. 2005. № 8 (1). P. 27–46.
25. Bourantas D., Agapitou V. Leadership meta-competencies: Discovering hidden virtues. Routledge, 2016. 252 p.
26. Haste H. Ambiguity, autonomy, and agency: Psychological challenges to new competence // D.S. Rychen, L.H. Salganik (Eds.) *Defining and Selecting Key Competencies*. Göttingen, Germany : Hogrefe & Huber, 2001. P. 93–120.
27. Зеер Э., Сыманюк Э. Компетентностный подход к модернизации профессионального образования // *Высшее образование в России*. 2005. № 4. С. 23–30.
28. Звонников В.И., Челышкова М.Б. Контроль качества обучения при аттестации: компетентностный подход. М. : Университетская книга; Логос, 2009. 272 с.
29. Буюкова К.И., Малкова И.Ю. Возможности и проблемы развития надпрофессиональных компетенций молодежи в волонтерской деятельности на базе некоммерческих организаций // *Сибирский педагогический журнал*. 2019. № 1. С. 7–13. DOI: 10.15293/1813-4718.1901.01
30. Дурнева Е.Е., Крутицкая Е.В., Цыгина О.Д. Методологические основы разработки компетентностной модели волонтера // *Международный журнал экспериментального образования*. 2013. № 10-1. С. 19–22.
31. Екимова С.Г. Волонтерская деятельность как ресурс личностнопрофессионального развития будущих специалистов по социальной работе : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Хабаровск, 2010.
32. Мацюк Т.Б. Волонтерская деятельность студентов вуза как ресурс формирования профессионально важных качеств // *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2018. № 3. С. 80–91.
33. The Universal Declaration on Volunteering // IAVE. 2001. URL: <https://www.iave.org/iavewp/wp-content/uploads/2015/10/universal-declaration-on-volunteering.pdf>
34. Brandenburg U., Jantos M., Pavlovaite I., Ulcica I. Study on the Impact of Transnational Volunteering through the European Voluntary Service. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2017. DOI: 10.2766/87737
35. Hirst A. Links between volunteering and employability. Research Report RR309 // Department for Education and Skills. 2001. URL: <https://dera.ioe.ac.uk/4618/1/RR309.pdf>
36. Козлова Н.В. Совместное профессиональное образование: психолого-акмеологический подход. Томск : Изд-во Том. политех. ун-на, 2007. 197 с.
37. Борытко Н.М. Становление субъектной позиции учащегося в гуманитарном пространстве урока / науч. ред. Н.К. Сергеев. Волгоград : Изд-во ВГИПКО, 2002. 132 с.
38. Ling H., Kyro P., Venesaar U. Entrepreneurship education and metacognitive awareness: Development of a tool to measure metacognitive awareness // *Conceptual Richness and Methodological Diversity in Entrepreneurship Research*. Edward Elgar Publishing, 2013. P. 95–116. DOI: 10.4337/9781782547310.00013
39. Ustav S., Venesaar U. The assessment of student metacompetence in the context of entrepreneurship education // *Periodical of Entrepreneurship Education*. 2013. Vol. 13 (1). P. 108–125.
40. Сластенин В.А. Субъектно-деятельностный подход в общем и профессиональном образовании // *Сибирский педагогический журнал*. 2006. № 5. С. 17–30.
41. Мандрикова Е.Ю. Опросник самоорганизации деятельности. М. : Смысл, 2007. 15 с.
42. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // *Материалы III Всероссийского социологического конгресса* (г. Москва, 21–24 октября 2008). М. : Ин-т социологии РАН, 2008. URL: <https://publications.hse.ru/chapters/78753840> (дата обращения: 28.06.2020).
43. Osin E., Boniwell I. Self-determination and well-being // Poster presented at the Self-Determination Conference. Ghent, Belgium, 2010. С. 95.
44. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // *Психологическая диагностика*. 2006. № 4. С. 3–22.
45. Souto-Otero M., Shields R. The investment model of volunteering in the EU-27 countries: volunteering, skills development and employability. A multi-level analysis // *European Societies*. 2016. Vol. 16. DOI: 10.1080/14616696.2016.1228991
46. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансперспективный анализ). Томск : Изд-во Том. гос. ун-на, 2005. 174 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 1 мая 2021 г.

Diagnostics of the Volunteering Participants' Agency in Education

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 55–63.

DOI: 10.17223/15617793/467/7

Kristina I. Buyakova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: buyakovachristina@mail.tsu.ru

Irina Yu. Malkova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: malkovoi@yandex.ru

Anna V. Budakova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: farmazonka2009@yandex.ru

Keywords: students; agency; metacompetences; volunteering; pedagogical support.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-313-90037.

The article discusses the diagnostics of students' agency in volunteering. The authors consider agency through metacompetencies and analyze the concepts "agency" and "metacompetency" in relation to students participating in volunteering. Based on the theoretical studies analysis and expert interview results, the authors substantiate the educational resource of volunteering for developing students' agency as a basic criterion for the quality of metacompetencies. At the first stage of the study, to identify empirical signs of the agency quality of students participating in volunteering, the authors conducted four focus groups and a phenomenological analysis of reflective texts by students of Tomsk State University based on the results of their volunteering in non-profit organizations of the local community. The indicators of the students' agency and their characteristics in volunteering were

identified. Within the framework of the second stage, the authors implemented a program of pedagogical support of the theoretical construct. The program was implemented as an optional course (2 groups of students, N = 40). A questionnaire was developed to measure the indicators of the students' agency associated with their motivational, reflexive, and regulatory-activity formations. The results show the psychometric properties of the questionnaire. Statistical analysis was performed using the methods of descriptive statistics, comparative analysis, and correlation analysis. The authors also used the following questionnaires: the self-organization of activity questionnaire by E.Yu. Mandrikova, the satisfaction with life scale (SWLS) by E. Diener, the emotional intelligence questionnaire EmIn by D.V. Lyusin, and the self-determination and well-being scale by B. Sheldon, adapted and modified by E.N. Osin. The average scores of the students' agency level questionnaire increased significantly after completing the course. The results of the pilot study will be used as the basis for clarifying the developed construct in the next stage of developing the questionnaire of the level of students' agency development in volunteering. In particular, the results of the theoretical study indicate a complex multidimensional structure of agency. Therefore, further research will be aimed at improving the methodology for identifying scales of the questionnaire and studying the validity of the authors' questionnaire and the possibilities of its refinement and optimization.

REFERENCES

1. Castells, M. (1999) Stanovlenie obshchestva setevykh struktur [Formation of a society of network structures]. In: Inozemtseva, V.L. (ed.) *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. Antologiya* [New Postindustrial Wave in the West. Anthology]. Moscow. pp. 494–505.
2. Toffler, A. (2003) *Metamorfozy vlasti* [Metamorphoses of Power]. Translated from English. Moscow: OOO "Izdatel'stvo ACT".
3. UNESCO. (2017) *Education for Sustainable Development Goals: Learning Objectives*. [Online] Available from: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000247444_rus. (In Russian).
4. United Nations. (2015) *Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. Resolution adopted by the General Assembly*. [Online] Available from: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E. (In Russian).
5. United Nations. (2018) *United Nations Volunteers. UNV Strategic Framework, 2018–2021*. [Online] Available from: <http://undocs.org/ru/DP/2018/6>. (In Russian).
6. Sikorskaya, L.E. (2010) *Pedagogicheskiy potentsial dobrovol'cheskoy deyatel'nosti studencheskoy molodezhi: kontseptual'nye osnovy* [Pedagogical Potential of Student Youth Volunteering: Conceptual foundations]. Moscow: Moscow State University.
7. Kolomiets, O.V. (2019) The theoretical substantiation of the psychological construct "subjective position in life". *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya – World of Science. Pedagogy and Psychology*. 6. [Online] Available from: <https://mir-nauki.com/PDF/126PSMN619.pdf>. (Accessed: 10.06.2020). (In Russian).
8. Bityanova, M.R. & Beglova, T.V. (2016) Development of a subject position students: model and technology. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 5. pp. 112–116. (In Russian).
9. Moskalenko, A.V. (2011) *Stanovlenie sub'ektnoy pozitsii starsheklassnika v usloviyakh pedagogicheskogo vzaimodeystviya* [Formation of the subject position of a senior pupil in the conditions of pedagogical interaction]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Smolensk.
10. Pet'kov, V.A. (2011) Formation of the subject position of the senior pupil in professional self-identification. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya – The Bulletin of the Adyge State University, Series 3: Pedagogy and Psychology*. 4. pp. 53–58. (In Russian).
11. Slobodchikov, V.I. & Isaev, E.I. (2000) *Psikhologiya razvitiya cheloveka. Razvitie sub'ektivnoy real'nosti v ontogeneze* [Psychology of Human Development. Development of subjective reality in ontogenesis]. Moscow: Shkol'naya pressa.
12. Borytko, N.M. & Matskaylova, O.M. (2002) *Stanovlenie sub'ektnoy pozitsii uchashchegosya v humanitarnom prostranstve uroka* [Formation of the Subject Position of the Student in the Humanitarian Space of the Lesson]. Volgograd: Izd-vo VGIPKRO.
13. Matskaylova, O.A. (2006) Sub'ektnaya pozitsiya kak tsel' humanitarnogo obrazovaniya [Subject position as the goal of humanitarian education]. *Srednee professional'noe obrazovanie – Journal of Secondary Vocational Education*. 10. pp. 43–48.
14. Prozumentova, G.N. & Malkova, I.Yu. (2007) The problem of cooperative activity subject in educational projecting. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 26. pp. 170–174. (In Russian).
15. Obukhov, A.S. & Kiselev, B.A. (2010) Razvitie sub'ektivnoy pozitsii uchashchikhsya v usloviyakh uchebno-issledovatel'skoy deyatel'nosti [Development of the subject position of students in the context of educational and research activities]. *Prepodavatel' XXI vek*. 2–1. pp. 179–188.
16. Kiseleva, P.V. & Malkova, I.Yu. (2014) Features of development of students' subject positions in the process of educational activity design. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 1 (25). pp. 95–109. (In Russian).
17. Gogoberidze, A.G. (2002) *Teoreticheskie osnovy razvitiya sub'ektivnoy pozitsii studenta v usloviyakh vysshego professional'no-pedagogicheskogo obrazovaniya* [Theoretical foundations of the development of the subject position of the student in the conditions of higher professional and pedagogical education]. Pedagogy Dr. Diss. Saint Petersburg.
18. Cavagnetto, A.R., Hand, B. & Premo, J. (2020) Supporting student agency in science. *Theory Into Practice*. 59 (2). pp. 128–138.
19. Jääskelä, P. (2017) Assessing agency of university students: validation of the AUS Scale. *Studies in Higher Education*. 42 (11). pp. 2061–2079.
20. Leont'ev, A.N. (1981) *Problemy razvitiya psikhiki* [Problems of the Development of the Psyche]. Moscow: Moscow State University. pp. 509–537.
21. Artem'eva, Yu.A. (2009) Psychological and pedagogical conditions of senior schoolchildren's subjective position forming in the process of preprofile support. *Izv. RGPU im. A. I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 113. pp. 250–253. (In Russian).
22. Bayborodova, L.V. (2014) [Formation of the subjective position of students in the educational process of a pedagogical university]. *Pedagogika v sovremennom mire* [Pedagogy in the Modern World]. The internet-forum of the All-Russian Conference. Saint Petersburg. 13 October 2013. [Online] Available from: <http://kafedra-forum.narod.ru/index/0-24>. (Accessed: 26.05.2020). (In Russian).
23. Chernyavskaya, V.S. & Malakhova, V.R. (2014) Metacompetence in the context of psychological culture as professional competence of a university student. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 4 (47). pp. 31–33. (In Russian).
24. Le-Deist, F. & Winterton, J. (2005) What is competence? *Human Resource Development International*. 8 (1). pp. 27–46.
25. Bourantas, D. & Agapitou, V. (2016) *Leadership Meta-competencies: Discovering hidden virtues*. Routledge.
26. Haste, H. (2001) Ambiguity, autonomy, and agency: Psychological challenges to new competence. In: Rychen, D.S. & Salganik, L.H. (eds) *Defining and Selecting Key Competencies*. Göttingen: Hogrefe & Huber. pp. 93–120.
27. Zeer, E.E. & Symanyuk, E.E. (2005) Kompetentnostnyy podkhod k modernizatsii professional'nogo obrazovaniya [Competence approach to the modernization of vocational education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 4. pp. 23–30.
28. Zvonnikov, V.I. & Chelyshkova, M.B. (2009) *Kontrol' kachestva obucheniya pri attestatsii: kompetentnostnyy podkhod* [Quality Control of Training During Certification: A competence-based approach]. Moscow: Universitetskaya kniga: Logos.
29. Buyakova, K.I. & Malkova, I.Yu. (2019) Opportunities and problems of key competences development of youth in volunteers activities at non-profit organization. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 1. pp. 7–13. (In Russian). DOI: 10.15293/1813-4718.1901.01
30. Durneva, E.E., Krutitskaya, E.V. & Tsygina, O.D. (2013) Methodological basis of volunteer's competence model development. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. 10–1. pp. 19–22. (In Russian).

31. Ekimova, S.G. (2010) *Volonterskaya deyatel'nost' kak resurs lichnostnoprofessional'nogo razvitiya budushchikh spetsialistov po sotsial'noy rabote* [Volunteer activity as a resource for the personal and professional development of future specialists in social work]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Khabarovsk.
32. Matsyuk, T.B. (2018) Volunteer activities of university students as a prerequisite of professionally important qualities. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya – Theoretical and Experimental Psychology*. 3. pp. 80–91. (In Russian).
33. IAVE. (2001) *The Universal Declaration on Volunteering*. [Online] Available from: <https://www.iave.org/iavewp/wp-content/uploads/2015/10/universal-declaration-on-volunteering.pdf>.
34. Brandenburg, U. et al. (2017) *Study on the Impact of Transnational Volunteering through the European Voluntary Service*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. DOI: 10.2766/87737
35. Hirst, A. (2001) *Links between volunteering and employability. Research Report RR309*. [Online] Available from: <https://dera.ioe.ac.uk/4618/1/RR309.pdf>.
36. Kozlova, N.V. (2007) *Sovmestnoe professional'noe obrazovanie: psikhologo-akmeologicheskii podkhod* [Joint Professional Education: Psychological and acmeological approach]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
37. Borytko, N.M. (2002) *Stanovlenie sub"ektnoy pozitsii uchashchegosya v gumanitarnom prostranstve uroka* [Formation of the student's subject position in the humanitarian space of the lesson]. Volgograd: VGIPKRO.
38. Ling, H., Kyrö, P. & Venesaar, U. (2013) Entrepreneurship education and metacognitive awareness: Development of a tool to measure metacognitive awareness. In: Fayolle, A. et al. (eds) *Conceptual Richness and Methodological Diversity in Entrepreneurship Research*. Edward Elgar Publishing. pp. 95–116. DOI: 10.4337/9781782547310.00013
39. Ustav, S. & Venesaar, U. (2013) The assessment of student metacompetence in the context of entrepreneurship education. *Periodical of Entrepreneurship Education*. 13 (1). pp. 108–125.
40. Slastenin, V.A. (2006) Sub"ektno-deyatel'nostnyy podkhod v obshchem i professional'nom obrazovanii [Subject-activity approach in general and professional education]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 5. pp. 17–30.
41. Mandrikova, E.Yu. (2007) *Oprosnik samoorganizatsii deyatel'nosti* [Self-Organization Activity Questionnaire]. Moscow: Smysl.
42. Osin, E.N. & Leont'ev, D.A. (2008) *Aprobatsiya russkoyazychnykh versiy dvukh shkal ekspress otsenki sub"ektivnogo blagopoluchiya* [Approbation of Russian-language versions of two scales for express assessment of subjective well-being]. Proceedings of the III All-Russian Sociological Congress. Moscow. 21–24 October 2008. Moscow: Institute of Sociology of RAS. [Online] Available from: <https://publications.hse.ru/chapters/78753840>. (Accessed: 28.06.2020).
43. Osin, E. & Boniwell, I. (2010) *Self-determination and well-being*. Poster presented at the 4th International Theory Self-Determination Conference. Ghent. 13–16 May 2010. Ghent: [s.n.]
44. Lyusin, D.V. (2006) Novaya metodika dlya izmereniya emotsional'nogo intellekta: oprosnik EmIn [A new technique for measuring emotional intelligence: the EmIn questionnaire]. *Psikhologicheskaya diagnostika*. 4. pp. 3–22.
45. Souto-Otero, M. & Shields, R. (2016) The investment model of volunteering in the EU-27 countries: volunteering, skills development and employability. A multi-level analysis. *European Societies*. 16. DOI: 10.1080/14616696.2016.1228991
46. Klochko, V.E. (2005) *Samoorganizatsiya v psikhologicheskikh sistemakh: problemy stanovleniya mental'nogo prostranstva lichnosti (vvedenie v transspektivnyy analiz)* [Self-Organization in Psychological Systems: Problems of the formation of the mental space of the individual (introduction to transperspective analysis)]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 01 May 2021

Т.Г. Котова, С.В. Дмитриева, И.В. Родина

КОРРЕКЦИЯ МАССЫ ТЕЛА У ДЗЮДОИСТОК 14–16 ЛЕТ В СОРЕВНОВАТЕЛЬНОМ ПЕРИОДЕ ПОДГОТОВКИ

Исследование посвящено проблеме рационального питания и коррекции массы тела у дзюдоисток. Авторами подобран критериально-измерительный инструментарий для определения массы тела, исходного уровня теоретических знаний, физической, технической, технико-тактической подготовленности, психоэмоционального состояния и результатов соревновательной деятельности спортсменок. Разработана модель коррекции массы тела у дзюдоисток 14–16 лет с учетом их знаний, умений, практического опыта и психоэмоционального состояния.

Ключевые слова: дзюдо; подготовка высококвалифицированных спортсменок; модель коррекция массы тела; типичные ошибки; комплекс средств и методов.

В настоящее время наблюдается значительный рост конкуренции в спортивных единоборствах в различных возрастных группах как на международной арене, так и на уровне российских соревнований. Данная тенденция связана с популяризацией и повышением зрелищности этого вида спорта. На сегодняшний день, согласно всемирному рейтингу дзюдоисток Международной федерации дзюдо, лидируют спортсменки из Италии, Японии, Франции, Венгрии. В единоборствах, в частности в дзюдо, из-за плотного графика спортивных сорев-

ний борцам приходится выдерживать высокие физические нагрузки. В табл. 1 представлены внешние и внутренние факторы, влияющие на результат спортсменов в соревновательной деятельности [1]. С учетом всех этих факторов от спортсмена требуются не только высокий уровень физической, технической, технико-тактической подготовленности, умение регулировать психоэмоциональное состояние, соблюдать режим питания и отдыха, но и умение держать в «норме» массу тела.

Таблица 1

Факторы, влияющие на результат спортсменов в соревновательной деятельности

Внешние факторы	Внутренние факторы
<i>Статусно-символические:</i> ранг соревнований, весовая категория соперника, квалификация соперников	<i>Психологические:</i> сложность выполнения двигательного действия; ложное представление о двигательном действии; усталость; неуверенность в себе; боязнь ошибиться; страх получить травму
<i>Коммуникативные:</i> поведение тренера, поведение болельщиков, высказывания со стороны партнеров-соперников	<i>Физические кондиции и мышечные чувства (ощущения):</i> недостаточный уровень развития физических качеств; излишнее напряжение мышц: закрепощенность туловища, верхних и нижних конечностей; недостаточная согласованность работы рук и ног; излишнее внесение в двигательное действие дополнительных ненужных движений туловищем, верхними и нижними конечностями
<i>Эко-предметные:</i> климатические условия в спортивном зале, спортивная форма	<i>Динамические характеристики выполняемых двигательных действий:</i> сохранение устойчивости тела во время проведения приема; несоразмерность мышечных усилий и ненужное привлечение дополнительных групп мышц
	<i>Кинематические характеристики выполняемых двигательных действий (пространственные, временные, пространственно-временные)</i> <i>Пространственные:</i> ошибочное исходное положение (стойка); ошибочное положение тела во время передвижения и входа на бросок (низкая стойка); неправильное положение головы, туловища, верхних и нижних конечностей; ошибочное положение нижних конечностей (слишком прямые); амплитуда выполнения двигательного действия; неправильное направление траектории движения; <i>временные</i> (нарушение последовательности, временных характеристик и темпа выполнения двигательных действий); <i>пространственно-временные</i> (слишком быстрая смена положений тела; скорость выполнения двигательного действия)

В последнее десятилетие в научной литературе достаточно широко представлены средства и методы снижения массы тела у спортсменов в единоборствах, которые рассмотрены в работах А.Л. Матыкова [2], Н.В. Полевой [3], Е.П. Шариной [4], А.В. Шевцова [5]. Авторы показывают, что снижение массы тела – это трудоемкий, сложный, а главное – индивидуальный процесс, который зависит не только от высокого уровня развития физических кондиций и технико-тактического мастерства, но и от психологических особенностей и антропометрических данных спортсменов. Однако в единоборствах в процессе подготовки к соревновательной деятельности тренеры не всегда применяют индивидуальный подход и эффектив-

ные средства и методы коррекции массы тела. В спортивных единоборствах необходимость остаться в привычной весовой категории требует от спортсмена применения активных методов снижения массы тела. На сегодняшний день в отечественной системе подготовки борцов представлен широкий спектр методов снижения массы тела (табл. 2). Однако из-за отсутствия знаний о коррекции массы спортсмены применяют в процессе подготовки к соревнованиям форсированный метод, когда необходимая масса снижается накануне соревнования или за несколько дней до него, что приводит к обезвоживанию организма и сопровождается целым рядом изменений обменных процессов, а также приводит к развитию ацидоза. Это

негативно отражается на физическом состоянии даже взрослых, опытных спортсменов, а для подростков и

вовсе чревато утратой здоровья, не говоря уже о спортивных результатах [3].

Таблица 2

Краткая характеристика методов коррекции массы тела в единоборствах

Метод	Особенности реализации
Равномерный	Спортсмен на протяжении всего подготовительного периода снижает массу тела ежедневно на определенное количество граммов
Ударный (форсировано-рассредоточенный)	Борец в первые два дня сбрасывает 40–50% веса, чтобы соответствовать границам конкретной весовой категории, в последующие дни процент снижаемого веса постепенно уменьшается
Постепенно нарастающий	Уменьшение веса (количество снижаемых килограммов) нарастает к последующему дню
Интервальный	Через определенное количество дней вес снижается, затем достигнутый уровень сохраняется на протяжении нескольких дней, затем опять идет снижение веса до определенного уровня, потом опять сохранение достигнутого веса, и все повторяется до достижения нужного веса
Волнообразный	Во время использования данного метода допускается временное увеличение массы тела спортсмена (так называемые «виражи» динамики массы тела спортсмена)

Проблема «сгонки веса» в единоборствах является особо актуальной для девушек 14–16 лет (юниоры), выступающих на ответственных соревнованиях. Данный возрастной период, согласно периодизации Л.С. Выготского [6], относится к пубертатному. В этом возрасте закладывается фундамент личности человека, возникают резкие изменения телосложения, а процессы физиологических и психологических изменений происходят параллельно из-за влияния гормонов и реакции подростка на собственное состояние. В этот период рекомендуется использовать равномерный и постепенно нарастающий методы регулирования массы тела, при которых вес снижается от 5 до 9% от массы тела. При уменьшении веса на 9% и выше от массы тела более эффективны форсировано-рассредоточенный, интервальный и волнообразный методы. Однако все эти методы являются довольно длительными, т.е. их применение начинается за несколько недель до даты соревнований. Форсированный метод может безопасно применяться только в том случае, если спортсменке необходимо снизить вес тела не более чем на 3% от своей исходной массы, тогда он не приведет к негативным последствиям в функциональном состоянии и работоспособности борцов. При уменьшении массы тела

до 6% форсированным способом возникает некоторое напряжение в различных системах организма, что приводит к обезвоживанию, сопровождается рядом изменений обменных процессов и уменьшением физической работоспособности [7]. Таким образом, в спортивную подготовку дзюдоисток 14–16 лет необходимо включать образовательную работу, дающую возможность эффективно применять у них методы снижения массы тела в соревновательном периоде, внедрять программы рационального питания, интенсивную тренировочную деятельность, восстановительные процедуры, что положительно повлияет на работоспособность и здоровье юных спортсменок.

Цель исследования – разработать и апробировать модель коррекции массы тела у дзюдоисток 14–16 лет с учетом их знаний, умений, практического опыта и психоэмоционального состояния.

Методы и организация исследования

В исследовании приняли участие 32 дзюдоистки в возрасте 14–16 лет, прошедшие отбор в состав сборной команды России. Все участники исследования разделены на три экспериментальные группы (табл. 3).

Таблица 3

Экспериментальные группы дзюдоисток 14–16 лет

Группы дзюдоисток						
ГР-1 – не корректирующие массу тела n = 7		ГР-2 – превышение на 1–2% от избранной весовой категории n = 12		ГР-3 – превышение на 3–5% от избранной весовой категории n = 13		
↓		↓		↓		
Гр-1-А (до 63 кг) n = 3	Гр-1-Б (свыше 63 кг) n = 4	Гр-2-А (до 48 кг) n = 5	Гр-2-Б (до 63 кг) n = 7	Гр-3-А (до 48 кг) n = 6	Гр-3-Б (до 63 кг) n = 6	Гр-3-В (свыше 63 кг) n = 1

У всех спортсменок в процессе входящего микроцикла 1 (МЦ-1) и промежуточного микроцикла 2 (МЦ-2) была определена масса тела с помощью компьютерной программы Adipometro Body Metrix. Также были изучены исходные уровни психоэмоционального состояния, теоретических знаний, физической, технической, технико-тактической подготовленности и результатов выступлений на соревнованиях. Для определения влияния процесса подготовки к

соревновательной деятельности на психоэмоциональное состояние спортсменок нами применялась модифицированная методика оперативной оценки состояния студентов О.Н. Мазурова, А.С. Корнеева [8]. Предлагаемый опросник диагностировал два параметра психического состояния: эмоциональную окраску переживаний человека (эмоциональный тон – ЭТ); стеническое состояние, желание действовать (психический тонус – ПТ). Для диагностики уровня

знаний мы применили разработанный нами тест-опросник, включающий два блока. Первый блок теста-опросника направлен на определение уровня потребностей в знаниях о коррекции массы тела. Второй – на выявление уровня сформированности знаний по коррекции массы тела (фактические знания). Оценка знаний осуществлялась по индексной методике В.И. Трапникова, В.А. Ядова, представленной в работе И.В. Манжелей [9]. В исследовании использовались оценки уровней физической, технической, технико-тактической подготовленности спортсменов из программы спортивной подготовки для детско-юношеских спортивных школ и специализированных детско-юношеских школ олимпийского резерва [10]. В качестве контрольных упражнений для изучения уровня физической подготовленности использовались следующие тесты: бег 30 м, челночный бег 3 × 10 м, сгибание-разгибание рук в упоре лежа за 20 с., сгибание-разгибание туловища, лежа на спине за 20 с [11].

Техника и технико-тактические двигательные действия оценивались экспертной комиссией по предложенным критериям оценки [11]. Для определения уровня технической подготовленности в работе использовались приемы в стойке: задняя подножка (o-soto-otoshi), подхват изнутри (uchi-mata), зацеп изнутри под разноименную ногу (o-uchi-gari).

Для определения уровня технико-тактической подготовленности использовались комбинации приемов в стойке: боковая подсечка (de-ashi-barai) – бросок передняя подножка (tai-otoshi), зацеп изнутри под разноименную ногу (o-uchi-gari) – бросок подхват (uchi-mata), зашагивание (tani-otoshi) – бросок через бедро (o-goshi).

Соревновательная деятельность дзюдоисток 14–16 лет оценивалась на основе анализа протоколов соревнований Кубка Европы по 4 этапам (количество и качество медалей сборной России).

В экспериментальных группах тренировочный процесс осуществлялся в домашних условиях по утвержденной в СДЮСШОР программе, на тренировочном мероприятии по плану Федерации России по дзюдо. В домашних условиях дзюдоистки 14–16 лет дополнительно применяли предложенный нами комплекс средств и методов формирования знаний, умений и опыта коррекции массы тела. Тренировочные мероприятия сборной команды России по дзюдо строились на основе совершенствования физических кондиций и технико-тактического мастерства. Каждое тренировочное мероприятие состояло из двух микроциклов (МЦ-1, МЦ-2), схема недельного микроцикла представлена на рис. 1.

Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Т	Т	АО	Т	Т	АО	ПО

Рис. 1. Схема недельного микроцикла:

Т – тренировка (зарядка, утреннее и вечернее тренировочное занятие); АО – активный отдых; ПО – пассивный отдых

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе проведения констатирующего эксперимента было установлено, что у 41% дзюдоисток 14–16 лет наблюдалось превышение изучаемых параметров до 5% (ГР-3), у 37% дзюдоисток – до 2% (ГР-2), а 22% дзюдоисткам нет необходимости коррекции веса (ГР-1). Результаты изучения теоретической грамотности в сформированных группах в целом соответствовали среднему уровню. Показатели ПТ и ЭТ во всех группах до и после тренировочного занятия в ходе первого микроцикла соответствовали среднему и выше среднего уровням, однако ко второму микроциклу показатели психического состояния спортсменок в ГР-3 значительно снизились. Уровень физической подготовленности во всех группах на начало педагогического исследования соответствовал в целом среднему уровню. Уровни технической, технико-тактической подготовленности соответствовали оценке «хорошо», ко второму микроциклу в ГР-3 наблюдалось снижение скорости выполнения бросков и комбинаций.

По итогам входящего и промежуточного тестирования в команде дзюдоисток во всех сформированных группах наблюдались: недостаточный уровень знаний и умений коррекции массы тела для самостоятельного опыта их применения перед соревновательной деятельностью; значительное снижение психоэмоционального состояния спортсменок; недостаточный

уровень скоростных и координационных способностей; типичные ошибки в технике и технико-тактических двигательных действиях: легкие веса (до 48 кг) – внесение в двигательное действие дополнительных движений; средние веса (до 63 кг) – тяга руками, нарушение последовательности и темпа выполнения двигательных действий, ошибочное положение тела во время входа на бросок; тяжелые веса (свыше 63 кг) – закрепощенность нижних конечностей, низкая скорость и чрезмерные остановки в двигательных действиях, недостаточная согласованность работы рук и ног. Таким образом, в группе спортсменок, придерживающих массу тела до 5% (ГР-3), отмечалось значительное снижение показателей физической, технической, тактической подготовленности и психоэмоционального состояния. В ГР-1 и ГР-2 данные показатели к концу МЦ-2 находились в пределах нормы.

Опираясь на результаты констатирующего эксперимента, мы предложили модель формирования знаний, умений и опыта коррекции массы тела у дзюдоисток 14–16 лет, которая реализовывалась в соревновательном периоде.

Модель коррекции массы тела у дзюдоисток 14–16 лет

Подготовка спортсменок осуществлялась в соревновательном периоде, который включал четыре со-

ревновательных микроцикла (МЦ-1, МЦ-2, МЦ-3, МЦ-4). Модель коррекции массы тела у дзюдоисток 14–16 лет включала в себя установочно-диагностический, содержательно-корректировочный и результативный блоки. В каждом блоке проводилась теоретическая, методико-практическая и практическая работа в соответствии с индивидуальной траекторией для каждой сформированной группы.

Первый блок (установочно-диагностический) включал в МЦ-1: входящее тестирование; разработку индивидуальной траектории; совершенствование физической, технической и технико-тактической подготовки. В МЦ-2: промежуточное тестирование; коррекцию индивидуальной траектории; подбор средств и методов совершенствования физической, технической и технико-тактической подготовки.

Второй блок (содержательно-корректировочный) включал в МЦ-1: теоретические занятия; выполнение комплексов упражнений, направленных на совершенствование уровня физической подготовленности для всех групп, совершенствование техники двигательных действий, технико-тактических действий.

Третий блок (результативный) включал итоговый контроль за уровнем теоретической подготовленности, психоэмоционального состояния, физической, технической, технико-тактической подготовленности, соревновательной деятельности, осуществлялся анализ и корректировалась индивидуальная траектория спортсменов.

В рамках данной статьи более подробно рассмотрим содержательно-корректировочный блок модели коррекции массы тела. Содержание теоретических и методико-практических занятий для дзюдоисток 14–16 лет на тренировочном мероприятии включало в себя проведение лекций, индивидуальные беседы со спортсменками и личным тренером, составление домашней работы, подбор рекомендаций для тренировочной работы (комплексы средств и методов совершенствования физических кондиций, технических и тактических действий) по прохождению индивидуальной траектории (индивидуальный подбор режима питания), работу со спортивным дневником самоконтроля. В период самостоятельной работы спортсменками дополнительно осуществлялся контроль веса (утром, перед сном, после тренировочных занятий), результаты они записывали в спортивный дневник самоконтроля.

В период проведения тренировочных мероприятий теоретические занятия проводились в вечернее время. Было разработано содержание лекционных занятий, посвященное истории развития дзюдо как вида спорта и его современному состоянию, российским дзюдоистам и результатам их выступлений на мировой арене, формированию мотивации в спорте, особенностям тренировочного процесса в тренировочной и соревновательной деятельности дзюдоистов. Кроме этого, большой объем теоретического материала был разработан по вопросам спортивной гигиены, рационального питания, интегральной оценки состава тела (соотношение мышечной и жировой ткани, общее содержание жидкости в организме), калорийности и

состава употребляемой пищи, сбалансированного питания до и после физических нагрузок.

Методико-практические занятия включали самостоятельное составление спортсменками примерного режима питания для коррекции массы тела, подбор комплексов упражнений, направленных на совершенствование физических кондиций, подсчет частоты сердечных сокращений (ЧСС), определение массы тела, самоанализ тренировочных занятий, подбор и выполнение идеомоторных упражнений для достижения успокоительного, восстановительного и активного эффектов. Кроме этих эффектов, идеомоторные упражнения способствуют повышению у дзюдоисток уверенности в своих силах, подготовке к разным вариантам развития соревновательной ситуации, проработке мельчайших деталей техники двигательных действий. Словесные формулы должны быть краткими, лаконичными, позитивными, утвердительными и подходящими конкретному человеку. Например – «я спокойна», «я бодрa», «я все смогу», «я уверена в своих силах», «я хорошо подготовлена», «умница», «здорово получилось». Комплекс идеомоторных упражнений заключался в образном представлении состояния дзюдоисток во время сложной тренировочной работы и соревнований. Суть упражнений состояла в том, чтобы непосредственно перед выполнением двигательного действия представить его и назвать исполняемое движение соответствующими точными словами.

Следует отметить, что во время поединка очень важна импровизация. Спортсменка должна быть готова к любой соревновательной ситуации, иметь разные словесные формулы, не задумываясь совершать необходимые на данный момент технико-тактические действия, представлять и одновременно проговаривать пошагово весь поединок. Приведем примеры некоторых словесных формул: «Я уверенно выбираю свой захват, выведение из равновесия начинаю с движения рук, четко вхожу ногами, провожу сброс партнера и фиксирую удержание» (произносится одновременно с представлением технико-тактического действия); «Захват, руки, сброс, удержание» (непосредственно перед выполнением технико-тактического действия).

Далее рассмотрим содержание комплексов средств и методов, направленных на совершенствование физических кондиций. Комплекс упражнений 1 (КУ-1) – 40 минут работы на велотренажере: 5 с – темп выше среднего, 5 с – максимальный; переменный метод, ЧСС – 160–180 уд/мин. КУ-2 – 30 минут – тяга резинового жгута из различных исходных положений: 6 подходов по 5 мин, отдых 2 мин; повторный метод при ЧСС 140–160 уд/мин. КУ-3 – 37 минут – выполнение 100 упражнений: 7 с максимальное ускорение и 15 с отдых (учи-ками в парах + упражнения из различных исходных положений; в парах имитация подсечек и зацепов в передвижении/на месте + упражнения из различных исходных положений); повторно-интервальный метод, ЧСС – 160–180 уд/мин. КУ-4 – 20 минут – выполнение 40 специальных упражнений: 5 с максимальное ускорение + 5 с отдых; интервальный метод при ЧСС 160–180 уд/мин.

Совершенствование технического и технико-тактического мастерства дзюдоисток включало выполнение заданий, направленных на коррекцию инди-

видуальной техники и технико-тактических двигательных действий; тренировочные схватки: работа над захватами, опережение соперника, техника передвижений, работа на краю татами, работа с разносторонним захватом по заданию, контратака (противодействие) от атакующего соперника, контратака (противодействие) от защищающегося соперника. Совершенствование техники двигательных действий и технико-тактических действий осуществлялось в большой зоне интенсивности; тренировочные схватки по заданию в субмаксимальной зоне интенсивности; соревновательные схватки в максимальной зоне интенсивности.

Содержание домашней работы и индивидуальной траектории в годичном цикле подготовки спортсменок включало: обязательное соблюдение индивидуального режима питания, рекомендованного для каждой группы; выполнение комплексов упражнений (КУ) один раз в неделю и идеомоторных упражнений, ведение дневника самоконтроля. В ноябре и декабре для всех сформированных групп рекомендовалось выполнение КУ-1 и КУ-3; в январе и феврале для ГР-1 – КУ-3, для ГР-2 – КУ-1 и КУ-3, для ГР-3 – КУ-1, КУ-3, КУ-4; в марте-июле для ГР-1 и ГР-2 – КУ-2, КУ-3; для ГР-3 – КУ-2, КУ-3, КУ-4; в августе-октябре для всех сформированных групп – КУ-1 и КУ-2. Контроль осуществлялся один раз в неделю с помощью социальных сетей интернета, в случае необходимости проводилась коррекция индивидуальной траектории коррекции массы тела.

Комплексный подход, заложенный в предложенной модели, через планомерный, четко регулируемый и контролируемый тренировочный процесс на каждом этапе в соревновательном периоде к концу исследования позволил спортсменкам остаться в границах своей весовой категории, при этом повысить уровень физической, технической, технико-тактической подготовленности, а также на высоком уровне регулировать свое психоэмоциональное состояние и значительно повысить знания о способах коррекции массы тела. Анализ показателей толщины подкожно-жировой клетчатки у дзюдоисток свидетельствует о том, что на 28% стало меньше спортсменок, имеющих превышение массы тела на 3–5% от избранной весовой категории (ГР-3), на 21% меньше дзюдоисток с превышением массы тела до 2% (ГР-2), на 13% увеличилось количество спортсменок в ГР-1, т.е. тех, кому не требуется коррекция массы тела.

Сравнивая показатели на начало и конец исследования, мы наблюдали положительную динамику уровня теоретической грамотности у дзюдоисток

14–16 лет: стало больше спортсменок, желающих знать правила коррекции массы тела (потребность в знаниях) – процентный прирост показателей составил от 11,4% до 27,6%, а с фактическими знаниями – от 20,9% до 32,6%. Показатели теоретической грамотности в сформированных группах соответствовали в основном высокому уровню. Формирование у дзюдоисток потребности в знаниях о способах коррекции массы тела в первую очередь связано с эмоциональным благоприятным состоянием, полученным в процессе тренировочных мероприятий и подготовки к соревнованиям. В связи с этим нами было изучено влияние процесса коррекции массы тела на психоэмоциональное состояние дзюдоисток. Изучение эмоциональной окраски переживаний (ЭТ) и стеничности состояния, или желания действовать (ПТ), позволило констатировать, что в целом в ГР-1, ГР-2, ГР-3 отмечен прирост психоэмоционального тонуса по всем показателям. Так, у большинства девушек наблюдались средние показатели эмоционального тона и психического тонуса до занятия (ЭТ – от 13,2 до 21,9%, ПТ – от 10,4 до 17,1%) и их повышение до высокого уровня после занятий (ЭТ – от 14,7 до 26,4%, ПТ – от 13,9 до 19,5%), что говорит об удовлетворенности процессом коррекции массы тела в соревновательном периоде. В конце педагогического эксперимента различия между показателями являлись статистически достоверными: уровень физической подготовленности находился на уровне выше среднего, показатели технической и технико-тактической подготовленности соответствовали оценке «отлично». Таким образом, рациональное снижение массы тела является важным фактором в достижении высокой спортивной формы в соревновательном периоде. Процентный прирост уровней физической подготовленности в сформированных группах находился в пределах от 10,8 до 16,3%; технической – от 5 до 18,3%, технико-тактической подготовленности – от 5% до 17,6%.

Соревновательная деятельность дзюдоисток сборной команды по дзюдо среди девушек 14–16 лет оценивалась на Кубках Европы (4 этапа) по количеству завоеванных золотых, серебряных, бронзовых медалей сборной России. Соблюдение рекомендованных правил коррекции массы тела позволило остаться спортсменкам в границах своей весовой категории и повысить спортивный результат. Прирост в медальном зачете к концу педагогического исследования составил до 32% (рис. 2).

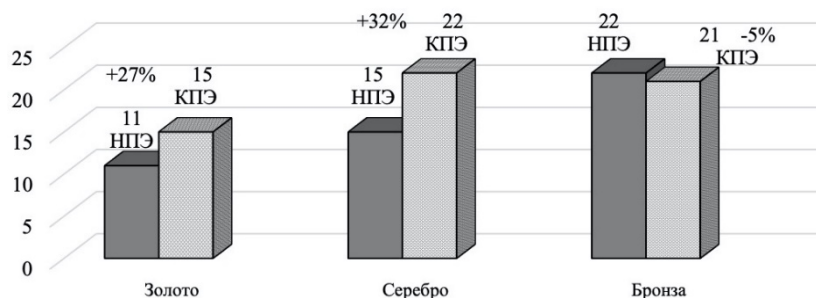

Рис. 2. Показатели соревновательной деятельности дзюдоисток 14–16 лет в начале и конце педагогического эксперимента 2018–2019 гг. (количество медалей): НПЭ – начало педагогического эксперимента; КПЭ – окончание педагогического эксперимента

Заключение

В заключение можно отметить, что разработанная модель коррекции массы тела дзюдоисток 14–16 лет является эффективной, так как к окончанию педагогического эксперимента мы наблюдали положительную динамику по всем показателям. Отличительной особенностью модели является то, что спортсмен рассматривается как субъект спортивной деятельности, способный осознанно подходить к процессу овладения знаниями и опытом коррекции массы тела через дополнительную теоретическую и практическую подготовку как в тренировочном и соревновательном процессах, так и самостоятельно в домашних условиях. Применение предложенной модели позволило спортсменкам остаться в границах своей весовой ка-

тегории: в ГР-2 7 девушек (21%), а в ГР-3 9 спортсменок (28%) смогли без особого труда скорректировать свою массу тела перед соревнованиями. Однако 5 спортсменок (16%) в ГР-2 и 4 (13%) в ГР-3 смогли войти в избранную весовую категорию с небольшими затруднениями.

Таким образом, девушки повысили свой опыт коррекции массы тела, уровень теоретической грамотности от 11 до 32%, эмоциональный тон и психический тонус до и после занятий – ЭТ от 13 до 26%; ПТ от 10 до 19%; уровни физической от 10 до 16% ($p < 0,05$), технической от 5 до 18%, технико-тактической подготовленности от 5 до 17%; результаты соревновательной деятельности от 27 до 32%, что подтверждает эффективность разработанной модели коррекции массы тела.

ЛИТЕРАТУРА

1. Котова Т.Г., Дмитриева С.В. Формирование интереса к профессиональной деятельности у студентов института физической культуры, обучающихся по дисциплине «Единоборства» // Теория и практика физической культуры. 2017. № 12. С. 21–23.
2. Мантыков А.Л. Организация учебно-тренировочного процесса высококвалифицированных борцов при снижении массы тела перед соревнованиями : дис. ... канд. пед. наук. Улан-Удэ, 2003. 143 с.
3. Полева Н.В. Методика рационального снижения массы тела спортсмена в единоборствах // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 322. С. 218–222.
4. Шарина Е.П., Москальцова Н.А., Ригель З.В. Методика снижения веса тела боксеров в предсоревновательный период // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2018. № 5 (159). С. 296–299.
5. Шевцов А.В. Формирование знаний и умений у студентов физкультурных вузов технологий сгонки веса борца : дис. ... канд. пед. наук. М., 2006. 176 с.
6. Выготский Л. С. Вопросы детской психологии. СПб., 1997. 296 с.
7. Лопатина А.Б. Система подготовки юных дзюдоистов к ответственным соревнованиям // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 2–3. С. 518–522.
8. Мазуров О.Н., Корнеев А.С. Оперативная методика оценки психического состояния спортсменов // Теория и практика физической культуры. 1984. № 2. С. 5–7.
9. Манжелей И.В., Симонова Е.А. Материалы для проведения мониторинга качества физического воспитания студентов : учеб.-метод. пособие. Тюмень : Вектор Бук, 2006. 66 с.
10. Дзюдо: программа спортивной подготовки для детско-юношеских спортивных школ и специализированных детско-юношеских школ олимпийского резерва / С.В. Ерёгина [и др.]; Национальный союз дзюдо. М. : Сов. спорт, 2009. 212 с.
11. Котова Т.Г. Дифференциация обучения студентов институтов физической культуры технике спортивных единоборств с опорой на личный опыт двигательной деятельности : дис. ... канд. пед. наук. Тюмень, 2015. 271 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 20 сентября 2020 г.

Correction of Body Weight In Female Judokas Aged 14 to 16 in the Competitive Training Period

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 64–70.

DOI: 10.17223/15617793/467/8

Tatiana G. Kotova, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: t.g.kotova@utmn.ru

Svetlana V. Dmitrieva, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: s.v.dmitrieva@utmn.ru

Irina V. Rodina, Center for Sports Training of Russian National Teams (Moscow, Russian Federation). E-mail: irinarodina73@mail.ru

Keywords: judo; highly qualified athletes' training; model; body mass correction; typical mistakes; means and methods complex.

The article discusses rational nutrition and body mass correction which positively influence the working capacity and health of female judokas. The authors have chosen criteria-measuring tools for defining the subcutaneous thickness of all body components by identifying female judokas' fat and muscle layers, percentage of muscle mass, water, required fat and stored fat, daily calorie consumption, initial level of theoretical knowledge, psycho-emotional state, physical, technical, and technical-tactical readiness, and competition results. According to the research data, the authors developed a model of forming the experience in body mass correction in female judokas aged 14 to 16. Thirty-two female judokas aged 14 to 16 took part in the pedagogical research. The female judokas were part of the national team of Russia. All research participants were divided into three experimental groups. Group 1 included athletes who did not correct their body mass. Group 2 included athletes who had 1–2% excessive body mass in the selected weight category. Group 3 included athletes with 3–5% excessive body mass. Each group had some subgroups according to weight categories. The pilot study revealed problem areas in the female judokas' team: insufficient level of knowledge, skills of body mass correction for their independent application before competitions; decline in the psycho-emotional condition; insufficient level of speed-coordination abilities; typical mistakes in the technique and in technical-tactical motor actions. The proposed model is aimed at forming knowledge, skills, practical experience in body mass correction and improving special physical qualities and technical-tactical skills. The model includes three blocks: introductory diagnostic, substantive corrective, and resulting. The athletes trained during the competition period which consisted of three steps, four competition micro cycles and included theoretical physical training, technical training, and individual trajectories of body mass correction. The application of the proposed model increased the athletes' experience in body mass correction, level of theoretical literacy, physical readiness, and improved their emotional and psychic tones before and after trainings, their standing throw technique, technical-tactical actions, and competition results.

REFERENCES

1. Kotova, T.G. & Dmitrieva, S.V. (2017) Formirovanie interesa k professional'noy deyatel'nosti u studentov instituta fizicheskoy kul'tury, obuchayushchikhsya po distsipline "Edinoborstva" [Formation of interest to professional performance among students of the Institute of Physical Culture in the discipline "Martial Arts"]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 12. pp. 21–23.
2. Mantikov, A.L. (2003) *Organizatsiya uchebno-trenirovochnogo protsessa vysokokvalifitsirovannykh bortsov pri snizhenii massy tela pered sorevnovaniyami* [Organization of the educational and training process of highly qualified wrestlers with a decrease in body weight before the competition]. Pedagogy Cand. Diss. Ulan-Ude.
3. Poleva, N.V. (2009) Methods of the reduction of the weight of the body in single combat. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 322. pp. 218–222. (In Russian).
4. Sharina, E.P., Moskal'onova, N.A. & Rigel', Z.V. (2018) Methods of reduction of body weight of boxers in the precompetitive period. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 5 (159). pp. 296–299. (In Russian).
5. Shevtsov, A.V. (2006) *Formirovanie znaniy i umeniy u studentov fizkul'turnykh vuzov tekhnologiy sgonki vesa borta* [Formation of knowledge and skills among students of physical culture universities of technologies for cutting the weight of a wrestler]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
6. Vygotskiy, L.S. (1997) *Voprosy detskoy psikhologii* [Questions of Child Psychology]. Saint Petersburg: Soyuz.
7. Lopatina, A.B. (2016) System of training young judoists to international competition. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii – Modern High Technologies*. 2–3. pp. 518–522. (In Russian).
8. Mazurov, O.N. & Korneev, A.S. (1984) Operativnaya metodika otsenki psikhicheskogo sostoyaniya sportsmenov [Operational methodology for assessing the mental state of athletes]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 2. pp. 5–7. (In Russian).
9. Manzheley, I.V. & Simonova, E.A. (2006) *Materialy dlya provedeniya monitoringa kachestva fizicheskogo vospitaniya studentov* [Materials for Monitoring the Quality of Physical Education of Students]. Tyumen: Izdatel'stvo "Vektor Buk".
10. Eregina, S.V. et al. (2009) *Dzyudo: programma sportivnoy podgotovki dlya detsko-yunosheskikh sportivnykh shkol i spetsializirovannykh detsko-yunosheskikh shkol olimpiyskogo rezerva; Natsional'nyy Soyuz dzyudo* [Judo: Sports training program for children and youth sports schools and specialized children and youth Olympic reserve schools; National Judo Union]. Moscow: Sovetskiy sport.
11. Kotova, T.G. (2015) *Differentsiatsiya obucheniya studentov institutov fizicheskoy kul'tury tekhnike sportivnykh edinoborstv s oporoy na lichnostnyy opyt dvigatel'noy deyatel'nosti* [Differentiation of training students of physical culture institutes in combat sports techniques based on personal experience of physical activity]. Pedagogy Cand. Diss. Tyumen.

Received: 20 September 2020

В.Ф. Пешков

ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В СПОРТИВНОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОК, ЗАНИМАЮЩИХСЯ СИЛОВЫМ ВИДОМ СПОРТА

Представлены обоснование и разработка методики применения восстановительных средств в тренировочном процессе подготовительного периода студенток, занимающихся гиревым спортом, основанная на учете совокупности факторов. Доказана эффективность методики, включающей следующие элементы, разработанные автором: комплекс средств восстановления различной направленности; содержание данных средств; дозы воздействия; планирование средств восстановления в структуре тренировочных занятий и микроциклов.

Ключевые слова: восстановительные средства; тренировочный процесс; учебные дисциплины; методика; студентки; гиревой спорт.

Введение

Характерной особенностью современного спорта является постоянный рост объемов и интенсивности тренировочных нагрузок, что является важным условием повышения спортивного мастерства. В то же время интенсификация тренировочного процесса часто ведет к формированию хронического утомления, перенапряжения, к появлению травм опорно-двигательного аппарата, нарушению деятельности ЦНС, отдельных органов и функциональных систем, снижая качество всех сторон спортивной подготовки. Поэтому важным для оптимизации тренировочного процесса выступает использование различных средств восстановления, позволяющих предупреждать их отрицательное влияние, повышать воздействие нагрузок на тренировочный эффект, восстанавливать функциональные системы, утомленные мышечные группы, суставы, повышать специальную физическую работоспособность спортсменов [1–4].

В научной и методической литературе и практике разработаны методики применения средств восстановления для многих видов спорта, ориентированные преимущественно на высококвалифицированных взрослых и юных спортсменов. При их разработке учитывается большое число факторов: специфика утомления функциональных систем, обеспечивающих специальную работоспособность спортсменов; направленность восстановительных эффектов, формируемых различными средствами восстановления; решение задач тренировочного и соревновательного процессов на этапах годового цикла; объем и интенсивность тренировочных нагрузок; пол и возраст спортсменов [1–4].

Сегодня наблюдается активный процесс появления и развития новых видов спорта, включение в традиционно мужские виды спорта девушек и женщин, в частности в занятия гиревым спортом. На факультетах физической культуры и спорта педагогических университетов открываются специализированные учебные дисциплины «Спортивное совершенствование по избранному виду спорта», «Гиревой спорт», которые преподаются юношам и девушкам и включают в себя теоретический лекционный и практический материал в форме тренировочного процесса,

направленного на достижение высоких результатов спортивной подготовки и учебных занятий [5–9].

Для устранения отрицательных последствий занятий гиревым спортом у студенток необходимо эффективное применение восстановительных средств. Однако отсутствуют соответствующие научно обоснованные, разработанные и апробированные методики их применения.

В содержании учебных дисциплин «Спортивное совершенствование по избранному виду спорта», «Гиревой спорт» отсутствует учебный материал по теории и методике применения средств восстановления в тренировочном и соревновательном процессах студенток, занимающихся гиревым спортом. Не изучается этот учебный материал и в преподаваемых на факультете физической культуры и спорта Томского государственного педагогического университета учебных дисциплинах: «Средства восстановления в спорте», «Теория и методика восстановительных средств», данный материал отсутствует также и в учебных дисциплинах факультетов физической культуры и спорта педагогических университетов страны [10, 11].

Цель работы – обосновать, разработать методику применения восстановительных средств, направленную на повышение специальной физической подготовленности студенток, занимающихся гиревым спортом, внедрить разработанную методику в тренировочный процесс и в содержание учебных дисциплин, преподаваемых на факультетах физической культуры и спорта.

Организация исследования

Исследование проводилось на базе факультета физической культуры и спорта Томского государственного педагогического университета.

В исследовании принимали участие студентки 18–22 лет, имеющие первый спортивный разряд, в экспериментальной и контрольной группах по 8 человек в каждой. Эксперимент проходил 7 месяцев. В систему тренировочных занятий подготовительного периода годового цикла экспериментальной группы была внедрена разработанная методика применения средств восстановления. В контрольной группе тренировочные занятия проходили по методическим основам занятий экспериментальной группы, средства

восстановления применялись по принятым в практике гиревого спорта подходам.

Методы исследования

Применялся комплекс педагогических методов исследования: изучение и анализ научно-методической литературы, педагогическое наблюдение, педагогический эксперимент; анкетирование, метод контрольных упражнений, метод САН; методы математической статистики.

Применены тесты для оценки специальной физической подготовленности студенток, занимающихся гиревым спортом:

1. Сгибание-разгибание рук за 60 с.
2. Прыжки на плинт за 60 с.
3. Рывок гири 16 кг двумя руками по 2 мин на каждую руку в сумме 4 мин.
4. Поднимание ног из положения лежа на спине, руки внизу параллельно корпусу туловища за 60 с.

Определение достоверности различий результатов до и после эксперимента в связанных выборках в экспериментальной и контрольной группах проведено посредством Т-критерия Вилкоксона.

Методика применения средств восстановления в тренировочном процессе подготовительного периода студенток, занимающихся гиревым спортом, на этапе спортивного совершенствования разработана на основе учета:

– специфики влияния тренировочных нагрузок на скоростно-силовую выносливость, силового, скоростно-силового характера на постнагрузочное состояние опорно-двигательного аппарата, сердечно-сосудистую систему и эмоциональную сферу спортсменов-гиревиков и, в частности, девушек, их анатомических и психофизиологических особенностей организма [2, 12–14];

– необходимости реализации принципов применения восстановительных средств в спорте: первоочередного устранения, уменьшения состояния утомления в органах и системах, лимитирующих работоспособность спортсменов; комплексного применения восстановительных средств; принципа психоэмоционального комфорта [15];

– особенностей потенциала восстановительных эффектов педагогических, психологических и медико-биологических средств восстановления на опорно-двигательный аппарат, сердечно-сосудистую систему, эмоциональную сферу утомленного организма [1, 2];

– авторской позиции о целесообразности включения в комплекс средств восстановления упражнений релаксационного характера, суставной гимнастики, упражнений на увеличение подвижности в суставах, выполняемых по сагиттальной и вертикальной осям, с целью уменьшения и устранения локального, регионального мышечного, суставного утомления, вызываемого многократным выполнением однообразных по биомеханической структуре соревновательных и тренировочных упражнений по фронтальной оси.

Авторская позиция о целесообразности выполнения упражнений релаксационного характера, суставной гимнастики, на увеличение подвижности в суста-

вах по нетрадиционным анатомическим осям опирается на анатомо-физиологические особенности суставов, мышц, связок, сухожилий студенток, их функционирование во время выполнения тренировочной нагрузки и в постнагрузочный период восстановления. Выполнение данных видов восстановительных упражнений по нетрадиционным анатомическим осям включает механизмы сокращения дополнительных мышечных волокон отдельной мышцы и новых групп мышц, обеспечивает ускорение артериального кровотока и поступления питательных веществ, ускорение венозного кровотока, выводящего продукты метаболизма не только в мышцах, связках, сухожилиях, которые непосредственно обеспечивают выполнение этих восстановительных упражнений, но и в тех мышцах, связках и сухожилиях, которые утомлены в процессе многократного повторения специально-подготовительных и соревновательных упражнений в процессе тренировочного и предыдущих занятий студенток.

Чем больше задействовано мышечных волокон в отдельной мышце и чем больше задействовано групп мышц после тренировочных нагрузок в период постнагрузочного восстановления при выполнении применяемых восстановительных упражнений, тем более интенсивно идут процессы восстановления в утомленных мышцах [2]. Целенаправленное выполнение восстановительных упражнений по сагиттальной и вертикальной осям позволяет последовательно менять, частично изменять структуру сокращения и ослабления взаимодействующих мышц-агонистов, которые обеспечивают выполнение специально-подготовительных и соревновательных упражнений в гиревом спорте, мышц-антагонистов, которые, удлиняясь, выполняют защитную антитравматическую функцию, и мышц-синергистов (стабилизаторов), обеспечивающих правильное расположение и направление движений мышц-агонистов и мышц-антагонистов. Это повышает согласованность мышечных напряжений, а также обеспечивает оптимальное чередование сокращения мышц-агонистов и мышц-антагонистов. Следовательно, интенсифицируются процессы восстановления энергетических источников работы мышц, креатинфосфата, гликогена, эффективно восстанавливается специальная работоспособность спортсменов.

На базе данных научно-методической литературы [7, 13, 14, 16], педагогического наблюдения, анкетирования, видеосъемки была проанализирована биомеханическая структура техники выполнения двух соревновательных и основных специально-подготовительных упражнений, выполняемых в гиревом спорте, и оценено их влияние на формирование утомления организма студенток. В ходе исследования были выявлены ключевые суставы и мобилизационные мышцы, обеспечивающие их выполнение и наиболее часто находящиеся в состоянии утомления, перенапряжения, в предтравматическом состоянии, что позволило определить целевую направленность упражнений восстановительного характера. Установлено, что два классических соревновательных упражнения и преимущественное количество специально- подгото-

вительных и специально-подводящих упражнений выполняются по фронтальной оси в сагиттальной плоскости и характеризуются однообразием биомеханических параметров и проявлением взрывной силы и коротко-силовой выносливости.

Толчок гири выполняется по фронтальной оси за счет сгибания ног в коленных суставах с одновременным неамплитудным наклоном туловища назад в пояснично-крестцовом отделе позвоночника с последующим разгибанием ног, выпрямлением туловища и разгибанием рук в плечевых и локтевых суставах. Сгибания и разгибания ног, рук во всех суставах, наклоны туловища назад-вперед-назад выполняются по фронтальной оси сагиттальной плоскости.

Выполнение толчка гири обеспечивают, соответственно, суставы и мобилизующие мышцы: голеностопные суставы – икроножная, камбаловидная мышцы; коленные суставы – четырехглавая мышца бедра; тазобедренные суставы – большие ягодичные мышцы, группа мышц задней поверхности бедра; плечевой сустав – передний и задний пучки дельтовидной мышцы; локтевой – трехглавая мышца плеча, локтевая мышца.

Рывок гири также выполняется по фронтальной оси при одновременном сгибании ног в коленных суставах и наклоне туловища в пояснично-крестцовом отделе, рука с гирей в положении внизу между ног с последующим мощным разгибанием ног в коленных и тазобедренных суставах, туловища и подъемом прямой руки вверх за счет разгибания в плечевом суставе до фиксации руки. Затем гиря опускается для очередного рывка. Рука может быть согнутой или прямой. По фронтальной оси также выполняется сгибание и разгибание туловища (вперед-назад) и сгибание и разгибание ног, рук в плечевом и локтевом суставах. Выполнение рывка гири обеспечивают, соответственно, суставы и преимущественно следующие мобилизующие мышцы: голеностопные суставы – икроножные и камбаловидные мышцы; коленные суставы – четырехглавые мышцы бедра; тазобедренные суставы – большие ягодичные мышцы и группа мышц задней поверхности бедра; суставы позвоночника – мышцы-разгибатели спины; плечевые суставы – дельтовидные мышцы, надостные и подостные мышцы, большая грудная мышца; лопатка – верхняя часть трапецевидной мышцы, мышца, поднимающая лопатку; локтевой сустав –

трехглавая мышца плеча, локтевая; лучезапястный сустав – разгибатели запястья.

Исследованием установлено, что многократное выполнение однообразных по структуре ударных, коротко-силовых двигательных действий является фактором оперативного и долговременного формирования локального, регионального и общего утомления мышц, суставов, снижения потенциала сердечно-сосудистой и дыхательной систем, является фактором травматизма опорно-двигательного аппарата [17].

Для устранения и уменьшения проявления этих отрицательных эффектов, уменьшения объема однообразного по биомеханической структуре режима работы звеньев опорно-двигательного аппарата в содержание релаксационных комплексов, комплексов суставной гимнастики и на увеличение подвижности в суставах нами были включены упражнения, выполняемые по нестандартным двум осям – сагиттальной и вертикальной. Мы предположили, что это позволит повысить эффективность оперативного нагрузочного и постнагрузочного восстановления во время тренировок, повысит эффективность текущего и отставленного восстановительных эффектов после окончания тренировочных занятий за счет расширения объема локального и регионального периферического кровообращения, нормализации венозного оттока и лимфообращения, устранения гипертонуса в мышцах-агонистах и стимуляции мышц-антагонистов, позволит нормализовать состояние в целом периферического звена нервно-мышечной системы.

В табл. 1 представлена разработанная методика применения восстановительных средств для студентов, занимающихся гиревым спортом.

Опишем элементы частных методик средств восстановления, включенные в разработанную методику применения восстановительных средств в подготовительном периоде тренировочного процесса студентов, занимающихся гиревым спортом.

1. Регидратация и дегидратация организма приемом жидкости.

Значение жидкости:

- обеспечение окислительно-восстановительных реакций в организме;
- ускорение процессов детоксикации организма;
- профилактика заболеваний, развитие которых возможно при дефиците жидкости в организме (мочекаменная болезнь, варикозное расширение вен, запоры и т.д.) в процессе занятий спортом.

Таблица 1

Методика применения восстановительных средств в подготовительном периоде тренировочного процесса студентов, занимающихся гиревым спортом

Средства восстановления различной направленности	Содержание средств восстановления	Параметры воздействия	Планирование восстановительных средств в системе тренировочных занятий
1. Регидратация и дегидратация организма приемом жидкости	Прием воды, спортивных напитков до, во время и после тренировочных занятий	150–250 мл 100–200 мл 150–200 мл	До начала тренировочных занятий, за 20–30 мин Во второй половине тренировочных занятий. После окончания тренировочных занятий в первые 5–10 мин

2. Упражнения на увеличение подвижности в суставах	Комплексы упражнений активного и пассивного характера для увеличения подвижности в плечевых, тазобедренных, коленных, голеностопных суставах, позвоночника, обеспечивающих повышение специальной работоспособности. Упражнения выполняются по вертикальной оси кнаружи (супинация) и кнутри (пронация) в суставах рук, плечевого пояса, тазобедренного, коленного и голеностопного суставов, повороты туловища (ротация). По сагиттальной оси выполняются отведения и приведения рук, ног по направлению к срединной плоскости тела, наклоны туловища вправо-влево. По фронтальной оси выполняются сгибания и разгибания в суставах конечностей. Процентное соотношение упражнений, выполняемых по фронтальной, вертикальной, сагиттальной осям, составляет: 50:25:25	4–6 упражнений в комплексе, 12–14 повторений в одном упражнении	В конце подготовительной части тренировочных занятий
3. Суставная гимнастика	Комплексы упражнений сочетанного характера: круговые движения головой, в суставах конечностей, позвоночника выполняются вокруг трех осей: фронтальной, сагиттальной и вертикальной в последовательном сочетании с волнообразными движениями руками, туловища и ногами в пересечении сагиттальной оси (отведение-приведение конечности) и фронтальной оси (сгибание и разгибание в суставах конечностей)	4–6 упражнений в комплексе, 12–14 повторений в одном упражнении	Во второй половине основной части тренировочных занятий
4. Упражнения релаксационного характера	Комплексы упражнений вибрационно-колебательного характера верхними и нижними конечностями в положении стоя, лежа на спине, в висе на перекладине	3–4 упражнения в комплексе. Время выполнения одного упражнения 20–40 с	В начале заключительной части тренировочных занятий
5. Аутогенная тренировка	Аутогенная тренировка включает: упражнения на достижение мышечной релаксации; на вызывание тепла в конечностях; на регуляцию ритма и частоты сердечной деятельности	По семь формул на каждый вид упражнений. Общее время аутотренинга 10–15 мин	В конце заключительной части тренировочных занятий
6. Водные процедуры	Прием душа	Длительность процедуры – 10–15 мин. Температура воды 37–38 °С	После тренировочных занятий
7. Восстановительный массаж	Методика массажа включает следующие элементы: приемы массажа; последовательность выполнения приемов; время выполнения приемов и в целом сеанса массажа; темп и сила воздействия	Два сеанса в микроцикле. Общее время массажа 25–30 мин	В середине и в конце нагрузочных микроциклов, в дни отдыха

Методика приема жидкости:

– до тренировки за 20–30 мин выпивается 300–400 мл жидкости (воду или спортивный напиток), что создает резерв жидкости в организме и помогает поддерживать работоспособность, особенно когда тренировка длится больше 90 мин;

– во время тренировки через каждые 30–35 мин выпивается 100–150 мл жидкости, что обеспечивает поддержание должной работоспособности и предотвращение обезвоживания организма;

– сразу после окончания тренировки в течение 30–40 мин выпивается жидкость для восполнения всего объема потерянной жидкости во время тренировки и еще 20–30% дополнительно. Это делается для того, чтобы восстановить потерю жидкости, баланс натрия, запустить механизмы детоксикации.

2. Упражнения на увеличение подвижности в суставах.

Значение применения упражнений на увеличение подвижности в суставах:

– функциональная подготовка мышечно-суставного аппарата для выполнения запланированного объема тренировочной нагрузки;

– профилактика травматизма;

– увеличение подвижности в суставах для технически правильного выполнения тренировочных и соревновательных упражнений;

– оперативное содействие активизации окислительно-восстановительных процессов в локальных мышечных группах и околосуставных тканях.

Методика применения упражнений на увеличение подвижности в суставах.

Направленность упражнений на суставы и мышцы:

– голеностопные суставы – икроножные и камбаловидные мышцы;

– коленные суставы – четырехглавые мышцы бедра;

– тазобедренные суставы – большие ягодичные и грушевидные мышцы, мышцы задней поверхности бедра;

– суставы позвоночника – разгибатели спины;

– плечевые суставы – передние и средние пучки дельтовидных мышц, надостные и подостные мышцы, большие круглые и грудные мышцы;

– суставы пояса верхних конечностей (лопаток и ключицы) – верхняя треть трапецевидных мышц, мышц, поднимающих лопатку;

– локтевой сустав – трехглавые мышцы плеча, локтевая мышца;

– лучезапястный сустав – разгибатели запястья.

Анатомические оси выполнения упражнений и направления движений:

– по фронтальной оси выполняются сгибание и разгибание туловища, рук и ног;

– по вертикальной оси выполняются движения кнутри (супинация) и кнаружи (пронация) руками, ногами, повороты туловищем (ротация);

– по сагиттальной оси выполняются отведения и приведения рук, ног по направлению от срединной плоскости тела, наклоны туловища вправо-влево.

Исходные положения при выполнении упражнений:

– стойка ноги врозь с положением рук в сторону, вперед, назад, вверх, согнутые в локтевых суставах за спину, за голову; стойка ноги врозь, туловище наклонено вперед, руки в стороны;

– стойка на коленях, руки в различных положениях; стойка на правом (левом) колене, левая (правая) назад, согнутая в колене;

– сед углом упор сзади; сед ноги врозь; сед на голени и пятках на согнутых в коленях назад; упор сидя углом; сед, ноги согнуты в коленях, ступни прижаты друг к другу;

– лежа лицом вниз, руки вперед, в стороны вверх, согнутые в локтях за голову; упор лежа; упор лежа прогнувшись;

– лежа на спине, руки вверх, в стороны, вдоль туловища, ноги вверх, ноги согнуты в коленях; лежа на правом, левом боку;

– упор стоя на коленях и руках; упор стоя на одном колене и разноименной руке;

– выпад правой (левой) руки в различных положениях.

Параметры нагрузки, темп, амплитуда выполнения упражнений. Так как соревновательные, подготовительные и подводящие упражнения выполняются по фронтальной оси по траектории сгибания-разгибания и то, что упражнения на растягивание мышц и околосуставных тканей направлены на функциональное восстановление мышечно-суставного аппарата и качественное выполнение напряженной тренировочной нагрузки в основной части занятий, то процентное соотношение объема упражнений, выполняемых по фронтальной-сагиттальной-вертикальной осям, нами определено соответственно такое: 50:25:25.

В ходе тренировочного занятия выполняется комплекс из четырех-шести упражнений, по два упражнения на каждую из трех выделяемых групп суставов

и мышц: мышц ног в комплексе с тазобедренными суставами; туловища; плечевого пояса и рук.

Количество повторений – 12–14 раз, темп медленный, средний, амплитуда в границах, исключающих травматизацию связок, сухожилий, мышц. В упражнениях статического характера, направленных на растягивание мышц-агонистов, удержание натяжения выполняется 20–30 с.

Особое внимание уделяется параметрам нагрузки при натяжении связок, так как они больше подвержены травмам, чем сухожилия, которые в меньшей степени обеспечивают подвижность в суставах, чем связки. Сухожилия обеспечивают стабильность положения сустава.

3. Суставная гимнастика.

Значение применения суставной гимнастики:

– оперативное постнагрузочное восстановление специальной работоспособности во второй половине основной части тренировки;

– нормализация состояния суставных и околосуставных тканей;

– уменьшение проявления болевых ощущений.

Методика применения суставной гимнастики. Направленность упражнений: на суставы, околосуставные ткани, локальные мышцы, выполняющие движения в суставах и обеспечивающие выполнение соревновательных и специально-подготовительных упражнений гиревого спорта.

Анатомические оси выполнения упражнений и направления движений:

– круговые движения руками, ногами, головой, туловищем вокруг всех трех осей: вертикальной-сагиттальной-фронтальной;

– волнообразные движения руками, ногами, туловищем в пересечении двух осей: сагиттальной и фронтальной в форме отведения и приведения по направлению к срединной плоскостям в сочетании со сгибанием и разгибанием в конечностях, туловище.

Исходные положения при выполнении упражнений:

– стойка ноги врозь с положением рук в стороны, вперед, на пояс;

– стоя ноги врозь, туловище наклонено вперед; полуприсед, руки на коленях;

– лежа на спине, ноги вверх; лежа на спине, ноги согнуты в коленях;

– упор, стоя на коленях и руках.

Параметры нагрузки, темп, амплитуда выполнения упражнений. В комплексе выполняются упражнения для уменьшения утомления мышц, лимитирующих специальную работоспособность студенток во второй половине основной части тренировок. Количество повторений – 8–12 раз, темп медленный, амплитуда движений постепенно возрастающая до анатомических возможностей суставов, последовательно уменьшающаяся к окончанию выполнения.

4. Упражнения релаксационного характера.

Значение применения релаксационных упражнений в заключительной части:

– интенсификация текущего постнагрузочного восстановления специальной работоспособности студенток к следующему тренировочному занятию в микроцикле;

– оптимизация функционального состояния опорно-двигательного аппарата, его наиболее утомленных мышц и суставов;

– устранение мышечно-суставных посттренировочных болей;

– нормализация психоэмоциональной сферы.

Направленность релаксационных упражнений: преимущественно на те мышцы и суставы, которые выполняли в тренировочном занятии наибольший объем нагрузки, которые находятся в состоянии острого утомления и перенапряжения.

Анатомические оси выполнения упражнений и направления движений:

– вибрационно-колебательные движения руками, ногами, плечевым поясом, тазобедренными суставами по сагиттальной оси в форме сочетания отведения и приведения конечностей с вибрационным движением;

– вибрационно-колебательные движения руками, ногами, в пересечении двух осей: сагиттальной и вертикальной, одновременно отводя, приводя конечность к срединной плоскости тела и выполняя супинацию и пронацию конечностей.

Упражнения выполняются самостоятельно и в парах, поочередно выполняя вибрационно-колебательные движения.

Исходные положения при выполнении релаксационных упражнений:

– основная стойка; стойка на ширине плеч; руки вниз, в стороны, вверх;

– лежа на спине, руки вперед; лежа на спине ноги вверх; лежа на спине ноги и руки вверх.

Параметры нагрузки, частота вибрации и амплитуда. В комплексе выполняются четыре упражнения на две основные группы мышц и суставов: мышцы ног в комплексе с тазобедренными суставами; плечевого пояса и рук.

Частота вибраций варьируется от медленной к средней, до максимально возможной в границах анатомических и исполнительских возможностей студентов.

Время выполнения одного упражнения одной или двумя конечностями – от 30 до 60 с.

5. Аутогенная тренировка.

Значение аутогенной тренировки:

– нормализация психоэмоционального состояния в постнагрузочный период восстановления в конце тренировок;

– активизация психофизиологических механизмов восстановления на основе достижения мышечной релаксации;

– формирование мотивации на выполнение тренировочных нагрузок на следующей тренировке.

Методика аутогенной тренировки. Аутогенная тренировка включает: упражнения на достижение мышечной релаксации; на вызывание тепла или тяжести в конечностях; на регуляцию ритма и частоты сердечной деятельности.

В каждом виде упражнений семь формул. Время аутотренинга – 10–15 мин в конце заключительной части тренировочных занятий.

Первые два упражнения проводятся по формулам методики, описанной в литературе [3].

Формулы упражнения, направленного на овладение ритмом и частотой дыхания, проводятся по методике В.С. Лобзина, М.М. Решетникова [18]: 1. Я совершенно спокоен... 2. Сердце бьется ритмично, спокойно... 3. Мое сердце отдыхает... 4. Мое сердце бьется ровно, ритмично... 5. Приятное чувство отдыха и покоя охватило весь мой организм... 6. Мой пульс замедляется, мое сердце отдыхает... 7. Я совершенно спокоен.

6. Водные процедуры.

Значение водных процедур после тренировок.

– решение гигиенических задач;

– включение механизмов мышечной релаксации, восстановление оптимального мышечного тонуса;

– нормализация эмоционального состояния.

Методика водных процедур. Водные процедуры включают прием душа нисходящей или точечной формы струи. Принимается душ сразу после окончания тренировочных занятий. Температура воды комфортная – 37–38°C, длительность процедуры – 5–15 мин. Акцент воздействия делается на рефлексогенные зоны: воротниковую, пояснично-крестцовую область и на наиболее утомленные, болезненные мышцы, околоуставные ткани.

7. Восстановительный массаж.

Значение восстановительного массажа во время и после тренировок в микроциклах:

– создать психофизиологические условия для активизации окислительно-восстановительных реакций;

– уменьшить проявление локального и общего утомления;

– нормализовать психоэмоциональное состояние;

– повысить общую и специальную работоспособность спортсменов;

– формировать мотивацию на выполнение запланированных нагрузок на последующих тренировочных занятиях.

Методика восстановительного массажа. Применялась методика восстановительного массажа, проводимого после тренировочных нагрузок скоростно-силового, силового характера, на скоростно-силовую выносливость, разработанную автором [3].

Методика включает следующие компоненты: приемы массажа; последовательность и сочетание выполнения приемов массажа; последовательность и повторяемость массирования участков тела; время, выделяемое на отдельные приемы и в целом на сеанс массажа; темп и сила воздействия на массируемые участки; ритм выполнения приемов массажа.

Общее время сеанса массажа – 25–30 мин. Массаж проводился два раза, в середине и конце нагрузочных микроциклов подготовительного периода.

Применяемые приемы и процентное соотношение приемов в сеансе массажа следующее: выжимание – 5%, встряхивание – 20%, растирание – 15%, разминание – 60%. При значительно повышенном тонусе мышц или болевых ощущениях целесообразно увеличить время на разминание до 70%.

Темп выполнения приемов – медленный и средний, воздействие на массируемые участки исключает возникновение болевых ощущений, дискомфорта.

Массаж проводится в следующей последовательности: спина, верхние и нижние конечности.

В табл. 2 представлено содержание элементов методики массажа спины и верхних конечностей.

Таблица 2

Методики массажа спины и верхних конечностей

Последовательность массирования мышц, суставов	Положение массируемого	Используемые приемы	Время массажа, с	
			участка одной половины тела	правого или левого участка тела
1. Рук	Сидя на кушетке	Встряхивание, выжимание	60	120
2. Длинных мышц спины	Лежа лицом вниз	Разминание	20	40
3. Надостных, подостных и трапециевидных мышц	Лежа лицом вниз	Разминание	40	80
4. Широчайших мышц	Лежа лицом вниз	Разминание	40	80
5. Трехглавой мышцы	Лежа лицом вниз	Разминание	50	100
6. Плечевого сустава	Лежа лицом вниз	Растирание	50	100
7. Дельтовидных мышц	Лежа на спине	Разминание	40	80
8. Двуглавых мышц	Лежа на спине	Разминание	30	60
9. Мышц предплечья и кисти	Лежа на спине	Разминание	40	80
10. Рук	Сидя на кушетке	Встряхивание	15	30

После массажа спины и рук массируются нижние конечности. Спортсменка ложится лицом вниз на кушетку, и выполняется поочередное встряхивание мышц ног. Массаж задней поверхности ноги начинается с тщательного растирания и разминания места прикрепления ахиллова сухожилия к пяточной кости, голеностопного сустава. Далее делается массаж икроножной мышцы, задней поверхности бедра ординарным, двойным кольцевым разминанием и снова выполняется встряхивание всей ноги. Аналогично массируется другая нога. Затем спортсменка переворачивается на спину. Выполняется массаж мышц передней поверхности голени подушечками четырех пальцев, щипцевидное разминание основанием ладони и растирание голеностопного и коленного суставов. На четырехглавой мышце бедра выполняются двойное разминание. Заканчивается массаж мышц нижних конечностей выполнением приема встряхивание.

Восстановительный массаж после тренировки проводился как массажистом, так и спортсменками, овладевшими представленной доступной методикой в форме взаимомассажа.

Статистическая обработка и анализ данных тестирования до и после проведения педагогического эксперимента в экспериментальной и контрольных группах показали более высокий прирост показателей при высоком уровне значимости $p < 0,01$ во всех четырех тестах у студенток экспериментальной группы по сравнению с приростом показателей у студенток контрольной группы. Данные тесты характеризуют проявление ключевого физического качества специальной физической подготовленности в гиревом спорте – скоростно-силовой выносливости. У студенток экспериментальной группы также было выявлено более оптимальное эмоциональное состояние по показателям метода САН: самочувствия, активности, настроения.

Проведенный эксперимент доказывает эффективность разработанной методики применения восстановительных средств и целесообразность ее внедрения в систему тренировочного процесса подготовительного

периода годичного цикла девушек, занимающихся гиревым спортом.

В контрольной группе средства восстановления применялись на основе принятого, к сожалению, в практике спорта ряда факторов: не учитываются специфика утомления; особенности формирования восстановительных эффектов при выборе средств восстановления; несистематическое и некомплексное применение средств восстановления в системе спортивной подготовки.

Обоснованная и разработанная методика применения восстановительных средств в тренировочном процессе студенток, занимающихся гиревым спортом, внедрена в содержание учебных дисциплин «Средства восстановления в спорте», «Спортивное совершенствование по избранному виду спорта», преподаваемых на факультете физической культуры и спорта Томского государственного педагогического университета.

Контроль знаний учебного материала по разработанной методике показал, что обучающиеся на должном уровне владеют знаниями и умениями в области методики применения средств восстановления в тренировочном процессе студенток, занимающихся гиревым спортом.

Выводы

1. Обоснована и разработана методика применения восстановительных средств в тренировочном процессе студенток, занимающихся гиревым спортом, на основе учета: специфики влияния структуры соревновательных и тренировочных упражнений; скоростно-силовой направленности нагрузок на организм студенток, занимающихся гиревым спортом; авторской позиции о целесообразном включении в комплекс средств восстановления упражнений на увеличение подвижности в суставах; упражнений релаксационного характера; суставной гимнастики, выполняемых не только по фронтальной оси, но и по сагиттальной и вертикальной осям; необходимости реализации таких принципов применения средств

восстановления, как принцип первоочередного устранения состояния утомления в органах и системах, лимитирующих специальную работоспособность спортсменов; принцип комплексного применения средств восстановления и принцип психоэмоционального комфорта.

2. Разработанная методика включает в себя следующие компоненты: 1) комплекс доступных в массовой практике спорта восстановительных средств: дозированный прием жидкости; упражнения на увеличение подвижности в суставах; упражнения релаксационного характера; суставная гимнастика; аутотренинг; водные процедуры; восстановительный массаж; 2) содержание каждого из указанных средств; 3) параметры дозирования воздействий средствами восстановления; 4) планирование средств восстановления во время тренировочных занятий и после их окончания в дни микроциклов.

3. Внедрение разработанной методики применения средств восстановления в подготовительном периоде годичного цикла спортивной подготовки студентов, занимающихся гиревым спортом, обеспечивает у них нормализацию эмоционального состояния, более высокий статистически достоверный прирост показателей ключевого специального физического качества в гиревом спорте – скоростно-силовой выносливости по сравнению с показателями студентов из контрольной группы, применявших восстановительные средства на основе традиционных подходов к методике.

4. Вариант разработанной и апробированной методики применения восстановительных средств включен в содержание учебных дисциплин «Средства восстановления в спорте» и «Спортивное совершенствование по избранному виду спорта», преподаваемых на факультете физической культуры и спорта Томского государственного педагогического университета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макарова Г.А. Оптимизация постнагрузочного восстановления спортсменов (Методология и частные технологии). М. : Спорт, 2017. 160 с.
2. Платонов В.Н. Двигательные качества и физическая подготовка спортсменов. М. : Спорт, 2019. 656 с.: ил.
3. Пешков В.Ф. Восстановительные средства в профессиональной деятельности педагогов по физической культуре и спорту. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 196 с.
4. Пешков В.Ф. Педагогическая система профессиональной восстановительно-профилактической подготовки педагогов по физической культуре и спорту : дис. ... д-ра пед. наук. Томск, 2009. 333 с.
5. Шикунов А.Н., Пахомов А.Н., Кузьмин А.А. Гиревой спорт: зарождение и развитие // Актуальные проблемы современной науки : сб. тр. 3-й междунар. конф. молодых ученых и студентов. Самара : Изд-во СамГТУ, 2012. Ч. 29. С. 40–41.
6. Шикунов А.Н. Становление гиревого спорта в системе профессиональной подготовки специалистов по физической культуре // Актуальные проблемы теории и практики физической культуры в образовании : материалы междунар. науч.-практ. конф. Курск : Изд-во КГУ, 2014. С. 126–129.
7. Бабинцева М.А. Анализ физической подготовленности студентов-гиревиков и влияние ее на результативность соревновательной деятельности // Молодой ученый. 2014. № 18. С. 61–65.
8. Полянский В.С. Рабочая программа учебной дисциплины «Гиревой спорт» по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование». Томск : ТГПУ, 2016. 9 с.
9. Полянский В.С. Рабочая программа учебной дисциплины «Спортивное совершенствование по избранному виду спорта» по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование». Томск : ТГПУ, 2016. 11 с.
10. Пешков В.Ф. Рабочая программа учебной дисциплины «Теория и методика восстановительно-профилактических средств» по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование». Томск : ТГПУ, 2016. 11 с.
11. Пешков В.Ф. Рабочая программа учебной дисциплины «Средства восстановления в спорте» по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование». Томск : ТГПУ, 2016. 10 с.
12. Пилипко В.Ф., Клименко А.И., Трубицына О.В. Адаптационные проявления у спортсменов-гиревиков при развитии физических качеств силы и выносливости // Физическое воспитание студентов творческих специальностей. Харьков : ХГАДИ (ХХПИ), 2012. № 7. С. 14–18.
13. Полянский В.С., Ревякин Ю.Т. Пути развития специальной выносливости в гиревом спорте // Современные педагогические и информационные технологии в физической культуре и спорте : материалы III всерос. науч.-практ. конф. Томск, 2010. Ч. 2. С. 109–112.
14. Дягилев А.В., Куликов Н.В. Дозирование нагрузок в подготовительном этапе тренировки и их влияние на соревновательный результат в гиревом спорте // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2003. № 3. С. 78–82.
15. Литвинович С.М., Флерко А.Н., Телеш В.Е. Современные методы тренировки мышц кистей и предплечий в гиревом спорте // Научное обоснование физического воспитания, спортивной тренировки и подготовки кадров по физической культуре и спорту : материалы 7-й междунар. науч. сессии БГУФК и НИИФКиС РБ по итогам науч.-исслед. работы за 2003 г. Минск : Изд-во БГУФК, 2004. С. 89–90.
16. Пешков В.Ф. Обоснование восстановительно-профилактической подготовки в структуре спортивной подготовки // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2017. Вып. 1 (178). С. 136–142.
17. Ким В.В. Механические нагрузки (ускорения) в спортивных упражнениях: контроль, предупреждение травматизма, повышение толерантности : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1991. 42 с.
18. Лобзин В.С., Решетников М.М. Аутогенная тренировка : справ. пособие для врачей. Л. : Медицина, 1986. 280 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 4 августа 2021 г.

Rehabilitation Means in Sports and Professional Training of Female Students Participating in Strength Sport

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 71–80.

DOI: 10.17223/15617793/467/9

Vladimir F. Peshkov, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: peshkov@sibmail.com

Keywords: rehabilitation means; training process; academic disciplines; technique; female students; kettle bell lifting.

The problem solved in the article is determined by the insufficient development of the methodology for the use of rehabilitation means in female students involved in kettle bell lifting and by the absence of this methodology in the educational materials of disciplines of restorative-preventive and strength sport orientation taught at the faculties of physical culture and sports of pedagogical universities. Experimental work was carried out on the basis of the Faculty of Physical Culture and Sports of Tomsk State Pedagogical University for a period of seven mesocycles. The experiment involved female students aged 18 to 22. The research methods were: analysis of scientific and methodological literature, practice and the author's own studies; pedagogical observation; pedagogical experiment; questionnaires and physical quality tests; the WAM (wellbeing, activity, mood) method; methods of mathematical statistics. The article presents the substantiation, development, and approbation of a methodology for using the rehabilitation means in the training process within the preparatory period of the annual cycle of female students involved in kettle bell lifting sports training. The methodology was developed considering (1) the influence of the structure of competitive and training exercises and training loads on the speed and power endurance of the female students (first of all, on their musculoskeletal system); (2) the potential of the restorative effects of rehabilitation means; (3) the need to implement the principles of rehabilitation means; (4) the author's position on the practicability of including relaxation exercises, articular gymnastics, exercises to increase joint mobility performed not only along the traditional frontal axis, but also along the sagittal and vertical axes, into the complex of rehabilitation means. The effectiveness of the developed methodology has been proved by the most important indicator of special physical preparation of female students involved in kettle bell lifting – by the manifestation of the speed and power endurance. The methodology includes the following components: a complex of pedagogical, biomedical, and psychological rehabilitation means; content of the means; exposure parameters; planning of rehabilitation means application during and after training sessions on microcycle days. The content of the developed methodology is included in the material of educational disciplines Rehabilitation Means in Sports and Sports Improvement in a Chosen Sport taught at the Faculty of Physical Culture and Sports of Tomsk State Pedagogical University.

REFERENCES

1. Makarova, G.A. (2017) *Optimizatsiya postnagruzochnogo vosstanovleniya sportsmenov (Metodologiya i chastnye tekhnologii)* [Optimization of athletes' post-exercise recovery (Methodology and private technologies)]. Moscow: Sport.
2. Platonov, V.N. (2019) *Dvigatel'nye kachestva i fizicheskaya podgotovka sportsmenov* [Motor Qualities and Physical Fitness of Athletes]. Moscow: Sport.
3. Peshkov, V.F. (2000) *Vosstanovitel'nye sredstva v professional'noy deyatel'nosti pedagogov po fizicheskoy kul'ture i sportu* [Rehabilitation Means in the Professional Activity of Physical Culture and Sports Teachers]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Peshkov, V.F. (2009) *Pedagogicheskaya sistema professional'noy vosstanovitel'no-profilakticheskoy podgotovki pedagogov po fizicheskoy kul'ture i sportu* [Pedagogical system of professional rehabilitation and preventive training of teachers in physical culture and sports]. Pedagogy Dr. Diss. Tomsk.
5. Shikunov, A.N., Pakhomov, A.N. & Kuz'min, A.A. (2002) [Kettlebell lifting: origin and development]. *Aktual'nye problemy sovremennoy nauki* [Actual problems of modern science] Proceedings of the 3d International Conference. Pt. 29. Samara. 30 – 2 October 2002. Samara: Samara State Technical University. pp. 40–41. (In Russian).
6. Shikunov, A.N. (2004) [The formation of kettlebell lifting in the system of professional training of specialists in physical culture]. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki fizicheskoy kul'tury v obrazovanii* [Actual Problems of Theory and Practice of Physical Culture in Education]. Proceedings of the International Conference. Kursk. 28–29 October 2004. Kursk: Kursk State University. pp. 126–129. (In Russian).
7. Babintseva, M.A. (2014) Analiz fizicheskoy podgotovlennosti studentov-girevikov i vliyaniye ee na rezul'tativnost' sorevnovatel'noy deyatel'nosti [Analysis of physical fitness of kettlebell lifters and its influence on the effectiveness of competitive activity]. *Molodoy uchenyy*. 18. pp. 61–65.
8. Polyanskiy, V.S. (2016) *Rabochaya programma uchebnoy distsipliny "Girevoy sport" po napravleniyu podgotovki 44.03.05 "Pedagogicheskoe obrazovanie"* [The working program of the discipline "Kettlebell lifting" in the direction of preparation 44.03.05 "Pedagogical education"]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
9. Polyanskiy, V.S. (2016) *Rabochaya programma uchebnoy distsipliny "Sportivnoe sovershenstvovanie po izbrannomu vidu sporta" po napravleniyu podgotovki 44.03.05 "Pedagogicheskoe obrazovanie"* [The working program of the discipline "Sports improvement in a chosen sport" in the direction of preparation 44.03.05 "Pedagogical education"]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
10. Peshkov, V.F. (2016) *Rabochaya programma uchebnoy distsipliny "Teoriya i metodika vosstanovitel'no-profilakticheskikh sredstv" po napravleniyu podgotovki 44.03.05 "Pedagogicheskoe obrazovanie"* [The working program of the discipline "Theory and methodology of restorative and preventive means" in the direction of preparation 44.03.05 "Pedagogical education"]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
11. Peshkov, V.F. (2016) *Rabochaya programma uchebnoy distsipliny "Sredstva vosstanovleniya v sporte" po napravleniyu podgotovki 44.03.05 "Pedagogicheskoe obrazovanie"* [The working program of the discipline "Rehabilitation means in sports" in the direction of preparation 44.03.05 "Pedagogical education"]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
12. Pilipko, V.F., Klimenko, A.I. & Trubitsyna, O.V. (2012) Adaptatsionnye proyavleniya u sportsmenov-girevikov pri razvitii fizicheskikh kachestv sily i vynoslivosti [Adaptive manifestations in athletes-kettlebell lifters during the development of physical qualities of strength and endurance]. In: Ermakov, S.S. (ed.) *Fizicheskoe vospitanie studentov tvorcheskikh spetsial'nostey* [Physical Education of Students of Creative Specialties]. Vol. 7. Kharkiv: Kharkiv State Academy of Design and Arts. pp. 14–18.
13. Polyanskiy, V.S. & Revyakin, Yu.T. (2010) [Ways of developing special endurance in kettlebell lifting]. *Sovremennye pedagogicheskie i informatsionnye tekhnologii v fizicheskoy kul'ture i sporte* [Modern Pedagogical and Information Technologies in Physical Culture and Sports]. Proceedings of the III All-Russian conference. Pt. 2. Tomsk. 26–28 April 2010. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 109–112. (In Russian).
14. Dyagilev, A.V. & Kulikov, N.V. (2003) Dosing of loading at the preparation stage of training and its influence on the contest result in the weight-lifting sport. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 3. pp. 78–82. (In Russian).
15. Litvinovich, S.M., Flerko, A.N. & Telesh, V.E. (2004) [Modern methods of training the muscles of the hands and forearms in kettlebell lifting]. *Nauchnoe obosnovanie fizicheskogo vospitaniya, sportivnoy trenirovki i podgotovki kadrov po fizicheskoy kul'ture i sportu* [Scientific substantiation of physical education, sports training and training in physical culture and sports]. Proceedings of the 7th International Session of Belarusian

State University of Physical Culture and Scientific Research Institute of Physical Culture and Sports of the Republic of Belarus based on the results of scientific research work of 2003. Minsk: Belarusian State University of Physical Culture. pp. 89–90. (In Russian).

16. Peshkov, V.F. (2017) The substantiation of the restorative and preventive training in the structure of sports training. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 1 (178). pp. 136–142. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2017-1-136-142
17. Kim, V.V. (1991) *Mekhanicheskie nagruzki (uskoreniya) v sportivnykh uprazhneniyakh: kontrol', preduprezhdenie travmatizma, povyshenie tolerantnosti* [Mechanical loads (acceleration) in sports exercises: control, injury prevention, increased tolerance]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Moscow.
18. Lobzin, V.S. & Reshetnikov, M.M. (1986) *Autogennaya trenirovka: spravocnoe posobie dlya vrachey* [Autogenic Training: A Reference Guide for Physicians]. Leningrad: Meditsina.

Received: 04 August 2021

Е.А. Шагарова, И.Ю. Горская

ИНФОРМАТИВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ МОНИТОРИНГА ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ ЛЫЖНИЦ-ГОНЩИЦ

Разработано содержание мониторинга функционального состояния лыжниц-гонщиц высокой квалификации. Для определения информативных показателей проведен корреляционный анализ, направленный на выявление связей показателей функционального состояния с общей и специальной физической подготовленностью и соревновательной результативностью лыжниц-гонщиц. Показатели функционального состояния спортсменок, тесно коррелирующие с параметрами спортивной результативности, определены в качестве наиболее информативных и вошли в содержание мониторинга функционального состояния высококвалифицированных лыжниц-гонщиц.

Ключевые слова: лыжные гонки; функциональное состояние; мониторинг; корреляционный анализ; физическая подготовка.

Введение

В лыжных гонках сложилась ситуация, когда для контроля подготовленности лыжниц-гонщиц недостаточно только «прикидочных» или контрольных стартов, тренеру необходима комплексная оценка готовности спортсменки, как физической подготовленности, так и по показателям функционального состояния. Проблема влияния различных физических нагрузок на изменение параметров специальной и общей подготовленности лыжниц-гонщиц на современном этапе является недостаточно изученной, но актуальной [1–4]. Мониторинг функционального состояния позволяет объективно оценивать уровень подготовленности лыжниц-гонщиц и своевременно вносить коррективы в тренировочный процесс и график соревновательной деятельности. При некорректном построении тренировочного процесса нагрузки могут приводить к развитию перенапряжения, хронического утомления, переутомления, что вызывает снижение работоспособности, иммунитета и при длительном воздействии способствует срыву адаптации. Чтобы не допустить этого, необходимо ориентироваться на индивидуальные особенности спортсмена при выборе мощности, длительности и направленности физической нагрузки [5–9].

При подготовке высококвалифицированных лыжниц-гонщиц необходим дифференцированный подход к объему, темпу выполнения упражнений. Поэтому оперативный мониторинг функционального состояния высококвалифицированных лыжниц-гонщиц является важнейшим механизмом педагогического контроля. Эффективное управление тренировочным процессом должно основываться на принципе обратной связи, элементами которой выступают различные педагогические тесты и функциональные пробы [10–12]. Выявление объективно существующих факторов, влияющих на результативность соревновательной деятельности лыжниц-гонщиц, позволит рационально распределить тренировочные воздействия во временном интервале годичной подготовки. При этом стоит отметить, что система мониторинга уровня физической и функциональной подготовленности спортсменок и организация тренировочного процесса по этапам и периодам подготовки разработаны недостаточ-

но. В последние годы ученые многих стран проделали большую работу по определению физиологического воздействия тех или иных методов тренировки на организм спортсмена [13–19]. Однако, несмотря на широкое внедрение многочисленных аппаратных методик мобильной диагностики состояния спортсмена, остается открытым вопрос подбора наиболее информативных показателей функционального состояния, а также дальнейшего использования полученных сведений для планирования и коррекции тренировочного процесса.

Проведенный анализ научной литературы показал противоречивый характер рекомендаций по мониторингу физической и функциональной подготовленности квалифицированных лыжниц-гонщиц. Отдельные авторы считают, что основным компонентом формирования высокой производительности соревновательной функциональной системы лыжника является соревновательный режим бега, от объема которого на предсоревновательном этапе зависит реализационная эффективность спортсмена как главное слагаемое спортивного результата. При этом корреляционные связи спортивного результата лыжников экстра-класса с показателями силы, скоростно-силовых способностей, аэробной и анаэробной мощности и экономичности приближаются к нулю [20].

П.А. Малеев и К.К. Марков рассмотрели влияние силовой выносливости на спортивный результат лыжников, специализирующихся в дистанционных дисциплинах. Проведенный корреляционный анализ между показателями силовой выносливости (подтягивание в висе на перекладине, сгибание-разгибание рук из упора лежа, приседания на одной ноге, сгибание-разгибание рук на брусьях, поднимание-опускание туловища из и.п. лежа, подъем переворотом) и соревновательной результативностью в дистанционных гонках показал, что имеются тесные связи между исследуемыми характеристиками ($r = 0,63–0,81$) [21].

Н.С. Загурский, О.А. Усатова, проведя корреляционный анализ, выявили, что передвижение на лыжероллерах и работа на силовом тренажере Concept являются основными средствами подготовки у лыжниц-спринтеров, отражающими специфику соревновательной деятельности и имеющих наиболее высокие

корреляционные связи со спортивным результатом. Сильные корреляционные связи выявлены в показателях максимального потребления кислорода (МПК) и порога анаэробного обмена (ПАНО) ($r = -0,74$ и $r = -0,79$ соответственно), максимальной скорости передвижения в ступенчатом тесте на лыжероллерах ($r = 0,85$) и скорости передвижения на уровне ПАНО на лыжероллерах ($r = 0,82$). Высокую связь со спортивным результатом авторы выявили в тесте с использованием спортивного тренажера Concept (r от $-0,70$ до $-0,75$). Но в тестах по общей физической подготовке (прыжок в длину с места, десятерный прыжок, отжимания в упоре на брусьях, подъем туловища на наклонной доске) корреляционные связи ниже среднего ($r = 0,44-0,59$) [22].

Ученые Норвежского университета науки и технологий провели исследование по определению физиологических детерминантов спринтерской и стайерской результативности у элитных лыжников [23]. Они отмечают, что ни одно исследование до настоящего времени не показало, какие физиологические возможности определяют уровни результативности на спринтерских и стайерских дистанциях у элитных лыжников. В своем исследовании они соотнесли физиологические лабораторные показатели с уровнем результативности на спринтерских и стайерских дистанциях лыжных гонок с помощью рейтинговых очков международной лыжной федерации (FIS-очков). Результаты показывают, что пиковая мощность для верхних и нижних конечностей коррелирует с результатами в спринте ($r = 0,68$ и $-0,47$), но не с результатами на стайерских дистанциях. МПК коррелирует с результатами на стайерских дистанциях ($r = -0,70$), но не в спринте. Не выявлено значимых корреляций между общей эффективностью и FIS-очками в спринте или на стайерских лыжных дистанциях. Уровень результативности на стайерских дистанциях коррелирует с уровнем лактата в крови и респираторного коэффициента на субмаксимальных скоростях ($r = 0,73$). Антропометрические показатели не коррелируют с уровнем результативности в спринте и на стайерских дистанциях. [23, 24].

Несмотря на значительное количество научно-исследовательских работ, направленных на изучение особенностей подготовки высококвалифицированных лыжниц-гонщиц, проблема обновления и конкретизации имеющихся в литературе данных в связи с требованиями интенсивно меняющейся практики лыжных гонок требует проведения углубленных исследований в этом направлении, включая уточнение содержания мониторинга функционального состояния лыжниц-гонщиц высокой квалификации. На более ранних этапах развития лыжных гонок определяющим фактором результативности спортсмена являлась общая и скоростно-силовая выносливость. В настоящее время наблюдается тенденция к универсализации подготовки в лыжных гонках в связи с расширением участия спортсменов в гонках на разные дистанции. В исследованиях выявлено, что система подготовки российских лыжниц-гонщиц высокой квалификации нуждается в изменении подхода к силовой, скоростно-силовой и аэробной работе

мышц плечевого пояса, которые на современном этапе развития данного вида спорта являются лимитирующим фактором для достижения высоких спортивных результатов [25]. Увеличение аэробных возможностей мышц плечевого пояса и мышц туловища может быть основным потенциалом для дальнейшего увеличения аэробной работоспособности лыжниц-гонщиц. В этой связи пересмотр средств контроля функционального состояния спортсмена в лыжных гонках является важной задачей в научном и научно-методическом сопровождении подготовки лыжниц-гонщиц.

Таким образом, анализ специальной научной литературы по исследуемой теме показал, что проблема совершенствования медико-биологического и педагогического контроля высококвалифицированных лыжниц-гонщиц с использованием мониторинга функционального состояния требует уточнения и дополнения с учетом современных реалий подготовки в лыжных гонках.

Цель работы – разработать содержание мониторинга функционального состояния лыжниц-гонщиц высокой квалификации на основе выявления информативных показателей, определяющих спортивную результативность.

Методы и организация исследования

В исследовании были использованы такие методы, как теоретический анализ и обобщение научно-методической литературы, анализ документальных материалов, педагогическое наблюдение, контрольные испытания, биомеханический метод исследования, медико-биологические методы, статистическая обработка. Научная работа проведена на базе кафедры естественно-научных дисциплин Сибирского государственного университета физической культуры и спорта (Омск) и государственного автономного учреждения Тюменской области «Центр спортивной подготовки и проведения спортивных мероприятий» с участием 20 высококвалифицированных лыжниц-гонщиц, состоящих в сборной Тюменской области (уровень квалификации – мастера спорта, кандидаты в мастера спорта).

В ходе педагогического наблюдения проводился анализ электронных дневников ежедневных тренировок с использованием программы Polar Flow с целью контроля интенсивности (ЧСС, уд/мин), объема (км, часы выполненной работы ациклического и циклического характера) задаваемой нагрузки в микроцикле, мезоцикле и макроцикле. Для измерения двигательных возможностей лыжниц-гонщиц применялся биомеханический анализ техники лыжниц-гонщиц высокой квалификации с помощью датчика Racefox (WeMeMove) и мобильного приложения для Android. Данный прибор представляет собой нагрудный датчик, в который встроен акселерометр. При тестировании спортсменок при передвижении на лыжероллерах, используя технику «даблполинг» (doublepoling – одновременный бесшажный классический ход, применяется в гонках классическим и свободным стилем, а также в тренировках для повышения специаль-

ной силовой подготовленности) в 8-минутном тесте, анализировались следующие характеристики: ускорение корпуса до постановки палок, м/с² (Attack), ускорение корпуса во время основного отталкивания, м/с² (CorePower), частота отталкиваний в минуту, количество отталкиваний в минуту (Frequency), коэффициент стабильности отталкиваний, усл. ед (Consistency).

Для оценки дыхательной системы определяли жизненную емкость легких (ЖЕЛ), используя портативный спирометр MicroLoop (CareFusion), для оценки скоростно-силовых качеств был использован тест на определение максимальной алактатной мощности (МAM) мышц плечевого пояса, для оценки функционального состояния и реакции сердечно-сосудистой системы (ССС) лыжниц-гонщиц использовались методы определения ПАНО с помощью теста с повышающейся нагрузкой на ручном эргометре SkiERG (Concept 2) с взятием пробы крови на определение уровня лактата и теста Конкони на лыжероллерах, а для оценки частоты сердечных сокращений (ЧСС) использовались мониторы сердечного ритма Polar V800 и M400.

Мониторинг функционального состояния осуществлялся в начале (май) и в конце (сентябрь) подготовительного периода высококвалифицированных лыжниц-гонщиц. Для оценки функционального состояния анализировалось два блока показателей – морфофункциональные показатели и показатели физической подготовленности. В исследовании был использован критерий корреляции Пирсона для определения тесноты корреляционной связи между показателями общей и специальной физической подготовленности, морфофункциональными показателями и результативностью в спортивном сезоне у лыжниц-гонщиц высокой квалификации. В ходе исследования анализировались только статистически достоверные связи, критическое значение коэффициента корреляции не ниже 0,500 (–0,500). Расчет производился в программе SPSS Statistics 17.0.

Результаты исследования и их обсуждение

В нашем исследовании для определения информативных показателей функционального состояния был проведен корреляционный анализ, направленный на выявление связей с показателями спортивной результативности лыжниц-гонщиц. Оценка функционального состояния проводилась по морфофункциональным показателям и показателям физической подготовленности. Морфофункциональные показатели включали в себя антропометрические индексы, ЖЕЛ, оценку силы мышц спины, определение ПАНО (с использованием теста Конкони и ступенчатого теста на тренажере Concept 2 с взятием крови на определение уровня лактата), а также определение мощности плечевого пояса (с использованием тренажера Concept 2). Показатели физической подготовленности составили сгибание-разгибание рук в упоре лежа, поднимание-опускание туловища, бег на дистанции 100 м и 5 км, прыжок в длину с места, бег на лыжероллерах на дистанции 15 км свободным стилем и 1,4 км классическим стилем, 8-минутный тест с использованием датчика Racefox и техники «даблполинг».

Для оценки соревновательной результативности учитывались результаты соревновательных гонок на лыжероллерах на дистанциях 15 км свободным стилем и 1,4 км классическим стилем, а также лыжных гонок на дистанциях спринта, 5 км, 10 км классическим и свободным стилем в спортивном сезоне 2016/2017. Были выбраны результаты спортивных соревнований, в которых лыжницы-гонщицы должны были показать наивысший результат, согласно перспективному индивидуальному плану. В ходе исследования выявлено значительное количество корреляционных связей показателей времени прохождения соревновательной дистанции с параметрами общей, специальной физической подготовленности и функциональным состоянием (таблица).

Корреляция результатов соревновательной деятельности с показателями физической подготовленности и морфофункциональными показателями

Показатели	Лыжная гонка (л/г)					Гонка на лыжероллерах (л/р)	
	Классический стиль (к/с)			Свободный стиль (с/с)			
	Спринт	5 км	10 км	3,3 км	10 км	с/с 15 км	к/с 1,4 км
Поднимание-опускание туловища	–0,599	–0,516	–0,750		–0,727	–0,700	–0,599
Сгибание-разгибание рук в упоре лежа	–0,687	–0,637		–0,720	–0,852		
Прыжок в длину с места				–0,747			
Бег 100 м							0,586
МAM			–0,900	– 0,902	–0,900		
ПАНО		– 0,710		– 0,902	– 0,788		
ЖЕЛ, мл	–0,810		–0,757				
Индекс процентного отношения мышечной силы к массе				–0,666	–0,747		
Индекс процентного отношения становой силы к массе			–0,676	–0,712	–0,857		
Индекс Кетле, г/см						0,603	
Индекс Брока, %						0,721	
Индекс Эрисмана						0,882	
Л/г (к/с) 5 км	0,760		0,922	0,909		0,739	0,760
Л/г (с/с) (спринт)	0,737	0,760			0,602		
Л/г (к/с) (спринт)				0,882			
Л/г (с/с) 10 км	0,798		0,859			0,671	0,631
Л/г (к/с) 10 км		0,922			0,859	0,798	0,798

Показатели	Лыжная гонка (л/г)					Гонка на лыжероллерах	
	Классический стиль (к/с)			Свободный стиль (с/с)		(л/р)	
	Спринт	5 км	10 км	3,3 км	10 км	с/с 15 км	к/с 1,4 км
Л/г (с/с) 3,3 км	0,882	0,909				0,732	0,737
Л/р (к/с) 1,4 км		0,760	0,798	0,737	0,631		
Л/р (с/с) 15 км		0,739	0,798	0,732	0,671		0,705
Ускорение корпуса во время основного отталкивания руками (датчик Racefox)	0,803	0,700	0,680	0,720			0,790
Ускорение корпуса до постановки палок (датчик Racefox)	0,851	0,765	0,665	0,751			0,705

Результаты в спринте и дистанционных гонках коррелируют с результатами МАМ плечевого пояса ($r = -0,902$ и $-0,900$). Выявлены значимые корреляционные связи между стайерскими лыжными дистанциями и морфофункциональными показателями лыжниц-гонщиц: индексы Кетле, Брока, Эрисмана, ПАНО ($r = 0,603$; $r = 0,721$; $r = 0,882$; $r = -0,902$). Уровень результативности на спринтерских дистанциях коррелирует с подниманием-опусканием туловища и сгибанием-разгибанием рук в упоре лежа ($r = -0,599$; $r = -0,687$). Наблюдаются тесные корреляционные связи между результатами в лыжных гонках классическим, свободным стилями на различных дистанциях и показателями в тесте на лыжероллерах с использованием датчика Racefox (ускорение корпуса во время основного отталкивания руками и с ускорение корпуса до постановки палок), значения корреляции от 0,665 до 0,851.

Корреляционный анализ позволил определить «слабые» места в подготовленности спортсменов, а также обозначить лимитирующие факторы достижение соревновательного результата. Основываясь на полученных данных, можно сказать, что спортивный результат спортсменов на современном этапе зависит от силовой подготовленности, мощности плечевого пояса, уровня аэробной выносливости, скоростных и скоростно-силовых способностей лыжниц-гонщиц. Следовательно, взрывная сила, измеренная максимальная алактатная мощность плечевого пояса и порог анаэробного обмена связаны как с результативностью в спринте, так и с результативностью в дистанционных гонках.

Полученные данные использованы для разработки содержания мониторинга физической подготовленности и функционального состояния высококвалифицированных лыжниц-гонщиц, т.е. показатели, в которых выявлены тесные корреляционные связи с соревновательной результативностью, отнесены к наиболее информативным.

В связи с тем, что общая и специальная подготовленность формируется в течение всего годичного цикла спортивной подготовки, контроль изменения количественных показателей воздействия физических нагрузок на состояние спортсменов необходимо осуществлять в рамках текущих обследований – после каждого микроцикла, и этапных обследований – три раза в сезон (май, июль, сентябрь). Предлагаем включить три среза для этапного контроля с использованием информативных тестов физического и функционального состояния лыжниц-гонщиц в начале подготовительного периода в мае (исследовать исходный уровень подготовленности лыжниц-гонщиц), июле (середина подготовительного периода) и сентябре

(окончание подготовительного периода). Для эффективного управления подготовкой высококвалифицированных лыжниц-гонщиц были определены сроки текущего и этапного контроля и их содержание.

Текущий контроль осуществляется тренером (при возможности тренером совместно с научной группой) с использованием системы Polar Flow. После каждого микроцикла выявляются динамика нагрузки, объем циклической и ациклической работы, интенсивность нагрузки, а также развитие техники и уровень подготовленности лыжниц-гонщиц. Также рекомендуется анализировать данные ЧСС во время тренировочного процесса с использованием мониторов сердечного ритма, а также проводить мониторинг тренировочной нагрузки (объем, интенсивность, продолжительность нагрузки) после каждого микроцикла для оптимизации тренировочного процесса с использованием программы Polar Flow.

Этапный контроль проводится в начале подготовительного периода (май), в середине подготовительного периода (июль) и в конце подготовительного периода (сентябрь). На данных этапах следует регистрировать наиболее информативные морфофункциональные и физические показатели, которые были выделены в исследовании для этапного контроля: антропометрические индексы (индексы Кетле, Брока и Эрисмана и индекс процентного отношения становой силы к массе, индекс процентного отношения мышечной силы к массе), ПАНО, МАМ, становую динамометрию, бег 100 м, сгибание-разгибание рук, поднимание-опускание туловища, прыжок в длину с места, бег на 5 км, гонка на лыжероллерах на дистанции 15 км и 1,4 км, тест с использованием датчика Racefox.

В текущий контроль включено педагогическое наблюдение за электронными дневниками тренировок в программе Polar Flow однократно после каждого микроцикла.

Применение разработанного содержания мониторинга должно являться неотъемлемой частью подготовки высококвалифицированных лыжниц-гонщиц, так как он необходим для оптимизации тренировочного процесса и соревновательной деятельности на основе учета различных сторон подготовленности и функционального состояния лыжниц-гонщиц, индивидуализации и коррекции процесса подготовки.

Заключение

Проведенное исследование позволило разработать содержание мониторинга функционального состояния лыжниц-гонщиц высокой квалификации на основе выявления информативных показателей, определяющих

щих спортивную результативность. Определены факторы функционального состояния спортсменов, способствующие достижению наилучшего результата в лыжных гонках, а также факторы, лимитирующие результат. К таким факторам были отнесены показатели морфофункционального состояния и физической подготовленности, наиболее тесно коррелирующие с показателями спортивного результата лыжниц-гонщиц. Среди морфофункциональных показателей к таким факторам относятся: ПАНО; МАМ плечевого пояса; станова́я динамометрия; индекс процентного отношения становой силы к массе, индекс процентного отношения мышечной силы к массе, индексы Кетле, Брока и Эрисмана, ЖЕЛ. Из показателей физической подготовленности к таким факторам можно отнести результаты в тестах: сгибание-разгибание рук в упоре лежа; поднимание-опускание туловища; бег на 100 м; бег на лыжероллерах на дистанции 15 км и 1,4 км свободным и классическим стилем соответственно; 8-минутный тест на лыжероллерах с использованием датчика Casеfoх, – о чем свидетельствует наличие корреляций этих показателей с показателями спортивной результативности. Следовательно, прио-

ритет выявленных факторов должен быть основой при планировании содержания физической подготовки, коррекции нагрузок, прогнозе приростов показателей специальной подготовленности лыжниц-гонщиц. На основе выявленных наиболее информативных показателей, взаимосвязанных с уровнем спортивной результативности, обосновано содержание мониторинга функционального состояния лыжниц-гонщиц высокой квалификации.

Применение данного мониторинга позволит тренеру использовать наиболее информативные тесты для определения общей и специальной физической подготовленности лыжниц-гонщиц. Приоритет выявленных факторов должен быть основой при планировании содержания физической подготовки, коррекции нагрузок, прогнозе приростов показателей специальной подготовленности лыжниц-гонщиц. При реализации общей и специальной физической подготовки необходимо учитывать лимитирующие факторы, влияющие на результативность лыжниц-гонщиц (сосредоточить внимание на совершенствовании силовых, скоростно-силовых показателей, лыжероллерной подготовке).

ЛИТЕРАТУРА

1. Грушин А.А., Нагейкина С.В., Ростовцев В.Л. Упрощенные тесты по определению динамики изменения специальной и общефизической подготовленности спортсмена (на примере лыжных гонок) // Вестник спортивной науки. 2014. № 4. С. 3–7.
2. Rundell K.W. Treadmill roller ski test predicts biathlon roller ski race results of elite U.S. biathlon women // *Medicine and Science in Sports and Exercise*. 1995. Vol. 27. P. 1677–1685.
3. Будагаев Д.С., Лебеденский В.Ю. Управление тренировочным процессом лыжников-гонщиков с использованием аппаратуры OMEGAWAVE // Вестник ИрГТУ. 2011. № 12. С. 362–365.
4. Сивохов В.Л., Сивохова Е.Л., Миролевич Д.В. Современное медико-биологическое обеспечение занимающихся физической культурой и спортом. Иркутск : Центр медико-биологических исследований ИрГТУ, 2010. 164 с.
5. Лебеденский В.Ю. Мониторинг здоровья субъектов образовательного процесса в вузах «Паспорт здоровья» / под общ. ред. В.Ю. Лебеденского. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2008. 268 с.
6. Михайловский С.П. Взаимосвязь морфологических параметров лыжников-гонщиков со спортивным результатом в спринте // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. СПб., 2009. Вып. 8 (54). С. 89–93.
7. Бухарин В.А., Торшин Г.С., Улицкая Т.И., Куликов В.С., Афанасьева И.А., Ветош А.Н., Ткачук М.Г. Способы мониторинга и коррекции функционального состояния и работоспособности спортсменов в период тренировочной и соревновательной деятельности // Теория и практика физической культуры. 2016. № 10. С. 68–71.
8. Бондин В.И., Жаброва Т.А. Адаптационные изменения кардиореспираторной системы у студентов под влиянием занятий физической культурой в различных условиях современной окружающей среды // Теория и практика физической культуры. 2016. № 12. С. 52–54.
9. Пономарев А.Е., Пономарева И.А. Актуальные проблемы мониторинга функционального состояния занимающихся физической культурой и спортом // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. 2019. Вып. 5. С. 40–47.
10. Кабанов А.А., Башкин В.М. Педагогическая диагностика как метод управления тренировочным процессом спортсменов // Теория и практика физической культуры. 2016. № 3. С. 78–82.
11. Хомяков Г.К. Индекс эффективности кровообращения как метод контроля оптимизации физической нагрузки // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2017. № 5 (147). С. 182–184.
12. Намозова С.Ш., Хуббеев Ш.З., Минвалеев Р.С., Шадрин Л.В. Мониторинг функционального состояния членов сборных команд в системе педагогического управления студенческим спортом : отбор значимых критериев // Теория и практика физической культуры. 2016. № 4. С. 20–22.
13. Матвеев Л.П. Общая теория спорта и ее прикладные аспекты. 4-е изд., испр. и доп. СПб. : Лань, 2005. 384 с.
14. Платонов В.Н. Спорт высших достижений и подготовка национальных команд к Олимпийским играм. Отечественный и зарубежный опыт. История и современность. М. : Сов. спорт, 2010. 310 с.
15. Искуриин В.Б. Блоковая периодизация спортивной тренировки. М. : Сов. спорт, 2010. 288 с.
16. Зациорский В.М. Физические качества спортсмена. М. : Физическая культура и спорт, 2010. 220 с.
17. Огольцов И.Г. Тренировка лыжника-гонщика. М. : ФИС, 2011. 189 с.
18. Озолин Н.Г. Современная система спортивной тренировки : монография : стер. изд. М. : Альянс, 2017. 480 с. : ил.
19. Иорданская Ф.А. и др. Мониторинг функциональной подготовленности высококвалифицированных спортсменов и совершенствование программного обеспечения в процессе тренировочных мероприятий // Вестник спортивной науки. 2018. № 5. С. 37–44.
20. Мякинченко Е.Б., Крючков А.С., Волков М.В., Храмов Н.А. «Секреты» норвежских лыжников // Теория и практика физической культуры. 2017. № 1. С. 78–82.
21. Малеев П.А., Марков К.К. Значение силовой выносливости в структуре физической подготовленности лыжников-дистанционщиков // Совершенствование профессиональной и физической подготовки курсантов, слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и празднованию 20-летия образования кафедры физической подготовки. Иркутск : Восточно-Сибирский ин-т Мин-ва внутренних дел РФ, 2015. С. 402–405.
22. Загурский Н.С., Усатова О.А. Информативность тестов этапного контроля за подготовленностью лыжниц-спринтеров в подготовительном периоде // Научные труды Сибирского государственного университета физической культуры и спорта. 2017. Т. 20, № 1. С. 18–21.
23. Sandbakk O., Grasaas C.A., Grasaas E., et al. Physiological determinants of sprint and distance performance level in elite cross-country skiers // 6 International Congress on Science and Skiing. Austria : St. Christoph a. Arlberg, 2013. P. 93.

24. Шагарова Е.А., Корягина Ю.В., Шмидт А.В. Актуальные проблемы подготовки в лыжных гонках за рубежом // Современные проблемы науки и образования. 2016. URL: <https://www.science-education.ru/article/view?id=25407> (дата обращения: 11.02.2021).
25. Реуцкая Е.А., Загурский Н.С., Романова Я.С. Исследование функциональных возможностей мышц плечевого пояса лыжниц-гонщиц // Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции тренеров по лыжным гонкам «Актуальные вопросы подготовки лыжников-гонщиков высокой квалификации», 25–28 апреля 2017 г., г. Смоленск. Смоленск : СГАФКСТ, 2017. С. 209–213.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 16 марта 2021 г.

Informative Indicators of Monitoring the Functional State of Highly Qualified Female Cross-Country Skiers

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 81–87.

DOI: 10.17223/15617793/467/10

Elena A. Shagárova, Siberian State University of Physical Culture and Sports (Omsk, Russian Federation). E-mail: shef_le@mail.ru
Inessa Yu. Gorskaya, Siberian State University of Physical Culture and Sports (Omsk, Russian Federation). E-mail: gorskaya.inessa@gmail.com

Keywords: cross-country skiing; functional state; monitoring; correlation analysis; physical fitness.

This article briefly describes the informative indicators of monitoring of the functional state of highly qualified female ski racers. The research made it possible to determine the most informative indicators, which revealed close correlations with competitive performance. The content of monitoring of the physical fitness and functional state of highly qualified female ski racers was developed. The correlation analysis revealed close links between the competitive performance of female skiers and their physical and functional fitness in the following indicators: (1) results in sprint and distance races correlate with the results of the maximum alactate power of the shoulder girdle; (2) results at stayer and sprint distances have a close relationship with the threshold of anaerobic metabolism; (3) results in stayer ski distances correlate with results of the morphological indicators of female skiers: Quetelet, Brock, and Erisman indices, and the index of the percentage ratio of standing strength to mass, the index of the percentage ratio of muscle strength to mass; (4) the level of performance at sprint distances correlates with the lifting–lowering of the body and flexion–extension of arms in the prone position; (5) performance at sprint distances correlates with lung capacity, lifting–lowering of the trunk, running at 100 m, flexion–extension of arms in the prone position. Thus, on the basis of the data of the correlation analysis between female racers’ competitive performance and their physical and functional readiness, factors limiting the performance of female racers of high qualifications were identified, and the most informative indicators that should be included in the monitoring program were determined. Based on the test results, it can be argued that the factors limiting the performance of female racers are: (1) in functional capabilities: indicators of the level of aerobic endurance, speed-and-power and strength qualities (reduced values of test results in comparison with female skiers leading in tests: anaerobic metabolism threshold, maximum alactate power of the shoulder girdle, back dynamometry); (2) in physical fitness: indicators of speed-and-power and strength readiness (as evidenced by the reduced values of test results in comparison with female skiers leading in tests: flexion–extension of arms in the prone position, lifting–lowering of the body, acceleration of the body during the main push-off with hands, acceleration of the body before setting the poles).

REFERENCES

1. Grushin, A.A., Nageykina, S.V. & Rostovtsev, V.L. (2014) Simplified tests for determination of special and general fitness changes in athletes (ski cross). *Vestnik sportivnoy nauki*. 4. pp. 3–7. (In Russian).
2. Rundell, K.W. (1995) Treadmill roller ski test predicts biathlon roller ski race results of elite U.S. biathlon women. *Medicine and Science in Sports and Exercise*. 27. pp. 1677–1685.
3. Budagaev, D.S. & Lebedenskiy, V.Yu. (2011) Control of the racing skiers training process with the use of “Omegawave” equipment. *Vestnik IrGTU – Proceedings of Irkutsk State Technical University*. 12. pp. 362–365. (In Russian).
4. Sivokhov, V.L., Sivokhova, E.L. & Mirolevich, D.V. (2010) *Sovremennoe mediko-biologicheskoe obespechenie zanimayushchikhsya fizicheskoy kul'turoy i sportom* [Modern Medical and Biological Support for Those Who Go in for Physical Culture and Sports]. Irkutsk: Irkutsk State Technical University.
5. Lebedinskiy, V.Yu. (2008) *Monitoring zdorov'ya sub'ektiv obrazovatel'nogo protsessa v vuzakh "Pasport zdorov'ya"* [Monitoring the health of subjects of the educational process in universities “Passport of health”]. Irkutsk: Irkutsk State Technical University.
6. Mikhaylovskiy, S.P. (2009) Interconnection of morphological parameters of skiers-racers with sport results in sprint. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 8 (54). pp. 89–93. (In Russian).
7. Bukharin, V.A. et al. (2016) Athletes’ performance and working capacity monitoring and correction methods in training and competitive processe. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 10. pp. 68–71. (In Russian).
8. Bondin, V.I. & Zhabrova, T.A. (2016) Students’ cardiorespiratory system adaptive capability variation tests in different physical training environments. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 12. pp. 52–54. (In Russian).
9. Ponomarev, A.E. & Ponomareva, I.A. (2019) Actual problems of monitoring of functional state engaged in physical activity and sports. *Izvestiya TulGU. Fizicheskaya kul'tura. Sport*. 5. pp. 40–47. (In Russian).
10. Kabanov, A.A. & Bashkin, V.M. (2016) Pedagogical diagnostics for athletes’ training process management. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 3. pp. 78–82. (In Russian).
11. Khomyakov, G.K. (2017) Index of efficiency of blood circulation as a method of control for optimization of physical load. *Uchenye zapiski universiteta im. Lesgafta*. 5(147). pp. 182–184. (In Russian).
12. Namozova, S.Sh. et al. (2016) Monitoring of functional state of national teams’ members in university sport pedagogical management system: selection of relevant criteria. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 4. pp. 20–22. (In Russian).
13. Matveev, L.P. (2005) *Obshchaya teoriya sporta i ee prikladnye aspekty* [General theory of sports and its applied aspects]. 4th ed. Saint Petersburg: “Lan”.
14. Platonov, V.N. (2010) *Sport vysshikh dostizheniy i podgotovka natsional'nykh komand k Olimpiyskim igram. Otechestvennyy i zarubezhnyy opyt. Istoriya i sovremennost'* [Elite sport and preparation of national teams for the Olympic Games. Domestic and foreign experience. History and the present]. Moscow: Sov. sport.
15. Issurin, V.B. (2010) *Blokovaya periodizatsiya sportivnoy trenirovki* [Block periodization of sports training]. Moscow: Sov. sport.
16. Zatsiorskiy, V.M. (2010) *Fizicheskie kachestva sportsmen* [The Physical Qualities of the Athlete]. Moscow: Fizicheskaya kul'tura i sport.
17. Ogol'tsov, I.G. (2011) *Trenirovka lyzhnika-gonshchika* [Training of a Ski Racer]. Moscow: FIS.
18. Ozolin, N.G. (2017) *Sovremennaya sistema sportivnoy trenirovki* [The Modern System of Sports Training]. Moscow: Al'yanS.
19. Iordanskaya, F.A. et al. (2018) Monitoring of functional fitness of elite athletes and improvement of the programs in the process of training activity. *Vestnik sportivnoy nauki – Sports Science Bulletin*. 5. pp. 37–44. (In Russian).

20. Myakinchenko, E.B. et al. (2017) "Secrets" of Norwegian cross-country skiers. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 1. pp. 78–82. (In Russian).
21. Maleev, P.A. & Markov, K. (2015) [The value of strength endurance in the structure of physical fitness of distance skiers]. *Sovershenstvovanie professional'noy i fizicheskoy podgotovki kursantov, slushateley obrazovatel'nykh organizatsiy i sotrudnikov silovykh vedomstv* [Improvement of professional and physical training of cadets, students of educational organizations and employees of law enforcement agencies]. Proceedings of the XVII International Conference dedicated to the 70th Anniversary of the 1941–1945 Great Patriotic War Victory and celebration of the 20th anniversary of the formation of the Department of Physical Training. Irkutsk. 11–10 June 2010. Irkutsk: East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 402–405. (In Russian).
22. Zagurskiy, N.S. & Usatova, O.A. (2017) The information content of the test step control for preparation of skiers-sprinters in the preparatory period. *Nauchnye trudy Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta fizicheskoy kul'tury i sporta (Omsk)*. 1 (20). pp. 18–21. (In Russian).
23. Sandbakk, O. et al. (2013) *Physiological determinants of sprint and distance performance level in elite cross-country skiers*. Proceedings of the 6th International Congress on Science and Skiing. St. Christoph am Arlberg. 14–19 December 2013. Salzburg: The University of Salzburg.
24. Shagarova, E.A., Koryagina, Yu.V. & Shmidt, A.V. (2016) Current problems of training in ski racing abroad. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. [Online] Available from: <https://www.science-education.ru/article/view?id=25407>. (Accessed: 11.02.2021). (In Russian).
25. Reutskaya, E.A., Zagurskiy, N.S. & Romanova, Ya.S. (2017) [Investigation of the functional capabilities of the muscles of the shoulder girdle of female racers]. *Aktual'nye voprosy podgotovki lyzhnikov-gonshchikov vysokoy kvalifikatsii* [Topical Issues of Training Highly Qualified Skiers-Racers]. Proceedings of the IV All-Russian Conference of Ski Coaches. Smolensk. 25–28 April 2017. Smolensk: SGAFKST. pp. 209–213. (In Russian).

Received: 16 March 2021

O.V. Tsiguleva, S.I. Pozdeeva

HUMAN CAPITAL HUMANITARIANIZATION IN THE CONTEXT OF AN ANTHROPOLOGICAL APPROACH TO EDUCATION

The essence of the concept “human capital” is analyzed in the context of an anthropological approach. It is emphasized that the humanization of human capital is manifested within the framework of pedagogical anthropology since the content of education is interpreted as the continuity and basic property of human existence, its reality, cognition of one’s own identity and destiny. The use of an anthropological approach in studies on human capital allows revealing the humanitarian content of human capital and its humanitarian characteristics.

Keywords: human capital; anthropological approach; pedagogical anthropology; education; humanization of human capital; humanitarian characteristics of human capital.

The human dimension, “humanity”, is analyzed as a special valence of the content and methods of different subjects’ activity. Humanity becomes an interdisciplinary object of numerous studies in the modern society [1]. It is quite obvious that such definitions as “human factor”, “human potential”, “human capital”, in which the key word is “human”, turn out to be an inexhaustible resource for the cultural and historical development of society and individuals.

Education and human capital are dialectically interconnected, since the time itself made these problems the main need of modern society. The transformations taking place in the education field make a person – as a carrier of human capital – a key figure. However, despite this fact, human capital is analyzed in terms of economic profit. The modern image of higher education focuses primarily on the needs of a post-industrial society, in which education becomes not a public value, but rather a market service characterized by various innovative transformations. The latter radically change the entire system of human relations with the world, greatly accelerate the pace of social development, and deepen the contradiction between the pace of social and individual development. The transition to an innovative development path is primarily associated with large-scale investments in human capital.

All this leads to a crisis of education, which is adopting a new system of information values and transforming into a crisis of human education. The inconsistency of modern education results with the set goals and current culture values, and the loss of spiritual and moral values are the primary source of crisis in education. This crisis leads to dehumanization of education and, consequently, of modern society the very carrier of these resources and capital – a person – falls out of the focus. The reproduction of human capital is reduced solely to the tools of the market economy in this case and thus reflects economic characteristics, leaving out the humanitarian content of the phenomenon of human capital. The anthropological meaning of the definition of human capital is ignored; the questions of how the capitalization of human qualities in terms of education differs from the formation of skills and knowledge, and what requirements are set by the anthropological approach to understanding the human are not raised. In other words, the system of education ceases

to be the main institution that forms proper human qualities, to define such integral anthropological characteristics as motivation, value system, and life strategies, and thus loses in competition to mass social practices and mass culture institutions.

The research aims to formulate the problem of human capital humanitarianization and its reinterpretation, and to highlight the humanitarian component as a key one in the context of pedagogical anthropology that reflects the human ability to search for their vocation through the prism of education. The theoretical and methodological basis of the research is the anthropological approach, which reveals the humanitarian characteristics and humanitarian content of human capital. In the latter, the basis is a person, and their cultural and historical development is the main component of education.

The modern conception of human capital is ambivalent. On the one hand, the realities of modern society in different spheres of life oblige us to recognize a person with their knowledge and potential as the main resource for the progressive development of society. On the other hand, with economic thought representatives that tend to positivism and pragmatism, there is a danger of dehumanization (alienation). Thus, the researcher V.V. Kraevsky [2] believes that human capital, as well as social, financial, and other types of capital, should be the object of socioeconomic sciences. Human research should be in the scope of pedagogy as a science.

Indeed, the original meaning of the definition of human capital as an economic category at the initial stage was limited to knowledge and a person’s ability to work. Later, G. Becker transfers the concept of human capital to the micro-level, assessing the economic efficiency of received education for individuals themselves. In modern society, human capital is analyzed in the context of the highly developed economy of national production and services since these segments cannot do without highly qualified and educated specialists, on whom the state’s competitiveness overwhelmingly depends. Production, transfer of knowledge (economy knowledge) and people with their intellectual potential come to the fore.

The American economist D. North notes that education should not be viewed exclusively in the context of economic research, that is, as material investments in the future. According to him, a significant part of this segment is aimed not only at investing in the development of a person and their

capital, but, in general, at investing in a person as a subject of moral and spiritual values, and cultural practices [3. P. 54]. The modern theory of human capital goes beyond economic thought, and more often the term human capital is considered not just as an economic category, but also takes into account non-economic components of a person. Therefore, human capital cannot return to the humanism stream within the purely economic approach.

The anthropological approach, representing the unity of science and worldview, contributes to returning human capital to the origins of humanism. This is completely impossible in the framework of economic research, despite the fact that human capital was initially the subject-matter of economics. In other words, it is impossible to solve the problem of human capital humanization outside the system of people's general ideas about the world around them and their place in it, of basic human values and beliefs.

The only source of all values and meanings of nature is a subject. A human, as a unique nature's creation possessing the highest cognitive ability, is aware that any event occurs for a cause and generates another event. Thanks to their human characteristics, qualities and properties, humans can not only comprehend these reasons, but also reach them as the ultimate goal of their human activity. Education provides for the formation of a person's agency as the ontological basis of all their subsequent personal acquisitions; this agency is the key element in human development. Therefore, the expression "person as a subject of education and of own life" is reflected in the conception of human capital. Consequently, today, the essence of the concept of human capital and its content should be revised and updated within the anthropological approach so that it can reflect a person's ability to self-develop and search for their vocation through the prism of education. Agency in anthropological terms is the ultimate form of manifesting a human's reality to others; it is associated with an individual's ability to turn their own activities into the subject of practical transformation, thus allowing a person to be a real subject of their own life [4].

The development of an anthropological approach to education shows that this approach is most developed in various concepts of pedagogical anthropology. In the analysis of the conceptual provisions of pedagogical anthropology, we relied on research by A.P. Ogurtsov and V.V. Platonov. They interpret a person as a unique, spiritually incomplete creation that integrates spiritual, physical, and mental principles, and is ready for any activity, for self-realization in this life activity [5]. Any innovation in the educational process should be compared not only with society's scientific and technical developments, and requirements (human capital as a branch of material production), but also with sociocultural ones (the capital of one's personal, spiritual, and cultural world). Since the anthropological approach involves the comparison of any knowledge about any educational processes, phenomena, and events with knowledge about a human's essence and nature, it accordingly contributes to the designing of the educational process following laws of human development [5]. In modern society, education should be presented as a person's achievement of new

forms of human development, and this development should contain the main component of human capital – education rooted in the historical genesis.

The outstanding German philosopher and pedagogy theorist J. Derbolav uses a non-classical direction of transcendental critical philosophy, which he considers as a doctrine of personality formation, to understand philosophical foundations of pedagogical anthropology.

Unlike Derbolav, the researcher E. Husserl does not identify pedagogical anthropology as a theory of self-fulfillment of an individual: he believes that transcendentalism as an epistemological attitude considers knowledge as a productive activity of human consciousness; therefore, we are talking about universal, i.e. transcendental, conditions of any possible experience, not about personology [6].

The essence of pedagogical anthropology, according to Derbolav, is identical to the theory of individual self-fulfillment, which occurs in several phases with the aim of achieving human existence.

The famous phenomenologist E. Fink, Husserl's assistant, examines pedagogical anthropology through the prism of existentialism, i.e. pedagogical anthropology reveals the basic structure of a person in the context of philosophical thought (self-understanding and self-interpretation of individuals' own lives and themselves) [7].

M. Langeveld, an adherent of the phenomenological approach to pedagogical anthropology, sought to interpret any pedagogical problem in an anthropological context, using various anthropological approaches. The key point of pedagogical anthropology, according to Langeveld, is the expression of the meaning of human existence in upbringing and education. Therefore, human capital humanitarianization is possible only in the context of pedagogical anthropology. The clarification of human essence is what will allow us to comprehend the pedagogical problems of a person's formation. Via the hermeneutical approach, pedagogical anthropology strives to reveal the essence of an individual as an autonomous person in the educational system, and this system must be brought in accordance with the individual's essence. Thus, the basis of this theory is the development of a person and the function of education in it. The individual's comprehension of their essence and purpose appears to be the future that contains the key problem of pedagogy – a person's formation and development. The manifestation of the essence of human capital is associated with the nature of a human as an independent person in the educational system and is directly caused by the using of the hermeneutical approach.

For our research in the context of human capital humanization, the key point is that, within the pedagogical anthropology framework, the essence and content of education are analyzed as the continuity and basic property of human existence, its reality, cognition of one's own identity and destiny.

According to the key views of pedagogical anthropology, value attitudes and personality traits are not innate; they are formed in the process of a person's activity, cultural formation and development, life

experience and communication acts [8]. V.I. Slobodchikov [9] notes that the role of the anthropological approach is steadily increasing in modern sciences that analyze various aspects of the educational segment. The main premise of the above is that the anthropological approach considers a human as a person existing in the harmony of natural, social, and biological being.

The researcher V.E. Klochko, within the anthropological approach, interprets the essence of education as a realized human reality in its entirety, including human subjectivity that transforms objects into subjects that have key significance and importance for an individual [10]. Analyzing the humanitarian essence of education as a special philosophical and anthropological category, as a kind of forming the human in a person, Klochko notes that education is a reality in which a person creates and improves themselves, and clearly understands the true meaning and value of their being. Consideration of an individual in the context of the anthropological approach and an individual's self-realization are manifested in the educational result of joint actions.

The basis of self-education is not an educational institution as such and not the educational process, but a person's self-development during the entire life. It is the spiritual, moral, and psychological values embedded in education that transform an individual's life into a reality that is happening now and is a link connecting a person and their world with other people.

Analyzing innovation culture (i.e. potential, experience, innovations in various areas of human activity) in the context of education, V.I. Slobodchikov notes that this culture transforms education as such and reveals its completely different meaning. Considering development as the main component of the essence of education, Slobodchikov understands innovative education as education in which a person, as a subject of culture and their own activity, transforms the surrounding reality and oneself, striving for self-development and self-improvement [9]. We interpret culture as a set of values and norms a person adopts and uses in their life activities and in interaction with other people [11].

Self-development is a person's fundamental ability to become and be a true agent of their own life, to turn their own life activity into an object of practical transformation. This means that the main – axiological, anthropological proper – determinant is included in the person's development. For a person, development is the reason, purpose and value, and sometimes meaning in life [11]. In the most general form, this special reality, in which it is possible to switch to the mode of self-development, should be designated as a spiritual reality.

The anthropological approach plays a key role in the formation of an individual's personality and agency since it focuses on the values of a person's authentic existence. A person understands these values as the meaning of their own axiological attitudes and preferences. In the context of the anthropological approach, a person forms their system of existential and axiological values and goals during their life time for a person is an active subject (and not an object) of their being [12. P. 150].

The anthropological orientation of human capital is aimed at building an educational process associated with an individual's need to participate in meaning-formation and

self-understanding [13], i.e. with the eventuality of designing innovative semantic constructs, dispositions, and personal values; education in this context is not just translation of knowledge, but rather interaction of various subjects. At the same time, the fundamental element in organizing the educational process is a person's meeting with oneself, discovery and realization of personal (human) capabilities, i.e. self-actualization, self-discovery, self-understanding, rather than a mere study of phenomena and objects. The key point is that, in the context of humanistic pedagogy, self-actualization is actions a person takes to form transitory values and attitudes that correspond to their life and a certain situation.

In his studies, Slobodchikov [9] notes that the actual need to solve the problem of the creation and development of the human in a person is caused not only by the global trends in modern education and society, but also by their transformation. It is about setting the key goal for education. Education should become a unified form of development of a person's basic abilities that allow this person to defend their humanity and that reflect the true, not substituting, essence of this concept. In this context a person is not a resource of social production but rather a subject of cultural and historical development.

Thus, human capital in the context of the anthropological approach considers a person as a basis and a key figure since all studies and theories in the humanities, social and economic sciences are accumulated around a human. This interpretation is based on a systematic approach to a human and their activities in various segments of society, to the abilities and capabilities of human existence [1].

Analyzing the essence of the concept of human capital in terms of the anthropological approach, we can speak about understanding an individual both as a resource and as a capital, which allows us to reflect the idea of the intrinsic value of a person oneself.

The use of the anthropological approach in studies on human capital researches makes it possible to substantiate the mechanisms of human capital formation through the prism of the interests of the subject of the educational process (a person) since the anthropological approach interprets education as the formation of an individual's personality, axiological attitudes and existential values; this approach focuses a person's attention on the products of their own activity and on the reinterpretation of these products.

Considering human capital as the result of education in the context of the anthropological approach, it is quite obvious that human capital in education manifests itself as new methodological principles and conceptual determinants [14], in which a person is the basis, and a person's cultural and historical development is the main component of education. Education helps a person to form agency as the ontological basis of all subsequent personal acquisitions [15]. Human capital in the context of the anthropological approach reflects a person's ability to self-develop, to search for their vocation through the prism of education. The key principles of the anthropological approach allowed us to reveal the humanitarian content and characteristics of human capital:

- interpretation of the definition of a human as a key category; all other categories are secondary, they expand the true essence, integrity, and uniqueness of a human

(M. Langveld, A.P. Ogurtsov, V.V. Platonov, V.I. Slobodchikov);

– human's ability of self-development, self-realization, self-expression, self-restoration, and self-actualization in the educational process (V.E. Klochko, G.N. Prozumentova, E. Fink).

Thus, the expansion of traditional methods of studies of human capital within the anthropological approach contributes to the humanization of the essence of the concept of human capital since it is this approach that appeals to a human and human agency as the main value and focuses on the values of a person's authentic existence – on what a person understands as the true meaning of their being. The analysis of human capital within the anthropological approach allowed us to reveal the humanitarian essence of human capital, to develop the concept of human capital, fill it with humanitarian content, and highlight its humanitarian characteristics.

In the authors' interpretation, human capital is considered as the integration of a human's personal,

spiritual, and cultural world, with a focus on the essential characteristics of human subjectivity associated with an individual's self-realization, self-development, and self-actualization, rather than as the capitalization of knowledge, skills, and abilities. This leads to a person's awareness of the importance of their ability to be a key resource and capital of society.

The humanitarian characteristics of human capital within the anthropological approach are:

– understanding of education as a space of meaning-making and meaning-realization;

– self-realization of an individual in their activities, i.e. a person's education in the world of culture created in mutual communications and joint human actions;

– orientation towards human reality in all its spiritual, mental, and bodily dimensions, i.e. a person is a subject of their own life;

– cultural and historical development of a person as the basis component of education.

REFERENCES

1. Garanina, O.D. (2009) The human factor in the context of the concept of human potential. *Scientific Bulletin of MSTU GA*. 142. pp. 76–80. (In Russian).
2. Kraevsky, V.V. (2006) The human factor in the life of pedagogy. *Pedagogy*. 3. pp. 92–101. (In Russian).
3. North, D.C. (1981) *Structure and Change in Economic History*. New York; London: W.W. Norton & Company.
4. Malkova, I.Y. et al. (2020) Student's subjectivity formation: Methodology of research. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. pp. 116–124. DOI: 10.15405/epsbs.2020.10.04.15
5. Ogurtsov, A.P. & Platonov, V.V. (2004) *Images of education*. Saint Petersburg: RKhGI. (In Russian).
6. Husserl, E. (2009) *Ideas for a Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy*. Book 1: General Introduction to Pure Phenomenology. Moscow: Academic project. (In Russian).
7. Fink, E. (2017) *Basic phenomena of human existence*. Moscow: Canon. (In Russian).
8. Vidgof, V.M. (1998) Philosophical and cultural aspect of pedagogical anthropology. *Modern pedagogical anthropology in systems of lifelong education*. Proceedings of the Seminar. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–10. (In Russian).
9. Slobodchikov, V.I. & Isaev, E.I. (1998) Anthropological principle in developmental psychology. *Questions of Psychology*. 6. pp. 3–17. (In Russian).
10. Klochko V.E. & Galazhinsky, E.V. (1999) *Self-realization of personality: a systemic view*. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian).
11. Pozdeeva, S.I. (2017) Practice of School of Collaboration as an educational innovation: changes in the content and results of education. In: Pozdeeva, S.I. (ed.) *Potential research and management concept educational innovations of G.N. Prozumentova in solving problems of education development*. Tomsk: Tomsk State University. pp. 81–88. (In Russian).
12. Gusinsky, E.N. & Turchaninov Yu.I. (2000) *Introduction to the philosophy of education*. Moscow: Logos. (In Russian).
13. Prozumentova, G.N. (2005) Strategy and program of humanitarian research of educational innovations. In: Prozumentova, G.N. (ed.) *Transition to an open educational space*. Part I: The phenomenology of educational innovations. Tomsk: Tomsk State University. pp. 15–105. (In Russian).
14. Mazur, L.N. (2020) Human capital as an object of historical research. *Human Capital*. 11 (143). pp. 34–49. (In Russian). DOI: 10.25629/HC.2020.11.02
15. Tsiguleva, O.V. (2019) Human capital's essence and content in the psychological sciences. *Socio-cultural problems of a modern human*. Conference Proceedings. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 20–26. (In Russian).

Received: 24 May 2021

Human Capital Humanitarianization in the Context of an Anthropological Approach to Education

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 88–91.

DOI: 10.17223/15617793/467/11

Olesya V. Tsiguleva, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: oltsiguleva@yandex.ru

Svetlana I. Pozdeeva, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: svetapozd@mail.ru

Keywords: human capital; anthropological approach; pedagogical anthropology; education; human capital's humanization; humanitarian characteristics of human capital.

И.В. Якушева, О.А. Марина, О.А. Демченкова

ВЛИЯНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И ВЫПУСКНИКОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ВЗГЛЯДОВ СТУДЕНТОВ НА ИНОЯЗЫЧНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Представлены результаты исследования, проведенного на факультете мировой экономики и международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» среди студентов разных ступеней обучения, работающих выпускников факультета и преподавателей. Целью исследования являлось выявление мотивирующих факторов, способных формировать взгляды студентов на изучение профессионально ориентированного иностранного языка.

Ключевые слова: обучение иностранным языкам для специальных целей (LSP); мотивация к изучению ESP; факторы формирования мотивации; профессиональный иноязычный контекст.

Введение

Необходимость знания иностранного языка для удовлетворения актуальных профессиональных потребностей широко обсуждается как в зарубежных [1, 2], так и в российских исследованиях по преподаванию иностранных языков [3, 4]. По мнению ректора Московского государственного лингвистического университета И.А. Краевой, показателем качества профессионального языкового образования является достижение уровня, соответствующего современным потребностям общества и интересам развивающейся в профессиональном отношении личности [5].

Современные федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования не только определяют результаты и структуру учебных программ обучения иностранным языкам, но и предусматривают значительную академическую свободу в обеспечении соответствия содержания учебных программ как установленным в программах дисциплин индикаторам достижения компетенций, так и требованиям рынка труда. Например, обновленные программы бакалавриата¹ подчеркивают необходимость разработки учебных планов, основанных на анализе профессиональных потребностей, с целью обеспечения эффективной коммуникации в поликультурной профессиональной среде.

Сложность создания курсов, удовлетворяющих подобным комплексным требованиям, объясняется, помимо других возможных причин, современными тенденциями в обучении профессионально ориентированному языку (Language for Specific Purposes – LSP), которые становится все труднее обобщить или представить в виде статичной модели. Очевидно, что модель курса LSP должна рассматриваться как вариативная система, которая содержит нестабильные элементы [6].

Для определения таких нестабильных элементов на факультете мировой экономики и международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) был реализован исследовательский проект. В основе этого проекта лежало предположение, что одним из путей повышения качества иноязычной подготовки студентов в новом экономическом и политическом контексте может явиться переосмысление одного из

самых влиятельных факторов эффективности обучения – мотивации [7].

Обзор литературы

Хотя данное исследование посвящено преподаванию любого иностранного языка для профессиональных/специфических целей (LSP), цитируются в большинстве случаев теоретические основы исследований в обучении английскому языку (English for Specific Purposes – ESP), поскольку идеи в области ESP получают преимущественное развитие и освещение в научной литературе. Эта тенденция, как ожидается, будет набирать силу, особенно с усилением позиций английского языка.

Анализ потребностей Needs Analysis (NA) в настоящее время стал одной из отличительных черт программ курса ESP и «считается фундаментом, на основе которого принимаются все другие решения» [2]. Однако, несмотря на множество существующих моделей NA, ощущается недостаток практических методологических рекомендаций в отношении того, как реализовать NA в области обучения как английскому языку [8], так и другим языкам.

Настоящее исследование ставило своей целью внести вклад в понимание процессов, формирующих взгляды студентов на потребности в обучении иностранным языкам для специальных целей в свете современных реалий, и сформулировать практические рекомендации по усилению мотивирующих факторов с использованием полученных данных NA. Исследование опиралось на взгляды современной российской методической науки в отношении формирования мотивации в целом [9, 10], на этапе высшего образования [11, 12], а также при изучении иностранных языков [7, 13]. Рассматривались современные положения зарубежных исследований об учебной мотивации [14] и влиянии субъективных потребностей учащихся на процесс обучения ESP [15].

Основными теоретико-методологическими положениями являлись определение мотива как побуждения к деятельности, порожденного системой потребностей человека [7], и признание важной роли внутреннего отношения к учебной деятельности в формировании нацеленности обучающегося на отдельные стороны учебной работы [4, 7]. Внутренняя и внешняя

мотивации рассматривались в рамках исследования как «континуум форм мотивационной регуляции», при которой возможна связь внешних факторов и саморегуляции учащихся [16]. Предполагается, что академические успехи студентов зависят в том числе и от их субъективной оценки организационно-педагогических условий [17].

Учитывая динамическую природу мотивации, обучение иностранным языкам рассматривалось в модели Направленных мотивационных потоков (Directed Motivational Currents DMCs) [14]. В российской науке эта концепция существует как теория «влияния состояния вовлеченности в поток и внутренней мотивации учащихся на подход к организации образовательной среды» [18]. Согласно этой теории внутренняя мотивация в изучении иностранного языка динамична, основана на ясном понимании целей обучения и мотивирующего фактора. Особый интерес в рамках данного исследования представляют предположения, что такими мотивирующими факторами могут являться непосредственно преподаватели [19], а также возможность «осмысленного выбора активности» [16]. Например, было отмечено, что студенты обращают особое внимание на учебный материал, который совпадает с их представлением о том, «какими они себя видят в будущем» [20].

В данном исследовании были поставлены следующие вопросы:

- в какой степени взгляды студентов на содержание обучения иностранным языкам совпадают с представлениями работающих выпускников факультета, с одной стороны, и преподавателей – с другой;
- в какой степени преподаватели и выпускники влияют на формирование студенческих взглядов на обучение как процесс, способствующий осознанию своих потенциальных потребностей.

Методы

Был проведен сравнительный анализ ответов четырех групп респондентов НИУ ВШЭ: студентов 1-го, 3-го и 4-го курсов 2019–2020 гг. обучения (30, 31 и 49 человек соответственно), их преподавателей (39 человек) и выпускников 2013–2019 гг. факультета мировой экономики и международных отношений (35 человек). Для выбора участников было использовано несколько процедур: процедура гнездовой выборки в объеме 30% от общего числа студентов в год обучения, метод «снежного кома» и выборки участников, согласившихся на опрос, соответственно.

Вопросы анкеты для сбора данных были адаптированы из исследования Г. Тайлифер [21] и проекта QALSPELL программы Европейской Комиссии². В процессе исследования использовались три версии одного и того же вопросника, которые варьировали, чтобы не включать элементы, не относящиеся к отдельным целевым группам. Предложения представителей из каждой группы участников, ответивших на пилотную версию вопросника, были учтены при составлении окончательного ва-

рианта. Респонденты пилотной версии вопросника были впоследствии исключены из процесса сбора данных.

Однофакторный ANOVA проводился с целью оценить, насколько различаются групповые средние показатели и какова вероятность случайного возникновения различий. Для полного анализа различий использовали тест Тьюки (HSD) и апостериорные тесты Бонферрони и Холма.

Результаты

1. Представления и ожидания участников исследования. Студенты факультета мировой экономики и международных отношений изучают два языка в течение четырех лет обучения. Они выбирают язык специализации из пяти европейских (испанский, португальский, немецкий, французский, итальянский) и трех восточных (китайский, японский, арабский), английский язык является обязательным.

Студенты ожидают, что их основными рабочими иностранными языками для профессиональных целей будут китайский и испанский языки (по 29% для каждого), за которыми следуют немецкий и итальянский (по 14%) и далее французский и португальский языки. При этом для большинства выпускников (60%) английский язык является основным иностранным языком, используемым в профессиональном контексте, 9% в качестве основного указывают японский язык, 9% – китайский.

На момент опроса выпускники в основном работали в России (68,6%), примерно одна треть (31,4%) – за границей, из которых только 5,7% работали в англоязычной стране (США). Основными областями профессиональной деятельности выпускников являлись внутренняя и международная торговля (34,3%), финансы (14,3%), логистика и научная деятельность (по 11,4%), консалтинг (8,6%), страхование (5,7%), информационные технологии (5,7%) и маркетинг (2,9%). Большинство из них на момент опроса работали специалистами в соответствующих областях (48,6%); остальные были заняты в качестве менеджеров (22,9%), администраторов (14%).

2. Контекст использования иностранного языка в профессиональных целях. Представления студентов и преподавателей об использовании иностранного языка в профессиональном контексте с точки зрения места (страны) и частоты использования языка отклоняются от того, в котором функционируют выпускники (рис. 1).

Во-первых, студенты, выбрав такой факультет, ожидают, что будут работать и общаться преимущественно в среде носителей языка и/или в странах, где выбранный и изучаемый ими язык является родным. Выпускники поставили такое общение на последнее место после России и стран, где иностранный язык (в подавляющем большинстве английский) не является родным. Интересен тот факт, что оптимистические ожидания студентов сходны с ожиданиями преподавателей, что легко объясняется спецификой факультета.

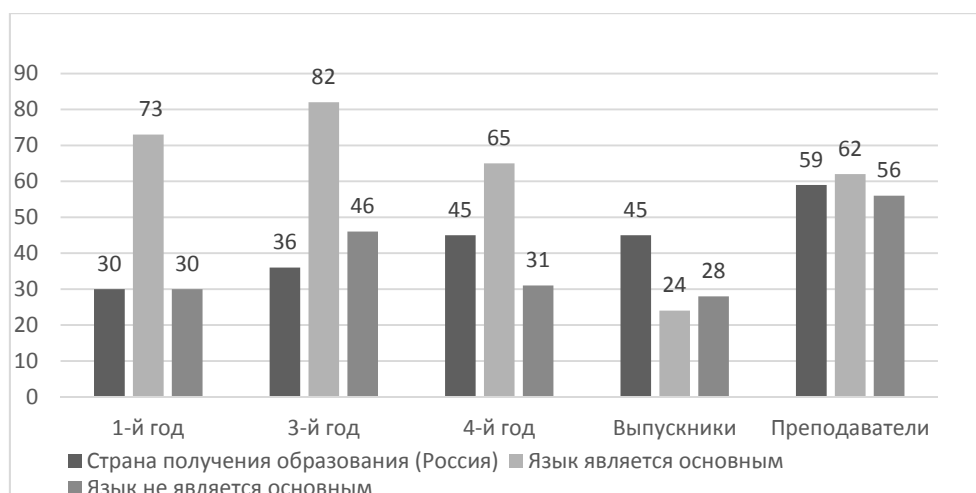

Рис. 1. Место иноязычного общения (здесь и далее в % респондентов)

Во-вторых, наблюдаются заметные различия во взглядах студентов и выпускников на характер и ситуации иноязычного общения: будет ли общение

формальным или неформальным, прямым или опосредованным через телефон или интернет (рис. 2).

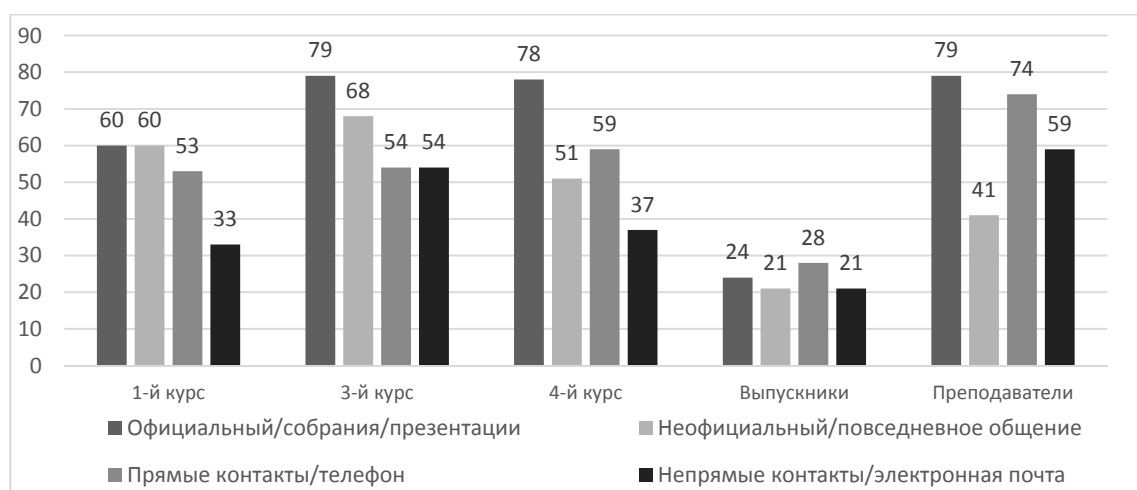

Рис. 2. Характер иноязычного общения

Преподаватели и студенты выпускного курса на первое место ставят устную коммуникацию на собраниях, совещаниях и презентациях, в то время как в профессиональной практике выпускников доминирующим видом иноязычной устной коммуникации является формальное общение на иностранном языке по телефону/интернету.

Оценивая частоту использования языковых навыков, соответствующих видам речевой деятельности, на своем рабочем месте (рис. 3), почти все бывшие выпускники отмечают, что они должны очень часто читать на иностранном языке (93%). Текстами, с которыми они преимущественно работают, являются письма (29%), контракты (14%), инструкции (13%) и специальная литература (13%).

Письмо является второй наиболее регулярной деятельностью для 78% выпускников. Работающие выпускники часто пишут деловые письма (81%), электронные сообщения (78%), выполняют переводы (41%), а также составляют меморандумы (19%), обзоры профессиональной литературы (15%) и доклады (11%).

Работающие выпускники сообщили, что их умение слушать требуется «очень часто» при прослушивании презентаций (52%), профессиональных разъяснений (48%) и инструкций (37%). Они также говорят на иностранном языке «очень часто» (59%), и «довольно часто» (19%), причем примерно половину ситуаций устной коммуникации представляют телефонные разговоры (53%). Таким образом, процент использования навыков говорения ниже по сравнению с чтением и письмом.

Следует отметить, что студенты 4-го курса оказались наиболее точными в своих прогнозах, касающихся устной речи и восприятия на слух. Важным результатом опроса являются данные о значительной недооцененности студентами частотности таких языковых навыков, как чтение и письмо. Использование этих данных с акцентом на сравнение с мнением выпускников может быть использовано преподавателями для формирования правильной мотивации студентов при работе над чтением и письмом.

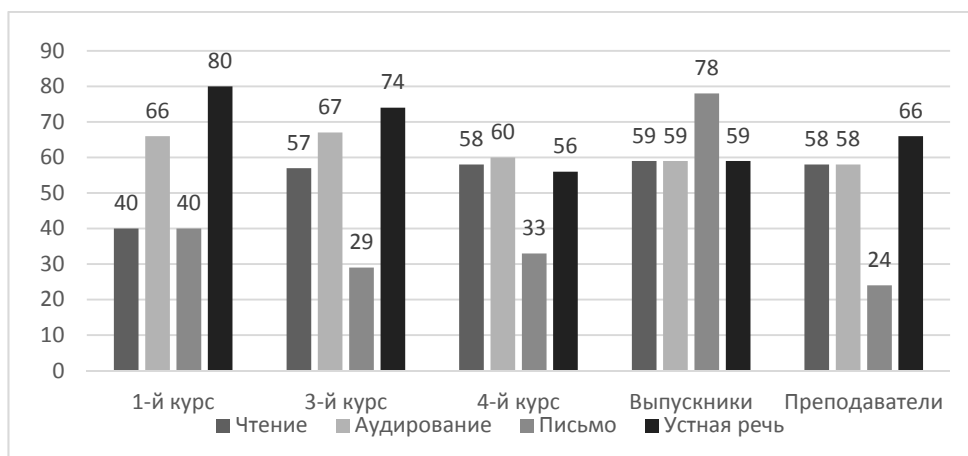

Рис. 3. Частотность использования навыков иноязычной речевой деятельности в профессиональном контексте

3. *Значение языковых навыков в профессиональной деятельности.* Результаты исследований указывают на различия в оценке важности

каждого из четырех видов речевой деятельности на разных этапах профессиональной занятости выпускников.

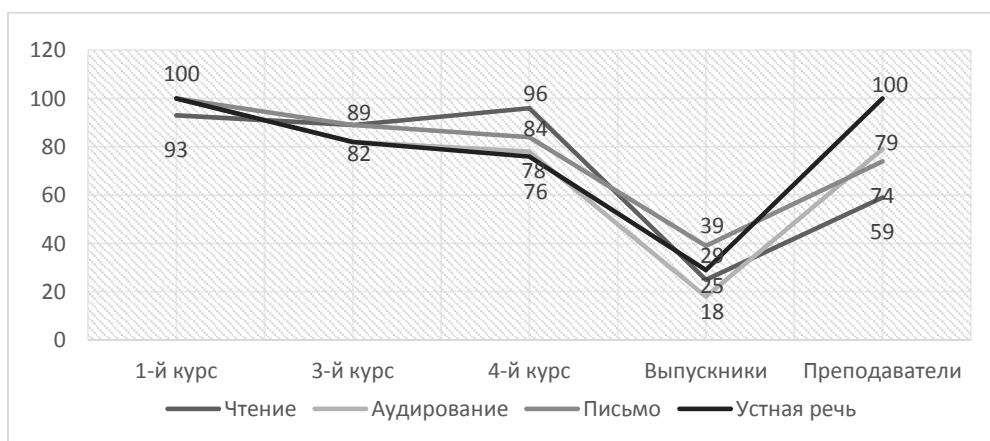

Рис. 4. Значение навыков иноязычной речевой деятельности для устройства на работу

В процессе трудоустройства наиболее востребованными для выпускников являлись навыки письма (39 %) и устной речи (29%), что может объясняться необходимостью написать резюме и принять участие в интервью с потенциальными работодателями. При этом на рабочем месте именно в использовании этих навыков выпускники чувствуют себя наименее уверенно: только 57% выпускников были удовлетворены своими навыками письма, лишь 43% чувствуют себя уверенно в устном общении. Более чем 60% выпускников объяснили неуверенностью в устной речи неудачу в своей первой попытке получить работу, связанную с использованием иностранного языка.

Студенты и преподаватели факультета оценивают все четыре вида речевой деятельности как весьма важные для успешного трудоустройства. Однако только студенты 4-го года обучения высоко оценили значимость письма, что отличает их от студентов 3-го курса и преподавателей. Как и ожидалось, студенты 1-го курса не смогли расставить приоритеты, отвечая на соответствующий вопрос (рис. 4).

В ответах на вопрос об использовании иностранного языка непосредственно на рабочем месте выявлено, что большинство респондентов во всех группах придают большое значение всем четырем видам речевой деятельности (более 90% по каждому отдельному виду деятельности) (рис. 5). Особенно заметен контраст в определении выпускниками большей важности и необходимости владения иностранными языками на рабочем месте (до 93%) по сравнению с ролью иностранного языка при трудоустройстве.

Среди всех студентов именно 4-й курс наиболее адекватно оценивает роль письменных навыков для своих профессиональных целей. Однако все студенты (особенно 3-го курса) склонны недооценивать важность навыков чтения, с чем не согласны как выпускники, так и преподаватели.

При оценке трудностей в использовании иностранного языка обращают на себя внимание различия в мнениях разных групп респондентов (рис. 6).

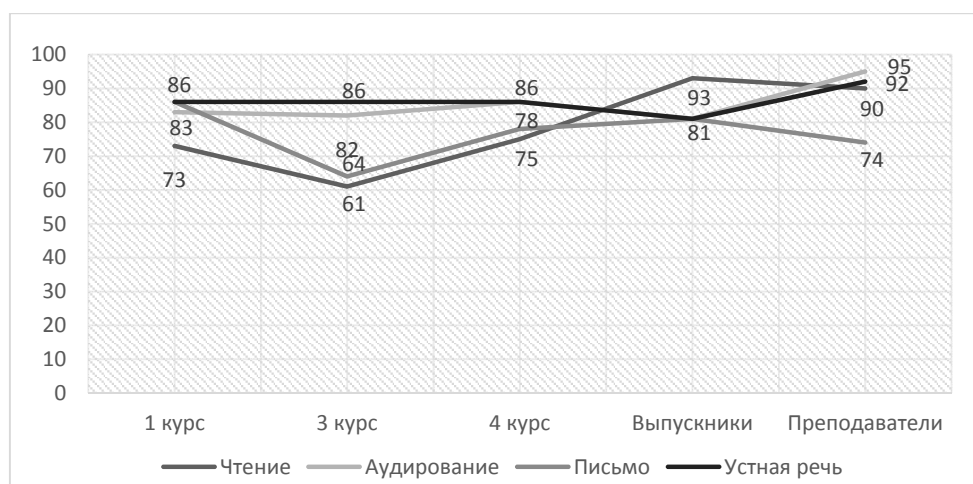

Рис. 5. Важность навыков иноязычной речевой деятельности для функционирования в профессиональном контексте

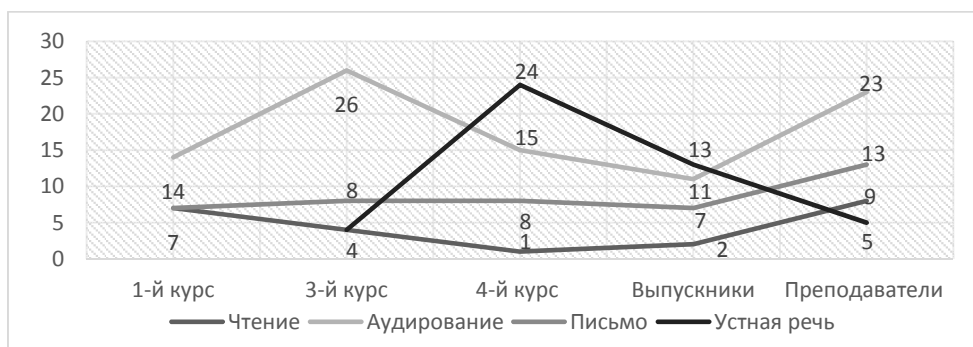

Рис. 6. Текущие трудности в использовании иностранного языка

Особенно заметно, что студенты 3-го курса и преподаватели не акцентируют внимание на сложностях в достижении необходимого уровня развития устной речи. Студенты 4-го курса и выпускники подчеркивают важность и необходимость достижения высокого уровня навыков устной коммуникации для профессионального использования.

4. *Сводный анализ данных.* Однофакторный ANOVA проводился с целью оценить, насколько различаются групповые средние показатели и какова вероятность того, что различия возникли случайно. Апостериорные тесты включали объединенный тест Бонферрони и Холма, тест Тьюки (HSD) использовался для полного анализа различий между группами.

Результаты ANOVA ответов респондентов по группам демонстрирует рассчитанное значение

$F(6,0311)$, которое значительно превышает единицу ($F > 1$) при показателе p ниже 0,05 ($p = 0,0002$), что указывает на более значительные вариации между группами, чем внутри групп. Из этого можно заключить, что группирующая переменная (год обучения) играет роль в формировании взглядов студентов.

Тест Тьюки (HSD) при сравнении со взглядами выпускников показал коэффициент большего различия ($p < 0,01$) для 1-го курса и преподавателей и коэффициент меньшего различия ($p < 0,05$) для 3-го курса (табл. 1). Для 4-го курса и выпускников расхождения в ответах являются статистически незначимыми. Меньший показатель разницы Q для данных 4-го курса (4,6436) по сравнению с 1-м курсом (5,7963) и 3-м курсом (4,7088) также указывает на значительное уменьшение диапазона расхождения для 4-го курса и выпускников.

Таблица 1

Результаты теста Тьюки (HSD)

Сравниваемые группы	Тьюки (HSD)		Коэффициент различия
	статистика Q	значение p	
1-й курс – выпускники	5,7963	0,0010053	$p < 0,01^{**}$
3-й курс – выпускники	4,7088	0,0106250	$p < 0,05^*$
4-й курс – выпускники	1,4246	0,8331633	незначительный

(* – значимые; ** – более значимые).

Взгляды студентов 4-го курса также продемонстрировали меньший коэффициент отклонения от взглядов выпускников в тесте Бонферрони и Холма (табл. 2), что подтверждает выводы предыдущего теста.

Интересными представляются данные о более значительном расхождении взглядов преподавателей на потребности студентов в изучении иностранных языков в целом, чем у студентов 4-го курса.

Таблица 2

Результаты объединенного теста Бонферрони и Холма

Сравниваемые группы	Бонферрони значение p	Различие	Холм значение p	Различие
1-й курс – выпускники	0,0008755	$p < 0,01^{**}$	0,0007879	$p < 0,01^{**}$
3-й курс – выпускники	0,0123898	$p < 0,05^*$	0,0099119	$p < 0,01^{**}$
4-й курс – выпускники	0,0143593	$p < 0,05^*$	0,0100515	$p < 0,05^*$
преподаватели – выпускники	0,0004283	$p < 0,01^{**}$	0,0004283	$p < 0,01^{**}$

(* – значимые; ** – более значимые).

Наиболее вероятное объяснение состоит в том, что, во-первых, значительное число студентов 4-го курса имеют опыт частичного трудоустройства, что предоставляет им возможность скорректировать свои взгляды на изучение языка. Во-вторых, передача взглядов выпускников на изучение и использование иностранных языков происходит через личные контакты со студентами, в то время как преподаватели редко поддерживают тесные связи с выпускниками. В этом смысле, наверное, можно предположить, что произошла корректировка ожиданий у студентов 4-го курса, «подстройка» под действительность под влиянием выпускников, которые включились в активную трудовую деятельность. Таким образом, взгляды студентов 4-го курса кажутся более адаптированными к реалиям потенциальной профессиональной деятельности, чем представления преподавателей.

Заключение

Полученные в процессе опроса данные позволяют сделать ряд выводов, которые могут стать основой при разработке и внедрении эффективных учебных программ.

Во-первых, результаты исследований могут указывать на различия в определении важности языковых навыков в разных профессиональных контекстах и на разных этапах профессиональной занятости. Студенты в значительной степени недооценивают востребованность чтения и письма на рабочем месте. Они, скорее, склонны придавать повышенное значение устной иноязычной коммуникации в условиях профессиональной деятельности.

Во-вторых, представления студентов и преподавателей относительно роли иностранных языков в профессиональной деятельности не всегда совпадают с действительностью. Это касается места (страны) и частоты использования иностранного языка. Без правильной ориентации в рамках занятий выпускникам может потребоваться психологическая и лингвистическая корректировка поведения для адаптации к реальности межнационального и межкультурного общения.

Необходимо подчеркнуть, что речь идет об относительно заметных, но не радикальных статистических расхождениях взглядов групп респондентов, что, на наш взгляд, является положительным фактом. Это может подтверждать, что студенты и преподаватели в целом достаточно трезво оценивают перспективы и особенности использования иностранного языка в

профессиональной деятельности. Однако это наблюдение не снижает важности корректировки учебных программ в соответствии с изменениями в профессиональном контексте межкультурной коммуникации.

Отсюда следует вывод, что для обеспечения качественного обучения языку профессиональной коммуникации в рамках ограниченного числа учебных часов необходимо обращать особое внимание на наиболее вероятный профессиональный и культурный контекст использования необходимых языковых навыков на разных этапах будущей практической деятельности студентов.

Наконец, результаты исследования могут указывать на тот факт, что мнение преподавателей и выпускников, работающих в реальном секторе, может оказывать влияние на формирование взглядов студентов на процесс обучения, их будущие потребности и, следовательно, на формирование мотивации к эффективному обучению. С одной стороны, ответы студентов подтверждают сформированную способность реагировать на новые вводные для адаптации своего учебного поведения. С другой стороны, очевидно, что авторитет преподавателей в формировании взглядов и ожиданий студентов старших курсов не в полной мере востребован, в то время как он представляет потенциал, который может быть использован при формировании готовности студентов к активной осмысленной работе в процессе обучения.

Результаты опроса показывают, что для решения проблемы обеспечения адекватной организации и содержания обучения в вузе необходим систематический сбор данных по иноязычным профессиональным потребностям выпускников с целью распространения результатов подобных исследований среди преподавателей и студентов, что, в свою очередь, должно повысить понимание студентами соответствия программ иноязычного обучения их будущей профессиональной деятельности. Именно разносторонняя систематическая научная информация об актуальных процессах, имеющих значение для содержания и организации учебного процесса, должна лежать в основе адекватного управления его развитием.

Показателем качества языковой подготовки в высшем профессиональном образовании должна стать готовность студентов справляться с профессиональными задачами, возникающими на динамично развивающемся и меняющемся рынке труда. Регулярные встречи преподавателей с выпускниками могут быть использованы для своевременной корректировки учебных планов и методических стратегий. В ситуа-

ции постоянных дискуссий преподавателей иностранных языков о том, как учить и чему учить, выделяют группы сторонников профессионально ориентированного обучения иностранному языку, с одной стороны, и тех, кто, не имея опыта работы в неязыковом вузе, считают, что приоритетной задачей является общелитературный язык. Опросы выпускников четко указывают на целесообразность изучения профессионального языка, одновременно показывая, что такие опросы могут служить эффективным и доступным инструментом определения профессиональных запросов работодателя. Профессиональные запросы долж-

ны лежать в основе разработки и корректировки учебных программ.

При обучении иностранным языкам в неязыковых вузах с ограниченной сеткой часов грамотно отобранное содержание, определение приоритетности в развитии различных языковых навыков, понимание потенциальных ситуаций использования иностранного языка способствуют повышению мотивации студентов при обучении, служат профессиональному развитию личности и одновременно поднимают шансы на успешную профессиональную карьеру.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (2011). URL: <http://минобрнауки/рф/документы/924924>

² European Commission. 2005. Thematic Network Project in the Area of Languages Synthesis report. URL: <http://eacea.ec.europa.eu>

ЛИТЕРАТУРА

1. Basturkmen H.L., Wette R. English for academic purposes // The Routledge Handbook of English Language Teaching / G. Hall (ed.). Abingdon, Oxon : Routledge, 2016. P. 164–176.
2. Belcher D. English for Specific Purposes: Teaching to perceived needs and imagined futures in worlds of work, study, and everyday life // TESOL Quarterly. 2006. Vol. 40 (1). P. 133–156.
3. Сафонова В.В. Полезные уроки общеевропейской международной интеграции и профессионального межкультурного общения в условиях исследовательской кооперации // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 9–22.
4. Соловова Е.Н. Английский язык для специальных целей: чему учить, когда начинать и как проверять? // Английский язык для нефилологов. Проблемы ESP. Воронеж : Истоки, 2009. С. 5–13.
5. Краева И.А. Политика МГЛУ в обеспечении качественного лингвистического образования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия Образование и педагогические науки. 2018. Вып. 2. С. 9–17.
6. Тарева Е.Г. Межкультурное иноязычное образование: лингводидактические стратегии и тактики / отв. ред. Е.Г. Тарева. М. : Логос, 2014.
7. Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М. : Просвещение, 1991.
8. Long M. Second Language Needs Analysis. Cambridge : Cambridge University Press, 2005.
9. Вартанова И.И. К проблеме диагностики мотивации // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1998. № 2. С. 80–87.
10. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2000.
11. Иванюшина В.А., Александров Д.А., Мусабиров И.Л. Структура академической мотивации: ожидания и субъективные ценности освоения университетского курса // Вопросы образования. 2016. № 4. С. 229–250.
12. Малошенок Н.Г., Семенова Т.В., Терентьев Е.А. Учебная мотивация студентов российских вузов: возможности теоретического осмысления // Вопросы образования. 2015. № 3. С. 92–121.
13. Квач Н.В. Формирование профессиональной готовности студентов технических вузов средствами мотивации к изучению иностранного языка : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Калуга, 2005.
14. Dornyei Z., Henry A., Muir C. Motivational Currents in Language Learning: Frameworks for Focused Interventions. New York : Routledge, 2016.
15. Kazar S.G., Mede E. The Perceptions of ESP Students' Target Needs: A Case Study // Procedia: Social and Behavioral Sciences. 2015. № 191. P. 2526–2530.
16. Гордеева Е.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Внутренняя и внешняя учебная мотивация студентов: их источники и влияние на психологическое благополучие // Вопросы психологии. 2013. № 1. С. 1–11.
17. Рождественская Е.М., Жаворонок А.В. Субъективная оценка организационно-педагогических условий проектной работы бакалавров // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 167–177.
18. Водяха С.А., Водяха Ю.Е. Состояние вовлеченности в поток и внутренняя мотивация как детерминанты успешности создания виртуальной образовательной среды // Педагогическое образование в России. 2013. № 4. С. 35–39.
19. Dornyei Z., Kubanyiova M. Motivating learners, motivating teachers: Building vision in the language classroom. Cambridge : Cambridge University Press, 2014.
20. Kaplan A., Hanoch F. Motivation and Identity: The Relations of Action and Development in Educational Contexts – An Introduction to the Special Issue // Educational Psychologist. 2009. Vol. 44 (2). P. 73–77.
21. Taillefer G.F. The professional language needs of Economics graduates: Assessment and perspectives in the French context // English for Specific Purposes. 2006. Vol. 26 (2). P. 135–155.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 12 января 2021 г.

Teachers' and Graduates' Influence on the Formation of Students' Views on Foreign Language Needs in Their Professional Activities

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 92–99.

DOI: 10.17223/15617793/467/12

Irina V. Yakusheva, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: iyakusheva@hse.ru

Olga A. Marina, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: omarina@hse.ru

Oksana A. Demchenkova, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: odemchenkova@hse.ru

Keywords: teaching foreign languages for special purposes; motivation to study ESP; factors of motivation formation; professional foreign language context.

The present article reports on a study conducted at the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE). The study aims to find new ways to design and implement efficient practice-oriented foreign language courses which would comply with these requirements and meet specific workplace demands. Rethinking the factors which shape students' motivation based on their understanding of learning goals is considered as one of the ways to increase learning effectiveness. The research aim is to provide comparative analysis of students' perception of learning needs, their instructors' vision of learning needs, and perceived needs of the employed NRU HSE graduates. The second aim is to understand to what extent teachers and graduates may influence students' views on learning as a process that comply with their potential foreign language needs at workplace. The data were drawn from 184 questionnaires. The survey items were adopted from the questionnaires in Taillefer's (2006) study and the QALSPELL project (2005), a part of the European Commission program. Participants of this study consisted of the following groups: 1st-, 3rd- and 4th-year non-language major students of 2019–2020; their foreign language instructors; and employed graduates of 2013–2019. The cluster random sampling procedure in the amount of 30% of the total number of students per year of study and the snowball method and convenience sampling were used for the graduates and instructors respectively to select the participants. The data from the completed questionnaires on four language skills, the context of both current foreign language education programs and the use of a foreign language at the workplace were analyzed. One-way ANOVA, Tukey's (HSD), and Bonferroni and Holm's post hoc tests were performed to assess the significance of group means difference and control error rates. The findings indicate the difference in the weight the groups ascribe to the four foreign language skills: students largely underestimate the importance of reading and writing in the workplace. Moreover, the students' and foreign language instructors' perceptions of professional context for foreign language use deviate from those of the graduates. The differences concern the frequency of using foreign language as well as national and cultural environment. Finally, the students' perception of their language needs change with the year of study. Thus, the analysis revealed the dynamic character of students' motivational self-regulation under the influence of such explicit active factors as the instructors' views on the teaching context and its effectiveness, the graduates' real needs at the working place, and the students' perception of their future professional language needs to be met and reflected in the course of teaching. The findings are discussed in light of their practical implications for designing, implementing, and aligning of foreign language courses to meet workplace demand.

REFERENCES

1. Basturkmen, H.L. & Wette, R. (2016) English for academic purposes. In: Hall, G. (ed.) *The Routledge Handbook of English Language Teaching*. Abingdon, Oxon: Routledge. pp. 164–176.
2. Belcher, D. (2006) English for Specific Purposes: Teaching to perceived needs and imagined futures in worlds of work, study, and everyday life. *TESOL Quarterly*. 40 (1). pp. 133–156.
3. Safonova, V.V. (2015) Useful Lessons in Pan-European International Integration and Professional Intercultural Communication in the Context of Research Cooperation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Bulletin of Moscow University. Ser. 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication*. 4. pp. 9–22. (In Russian).
4. Solovova, E.N. (2009) Angliyskiy yazyk dlya spetsial'nykh tsey: chemu učit', kogda nachinat' i kak proveryat'? [English for Specific Purposes: What to Learn, When to Start, and How to Test?]. In: *Angliyskiy yazyk dlya nefilologov. Problemy ESP* [English for non-philologists. ESP problems]. Voronezh: Istoki. pp. 5–13.
5. Kraeva, I.A. (2018) MSU Policy of Qualitative Linguistic Education. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Ser. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*. 2. pp. 9–17. (In Russian).
6. Tareva, E.G. (ed.) (2014) *Mezhkul'turnoe inoyazychnoe obrazovanie: lingvodidakticheskie strategii i taktiki* [Intercultural foreign language education: linguodidactic strategies and tactics]. Moscow: Logos.
7. Zimnyaya, I.A. (1991) *Psikhologiya obucheniya inostrannym yazykam v shkole* [Psychology of teaching foreign languages at school]. Moscow: Prosveshchenie.
8. Long, M. (2005) *Second Language Needs Analysis*. Cambridge, England: Cambridge University Press.
9. Vartanova, I.I. (1998) K probleme diagnostiki motivatsii [On the problem of diagnosing motivation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14: Psikhologiya – Moscow University Psychology Bulletin*. 2. pp. 80–87.
10. Il'in, E.P. (2000) *Motivatsiya i motivy* [Motivation and motives]. Saint Petersburg: Piter.
11. Ivanyushina, V.A., Aleksandrov, D.A. & Musabirov, I.L. (2016) Struktura akademicheskoy motivatsii: ozhidaniya i sub'ektivnye tsennosti osvoeniya universitetskogo kursa [The structure of academic motivation: expectations and subjective values of mastering the university course]. *Voprosy obrazovaniya*. 4. pp. 229–250.
12. Maloshonok, N.G., Semenova, T.V. & Terent'ev, E.A. (2015) Uchebnaya motivatsiya studentov rossiyskikh vuzov: vozmozhnosti teoreticheskogo osmysleniya [Educational motivation of Russian university students: the possibilities of theoretical comprehension]. *Voprosy obrazovaniya*. 3. pp. 92–121.
13. Kvach, N.V. (2005) *Formirovanie professional'noy gotovnosti studentov tekhnicheskikh vuzov sredstvami motivatsii k izucheniyu inostrannogo yazyka* [Formation of professional readiness of technical university students by means of motivation to learn a foreign language]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Kaluga.
14. Dornyei, Z., Henry, A. & Muir, C. (2016) *Motivational Currents in Language Learning: Frameworks for Focused Interventions*. New York: Routledge.
15. Kazar, S.G. & Mede, E. (2015) The Perceptions of ESP Students' Target Needs: A Case Study. *Procedia: Social and Behavioral Sciences*. 191. pp. 2526–2530.
16. Gordeeva, E.O., Sychev, O.A. & Osin, E.N. (2013) Vnutrennyaya i vneshnyaya uchebnaya motivatsiya studentov: ikh istochniki i vliyanie na psikhologicheskoe blagopoluchie [Students' internal and external educational motivation: sources and impact on psychological well-being]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 1–11.
17. Rozhdestvenskaya, E.M. & Zhavoronok, A.V. (2018) Subjective Assessment of Organizational and Pedagogical Frameworks of Bachelors' Project Work. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 434. pp. 167–177. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/434/23
18. Vodyakha, S.A. & Vodyakha, Yu.E. (2013) Sostoyanie вовлеченности в поток i vnutrennyaya motivatsiya kak determinanty uspekhnosti sozdaniya virtual'noy obrazovatel'noy sredy [Involvement in the flow and internal motivation as determinants of the success of creating a virtual educational environment]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 4. pp. 35–39.
19. Dornyei, Z. & Kubanyiova, M. (2014) *Motivating learners, motivating teachers: Building vision in the language classroom*. Cambridge: Cambridge University Press.
20. Kaplan, A. & Hanoch, F. (2009) Motivation and Identity: The Relations of Action and Development in Educational Contexts—An Introduction to the Special Issue. *Educational Psychologist*. 44 (2). pp. 73–77.
21. Taillefer, G.F. (2006) The professional language needs of Economics graduates: Assessment and perspectives in the French context. *English for Specific Purposes*. 26 (2). pp. 135–155.

Received: 12 January 2021

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.6

Г.А. Алексеев, А.А. Дюльденко

ОСОБЕННОСТИ ВИРТУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ, ЗАВИСИМЫХ ОТ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Проанализированы особенности цифрового поведения 345 пользователей социальной сети «ВКонтакте» с разной степенью выраженности зависимости от социальных сетей, которая измерялась с помощью адаптированной шкалы зависимости от социальных сетей Бергена. Было обнаружено, что более высокий уровень зависимости положительно коррелирует с количеством друзей в профиле и частотой использования социальных сетей. Было установлено, что такие поведенческие характеристики, как скрытие информации профиля, использование в качестве «аватара» стороннего изображения, заполнение графы «статус», согласие делиться ссылкой на профиль для участия в исследовании, а также количество подписчиков, не связаны с выраженностью изучаемой зависимости.

Ключевые слова: социальные сети; цифровое поведение; зависимость от социальных сетей; интернет-зависимость; контент-анализ.

Сегодня социальные сети – сайты и приложения, используемые для коммуникации, создания, распространения и потребления цифрового контента, стали неотделимой частью жизни многих людей. Согласно исследованию «Digital 2019. Essential insights into how people around the world use the internet, mobile devices, social media, and E-commerce», количество пользователей социальных сетей увеличилось с 1,857 до 3,484 млрд за период с 2014 по 2019 г. [1]. На фоне стремительного роста популярности данных сайтов и приложений, исследователей все чаще стал волновать вопрос о том, как влияет их использование на психологическое состояние пользователей.

Мета-анализ 2014 г., в рамках которого сопоставлялись результаты 8 797 участников из 18 исследований, выявил значимую среднюю положительную связь между использованием «Фейсбука» и выраженностью одиночества. Авторы при этом указывают, что, согласно результатам их анализа, использование «Фейсбука» не усиливает чувство одиночества. Более вероятно, что застенчивость и недостаток социальной поддержки провоцируют чувство одиночества, что ведет к более активному использованию «Фейсбука». По мнению авторов, использование «Фейсбука» и других подобных сайтов может помочь людям, страдающим от одиночества [2].

Более поздний мета-анализ, авторы которого проанализировали результаты 56 исследований, в которых приняли участие 27 867 респондентов, был посвящен последствиям проблемного использования «Фейсбука». Была обнаружена положительная корреляция между временем, проведенным онлайн, симптомами интернет-зависимости, а также отрицательная связь с самооценкой. Также было обнаружено, что у индивидов с высокими уровнями выраженности нейротизма и сознательности наблюдаются более выраженные симптомы проблемного использования «Фейсбука» [3].

Мета-анализ 2017 г., включивший результаты 19 652 участников из 67 исследований, выявил слабую положительную корреляцию между использованием социальных сетей, выраженностью симптомов депрессии и одиночества, при этом связи с са-

мооценкой и удовлетворенностью жизнью выявлено не было [4].

Зависимость от социальных сетей является одной из наиболее вероятных причин возникновения изменений в различных показателях психологического благополучия у пользователей. Тем не менее зависимость от социальных сетей на сегодняшний день не включена в качестве самостоятельного расстройства в мировые классификации заболеваний, в отличие от интернет-зависимости и зависимости от интернет-игр, которые уже признаны таковыми в DSM-5 [5].

Интернет-зависимость была признана расстройством на основании того, что, в отличие от пользователей, злоупотребляющих интернетом, у зависимых пользователей чаще развиваются проблемы со сном, изменения настроения, озабоченность, а также проблемы в разных сферах жизни [6]. Зависимые пользователи интернета проводят онлайн вдвое больше времени, чем те, у кого зависимость не обнаружена [7].

Есть основания полагать, что зависимость от социальных сетей следует рассматривать как самостоятельное расстройство. Одна из причин заключается в том, что люди впадают в зависимость не от самого интернета, а, скорее, от определенных видов активностей, связанных с интернетом [8].

Согласно типологии Янга, созданной еще в 1999 г., существует пять основных видов интернет-зависимостей: компьютерная зависимость (зависимость от компьютерных игр), информационная зависимость (зависимость от вэб-серфинга), сетевая компульсия (компульсивное совершение онлайн-покупок или игра в азартные игры), киберсексуальная зависимость (зависимость от потребления цифрового контента сексуального характера), зависимость от онлайн-отношений [9]. В рамках этой типологии зависимость от социальных сетей может быть отнесена к последней категории.

Гриффитс также определил зависимость от социальных сетей как самостоятельную зависимость на основе обнаружения у зависимых пользователей таких поведенческих критериев, как преобладание, изменение настроения, толерантность, синдром отмены,

конфликт и рецидив. Он также подчеркивал различие между зависимостью и злоупотреблением, которое заключается в том, что при злоупотреблении у человека выражены только некоторые критерии зависимости [10].

Ряд исследований показывает, что зависимость от социальных сетей коррелирует с симптомами одиночества [2], депрессии [11, 12], синдрома дефицита внимания и гиперактивности [13], обсессивно-компульсивного расстройства и тревоги [12], а также такой формой социальной тревожности, как страх, упустить что-либо (Fear of Missing Out) [14].

Отметим, что далеко не всегда зависимость от социальных сетей приводит к негативным психологическим последствиям. Отдельные исследования указывают на то, что зависимость может быть спровоцирована одиночеством [2], симптомами синдрома дефицита внимания и гиперактивности [13], а не провоцировать их.

Еще одно исследование выявило, что одиночество, проблемы с самооценкой и удовлетворенностью жизнью играют значительную роль в развитии интернет-зависимости [15]. Эксперимент Ханта и коллег, в рамках которого участники из экспериментальной группы ограничивали время использования социальных сетей «Фейсбук», «Инстаграм» и «Снепчат» десятью минутами в день, показал снижение у них симптомов одиночества и депрессии спустя три недели. Примечательно, что симптомы тревоги и страха упустить что-либо снизились у участников как из экспериментальной, так и из контрольной группы, которые не ограничивали свое времяпрепровождение в социальных сетях, но знали, что время их пребывания отслеживается [16].

Таким образом, зависимость от социальных сетей связана с рядом признаков психологического неблагополучия, однако механизмы этой связи еще не изучены до конца. На этом фоне актуальной становится проблема отсутствия надежного психодиагностического инструментария диагностики зависимости от социальных сетей. Настоящее исследование частично способствует решению данной проблемы благодаря адаптации диагностической методики и выявлению особенностей цифрового поведения пользователей с симптомами зависимости от социальных сетей.

Главный исследовательский вопрос настоящего исследования был сформулирован следующим образом: какие особенности цифрового поведения пользователей могут указывать на выраженность симптомов зависимости от социальных сетей? Чтобы ответить на этот вопрос, мы сформулировали несколько общих и частных гипотез.

Согласно **первой общей гипотезе**, пользователи с более высоким уровнем зависимости от социальных сетей склонны проявлять большую активность в социальных сетях. Из этого вытекают три частные гипотезы:

1. Существует положительная корреляционная связь между количеством друзей в профиле и выраженностью зависимости от социальных сетей.

2. Существует положительная корреляционная связь между количеством подписчиков профиля и выраженностью зависимости от социальных сетей.

3. Существует положительная корреляционная связь между частотой использования социальных сетей и выраженностью зависимости от социальных сетей.

4. Существуют статистически значимые различия в выраженности зависимости от социальных сетей между респондентами, которые заполнили графу «статус», и теми, кто оставил графу пустой.

В рамках **второй общей гипотезы** было сформулировано предположение о том, что респонденты с более высоким уровнем зависимости от социальных сетей в большей степени склонны скрывать свое цифровое поведение. На основании этого предположения были сформулированы две другие частные гипотезы о различии между группами:

5. Существуют статистически значимые различия в выраженности зависимости от социальных сетей между респондентами, которые скрыли данные своего аккаунта, и теми, кто оставил доступ к нему открытым (одна из базовых настроек профиля).

6. Существуют статистически значимые различия в выраженности зависимости от социальных сетей между респондентами, которые разместили в качестве «аватара» предположительно собственные фотографии, и теми, кто разместил сторонние изображения.

Кроме того, нами были сформулированы три дополнительные исследовательские гипотезы:

1. Существуют статистически значимые различия в выраженности зависимости от социальных сетей между респондентами мужского и женского пола.

2. Существует отрицательная корреляционная связь между возрастом пользователей и выраженностью зависимости от социальных сетей.

3. Существуют статистически значимые различия в выраженности зависимости от социальных сетей между респондентами, которые поделились ссылкой на свой профиль, и теми, кто предпочел не предоставлять ссылку.

Процедура. Участие в исследовании было добровольным. Участники были осведомлены о том, что могут в любой момент прекратить участие в исследовании. После ответов на вопросы участникам предлагалось поделиться ссылкой на свой профиль в социальной сети «ВКонтакте», чтобы мы могли использовать его для контент-анализа в дальнейшем. Все анкеты заполнялись в одной из онлайн-платформ с открытым прямым доступом по ссылке для респондентов (без необходимости регистрации).

Выборка. На этапе сбора данных были получены результаты 395 пользователей из России. После удаления результатов некорректно заполненных анкет осталось 345 наблюдений. Из них 61 было получено от мужчин, 284 – от женщины. Возраст респондентов: от 16 до 59 лет (среднее = 21,637). Поделились своими профилями в «ВКонтакте» для дальнейшего контент-анализа 95 пользователей.

Частота использования социальных сетей. Для измерения частоты использования социальных сетей пользователям предлагалось ответить на вопрос «Как

часто Вы используете социальные сети?», выбрав один из четырех вариантов ответа: «Раз в неделю или реже», «Несколько раз в неделю», «Каждый день, но ограниченное количество времени», «Всегда, когда есть свободное время».

Используемые социальные сети. Респондентам было предложено выбрать один или несколько вариантов ответа на вопрос: «Какими социальными сетями Вы обычно пользуетесь?». Возможные варианты: «ВКонтакте», «Инстаграм», «Фейсбук», «Одноклассники», «Твиттер», «Другое».

Шкала зависимости от социальных сетей Бергена. Для диагностирования выраженности симптомов зависимости от социальных сетей у респондентов мы адаптировали англоязычную Шкалу зависимости от социальных сетей Бергена (*Bergen Social Media Addiction Scale*) в модификации К.С. Андерсеном и др. (Anderson et. al, 2016). Шкала из 6 вопросов, каждый из которых соответствует одному из критериев поведенческой зависимости: преобладание (*salience*) – ситуация, при которой определенное поведение становится доминирующим в жизни человека, определяет его действия и мышление; стремление/толерантность (*craving/tolerance*) – ситуация, при которой для получения одного и того же эффекта человеку требуется осуществлять больше действий, ведущих к нему, чем требовалось ранее; избегание (*withdrawal*) – негативные эмоции и/или неприятные физические ощущения, возникающие вследствие прекращения или резкого снижения осуществления определенной активности; срыв/потеря контроля (*relapse/loss of control*) – склонность повторно осуществлять поведение, связанное с зависимостью, даже после долгого перерыва; изменение настроения (*mood modification*) – субъективно переживаемые вследствие осуществления какой-либо деятельности изменения в настроении; конфликт/нарушения поведения (*conflict/functional impairment*) – внутриличностные или межличностные конфликты, возникающие на почве осуществления деятельности, от которой личность зависима [10].

Респондентам предлагалось оценить свое согласие с каждым из шести утверждений методики по 5-балльной шкале Ликерта, выбрав один из ответов на вопрос «В течение последнего года Вы...». Варианты ответа: «Очень редко», «Редко», «Иногда», «Часто», «Очень часто».

В процессе адаптации методики текст каждого утверждения и инструкции был переведен на русский язык, затем подвергнут обратному переводу другим специалистом с целью сохранения точности формулировок.

Контент-анализ. В современных социальных исследованиях применение контент-анализа автоматизированными средствами становится основным инструментом получения и обработки данных. В изучении не(благополучия) населения регионов РФ 2020 г. были использованы автоматизированные алгоритмы получения и обработки данных для классификации сообщений и постов в сообществах социальной сети «ВКонтакте» [17]. Это позволило проанализировать

около 1,7 млн постов, что, безусловно, невозможно было бы сделать вручную.

В нашем исследовании сбор и анализ данных о пользователях, предоставивших согласие на использование сведений своего аккаунта в обезличенной форме, также был осуществлен автоматизировано.

Сведения были получены через API ВКонтакте – интерфейса обращения к базам данных vk.com с помощью HTTP-запросов. Для загрузки данных была использована специальная библиотека vk. Загрузив список идентификаторов 95 пользователей, мы получили в машиночитаемом формате следующие данные: количество друзей в профиле, количество подписчиков, тип аккаунта (закрытый/открытый), наличие/отсутствие заполненного статуса. Весь алгоритм реализован на языке программирования Python 3.

Определение типа изображения профиля происходило вручную. Они были разделены на два типа: фотографии, на которых предположительно изображен пользователь (портретный снимок) и сторонние изображения (рисунки и иллюстрации без изображения человека).

Анализ полученных данных и контента происходил в программе Stata 14.

Анализ результатов. Для проверки надежности адаптированной шкалы был применен метод α -Кронбаха. Для проверки нормальности распределения шкалы выраженности зависимости от социальных сетей Бергена был применен критерий Шапиро–Уилка. В силу ранговой природы изучаемой шкалы и отличия ее распределения от нормального, для проверки корреляционных исследовательских гипотез был применен коэффициент корреляции Кендалла. Для проверки гипотез о наличии различий между двумя группами был применен критерий Уилкоксона.

Результаты. Отвечая на вопрос о частоте использования социальных сетей, 230 респондентов (66,67%) ответили, что используют их «Всегда, когда есть свободное время», 107 респондентов (31,01%) ответили, что используют их «Каждый день, но ограниченное количество времени», только 8 респондентов (2,32%) ответили, что используют их «Несколько раз в неделю» / «Раз в неделю или реже».

На вопрос о том, какие социальные сети использует респондент, были получены следующие ответы. «ВКонтакте»: 314 (91,01%) ответили положительно, 31 (8,99%) – отрицательно. «Инстаграм»: 291 (84,35%) ответили положительно, 54 (15,65%) – отрицательно. «Фейсбук»: 26 (7,54%) ответили положительно, 319 (92,46%) – отрицательно. «Одноклассники»: 31 (8,99%) ответили положительно, 314 (91,01%) – отрицательно. «Твиттер»: 39 (11,30%) ответили положительно, 306 (88,70%) – отрицательно. Таким образом, самыми популярными социальными сетями оказались «ВКонтакте» и «Инстаграм». Отметим, что такие результаты могут быть следствием демографических особенностей выборки и не отражать предпочтения всех российских пользователей.

Для проверки надежности адаптации шкалы зависимости от социальных сетей Бергена использовался метод α -Кронбаха ($\alpha = 0,7410$). Возможные значения по шкале от 1 до 6 баллов. Среди испытуемых мини-

мальное значение составило 1 балл, максимальное 4,66, среднее 2,20, среднеквадратическое отклонение 0,78. Согласно результатам теста Шапиро–Уилка распределение шкалы зависимости отличалось от нормального ($p = 0,0000$).

Средние значения (в пределах 1 среднеквадратического отклонения) были выявлены у 59,71%. Значение ниже среднего (более 1 среднеквадратического отклонения от среднего) были выявлены у 17,68% респондентов. Значение выше среднего по шкале (более 1 среднеквадратического отклонения от среднего) были выявлены у 17,39% респондентов. Высокие значения (более 2 среднеквадратического отклонения от среднего) – у 4,35% респондентов.

Первая исследовательская гипотеза о наличии положительной корреляционной связи между количеством друзей в профиле и выраженностью зависимости от социальных сетей нашла подтверждение. Обнаружена статистически значимая положительная корреляционная связь между этими параметрами ($\text{tau-b} = 0,2197$, $p = 0,0025$).

Вторая исследовательская гипотеза о наличии положительной корреляционной связи между количеством подписчиков профиля и выраженностью зависимости от социальных сетей не была подтверждена ($\text{tau-b} = 0,0887$, $p = 0,2307$).

Третья исследовательская гипотеза о наличии положительной корреляционной связи между частотой использования социальных сетей и выраженностью зависимости от социальных сетей была подтверждена. Была обнаружена статистически значимая, умеренная положительная корреляционная связь ($\text{tau-b} = 0,3425$, $p = 0,0000$) между двумя переменными.

Четвертая исследовательская гипотеза о наличии статистически значимых различий в выраженности зависимости от социальных сетей между респондентами, которые заполнили графу «статус», и теми, кто оставил графу пустой, не подтвердилась ($p = 0,7692$).

Пятая исследовательская гипотеза о том, что существуют статистически значимые различия в выраженности зависимости от социальных сетей между респондентами, которые скрыли данные своего аккаунта, и теми, кто оставил доступ к нему открытым, не подтвердилась ($p = 0,4140$).

Шестая исследовательская гипотеза, согласно которой существуют статистически значимые различия в выраженности зависимости от социальных сетей между респондентами, которые разместили в качестве «аватара» предположительно собственные фотографии, и теми, кто разместил сторонние изображения, также не подтвердилась ($p = 0,2293$).

Проверка **первой дополнительной гипотезы** о наличии различий в уровне выраженности зависимости от социальных сетей между мужчинами и женщинами выявила статистически значимое различие ($p = 0,0103$). Средний уровень зависимости от социальных сетей среди женщин (среднее = 2,2494) выше такового у мужчин (среднее = 1,9672).

В рамках проверки **второй дополнительной гипотезы** была обнаружена значимая, но очень слабая отрицательная корреляция между возрастом и уров-

нем выраженности зависимости от социальных сетей ($\text{tau-b} = -0,0789$, $p = 0,044$).

Проверка **третьей дополнительной гипотезы** о наличии статистически значимых различий в выраженности зависимости от социальных сетей между респондентами, которые поделились ссылкой на свой профиль, и теми, кто предпочел не предоставлять ссылку, не подтвердилась ($p = 0,4997$).

Заключение

Таким образом, гипотезы о наличии связи между выраженностью зависимости от социальных сетей и количеством друзей в профиле у испытуемого, а также между выраженностью зависимости от социальных сетей и частотой использования социальных сетей подтвердились. В то же время количество подписчиков не коррелирует с уровнем зависимости, также не было обнаружено статистических различий между респондентами, которые заполнили/не заполнили графу «статус» в своем профиле. Эти данные позволяют нам сделать вывод о том, что первая общая гипотеза о связи зависимости с активностью использования социальных сетей частично подтвердилась. Активность использования социальных сетей действительно является потенциальным маркером зависимости.

Две другие частные гипотезы о различии в выраженности зависимости между группами респондентов, скрывшими/не скрывшими доступ к информации на своих страницах и разместившими в качестве «аватара» настоящие фото/сторонние изображения, не нашли своего подтверждения. Это позволяет нам заключить, что вторая частная исследовательская гипотеза, в рамках которой предполагалось, что пользователи с более выраженными симптомами зависимости от социальных сетей склонны скрывать свое цифровое поведение, не подтвердилась.

Также частично были подтверждены дополнительные гипотезы. Во-первых, была обнаружена очень слабая отрицательная связь между возрастом респондентов и выраженностью зависимости. Были также обнаружены различия в выраженности зависимости от социальных сетей между респондентами мужского и женского пола, при этом у женщин средний уровень выраженности оказался выше, чем у мужчин. В свою очередь, различий между респондентами, заполнившими графу «статус», и теми, кто оставил графу пустой, обнаружено не было.

Очевидно, что данных, полученных в рамках настоящего исследования, недостаточно для того, чтобы на их основе можно было с уверенностью предполагать у пользователя более высокий или более низкий уровень зависимости от социальных сетей. В то же время на основе этих данных и с помощью апробированной нами методики в дальнейшем возможно продолжение исследований и поиск более информативных маркеров зависимости.

Одним из направлений дальнейших исследований должен быть анализ других поведенческих критериев, на основе которых, вероятно, можно будет более точно диагностировать проблемы с ис-

пользованием социальных сетей. Предположительно, имеет смысл подвергнуть анализу эмоциональное содержание контента, который публикуют респонденты, точное время и частоту использования ими социальных сетей, а также их эмоциональное состояние в непосредственные моменты использо-

вания социальных сетей. Очевидной трудностью подобных исследований является необходимость использования дополнительного программного обеспечения и получения дополнительных разрешений от пользователей на сбор скрытых данных их аккаунтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kemp S. Digital 2019: Essential insights into how people around the world use the internet, mobile devices, social media, and E-commerce // We are Social. 2019. С. 1–221.
2. Song H. et al. Does Facebook make you lonely?: A meta analysis // Computers in Human Behavior. 2014. Vol. 36. P. 446–452.
3. Marino C. et al. A comprehensive meta-analysis on problematic Facebook use // Computers in Human Behavior. 2018. Vol. 83. P. 262–277..
4. Huang C. Time spent on social network sites and psychological well-being: A meta-analysis // Cyberpsychology, Behavior and Social Networking. 2017. Vol. 20, № 6. P. 346–354.
5. Regier D.A., Kuhl E.A., Kupfer D.J. The DSM-5: Classification and criteria changes // World psychiatry. 2013. Vol. 12, Is. 2. P. 92–98..
6. Griffiths M.D. et al. The evolution of Internet addiction: A global perspective // Addictive behaviors. 2016. Vol. 53. P. 193–195.
7. Yang S.C., Tung C.J. Comparison of Internet addicts and non-addicts in Taiwanese high school // Computers in human behavior. 2007. Vol. 23, Vol. 1. P. 79–96.
8. Griffiths M.D. Social networking addiction: Emerging themes and issues // Journal of Addiction Research & Therapy. 2013. Vol. 4, № 5.
9. Young K.S. The research and controversy surrounding internet addiction // CyberPsychology & Behavior. 1999. Vol. 2, Is. 5. P. 381–383.
10. Griffiths M.A. 'Components' model of addiction within a biopsychosocial framework // Journal of Substance use. 2005. Vol. 10, Is. 4. P. 191–197.
11. Lin L.Y. et al. Association between social media use and depression among US young adults // Depression and anxiety. 2016. Vol. 33, Is. 4. P. 323–331.
12. Andreassen C.S. et al. The relationship between addictive use of social media and video games and symptoms of psychiatric disorders: A large-scale cross-sectional study // Psychology of Addictive Behaviors. 2016. Vol. 30, Is. 2. P. 252.
13. Settanni M. et al. The interplay between ADHD symptoms and time perspective in addictive social media use: a study on adolescent Facebook users // Children and Youth Services Review. 2018. Vol. 89. P. 165–170.
14. Blackwell D. et al. Extraversion, neuroticism, attachment style and fear of missing out as predictors of social media use and addiction // Personality and Individual Differences. 2017. Vol. 116. P. 69–72.
15. Bozoglan B., Demirer V., Sahin I. Loneliness, self-esteem, and life satisfaction as predictors of Internet addiction : A cross-sectional study among Turkish university students // Scandinavian journal of psychology. 2013. Vol. 54, Is. 4. P. 313–319.
16. Hunt M.G. et al. No more FOMO : Limiting social media decreases loneliness and depression // Journal of Social and Clinical Psychology. 2018. Vol. 37, Is. 10. P. 751–768.
17. Щекотин Е.В., Мягков М.Г., Гойко В.Л., Кашпур В.В., Коварж Г.Ю. Субъективная оценка (не) благополучия населения регионов РФ на основе данных социальных сетей // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 78–116. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.05.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 15 февраля 2021 г.

Features of the Digital Behavior of Users with Social Media Addiction

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 100–105.

DOI: 10.17223/15617793/467/13

Gleb A. Alekseev, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: glebsseriousacc@gmail.com

Aleksandr A. Dyuldenko, Kriptonite (Moscow, Russian Federation); Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation).

E-mail: 2017126@mail.ru

Keywords: social media, digital behavior, social media addiction, internet addiction, content analysis.

The aim of this study was to analyze the features of digital behavior of VKontakte users with varying degrees of severity of social networking addiction. Social networking addiction is a behavior addiction which was found to be related to depression, anxiety, loneliness, ADHD, fear of missing out, and a number of behavioral impairments. The study was conducted on 345 social networks users from Russia. Among them, 95 participants provided a link to their VKontakte profiles for the purposes of further content analysis. Participation in the study was voluntary, no rewards for participation were expected. The severity of social networking addiction was measured with the Bergen Social Media Addiction Scale (BSMAS) modified by C.S. Andreassen and colleagues. The scale contains 6 items related to 6 dependency parameters: Salience, Craving/Tolerance, Mood Modification, Relapse/Loss of Control, Withdrawal, and Conflict/Functional Impairment. The scale was adapted and translated into Russian for the purposes of this study. Data on the features of digital behavior was collected using content analysis. The information was obtained through the VKontakte API – an interface for accessing vk.com databases using HTTP requests. To export the data, a special VK library was used. Having downloaded the list of identifiers of 95 users, we received the following data in a machine-readable format: the number of friends in the profile, the number of subscribers, the type of account (closed/opened), the presence/absence of a completed status. The whole algorithm was implemented in the Python 3 programming language. The profile picture type was defined “manually”. The pictures were divided into two types: photographs that supposedly depict the user (portraits) and other images (drawings and illustrations without a person). To testify the reliability of the adapted scale, Cronbach’s α method was applied. The Shapiro-Wilk test was used to test the normality of distribution of the Bergen Social Media Addiction Scale. Kendall’s correlation coefficient was applied to testify the correlational research hypotheses, while Wilcoxon’s test was applied to testify hypotheses about differences between independent groups of users. The analysis revealed that higher levels of addiction is positively correlated with the number of friends on the profile and the frequency of social media use. We also found that such behavioral characteristics as hiding profile information, using a third-party image as an “avatar”, filling in the “status” column, agreeing to share a link to a profile to participate in the study, as well as the number of subscribers, are not related to the severity of social media addiction. Practical applicability, limitations, and directions for future researches were discussed.

REFERENCES

1. Kemp, S. (2019) Digital 2019: Essential insights into how people around the world use the internet, mobile devices, social media, and E-commerce. In: *We Are Social: global Digital Report*. pp. 1–221.
2. Song, H. et al. (2014) Does Facebook make you lonely?: A meta analysis. *Computers in Human Behavior*. 36. pp. 446–452.
3. Marino, C. et al. (2018) A comprehensive meta-analysis on problematic Facebook use. *Computers in Human Behavior*. 83. pp. 262–277.
4. Huang, C. (2017) Time spent on social network sites and psychological well-being: A meta-analysis. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*. 20 (6). pp. 346–354.
5. Regier, D.A., Kuhl, E.A. & Kupfer, D.J. (2013) The DSM-5: Classification and criteria changes. *World Psychiatry*. 12 (2). pp. 92–98.
6. Griffiths, M.D. et al. (2016) The evolution of Internet addiction: A global perspective. *Addictive Behaviors*. 53. pp. 193–195.
7. Yang, S.C. & Tung, C.J. (2007) Comparison of Internet addicts and non-addicts in Taiwanese high school. *Computers in Human Behavior*. 23 (1). pp. 79–96.
8. Griffiths, M.D. (2013) Social networking addiction: Emerging themes and issues. *Journal of Addiction Research & Therapy*. 4 (5).
9. Young, K.S. (1999) The research and controversy surrounding internet addiction. *CyberPsychology & Behavior*. 2 (5). pp. 381–383.
10. Griffiths, M.A. (2005) 'Components' model of addiction within a biopsychosocial framework. *Journal of Substance Use*. 10 (4). pp. 191–197.
11. Lin, L.Y. et al. (2016) Association between social media use and depression among US young adults. *Depression and Anxiety*. 33 (4). pp. 323–331.
12. Andreassen, C.S. et al. (2016) The relationship between addictive use of social media and video games and symptoms of psychiatric disorders: A large-scale cross-sectional study. *Psychology of Addictive Behaviors*. 30 (2). p. 252.
13. Settanni, M. et al. (2018) The interplay between ADHD symptoms and time perspective in addictive social media use: a study on adolescent Facebook users. *Children and Youth Services Review*. Vol. 89. pp. 165–170.
14. Blackwell, D. et al. (2017) Extraversion, neuroticism, attachment style and fear of missing out as predictors of social media use and addiction. *Personality and Individual Differences*. 116. pp. 69–72.
15. Bozoglan, B., Demirel, V. & Sahin, I. (2013) Loneliness, self-esteem, and life satisfaction as predictors of Internet addiction: A cross-sectional study among Turkish university students. *Scandinavian Journal of Psychology*. 54 (4). pp. 313–319.
16. Hunt, M.G. et al. (2018) No more FOMO: Limiting social media decreases loneliness and depression. *Journal of Social and Clinical Psychology*. 37 (10). pp. 751–768.
17. Shchekotin, E.V. et al. (2020) Subjective Measurement of Population Ill-Being/Well-Being in the Russian Regions Based on Social Media Data. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*. 1. pp. 78–116. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.05

Received: 15 February 2021

Н.К. Габдрахманов, В.В. Орлова, Ю.К. Александрова

МИГРАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНТОВ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ

Анализируется образовательная и трудовая миграция 400 тысяч выпускников российских вузов из восьми университетов на основе данных цифровых следов. Выделяются несколько типов последовательного миграционного поведения от школы до университета и далее на рынке труда. На примере нескольких вузов показываются различия в миграционном поведении студентов.

Ключевые слова: человеческий капитал; высшее образование; миграция; молодежь; студенты; цифровой след; социальные сети; ВКонтакте; университеты; вклад в социально-экономическое развитие регионов.

Введение

Становление концепции человеческого капитала связано с тем историческим этапом экономического развития, когда скорость различий между отдельными промышленно развитыми и отсталыми государствами резко увеличилась. В настоящее время идеи К. Маркса, высказанные им в эпоху индустриального развития общества о человеке как капитале, приобретают снова актуальность. В период постиндустриализма «человеческий капитал» наполняется новым качественным содержанием.

Один из основоположников современной теории человеческого капитала Т. Шульц [1. Р. 15] сформулировал несколько ключевых моментов, важных для нашего исследования: образование выступает одной из форм человеческого капитала, является важнейшим фактором, обеспечивающим экономический рост, и одновременно фактором, обособившимся вне субъектов институциональной среды; капитал образования – это человеческий капитал, поскольку неотделим от человека; инвестирование в образование является одним из вложений средств в факторы производства, которые создают прибавочный продукт. Общеизвестный создатель научной школы в рамках теории человеческого капитала Г. Беккер писал, что человеческий капитал формируется за счет инвестиций в человека [2. Р. 24]. Таким образом, образование в широком смысле включает общие знания, специальные знания и иные знания (социальные, гуманитарные, работа с информационными продуктами и услугами), получаемые за счет различных социальных институтов; как три формы человеческого капитала эти знания сосуществуют и имеют нетождественную материальную (инвестиционную) обеспеченность. Общий человеческий капитал формируется в результате реализации функций семьи, образовательных учреждений. Специальный человеческий капитал накапливается в процессе трудовой деятельности. Прочий человеческий капитал формируется в результате поиска перспективного места работы [3. С. 92].

Мобильность человеческих ресурсов повышает важность миграционных исследований, влияния миграции, в том числе образовательной, трудовой на экономический рост государств, и общественное развитие в целом. Наряду с Г. Беккером (G.S. Becker, 1962, 1964) исследовательскую основу миграционных процессов заложили Дж. Минсер (J. Mincer, 1978),

Дж. Харис, М. Тодаро, (J. Harris, M. Todaro, 1970). Работы Б. Чизвика (B.R. Chiswick, 1978), Дж. Боржаса (G.J. Borjas, 1985) обосновали существование эффекта когорты, образования, значение опыта работы, региона происхождения, другие факторы. Изучение миграционного движения связано с созданием Сибирского отделения АН СССР в начале 60-х гг. XX в. Ученые (Т.И. Заславская, В.Д. Миркин, В.М. Моисеенко, В.И. Мукомель, И.А. Данилова, Т.Д. Иванова, Л.Н. Казакова др.) исследовали факторы миграции, межрайонные, межобластные миграционные связи; анализировалась взаимосвязь с миграционным движением, трудообеспеченностью, проблемы миграции молодежи.

Применительно к нашему исследованию отметим значимые работы Ж. Зайончковской, Г. Витковской, А. Зайцевой, которые посвящены перемещению рабочей силы, регулированию рабочей силы и вынужденной миграции [4. С. 65; 5. С. 560].

Миграционные процессы в глобальном масштабе давно стали одними из основополагающих в мировой экономике. Во второй половине XX в. миграция, как внутренняя, так и международная, стала носить массовый характер, появились определенные направления миграционных процессов, которые во многом были связаны с политическими причинами и военными конфликтами. К 2000 г. 3% населения мира стали жить не в своем регионе, где они родились. Миграционные потоки играют стабилизирующую роль в национальных рынках труда, поскольку обеспечивают выравнивание спроса и предложений по определенным профессиям.

Миграция связана с разным типом тональности – положительным/отрицательным эффектом принимающего региона, его бюджета, рынка труда, таких как удовлетворение спроса на рабочую силу определенной квалификации, прирост населения за счет малоосвоенных территорий, вытеснение местных работников, культурные конфликты и др. В широком смысле миграция представляет собой территориальные перемещения между разными населенными пунктами в рамках одной/нескольких территориальных единиц. Если говорить о минимальном наборе социальных гарантий, то в странах Евросоюза это дает более высокий уровень качества жизни, особенно для низкоквалифицированных рабочих. Что касается высококвалифицированной рабочей силы, то возникает ситуация нерациональности: с одной стороны, недостаточная информированность работодателя и желание снизить свои риски, с другой –

некоторые категории мигрантов могут конкурировать с местным населением. Такие обстоятельства дают возможности для работодателя использовать мигранта за меньшее денежное вознаграждение. Кроме того, нерациональность свойственно проявлять мигрирующей молодежи в части завышенных ожиданий, в отношении условий пребывания в другом регионе. Таким образом, миграционное движение играет важную роль в формировании населения и рынка труда.

Миграция населения оказывает серьезное влияние на изменение численности населения, половозрастной структуры, культурного ландшафта и т.д. Все это оказывает непосредственное влияние на социально-экономическое развитие регионов и городов. Численность населения напрямую связана с бюджетом города или региона [6. С. 582]. От численности постоянного населения зависит количество средств, которое муниципальное образование будет получать из федерального бюджета. Численность населения применяется при расчете обеспеченности объектами социальной инфраструктуры, оказывает влияние на формирование бюджетообразующих показателей. Уезжают из региона, как правило, наиболее талантливые и мотивированные люди, что оставляет заметный след на социально-экономическом климате региона.

Анализ последствий и причин молодежной миграции всегда находился и продолжает находиться в центре внимания исследователей [7. С. 85; 8. Р. 589; 9. Р. 138; 10. Р. 2]. Одной из ключевых целей переезда

является получение образования [11. С. 64; 12. С. 45; 13. Р. 102]. Так как университеты в отличие от других образовательных учреждений расположены в крупных городах, то не у всех есть возможность получить высшее образование в своем городе или даже регионе [14. С. 10], что вынуждает молодежь покидать родные места. В первую очередь такая возможность отсутствует у жителей сельской местности и малых городов. Это определяет привлекательность ряда крупных городов как с точки зрения возможности получить образование [15. С. 96], так и места на рынке труда. Таким образом, формируются точки притяжения молодежи и человеческого капитала в целом [16. Р. 210; 17. Р. 2511; 18. Р. 981]. Учет привлекательности образовательных рынков и предпочтений молодежи становится ключевым для социально-экономического развития городов и регионов, так как именно этот фактор позволяет конкурировать на межрегиональном и международном рынке, привлекая талантливую молодежь [19. Р. 162].

Анализ молодежной миграции позволяет выделить ряд особенностей, характерных для России и мира в целом. Миграционная активность разных возрастов отличается и своим масштабом, и мотивами. В частности, если говорить о молодежной миграции, то ключевым мотивом остается получение образования и трудоустройство. По своим масштабам она значительно превышает мобильность других возрастных групп (рис. 1).

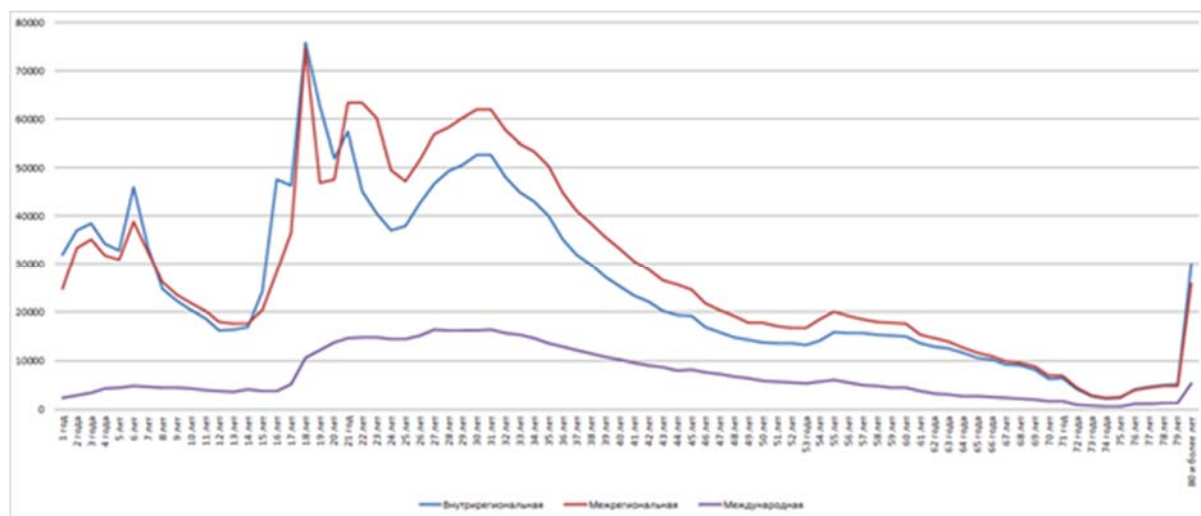

Рис. 1. Возрастной профиль миграции в РФ: число прибывших, чел, 2018 г. (построено авторами на основе данных Росстата)

Возрастной профиль миграции (рис. 1) позволяет выделить несколько пиков в миграционном поведении населения. Одним из самых существенных пиков является возраст 18–19, когда молодежь определяется с образовательным «треком», два других, чуть менее выраженных, можно наблюдать в возрасте 21–22 лет, когда они оканчивают уровень бакалавриата и определяются с дальнейшей траекторией обучения. Одни из них трудоустраиваются, другие поступают в магистратуру. И еще один пик можно выделить в возрасте 30 лет, который, вероятнее всего, обусловлен трудовой миграцией или семейными обстоятельствами.

После этого возраста миграционная активность населения угасает.

Большинство молодых мигрантов устремляется в города-миллионники. Это одна из особенностей, которая отличает молодежную миграцию в России от ряда зарубежных практик. Так, центры притяжения молодежи в студенческом возрасте не всегда соотносятся с центрами притяжения мигрантов, иногда они не совпадают друг с другом [20. Р. 202]. Другими словами, центры образовательной миграции не всегда совпадают с центрами миграции в целом. Также одной из особенностей образовательной миграции яв-

ляются качественные факторы: престижность и репутация вуза [21. Р. 168; 22. Р. 1592], возможность дальнейшего трудоустройства в регионе и экономическое благополучие. Таким образом, на миграцию молодежи оказывают воздействие множество факторов, которые требуют пристального внимания.

Структура образовательной сети, востребованность высшего образования, его доступность в разных регионах России определяют масштабы и направления образовательной миграции. Проведенные ранее исследования [23. С. 25; 24. С. 20] позволили выделить наиболее привлекательные региональные системы высшего образования и характеризующиеся меньшей привлекательностью. Среди наиболее привлекательных регионов с точки зрения получения высшего образования стоит отнести Санкт-Петербург и Ленинградскую область, Томскую область, Новосибирскую область, Москву и Московскую область, Республику Татарстан. Наименее привлекательными являются Камчатский край, Еврейская автономная область, Республика Алтай, Мурманская область, Республика Тыва, Республика Ингушетия, Сахалинская область. Стоит отдельно отметить Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ и Ямало-Ненецкий автономный округ, в которых нет вузов или имеются только их филиалы.

В последнее время особое внимание исследователей привлекают вопросы качества образования, тогда как вопросы территориальной доступности считаются решенными. На наш взгляд, фактор территориальной доступности учебного заведения продолжает играть значимую роль при выборе вуза. При этом если для прочих уровней образования это предположение можно в большинстве своем считать справедливым, то для сектора высшего образования это не так, так как вузы размещены не повсеместно, и выбор продиктован необходимостью пространственной мобильности. Помимо этого, работы, исследующие доступность высшего образования в России, редко имеют масштаб субъектов, что необходимо для анализа региональной неравномерности и несбалансированности. Таким образом, политика в области высшего образования, ориентированная на повышение востребованности местных университетов, может позитивным образом сказаться на формировании точек притяжения и удержания молодежи на местах.

Методология и данные исследования

Основными источниками данных о миграции населения являются данные переписи населения, текущий учет миграции, а также ведомственная статистика [25. С. 3]. Так как в нашем исследовании фокус внимания ориентирован на образовательную миграцию, то одним из ключевых ведомств является Министерство высшего образования и науки. Ведомственная статистика используется для получения углубленной информации об отдельных категориях мигрантов. В частности, сведения о перемещениях с образовательной целью позволяют получить данные Федеральной информационной системы и региональных информационных систем по проведению госу-

дарственной итоговой аттестации обучающихся, освоивших основные образовательные программы основного общего и среднего общего образования, по приему в образовательные организации для получения среднего профессионального и высшего образования (ФИС ГИА и Приёма). Также сведения о доли обучающихся из других регионов содержатся в форме ВПО-1 Минобрнауки. Ряд исследователей использует соотношение форм ведомственной статистики для выявления масштабов образовательной миграции молодежи в российских регионах [26. С. 83].

Также важным источником данных о миграции молодежи являются результаты выборочных опросов выпускников школ [27. С. 270] либо опросов студентов относительно их уже совершенных миграций и намерений переехать [28. С. 78; 29. С. 119]. В фокусе внимания могут находиться отдельные вузы [30] или роль вуза в трудоустройстве молодежи [31. С. 1].

Развитие информационных технологий в современном мире привело к тому, что человек в сети Интернет буквально создает своего цифрового двойника, заполняя данные профиля в социальных сетях. Исследование данных соцсетей позволяет детально рассмотреть различные данные пользователей, в том числе проследить образовательные и трудовые траектории, их интересы, круг общения, политические убеждения и пр. В России наиболее популярна социальная сеть «ВКонтакте» [32], по открытым данным на конец декабря 2020 г. в ней зарегистрировано более 510 млн пользователей [33]. Поэтому использование данных именно этой сети целесообразно для получения информации о пользователях. При помощи открытого API «ВКонтакте» были получены данные о родном городе и текущем месте проживания пользователей. Отметим, что в анализе использованы только открытые обезличенные данные профилей пользователей, а также осуществлена дополнительная фильтрация аккаунтов на наличие ботов и фейковых профилей в целях валидации данных. Верификация пользователей производилась с помощью анализа публикационной активности, реакций на контент (лайки, репосты), времени в сети, а данные об их местоположении подтверждались путем анализа интернет-сообществ, на которые они подписаны (паблики, региональные сообщества). Отметим, что для определения принадлежности географического пункта, указанного пользователем в профиле, к субъекту Российской Федерации использовалась база населенных пунктов социальной сети «ВКонтакте»: каждый отдельный населенный пункт вне зависимости от размера имеет уникальный идентификатор, относящий его к определенному субъекту, таким образом, количество ошибок по определению географии сводится к минимуму. Кроме того, чтобы дополнительно проверить данные профилей, использовались подписки пользователя для установления достоверности географического субъекта: если пользователь подписан на ряд пабликов определенного региона, который соответствовал указанному в его профиле, то добавлялся в итоговую выборку.

Мониторинг образовательных и трудовых траекторий молодежи позволяет выделить несколько наиболее

популярных вариантов миграционного поведения студентов. Авторы другого исследования уже использовали подобную типологию для оценки миграционно-трудового поведения примерно 300 тыс. выпускников британских университетов [34]. Их

получилось выделить путем соотнесения всех указанных пользователем местоположений. Таким образом, авторами исследования были выделены следующие варианты миграционного поведения студентов (рис. 2).

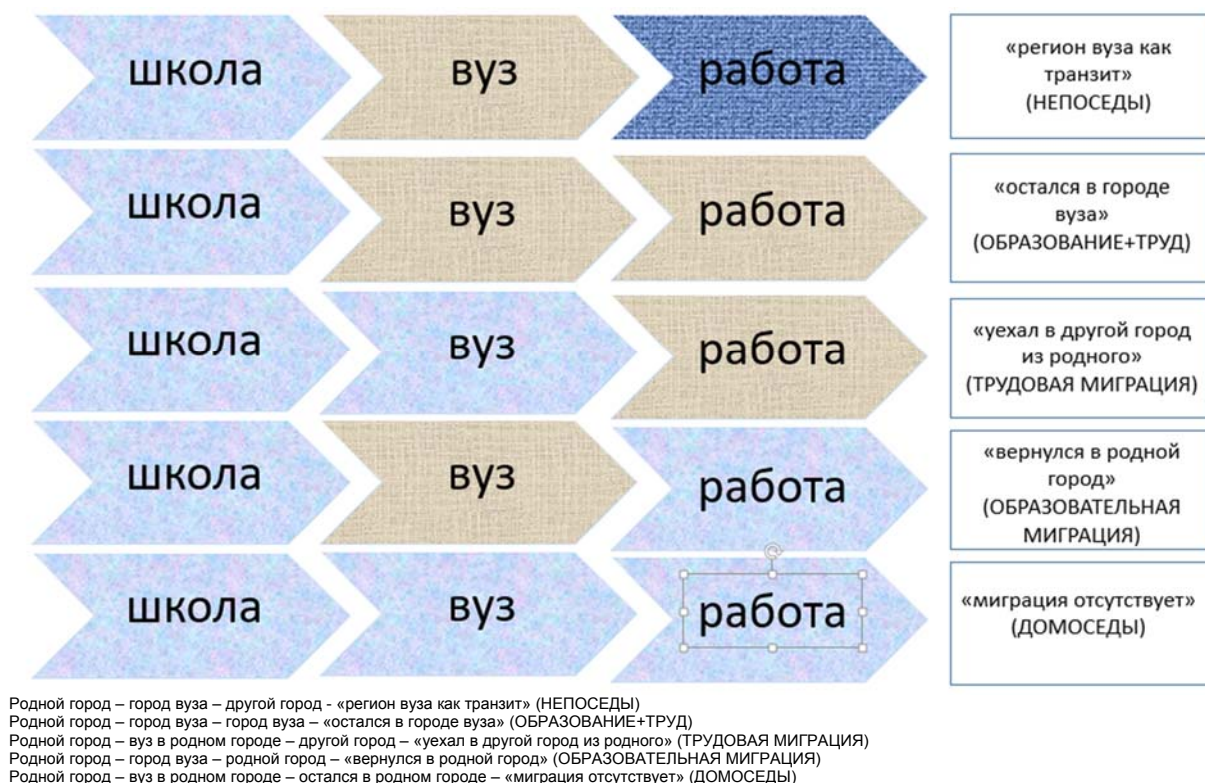

Рис. 2. Типы миграционного поведения студентов российских вузов (несоответствие цвета свидетельствует о смене места жительства)

Для анализа миграционных траекторий выпускников были выбраны следующие университеты: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Уральский федеральный университет, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Тюменский государственный университет, Национальный исследовательский Томский государственный университет. В социальной сети «ВКонтакте» идентифицированы все выпускники указанных вузов, которые в своем профиле отметили год окончания до 2020 г., таких пользователей получилось 418 813. Данные взяты на 01.02.2021 г. Проведено сравнение заполненных пользователем полей «родной город» и «текущий город», на основании чего и делался вывод о миграционных перемещениях пользователей.

В результате анализа миграционных потоков выпускников этих университетов было выявлено, что, помимо пользователей, которые не меняли своего местоположения, т.е. получали среднее и высшее образование в родном городе и там же остались жить и работать, для большинства вузов характерны большие сегменты тех, кто приехал в город вуза и остался

там – от 17% до 30%, исключение составляют ОмГУ (8%) и САФУ (12%). В среднем доля зачисленных на первый курс бакалавриата из других регионов составляет 30% (рис. 3).

Чаще всего из родного города после получения образования переезжают из Омска (16% выпускников ОмГУ) и Архангельска (11% выпускников САФУ), остальные вузы демонстрируют значение не более 8%.

Отметим, что поступающие в ОмГУ в 68% случаев проживали в Омске, что говорит о том, что среди анализируемых вузов он является наименее привлекательным для абитуриентов из других регионов.

ТГУ для 12% выпускников является городом-«транзитом» – студенты, приехавшие из других регионов и получившие здесь образование, для дальнейшего проживания выбирают другие регионы. Тем самым вуз выступает транзитной точкой.

Среди анализируемых вузов наибольшая доля «домоседов» была зафиксирована в ОмГУ (68%), меньше всего в ТГУ (46%). Около половины студентов САФУ, ВШЭ, УрФУ придерживаются такого поведения. Учитывая факт вклада университетов в региональную экономику, важно учитывать долю выпускников, которые остались в регионе и применяют полученные знания на местном рынке труда.

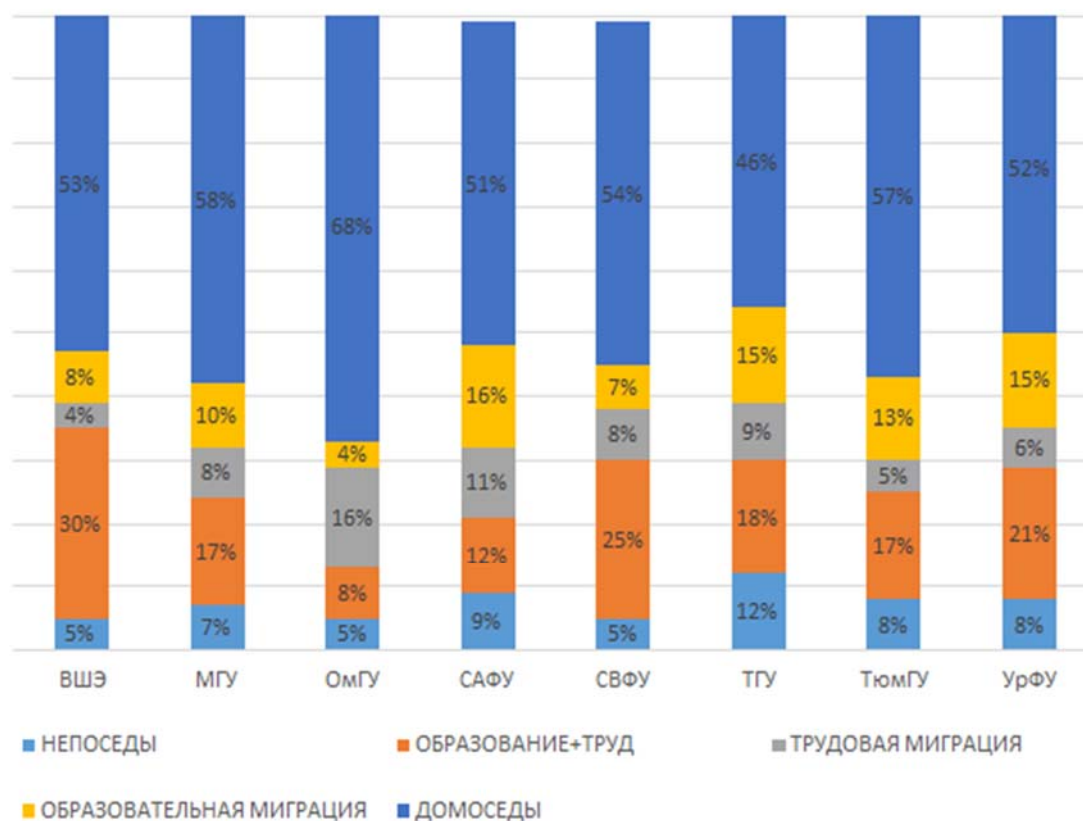

Рис. 3. Распределение студентов анализируемых вузов по типу поведения

Иногда вузы рассматриваются студентами транзитной точкой между домом и рынком труда. Как говорилось выше, чаще остальных такое поведение свойственно студентам ТГУ. В целом поведение такого типа не свойственно студентам, чуть менее 10% студентов придерживаются подобного поведения в анализируемых вузах. Меньше всего таких студентов в ВШЭ, ОмГУ и СВФУ (5%).

Наиболее волатильным (изменчивым) показателем поведения студентов стала миграция в город вуза и трудоустройство в том же городе. Другими словами, это города, привлекательные как для получения образования, так и для трудоустройства. Наибольшая доля таких среди студентов в ВШЭ (30%), чуть меньше в СВФУ (25%) и УрФУ (21%). Меньше всего таких студентов в ОмГУ (8%).

Еще один тип поведения: молодежь получает высшее образование в родном городе, а трудоустраивается в другом. Эта группа студентов также немногочисленная. Наибольшая доля таких студентов в ОмГУ (16%), меньше всего в ВШЭ (4%), ТюмГУ (5%), УрФУ (6%).

Также довольно редким поведением студентов является возвращение домой после получения высшего образования в другом городе. Вероятнее всего, их устраивает уровень жизни в родном городе, однако предложения на рынке образовательных услуг не в полной мере соответствуют их предпочтениям, и они вынуждены получать образование в другом городе. Самая высокая доля таких студентов в САФУ (16%), ТГУ (15%) и УрФУ (15%). Меньше всего в ОмГУ (4%).

Обсуждение и результаты

Использование данных из социальных сетей дает богатый материал, характеризующий особенности социального поведения молодежи, отношений, мотивации и направлений миграции. Молодежь как социальная группа обладает специфической позицией, которую занимает в процессе воспроизводства социальной структуры, характеризуется потенциалом преобразования окружающей среды и общественных отношений. Данные цифровых следов позволяют говорить авторам исследования о появлении новых моделей социального поведения молодежи, проявляющегося в разнонаправленном движении миграционных потоков.

Для получения информации о пользователях была использована наиболее распространенная социальная сеть с открытым API «ВКонтакте», в которой на основе обезличенных данных профилей пользователей были получены данные о родном городе и текущем месте проживания пользователей. С помощью маркеров миграционного поведения были выделены соответствующие типы.

Кроме того, интернет и социальные сети позволяют преодолевать географические расстояния, присоединяться к социально продвинутым группам, получая актуальную информацию и дополнительный импульс к переменам. Чем ниже возможность самореализации у молодежи, тем сильнее стремление уехать в другие города. Так появляются транзитные регионы, регионы-доноры и регионы-реципиенты. Это в свою

очередь способствует изменению экономического уровня региона. Данные социальных медиа получают в настоящее время все большее применение, в том числе в управлении. На основе этих данных ведется мониторинг активности и социальной напряженности, принимаются соответствующие управленческие решения, например, для создания условий и удержания молодежи в своем регионе. Таким образом, данные социальных медиа могут быть полезны органам федеральной и региональной власти, а также ключевым стейкхолдерам системы высшего образования. Вместе с тем использование данных социальных сетей имеет ряд ограничений, которые необходимо учитывать.

Одним из ограничений, с которым столкнулись авторы исследования, является закрытость ряда страниц пользователей социальной сети «ВКонтакте», что значительно сокращает выборку и репрезентативность данных. Вторым ограничением является вероятность указания недостоверной информации пользователями сети. В-третьих, не все пользователи социальной сети заполняют информацию о полученном образовании, об изменениях местоположения при переездах в другие регионы. При этом отметим, что существуют алгоритмы, позволяющие восстанавливать пропущенные данные через социальное окружение пользователя – через социальные связи (социальные графы) можно восполнить такие данные, как место обучения (школа, вуз), и если в социальном графе у пользователя образуется плотный кластер с принадлежностью к одному образовательному учреждению, можно сделать вывод, что пользователь обучался там же [31]. В-четвертых, пользователи самостоятельно решают, какую именно информацию о себе оставлять, и не всегда это достоверные данные. Автоматизированная верификация данных, описанная ранее, позволила сократить долю таких недостоверных данных.

При регистрации пользователи, как правило, указывают в профиле свой родной город, образование (школу, колледж/вуз), а также изменяют свое местоположение при переезде. Таким образом, сравнение мест проживания позволяет проследить миграционные траектории пользователя на протяжении длительного времени. Отметим, что использование данных сети «ВКонтакте» об изменении местоположения пользователя возможно как для самостоятельного анализа, так и для детализации данных о миграционных потоках [31].

Обобщая полученные результаты проведенного исследования, можно сделать несколько выводов. В современном мире человеческий капитал является одним из основных условий общественного развития государства. Миграция молодежи представляет многовекторный социальный процесс, молодые люди, являясь наиболее динамичной социальной группой, целенаправленно стремятся «улучшить свою жизнь». Исследуя особенности миграционного поведения молодежи и возможности использования открытых данных для анализа, мы исходили из гипотезы, что моде-

ли социального поведения формируются под влиянием образовательных, трудовых и экономических потребностей.

Использование данных цифровых следов позволяет проследить образовательные траектории, выявить региональную специфику [35]. Так, в процессе движения человеческого капитала большинство молодых мигрантов устремляются в крупные города с высоким уровнем жизни, престижными вузами. Но вместе с тем есть регионы, куда молодежь возвращается.

Разработанный инструментарий дал авторам обширную количественную информацию. К сожалению, представленная выборка не позволила авторам выделить типологические группы вузов, что обуславливает необходимость расширения выборки и обеспечения региональной репрезентативности.

Данные исследования, проведенного в 2018 г. Левада-центром, показали, что «четверо из пяти россиян (79%) считают, что выпускнику, закончившему школу в небольшом городе или селе, стоит ехать поступать в более крупный город (Москву или региональную столицу)» [36]. Это подтверждается данными о сохранении ориентации молодежи и их родителей на переезд с целью получения образования. Однако проведенное нами исследование показывает, что большинство, несмотря на желание уехать, остается на местах и получает высшее образование в том же городе. Это подтверждается и сохранением высокой степени локализации высшего образования [14. С. 14]. Другое исследование показывает, что даже при желании переехать абитуриенты чаще рассматривают регион, который находится в непосредственной близости [37. С. 1110]. Таким образом, подтверждается влияние географического фактора при выборе образовательного учреждения.

Исследование подтвердило применимость данных социальной сети «ВКонтакте». Использование цифрового следа в социальных сетях позволяет получить обширную информацию о перемещениях у большого количества пользователей, качественно дополняя традиционные методы сбора данных – опросы, переписи населения и др. Кроме того, данные сети «ВКонтакте» можно использовать для детализации данных о миграции выбранных категорий пользователей, а также восполнения некоторых «пробелов» в официальной статистике.

Миграционные процессы в молодежной среде являются важнейшим источником пополнения трудовых ресурсов, должны привлекать особое внимание со стороны государственных структур, создавая эффективные механизмы использования человеческого капитала, особенно в наукоемких отраслях. В ходе исследования были выделены наиболее часто встречающиеся типы миграционного поведения студентов. Авторами исследования рассмотрены выделенные типы поведения в нескольких российских вузах. Определены особенности образовательной и трудовой миграции молодежи выделенных вузов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Schulz T. Investment in Human Capital // American Economic Review. 1961. № 1. P. 1–17.
2. Becker G.S. Investment in Human Capital: A. Theoretical Analysis // Journal of Political Economy. Supplement. Oct., 1962. P. 9–42.

3. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. М.: ГУВШЭ, 2003. 672 с.
4. Зайончковская Ж.А. Миграционная ситуация в регионах России. Вып. 1: Приволжский федеральный округ / под ред. С. Артоболевского, Ж. Зайончковской: сборник. М., 2004.
5. Витковская Г., Зайончковская Ж. «Китайское вторжение» в Сибирь и на Дальний Восток: миф о «желтой угрозе» и реальность // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / под ред. О. Глезер, П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 552–572.
6. Мкртчян Н.В. Численность населения как бюджетообразующий показатель в регионах и муниципальных образованиях России // Демоскоп Weekly. 2014. № 105). С. 581–582.
7. Карачурина Л.Б., Флоринская Ю.Ф. Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2019. № 6. С. 82–89.
8. Knapp T.A., White N.E., Wolaver A.M. The Returns to Migration: The Influence of Education and Migration Type // Growth and Change. 2013. Vol. 44, Is. 4. P. 589–607.
9. Raghuram P. Theorising the Spaces of Student Migration // Population, Space and Place. 2013. Vol. 19, Is. 2. P. 138–154.
10. Smith D.P., Rerat P., Sage J. Youth Migration and Spaces of Education // Children's Geographies. 2014. Vol. 12, Is. 1. P. 1–8.
11. Питухин Е.А., Семенов А.А. Управление потоками межрегиональной образовательной миграции выпускников // Экономика и управление. 2014. № 7 (105). С. 64–69.
12. Атаева А.Г., Уляева А.Г. Межрегиональная молодежная миграция как угроза утери человеческого капитала территории (на материалах Республики Башкортостан и регионов Приволжского федерального округа) // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2018. № 44. С. 38–57.
13. Smith D.P., Sage J. The Regional Migration of Young Adults in England and Wales (2002–2008): A «Conveyor-Belt» of Population Redistribution? // Children's Geographies. 2014. Vol. 12, Is. 1. P. 102–117.
14. Габдрахманов Н.К. Концентрация студентов в системе высшего образования на карте Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27, № 1. С. 7–17.
15. Габдрахманов Н.К. Молодежная миграция как индикатор региональной аттрактивности // Географический вестник. 2020. Т. 1, № 52. С. 96–107.
16. Faggian A., McCann P. Universities, Agglomerations and Graduate Human Capital Mobility // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2009. Vol. 100, Is. 2. P. 210–223.
17. Faggian A., McCann P., Sheppard S. Human Capital, Higher Education and Graduate Migration: An Analysis of Scottish and Welsh Students // Urban Studies. 2007. Vol. 44, Is. 13. P. 2511–2528.
18. Mulder C.H., Clark W.A.V. Leaving Home for College and Gaining Independence // Environ Plan A. 2002. Vol. 34, Is. 6. P. 981–999.
19. Findlay A.M. An Assessment of Supply and Demand-Side Theorizations of International Student Mobility // International Migration. 2011. Vol. 49, Is. 2. P. 162–190.
20. Cooke T.J., Boyle P. The Migration of High School Graduates to College // Educational Evaluation and Policy Analysis. 2011. Vol. 33, Is. 2. P. 202–213.
21. Abbott W.F., Schmid C.F. University Prestige and First-Time Undergraduate Migration in the United States // Sociology of Education. 1975. Vol. 48, Is. 2. P. 168–185.
22. Ciriaci D. Does University Quality Influence the Interregional Mobility of Students and Graduates? The Case of Italy // Regional Studies. 2014. Vol. 48, Is. 10. P. 1592–1608.
23. Габдрахманов Н.К., Никифорова Н.Ю., Лешуков О.В. «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в РФ. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019.
24. Где учиться и где работать: межрегиональная мобильность студентов и выпускников университетов / Д.В. Козлов, Д.П. Платонова, О.В. Лешуков. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 32 с. (Современная аналитика образования. № 4 (12)).
25. Мкртчян Н.В. Статистические источники информации о миграции населения в России. URL: <https://www.hse.ru/data/314/402/1241/Сборник%20Юнеско-статья-2007.doc>
26. Питухин Е.А., Семенов А.А. Анализ межрегиональной мобильности выпускников школ при поступлении в высшие учебные заведения // Университетское управление: практика и анализ. 2011. № 3 (73). С. 82–89.
27. Катровский А.П. Учебная миграция в вузы России: факторы и мотивация // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы / под ред. Ж.А. Зайончковской. М.: Совет по миграциям стран СНГ; Центр демографии и экологии человека, 1999. С. 269–276.
28. Флоринская Ю.Г., Рощина Т.Г. Миграционные намерения выпускников школ малых городов // Мониторинг общественного мнения. 2005. Т. 74, № 2. С. 77–87.
29. Чудиновских О.С., Денисенко М.Б. Где хотят жить выпускники российских вузов // Демоскоп Weekly. 2003. № 119–120.
30. Попова Е.С. Учебная миграция в Астраханский государственный технический университет // Демоскоп Weekly. 2010. № 441–442.
31. Замятин Н.Ю. Метод изучения миграций молодежи по данным социальных интернет-сетей: Томский государственный университет как «центр производства и распределения» человеческого капитала (по данным социальной интернет-сети «ВКонтакте»). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0507/analit04.php>
32. Самые популярные социальные сети в России в 2020 году. URL: <https://indiger.ru/samye-populjarnye-socialnye-seti-v-rossii-v-2020-godu/>
33. Сколько людей зарегистрировано в ВК. URL: <https://online-vkontakte.ru/2018/10/skolko-lyudej-zaregistrirovano-v-vk.html>
34. Faggian A., McCann P., Sheppard S. An analysis of ethnic differences in UK graduate migration behavior // The Annals of Regional Science. 2006. Vol. 40, Is. 2. P. 461–471.
35. Габдрахманов Н.К., Бабкина Т.С. Цифровые следы образовательной миграции. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/detail/285207619.pdf>
36. Образовательная миграция. URL: <https://www.levada.ru/2018/05/21/obrazovatel'naya-migratsiya/>
37. Габдрахманов Н.К., Никифорова Н.Ю. Роль высшего учебного заведения в пространственной поляризации молодежи // Экономика региона. 2019. Т. 5, № 4. С. 1103–1114.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 21 мая 2021 г.

Migration Behavior of Russian University Students Based on Digital Footprint Data

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 106–114.

DOI: 10.17223/15617793/467/14

Niyaz K. Gabdrakhmanov, Higher School of Economics” (Moscow). E-Mail: Ngabdrakhmanov@Hse.RU

Vera V. Orlova, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: orlova_vv@mail.ru

Yulia K. Aleksandrova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: jalexandrova@data.tsu.ru

Keywords: human capital; higher education; migration; youth; students; digital footprint; social networks; VKontakte; universities; contribution to socio-economic development of regions.

The article presents the results of a study of the migration behavior of student youth based on digital footprints data. The attention is focused on educational migration. Seven universities in the Central, Ural and Siberian Federal Districts were selected for the study. Monitoring of young people's educational and work trajectories by correlating and comparing all user-specified locations makes it possible to single out the five most popular variants of typical behaviors ("region of the university as a transit", "stayed in the city of the university", "left for another city from one's native city", "returned to one's hometown", "no migration"). Migration activity differs at different ages in its scale and motives. The authors of the study revealed the peculiarities of educational and labor migration of young people from the selected universities: universities are often considered by students as a transit point between home and the labor market; offers on the market of educational services do not fully correspond to the preferences of young people, and they are forced to receive education in another city; also, there are cities that are attractive both for education and for employment, etc. The study showed the need to apply a qualitative method in studying this problem and to use an expanded information field, including data on youth mobility in regions with different economic levels, the presence of campuses, and others conditions and factors influencing the migration behavior of young people. Using a digital footprint on social networks allows obtaining extensive information about movements from a large number of users without resorting to traditional methods.

REFERENCES

- Schulz, T. (1961) Investment in Human Capital. *American Economic Review*. 1. pp. 1–17.
- Becker, G.S. (1962) Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *Journal of Political Economy*. Supplement. Oct. pp. 9–42.
- Becker, G.S. (2003) *Chelovecheskoe Povedenie: ekonomicheskiy podkhod* [The Economic Approach to Human Behavior]. Translated from English. Moscow: HSE.
- Zayonchkovskaya, Zh.A. (2004) *Migratsionnaya situatsiya v regionakh Rossii* [Migration situation in the regions of Russia]. Vol. 1. Moscow: Center for Migration Research, Institute of Geography RAS, INP RAS. pp. 24–30.
- Vitkovskaya, G. & Zayonchkovskaya, Zh. (2005) "Kitayskoe vtorzhenie" v Sibir' i na Dal'niy Vostok: mif o "zheltoy ugroze" i real'nost' ["Chinese invasion" in Siberia and the Far East: the myth of the "yellow threat" and reality]. In: Glezer, O. & Polyani, P. (eds) *Rossiia i ee regiony v XX veke: territoriya – rasselenie – migratsii* [Russia and its regions in the 20th century: territory – resettlement – migration]. Moscow: OGI. pp. 552–572.
- Mkrtychyan, N.V. (2014) Chislennost' naseleniya kak byudzhetoobrazuyushchiy pokazatel' v regionakh i munitsipal'nykh obrazovaniyakh Rossii [Population size as a budget-forming indicator in regions and municipalities of Russia]. *Demoskop Weekly – Demoscope Weekly*. 581–582.
- Karachurina, L.B. & Florinskaya, Yu.F. (2019) Migration intentions of school graduates in small and midsize towns of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya*. 6. pp. 82–89. (In Russian).
- Knapp, T.A., White, N.E. & Wolaver, A.M. (2013) The Returns to Migration: The Influence of Education and Migration Type. *Growth and Change*. 44 (4). pp. 589–607.
- Raghuram, P. (2013) Theorising the Spaces of Student Migration. *Population, Space and Place*. 19 (2). pp. 138–154.
- Smith, D.P., Rerat, P. & Sage, J. (2014) Youth Migration and Spaces of Education. *Children's Geographies*. 12 (1). pp. 1–8.
- Pitukhin, E.A. & Semenov, A.A. (2014) Upravlenie potokami mezhregional'noy obrazovatel'noy migratsii vypusknikov [Management of flows of graduates' interregional educational migration]. *Ekonomika i upravlenie*. 7 (105). pp. 64–69.
- Ataeva, A.G. & Ulyayeva, A.G. (2018) Modern Trends and Factors of Inter-Regional Migration of Youth in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 44. pp. 38–57. (In Russian). DOI: 10.17223/19988648/44/2
- Smith, D.P. & Sage, J. (2014) The Regional Migration of Young Adults in England and Wales (2002–2008): A "Conveyor-Belt" of Population Redistribution? *Children's Geographies*. 12 (1). pp. 102–117.
- Gabdrakhmanov, N.K. (2019) Kontsentratsiya studentov v sisteme vysshego obrazovaniya na karte Rossiyskoy Federatsii [Concentration of students in the higher education system on the map of the Russian Federation]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Ekonomika – RUDN Journal of Economics*. 27 (1). pp. 7–17
- Gabdrakhmanov, N.K. (2020) Youth Migration as an Indicator of Regional Attractiveness. *Geograficheskiy vestnik*. 1 (52). pp. 96–107. (In Russian).
- Faggian, A. & McCann, P. (2009) Universities, Agglomerations and Graduate Human Capital Mobility. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 100 (2). pp. 210–223.
- Faggian, A., McCann, P. & Sheppard, S. (2007) Human Capital, Higher Education and Graduate Migration: An Analysis of Scottish and Welsh Students. *Urban Studies*. 44 (13). pp. 2511–2528.
- Mulder, C.H. & Clark, W.A.V. (2002) Leaving Home for College and Gaining Independence. *Environ Plan A*. 34 (6). pp. 981–999.
- Findlay, A.M. (2011) An Assessment of Supply and Demand-Side Theorizations of International Student Mobility. *International Migration*. 49 (2). pp. 162–190.
- Cooke, T.J. & Boyle, P. (2011) The Migration of High School Graduates to College. *Educational Evaluation and Policy Analysis*. 33 (2). pp. 202–213.
- Abbott, W.F. & Schmid, C.F. (1975) University Prestige and First-Time Undergraduate Migration in the United States. *Sociology of Education*. 48 (2). pp. 168–185.
- Ciriaci, D. (2014) Does University Quality Influence the Interregional Mobility of Students and Graduates? The Case of Italy. *Regional Studies*. 48 (10). pp. 1592–1608.
- Gabdrakhmanov, N.K., Nikiforova, N.Yu. & Leshukov, O.V. (2019) "Ot Volgi do Eniseya...": obrazovatel'naya migratsiya molodezhi v RF ["From the Volga to the Yenisei ...": educational migration of young people in the Russian Federation]. Moscow: HSE.
- Kozlov, D.V., Platonova, D.P. & Leshukov, O.V. (2017) Gde uchit'sya i gde rabotat': mezhregional'naya mobil'nost' studentov i vypusknikov universitetov [Where to study and where to work: interregional mobility of students and university graduates]. Moscow: HSE. *Sovremennaya analitika obrazovaniya*. 4 (12).
- Mkrtychyan, N.V. (2007) *Statisticheskie istochniki informatsii o migratsii naseleniya v Rossii* [Statistical sources of information on population migration in Russia]. [Online] Available from: <https://www.hse.ru/data/314/402/1241/Sbornik%20Yunesko-stat'ya-2007.doc>
- Pitukhin, E.A. & Semenov, A.A. (2011) Analiz mezhregional'noy mobil'nosti vypusknikov shkol pri postuplenii v vysshie uchebnye zavedeniya [Analysis of interregional mobility of school graduates upon admission to higher educational institutions]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 3 (73). pp. 82–89.
- Katrovskiy, A.P. (1999) Uchebnaya migratsiya v вузы России: факторы и мотивация [Educational migration to Russian universities: factors and motivation]. In: Zayonchkovskaya, Zh.A. (ed.) *Migratsiya i urbanizatsiya v SNG i Baltii v 90-e gody* [Migration and urbanization in the CIS and the Baltic states in the '90s]. Moscow: Sovet po migratsiyam stran SNG, Tsentr demografii i ekologii cheloveka. pp. 269–276.
- Florinskaya, Yu.G. & Roshchina, T.G. (2005) Migratsionnye namereniya vypusknikov shkol malyykh gorodov [Migration intentions of school graduates of small towns]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya – Public Opinion Monitoring*. 74 (2). pp. 77–87.
- Chudinovskikh, O.S. & Denisenko, M.B. (2003) Gde khotyat zhit' vypuskniki rossiyskikh vuzov [Where graduates of Russian universities want to live]. *Demoskop Weekly – Demoscope Weekly*. 119–120.

30. Popova, E.S. (2010) Uchebnaya migratsiya v Astrakhanskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiy universitet [Educational migration to Astrakhan State Technical University]. *Demoskop Weekly – Demoscope Weekly*. 441–442.
31. Zamyatina, N.Yu. (2012) *Metod izucheniya migratsiy molodezhi po dannym sotsial'nykh internet-setey: Tomskiy gosudarstvennyy universitet kak "tsentr proizvodstva i raspredeleniya" chelovecheskogo kapitala (po dannym sotsial'noy internet-seti "Vkontakte")* [Method of studying youth migration by the data of social Internet networks: Tomsk State University as a "center of production and distribution" of human capital (by the social Internet network VKontakte)]. [Online] Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0507/analit04.php>
32. Indiger.ru. (2020) *Samye populyarnye sotsial'nye seti v Rossii v 2020 godu* [The most popular social networks in Russia in 2020]. [Online] Available from: <https://indiger.ru/samye-populyarnye-socialnye-seti-v-rossii-v-2020-godu/>
33. VK. (2018) *Skol'ko lyudey zaregistrirovano v VK* [How many people are registered in VK]. [Online] Available from: <https://online-vkontakte.ru/2018/10/skolko-lyudey-zaregistrirovano-v-vk.html>
34. Faggian, A., McCann, P. & Sheppard, S. (2006) An analysis of ethnic differences in UK graduate migration behavior. *The Annals of Regional Science*. 40 (2). pp. 461–471.
35. Gabdrakhmanov, N.K. & Babkina, T.S. *Tsifrovye sledy obrazovatel'noy migratsii* [Digital traces of educational migration]. [Online] Available from: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/285207619.pdf>
36. Levada.ru. (2018) *Obrazovatel'naya migratsiya* [Educational migration]. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2018/05/21/obrazovatel'naya-migratsiya/>
37. Gabdrakhmanov, N.K. & Nikiforova, N.Yu. (2019) Rol' vysshego uchebnogo zavedeniya v prostranstvennoy polyarizatsii molodezhi [The role of higher educational institution in the spatial polarization of youth]. *Ekonomika regiona – Economy of Region*. 5 (4). pp. 1103–1114.

Received: 21 May 2021

Е.А. Захарова

СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ГРАЖДАН ГЕРМАНИИ

*Статья подготовлена в рамках проекта, поддерживаемого грантом РФФИ № 19-311-90035 Аспиранты
«Политическая культура как фактор влияния на электоральное поведение граждан
на субнациональном уровне политики во Франции и Германии».*

Рассматриваются социоэкономические факторы, влиявшие на голосование граждан Германии. В землях Германии, в которых статистически был высокий уровень безработицы и низкий уровень миграции, голосовали за правопопулистскую партию АдГ, тогда как обратные значения показателей мотивировали граждан отдавать предпочтение таким «классическим» партиям, как ХДС/ХСС и СДПГ. Кроме того, в Германии по настоящий день наблюдается политический и экономический расколы по линии восток–запад.

Ключевые слова: электоральное поведение; выборы в Германии; миграционный кризис; регрессионный анализ; Бундестаг; ландтаги; метод многофакторного районирования.

В заключительной части новогодней речи 2020 г. Ангела Меркель заявила о том, что это ее последнее обращение и она не будет баллотироваться на пост канцлера на выборах в 2021 г. [1]. Главой Христианско-демократического союза Германии (ХДС) в ходе онлайн-голосования 16 января 2021 г., которое было подтверждено голосованием по почте, был избран Армин Лашет [2], который, согласно оценкам экспертов [3], продолжит политику А. Меркель и не будет проводить партийные реформы. По данным ХДС, он получил 769 из 980 действительных голосов, уровень его одобрения составлял 83,35% [2]. Согласно проведенному 17 января опросу общественного мнения [4] 54% опрошенных поддерживают М. Зёдера, который является председателем Христианско-социального союза (ХСС), тогда как А. Лашета – всего 12% опрошенных. Это может быть обусловлено тем, что, будучи на посту премьер-министра Баварии, М. Зёдер выступал за закрытие внешних границ ЕС, обосновывая это защитой демократии, а также поддерживал в этом вопросе С. Курца [5]. При этом в отношении мигрантов он был против жестких мер, которые предлагали правопопулисты [6]. Одновременно с этим М. Зёдер активно критиковал миграционную политику А. Меркель до и во время выборов в Бундестаг в 2017 г. [7]. Кроме того, премьер-министр Баварии получил высокую поддержку населения этой земли (94%) в связи с введением жестких мер по борьбе с коронавирусом [8]. Что касается его поддержки в партии, то его рассматривают как человека, способного привлечь на свою сторону электорат, придерживающийся правых взглядов, оттянуть электорат «Альтернативы для Германии» (АдГ) на себя [9]. Очередные выборы в Бундестаг назначены на 26 сентября 2021 г. В целом 2021 г. называют «годом супервыборов», поскольку должны пройти шесть земельных и одни федеральные выборы, на которых задачей христианских демократов становится возвращение электората, ушедшего к «протестным» партиям (речь идет о партиях «Альтернатива для Германии» и «Союз 90/Зелёные») [3].

Бавария всегда была исключением из-за традиции делегировать как можно меньше суверенных полномочий федеральным институтам, земля всегда доро-

жила своей идентичностью, включающей связь с римской католической церковью, а также коллективизм. Региональное правительство всегда старалось придерживаться регионального патриотизма, тяготеющего к сепаратизму. Взаимопонимание между жителями земли и их правительством способствовало возникновению особого коллективного настроения и открытости для личной инициативы [10]. Так, несмотря на ограничения, связанные с пандемией, в Баварии премьер-министр поддерживал меры по обеспечению благосостояния земли [11], здесь, по данным за 2020 г., зарегистрирован самый низкий уровень безработицы по сравнению со всеми остальными землями Германии [12].

Некоторые авторы [13] отмечают, что выборы в Бундестаг Германии в 2017 г. характеризовались тем, что экономические вопросы не являлись решающими при голосовании по той причине, что основные темы, которые способствовали конкуренции между партиями, касались миграции, интеграции и социокультурных вопросов, а не вопросов экономического благосостояния граждан. К такому выводу авторы пришли после проведения опроса и анализа твиттер-аккаунтов. Однако отмечалось, что такие партии, как Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) и Левые, продолжают выстраивать свою электоральную программу вокруг экономических вопросов. Автор же настоящей статьи полагает, что социоэкономические вопросы также остаются детерминантами формирования электоральных предпочтений граждан Германии на субнациональном уровне. Учитывая миграционный кризис 2015 г. и увеличение количества мигрантов в Германии, рост популярности среди населения правопопулистских партий, настроенных негативно в отношении мигрантов и выступающих за ужесточение миграционной политики, а также популярность среди населения М. Зёдера и проводимой им политики, автор ставит вопрос, как социоэкономические факторы влияли на формирование электоральных предпочтений граждан при голосовании на земельных и федеральных выборах в Германии в последних двух электоральных циклах, охватывающих период с 2011 по 2019 гг.

Прежде чем перейти к рассмотрению актуальных событий в Германии, необходимо проследить, как различные исследователи изучали мотивацию избирателей при формировании их электоральных предпочтений. Так, американский социолог и политолог С. Липсет на базе данных опросов пришел к выводу, что представители более низкого социального класса склонны поддерживать либералов или левых в вопросах экономики, а представители среднего класса были более толерантными и либеральными в вопросах поддержания гражданских свобод и парламентской демократии. Источником же авторитаризма он считал типичную семью рабочих, в которой применялся метод «кнута и пряника» в воспитании детей, причем зачастую с применением насилия [14]. М. Фиорина [15] полагал, что избиратели могут смотреть на политику перспективно или ретроспективно и они выбирают кандидата, опираясь или на проводимую политику, или на результаты этой политики. С его точки зрения, если прошлое правительство справлялось со своими обязанностями, то граждане поддержат его и на следующих выборах. Основным фактором, определяющим предпочтения избирателей, является состояние экономики, причем возможны два типа голосования: эгоцентрическое, предполагающее оценку собственного экономического положения; социотропное, при котором граждане оценивают результаты работы экономики государства [16. С. 91].

При ухудшении экономического положения граждане склонны «наказывать» за это правящие силы, что выражается в голосовании против них и выборе альтернативного кандидата; в случае когда «базовые» потребности граждан удовлетворены, они отдают предпочтение тому кандидату или партии, которые находятся у власти и смогли обеспечить высокий уровень экономического благосостояния [17]. Когда происходит переход общества от индустриального к постиндустриальному, растет уровень безработицы среди «синих воротничков», что заставляет их голосовать за правопопулистские партии [18]. Кроме того, именно эта категория граждан чувствуют себя наиболее уязвимыми перед прибывающими мигрантами, которые с большой долей вероятности займут их рабочие места [19].

Исследователи университета Гёттебурга (Швеция) рассматривали, насколько эти социоэкономические факторы влияют на электоральные предпочтения граждан [20]. Среди определяющих независимых переменных они выделили уровень безработицы, а также количество мигрантов, прибывших в муниципалитеты Швеции. С помощью проведения регрессионного анализа они пришли к выводу, что правопопулистские партии набирают наибольшую поддержку в тех муниципалитетах, где отмечается высокий уровень безработицы, при этом для выборов национального уровня миграция не оказывает значимого влияния на паттерны голосования граждан Швеции [20].

Несмотря на то что статья посвящена всем основным партиям Германии, особо стоит отметить «классиков» исследования правопопулизма. Понятие «популизм» укрепились в политической науке благодаря работе Г. Ионеско и Е. Геллнера [21], однако авторы

не давали четкого определения данному понятию. И. Мени и И. Сарель [22, 23] свели основные характеристики популизма к таким сущностным аспектам, как постановка на вершину ценностной пирамиды народа, обвинение властей в злоупотреблениях своими полномочиями и требование возвращения власти народу, а К. Мюдде [24] привел свое определение популизма. Под ним он понимал «тонкую» идеологию, в основе которой лежат положения о том, что существует антагонистическое разделение между истинным народом и коррумпированными элитами, а политика должна быть выражением всеобщей воли [24].

Что касается связи экономического положения граждан и голосования за правопопулистов, можно отметить, что неравенство, спровоцированное макроэкономическим развитием, в большей степени влияет на рост популярности правопопулистских партий в развитых экономиках, о чем писал, например, исследователь Кильского института мировой экономики Р. Голд [25]. Кроме того, исследователь отмечал, что миграция также является важным фактором голосования за правопопулистские партии, поскольку граждане страны борются с мигрантами за перераспределение общественных благ. С притоком мигрантов равновесие распределения общественных благ нарушается, и не в пользу граждан, что провоцирует их на голосование за правопопулистские партии, которые выстраивают свою повестку вокруг стереотипизации и аalienации мигрантов. Более того, с точки зрения таких исследователей, как Х. Кризи [26], Р. Инглхарт и П. Норрис [27], наравне с комплексом других факторов миграция и экономическая депривация граждан ведут к голосованию за правопопулистов. Наконец, группа исследователей Лондонской школы экономики отмечали, что в Германии низкий уровень безработицы и высокие макроэкономические показатели привели к появлению в обществе аутсайдеров, которых объединяло низкое социоэкономическое положение в обществе и которые были политически недопредставлены до появления АдГ, которая таргетировала эту группу населения и сделала своим электоратом [28]. Это свидетельствует о необходимости рассмотрения социоэкономических факторов голосования граждан Германии, в частности, выраженных в уровне безработицы и проценте миграции.

А. Бренлун отмечал в своем исследовании [29], что при голосовании за левые партии более бедные районы, в которых вырос уровень безработицы, будут отдавать предпочтение левым партиям, выступающим за увеличение социальных выплат, тогда как более богатые муниципалитеты при увеличении безработицы все равно будут голосовать за консерваторов. Д. Беллучи писал, что муниципалитеты, в которых граждане ожидали приток мигрантов, но в которые на самом деле приезжало не самое большое количество мигрантов по сравнению с соседними муниципалитетами, отдавали предпочтение правопопулистским партиям. При этом он подчеркивал, что такое электоральное поведение связано не с реальным количеством прибывших мигрантов, а с широким освещением данной проблемы в СМИ и проведением активной антимиграционной кампании в муниципалитетах [30].

Это подтверждается и исследованиями российских ученых, которые отмечали, что именно реакция общества на нежелание иммигрантов интегрироваться в принимающее общество приводит к их маргинализации и дискредитации их образа [31]. А.А.В. Кузнецов, в свою очередь, отмечал, что наплыв беженцев не сказывается негативно на социальной обстановке в Германии [32].

Относительно миграционной повестки партий на выборах 2017 г. ХДС/ХСС в совместной программе выступали против установления ограничений по количеству принимаемых беженцев, за сокращение количества родственников мигрантов в год, которые могли приехать в Германию, за увеличение количества депортаций нелегальных мигрантов, а также за то, чтобы прибывающие мигранты сначала находили себе рабочее место в Германии, а уже потом получали визу, с тем, чтобы доказать, что они способны обеспечить себя средствами к существованию и не полагаются на социальные пособия.

СДПГ также выступала против установления верхнего порога количества прибывающих беженцев, за установление моратория на воссоединения семей, за проведение более жесткой политики депортации нелегальных мигрантов, за введение обязательных требований, позволяющих мигрантам оставаться в Германии (уровень образования, профессионального опыта, знания языка), при этом количество мигрантов должно регулироваться требованиями рынка.

Зеленые выступали против установления лимита на количество принимаемых беженцев, за воссоединение семей, против депортаций, как и СДПГ, они выступали за введение обязательных для мигрантов требований при въезде на территорию Германии, за «право земли». Левые выступали резко против установления лимита на прибывающих беженцев, за воссоединение семей, против любых депортаций, а также против любых ограничений для мигрантов.

Свободная демократическая партия Германии (СвДП) выступала против введения лимита на количество беженцев, а также за те же обязательные требования к мигрантам, как и СДПГ и Зелёные [33].

АдГ проводила кампании против массовой миграции на территорию немецких земель и выступала против «исламизации Запада». Также она выступала за восстановление пограничного контроля, стремилась полностью закрыть внешние границы ЕС. Лидер АдГ высказала мысль о возможности открывать огонь по мигрантам, которые пытаются проникнуть в страну на нелегальных основаниях, в случае необходимости. Кроме того, партия разделяет антиисламские настроения, открыто заявляя о том, что «этой религии нет места в Германии» [34]. Таким образом, АдГ представляла самую суровую политику в отношении мигрантов, и особенно против мигрантов-мусульман.

При этом партии правящей коалиции в целом также выступали за ужесточение требований по отношению к мигрантам, хотя и отмечали необходимость корректировать политику в отношении мигрантов согласно требованиям рынка. Это, в свою очередь, также оказало влияние на формирование электоральных предпочтений граждан, но именно более жесткие

меры, предлагаемые АдГ, не нашли широкой поддержки населения.

Таким образом, для ответа на поставленный вопрос автор использует метод регрессионного анализа, позволяющий изучить статистическую взаимосвязь одной зависимой количественной переменной и одной или нескольких независимых количественных переменных. В качестве независимых переменных были выделены уровень безработицы в землях Германии (в 2011 [35] и 2016 гг. [36]) и количество мигрантов (в 2014 [37], 2017 [38] гг.). Электоральные переменные включают голосование в Бундестаг в 2013 [39] и 2017 гг. [40], а также выборы в Ландтаги Германии в период с 2011 по 2019 г. При этом идеологическая направленность партий в Германии была закодирована согласно базе данных П. Норрис, представленной в книге «Культурная реакция: Трамп, Брекзит и авторитарный популизм» [27]. После проведения факторного анализа П. Норрис и Р. Инглхарт подтвердили существование культурного и экономического измерений идеологического размежевания партий, что укладывается в представления о том, что с левыми чаще всего ассоциируются такие политические программы, которые ограничивают экономическую свободу индивида, но предоставляют максимальные гражданские свободы. В правых политических программах содержится ограничение гражданских свобод индивида при предоставлении максимальных свобод в экономике [41]. В культурном плане партии делятся на популистов, выступающих за сохранение традиционных ценностей, соблюдение закона и порядка, а также поддерживающих национализм. Более того, представители популистских партий выступают против миграции, против защиты прав этнических меньшинств, поддержания религиозных ценностей. Культурные либералы представляют космополитичные взгляды и являются зеркальной противоположностью правопопулистов. Популистские партии придерживаются более авторитарного мировоззрения, тогда как либеральные партии поддерживают плюралистическое мировоззрение, основанное на постматериальных ценностях [27]. Таким образом, к либеральным плюралистам были отнесены партии ХДС/ХСС, СДПГ, Зелёные, Левые и СвДП, к правопопулистам (авторитарным популистам) отнесены АдГ и НДПГ, а к либеральным популистам – Партия пиратов.

В результате вычисления парных корреляций Пирсона (табл. 2) было выявлено, что существует зависимость между уровнем безработицы и голосованием за либерально-плюралистические партии, а также уровнем безработицы и процентом голосования за авторитарно-популистские партии (значимость на уровне $\alpha < 0,05$). При этом в первом случае связь отрицательная: в землях с высоким уровнем безработицы наблюдалась невысокая электоральная поддержка «классических партий», во втором – в землях с высоким уровнем безработицы отмечалась высокая поддержка населением авторитарных популистов, что сходно с выводами, к которым приходил в упомянутом выше исследовании Швеции П. Рёр [20]. Кроме того, зависимость была выявлена между уровнем миграции и

процентом голосования за либерально-плюралистические партии и уровнем миграции и процентом голосования за авторитарно-популистские партии (значимость на уровне $\alpha < 0,05$). В данном случае в

тех землях, в которых наблюдался высокий уровень миграции, либеральные плюралисты набирали поддержку у населения, тогда как поддержка авторитарных популистов была, наоборот, низкой.

Т а б л и ц а 1

Описательная статистика переменных (составлено автором)

Переменная	Минимум	Максимум	Медиана	Среднее	Стандартное отклонение	Число наблюдений
% безработицы	2,9	10,5	6,5	6,3	2,0	64
% миграции	3,5	32,0	18,3	17,1	9,5	64
% за авторитарных популистов	0,6	27,5	7,3	9,4		64
% за либеральных плюралистов	58,7	95,3	88,1	85,3	8,3	64
% за либеральных популистов	0,0	8,9	1,4	1,5	1,9	64

Т а б л и ц а 2

Матрица парных корреляций Пирсона (составлено автором)

Показатель	% безработицы	% миграции	% за либеральных популистов	% за либеральных плюралистов	% за авторитарных популистов
% безработицы	1	-0,199	-0,170	-0,337***	0,435***
% миграции		1	0,068	0,393**	-0,425***

Примечание. * Значимость на уровне $< 0,1$. ** Значимость на уровне $< 0,05$. *** Значимость на уровне $< 0,01$.

Перейдем к проведению множественного регрессионного анализа двух групп моделей. Как видно из результатов, приведенных в табл. 3, при добавлении двух независимых переменных объяснительный потенциал модели возрастает (и в первом, и во втором случае в два раза). Можно констатировать, что уровень безработицы и уровень миграции имеют большее влияние на голосование за авторитарно-популистские партии. При этом оба предиктора являются значимыми для всех моделей. Отметим, что чем выше уровень миграции и ниже уровень безработицы в землях Германии, тем выше процент голосов, отданных за «классические» либерально-плюралистические пар-

тии. Что касается авторитарно-плюралистических партий, то здесь наблюдается обратная зависимость: чем выше уровень безработицы и чем ниже уровень миграции, тем больше голосов электората поддерживают такие партии. Таким образом, можно сделать вывод, что не столько уровень миграции, сколько уровень безработицы подталкивает граждан голосовать за правопопулистские партии, хотя эти партии в своих программах делают акцент на миграционной повестке и считают, что мигранты способствуют росту безработицы (хотя значимой связи между этими переменными в ходе корреляционного анализа выявлено не было).

Т а б л и ц а 3

Результаты регрессионных моделей (составлено автором)

Показатель	Группа 1 (зависимая переменная – % голосов за либеральных плюралистов)			Группа 2 (зависимая переменная – % голосов за авторитарных популистов)		
	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 1	Модель 2	Модель 3
% безработицы	-1,38 (0,4)***		-1,10 (0,4)**	1,56 (0,41)***		1,31 (0,39)***
% миграции		0,34 (0,1)***	0,29 (0,1)***		-0,32 (0,08)***	-0,27 (0,08)***
N	62	62	61	62	62	61
R ²	0,114	0,115	0,224	0,189	0,181	0,308

Примечание. * Значимость на уровне $< 0,1$. ** Значимость на уровне $< 0,05$. *** Значимость на уровне $< 0,01$.

Далее необходимо рассмотреть, какие тенденции голосования наблюдались в землях Германии за лидирующие партии на выборах в Бундестаг 2017 г., исходя из рассмотрения выделенных двух переменных. Это будет сделано с помощью метода многофакторного районирования на основе диаграммы параллельных координат, что позволит визуально выделить кластеры земель, повторяющих одну и ту же тенденцию голосования [42], также эти кластеры будут картографированы, поскольку данный метод позволяет дифференцировать территории по какому-либо признаку в пространстве [43]. Данный метод является дескриптивным, его суть заключается в нанесении на график количественных данных с множественными переменными, что позволяет сравнивать

большое количество переменных и анализировать их взаимосвязи. Этот метод поможет выявить взаимосвязи между несколькими переменными и многомерные кластеры в наборе данных. Отрицательная корреляция отражается на этом графике как пересечение, а положительная корреляция – как параллельные линии [44].

Согласно полученным результатам, объединяющий юго-западные земли паттерн голосования заключается в том, что эти земли широко поддерживали партию ХДС/ХСС, при этом отмечается низкий уровень безработицы по сравнению с другими кластерами земель, а также средний уровень миграции по сравнению с его значением в тех землях, где наблюдался более низкий уровень поддержки рассматриваемой партии (рис. 1).

Паттерн голосования северо-западных земель характеризуется высоким уровнем поддержки партии СДПГ, которая формирует большую коалицию с ХДС/ХСС, при этом в этих землях наблюдаются значения уровня безработицы ниже, чем в восточных землях (где поддержка данной партии также ниже по

сравнению с западными землями), а также высокий уровень миграции (рис. 2).

Наконец, третий паттерн голосования объединил восточные земли, отдавшие большое количество голосов за АдГ. В этих землях также отмечался высокий уровень безработицы и низкий уровень миграции (рис. 3).

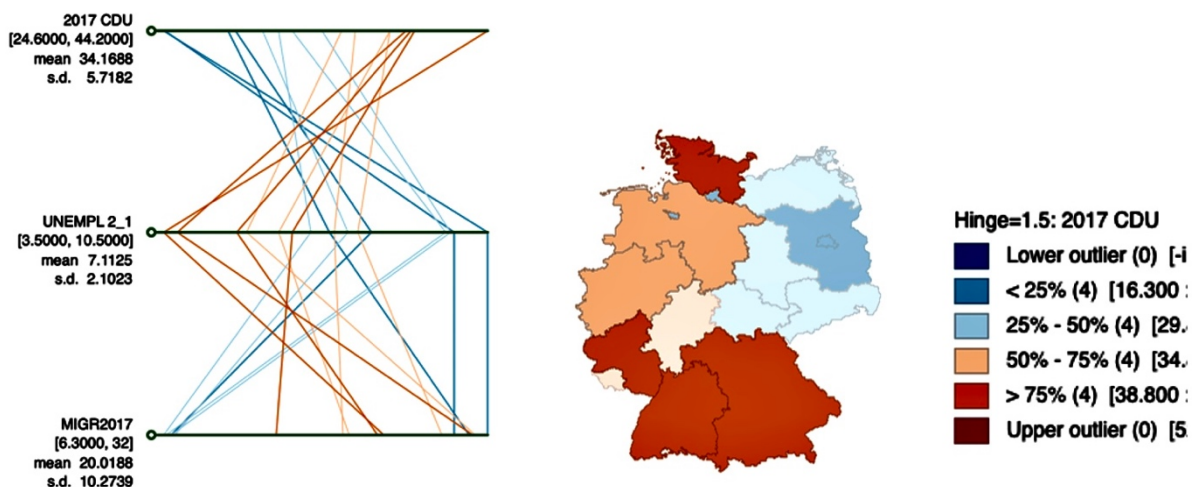

Рис. 1. Многофакторное районирование голосования за ХДС/ХСС (2017), уровня безработицы и миграции (составлено автором)

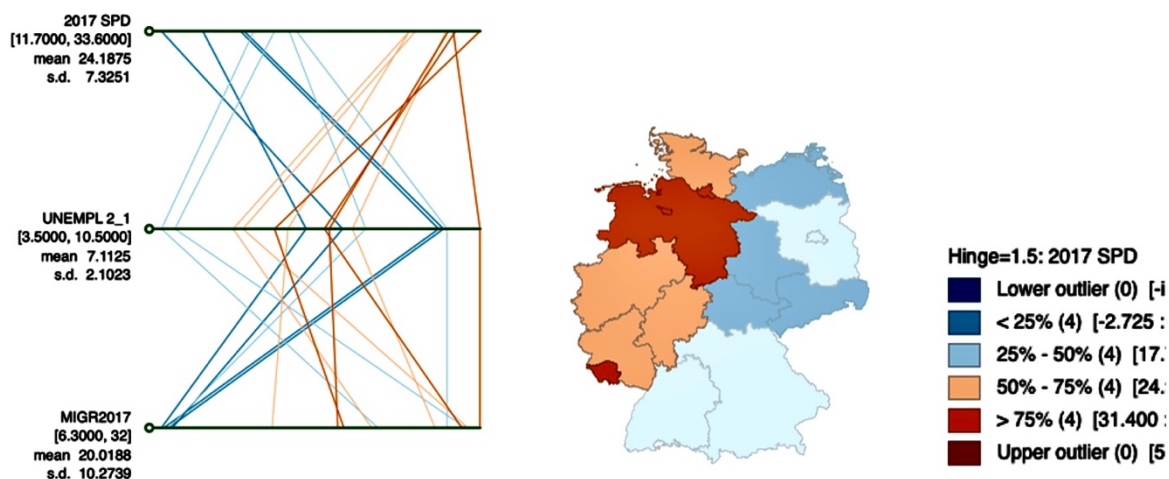

Рис. 2. Многофакторное районирование голосования за СДПГ (2017), уровня безработицы и миграции (составлено автором)

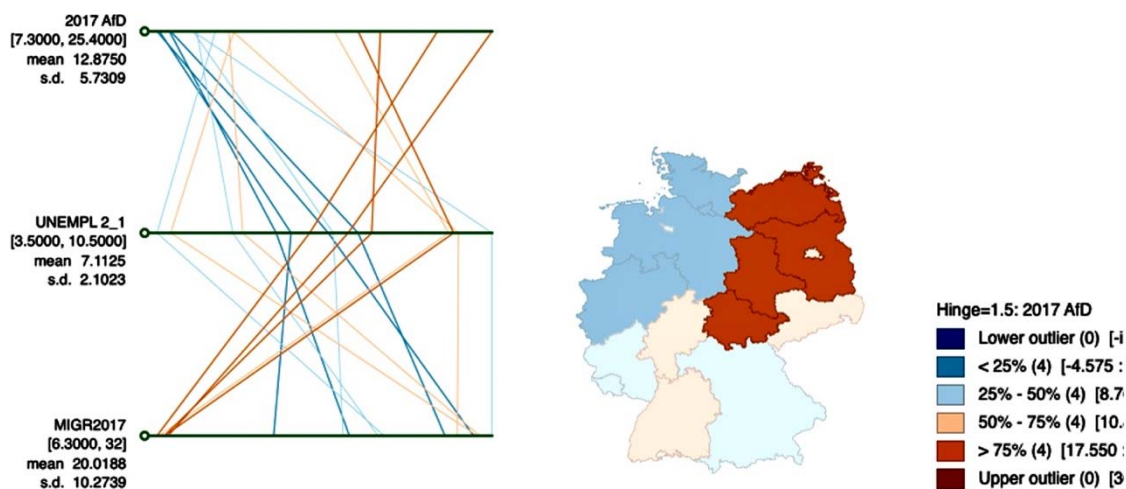

Рис. 3. Многофакторное районирование голосования за АдГ (2017), уровня безработицы и миграции (составлено автором)

Исходя из этих паттернов, можно говорить о том, что до сих пор сохраняется как экономический, так и политический раскол между восточными и западными землями Германии. Для восточных немцев характерно оправдывать свое восточногерманское происхождение. При этом они прибегают к одной из двух стратегий – либо отрицать свое происхождение, либо сразу его обозначать. Происходит это по той причине, что до сих пор существует предубеждение насчет того, что жители Восточной Германии являются сторонниками социализма и коммунизма [45]. С точки зрения жителей Восточной Германии, западники считаются более напористыми и мнительными, свободолюбивыми, шумными, высокомерными, заботящимися о своей личной выгоде. Тогда как сами «осси» считаются сдержанными, предпочитающими коллектив. Они не имеют собственного мнения и склонны жаловаться. Безусловно, это стереотипное восприятие двумя частями Германии друг друга, которое, тем не менее, по сей день транслируется через СМИ [45. С. 95]. Также стоит отметить, что для восточных земель более характерен поиск справедливости, которая для них значима [46].

Это отражается и на паттернах голосования: более бедные восточные земли, принимающие меньшее количество мигрантов, чем западные, действуют по описанной выше логике, отдавая предпочтение правопопулистской партии не в силу того, что именно в эти земли прибывает большое количество мигрантов, а из опасения высокого уровня безработицы, что мигранты займут их рабочие места. Таким образом, на их электоральное поведение оказывают воздействие не сами мигранты, а их восприятие и опасения, свя-

занные с их прибытием, что использовалось партией АдГ в избирательной кампании. При этом западные земли, в которых большую электоральную поддержку получают «классические партии», таким опасениям подвержены в меньшей степени, поскольку уровень безработицы в этих землях ниже, чем в восточных.

Подводя итог, отметим, что социоэкономический фактор оказывал влияние на формирование электоральных предпочтений граждан в землях Германии в 2012 и 2017 гг. Высокий уровень миграции и низкий уровень безработицы, характерные для западных земель Германии, приводили к голосованию за «классические партии», которым удавалось удовлетворять запрос граждан на стабильное экономическое положение.

Напротив, в более бедных восточных землях, в которых наблюдался более высокий уровень безработицы при низком уровне миграции, граждане, которым казалось, что мигранты представляли угрозу их рабочим местам, отдавали предпочтение правопопулистской партии АдГ. При этом истинным мотивом для голосования за АдГ являлся высокий уровень безработицы, а не высокий уровень миграции. Кроме того, социальный, политический и экономический раскол между западными и восточными землями сохраняется по настоящее время, что также влияет на то, какие факторы влияют на формирование электоральных предпочтений граждан Германии. При сохранении указанных паттернов голосования граждане Германии будут и в новом электоральном цикле отдавать предпочтение «классическим партиям» и отходить от «протестного» голосования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Angela Merkel's New Year's speech: 'Toughest year' of chancellorship (30.12.2020) // DW. URL: <https://www.dw.com/en/angela-merkels-new-years-speech-toughest-year-of-chancellorship/a-56100760> (дата обращения: 29.01.2021).
2. Armin Laschet offiziell als CDU-Vorsitzender bestätigt (22.01.2021) // Der Tagesspiegel. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/ergebnis-der-briefwahl-armin-laschet-offiziell-als-cdu-vorsitzender-bestaetigt/26844012.html> (дата обращения: 30.01.2021).
3. Белов В.Б. Выборы нового председателя Христианско-демократического союза Германии // Аналитическая записка Института Европы РАН. 2021. № 1 (№ 231). URL: <http://doi.org/10.15211/analytics12021>
4. Germany: Poll shows low support for new CDU head as Merkel successor (18.01.2021) // DW. URL: <https://www.dw.com/en/germany-poll-shows-low-support-for-new-cdu-head-as-merkel-successor/a-56256832> (дата обращения: 01.02.2021).
5. Bavaria's Markus Söder and Austria's Sebastian Kurz unite on migration (20.06.2018) // DW. URL: <https://www.dw.com/en/bavarias-markus-soeder-and-austrias-sebastian-kurz-unite-on-migration/a-44315563> (дата обращения: 01.02.2021).
6. Bavarian CSU takes tough migration stance but rejects far-right (15.09.2018) // Reuters. URL: <https://jp.reuters.com/article/instant-article/idUSKCN1LV0K2> (дата обращения: 01.02.2021).
7. Федоров В.П. и др. Экономика и политика Германии: через год после выборов / отв. ред. Е.П. Тимошенко. М. : Ин-т Европы РАН, 2019. 134 с.
8. Hockenos P. Germany found a strongman for its Coronavirus crisis. (16.04.2020) // Foreign Policy. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/04/16/markus-soder-soeder-germany-strongman-coronavirus-crisis/> (дата обращения: 02.02.2021).
9. Дмитриева С.И., Таранец В.А. Кризис идентичности народных партий Германии и перспективы правопопулистов // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2020. Вып. № 1 (22). С. 161–165.
10. Плассеро И. Идентичность народов Европы / пер. с фр. А. Пондопуло. М.; СПб. : Нестор-История, 2019. 200 с. (Народы в опасности).
11. Interview with Bavaria's minister president Markus Söder "We can't just press the reset button" // Fraunhofer. URL: <https://www.fraunhofer.de/en/research/current-research/toward-a-more-resilient-society/interview-markus-soeder.html> (дата обращения: 02.02.2021).
12. Arbeitslosenquote in Deutschland nach Bundesländern // Statista. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/36651/umfrage/arbeitslosenquote-in-deutschland-nach-bundeslaendern/> (дата обращения: 02.02.2021).
13. Franzmann S.T., Giebler H., Poguntke T. It's no longer the economy, stupid! Issue yield at the 2017 German federal election // West European Politics. 2020. Vol. 43, № 3: Conflict Mobilisation or Problem-solving? Issue Competition in Western Europe. P. 610–638.
14. Lipset S.M. Political man. The social bases of politics. Baltimore : John Hopkins University Press, 1981. 608 p.
15. Fiorina M.P. Retrospective Voting in American National Elections. New Haven : Yale University Press, 1981. 288 p.
16. Малащенко И.В. Изучение электорального поведения населения: сравнительный анализ зарубежных и отечественных теорий // Вестник БГУ. История. Право. Литературоведение. Языкознание. 2014. № 2. С. 89–93.
17. Norpoth H., Lewis-Beck M.S., Lafay J.-D. Economics and politics: the calculus of support. University of Michigan Press, 1991. 293 p.
18. Betz H.-G. Radical right-wing populism in Western Europe. London : Macmillan, 1994. 226 p.
19. Koopmans R., Statham P., Giugni M. Contested Citizenship: Immigration and Cultural Diversity in Europe. Minneapolis : University of Minnesota press, 2005. 376 p.

20. Röhr P. Explaining Support for radical Right-wing Parties: The Swedish case. University of Gothenburg, School of Business, Economics and Law. Master degree Project No. 2015:65. 2015. URL: https://gupea.ub.gu.se/bitstream/2077/39960/1/gupea_2077_39960_1.pdf (дата обращения: 07.11.2020).
21. Ionescu G., Gellner E. Introduction // *Populism – Its Meanings and National Characteristics* / ed. by G. Ionescu, E. Gellner. London : Weidenfeld and Nicolson, 1969.
22. Surel Y. Populism in the French Party System // *Democracies and the Populist Challenge* / ed. by Y. Mény, Y. Surel. New York : Palgrave, 2002.
23. Mény Y., Surel Y. The Constitutive Ambiguity of Populism // *Democracies and the Populist Challenge* / ed. by Y. Mény, Y. Surel. New York : Palgrave, 2002.
24. Mudde C. The Populist Zeitgeist // *Government and Opposition*. 2004. Vol. 39, Is. 4. P. 541–563.
25. Gold R., Fetzer T. The economic causes of populism // *Global solutions journal*. 2019. Is. 5. P. 72–77.
26. Kriesi H., Grande E., Lachat R., Dolezal M., Bornschie S., Frey T. Globalization and the transformation of the national political space: Six European countries compared // *European Journal of Political Research*. 2006. № 45. P. 921–956.
27. Norris P., Inglehart R. *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. Cambridge University Press, 2019. 564 p.
28. Voss D. The political economy of European populism: labour market dualization and protest voting in Germany and Spain // *LEQS Paper*. 2018. № 132.
29. Brännlund A. Labor Market Conditions and Partisan Voting: How Unemployment Hurts the Left // *Political Behavior*. 2020. № 43. P. 363–369. DOI: 10.1007/s11109-020-09655-w
30. Belucci D., Conzo P., Zotti R. Perceived Immigration and Voting Behavior. Department of economics and statistics Cognetti de Martiis. Working Papers 201915. University of Turin, 2019.
31. Хахалкина Е.В., Андреев К.П., Мунько А.В. Новое лицо Евросоюза: феномен правого популизма на примере отдельных стран ЕС // *Вестник МГИМО-Университета*. 2020. № 13 (6). С. 99–132.
32. Кузнецов А.В. Германия: насколько стабильно положение лидера ЕС? Год планеты. М., 2016. С. 187–195.
33. Bierbach M. AfD, CDU, SPD: Where do German parties stand on refugees, asylum and immigration? (24.09.2017) // *Deutsche Welle*. URL: <https://www.dw.com/en/afd-cdu-spd-where-do-german-parties-stand-on-refugees-asylum-and-immigration/a-40610988> (дата обращения: 15.07.2020).
34. Smith R. What is Alternative for Germany (AfD) and what does the anti-migrant party want? (19.09.2016) // *Express*. URL: <http://www.express.co.uk/news/world/707797/afd-alternative-for-germany-what-is-does-want-frauke-petry-anti-migrant> (дата обращения: 17.03.2017).
35. Unemployment rate (15-64 years) for Deutschland (2011) // *Zensus*. URL: <https://ergebnisse.zensus2011.de/?locale=en#MapContent:00,E63,m>, (дата обращения: 18.05.2020).
36. Die Datenbank des Statistischen Bundesamtes. Destatis Statistisches Bundesamt. URL: https://www-genesis.destatis.de/genesis/online/link/statistiken/13* (дата обращения: 20.05.2020).
37. Bevölkerung und Erwerbstätigkeit: Bevölkerung mit Migrationshintergrund – Ergebnisse des Mikrozensus 2014 (2017). Statistisches Bundesamt (Destatis). Fachserie 1 Reihe 2.2.
38. Bevölkerung und Erwerbstätigkeit: Bevölkerung mit Migrationshintergrund – Ergebnisse des Mikrozensus 2017 (2018). Statistisches Bundesamt (Destatis). Fachserie 1 Reihe 2.2.
39. September 22, 2013 Bundestag Election Final Results. Election Resources on the Internet: Elections to the German Bundestag – Results Lookup. URL: <http://electionresources.org/de/bundestag.php?election=2013&land=SH> (дата обращения: 17.05.2020).
40. September 24, 2017 Bundestag Election Results. Election Resources on the Internet: Elections to the German Bundestag – Results Lookup. URL: <http://electionresources.org/de/bundestag.php?election=2017&land=SH> (дата обращения: 17.05.2020).
41. Caprara G.V. The personalization of modern politics // *European Review*. 2007. № 15. P. 151–164.
42. Wegman E.J., Dorfman A. Visualizing cereal world // *Computational Statistics and Data Analysis*. 2003. № 43 (4). P. 633–649.
43. Окунев И.Ю. Основы пространственного анализа. М. : Аспект-Пресс, 2020. 255 с.
44. Curini L., Franzese R. *The SAGE Handbook of Research Methods in Political Science and International Relations*. SAGE Publications Ltd., 2020. 1332 p.
45. Kowalczyk I-S. Die Übernahme: Wie Ostdeutschland Teil der Bundesrepublik wurde. München : Verlag C.H. Beck oHG, 2001. 319 p.
46. Conradt D.P. The Civic Culture and Unified Germany: An Overview // *German Politics*. 2015. Vol. 24, № 32. P. 249–270.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 4 мая 2021 г.

Socio-Economic Factors of Citizens' Voting Behavior in Germany

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 115–123.

DOI: 10.17223/15617793/467/15

Evgenia A. Zakharova, MGIMO-University (Moscow, Russian Federation). E-mail: eva5094@mail.ru

Keywords: electoral behavior; German elections; migrant crisis; regression; Bundestag; Landtag; parallel coordinates plot.

The article was prepared within the framework of the project “Political culture as the factor of electoral behavior at subnational politics in France and Germany”, RFBR Grant No. 19-311-90035.

The article examines socio-economic factors determining citizens' electoral behavior in Germany. Given the popularity of Minister President of Bavaria M. Söder, famous for supporting the idea of closing the external EU borders after the migrant crisis and for sustaining the lowest unemployment rate in his state, the author finds out how unemployment rate and percentage of migrants affect electoral behavior in German states both at Bundestag and Landtag elections during the last two electoral cycles (2011–2019). When economic conditions become worse, citizens are prone to “punish” parties in power and tend to choose “opposing” parties and an alternative candidate to the incumbent. However, when there is economic welfare in a state, citizens tend not to change electoral pattern and vote for the party or candidate in power. In order to carry out the research, the author codified German parties according to P. Norris and R. Inglehart's classification. Regression analysis was used to find the significant variables in shaping electoral preferences and support for a particular party. The author found out that there is a significant coefficient of determination between unemployment rate and voting for liberal pluralist parties. Lands with low unemployment rate supported such parties. At the same time, there is high coefficient of determination between unemployment rate and support for authoritarian populist parties: the higher was the unemployment rate, the higher was support for these parties. Besides, there was a high coefficient of determination between the percentage of migrants and voting for liberal pluralist and authoritarian populist parties: lands that witnessed high migration voted for liberal pluralist parties, whereas support for authoritarian populists was low. Multivariate exploratory data analysis with the use of parallel coordinates plot helped to define clusters of German states with specific electoral patterns for each German land. The author

concludes that high unemployment rate along with low percentage of migrants lead to high support for the right-populist party AfD, whereas low unemployment rate and high percentage of migrants prompt citizens to vote for “classical” parties, i.e. CDU/CSU and SPD. Finally, economic and political cleavage between the Western and the Eastern states still holds. This factor also has an impact on citizens’ electoral preferences in German lands. If the described electoral patterns are preserved, the citizens are more likely to vote for the “classical” parties and abstain from opposition voting in the upcoming electoral cycle.

REFERENCES

1. DW. (2020) *Angela Merkel's New Year's speech: 'Toughest year' of chancellorship* (30.12.2020). [Online] Available from: <https://www.dw.com/en/angela-merkels-new-years-speech-toughest-year-of-chancellorship/a-56100760> (Accessed: 29.01.2021).
2. Der Tagesspiegel. (2021) *Armin Laschet offiziell als CDU-Vorsitzender bestätigt* (22.01.2021). [Online] Available from: <https://www.tagesspiegel.de/politik/ergebnis-der-briefwahl-armin-laschet-offiziell-als-cdu-vorsitzender-bestaetigt/26844012.html> (Accessed: 30.01.2021).
3. Belov, V.B. (2021) The new CDU chairman election. *Analitycheskaya zapiska Instituta Evropy RAN*. 1 (231). (In Russian). DOI: 10.15211/analytics12021
4. DW. (2021) *Germany: Poll shows low support for new CDU head as Merkel successor* (18.01.2021). [Online] Available from: <https://www.dw.com/en/germany-poll-shows-low-support-for-new-cdu-head-as-merkel-successor/a-56256832> (Accessed: 01.02.2021).
5. DW. (2018) *Bavaria's Markus Söder and Austria's Sebastian Kurz unite on migration* (20.06.2018). [Online] Available from: <https://www.dw.com/en/bavarias-markus-soeder-and-austrias-sebastian-kurz-unite-on-migration/a-44315563> (Accessed: 01.02.2021).
6. Reuters. (2018) *Bavarian CSU takes tough migration stance but rejects far-right* (15.09.2018). [Online] Available from: <https://jp.reuters.com/article/instant-article/idUSKCN1LV0K2> (Accessed: 01.02.2021).
7. Timoshenkova, E.P. (ed.) (2019) *Ekonomika i politika Germanii: cherez god posle vyborov = Economy and Politics of Germany: a year after election*. Moscow: Institute of Europe, RAS.
8. Hockenos, P. (2020) Germany found a strongman for its Coronavirus crisis. *Foreign Policy*. 16.04.2020. [Online] Available from: <https://foreignpolicy.com/2020/04/16/markus-soeder-soeder-germany-strongman-coronavirus-crisis/> (Accessed: 02.02.2021).
9. Dmitrieva, S.I. & Tarants, V.A. (2020) Krizis identichnosti narodnykh partiy Germanii i perspektivy pravopopulistov [Identity Crisis of the People's Parties of Germany and the Prospects of Right Populists]. *Problemy sotsial'nykh i gumanitarnykh nauk*. 1 (22). pp. 161–165.
10. Plassero, I. (2019) *Identichnost' narodov Evropy = L'identité des peuples d'Europe* [Identity of the peoples of Europe]. Translated from French A. Pondopulo. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
11. Fraunhofer. (2021) *Interview with Bavaria's minister president Markus Söder "We can't just press the reset button"*. [Online] Available from: <https://www.fraunhofer.de/en/research/current-research/toward-a-more-resilient-society/interview-markus-soeder.html> (Accessed: 02.02.2021).
12. Statista. (2021) *Arbeitslosenquote in Deutschland nach Bundesländern*. [Online] Available from: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/36651/umfrage/arbeitslosenquote-in-deutschland-nach-bundeslaendern/> (Accessed: 02.02.2021).
13. Franzmann, S.T., Giebler, H. & Poguntke, T. (2020) It's no longer the economy, stupid! Issue yield at the 2017 German federal election. *West European Politics*. 43 (3): Conflict Mobilisation or Problem-solving? Issue Competition in Western Europe. pp. 610–638.
14. Lipset, S.M. (1981) *Political man. The social bases of politics*. Baltimore: John Hopkins University Press.
15. Fiorina, M.P. (1981) *Retrospective Voting in American National Elections*. New Haven: Yale University Press.
16. Malashenko, I.V. (2014) Izucheniye elektoral'nogo povedeniya naseleniya: sravnitel'nyy analiz zarubezhnykh i otechestvennykh teorii [Study of the electoral behavior of the population: a comparative analysis of foreign and domestic theories]. *Vestnik BGU. Istoriya. Pravo. Literaturovedeniya. Yazykoznanie*. 2. pp. 89–93.
17. Norpoth, H., Lewis-Beck, M.S. & Lafay, J.-D. (1991) *Economics and politics: the calculus of support*. University of Michigan Press.
18. Betz, H.-G. (1994) *Radical right-wing populism in Western Europe*. London: Macmillan.
19. Koopmans, R., Statham, P. & Giugni, M. (2005) *Contested Citizenship: Immigration and Cultural Diversity in Europe*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
20. Röhr, P. (2015) *Explaining Support for radical Right-wing Parties: The Swedish case*. University of Gothenburg, School of Business, Economics and Law. Master degree Project No. 2015:65. [Online] Available from: https://gupea.ub.gu.se/bitstream/2077/39960/1/gupea_2077_39960_1.pdf (Accessed: 07.11.2020).
21. Ionescu, G. & Gellner, E. (1969) Introduction. In: Ionescu, G. & Gellner, E. (eds) *Populism – Its Meanings and National Characteristics*. London: Weidenfeld and Nicolson.
22. Surel, Y. (2002) Populism in the French Party System. In: Mény, Y. & Surel, Y. (eds) *Democracies and the Populist Challenge*. New York: Palgrave.
23. Mény, Y. & Surel, Y. (2002) The Constitutive Ambiguity of Populism. In: Mény, Y. & Surel, Y. (eds) *Democracies and the Populist Challenge*. New York: Palgrave.
24. Mudde, C. (2004) The Populist Zeitgeist. *Government and Opposition*. 39 (4). pp. 541–563.
25. Gold, R. & Fetzer, T. (2019) The economic causes of populism. *Global Solutions Journal*. 5. pp. 72–77.
26. Kriesi, H. et al. (2006) Globalization and the transformation of the national political space: Six European countries compared. *European Journal of Political Research*. 45. pp. 921–956.
27. Norris, P. & Inglehart, R. (2019) *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. Cambridge University Press.
28. Voss, D. (2018) The political economy of European populism: labour market dualization and protest voting in Germany and Spain. *LEQS Paper*. 132.
29. Brännlund, A. (2020) Labor Market Conditions and Partisan Voting: How Unemployment Hurts the Left. *Political Behavior*. 43. pp. 363–369. DOI: 10.1007/s11109-020-09655-w
30. Belucci, D., Conzo, P. & Zotti, R. (2019) Perceived Immigration and Voting Behavior. Department of economics and statistics Cognetti de Martiis. *Working Papers 201915*. University of Turin.
31. Khakhalkina, E.V., Andreev, K.P. & Mun'ko, A.V. (2020) New Face of European Union: Right-Wing Populism in the EU-Countries. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*. 13 (6). pp. 99–132. (In Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2020-6-75-99-132
32. Kuznetsov, A.V. (2016) Germaniya: naskol'ko stabil'no polozhenie lidera ES? [Germany: how stable is the position of the EU leader?]. In: *God planety* [Year of the planet]. Yearbook. Moscow: [s.n.]. pp. 187–195.
33. Bierbach, M. (2017) AfD, CDU, SPD: Where do German parties stand on refugees, asylum and immigration? *Deutsche Welle*. 24.09.2017. [Online] Available from: <https://www.dw.com/en/afd-cdu-spd-where-do-german-parties-stand-on-refugees-asylum-and-immigration/a-40610988> (Accessed: 15.07.2020).
34. Smith, R. (2017) What is Alternative for Germany (AfD) and what does the anti-migrant party want? *Express*. 19.09.2016. [Online] Available from: <http://www.express.co.uk/news/world/707797/afd-alternative-for-germany-what-is-does-want-frauke-petry-anti-migrant> (Accessed: 17.03.2017).
35. Zensus. (2011) *Unemployment rate (15–64 years) for Deutschland* (2011). [Online] Available from: <https://ergebnisse.zensus2011.de/?locale=en#MapContent:00,E63,m> (Accessed: 18.05.2020).

36. Destatis Statistisches Bundesamt. (2020) *Die Datenbank des Statistischen Bundesamtes*. [Online] Available from: https://www-genesis.destatis.de/genesis/online/link/statistiken/13* (Accessed: 20.05.2020).
37. Statistisches Bundesamt (Destatis). (2017) *Bevölkerung und Erwerbstätigkeit: Bevölkerung mit Migrationshintergrund – Ergebnisse des Mikrozensus 2014 (2017)*. Fachserie 1 Reihe 2.2.
38. Statistisches Bundesamt (Destatis). (2018) *Bevölkerung und Erwerbstätigkeit: Bevölkerung mit Migrationshintergrund – Ergebnisse des Mikrozensus 2017 (2018)*. Fachserie 1 Reihe 2.2.
39. Electionresources.org. (2013) 22, *2013 Bundestag Election Final Results*. *Election Resources on the Internet: Elections to the German Bundestag – Results Lookup*. [Online] Available from: <http://electionresources.org/de/bundestag.php?election=2013&land=SH> (Accessed: 17.05.2020).
40. Electionresources.org. (2017) 24, *2017 Bundestag Election Results*. *Election Resources on the Internet: Elections to the German Bundestag – Results Lookup*. [Online] Available from: <http://electionresources.org/de/bundestag.php?election=2017&land=SH> (Accessed: 17.05.2020).
41. Caprara, G.V. (2007) The personalization of modern politics. *European Review*. 15. pp. 151–164.
42. Wegman, E.J. & Dorfman, A. (2003) Visualizing cereal world. *Computational Statistics and Data Analysis*. 43 (4). pp. 633–649.
43. Okunev, I.Yu. (2020) *Osnovy prostranstvennogo analiza* [Fundamentals of Spatial Analysis]. Moscow: Izdatel'stvo "Aspekt-Press".
44. Curini, L. & Franzese, R. (eds) (2020) *The SAGE Handbook of Research Methods in Political Science and International Relations*. SAGE Publications Ltd.
45. Kowalczyk, I.-S. (2019) *Die Übernahme: Wie Ostdeutschland Teil der Bundesrepublik wurde*. München: Verlag C.H. Beck oHG.
46. Conradt, D.P. (2015) The Civic Culture and Unified Germany: An Overview. *German Politics*. 24 (32). pp. 249–270.

Received: 04 May 2021

С.А. Ильиных

ИНТЕРНЕТ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДОВЕРИЯ

Интернет рассматривается с позиции коммуникационной площадки, а также с точки зрения доверия к информации, размещающейся на его ресурсах. Информационной базой послужили данные опроса жителей России ВЦИОМ (2012, 2016, 2017, 2018 гг.), Левада-центра (2019 г.), социологического опроса жителей Новосибирска (2020 г.). На основе анализа эмпирических данных делаются выводы о повышении доверия к информации на новостных, аналитических, официальных сайтах и в социальных сетях.

Ключевые слова: интернет; коммуникация; доверие; социальные сети; блоги; интернет-сайты.

Постановка проблемы

Получение новой информации является одной из потребностей человека, необходимой ему для полноценной жизнедеятельности. Сегодня любой индивид может получить информацию, используя самые разнообразные каналы: традиционные – газеты, журналы, радиоэфир, современные в интернете – новостные каналы, социальные сети, блоги. Возможность доступа к интересующим новостям широкой аудитории крайне важна для социализации индивида и конструирования его идентичности.

Особую роль в этом процессе играют интернет-ресурсы. Стоит учитывать то, что на просторах интернета сосуществует информация самых разных типов: от конструктивной фактологической, аналитической, справочной до неконструктивной, недостоверной. В результате не только новостные сайты, но и многочисленные форумы, блоги, социальные сети Facebook, Twitter, «Одноклассники», YouTube, Instagram и другие, личные веб-сайты, открытые вики порождают поток неконтролируемой информации. Идея свободного информационного пространства оказалась несколько перегружена не только конструктивным контентом, но и искажена наличием недостоверной, низкосортной, незитичной информации. Все это привело к тому, что доля достоверной и конструктивной информации теряется в потоке псевдоинформации. А.Д. Еляков очень образно высказывается о парадоксах интернета, в том смысле, что неприглаженные, «ершистые» реальные события причисляются, облагораживаются, делают «доступными к потреблению». СМИ (интернет по А.Д. Елякову. – С.И.) изменяют уникальный живой событийный мир посредством виртуальной выхолощенной информации, имеющей мало общего с реальностью [1. С. 73].

Вместе с тем процесс обмена информацией посредством сети Интернет уже не остановить. Интернет превратился в мировую информационную систему, без которой индивид и социум уже не в состоянии осуществлять эффективную жизнедеятельность, получая нужную информацию в нужное время. По мнению В.Ф. Аренса, интернет – это магистраль, которая является самой быстрорастущей средой в истории [2. Р. 558]. Этой же идеи придерживается Р.Э. Хэнсон, говоря о том, что британский физик Тим Бернерс Ли при изобретении WWW создал программное обеспечение, которое позволяет интернету работать как средство массовой комму-

никации [3. Р. 274]. Учитывая это, важно исследовать, насколько сегодня пользователи того или иного интернет-источника доверяют его контенту.

Обзор литературы

Отправной точкой в рамках данной статьи является проблематика доверия, в том числе к СМИ, которая развивается в работах зарубежных и отечественных ученых. Специфика средств массовой информации в том, что они выступают площадкой для коммуникаций. Как полагают А. Дюран и И. Шеферд, сегодня на социум воздействуют два важнейших фактора, приводя к смешению и появлению гибридных норм общения: это миграционные потоки и опосредованная интернет-коммуникация [4. Р. 147]. По М. Маркоча, интернет выполняет функцию культурного стандартизатора через этикет/не этикет, но также и выявляет различия в культуре [5]. К числу неизменных плюсов интернет-коммуникации относятся доступность, оперативность, ограниченные возможности для цензуры, дискуссионность, отсутствие посредников, горизонтальная коммуникация, разные способы передачи контента, анонимность. Как указывает О.П. Охиагу, социальные сети превосходно расширяют интерактивные и социализационные аспекты массовой коммуникации. Социальные медиа объединяют людей в одну глобальную деревню, где все узнают о том, что происходит в жизни всех остальных, даже когда события только разворачиваются. Многие люди ведут ежедневные дневники своих жизненных событий и мероприятий в социальных сетях, и их друзья могут принимать участие или реагировать на такие сообщения мгновенно [6]. Возможность участвовать в новых культурных речевых формах, и быстрота общения, и оперативная возможность получить информацию из первых рук привлекают индивидов для осуществления коммуникативных актов.

Но вовлекаясь в обилие информационных потоков, которые нередко имеют не жесткую вертикальную направленность, а интерактивную горизонтальную, индивид, так или иначе, сталкивается с потребностью определить свою позицию в доверии к предлагаемой информации. В контексте социологической теории исследование феномена доверия представлено именами таких ученых, как Э. Гидденс [7], Р. Дарендорф [8], А. Селигмен [9], Ф. Теннис [10], Ф. Фукуяма [11], П. Штомпка [12].

Исследователи рассматривают феномен доверия в его различных общественных проявлениях. Так, Э. Гидденс, описывая современность, особое внимание уделяет развитию символических и экспертных систем, без которых невозможно представить себе функционирование современных обществ. Анализ символических и экспертных систем подводит ученого к проблеме доверия. Н. Луман был одним из первых ученых, который обратил внимание на усиление доверия в современных условиях и отметил зависимость доверия от рискогенности общества. А. Селигмен усматривает в феномене доверия аспект фундаментальной проблемы общественной солидарности и полагает, что оно является существенным компонентом всех устойчивых общественных отношений. Ф. Тённис, выделяя два состояния общества *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*, высказывается о том, что в первом случае речь идет о личном доверии, а во втором – о безличном (овеществленном) доверии, которое складывается в результате растущей экономической взаимозависимости и профессионализации людей [10. С. 221]. Ф. Фукуяма связывает доверие с социальным капиталом общества [11. С. 26]. В целом можем говорить о том, что исследователи в той или иной мере высказываются о доверии при условии обеспечения безопасного развития общества.

Доверие основано на том, что субъекты коммуникации активно общаются, учитывают мнение друг друга. В результате создается когерентная среда. Касаясь вопроса доверия в целом, отметим мнение А. Селигмена о том, что доверие является важной основой поддержания социального порядка в долгосрочной перспективе [9].

Отечественные исследователи выявили наличие связи между уровнем доверия к средствам массовой информации и к государственным органам власти. Проявление недоверия населения к СМИ может порождать угрозу нарушения коммуникаций между обществом и властью и снижения уровня доверия к последней. СМИ способны создать положительный или негативный имидж того или иного политического деятеля или же партии [13].

Для исследования нашей проблематики актуальны идеи Н. Лумана, который выделял доверие на макро- и микроуровнях [14]. Что касается микроуровня, то доверие здесь есть не что иное, как характеристика связи между индивидами, а на макроуровне доверие предстает как некая обобщенная характеристика в большей мере абстрактных, анонимных отношений [13]. Доверие на макроуровне оказывается в тесной связи с эффективной работой бюрократических систем, в этом случае доверие опирается на законность и институциональные системы. Если интерпретировать идеи Н. Лумана применительно к нашей проблематике, то очевидно, что доверие к интернету как элементу института средств массовой информации есть желательное состояние для того, чтобы институциональная система СМИ могла быть эффективной в ситуации риска и неопределенности.

Идея Н. Лумана о доверии к системам как необходимости находит подтверждение в работах Э. Гидденса [7]. Ученый полагает, что доверие к тем, кого ин-

дивид знает, сформировано благодаря непосредственному общению с ними, их репутации. Доверие в дистанционном взаимодействии связано уже не с личностями, а с абстрактными системами. Оно основано на безличных обстоятельствах. Иными словами, доверие индивидов обусловлено функционированием социальных систем, в которых есть полнота информации, которой до конца не обладают индивиды. По мнению Э. Гидденса, доверяющий человек становится неразрывно связанным с судьбой всей системы, так как в целом она должна работать устойчиво. Преломляя идеи Э. Гидденса в отношении доверия к интернету как источнику информации, можно отметить, что индивиды в той или иной степени вынуждены ему доверять по трем причинам. Во-первых, взаимодействие в интернет-пространстве всегда дистанционное, поэтому доверие к нему зиждется на доверии к абстрактной системе. (Поясним, что под дистанционным взаимодействием в интернете мы понимаем не личные контакты «здесь-и-сейчас», а опосредованные. Интернет на логическом уровне является абстрактной системой. Стоит добавить, что каждый индивид представляет его по-своему.) Во-вторых, индивиды не обладают той полнотой информации, что есть у этой системы. (Иными словами, интернет как абстрактная система содержит гораздо больше информации, чем отдельно взятый индивид или группа индивидов.) В-третьих, индивиды воспринимают интернет как более устойчивую систему информации и коммуникации, а потому становятся связанными с ней. (В данном случае под устойчивой системой информации и коммуникации мы имеем в виду то, что она мало зависит от внешних «возмущений», осуществляя непрерывное информирование.)

Если тема доверия Э. Гидденса развивается в рамках институциональной парадигмы, то труд П. Штомпки акцентирован на «мягких переменных», связанных с культурой доверия [15]. Ученый полагает, что другие люди, точно так же, как мы, свободны в определенных пределах и являются субъектами, способными выбрать действия разного рода. Заранее мы не можем знать, какие действия они выберут. Всегда существует риск, что другие люди предпримут действия, которые окажутся не всегда выгодными для нас, а, напротив, могут принести нам вред. Этот риск возрастает по мере того, как увеличивается число наших потенциальных партнеров, как они становятся все более разнообразными, словом, когда наша социальная среда расширяется, усложняется, становится все менее прозрачной и все менее нами контролируемой.

П. Штомпка сосредоточивает внимание на том, что доверие и недоверие можно трактовать как капитал, ресурс, который приводится в движение в результате непрерывных контактов [15. С. 326]. При доверии снижается неуверенность и появляется возможность более спокойных действий. При недоверии создаются барьеры против будущих угроз. Приведем примеры типов доверия, рассматриваемые ученым. Так, личное доверие – это доверие к тем, кого мы хорошо знаем. Позиционное доверие индивид проявляет в отношении определенных социальных ролей, про-

фессий, должностей, структур власти. Этот тип доверия не зависит от личностей, от тех, кто конкретно эти должности занимает или эти роли исполняет. Для нас представляет интерес технологическое доверие. Оно направлено на системы коммуникаций, телекоммуникаций, информационные системы, все то, что создает в повседневной жизни инфраструктуру. Как нам представляется, этот тип доверия совместно с институциональным доверием, обращенным к организационным структурам, актуализируется при обращении к интернету как источнику информации. Здесь следует учесть и то, что каждый индивид имеет свой баланс доверия, в том числе и к интернету. Кроме того, немаловажно, что если рассматривать доверие в групповом, общественном контексте, то оно обретает характер культурно-мотивированного доверия. Все сказанное справедливо и в отношении доверия к интернету как источнику информации. С одной стороны, индивид всегда имеет баланс доверия/недоверия, обращаясь в информационное пространство интернета. Но это его личный выбор, личная ставка. А с другой стороны, доверие/недоверие к интернету более широких групп может быть социальным правилом, что уже не является индивидуальным выбором, а отражает результаты коллективного опыта.

Рассматривая проблематику доверия, затронем вопрос, связанный с формой коммуникации в интернет-пространстве. По форме коммуникация в интернет-пространстве может проходить в виде презентации, манипуляции, конвенции (по С. Дацюк [16]). Для презентационной коммуникации характерно послание, для манипулятивной – сообщение, для конвенциональной – диалог. Как полагает С. Дацюк, в конвенциональной коммуникации объектом становятся социальные проблемы, но не индивиды. Индивиды становятся партнерами, инициаторами идей и т.д. На основании этой типологии можем видеть, что если в интернет-пространстве развиваются конвенциональные коммуникации, то это формирует доверие к источнику информации.

Итак, преломляя взгляды ученых, разрабатывающих идеи доверия, в отношении к исследованию интернета как источника информации можно отметить следующее. Во-первых, если развиваются конвенциональные интернет-коммуникации, то это формирует доверие к интернету. Во-вторых, специфика доверия к интернету как источнику информации состоит в том, что оно необходимо для эффективной работы институциональной системы СМИ в ситуации риска и неопределенности. В-третьих, интернет воспринимается индивидами как абстрактная дистанционная система, что и ложится в основание доверия к нему. В-четвертых, при обращении к интернету как источнику информации одновременно актуализируются два аспекта. Первый – личный баланс доверия/недоверия к предоставляемой информации. Второй – коллективный баланс доверия/недоверия к интернет-информации. Последний аспект, как нам представляется, имеет уже существенное значение для безопасного существования общества.

И, наконец, рассматривая проблему доверия к интернету как источнику информации, важно учиты-

вать, что доверие включает как минимум три компонента. Первый компонент – это то, какому каналу аудитория доверяет, получая разного рода информацию – социально-политическую, социокультурную и иную. Второй компонент – это доверие проводнику этой информации. Третий компонент отражает доверие содержанию, контенту [17].

В связи с изложенным, целесообразно обратиться к исследованию того, как изменяется вектор доверия россиян к интернету в течение нескольких последних лет.

Результаты исследования

Информационной базой исследования послужили данные ВЦИОМ (2012, 2016, 2017, 2018 гг.), Левада-центра (2019 г.) и результаты исследования жителей г. Новосибирска (2020 г.).

Обратимся к результатам исследования ВЦИОМ об особенностях современного медиапотребления в России за 2012–2018 гг. [18]. В исследовании использована стратифицированная двухосновная случайная выборка. Опрошены 1 600 респондентов (80 регионов, 500 городов и поселков городского типа, 100 сел). Интерес представляет возможность сравнения результатов за 2012, 2016, 2017, 2018 гг. В табл. 1 представлены результаты опроса о том, из каких источников СМИ респонденты получают информацию и с какой частотой.

Как видим, получение информации из интернета – новостных, аналитических, официальных сайтов – снизилось на 3% в 2018 г. по сравнению с 2017 г. Но при этом обращение к информации в социальных сетях и блогах, напротив, возросло на 5% в этот же период. Рост обращения к информации в социальных сетях и блогах можно трактовать, с одной стороны, как возможность получения последних новостей, самой свежей информации, а с другой – как некий показатель доверия к этой информации. В данном случае, вероятно, обращение к информации в социальных сетях и блогах можно трактовать в терминах П. Штомпки как «ставку» в расчете на доверие, в расчете на будущие действия других людей, в которых мы не уверены.

Интересен анализ рейтинга СМИ в разрезе социально-демографических групп с этой точки зрения (табл. 2, рис. 1). Эта информация пригодится нам для исследования доверия к СМИ.

Можем видеть, что чаще других используют интернет – новостные, аналитические, официальные сайты – респонденты в возрасте 18–24 (59%) и 25–34 (58%) лет, мужчины (49%).

К интернету – социальным сетям и блогам за информацией обращаются респонденты 18–24 лет (79%), мужчины (47%) и женщины (46 %). Обращает на себя внимание то, что все в большей мере тяготеют к интернету как источнику информации молодые респонденты. Так, если рассмотреть две возрастные группы – 18–24 лет и 45–59 лет, то можно увидеть, что число обращений к новостным, аналитическим, официальным сайтам уменьшается на 19%, к социальным сетям и блогам – на 36% (рис. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Скажите, как часто вы получаете информацию из следующих средств массовой информации» (вариант «часто»), %

Варианты ответов									
Год	TV (центрально- ное)	TV (региональ- ное, местное)	Интернет (новости, аналитика, официаль- ные сайты)	Интернет (соцсети и блоги)	Пресса (центрально- ная)	Пресса (региональ- ная, местная)	Радио (центрально- ное)	Радио (региональ- ное, местное)	СМИ (зарубеж- ные)
2012	78,0	52,0	–	–	27,0	26,0	23,0	16	6,0
2016	71,0	40,0	40,0	37,0	20,0	17,0	18,0	13,0	5,0
2017	69,0	44,0	46,0	41,0	25,0	22,0	20,0	15,0	9,0
2018	63,0	38,0	43,0	46,0	21,0	25,0	18,0	19,0	13,0

Примечание. В 2012 г. эти варианты респондентам не предлагались.

Таблица 2

Рейтинг СМИ в разрезе социально-демографических групп (2018 г.), %

Возраст, пол	TV (центр.)	TV (регион., местное)	Интернет (новости, аналитика, официальные сайты)	Интернет (соцсети и блоги)	Пресса (центр.)	Пресса (регион., местная)	Радио (центр.)	Радио (регион., местное)	СМИ (зарубеж.)
18–24	28,0	21,0	59,0	79,0	9,0	9,0	12,0	10,0	23,0
25–34	48,0	29,0	58,0	64,0	18,0	21,0	16,0	17,0	14,0
35–44	53,0	26,0	49,0	51,0	16,0	17,0	16,0	13,0	12,0
45–59	69,0	41,0	40,0	43,0	23,0	28,0	18,0	21,0	13,0
60+	83,0	54,0	25,0	23,0	27,0	35,0	24,0	24,0	11,0
Муж.	57,0	32,0	49,0	47,0	21,0	22,0	22,0	21,0	14,0
Жен.	67,0	42,0	37,0	46,0	20,0	27,0	16,0	16,0	12,0

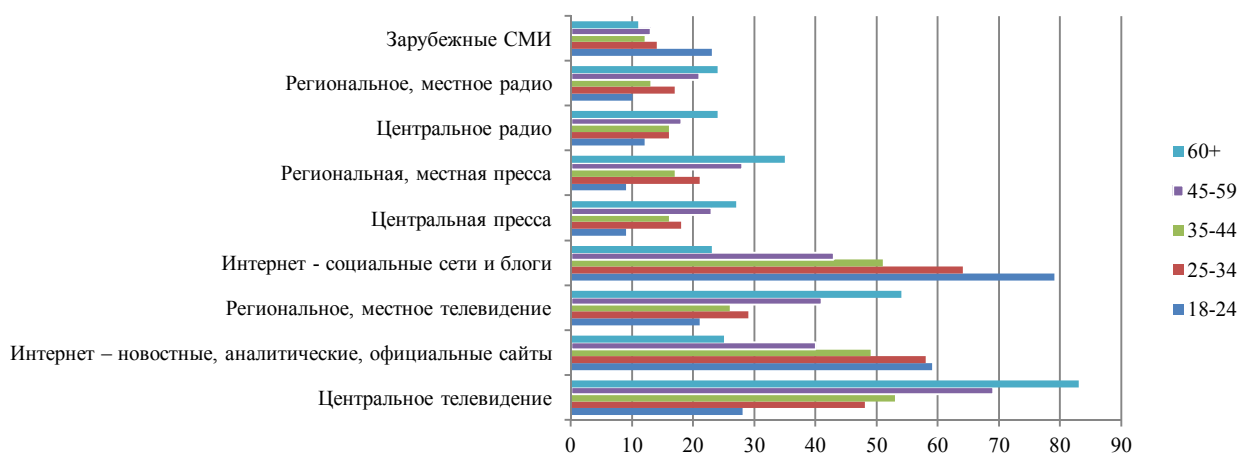

Рис. 1. Рейтинг СМИ в разрезе возраста, 2018 г., %

В исследовании был задан прямой вопрос о том, каким средствам массовой информации доверяют респонденты (табл. 3, рис. 2).

Согласно полученным данным, больше всего доверяют центральному и местному телевидению. Что касается интернет-источников, то наиболее доверяют новостным, аналитическим, официальным сайтам респонденты в возрасте 25–34 лет (65%), а социальным сетям и блогам – респонденты в возрасте 18–24 лет (48%). В целом очевидна тенденция большего доверия новостным, аналитическим и официальным интернет-сайтам, нежели социальным сетям и блогам. Это можно наблюдать и в разрезе возраста, и в разрезе пола.

Сравнивая показатели рейтинга СМИ (рис. 1) и доверия к СМИ (рис. 2), можем видеть, что новостные сайты и социальные сети имеют достаточно высокий

рейтинг обращений за информацией среди других СМИ. Однако, что касается доверия, мы можем видеть, что к источникам информации в интернете меньше доверия, чем к центральному телевидению, прессе и т.д. К примеру, респонденты в возрасте 45–59 лет в 75% случаев доверяют центральному телевидению, а новостным, аналитическим, официальным сайтам в 47% случаев.

Еще меньше доверия у этой возрастной группы к социальным сетям и блогам (26%). Вероятно, мы можем говорить о снижении баланса доверия у этих возрастных групп.

Представленные выше результаты касались исследования 2018 г. В исследовании Левада-центра в 2019 г. был сделан вывод о том, что произошло снижение потребления теленовостей россиянами при одновременном росте значимости интернета и социаль-

ных сетей как источника новостей [19]. За последние 10 лет аудитория интернета выросла с 9% до трети населения страны. 22% населения доверяют интернет-ресурсам и 20% социальным сетям (рис. 3).

По данным Левада-центра, большее доверие социальные сети вызывают у аудиторий 18–24 лет (42%) и 25–34 лет (37%). В других возрастных группах идет резкое снижение доверия. Что касается интернет-изданий, то наибольшее доверие к ним в возрастных группах 25–34 лет (33%) и 18–24 лет (31%). В следующих трех возрастных группах доверие колеблется от 18 до 22% (рис. 4).

Рост влияния интернет-ресурсов осуществляется благодаря увеличению численности интернет-аудитории. Примерно 62% россиян пользуются интернетом «ежедневно, практически ежедневно», в то время как в 2001 г. численность интернет-аудитории составляла всего от 2 до 3% населения. Аналогичная ситуация значительного роста популярности и у социальных сетей. Так, социальными сетями пользуются «ежедневно, практически ежедневно» примерно 46% россиян. Для сравнения: в 2011 г. социальные сети как коммуникативную площадку использовали 22%.

Таблица 3

Доверие средствам массовой информации, %

Возраст, пол	Варианты ответов								
	TV (центрально-ное)	TV (региональ-ное, местное)	Интернет (новости, аналитика, официальные сайты)	Интернет (соцсети и блоги)	Пресса (центрально-ная)	Пресса (региональ-ная, местная)	Радио (центрально-ное)	Радио (региональ-ное, местное)	СМИ (зарубеж-ные)
18–24	60,0	60,0	49,0	48,0	49,0	58,0	51,0	57,0	26,0
25–34	64,0	65,0	65,0	43,0	59,0	56,0	52,0	52,0	20,0
35–44	65,0	64,0	55,0	36,0	59,0	54,0	46,0	49,0	11,0
45–59	75,0	68,0	47,0	26,0	65,0	61,0	52,0	48,0	10,0
60+	79,0	73,0	30,0	18,0	68,0	64,0	46,0	47,0	7,0
Муж.	63,0	60,0	47,0	32,0	55,0	53,0	48,0	49,0	13,0
Жен.	79,0	74,0	48,0	29,0	68,0	65,0	50,0	51,0	12,0

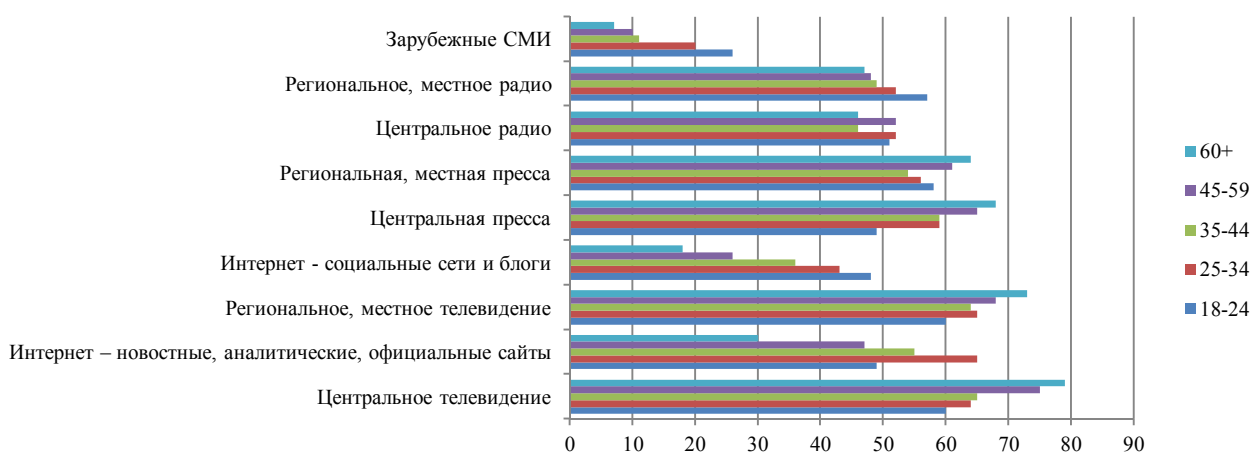

Рис. 2. Доверие к СМИ в разрезе возраста, %

Доверие источникам

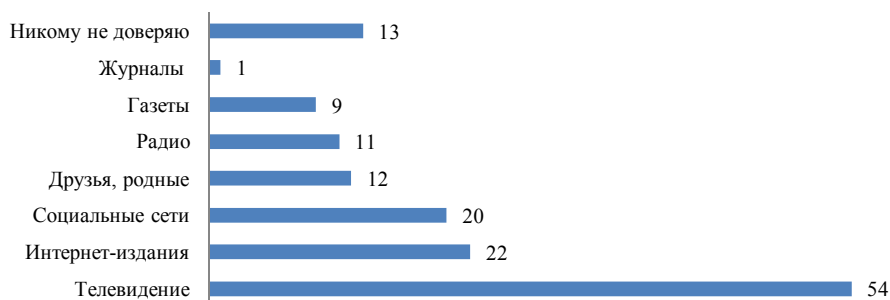

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Каким источником вы более всего доверяете при освещении событий в стране и мире?», %

Доверие СМИ в зависимости от возраста

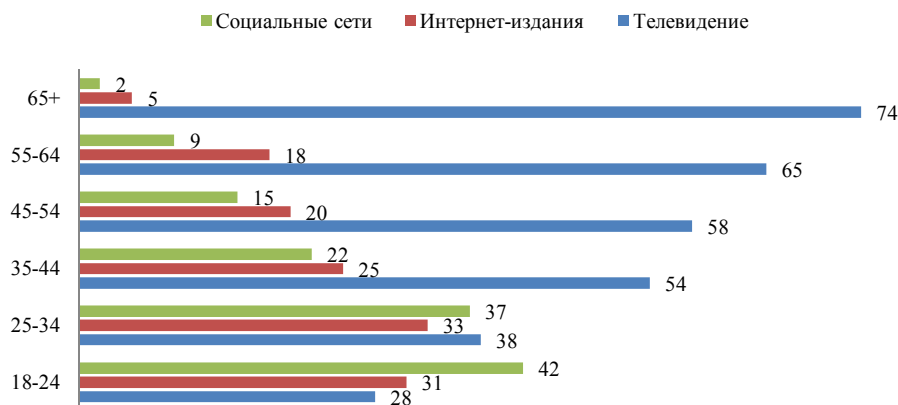

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Каким источникам вы более всего доверяете при освещении событий в стране и мире?» в разрезе возраста, %

В 2020 г. для проверки идеи о том, насколько респонденты доверяют информации СМИ, в том числе и в интернете, под руководством автора статьи было проведено исследование респондентов города Новосибирска. Выборка стратифицированная, двухступенчатая. На первой ступени была отобрана страта – район города, на второй ступени каждая страта подразделялась на кварталы. С помощью таблицы случайных чисел произведен отбор необходимых кварталов. В кварталах с помощью того же метода отобраны единицы – отдельные жилые единицы (дома). Укажем, что в качестве метода был использован анкетный опрос. Использование анкетирования, а не интернет-опрос было выбрано с целью получения достоверных результатов от реальных респондентов (имеется в виду соблюдение репрезентативности по полу и особенно возрасту). В опросе приняли участие

150 респондентов. На прямой вопрос «Доверяете ли вы СМИ?» лишь 23% опрошенных ответили утвердительно. 44,7% не доверяют информации.

Рейтинг доверия к конкретным СМИ представлен в табл. 4.

По данным табл. 4 видим, что доверие к информации в социальных сетях и радиопередачах (по 38,7% в каждом случае) выше, чем доверие к информации по телевидению и новостным интернет-сайтам (по 29%). Показательно, что возросло доверие к зарубежным СМИ (41,9%).

Изучая вопрос о доверии к информации в СМИ, в том числе в интернете, мы указывали, что есть три составляющих доверия – к каналу, источнику и содержанию информации. Учитывая это, мы задали вопрос о том, что влияет на формирование доверия у респондентов (рис. 5).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Доверяете ли вы следующим СМИ?» (множественные ответы, %)

Наименование СМИ	% опрошенных	Наименование СМИ	% опрошенных
Телевидение (центральное)	29,0	Пресса (центральная)	9,7
Телевидение (региональное, местное)	29,0	Пресса (региональная, местная)	9,7
Новостные сайты (интернет)	29,0	Зарубежные СМИ	41,9
Социальные сети (интернет)	38,7	Государственные СМИ	19,4
Радиопередачи	38,7	Негосударственные СМИ	19,4

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Что оказывает влияние на формирование вашего доверия к определенным СМИ?» (множественные ответы, %)

Оказалось, самую значительную роль играет в этом процессе содержание информации. 82% выбрали ответ «возможность удостовериться в правдивости новостей», 36% – «доступное изложение материалов».

Показательно, что 70% опрошенных проверяют полученную информацию, отыскивая источник в интернете. Это означает, что при получении любой информации респондент стремится удостовериться в ее правдивости, непротиворечивости, согласованности, обращаясь к проверенному интернет-источнику. О возрастающей роли интернета как источника информации свидетельствуют также результаты ответа на косвенный вопрос о том, какому источнику информации респондент скорее поверит в случае противоречивых сведений об одном событии в разных средствах массовой информации. 75,4% опрошенных выбирают новостные сайты, 44,8% – социальные сети и блоги, 23,9% – телевидение, 4,5% – радиозферы и 2,2% – печатную прессу. В данном случае мы можем видеть, что интернет-источники – новостные и социальные сети, образно говоря, поменялись местами, если сравнивать с предыдущим вопросом. Эти результаты можно объяснить следующим образом. В предыдущем вопросе исследовалось доверие к СМИ в целом. В этом вопросе мы изучили мнение в более узком контексте – только при наличии противоречивых сведений об одном событии в разных средствах массовой информации. Как видим, все же новостные сайты оказались более востребованными, вероятно, и более привычными для респондентов при обращении к информации.

Итак, полученные результаты позволяют нам сделать предположение о том, что в 2020 г. наблюдается некоторый рост доверия к интернет-ресурсам. Вероятно, отчасти на это повлияли серьезные изменения в социально-экономической, социально-политической, социокультурной обстановках, необходимость оперативного получения новостей в связи с эпидемиологической угрозой в глобальном масштабе, необходимость «перезагрузки» всего сложившегося уклада жизни в короткие сроки в связи с обеспечением личной и коллективной безопасности и исключением существенных рисков. Все это позволяет говорить о том, что интернет как коммуникативная площадка в сложных условиях существования социума в глобальном масштабе создал новые ориентиры доверия к информации на своих «просторах».

Заключение

В статье показана динамика неуклонного роста доверия к интернет-ресурсам, особенно к социальным

сетям. С одной стороны, это обусловлено современными трендами – изменением социально-экономической, социально-политической, социокультурной сфер, с другой – формированием новых ориентиров доверия к информации. В частности, в эмпирическом исследовании было выявлено, что респонденты обращаются к интернет-источнику для проверки информации, имеющей различные трактовки в других средствах массовой информации. Кроме того, особые условия жизнедеятельности не только российского, но и мирового сообщества, связанные с серьезной угрозой безопасности и необходимостью изоляции от живого общения, повлияли на выбор интернет-пространства для целесообразной коммуникации. Даже те, кто игнорировал в прошлом интернет как пространство коммуникации, получения новостей, образования и т.д., в вынужденных условиях обратился к этому средству массовой информации. Это означает, что аудитория интернета пополнилась вполне реальными и релевантными пользователями, что в значительной степени обеспечило достоверность предлагаемому контенту и, как следствие, доверие к интернету как источнику информации.

Безусловно, на доверие к интернету как источнику информации оказывает влияние возраст аудитории. Но если в 2001 г. число пользователей интернета составляло 2–3%, то в настоящее время число пользователей увеличилось в десятки раз, вовлекая все активнее пользователей разных возрастных групп. Конечно, говоря об интернете, мы имели в виду не весь широкий спектр услуг – образование, онлайн-услуги, электронная торговля, развлечения и т.д., а лишь один аспект – обмен новостной информацией.

Популярность новостных сайтов и социальных сетей, вероятно, связана также с тем, что начинают все больше развиваться конвенциональные интернет-коммуникации (аффилиативные диалоги, диалоги-интервью, интерпретационные диалоги), что и формирует доверие к интернету. Стоит отметить также, что рост доверия к интернету как источнику информации произошел в 2020 г. в связи со сложившейся глобальной пандемической ситуацией и с необходимостью эффективной работы в ситуации риска и неопределенности. Конечно, нельзя не отметить и того, что по-прежнему актуальным остается вопрос личного доверия/недоверия к информации на просторах интернета. Проблема неадекватной, небезопасной, разрушительной информации в интернет-источниках сохраняется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еляков А.Д. Благо и зло: жгучий парадокс Интернета // *Философия и общество*. 2011. № 2. С. 58–76.
2. Arens W.F. Contemporary advertising. Boston : McGraw Hill Irwin, 2006.
3. Hanson R.E. Mass communication: living in a media world. Boston : McGraw Hill Irwin, 2005.
4. Durant A., Shepherd I. «Culture» and «Communication» in Intercultural Communication // *European Journal of English Studies*. 2009. Vol. 13, Is. 2. P. 147–162.
5. Marcoccia M. The internet, intercultural communication and cultural variation // *Language & Intercultural Communication*. 2012. Vol. 12, Is. 4. P. 353–368.
6. Ohiagu O.P. The Internet: The Medium of the Mass Media // *Kiabara Journal of Humanities*. 2011. № 16 (2). P. 225–232.
7. Гидденс Э. Последствия современности: пер. с англ. М. : Практикс, 2011. 352 с.
8. Дарендорф Р. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии / пер. с нем. Б. Скуратова, В. Близнекова. М. : Практикс, 2002. 534 с.

9. Селигмен А. Проблема доверия: пер. с англ. М. : Идея-Пресс, 2002. 256 с.
10. Теннис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии. СПб. : Вл. Даль, 2002. 452 с.
11. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М. : АСТ, 2004. 730 с.
12. Штомпка П. Доверие: социологическая теория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2, № 3. С. 30–41.
13. Карпова М.К., Балабанова У.Г. Проблема недоверия общества к средствам массовой информации // Наука. Общество. Государство. 2017. Т. 5, № 2. С. 142–146.
14. Luhmann N. Trust and Power. Chichester : John Wiley and Sons Inc., 1979. 208 p.
15. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С.М. Червонной. М. : Логос, 2005. 664 с.
16. Дацюк С.А. Коммуникационные стратегии // Гуманитарный портал. 2006. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2751> (дата обращения: 19.12.2020).
17. Fisher K. What Is Meant by «Trust» in News Media? – Trust in Media and Journalism. Empirical Perspectives on Ethics, Norms, Impacts and Populism in Europe / ed. by K. Otto, A. Kohler. Springer VS, 2018. P. 19–38.
18. Доверяй, но проверяй! Или об особенностях современного медиапотребления в России // ВЦИОМ. 2018. 25 с. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2018/2018-10-24_Media.pdf
19. Волков Д., Гончаров С. Российский медиаландшафт 2019: телевидение, пресса, интернет и социальные сети // Левада-центр. 2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/08/01/21088/> (дата обращения: 19.12.2020).

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 25 января 2021 г.

The Internet as a Source of Information: A View Through the Prism of Trust

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 124–132.

DOI: 10.17223/15617793/467/16

Svetlana A. Ilyinykh, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ili.sa@mail.ru

Keywords: Internet; communication; trust; social networks; blogs; Internet sites

In the article, author discusses the idea of how trust in information in Internet sources changes. The research is based on the ideas of sociologists, comparative analysis, and an interdisciplinary approach. The theoretical research is based on Russian and foreign authors' conceptual works and research that analyze Internet communication and trust in the Internet. People always have a balance of trust in the information space of the Internet. Trust/distrust in the Internet by wider groups is not an individual choice, it reflects the results of collective experience, which can be essential for the safe existence of society. The author presents the results of an empirical study of trust in information in the mass media, including the Internet, for the period from 2012 till 2020. These 8 years show a change in trust in Internet information posted on news and analytical sites, and on social networks. Internet news sites and online social networks have a fairly high rating of requests for information among other media. In 2018, Internet sources of information had less credibility than central television. This was particularly true for respondents aged 45 and over. This reflects a downward trend in the balance of trust in these age groups. In 2019, there was a decrease in the consumption of TV news by Russians, while the importance of the Internet and social networks as a source of news increased. The growth of the influence of Internet resources is due to an increase in the number of Internet users. Approximately 62% of Russians use the Internet “daily, almost daily”, while in 2001 the number of Internet users was only 2 to 3% of the population. The growth of trust in social networks is observed in 2020. People under 35 show the most trust in online social networks. When there is conflicting information in the media, respondents trust the Internet source. In 2020, trust in Internet resources increased significantly, which is partly due to serious changes in the socio-economic, socio-political, and socio-cultural situation, the need to quickly receive news in connection with the epidemiological threat on a global scale. The popularity of Internet news sites and Internet social networks is also associated with the fact that conventional Internet communications are beginning to develop more and more, which forms trust in the Internet.

REFERENCES

1. Elyakov, A.D. (2011) Blago i zlo: zhguchiy paradoks Interneta [Good and evil: the burning paradox of the Internet]. *Filosofiya i obshchestvo – Philosophy and Society*. 2. pp. 58–76.
2. Arens, W.F. (2006) *Contemporary advertising*. Boston: McGraw Hill Irwin.
3. Hanson, R.E. (2005) *Mass communication: living in a media world*. Boston: McGraw Hill Irwin.
4. Durant, A. & Shepherd, I. (2009) “Culture” and “Communication” in Intercultural Communication. *European Journal of English Studies*. 13 (2). pp. 147–162.
5. Marcoccia, M. (2012) The internet, intercultural communication and cultural variation. *Language & Intercultural Communication*. 12 (4). pp. 353–368.
6. Ohiagu, O.P. (2011) The Internet: The Medium of the Mass Media. *Kiabara Journal of Humanities*. 16 (2). pp. 225–232.
7. Giddens, A. (2011) *Posledstviya sovremenности* [The consequences of modernity]. Translated from English. Moscow: Praksis.
8. Darendorf, R. (2002) *Tropy iz utopii. Raboty po teorii i istorii sotsiologii* [Out of utopia. Works on the theory and history of sociology]. Translated from German by B. Skuratov & V. Bliznekov. Moscow: Praksis.
9. Seligman, A. (2002) *Problema doveriya* [The problem of trust]. Translated from English. Moscow: Ideya-Press.
10. Tönnies, F. (2002) *Obshchnost' i obshchestvo: Osnovnye ponyatiya chistoy sotsiologii* [Community and society: Basic concepts of pure sociology]. Saint Petersburg: Vl. Dal'.
11. Fukuyama, F. (2004) *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity]. Translated from English. Moscow: AST.
12. Sztompka, P. (2002) *Doverie: sotsiologicheskaya teoriya* [Trust: A Sociological Theory]. Translated from Polish. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2 (3). pp. 30–41.
13. Karpova, M.K. & Balabanova, U.G. (2017) Problema nedoveriya obshchestva k sredstvam massovoy informatsii [The problem of public distrust in the media]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*. 5 (2). pp. 142–146.
14. Luhmann, N. (1979) *Trust and Power*. Chichester: John Wiley and Sons Inc.
15. Sztompka, P. (2005) *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology. An analysis of modern society]. Translated from Polish by S.M. Chervonnaya. Moscow: Logos.
16. Datsyuk, S.A. (2006) *Kommunikatsionnye strategii* [Communication strategies]. [Online] Available from: <https://gtmarket.ru/library/articles/2751> (Accessed: 19.12.2020).

17. Fisher, K. (2018) What Is Meant by “Trust” in News Media? In: Otto, K. & Kohler, A. (eds) *Trust in Media and Journalism. Empirical Perspectives on Ethics, Norms, Impacts and Populism in Europe*. Springer VS. pp. 19–38.
18. VTsIOM. (2018) *Doveray, no proveryay! Ili ob osobennostyakh sovremennogo mediapotrebleniya v Rossii* [Trust, but verify! Or on the peculiarities of modern media consumption in Russia]. [Online] Available from: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2018/2018-10-24_Media.pdf
19. Volkov, D. & Goncharov, S. (2019) *Rossiyskiy medialandshaft 2019: televidenie, pressa, internet i sotsial'nye seti* [Russian media landscape 2019: television, press, Internet and social networks]. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2019/08/01/21088/> (Accessed: 19.12.2020).

Received: 25 January 2021

В.В. Каптур, А.А. Барышев, С.И. Чудинов

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РАДИКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В РОССИЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА: СПЕЦИФИКА КОНТЕНТА И ИНДЕКС АКТИВНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31666 «Оценка влияния онлайн-активности сторонников радикальных идеологий на политические установки и настроения населения в офлайне».

Представлены результаты анализа тематической кластеризации контента и онлайн-активности правых, левых и исламских радикалов в социальной сети «ВКонтакте». Выявлены текущие векторы радикализации правых (продолжение практики ненависти), левых (консолидация с целью обеспечения собственного партийного представительства в политических процессах) и исламистских (сохранение истинности и чистоты веры) радикалов. Индекс радикальной онлайн-активности показал большую распространенность лево- и праворадикального контента по сравнению с исламистским контентом.

Ключевые слова: правые; левые; исламисты; онлайн-активность; радикализм; контент; социальные сети; индекс.

Введение

Исследования экстремистского интернета имеют на данный момент более чем двадцатилетнюю историю. Документально зафиксировано, что первыми возможности нового медиа оценили неонацисты из Германии, которые коммуницировали между собой и организовывали свою деятельность через платформу ThuleNetz (Network) начиная с 1980-х. Интернет обеспечил экстремистам новые преимущества, состоящие в интерконнективности, анонимности, дешевизне, расширении влияния и обеспечении притока новых adeptов [1. С. 231]. Последнее связано с тем, что интернет оказался как будто специально созданным для всех недовольных, заменив для них разговоры на кухне [2. С. 43].

В 1990-е гг. интернет надежно связывал многочисленные и разбросанные по всему миру онлайн-группы Штормфронта (Stormfront) – международного интернет-форума белых супрематистов и неонацистов, базирующегося в США. В эти же годы «ИКТ-медиа стали бесспорно наиболее популярными средствами командования, контроля и взаимодействия» среди организаций исламских экстремистов, радикального милитаристского Движения ополчения, и политических партий крайних правых в США [1. С. 245].

Экстремизм при этом определялся через насилие и террор, применяемые для реализации политических, религиозных, социокультурных целей какой-либо группой (идеологической, этнической, классовой) против тех, подавление которых должно обеспечить процветание если не общества в целом, то уж этой группы точно. Путь к экстремизму, который может приобретать различные формы от физического и вербального воздействия до институциональных и культурных ограничений участия в жизни общества [3], связан с радикализацией мнений и настроений. Соответственно, радикализация и экстремизм соотносятся как процесс и результат, формирующие в современной науке и правозащитной практике единый тематический блок, полностью обозначаемый как «радикализация в направлении насилия (экстремизма)» [4, 5].

Процессу радикализации в условиях стремительного развития новой коллективности в форме онлайн-сообществ значительно способствует эффект эхо-камеры, характерный для коммуникации в изолированных сообществах, которые имеют тенденцию отделять себя от основного общества на базе совместно разделяемых обид и опасений [6. С. 26–30].

Сам по себе термин «эхо-камеры», заимствованный из теории массовой информации, фиксирует лишь интегральное действие множества процессов, протекающих в радикализирующихся онлайн-группах. Среди таких процессов ключевыми в формировании опасных последствий радикализации являются:

- укрепления групповой идентичности индивидов благодаря интерактивным свойствам новых медиа [7];
- анонимность интерперсональных контактов членов онлайн-групп [8];
- возможность экспериментирования (игр) с индивидуальными идентичностью [9. С. 225–240; 10] и идеями с целью предъявления их членам группы в качестве перспективных образцов для ускоренной групповой селекции [11].
- усиление эффективности силовых или протестных акций в офлайне посредством роста регулярности, частоты и взаимности связей членов радикальных онлайн-сообществ [12].

Эти и другие процессы онлайн-радикализации охватывают в настоящее время большинство стран. На данный момент как политическая, так и виртуальная география распространения радикальных сообществ достаточно хорошо изучены. Описано сетевое устройство радикальных онлайн-групп Чехии и Словакии [13], Венгрии [14], России [15], Италии, Германии и США [16], Канады [17], Швеции и Финляндии [18], а также конфигурации их межнациональных взаимодействий. Вместе с тем исследуется и специальная география радикализации в контексте особой странственности интернета, «материками» которого выступают информационно-технологические платформы: Facebook [19], YouTube [20], Twitter [21], ВКонтакте [22] и др.

Новый этап исследований связывается с более пристальным вниманием к контенту и активности онлайн-групп, которые постепенно демонстрируют растущую самостоятельность по отношению к своим офлайн-источникам в виде идеологий партий и движений и их политических стратегий.

Обзор исследований контента и активности радикальных онлайн-групп

Изучение контента радикальных онлайн-групп в большинстве статей сводится к поиску их специфической тематики, связанной с открытой или завуалированной пропагандой насилия. В случае явной генерации экстремистского контента целью исследований является выявление и оценка ущерба безопасности, чести и достоинству людей, наносимого применением к ним языка ненависти. Под «языком ненависти» понимается «агрессивный тип коммуникационного механизма, нацеленного на различные защищаемые (обществом) персональные характеристики, такие как пол, религия, раса, физические недостатки», – выражают преобладающую точку зрения по этому вопросу авторы современного обзора о языке ненависти в интернете [23. С. 108], хотя в настоящее время наблюдается тенденция к обособлению языка ненависти, используемого в интернете, от его офлайн-аналога путем введения специальной категории «кибербуллинг», предлагаемой в основном специалистами по компьютерной идентификации вредоносного контента [24] для обозначения информационных атак на неотторжимые от личности человека его телесные и социальные качества с использованием средств виртуальной и дополненной реальности, обеспечивающих автоматический троллинг целевой аудитории.

Исследователи экстремистского контента фокусируются при его анализе на идентификации степени враждебности языка по соответствующим лингвистическим маркерам. Для этого используется обычно трехуровневая (или более) шкала, различающая 1) призывы к насилию, направленному на определенную социальную группу или отдельного человека как ее представителя; 2) высказывания, носящие устрашающий/угрожающий характер и 3) выражения (чаще саркастические), троллящие людей соответствующей группы в качестве неполноценных и вредных для общества в лице группы – организатора травли [25].

Как показывают исследования, уровень проявления ненависти понижается по мере движения от периферии сети к ее центру, обеспечивающему всю сеть информационно-аналитическими материалами, пригодными для использования в целях разжигания ненависти, но непосредственно не участвующему в самом процессе травли. Смысл этого состоит в своеобразном разделении функций по шельмованию противника и обеспечению бесперебойности этого процесса в условиях возможных преследований его отдельных участников со стороны закона [2. С. 58–59].

Среди других наработок по поводу экстремистского онлайн-контента стоит отметить вывод М. Кайани и А. Клукунавска о детерминированности его характера структурой сети и степенью ее интегрированности

в сети большего масштаба. Так, изучая фрагментированность сетевого пространства правых экстремистских онлайн-групп Чехии и Словакии, они обнаружили в ней значительный потенциал «ренициализации» – тренда на выход этих стран из состава Европейского Союза [13].

Важное наблюдение об обособлении откровенно экстремистского контента от иницирующих его появление официальных сайтов праворадикальных партий принадлежит А. Бен-Давид и А. Матаморос-Фернандес. Ими показано, как запускается агрессивный коммуникационный механизм языка ненависти через лайки, комментарии и посты читателей, разделяющих язык и визуальные образы насилия по отношению к иммигрантам [26. С. 1176].

Новым трендом в изучении экстремистского контента является его отделение от самого экстремистского действия [10], что означает размывание парадигмы линейности процесса радикализации в сторону насилия и террора. Данное положение К. Маккаули и С. Москаленко выразили в виде приобретшей большую популярность максимы: «Нет никакой конвейерной ленты, соединяющей экстремистские убеждения с экстремистскими действиями» [27. С. 214].

«Нейтральная» часть контента радикальных сообществ представляет интерес прежде всего как средство либо маскировки экстремистского контента [28] либо в качестве своеобразной маркетинговой приманки, предназначенной для целей рекрутинга [29]. Однако в результате смешения экстремистских высказываний с позитивной информацией может происходить и инфичирование последней хейтерскими и другими специфическими значениями [29].

В отношении офлайн-корней экстремистского контента современные исследования особо отмечают специфику происхождения левых идей в интернете. В отличие от непосредственности и естественности правого и исламистского контента левые идеи и настроения требуют для своего появления и пролиферации определенной работы университетских интеллектуалов («leftist content is the language of academia, but on Youtube») [30], которые к тому же слишком переоценили перспективы самоочищения Интернета 2.0 от насилия и похабщины [31], чем объясняется значительное меньшее присутствие левых радикалов в онлайн и их отставание по активности от ультраправых и исламских фундаменталистов в западных странах.

Что касается активности радикальных сообществ, то в настоящее время она трактуется как частота и массовость присутствия соответствующего контента в интернет-пространстве, что получает выражение в соответствующих индексах: «Extremist Media Index» [32], «Индекс онлайн-активности правых радикалов» и «Индекс активности сторонников А. Навального» [33].

Обзор публикаций по проблематике статьи демонстрирует дефицит сравнительных исследований контента и активности радикальных онлайн-групп различной идеологической направленности не только в России, но и в мировом масштабе. Поэтому авторы статьи в рамках исследовательского проекта № 20-011-31666 «Оценка влияния онлайн-активности сто-

ронников радикальных идеологий на политические установки и настроения населения в офлайне», выполненного при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ, провели сравнительное исследование, отвечающее на следующие исследовательские вопросы:

1. Какая тематика доминирует в радикальных онлайн-сообществах различных идеологических направлений в России?

2. Есть ли пересечение ключевых тематических кластеров в дискурсе радикальных онлайн-сообществ различных идеологических направлений?

3. Как распределена активность радикальных правых, левых и исламистских онлайн-сообществ в региональном разрезе?

Методы и источники данных

Для ответа на исследовательские вопросы была разработана авторская методологическая модель анализа, состоящая из нескольких элементов:

1) методы идентификации радикального контента и его носителей в социальных сетях;

2) методы выявления форм и способов репрезентации радикального контента;

3) метод анализа доминирующих тематических спектров радикального контента;

4) метод оценки уровня онлайн-активности сторонников радикальных движений и идеологий.

Рассмотрим содержание каждого из заявленных методов.

1. Для решения задачи идентификации радикального контента и его носителей в социальных сетях были использованы два типа методов: метод поиска через структурные связи – «снежный ком» и методы идентификации посредством автоматического анализа контента – natural language processing (обработка естественного языка). Метод «снежного кома» основывается на выделении известных, устойчивых и многочисленных организаций и групп в социальных сетях и выявлении связанных с ними через «дружеские связи» меньших по численности и малоизвестных организаций и групп. Выявленные организации и группы подвергаются такой же процедуре поиска, до тех пор, пока получившийся «снежный ком» не вберет в себя все субъекты, составляющие целевую аудиторию исследования. Второй способ выявления онлайн-групп и сообществ состоит в выявлении их на основе специфики генерируемого ими контента при помощи лингвистических маркеров. Авторским коллективом обновлен и дополнительно разработан инструментальный набор лингвистических маркеров, при помощи которых проанализирован контент социальной сети «ВКонтакте» и идентифицированы пользователи, генерирующие исламистский, право- и леворадикальный контент. Для изучения текстового контента использована выгрузка текстовых данных – при помощи программного интерфейса приложения (Application Programming Interface, API) «ВКонтакте». Лемматизация текстового контента реализована при помощи библиотек MyStem pymorphy2.

Отбор сообществ сторонников исламистских, право- и леворадикальных идей также формировался в

два такта: на первом такте посредством автоматического поиска по лингвистическим маркерам был составлен реестр сообществ, затем была проведена фильтрация сообществ в ручном режиме и отобраны сообщества, в которых: 1) количество участников было больше 3 000, 2) были новые публикации за последнюю неделю, 3) дискурс радикальной идеологии присутствовал в большинстве постов. Далее, на втором такте использовался метод «снежного кома»: мы просматривали все сообщества, указанные в разделе ссылки отобранных сообществ, и включали в выборку наиболее содержательно релевантные, т.е. идеологически близкие сообщества. В данном случае мы принимали во внимание идеологическую направленность сообществ и их активность, поэтому отобранные таким образом сообщества могут иметь небольшое количество участников (до нескольких сотен). Такой метод позволил сформировать несколько кластеров сообществ, которые ссылаются и «репостят» друг на друга, поэтому эти сообщества можно рассматривать как идеологически родственные.

В результате идентификации радикального контента был составлен перечень из 169 сообществ с общим количеством участников 1 378 717 профилей: 76 леворадикальных сообществ с общим количеством подписчиков 458 815 профилей, 54 праворадикальных сообществ с общим количеством 684 684 профилей и 39 сообществ с контентом исламистского радикализма с общим количеством подписчиков 235 218 профилей. Из общего количества подписчиков были выгружены действующие (не заблокированные и не удаленные) уникальные профили активных подписчиков – те, которые заходили в социальную сеть хотя бы один раз в течение одного месяца перед началом анализа (ноябрь 2020). Итоговый список профилей для анализа состоял из 387 271 уникальных подписчиков: 135 667 профилей в леворадикальных сообществах, 236 334 профилей в праворадикальных сообществах и 15 270 профилей в сообществах исламского радикализма.

2. Для реализации задачи выявления форм и способов реализации репрезентации радикального контента использована комбинация качественных социологических методов и технологий автоматического анализа текстов с целью определения их идеологической принадлежности и разбиения на классы. Анализ форм и способов репрезентации радикального контента реализован использованием моделей дискурс-анализа Т. Ван Дейка и М. Холлидея.

3. Автоматический анализ текстового контента был проведен с помощью пакета программного обеспечения для статистического анализа данных PolyAnalyst. Использован метод кластеризации текстов, который автоматически генерирует модель классификации текста. При кластеризации использовался метод вероятностного латентно-семантического анализа (ВЛСА). В качестве текстов был отобран весь контент пяти наиболее массовых радикальных онлайн-групп по каждому из идеологических направлений с 1 января 2019 г. по сентябрь 2020 г.

Праворадикальные онлайн-группы: Правые (<https://vk.com/public23486475>), количество подписчиков 148 950; Русские Регионы (https://vk.com/rus_region),

количество подписчиков 40 277; Пробуждение (<https://vk.com/club45706147>), количество подписчиков 34 009; Alt-Right (<https://vk.com/public32176202>), количество подписчиков 29 679; WOTANJUGEND (<https://vk.com/public150962667>), количество подписчиков 29 126.

Исламистские онлайн-группы: Всадник (<https://vk.com/vsadnik20>), количество подписчиков 37 698; «At_Tauhid» (<https://vk.com/clubtauhid001>), количество подписчиков 32 008; TAUHID ديوثا (<https://vk.com/tauhidpubli>), количество подписчиков 22 639; Черноокая (https://vk.com/cher_no_oka_ya), количество подписчиков 19 555; Абу Умар Дагестаний (<https://vk.com/public130612677>), количество подписчиков 14 222.

Леворадикальные онлайн-группы: Союз Красных Групп и всех, верных СССР! (https://vk.com/cco_ccsr), количество подписчиков 51 856; Мама Анархия! (https://vk.com/mother_anarchy_official), количество подписчиков 37 248; Anarcho News (<https://vk.com/anarcho.news>), количество подписчиков 32 310; Другая Россия Э.В. Лимонова (<https://vk.com/drugoross>), количество подписчиков 22 206; AVTONOM.ORG (Автономное Действие) (https://vk.com/avtonom_org), количество подписчиков 20 101.

4. Для определения уровня активности разработан авторский индекс информационной активности сторонников радикальных идеологий. Для расчета индекса информационной активности учтены следующие три вида деятельности, которые выполнены в онлайн-пространстве: лайки, репосты, комментарии. Использование IT-технологий обработки естественного языка и алгоритмов машинного обучения позволило проанализировать весь генерируемый контент социальной сети «ВКонтакте» в период с января 2019 по сентябрь 2020 г. и определить локализацию носителей радикального контента.

Индекс онлайн-активности – показатель, отражающий соотношение количества активности участни-

ков искомых сообществ (лайки) по регионам на количество жителей региона.

Формула индекса радикальной онлайн-активности:

$$A/C,$$

где А – активность в сообществах (лайки) за анализируемый период от активных аккаунтов (заходивших в социальную сеть хотя бы 1 раз в течение месяца до начала сбора данных). Репосты и комментарии были исключены из расчета индекса вследствие крайне низкого их количественного присутствия в радикальных сообществах;

С – количество жителей региона (офлайн). Данные взяты с официальных сайтов региональных отделений Росстата за последний год.

В рамках данного исследования были выгружены показатели оценок (лайки) контента сообществ за период с января 2019 по октябрь 2020 г. с региональной привязкой к автору оценки. Количество оценок контента по месяцам и годам с региональной привязкой было разделено на количество жителей соответствующего региона. Данные по количеству жителей региона были взяты с сайтов региональных отделений Росстата за 2018–2020 гг.

В итоге вычислен интегральный индекс информационной активности сторонников радикальных идеологий для каждого изучаемого идеологического направления: правые и левые радикалы, исламские салафиты в разрезе каждого региона РФ. На основе значений рейтинга отобраны регионы с высокими и низкими значениями индекса онлайн-активности.

Контент и активность правых радикалов

Сообщества сторонников праворадикальных идей отличаются большим разнообразием тематики сообщений. Это показывает кластерный анализ контента пяти наиболее массовых групп правых радикалов, в которых за период с 1 января 2019 г. по сентябрь 2020 г. было размещено 24 518 постов.

Таблица 1

Кластеризация контента правых радикалов

Номер кластера	Ключевые слова	Количество записей
1	русский, выбор, партия, власть, президент, народ, протест, конституция, политический, кандидат	5 850
2	коронавирус, население, тысяча, миллион, смертность, страна, вирус, заразить, человек, заболеть	1 134
3	женщина, мужчина, фильм, белый, армия, советский, солдат, мужской, офицер, понять	1 050
4	суд, задержать, уголовный, полиция, статья, преступление, дело, ММА, грэпплинг, убийство	977
5	экономика, миллиард, рынок, экономический, страна, компания, нефть, доход, цена, рубль	826
6	раса, бог, древний, нордический, дух, альбом, традиция, жизнь, образ, мир	795

В сообществах правых радикалов достаточно легко обнаруживаются общие темы, против которых они выступают, таким образом эти сообщества формируются на базе неприятия тех или иных явлений и процессов современного общества. Один из популярных в праворадикальных сообществах мемов содержит утверждение: «Всех объединяет ненависть», это выражение наилучшим образом характеризует дискурс праворадикальных сообществ. Объекты ненависти, в свою очередь, достаточно разнообразны и часто вполне конкретны: с одной стороны, это российские

власти, и прежде всего фигура действующего президента (Кластер 1); мигранты; большевики и коммунисты, а также современные левые и антифашисты; представители ЛГБТ, феминистки; евреи; чернокожие; и т.д.

Распространенной тематикой обсуждения является ситуация с пандемией коронавируса, которая часто обсуждается в русле теорий заговора и ошибок официальной медицины и властей (Кластер 2).

Если взять за основу определение правого радикализма Минкенберга [34], которое базируется на сле-

дующем идеологическом наборе: а) вера в абсолютную ценность традиционных институтов и форм социальной организации (государства, церкви, нации) и обозначение их собственных характеристик и уникальности в силу принадлежности к ним; б) вера в необходимость сохранения и защиты этих институтов от угроз, исходящих от модернизационных процессов, происходящих в современном обществе, то будет заметно очень контрастное различие «старых» и «новых» правых. В общем, и те и другие воспринимают будущее как прошлое, как реставрацию минувшего порядка, различие в том, к какому прошлому они обращаются в поисках легитимации своих идей.

«Старые» правые в нашем исследовании представлены некогда очень популярными правыми организациями РНЕ, Общество ПАМЯТЬ и несколькими другими сообществами без выраженной связи с какими-либо политическими движениями (Рассвет и т.д.). В данных сообществах очень активно эксплуатируется тема православия, царской России, белогвардейского движения и белой эмиграции (Кластер 3). «Новые» более разнообразны и в меньшей степени привязаны в своей самоидентификации к конкретным историческим событиям и периодам, и более склонны к некоторой эклектичной мифологичности. Так, существуют достаточно многочисленные сообщества (Пробуждение, WOTANJUGEND и т.д.), объединяющие сторонников язычества, прежде всего скандинавского. Они, развивая типичную праворадикальную риторику, включающую критику европейской толерантности, расизм, обвинения мигрантов и т.п., в качестве образа будущего обращаются к абстрактным временам мифов (Кластер 6).

В другой части «новых» правых сообществ практически полностью игнорируют религиозную тематику и всю критику обрушивают на современное российское государство с позиции национал-либерализма и экономической политики (Кластер 5). Образ будущего, который предлагается в данных сообществах, еще более отвлечен, чем в языческих сообществах. Его можно сформулировать как движение к миру без мигрантов, однополых браков, кавказцев, чернокожих, и в тоже время без полиции, коррупции, чиновников, что очень сильно сближает данную часть правых радикалов с либертарианскими движениями.

Онлайн-активность правых радикалов крайне неравномерно распределена по регионам Российской Федерации. Среди активных подписчиков праворадикальных сообществ лидерами онлайн-активности являются северо-западные регионы и города федерального значения (в скобках даны значения регионального индекса радикальной онлайн-активности за 2020 г.): г. Санкт-Петербург (47,28), г. Москва (35,22), Архангельская область (26,61), Вологодская область (20,30), Мурманская область (20,14), Республика Коми (18,06), Псковская область (17,94), Калининградская область (16,52), Орловская область (16,01), г. Севастополь (15,49), Новгородская область (13,32), Тверская область (13,09), Челябинская область (12,56), Ярославская область (12,17), Пермский край (11,82), Самарская область (11,67), Приморский край (11,56), Кировская область (11,29), Тульская область (10,83), Свердловская область (10,82), Смоленская область (10,81), Костромская область (10,81), Краснодарский край (10,73), Курская область (10,55), Ростовская область (10,31).

Регионами, имеющими минимальные значения индекса онлайн-активности праворадикальных сообществ, стали: Республика Хакасия (2,86), Республика Саха (Якутия) (2,74), Республика Северная Осетия – Алания (2,54), Забайкальский край (2,22), Республика Алтай (2,02), Камчатский край (2,01), Республика Ингушетия (1,90), Кабардино-Балкарская республика (1,14), Карачаево-Черкесская республика (1,05), Чеченская республика (1,01), Республика Калмыкия (0,66), Республика Дагестан (0,34), Республика Тыва (0,26).

Контент и активность исламских радикалов

Практически все салафитские сообщества ведут завуалированную пропаганду своих религиозных и политических взглядов, по всей видимости, рассчитывая установить коммуникацию с активными пользователями социальной сети, интересующимися исламом, с целью их дальнейшего вовлечения в закрытые группы и мессенджеры (такие как Telegram). Это показывает кластерный анализ контента пяти наиболее массовых групп исламских радикалов, в которых за период с 1 января 2019 г. по сентябрь 2020 г. было размещено 3 908 постов.

Таблица 2

Кластеризация контента исламских радикалов

Номер кластера	Ключевые слова	Количество записей
1	сестра, брат, Африка, колодец, дитя, нигер, кавказ, мужчина, мечеть, амин	651
2	ширк, явиться, неверие, кафир, куфр, поклоняться, такфир, шейх, религия, поклонение	629
3	приветствовать, благословить, ибн, пророк, хадис, посланник, передать, спросить, ответить, довольный	602
4	помиловать, Ибн, смотреть, страница, имам, источник, знание, чуждый, ас-саликин, сунна	480
5	сердце, терпение, раб, любовь, милость, человек, постичь, испытание, благо, душа	447
6	день, ночь, месяц, рамадан, грех, пост, молитва, поститься, простить, благословение	363

В «ВКонтакте» обнаруживается довольно большое число салафитских сообществ, но только единичные паблики можно отнести к тем, которые открыто про-

поведуют экстремистские взгляды или занимаются морально-идеологической легитимацией практики терроризма (обычно они быстро блокируются). В вы-

борку сообществ в данном исследовании вошли салафитские сообщества, которые можно подразделить на несколько категорий по степени радикальности проводимых религиозно-политических взглядов:

1. К первой категории мы отнесли сообщества, транслирующие умеренный салафизм (более гибко трактующий вопросы отношения к светской власти и иноверцам, отвергающий необходимость практики джихада в виде вооруженной борьбы на современном этапе исторического развития) – мадхализм (последователи Рабия аль-Мадхали). К ним относятся сообщества, которые враждебно относятся к суфиям, шиизму, несалафитским течениям в исламе и борются за «чистоту» исламского вероучения и образа жизни мусульман. К примеру, группа «Нововведения в Исламе», которая целиком посвящена теме нововведений и «нововеденцев», ведущих к ереси.

2. Другая часть сообществ (наибольший сегмент среди салафитских пабликов) пропагандирует завуалированные формы радикализма и ненасильственного экстремизма (в виде «языка ненависти» и пропаганды враждебного отношения к иноверцам и несалафитам, к которым относится большая часть мусульман, исповедующих различные течения традиционного ислама). Для данного сегмента характерна открытая пропаганда идеологии ваххабизма, ее современных саудовских идеологов. Различие в идеологических взглядах между сообществами в основном сводится к предпочтению того или иного саудовского идеолога(ов) салафизма.

Данный сегмент можно подразделить на две подгруппы: сообщества, которые даже в случае пропаганды ярко выраженного такфиризма открыто декларируют свое отвержение идеологии ИГИЛ; другая часть сообществ, чья позиция по отношению к ИГИЛ не представлена в открытом виде (соответственно, их отношение к практике по осуществлению террористической деятельности также не представляется ясно выраженным).

3. Более политизированные сообщества, не связанные с пропагандой ИГИЛ, но косвенно поддерживающие терроризм, представлены крупным онлайн-сообществом (более 32 тыс. подписчиков) «At_Tauhid», связанным с репрезентацией взглядов бывшего шариатского судьи запрещенной на территории Российской Федерации террористической организации «Имарат Кавказ» Абдуллаха Костекского.

4. Еще одна часть салафитских сообществ оказывают завуалированную информационную поддержку пропаганды джихадистского салафизма и деятельности запрещенной на территории РФ террористической организации «Исламское государство» (ИГИЛ). К ним относятся эксплицитно такфиристские сообщества «كنز أئمة نجد» (Сокровище имамов Неджд), которое во время проведения исследования преобразовалась в закрытую группу и «ТАУНИД_التوحيد». Максимально завуалированной среди подобных групп выступает «Черноокая» – восстановленное сообщество после блокировки за откровенно проИГИЛовскую позицию. Довольно автономную подгруппу в рамках данной категории составляют последователи дагестанского (по происхождению) проповедника Абу Умара Саситлинского, подозреваемого в России в финансировании ИГИЛ и других

террористических организаций, действующих в Сирии. Контент таких сообществ сконцентрирован вокруг информационно-материалов, производимых Саситлинским.

Все салафитские сообщества отличает глубокая погруженность в религиозную тематику – разбор богословских вопросов или вопросов религиозного права (Кластеры 3, 4). Отличием от ресурсов, транслирующих мировоззрение и систему ценностей традиционного ислама, является ярко выраженный акцент на темах, выделяющих «истинноверующих» от остального социального мира, погрязшего в безбожии, грехах и социальных проблемах (Кластеры 1, 2, 6). К таким темам относятся тема неверия, отпадения и отлучения от ислама (в частности, вопрос об условиях обвинения единоверца в неверии), ненависти к иноверцам как моральной обязанности истинноверующих, отвращения к светским формам жизни, включая празднование общепризнанных и официальных праздников в России (Новый год, 8 марта и др.). Для четвертой категории салафитских сообществ характерна еще более узкая сектантская позиция, согласно которой большинство официальных саудовских богословов, являющихся рупором современного ваххабизма и представляющих авторитет для сторонников «чистого ислама», выбрасываются за борт истинной религии в качестве «ученых зла».

Онлайн-активность исламистов тесно связана с наличием значимой доли мусульман среди населения регионов.

Среди активных подписчиков исламистских (салафитских) сообществ лидерами онлайн-активности являются жители национальных республик, в которых ислам исторически доминирующая религия: Республика Дагестан (1,401), Чеченская Республика (1,443), Республика Ингушетия (1,506), Кабардино-Балкарская Республика (0,715), Карачаево-Черкесская Республика (0,562), Астраханская область (0,507), г. Москва (0,402), Ханты-Мансийский автономный округ – Югра АО (0,486), Республика Башкортостан (0,283). Исключением являются Москва и Ханты-Мансийский автономный округ, в которых активность исламистов связана с большим количеством мигрантов-мусульман из стран Средней Азии.

Регионами, имеющими минимальные значения индекса онлайн-активности салафитских сообществ, стали дальневосточные, центральные и северо-западные регионы: Кировская область (0,004), Амурская область (0,004), Республика Хакасия (0,004), Владимирская область (0,004), Новгородская область (0,003), Республика Бурятия (0,003), Республика Марий Эл (0,003), Вологодская область (0,003), Сахалинская область (0,002), Курская область (0,002), Ленинградская область (0,000), Республика Саха (Якутия) (0,000), Тамбовская область (0,000).

Контент и активность левых радикалов

Носителей левой идеологии в социальной сети «ВКонтакте» можно подразделить на ультралевых (левых экстремистов), левых радикалов и умеренных. К умеренным относятся активисты и сторонники официальных левых партий (партия Патриоты Рос-

сии, Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), Коммунистическая партия Коммунисты России, Коммунистическая партия Социальной Справедливости (КПСС), Российский объединенный трудовой фронт), движений (Левый фронт) и политических организаций (Союз марксистов), использующих мирные средства достижения целей социальной справедливости и равноправия в рамках имеющегося конституционного строя.

Цели радикалов находятся по ту сторону охраняемых конституцией социальных отношений (отрицание капитализма, государства как самостоятельной формы публичной власти и т.д., всех форм эксплуатации человека, ограничения свободы личности и т.д.). Это показывает кластерный анализ контента пяти наиболее массовых групп левых радикалов, в которых за период с 1 января 2019 г. по сентябрь 2020 г. было размещено 36 206 постов.

Таблица 3

Кластеризация контента левых радикалов

Номер кластера	Ключевые слова	Количество записей
1	пригласить, группа, друг, власть, народ, буржуй	8 559
2	общество, революция, класс, социалистический, мир, революционный, капитализм, идея, книга, буржуазия	2 893
3	пригласить, группа, социализм, народ, друг, марксизм-ленинизм, капитализм, изучить, борьба, большевик	2 417
4	выбор, конституция, протест, президент, голосование, жилет, власть, партия, жёлтый, поправка	2 271
5	нацбол, акция, активист, другая Россия, митинг, пикет, задержать, пройти, протест, дело	2 224
6	президент, деньги, пенсия, чиновник, рубль, пенсионный, дитя, жить, налог, работать	1 730
7	рубль, доход, рост, россиянин, цена, миллиард, население, составить, вырасти, тысяча	1 435
8	суд, дело, уголовный, полиция, сотрудник, статья, полицейский, задержать, сообщить, адвокат	1 361

Свою борьбу за коренное преобразование общественно-политического строя они ведут в рамках существующих законов, используя различные методы агитации, пропаганды и протестной деятельности для привлечения внимания (в том числе правоохранительных и законодательных органов) к проявлениям коррупции, попрания прав человека, деградации социальной сферы, окружающей среды, общественной нравственности как закономерным последствиям сложившейся государственно-капиталистической системы. Большинство леворадикальных партий и движений не имеют или лишены регистрации в Минюсте РФ в связи с присутствием в их дискурсе элементов, связанных с темой насилия (Кластеры 4, 5). Среди них – Объединенная коммунистическая партия (ОКП), Всесоюзная коммунистическая партия большевиков (ВКПБ), Российский объединенный трудовой фронт, Российское социалистическое движение, Революционная рабочая партия (РРП), Российское социалистическое движение (РСД).

Идеологически большинство левых радикалов придерживается традиционной для России марксистско-ленинской традиции, но имеются и организации, разделяющие «более левые» идеи *троцкизма* (Революционная рабочая партия (РРП), Российское социалистическое движение, нацеленные на борьбу с бюрократией, отказ от сотрудничества с капиталом, делающие акцент на самоуправлении и создании «настоящих профсоюзов»), и *маоизма* (Российская маоистская партия), проповедующая идеи плановой экономики, антиимпериализма, деколонизации, легализации рабочих-мигрантов, консолидации всех течений, противостоящих капиталистическому строю, включая феминизм (Кластеры 1, 3). К организациям, опирающимся на

идеи и практики *сталинизма* можно отнести Трудовую Россию, Коммунистическую партию большевиков, Российскую коммунистическую рабочую партию (РКРП). В настоящее время российские левые радикалы достаточно умело модерируют жесткость своего публичного дискурса благодаря, прежде всего, его богатой литературной составляющей, включающей незапрещенные в РФ труды основоположников соответствующих направлений и их продолжателей.

Левый экстремизм является продолжением как умеренных, так и радикальных левых идей за рамками сферы их политкорректного употребления. В таком виде они смыкаются с мнениями и настроениями маргинальных слоев, не способных сдерживать чувства гнева, отвращения и презрения по отношению к социальным группам, олицетворяющим несправедливый общественный порядок, и их сателлитам и руководимых желанием радикального изменения общества путем насильственного лишения этих групп доминирующего положения. При этом не важно, являются ли эти мнения и настроения непосредственной реакцией на определенные ситуации или целенаправленно формируются в соответствии с той или иной левой идеологией. С точки зрения сетевой репрезентации левоэкстремистский дискурс независимо от порождающих его причин находит выражение в вербальных или визуальных образах насилия во имя справедливости и равноправия, циркулирующих в онлайн-группах, формирующих субкультурный уровень существования официально признаваемых левых идей (Кластер 2).

Особую категорию левых радикалов формируют так называемые «новые левые» (анархисты, антифашисты, антиглобалисты, пацифисты, феминисты), так как их дискурсы являются продуктом достаточно глубокой

рефлексии и на данный момент поддерживаются напряжённую соответствующими идеологиями, находящимися в стадии разработки и освоения. Поскольку эти радикальные идеологии находятся в жесткой конфронтации с существующей общественной моралью (Кластер 8), постольку они легко криминализируются по многим статьям УК, постольку люди, их исповедующие (особенно в форме соответствующих материально-дискурсивных акционистских практик (феминисты), практик неповиновения властным предписаниям (пацифисты, анархисты) или агрессивного противодействия проявлению правового экстремизма (Антифа)), вполне обоснованно подпадают под категорию экстремистов. Усиление элементов перформативности в этих дискурсах приводит к насыщению их видео и аудио текстами (например, песенная коллекция анархистского рока).

В основном дискурс российских левых в «ВКонтакте» связан с поддержкой акций политического протеста, пропагандой форм самоорганизации населения и производственных коллективов в противовес бюрократической медлительности властей и произволу корпоративного менеджмента, критикой фальсификации выборов, разоблачением коррупционеров в контексте их аффилированности с Единой Россией и путинским режимом, с представлением последнего в качестве оккупационного, обслуживающего мировую олигархию (Кластеры 6, 7). В позитивной части дискурса находятся вопросы самоуправления на всех уровнях (включая поддержку «настоящих» профсоюзов), самообразования и поддержки нуждающихся (Кластер 1). Такова повестка, общая для всех левых групп в интернете независимо от того, являются ли они партийными сайтами, площадками, тяготеющими к существующим в оффлайне политическим организациям и движениям, или независимыми сообществами. При этом вопросами, порождающими разногласия между левыми, являются Навальный, Крым, «Назад в СССР», война в Донбассе, судьба советского наследия, доставшегося ныне суверенным республикам, мигранты, ЛГБТ.

Как и в случае с правыми, онлайн-активность левых радикалов также неравномерно распределена по регионам Российской Федерации. Среди активных подписчиков леворадикальных сообществ лидерами онлайн-активности являются северо-западные и промышленные регионы, а также города федерального значения (в скобках даны значения регионального индекса онлайн-активности за 2020 год): г. Санкт-Петербург (33,30), Новгородская область (33,93), Архангельская область (27,02), Мурманская область (21,71), г. Москва (15,66), Удмуртская Республика (11,64), г. Севастополь (16,34), Республика Коми (18,15), Вологодская область (20,57), Калининградская область (10,21), Нижегородская область (17,82), Республика Карелия (14,91), Псковская область (15,06), Пермский край (12,14), Челябинская область (10,08), Ярославская область (11,01).

Регионами, имеющими минимальные значения индекса онлайн-активности леворадикальных сообществ, стали регионы Дальнего Востока и национальные республики Сибири и Северного Кавказа: Камчатский край (1,54), Еврейская автономная область (2,08), Амурская область (1,21), Республика Калмыкия (1,65), Чукотский автономный округ (1,46), Республика Алтай (0,84), Чеченская Республика (0,26), Республика Ингушетия (0,00).

Заключение

Полученные в результате исследования данные позволяют сформулировать ряд выводов, проясняющих особенности онлайн-радикализма в России.

1. Кластерный анализ текстового контента и анализ дискурсов радикальных онлайн-сообществ позволили зафиксировать расхождение структурных компонентов контента в идеологически разных радикальных движениях. Об этом, прежде всего, свидетельствуют количество и тематическое содержание выявленных кластеров слов, используемых радикалами в своих онлайн-сообществах и группах. Такой анализ позволяет определить текущий вектор радикализации правых, левых и исламистов. В настоящее время радикализация происходит по следующим направлениям: правые – протест против действующей власти; исламисты – истинность и чистота веры; левые – консолидация с целью революции.

2. Можно выделить два структурных компонента дискурса, пересекающихся в идеологически разных радикальных онлайн-сообществах: а) компонент «чистоты» религии, веры, этноса, часто встречающийся у исламистов и праворадикалов, и б) компонент политического протеста против действующей власти, объединяющий правых и левых радикалов.

3. Разработанный индекс радикальной онлайн-активности имеет важное значение для развития исследований онлайн-радикализма, поскольку он может использоваться в качестве объективированной метрики оценки радикальной активности в социальных медиа как в статике, так и в динамике. Он позволяет оценить масштаб и распределение радикальной онлайн-активности в социальных сетях. В нашем случае результаты исследования демонстрируют в целом большую распространенность лево- и праворадикального контента по сравнению с исламистским контентом в российских социальных медиа. Отдельным результатом является фиксация этнорелигиозной обусловленности онлайн-активности в региональном разрезе исламистских радикалов (высокая активность в республиках Северного Кавказа и регионах с большим количеством мигрантов – Москва и ХМАО) и правых радикалов (низкая активность в национальных республиках Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока).

ЛИТЕРАТУРА

1. Whine M. Cyberspace-a new medium for communication, command, and control by extremists // *Studies in conflict and terrorism*. 1999. № 22 (3). P. 231–245. DOI: 10.1080/105761099265748
2. Myagkov M., Kashpur V.V., Baryshev A.A., Goiko V.L., Shchekotin E.V. Distinguishing Features of the Activity of Extreme Right Groups under Conditions of State Counteraction to Online Extremism in Russia // *REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. 2019. № 8 (1). P. 41–74. URL: https://slavica.indiana.edu/journalListings/region/Volume8_No1

3. Galtung J. Cultural Violence // *Journal of Peace Research*. 1990. № 27 (3). P. 291–305. DOI: 10.1177/0022343390027003005
4. Stern J. Radicalization to extremism and mobilization to violence: What have we learned and what can we do about it? // *The Annals of the American Academy of political and social science*. 2016. № 668 (1). P. 102–117. DOI: 10.1177/0002716216673807
5. Vergani M., Iqbal M., Ilbahar E., Barton G. The three Ps of radicalization: Push, pull and personal. A systematic scoping review of the scientific evidence about radicalization into violent extremism // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2020. № 43 (10). P. 854–854. doi.org/10.1080/1057610X.2018.1505686.
6. Sunstein C.R. *Going to Extremes : How Like Minds Unite and Divide*. Oxford : Oxford University Press, 2009. 208 p.
7. Postmes T., Brunsting S. Collective action in the age of Internet : Mass communication and online mobilization // *Social Science Computer Review*. 2002. № 20. P. 290–301. DOI: 10.1177/089443930202000306
8. Postmes T., Spears R., Sakhel K., de Groot D. Social influence in computer-mediated communication : The effects of anonymity on group behavior // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2001. № 27. P. 1243–1254. DOI: 10.1177/01461672012710001
9. Жижек С. Чума фантазий. Харьков : Изд-во Гуманитарный Центр, 2014. 388 с.
10. Koster W., de Houtman D. Stormfront is like a second home to me // *Information, Communication & Society*. 2008. № 11 (8). P. 1155–1176. DOI: 10.1080/13691180802266665
11. Garrett R.K. Echo chambers online? : Politically motivated selective exposure among Internet news users // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2009. Vol. 14, № 2. P. 265–285. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2009.01440.x
12. Wojcieszak M. “Carrying online participation offline” – Mobilization by radical online groups and politically dissimilar offline ties // *Journal of Communication*. 2009. № 59 (3). P. 564–586. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2009.01436.x
13. Caiani M., Kluknavska A. Extreme right, the Internet and European politics in CEE countries : The cases of Slovakia and the Czech Republic // *Social Media and European Politics*. London : Palgrave Macmillan, 2017. P. 167–192. DOI: 10.1057/978-1-137-59890-5_8
14. Fomina V. Mapping the Network of Hungarian Extremist Groups In-Depth Analysis Sequence. Paper P. 25.
15. Кашпур В.В., Барышев А.А., Мундриевская Ю.О., Щекотин Е.В. Российский праворадикальный экстремизм и социальные сети как пространство его публичного существования // *Противодействие терроризму. Проблемы XXI века-COUNTER-TERRORISM*. 2017. № 3. С. 27–33.
16. Caiani M., Della Porta D., Wagemann C. Mobilizing on the extreme right: Germany, Italy, and the United States. New York : Oxford University Press, 2012. 288 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199641260.001.0001
17. Tanner S., Campana A. The process of radicalization : Right-wing skinheads in Quebec // *Canadian Network for Research on Terrorism, Security, and Society*. Conference: TSAS Workshop. Ottawa, 2014. 46 p. DOI: 10.13140/2.1.5093.5681
18. Veilleux-Lepage Y., Archambault E. Mapping Transnational Extremist Networks // *Perspectives on Terrorism*. 2019. № 13 (2). P. 21–38.
19. Hutchinson J., Amarasingam A., Scrivens R., Ballsun-Stanton B. Mobilizing extremism online: comparing Australian and Canadian right-wing extremist groups on Facebook // *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2021. P. 1–31. DOI: 10.1080/19434472.2021.1903064
20. Tufekci Z. YouTube, the great radicalizer // *The New York Times*. 2018. № 10. P. 23.
21. Wei Y., Singh L., Martin S. Identification of extremism on Twitter // 2016 IEEE/ACM International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining (ASONAM). 2016. P. 1251–1255. DOI: 10.1109/ASONAM.2016.7752398
22. Нечаева Е.Д. Особенности экстремистского контента (на материале анализа текстов, размещенных в социальной сети «ВКонтакте») // *Проблемы филологии глазами молодых исследователей : материалы конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Пермь, 2019. С. 155–158. URL: http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/problemy_filology_2019.pdf*
23. Chetty N., Alathur S. Hate speech review in the context of online social networks // *Aggression and violent behavior*. 2018. № 40. P. 108–118. DOI: 10.1016/j.avb.2018.05.003
24. Zhong H., Li H., Squicciarini A.C., Rajtmajer S.M., Griffin C., Miller D.J., Caragea, C. Content-Driven Detection of Cyberbullying on the Instagram Social Network // *Proceedings of the Twenty-Fifth International Joint Conference on Artificial Intelligence (IJCAI-16)*. 2016. Vol. 16. P. 3952–3958.
25. Sharma S., Agrawal S., Shrivastava M. Degree based classification of harmful speech using twitter data // *Proceedings of the First Workshop on Trolling, Aggression and Cyberbullying (TRAC-2018)*. 2018. P. 106–112. arXiv: 1806.04197.
26. Ben-David, A., Fernández A.M. Hate Speech and Covert Discrimination on Social Media : Monitoring the Facebook Pages of Extreme-Right Political Parties in Spain // *International Journal of Communication*. 2016. № 10. P. 1167–1193.
27. McCauley C., Moskalenko S. Understanding political radicalization : The two-pyramids model // *American Psychologist*. 2017. № 72 (3). P. 205–216. DOI: 10.1037/amp0000062
28. Myagkov M., Shchekotin E.V., Chudinov S.I., Goiko V.L. A comparative analysis of right-wing radical and Islamist communities' strategies for survival in social networks (evidence from the Russian social network VKontakte) // *Media, War & Conflict*. 2020. № 13 (4). P. 425–447. DOI: 10.1177/1750635219846028
29. Graham R. Inter-ideological mingling: White extremist ideology entering the mainstream on Twitter // *Sociological Spectrum*. 2016. № 36 (1). P. 24–36. DOI: 10.1080/02732173.2015.1075927
30. Kearney R. Meme frameworks : A semiotic perspective on internet memes // *Video Journal of Education and Pedagogy*. 2019. № 4 (2). P. 82–89. DOI: 10.1163/23644583-00401013
31. Mittlees T. Kill All Normies: Online Culture Wars From 4Chan and Tumblr to Trump and the Alt-Right by Angela Nagle // *Alternate Routes: A Journal of Critical Social Research*. Book Review. URL: <http://www.alternateroutes.ca/index.php/ar/article/view/22442>
32. Holbrook D. Designing and Applying an ‘Extremist Media Index’ // *Perspectives on Terrorism*. 2015. № 9 (5). P. 57–68. URL: <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/461>
33. Щекотин Е.В., Гойко В.Л., Барышев А.А., Кашпур В.В. Влияние парламентских выборов в России на мобилизацию сторонников непарламентской оппозиции // *Вестник науки Сибири*. 2017. № 3 (26). С. 90–107. URL: <http://earchive.tpu.ru/bitstream/11683/44045/1/sjs-1037.pdf>
34. Minkenberg M. From Pariah to Policy-Maker? The Radical Right in Europe, West and East: Between Margin and Mainstream // *Journal of Contemporary European Studies*. 2013. № 21 (1). P. 5–24. DOI: 10.1080/14782804.2013.766473

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 16 апреля 2021 г.

Representation of Radical Communities in Russian Social Media: Content Specifics and Activity Index

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 133–143.

DOI: 10.17223/15617793/467/17

Vitaliy V. Kashpur, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vitkashpur@mail.ru

Aleksey A. Baryshev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: barishevnp@mail.ru

Sergey I. Chudinov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Siberian State University of Telecommunications and Information Science (Novosibirsk, Russian Federation) E-mail: personally@ngs.ru

Keywords: rights; lefts; Islamists; online activity; radicalism; content; social networks; index.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research, Project No. 20-011-31666.

Radical communities are a habitual part of society as a whole. For a long time, the concepts of radicals and extremists were interpreted almost as synonyms. Currently, the key conception of radicalization is that it is an expression of the process leading to extremism, and radicalization is understood as the physical, institutional, cultural violence of one social group against another. With the advent of the Internet, radical online communities have sprung up. Extremist communities are communities that have radicalized into violence. However, at present, in many countries, such communities are banned and exist illegally, camouflaged under ordinary radicals, that is, those in the process of radicalization. The aim of this research is to study the distribution of radicalization activity of the right, left, and Islamist radical online communities by region, clarifying the leading topics of radicalization within each of these areas. The initial question is the question of the hegemonic topics of radical online communities within various ideological sects in Russia. The data for the study were messages in radical groups on the social network VKontakte. The research design was based on the identification of radical content and its carriers using the snowball method and the natural language processing method. In the found groups, an automatic clustering of content was carried out in order to identify the leading topics for all types of groups. The final step was the indexing of the activity in order to determine its distribution by region. The following results were obtained. (1) Current vectors of radicalization of the right, left, and Islamist radicals were identified. At present, radicalization is taking place in the following directions: the right – the continuing practices of hatred; Islamists – the truth and purity of faith; the left – consolidation in order to ensure their own party representation in political processes. (2) Comparison of activity indices showed the insularity of activity in each sect across the country. (3) Ideological forms of radicalization prevail in comparison with the religious (Islamic) ones with the extreme right-wing opinions and sentiments in the lead. (4) Outside of traditionally Islamic regions, the generation of radical Islamic content is large in Moscow and Yugra (Western Siberia) – regions with a large number of migrants. The insularity of radicalization, its thematic heterogeneity, and a strict ban on hate speech suggest a splitting of the conventional model of “radicalization toward extremism” into many independent streams with different, including non-violent and constructive, outcomes pertaining to radicalization “into” civic activism, single-issue radicalism focused on climate, animal rights, body policies, immunization (“antivaxxers”), the use of nuclear energy (“antinukers”), green activism, etc. A comprehensive study of these trends can form the basis for further understanding of the process of radicalization in the new turbulent world.

REFERENCES

- Whine, M. (1999) Cyberspace-a new medium for communication, command, and control by extremists. *Studies in Conflict and Terrorism*. 22 (3). pp. 231–245. DOI: 10.1080/105761099265748
- Myagkov, M. et al. (2019) Distinguishing Features of the Activity of Extreme Right Groups under Conditions of State Counteraction to Online Extremism in Russia. *REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. 8 (1). pp. 41–74. [Online] Available from: https://slavica.indiana.edu/journalListings/region/Volume8_No1
- Galtung, J. (1990) Cultural Violence. *Journal of Peace Research*. 27(3). pp. 291–305. DOI: 10.1177/0022343390027003005
- Stern, J. (2016) Radicalization to extremism and mobilization to violence: What have we learned and what can we do about it? *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 668(1). pp. 102–117. DOI: 10.1177/0002716216673807
- Vergani, M. et al. (2020) The three Ps of radicalization: Push, pull and personal. A systematic scoping review of the scientific evidence about radicalization into violent extremism. *Studies in Conflict & Terrorism*. 43 (10). pp. 854–854. DOI: 10.1080/1057610X.2018.1505686.
- Sunstein, C.R. (2009) *Going to Extremes: How Like Minds Unite and Divide*. Oxford University Press.
- Postmes, T. & Brunsting, S. (2002) Collective action in the age of Internet: Mass communication and online mobilization. *Social Science Computer Review*. 20. pp. 290–301. DOI: 10.1177/089443930202000306
- Postmes, T., Spears, R., Sakhel, K. & de Groot, D. (2001) Social influence in computer-mediated communication: The effects of anonymity on group behavior. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 27. pp. 1243–1254. DOI: 10.1177/01461672012710001
- Zizek, S. (2014) *Chuma fantaziy* [The Plague of Fantasies]. Translated from English. Izd-vo Gumanitarnyy Tsentr.
- Koster, W. & de Houtman, D. (2008) Stormfront is like a second home to me. *Information, Communication & Society*. 11 (8). pp. 1155–1176. DOI: 10.1080/13691180802266665
- Garrett, R.K. (2009) Echo chambers online?: Politically motivated selective exposure among Internet news users. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 14 (2). pp. 265–285. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2009.01440.x
- Wojcieszak, M. (2009) “Carrying online participation offline” – Mobilization by radical online groups and politically dissimilar offline ties. *Journal of Communication*. 59 (3). pp. 564–586. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2009.01436.x
- Caiani, M. & Kluknavska, A. (2017) Extreme right, the Internet and European politics in CEE countries: The cases of Slovakia and the Czech Republic. In: Barisone, M. & Michailidou, A. (eds) *Social Media and European Politics*. London: Palgrave Macmillan. pp. 167–192. DOI: 10.1057/978-1-137-59890-5_8
- Fomina, V. (2015) *Mapping the Network of Hungarian Extremist Groups In-Depth Analysis Sequence*. Budapest: Athena Institute.
- Kashpur, V.V. et al. (2017) Rossiyskiy pravoradikal'nyy ekstremizm i sotsial'nye seti kak prostranstvo ego publichnogo sushchestvovaniya [Russian right-wing radical extremism and social networks as a space for its public existence]. *Protivodeystvie terrorizmu. Problemy XXI veka – COUNTER-TERRORISM*. 3. pp. 27–33.
- Caiani, M., Della Porta, D. & Wagemann, C. (2012) *Mobilizing on the extreme right: Germany, Italy, and the United States*. New York: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199641260.001.0001
- Tanner, S. & Campana, A. (2014) The process of radicalization: Right-wing skinheads in Quebec. *Canadian Network for Research on Terrorism, Security, and Society. Conference: TSAS Workshop*. DOI: 10.13140/2.1.5093.5681.
- Veilleux-Lepage, Y. & Archambault, E. (2019) Mapping Transnational Extremist Networks. *Perspectives on Terrorism*. 13 (2). pp. 21–38.
- Hutchinson, J., Amarasingam, A., Scrivens, R. & Ballsun-Stanton, B. (2021) Mobilizing extremism online: comparing Australian and Canadian right-wing extremist groups on Facebook. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. pp. 1–31. DOI: 10.1080/19434472.2021.1903064
- Tufekci, Z. (2018) YouTube, the great radicalizer. *The New York Times*. 10. p. 23.
- Wei, Y., Singh, L. & Martin, S. (2016) Identification of extremism on Twitter. *2016 IEEE/ACM International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining (ASONAM)*. pp. 1251–1255. DOI: 10.1109/ASONAM.2016.7752398
- Nechaeva, E.D. (2019) [Features of extremist content (based on the analysis of texts posted on the social network VKontakte)]. *Problemy filologii glazami molodykh issledovateley* [Problems of philology through the eyes of young researchers]. Conference Proceedings. Perm: Perm State University. pp. 153–158. [Online] Available from: http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/problemy_filology_2019.pdf (In Russian).
- Chetty, N. & Alathur, S. (2018) Hate speech review in the context of online social networks. *Aggression and Violent Behavior*. 40. pp. 108–118. DOI: 10.1016/j.avb.2018.05.003
- Zhong, H. et al. (2016) Content-Driven Detection of Cyberbullying on the Instagram Social Network. *Proceedings of the Twenty-Fifth International Joint Conference on Artificial Intelligence (IJCAI-16)*. Vol. 16. pp. 3952–3958.

25. Sharma, S., Agrawal, S. & Shrivastava, M. (2018) Degree based classification of harmful speech using twitter data. *Proceedings of the First Workshop on Trolling, Aggression and Cyberbullying (TRAC-2018)*. pp. 106–112. arXiv: 1806.04197.
26. Ben-David, A. & Fernández, A.M. (2016) Hate Speech and Covert Discrimination on Social Media: Monitoring the Facebook Pages of Extreme-Right Political Parties in Spain. *International Journal of Communication*. 10. pp. 1167–1193.
27. McCauley, C. & Moskalenko, S. (2017) Understanding political radicalization: The two-pyramids model. *American Psychologist*. 72 (3). pp. 205–216. DOI: 10.1037/amp0000062.
28. Myagkov, M. et al. (2020) A comparative analysis of right-wing radical and Islamist communities' strategies for survival in social networks (evidence from the Russian social network VKontakte). *Media, War & Conflict*. 13 (4). pp. 425–447. DOI: 10.1177/1750635219846028
29. Graham, R. (2016) Inter-ideological mingling: White extremist ideology entering the mainstream on Twitter. *Sociological Spectrum*. 36 (1). pp. 24–36. DOI: 10.1080/02732173.2015.1075927
30. Kearney, R. (2019) Meme frameworks: A semiotic perspective on internet memes. *Video Journal of Education and Pedagogy*. 4 (2). pp. 82–89. DOI: 10.1163/23644583-00401013
31. Mirrlees, T. (2018) Kill All Normies: Online Culture Wars From 4Chan and Tumblr to Trump and the Alt-Right by Angela Nagle. *Alternate Routes: A Journal of Critical Social Research*. Book Review. [Online] Available from: <http://www.alternateroutes.ca/index.php/ar/article/view/22442>
32. Holbrook, D. (2015) Designing and Applying an 'Extremist Media Index'. *Perspectives on Terrorism*. 9 (5). pp. 57–68. [Online] Available from: <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/461>
33. Shchekotin, E.V., Goyko, V.L., Baryshev, A.A. & Kashpur, V.V. (2017) Influence of Parliamentary Elections in Russia on Mobilization of Supporters of Non-parliamentary Opposition. *Vestnik nauki Sibiri – Siberian Journal of Science*. 3 (26). pp. 90–107. [Online] Available from: <http://earchive.tpu.ru/bitstream/11683/44045/1/sjs-1037.pdf> (In Russian).
34. Minkenberg, M. (2013) From Pariah to Policy-Maker? The Radical Right in Europe, West and East: Between Margin and Mainstream. *Journal of Contemporary European Studies*. 21 (1). pp. 5–24. DOI: 10.1080/14782804.2013.766473

Received: 16 April 2021

Е.В. Митягина, Е.В. Коньшев, К.А. Чернышев, Э.Р. Сайфулин

ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ МИГРАЦИИ ИЗ РЕГИОНОВ-ДОНОРОВ

Представлен анализ миграции выпускников вузов, расположенных в регионах с высоким оттоком населения. На основе анализа цифровых следов пользователей социальной сети «ВКонтакте», являющихся выпускниками наиболее крупного вуза в регионе-доноре, был составлен рейтинг мест послевузовской миграции. Расчет коэффициентов оседлости, внутрирегионального возврата и столичности позволил осуществить типологию регионов-доноров.

Ключевые слова: региональная миграция; регионы – миграционные доноры; выпускники вузов; цифровые следы; анализ данных; иерархический кластерный анализ; ВКонтакте.

Введение

Традиционными источниками данных о миграции считаются данные текущего учета и переписей населения. Первые характеризует миграционные потоки (число совершенных переездов), а вторые – миграционные контингенты (число лиц, имеющих опыт миграции) [1]. В настоящее время, помимо традиционных источников информации о перемещениях населения, все большее распространение в миграционных исследованиях получает использование цифровых данных. Речь идет о так называемых больших данных, когда исследователи используют информацию из профилей пользователей в социальных сетях, данные мобильных устройств, транзакций и многое другое [2]. С большими данными связываются большие ожидания с точки зрения их использования для управленческих нужд в разных сферах жизни, в том числе в области миграционной статистики [3].

Важное преимущество «больших данных», которые рассматриваются как дополнительный информационный ресурс о миграционных перемещениях, заключается в независимости от государства как «заказчика» информации. Социальные сети позволяют получать данные не об общем числе прибывших или выехавших на определенной территории, а рассматривать одновременно «виртуальные» миграционные контингенты и миграционные потоки. Недостатки использования данных интернет-сообществ связаны с неодинаковой степенью вовлеченности представителей различных социально-демографических групп. Очевидно заметное смещение выборки пользователей даже самых массовых социальных сетей относительно генеральной совокупности [4]. Однако значительный охват населения и широкая распространенность социальных сетей дают возможность считать миграционные данные, полученные на их основе, репрезентативными при качественно разработанной методологии.

В статье анализ данных социальных сетей применен для изучения миграций в регионах с наибольшим оттоком населения. Вслед за другими исследователями миграционных процессов мы будем называть такие субъекты РФ регионами-донорами. С.И. Абылкаликов предлагает относить к регионам-донорам территории, из которых доля уехавших по результатам переписей населения в 1,1 и более раза больше, чем приехавших [5]. Н.В. Мкртчян, анализируя внутри-

российскую миграцию за 1991–2000 гг. в разрезе федеральных округов, использовал также термины регионы-доноры и регионы-получатели [6]. О.Л. Рыбаковский и В.С. Судоплатова, основываясь на данных текущего учета межрегиональной миграции за постсоветский период, классифицировали субъекты РФ на доноры и реципиенты с выделением группы «основных доноров», теряющих население в обмене с большинством прочих регионов страны [7]. Миграционный отток обусловлен проблемами в экономике и социальной сфере регионов-доноров [8].

Вышеперечисленные исследователи сходятся во мнении, что регионы-доноры, являясь «поставщиками» населения, также активно принимают мигрантов, однако в значительно меньшей степени. Возникает вопрос, что является центром притяжения в таких регионах. Из всего разнообразия видов миграционного движения населения для изучения с помощью социальных сетей больше всего подходит миграция, связанная с получением образования. Исследователи изучают географию поступления в вузы как в прикладных, так и в научных целях [9], определяют возможные направления использования конкретной социальной сети при оценке территориальных зон абитуриентов и выпускников [10]. Данное исследование открывает вопрос о центрах притяжения в регионах-донорах и возможностях высших учебных заведений удерживать наиболее перспективную и талантливую молодежь на этих территориях. Помимо этого, продолжает миграционные исследования по использованию методов анализа цифровых следов абитуриентов и выпускников вузов.

Методология исследования

Среди многообразия социальных сетей географические параметры можно определить у пользователей Facebook, Twitter и LinkedIn и др. В нашей работе миграции населения рассматриваются на основе изучения информации из социальной сети «ВКонтакте» (vk.com). Ресурс является популярной социальной сетью в России, кроме того, API ВКонтакте позволяет получать максимально полную обобщенную информацию из базы данных vk.com легко и удобно. Данные собрались при помощи Платформы по сбору и обработке данных социальных сетей Томского государственного университета [11], обработка данных

производилась в программе IBM SPSS Statistic 23 и при помощи Платформы PolyAnalyst.

Каждый профиль выпускника вуза, выкачанный из социальной сети «ВКонтакте», содержит сведения об образовательной и карьерной траектории, географическую, персональную, социодемографическую и иную информацию. При заполнении своего профиля пользователи, как правило, указывают сведения по более чем 90 параметрам. Персональная информация содержит сведения о фамилии, имени, ID, дате рождения, возрасте. Географическая информация включает сведения о стране, родном городе, городе проживания в настоящее время. Социодемографическая – пол, семейное положение, дети. Сведения об образовании включают данные о школе и годе ее окончания, школьной специализации, университете, факультете, названии кафедры, форме обучения, статусе в университете. Информация о карьере позволяет получить сведения о названии компании, ID компании, должности, деятельности, годе окончания работы. Весьма многообразна и иная информация: статус, количество подписчиков, любимые цитаты и пр.

В соответствии с целями исследования для расчета коэффициентов оседлости, внутререгионального возврата и столичности была использована информация, содержащаяся в колонках «университет», «родной город», «город». Информация для составления профиля выпускника и определения его карьерной траектории извлекалась из столбцов «университет», «название кафедры», «должность».

Территориями для анализа стали регионы-лидеры по зарегистрированной миграционной убыли населения на 10 тыс. жителей [12, 13]. Регионами-лидерами в РФ по миграционной убыли на 10 тыс. жителей за 20 лет стали Магаданская область, Чукотский автономный округ, Республика Коми, Республика Калмыкия, Мурманская область, Чеченская республика, Республика Саха (Якутия) и Курганская область. Замыкает список Кировская область (табл. 1). Во всех регионах группы миграционная убыль за 2000–2019 гг. была выше 500 чел. на 1 тыс. жителей, а суммарно отрицательное сальдо миграции в данных субъектах РФ составило почти 1,8 млн чел.

Центрами притяжения наиболее перспективной и талантливой молодежи в регионах-донорах, согласно нашей гипотезе, являются крупные вузы. Однако парадокс, что именно они испытывают наибольшие затруднения с набором контингента, так как расположены в регионах, не привлекательных для молодежи с точки зрения трудоустройства. В базу данных вошли выпускники государственных вузов с наибольшим контингентом студентов [14], указавшие в своем профиле «ВКонтакте», что они закончили конкретный вуз в регионе (по одному вузу для каждого региона). Выбор государственного вуза в качестве объекта исключил из анализа Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа ввиду присутствия на их территориях только филиалов учебных заведений. В итоговом списке оказалось 20 вузов из 20 регионов-доноров. Список вузов и регионов представлен в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Регионы – лидеры по миграционной убыли за 2000–2019 гг. (на 10 тыс. жителей)

Регионы-доноры РФ	Миграционная убыль	Крупнейший вуз
Магаданская область	–2815	Северо-восточный государственный университет, г. Магадан
Чукотский автономный округ	–2535	Только филиалы государственных вузов
Республика Коми	–1693	Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар
Республика Калмыкия	–1652	Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста
Мурманская область	–1456	Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск
Чеченская Республика	–1233	Чеченский государственный университет, г. Грозный
Республика Саха (Якутия)	–1205	Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск
Курганская область	–1107	Курганский государственный университет, г. Курган
Карачаево-Черкесская Республика	–1081	Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, г. Карачаевск
Камчатский край	–1074	Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, г. Петропавловск-Камчатский
Забайкальский край	–1043	Забайкальский государственный университет, г. Чита
Республика Тыва	–1039	Тувинский государственный университет, г. Кызыл
Еврейская автономная область	–1037	Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема, г. Биробиджан
Архангельская область	–1029	Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск
Сахалинская область	–815	Сахалинский государственный университет, г. Южно-Сахалинск
Ямало-Ненецкий автономный округ	–808	Только филиалы государственных вузов
Амурская область	–760	Амурский государственный университет, г. Благовещенск
Республика Северная Осетия-Алания	–759	Северо-Осетинский государственный университет им. Хетагурова, г. Владикавказ
Республика Дагестан	–727	Дагестанский государственный университет, г. Махачкала
Кабардино-Балкарская Республика	–716	Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик
Республика Бурятия	–644	Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ
Кировская область	–539	Вятский государственный университет, Киров

Основными единицами анализа стали сведения о родном городе выпускника вуза (поле «home_town») и его место проживания в настоящее время (поле «city»). Имеющиеся данные позволили определить географию миграций при выборе регионального вуза и после его окончания, провести сегментацию территорий, из которых вуз набирает основной контингент, и наиболее привлекательных мест послевузовской миграции.

Особенности заполнения пользователями полей в социальных сетях

С учетом специфики темы необходимо выделить особенности заполнения пользователями полей в своих профилях:

1. Пользователи социальной сети «ВКонтакте» не отличаются аккуратностью заполнения всех полей своего профиля. Из 267 318 человек, указавших принадлежность к выпуску из определенного вуза в регионе, 238 861 человек указали место проживания сейчас и только 76 108 человек указали родной город, что составило 28,5%.

2. Неаккуратны пользователи и в заполнении социально-демографических характеристик и иных сведений о себе.

3. Пользователи, заполняя данные о родном городе, стремясь к самовыражению, используют разные варианты написания наименований населенных пунктов, применяя латиницу, графические знаки, неофициальные или исторические топонимы. Для примера возьмем Курган, вариантами названия которого стали «Живу в Кургане», «Kurgan», «KURGAN», «курган», «г. Курган», «Курган» и др. Нередко используются двойные названия Курган–Тюмень. В этом случае в разработку брался город, указанный первым. При выборе места проживания в данный момент выбор населенного пункта чаще осуществляется из списка.

4. Следующее замечание больше относится не к пользователям, но о нем стоит упомянуть. Многие вузы в указанных регионах были объединены с 2000 г. в свя-

зи с политикой, проводимой Министерством науки и высшего образования РФ. При составлении базы данных важно учитывать все объединенные вузы, а также старые названия вузов. Примерами могут стать вузы Кировской области (ВятГУ и ВятГГУ) или Забайкальского края (ЧитГУ и ЧТГУ).

Рейтинги населенных пунктов по абитуриентам и выпускникам

В результате анализа для каждого вуза было определено по 10 населенных пунктов, являющихся поставщиками абитуриентов. В подавляющем большинстве случаев это город вуза и другие населенные пункты данного субъекта РФ. В ряде случаев поставщиками являются столичные или соседние регионы.

Для примера приведем некоторые населенные пункты, из которых поступают абитуриенты в вузы регионов-доноров. Населенные пункты проранжированы от большего количества абитуриентов к меньшему:

– СВФУ им. М.К. Аммосова, Республика Саха (Якутия): Якутск, Вилюйск, Нюрба, Чурапча, Сунтар, Покровск, Олекминск, Верхневилуйск, Амга, Намцы.

– БГУ, Республика Бурятия: Улан-Удэ, Иркутск, Закаменск, Гусиноозерск, Кяхта, Кижинга, Агинское, Москва, Селенгинск, Чита.

– ДГУ, Республика Дагестан: Махачкала, Москва, Каспийск, Дербент, Хасавюрт, Кизляр, Кизилюрт, Санкт-Петербург, Буйнакск, Избербаш.

Направления послевузовских миграций более многообразны. Это не только город вуза, муниципальные образования региона и столичные города (Москва, Санкт-Петербург), но также курортные города и (или) города с благоприятным климатом: Сочи, Краснодар, Калининград, Ставрополь, Анапа, Севастополь; города-миллионники: Нижний Новгород, Пермь, Екатеринбург, Новосибирск, Казань, Самара; зарубежные города.

Топ-50 городов послевузовской миграции без учета города вуза представлен на рис. 1.

Рис. 1. Топ-50 направлений миграций выпускников вузов из регионов-доноров (без учета города расположения вуза)

Типология регионов-доноров

С целью осуществления типологии регионов-доноров и соответствующих высших учебных заведений нами были предложены и рассчитаны коэффициенты, при расчете которых сравнивались данные профиля конкретных пользователей, заполнивших оба поля «city» и «home_town».

1. Коэффициент оседлости характеризует соотношение между числом выпускников, указавших в поле «город сейчас» («city_title») город местоположения вуза, с количеством абитуриентов, которые указали город вуза в качестве «родного города» («home_town»). Данный коэффициент отражает способность города, где находится университет, удерживать местных уроженцев после окончания вуза. Коэффициент оседлости рассчитывается по формуле

$$k_1 = \frac{CTR}{HTR},$$

где CTR – число выпускников вуза, указавших в поле «город сейчас» город вуза; HTR – число выпускников вуза, указавших в поле «родной город» город вуза.

2. Коэффициент внутрирегионального возврата характеризует долю выпускников вуза, вернувшихся в родные населенные пункты региона за пределами города – университетского центра, от числа абитуриентов из данных населенных пунктов. Коэффициент внутрирегионального возврата отражает, с одной стороны, притягательность региональной периферии для получивших образование в региональном вузе, а с другой – способность города, где находится

университет, удерживать выпускников, приехавших для получения образования из своего региона. Коэффициент внутрирегионального возврата рассчитывается по формуле

$$k_2 = \frac{СТО}{НТО},$$

где СТО – число выпускников вуза, указавших в поле «город сейчас» населенный пункт на территории субъекта РФ, где расположено данное учебное заведение; НТО – число выпускников вуза, указавших в поле «родной город» населенный пункт на территории субъекта РФ, где расположено данное учебное заведение.

3. Коэффициент столичности характеризует долю выпускников регионального вуза, оставшихся в городе после получения образования, от общей численности абитуриентов, приехавших из Москвы или Санкт-Петербурга. Данный коэффициент отражает способность города, где расположено высшее учебное заведение, удерживать абитуриентов, поступающих на учебу из столичных регионов России, и рассчитывается по формуле

$$k_3 = \frac{СТС}{НТС},$$

где СТС – число выпускников, указавших в поле «родной город» Москву или Санкт-Петербург, а в поле «город сейчас» город вуза; НТС – число выпускников вуза, указавших в поле «родной город» Москву или Санкт-Петербург.

В табл. 2 представлены вышеперечисленные коэффициенты в разрезе регионов и вузов в них.

Т а б л и ц а 2

Коэффициенты оседлости, внутрирегионального возврата и столичности по регионам и вузам

№	Вуз/регионы-доноры	Коэффициент оседлости	Коэффициент внутрирегионального возврата	Коэффициент столичности
1	СОГУ им. Хетагурова (Республика Северная Осетия, г. Владикавказ)	0,75	0,28	0,34
2	ТувГУ (Республика Тыва, г. Кызыл)	0,74	0,21	0
3	СВФУ им. М.К. Аммосова (бывш. ЯГУ) (Республика Саха (Якутия), г. Якутск)	0,81	0,26	0
4	ЧГУ (бывш. ЧИГУ) (Чеченская республика, г. Грозный)	0,66	0,37	0,34
5	КалмГУ им. Б.Б. Городовикова (Республика Калмыкия, г. Элиста)	0,76	0,49	0,25
6	ЗабГУ (бывш. ЧитГУ, ЧТГУ) (Забайкальский край, г. Чита)	0,76	0,35	0,21
7	БГУ (бывш. БГПИ, БФ НГУ) (Республика Бурятия, г. Улан-Удэ)	0,79	0,35	0,26
8	АмГУ (Амурская область, г. Благовещенск)	0,74	0,26	0,08
9	ДГУ (Республика Дагестан, г. Махачкала)	0,71	0,38	0,22
10	ВятГУ (Кировская область, г. Киров)	0,86	0,48	0,25
11	КамГУ им. Витуса Беринга (Камчатский край, г. Петропавловск-Камчатский)	0,71	0,42	0,25
12	КБГУ им. Х.М. Бербекова (Республика Кабардино-Балкария, г. Нальчик)	0,73	0,41	0,22
13	КГУ (Курганская область, г. Курган)	0,76	0,44	0,26
14	КЧГУ им. У.Д. Алиева (Республика Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск)	0,66	0,62	0
15	МАГУ (Мурманская область, г. Мурманск)	0,75	0,52	0,13
16	ПГУ им. Шолом-Алейхема (Еврейская автономная область, г. Биробиджан)	0,71	0,31	0
17	С(А)ФУ (Архангельская область, г. Архангельск)	0,79	0,54	0,16
18	СахГУ (Сахалинская область, г. Южно-Сахалинск)	0,80	0,44	0
19	СВГУ (Магаданская область, г. Магадан)	0,65	0,06	0,12
20	СГУ им. П. Сорокина (Республика Коми, г. Сыктывкар)	0,79	0,35	0

Иерархический кластерный анализ по коэффициентам оседлости, внутререгионального возврата и столичности позволил разделить регионы-доноры и вузы в них на четыре типа, два из которых являются наиболее массовыми по количеству вузов, а два содержат по одному вузу, которые имеют собственную специфику.

На дендрограмме (рис. 2) ниже представлено визуальное отображение кластеров. Каждый лист дендрограммы представляет одно из 20 исходных наблюдений.

Но по мере того, как мы продвигаемся вверх к корню, некоторые листья начинают сливаться в ветви. Они соответствуют наблюдениям, которые похожи друг на друга. При продвижении вверх по дереву ветви сливаются с листьями или другими ветвями. Чем раньше (ниже на дереве) происходит слияние, тем больше похожи группы наблюдений друг на друга. Наблюдения, которые сливаются позже (возле верхушки дерева), сильно отличаются. Разрез дендрограммы на высоте 10 дает четыре кластера.

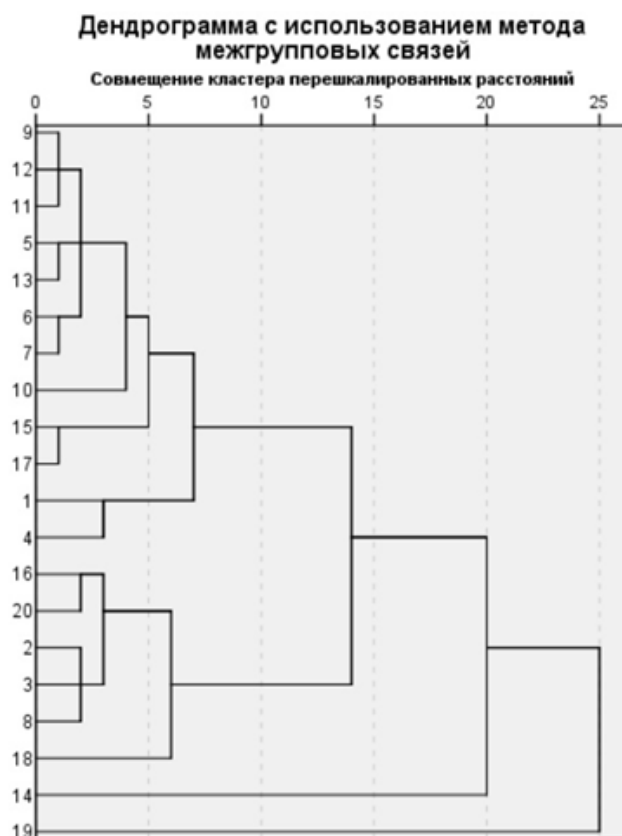

Рис. 2. Результаты кластеризации вузов регионов с высоким миграционным оттоком методом по значениям коэффициентов оседлости, внутререгионального возврата, столичности

Ниже приведено описание вузов в регионах-донорах по четырем типам, выделенным в соответствии с кластерным анализом (см. табл. 3):

Тип 1. Первый тип характеризуется высокими значениями всех коэффициентов в сравнении с другими типами. Однако в абсолютных показателях значения внутререгионального возврата и столичности средние и ниже среднего.

Максимальное значение коэффициента оседлости (0,86) имеет Вятский государственный университет, расположенный в Кировской области. Большинство абитуриентов из Кирова, окончив университет, остаются в родном городе для дальнейшей жизни. Численность города растет за счет миграции жителей иных муниципальных образований области. Большая часть абитуриентов приезжает из городов Кирово-Чепецк (26,5%), Слободской (16,4%), Омутнинск (9,1%). После окончания университета на свою малую родину возвращается менее половины. Среди тех, кто по окончании университета уехал из Кирова, 43% выбрали для проживания столичные города. Одной из

особенностей, характерной для миграционных процессов ВятГУ, является то, что каждый седьмой абитуриент поступает из городов Республики Коми – Воркута и Ухта. Небольшая доля поступивших приезжает из Москвы и Санкт-Петербурга. Получив хорошее и достаточно дешевое образование в Кирове, 75% столичных выпускников уезжает обратно.

Своеобразна структура миграции выпускников Курганского государственного университета. Расположение региона между Свердловской, Тюменской областями РФ и Казахстаном оказывает влияние на территориальную структуру миграции выпускников. В числе студентов и выпускников КГУ велика доля тех, кто указал в качестве родного города Каменск-Уральский (Свердловской области), Екатеринбург, Тюмень и Петропавловск (Казахстан). Получив образование, большинство из выпускников не остается в Кургане, как правило, возвращаясь в родные города. Исключение составляют выпускники КГУ из Казахстана, большинство из которых остаются в Кургане или переезжают в другие города России.

Мурманский арктический государственный университет характеризуется средними значениями коэффициентов оседлости и столичности, при повышенном значении коэффициента внутрирегионального возврата. Географическое положение города на северо-западе европейской России, на морском побережье способствует традиционным связям с Санкт-Петербургом, являющимся главным направлением выбытия для выпускников вуза, желающим уехать из Мурманска. Зона тяготения абитуриентов в основном ограничена Мурманской областью.

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова имеет наивысший статус, доступный для государственных университетов. Однако в отношении территориальной структуры зон формирования абитуриентов и распределения выпускников данный вуз имеет черты сходства с предыдущим. Основной поток абитуриентов приходится на «свой» регион. Миграции выпускников также в основном представлены внутрирегиональными перемещениями, а также выбытием в Санкт-Петербург. Специфической чертой С(А)ФУ является высокая доля в формировании миграционных потоков пользователей, указавших второй по людности город региона – Северодвинск в качестве родного города или города, где они живут сейчас.

Крупнейший вуз Республики Дагестан расположен в г. Махачкала. В Дагестанский государственный университет, кроме самой Махачкалы, абитуриенты поступают из Москвы и Санкт-Петербурга (25,4 и 5,9% соответственно), а около 65% – из населенных пунктов Дагестана. При этом обратно в свои родные города возвращаются 38% дагестанцев и 78% жителей столичных городов. Среди популярных направлений миграции выпускников ДГУ выделяются Москва и Санкт-Петербург, на которые приходится 63,6% всех миграций. Следует отметить, что около 11% выпускников отправляются на постоянное место жительства в зарубежные страны.

Для Северо-Осетинского государственного университета характерен средний коэффициент оседлости (0,75), наименьший коэффициент внутрирегионального возврата (0,28) и наибольший для типа коэффициент столичности (0,34). Без учета Владикавказа, 22,9% абитуриентов поступает из г. Беслан и 21% из г. Москва. Лишь 28% тех абитуриентов, которые поступили в университет из других городов республики, возвращаются в родные города. После окончания университета более 45% выпускников уезжают в г. Москва, 16,8% за рубеж, а около 7% выбирают города с благоприятными климатическими условиями – Краснодар и Сочи.

Чеченский государственный университет расположен в г. Грозный. Коэффициенты оседлости и внутрирегионального возврата ниже, чем среднее значение по первому типу вузов, 0,66 и 0,37 соответственно. Вслед за Грозным, большое количество абитуриентов приезжает для поступления в ЧГУ из Москвы. При этом 34% после окончания университета остается в Грозном. Много обучающихся приезжает из городов Гудермес, Шали, Урус-Мартан и Аргун. После окончания университета основным направле-

нием для миграции является Москва – 41,6% и зарубежные страны – 24,6%. Около 10% выпускников уезжают на постоянное местожительство в крупные города юга России – Ростов-на-Дону, Воронеж, Краснодар и Ставрополь.

Показатели миграции выпускников Кабардино-Балкарского государственного университета соответствуют средним для типа. Главные потоки миграции формируются внутри региона (Баксан, Терек, Нарткала), а также в Москве. Важнейшие направления выезда из Нальчика выпускников КБГУ – это Москва и Санкт-Петербург.

Для Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова, расположенного в г. Элиста, характерен один из самых высоких коэффициентов внутрирегионального возврата – 49% выпускников, поступивших в вуз из муниципальных образований, возвращаются обратно в родные места. Наибольшее количество поступающих зафиксировано из города Лагань, где проживает более 12 000 жителей. В целом направление миграции выпускников типично для университетов данной группы – г. Москва (43,4%) и зарубежные страны (15,9%). Около 10% переезжают на постоянное местожительство в крупные южно-российские города – Краснодар, Ростов-на-Дону, Волгоград.

Значения коэффициентов Забайкальского государственного университета (Забайкальский край, г. Чита) и Бурятского государственного университета (Республика Бурятия, г. Улан-Удэ) почти полностью совпадают. Коэффициент оседлости составляет у ЗабГУ 0,76 и у БГУ 0,79, коэффициент внутрирегионального возврата равен 0,35 у обоих вузов, а коэффициент столичности имеет значение 0,21 и 0,26 соответственно. Ввиду значительной удаленности от Москвы в данные вузы приток абитуриентов из столичных городов крайне низкий. Основными поставщиками обучающихся для Забайкальского государственного университета, исключая краевой центр, являются крупные населенные пункты Забайкальского края – Краснокаменск (27,6%), Борзя (13,2%), Нерчинск, Бaley, Шилка, Петровск-Забайкальский, Хилок, Чернышевск. Около 6,7% абитуриентов приезжает из столицы соседней Республики Бурятия г. Улан-Удэ. После окончания университета выпускники отправляются на постоянное место проживания в столичные города Москву (19,7%) и Санкт-Петербург (18,7%), в крупные города Сибири – Новосибирск (12,6%), Иркутск (8,2%), а также за рубеж (10,5%). Переезжают выпускники и в города с более благоприятным климатом, например в Краснодар (4%). Особенностью миграций Бурятского государственного университета является то, что лидером по количеству абитуриентов после самого г. Улан-Удэ является не другой крупный город республики, а областной центр соседнего региона г. Иркутск (21,9%). А из населенных пунктов Республики Бурятия больше всего приезжает абитуриентов из Закаменска (17%), Гусиноозерска (12,1%) и Кяхты (11,2%). Окончив университет, выпускники редко возвращаются в населенные пункты Бурятии, выбирая Москву и Санкт-Петербург, крупные сибирские города Новосибирск, Читу и Иркутск, а также выезжая за границу.

Камчатский край является наиболее удаленным от Центральной России. Несмотря на это, особенностью миграционных связей главного вуза региона КамГУ им. Витуса Беринга, расположенного в г. Петропавловск-Камчатский, является заметная роль в формировании потоков абитуриентов выходцев из других приморских городов – Санкт-Петербурга, Севастополя, Владивостока, Калининграда. Распределение выпускников вуза соответствует средним значениям для регионов данного типа.

Тип 2. Второй тип характеризуется достаточно высокими или средними значениями коэффициентов оседлости и внутрирегионального возврата в сравнении с другими типами. Однако значительная удаленность большинства регионов от Москвы и Санкт-Петербурга послужила причиной того, что коэффициент столичности вузов, входящих в данную группу, практически равен нулю. Это ключевой отличительный признак данного типа от остальных трех.

Для СГУ им. П. Сорокина, расположенного в столице Республики Коми г. Сыктывкар, характерны средние значения коэффициентов оседлости и внутрирегионального возврата, минимальное (как в целом для регионов кластера) значение коэффициента столичности. Зона тяготения абитуриентов практически полностью ограничивается Сыктывкаром и иными населенными пунктами Республики Коми (Ухта, Воркута и др.). Важнейшим направлением выбытия выпускников является г. Санкт-Петербург. Большинство выпускников СГУ им. П. Сорокина, поступивших из районов республики, остаются в регионе, примерно в равном соотношении распределяясь между Сыктывкаром и другими частями Республики Коми.

Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхеа (г. Биробиджан, Еврейская автономная область) характеризуется широкой географией формирования потоков абитуриентов. Низкая численность населения Биробиджана и сложная социально-экономическая ситуация в регионе не способствуют закреплению в областном центре выпускников вуза, определяя пониженные значения коэффициентов оседлости и возвратности. Важнейшим направлением миграции является крупнейший город Дальнего Востока Хабаровск.

Еще один центр высшего образования на Дальнем Востоке – Сахалинский государственный университет характеризуется повышенными значениями коэффициентов оседлости и внутрирегиональной возвратности. Данный субъект РФ имеет наиболее высокий уровень экономического развития из числа рассматриваемых регионов-доноров, что подтверждается душевыми показателями валового регионального продукта и обусловлено интенсивным освоением природных ресурсов региона (в первую очередь углеводородов). В перечне направлений выбытия выпускников ведущее место занимают города региона, с наибольшей долей столичных городов и зарубежных стран.

Амурский государственный университет, расположенный в г. Благовещенск, является единственным среди университетов данной группы с коэффициентом столичности больше нуля (0,08). В структуре по-

ступающих доля столичных регионов среди 10 регионов-лидеров составляет около 9%. Большая часть абитуриентов приезжает поступать в АмГУ из других городов Амурской области. Так, на Белогорск приходится 26%, на Свободный 17%, на Зею 11,5%, на Тынду 9% поступающих. После окончания АмГУ большая часть выпускников остается в Благовещенске. Среди тех, кто уехал, большая часть выбирает для дальнейшего проживания Москву (26%), Санкт-Петербург (22,7%) и зарубежные страны (10,5%). Меньшая часть переезжает в крупные города Сибири и Дальнего Востока – в Хабаровск 9,5%, во Владивосток 5,5%, в Новосибирск 5%. В Краснодар и Калининград переезжает 5,7 и 2,9% выпускников соответственно.

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова в г. Якутск и Тувинский государственный университет в г. Кызыл при наборе абитуриентов ориентируются на собственные регионы. В данные вузы редко поступают абитуриенты из столичных городов. И почти все они после окончания вуза уезжают обратно. В СВФУ им. М.К. Аммосова для поступления приезжают абитуриенты из Вилюйска (17,4%), Нюрбы (17,4%), Чурапчи (12%) и из Сунтара (11,6%). Лишь 26% из них после окончания вуза возвращаются обратно в свои населенные пункты. Большая часть остается в Якутске. Среди других регионов на первых позициях по привлекательности для переезда находятся столичные города и зарубежные страны. В Москву уезжает 19%, а в Санкт-Петербург 16% всех выпускников, покинувших Республику Якутия.

Тувинский государственный университет ориентируется на подготовку кадров для своего региона. В вуз приезжают поступать абитуриенты из Шагонара (20,8%), Ак-Довурака (17,3%), Чадана (17,3%) и Тывы (12,7%). При этом лидером по выезду выпускников является не столичный город, а столица соседнего региона – Красноярск. В качестве места проживания его выбирают 13,9% выпускников. Далее следует Москва (13,3%) и столица соседней Республики Хакасия – Абакан (12,9%). Кроме того, 8,5% выпускников выбирают крупнейший город Сибири – Новосибирск (8,5%).

Тип 3. Включает один регион – Магаданскую область, отличается средним значением коэффициента оседлости и низким внутрирегиональным возвратом, средним коэффициентом столичности.

Магаданская область характеризуется многолетним интенсивным оттоком населения, являясь лидером в РФ по значению миграционной убыли на 10 тыс. жителей за 2000–2019 гг. Цифровые следы абитуриентов и выпускников СВГУ, главного вуза региона, позволяют проследить перемещения лишь части магаданцев, тех, кто не уехал из региона до поступления в вуз. Однако имеющихся данных достаточно, чтобы выявить своеобразие региональной миграционной ситуации. Так, для СВГУ характерны самые низкие среди всех анализируемых вузов значения коэффициентов оседлости и внутрирегиональной возвратности: после получения высшего образования многие коренные магаданцы уезжают из родного го-

рода, а подавляющее большинство абитуриентов, поступивших в университет из иных муниципалитетов области, не возвращаются на родину после получения образования. Главное направление миграционного оттока – столичные регионы.

Тип 4. Четвертый тип, также включающий один субъект РФ – Карачаево-Черкесскую республику, отличается средним значением коэффициента оседлости, высоким значением коэффициента внутрирегионального возврата и низким значением коэффициента столичности. Важнейшим фактором, определяющим специфику миграции выпускников республики, является расположение КЧГУ им. У.Д. Алиева в третьем по численности населения городе региона Карачаевске. Это редкий, но не единственный пример размещения классического университета вне главного или крупнейшего города субъекта РФ (такие примеры есть в Липецкой области, Ханты-Мансийском автономном округе – Югре и ряде других регионов), од-

нако в данном случае вуз расположен в городе, в котором всего 20 тыс. жителей. С этим обстоятельством связано низкое значение показателя оседлости: малый город, даже при наличии собственного университета, не может удержать собственное население, особенно принимая во внимание социально-экономические проблемы Северного Кавказа. Главным городом – поставщиком абитуриентов для КЧГУ также является столица и крупнейший город республики Черкесск, заметная часть приходится на абитуриентов из Туркмении. Расположение университета вне региональной столицы и небольшая численность населения университетского центра определили также самое высокое среди анализируемых регионов-доноров значение коэффициента внутрирегиональной возвратности.

В табл. 3 представлены сводные данные в процентах о направлениях миграции выпускников в зависимости от места жительства до поступления в университет.

Таблица 3

Направления миграции выпускников (в зависимости от места жительства до поступления в университет), %

Показатель	Город вуза	Муниципальные образования	Столичные города	Курортные регионы	Города-миллионники	Зарубежные города	Другое	Нет данных
СОГУ им. Хетагурова (Северная Осетия, г. Владикавказ)								
Город вуза	75,2	0,0	8,7	1,3	0,0	2,0	3,5	9,3
Муниципальные образования региона	37,3	28,0	10,9	0,0	0,0	0,0	11,9	11,9
Столичные города	33,7	0,0	41,9	0,0	0,0	0,0	8,1	16,3
ТувГУ (Республика Тыва, г. Кызыл)								
Город вуза	74,3	0,0	2,6	0,0	3,1	0,0	7,9	12,2
Муниципальные образования региона	51,9	21,1	0,0	0,0	0,0	0,0	9,8	17,3
Столичные города	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
СВФУ им. М.К. Аммосова (бывш. ЯГУ) (Республика Саха, г. Якутск)								
Город вуза	80,6	0,2	4,2	1,2	0,3	1,2	4,0	8,3
Муниципальные образования региона	59,0	26,1	0,0	0,0	0,0	0,0	6,5	8,4
Столичные города	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
ЧГУ (бывш. ЧИГУ) (Чеченская республика, г. Грозный)								
Город вуза	66,0	0,5	5,6	0,9	0,8	3,8	8,8	13,7
Муниципальные образования региона	33,9	37,2	4,1	0,0	0,0	0,0	6,6	18,2
Столичные города	34,3	0,0	43,8	0,0	0,0	0,0	6,9	15,1
КалмГУ им. Б.Б. Городовикова (Республика Калмыкия, г. Элиста)								
Город вуза	75,8	0,0	9,8	0,8	0,0	0,0	6,6	7,1
Муниципальные образования региона	31,7	48,8	0,0	0,0	0,0	0,0	9,8	9,8
Столичные города	25,0	0,0	62,5	0,0	0,0	0,0	4,2	8,3
ЗабГУ (бывш. ЧитГУ, ЧТГУ) (Забайкальский край, г. Чита)								
Город вуза	75,9	0,0	4,6	2,0	2,8	0,7	6,3	7,7
Муниципальные образования региона	37,8	35,2	2,5	0,4	1,8	0,0	11,4	11,0
Столичные города	20,5	0,0	71,8	0,0	0,0	0,0	2,6	5,1
Столицы других регионов	19,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	64,3	16,7
БГУ (бывш. БГПИ, БФ НГУ) (Республика Бурятия, г. Улан-Удэ)								
Город вуза	79,3	0,0	3,8	0,4	0,5	0,0	8,1	7,9
Муниципальные образования региона	42,4	35,4	0,0	0,0	0,0	0,0	12,2	10,0
Столичные города	26,1	0,0	52,2	0,0	0,0	0,0	13,0	8,7
Столицы других регионов	28,7	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	54,5	16,8
АмГУ (Амурская область, г. Благовещенск)								
Город вуза	73,9	0,0	8,3	2,5	0,4	1,5	6,4	7,0
Муниципальные образования региона	41,5	26,2	6,0	0,4	0,0	0,0	18,1	7,7
Столичные города	8,0	0,0	66,0	0,0	0,0	0,0	16,0	10,0
ДГУ (Республика Дагестан, г. Махачкала)								
Город вуза	70,7	0,6	9,9	0,6	0,5	0,0	3,6	14,2
Муниципальные образования региона	30,4	38,3	10,6	0,5	1,1	0,0	8,7	10,3

Показатель	Город вуза	Муниципальные образования	Столичные города	Курортные регионы	Города-миллионники	Зарубежные города	Другое	Нет данных
Столичные города	21,9	1,7	55,6	0,0	0,0	0,0	5,6	15,2
ВятГУ (Кировская область, г. Киров)								
Город вуза	86,3	0,1	4,4	0,5	1,0	0,0	3,8	3,8
Муниципальные образования региона	34,5	48,0	4,3	0,3	0,5	0,0	8,1	4,3
Столичные города	25,4	0,0	64,8	0,0	0,0	0,0	6,6	3,3
Города Республики Коми	14,4	0,0	7,4	0,7	1,0	0,0	72,1	4,4
КамГУ им. Витуса Беринга (Камчатский край, г. Петропавловск-Камчатский)								
Город вуза	70,9	1,0	8,9	3,4	0,0	0,0	0,5	15,2
Муниципальные образования региона	25,0	42,4	6,3	1,4	0,0	0,0	0,7	24,3
Столичные города	25,0	0,0	60,7	0,0	0,0	0,0	0,0	14,3
КБГУ им. Х.М. Бербекова (Республика Кабардино-Балкария, г. Нальчик)								
Город вуза	72,8	0,4	9,0	1,8	0,5	0,0	0,4	15,3
Муниципальные образования региона	28,8	41,3	6,4	0,4	0,8	0,0	0,0	22,3
Столичные города	21,8	3,8	41,0	1,3	0,0	0,0	12,8	19,2
КГУ (Курганская область, г. Курган)								
Город вуза	75,8	0,3	3,9	0,9	3,2	0,6	3,7	11,7
Муниципальные образования региона	22,4	43,9	2,4	0,4	4,9	0,0	4,1	22,0
Столичные города	25,6	0,0	56,4	0,0	2,6	0,0	2,6	12,8
КЧГУ им. У.Д. Алиева (Республика Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск)								
Город вуза	65,8	5,8	5,8	4,2	0,0	0,0	0,0	18,3
Муниципальные образования региона	10,1	61,8	3,4	3,4	0,0	1,1	0,0	20,2
МАГУ (Мурманская область, г. Мурманск)								
Город вуза	74,8	1,2	9,7	1,4	0,0	2,1	0,0	10,9
Муниципальные образования региона	22,0	52,0	8,3	0,2	0,0	0,7	0,0	16,8
Столичные города	12,5	3,6	71,4	0,0	0,0	0,0	0,0	12,5
ПГУ им. Шолом-Алейхема (Еврейская автономная область, г. Биробиджан)								
Город вуза	70,6	0,0	5,6	3,1	0,0	1,3	6,7	12,7
Муниципальные образования региона	37,5	31,3	0,0	0,0	0,0	0,0	6,3	25,0
С(А)ФУ (Архангельская область, г. Архангельск)								
Город вуза	78,5	1,4	7,2	0,8	0,0	1,4	0,1	10,5
Муниципальные образования региона	18,0	54,3	6,7	0,5	0,0	4,2	0,0	16,3
Столичные города	16,2	23,4	37,8	0,0	0,0	1,8	0,9	19,8
СахГУ (Сахалинская область, г. Южно-Сахалинск)								
Город вуза	80,1	0,5	5,2	1,5	0	2,2	0,5	9,9
Муниципальные образования региона	43	39,9	2,5	3,1	0	1,3	0,4	9,8
СВГУ (Магаданская область, г. Магадан)								
Город вуза	65,4	0,0	10,0	2,7	1,1	2,1	0,4	18,2
Муниципальные образования региона	59,6	6,4	4,3	0,0	0,0	0,0	2,1	27,7
Столичные города	12,0	0,0	60,0	4,0	0,0	4,0	0,0	20,0
СГУ им. П. Сорокина (Республика Коми, г. Сыктывкар)								
Город вуза	78,7	0,6	5,6	1,4	0,0	1,3	0,0	12,4
Муниципальные образования региона	35,1	34,5	8,8	1,9	0,0	0,5	0,0	19,2

Практическое применение результатов исследования состоит в том, что современные методы анализа больших данных позволяют определить профиль выпускников и рассчитать его карьерную траекторию после окончания университета. На рис. 3 представлен фрагмент траектории миграции выпускников региональных вузов, занимающих в настоящее время должность инженера (рис. 3).

Возможно также проследить миграции выпускников, занимающих должности учителя, специалиста, преподавателя университета, директора, менеджера, тренера, разработчика-программиста, психолога. Это важно как для вузов и регионов, в которых они находятся, так и для федерального регулятора в лице Министерства науки и высшего образования.

- ☐ Руководитель ☐ Учитель ☐ Специалист ☐ Инженер ☐ Преподаватель ☐ Менеджер ☐ Тренер
☐ Разработчик/программист ☐ Психолог

Выбрана профессия: Инженер. Всего представителей: 446

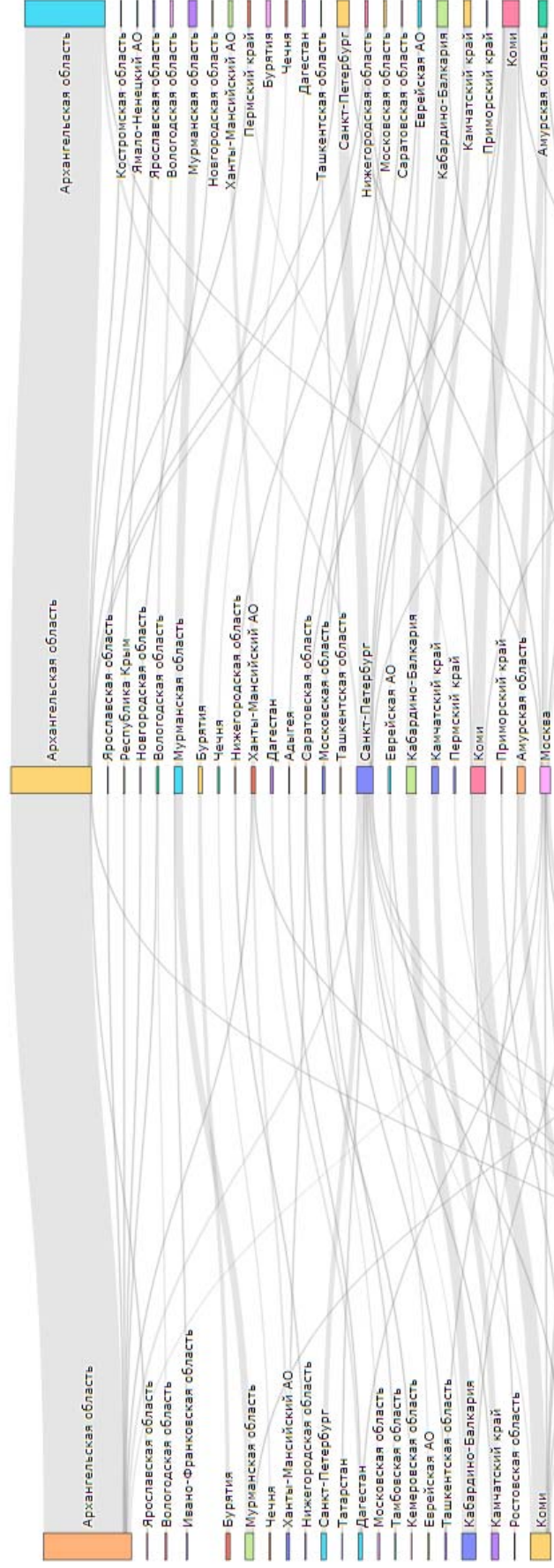

Рис 3. Направления миграций выпускников вузов по направлению подготовки «Инженер» (фрагмент, полный отчет по ссылке <http://ayrodiknov.ruthonanywhere.com/>).

Выводы

Предложенная методика анализа миграций выпускников вузов через изучение их цифровых следов показала целесообразность своего применения. Несмотря на частую неаккуратность заполнения пользователями профилей в социальных сетях, значительные объемы выборки компенсируют недостающие сведения. Преимуществом социальных сетей перед другими источниками данных о миграционных процессах является персонализация, независимость от государственной системы статистического учета и большая вариативность сведений. Официальная статистика ограничивает данные набором выбывших и прибывших, а методы анализа цифровых следов значительно расширяют тематику до социально-демографических, психографических, карьерных и иных характеристик мигрантов.

Анализ цифровых следов выпускников вузов регионов-доноров еще раз подтвердил, что, несмотря на то что в сознании россиян сформирована идея о необходимости, даже где-то «обязательности», получения высшего образования, жители РФ предпочитают получать его в регионах, где экономика способна предоставить достаточное количество рабочих мест для людей, имеющих высокий уровень образования. В большинстве своем вузы не могут стать центрами притяжения в регионах-донорах. Основной контингент студентов в таких вузах сформирован жителями либо города вуза, либо муниципальных образований данного региона. Процент студентов из столичных городов или из соседних регионов, как правило, остается невысоким. При этом послевузовская миграция в таких регионах более многообразная и чаще всего направлена в сторону столичных городов, городов-миллионников, курортных городов РФ и за границу. Большое значение в формировании миграционных

потоков выпускников имеют географическое положение университетских центров относительно основных регионов миграционного притяжения, традиционно сложившиеся межрегиональные связи, структура занятости конкретных территорий, а также способность города, где расположен университет, удерживать население.

Большинство вузов относятся к первому типу миграции и отличаются достаточно высоким коэффициентом оседлости и средним и ниже среднего коэффициентом внутрирегионального возврата, то есть выпускники после окончания университета остаются в городе вуза и значительно реже возвращаются на малую родину. Значительная часть выпускников, считающих Москву или Санкт-Петербург родным городом, после окончания вуза возвращаются в столичные города. Особенно это типично для вузов, расположенных на Кавказе. Вторая группа вузов, меньшая по количеству, при высоких или средних коэффициентах оседлости и внутрирегионального возврата в виду значительной удаленности от столичных городов демонстрирует низкий уровень миграционных перемещений в столицы. Это чаще всего северные и дальневосточные регионы РФ.

Особняком стоят два региона – Магаданская область и Республика Карачаево-Черкессия. Первое место в списке регионов-доноров по оттоку населения занимает Магаданская область. Анализ поведения выпускников подтвердил, что даже если студенты заканчивают высшее учебное заведение в регионе, то они не остаются в городе вуза и не возвращаются в родной город, предпочитая переезд. Главный вуз Карачаево-Черкессии расположен не в столице региона, внутререгиональный возврат в этом регионе выше при низком коэффициенте оседлости и столичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barcus H., Halfacree K. An introduction to population geographies: lives across space. London, 2018. DOI: 10.4324/9780203855843
2. Махрова А.Г., Кириллов П.Л., Бочкарев А.Н. Маятниковые трудовые миграции населения в Московской агломерации: опыт оценок потоков с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. 2016. № 3 (53). С. 71–82.
3. Чудиновских О.С. Большие данные и статистика миграции // Вопросы статистики. 2018. Т. 25, № 2. С. 48–56.
4. Смирнов И.Б., Сивак Е.В., Козьмина Я.Я. В поисках утраченных профилей: достоверность данных «ВКонтакте» и их значение для исследований образования // Вопросы образования. 2016. № 4. С. 106–122.
5. Абылкаликов С.И. Роль миграции в формировании населения регионов России в конце XIX–XXI вв. : дис. ... канд. социол. наук. М., 2018. 233 с.
6. Мкртчян Н.В. Из России в Россию: откуда и куда едут внутренние мигранты // Мир России. Социология. Этнология. 2003. № 2. С. 151–164.
7. Рыбаковский О.Л., Судоплатова В.С. Постоянная миграция населения российских регионов // Народонаселение. 2015. № 3. С. 4–14.
8. Chernyshev K.A. The study of permanent migration of economically depressed regions // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2017. Vol. 10, Is. 4. P. 259–273. DOI: 10.15838/esc/2017.4.52.15
9. Габдрахманов Н.К., Бабкина Т.С. Цифровые следы образовательной миграции // Межвузовская научно-техническая конференция студентов, аспирантов и молодых специалистов им. Е.В. Арменского. 2019. С. 87–88.
10. Замятина Н.Ю. Метод изучения миграций молодежи по данным социальных интернет-сетей: Томский государственный университет как «центр производства и распределения» человеческого капитала (по данным социальной интернет-сети «ВКонтакте») // Региональные исследования. 2012. № 2 (36). С. 15–28.
11. Платформа по сбору и анализу данных социальных сетей. URL: <https://lk.opendata.university/>
12. Миграционный прирост // Единая межведомственная информационно-статистическая система Росстата. URL: <https://fedstat.ru/indicator/46162>
13. Численность постоянного населения на 1 января // Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31557.do>
14. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&year=2019>

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 19 января 2021 г.

A Study of University Graduates' Migration in Regions with High Migration Outflow: A Digital Footprint Analysis

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 144–155.

DOI: 10.17223/15617793/467/18

Ekaterina V. Mitiagina, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: usr07868@vyatsu.ru

Evgeny V. Konyshev, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: konj@bk.ru

Konstantin A. Chernyshev, Institute for Demographic Research, FCTAS RAS (Moscow, Russian Federation). E-mail: kochern@rambler.ru

Eduard R. Saifulin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sayfulin@data.tsu.ru

Keywords: regional migration; migration donor regions; university graduates; digital footprints; data analysis; hierarchical cluster analysis; VKontakte.

According to the hypothesis of our research, large regional universities should be centers attracting the most talented and promising youth. Official statistics provide only a general idea of migration processes. Methods for analyzing digital footprints of social network users provide additional information about graduates and applicants of universities, their socio-demographic characteristics, career trajectories, and geography of migration. The aim of this article is to give a typology of universities in donor regions based on the peculiarities of graduates' migration through digital footprints on the social network VKontakte. The first stage was identification of regions with the highest migration outflow of the population, according to the data of the current registration. Then, using a platform for collecting and analyzing data from social networks, we downloaded the profiles of graduates of the largest university in each region. The key criteria were university affiliation, hometown, and the city of current place of residence. The database contained profiles of 267,318 people who indicated their affiliation with graduates from a particular university in the region, 28.5% indicated both their place of current residence and their hometown. For each university, we have compiled a ranking of places before and after graduate migration, and calculated the coefficients of settling down, intraregional return, and metropolitanity. Using the method of hierarchical cluster analysis, we have made a typology of universities in donor regions and identified the features of the graduates' migration behavior. The first type is characterized by high relative values of all coefficients in comparison with other types. The second type is characterized by rather high values of the settling down coefficient and average values of intraregional return. However, the metropolitanity coefficient of universities in this group is practically zero. This is the key distinguishing feature of this type. The third type is distinguished by an average value of the settling down coefficient, a low intraregional return coefficient, and an average metropolitanity coefficient. The fourth type is characterized by an average value of the settling down coefficient, a high value of the intraregional return coefficient, and a low value of the metropolitanity coefficient. The analysis of digital footprints of university graduates in donor regions has confirmed the fact that though the idea of the need for higher education exists in the minds of Russians, residents of the Russian Federation prefer to receive it in regions with a sufficient number of jobs and a high level of education. Even large regional universities in donor regions are only centers of intraregional migration. Most graduates do not change their place of residence. The leaders of interregional migration are capital cities, million-plus cities, cities with a favorable climate, and foreign countries.

REFERENCES

1. Barcus, H. & Halfacree, K. (2018) *An introduction to population geographies: lives across space*. DOI: 10.4324/9780203855843.
2. Makhrova, A.G., Kirillov, P.L. & Bochkarev, A.N. (2016) Mayatnikovye trudovye migratsii naseleniya v Moskovskoy aglomeratsii: opyt otsenok potokov s ispol'zovaniem dannykh sotovykh operatorov [Pendulum Labor Migrations of the Population in the Moscow Agglomeration: Experience in Estimating Flows Using Data from Cellular Operators]. *Regional'nye issledovaniya*. 3 (53). pp. 71–82.
3. Chudinovskikh, O.S. (2018) Bol'shie dannye i statistika migratsii [Big data and migration statistics]. *Voprosy statistiki*. 25 (2). pp. 48–56.
4. Smirnov, I.B., Sivak, E.V. & Koz'mina, Ya.Ya. (2016) V poiskakh utrachennykh profiley: dostovernost' dannykh "VKontakte" i ikh znachenie dlya issledovaniy obrazovaniya [In Search of Lost Profiles: Reliability of VKontakte Data and Their Importance for Educational Research]. *Voprosy obrazovaniya*. 4. pp. 106–122.
5. Abykalikov, S.I. (2018) *Rol' migratsii v formirovaniye naseleniya regionov Rossii v kontse XIX–XXI vv.* [The role of migration in the formation of the population of the regions of Russia from the end of the 19th till the 21st centuries]. Sociology Cand. Diss. Moscow.
6. Mkrtchyan, N.V. (2003) Iz Rossii v Rossiyu: otkuda i kuda edut vnutrennie migranty [From Russia to Russia: where internal migrants come from and go to]. *Mir Rossii. Sotsiologiya Etnologiya*. 2. pp. 151–164.
7. Rybakovskiy, O.L. & Sudoplatova, V.S. (2015) Postoyannaya migratsiya naseleniya rossiyskikh regionov [Constant migration of the population of Russian regions]. *Narodonaselenie*. 3. pp. 4–14.
8. Chernyshev, K.A. (2017) The study of permanent migration of economically depressed regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 10 (4). pp. 259–273. DOI: 10.15838/esc/2017.4.52.15
9. Gabdrakhmanov, N.K. & Babkina, T.S. (2019) [Digital footprints of educational migration]. *Mezhvuzovskaya nauchno-tehnicheskaya konferentsiya studentov, aspirantov i molodykh spetsialistov im. E.V. Armenskogo* [Interuniversity conference of students, graduate students and young specialists named after E.V. Armensky]. Conference Proceedings. Moscow: HSE. pp. 87–88. (In Russian).
10. Zamyatina, N.Yu. (2012) Metod izucheniya migratsiy molodezhi po dannym sotsial'nykh internet-setey: Tomskiy gosudarstvennyy universitet kak "tsentr proizvodstva i raspredeleniya" chelovecheskogo kapitala (po dannym sotsial'noy internet-seti "VKontakte") [Method of studying youth migration by the data of social Internet networks: Tomsk State University as a "center of production and distribution" of human capital (by the social Internet network VKontakte)]. *Regional'nye issledovaniya*. 2 (36). pp. 15–28.
11. *Platforma po sboru i analizu dannykh sotsial'nykh setey* [Platform for social media data collection and analysis]. [Online] Available from: <https://lk.opendata.university/>
12. Fedstat.ru. (2021) *Migratsionnyy prirost* [Migration growth]. [Online] Available from: <https://fedstat.ru/indicator/46162>
13. Fedstat.ru. (2021) *Chislennost' postoyannogo naseleniya na 1 yanvarya* [The number of resident population as of January 1]. [Online] Available from: <https://fedstat.ru/indicator/31557.do>
14. Monitoring.miccedu.ru. (2019) *Informatsionno-analiticheskie materialy po rezul'tatam provedeniya monitoringa effektivnosti deyatel'nosti obrazovatel'nykh organizatsiy vysshego obrazovaniya* [Informational and analytical materials based on the results of monitoring the effectiveness of the activities of educational institutions of higher education]. [Online] Available from: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&year=2019>

Received: 19 January 2021

М.Г. Мяжков, Т.А. Кубрак, В.В. Латынов, Ю.О. Мундривская

ПАНДЕМИЯ COVID-19 И КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИЕ УБЕЖДЕНИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ, ПОСЛЕДСТВИЯ, ВОЗМОЖНОСТИ КОРРЕКЦИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60301.

Рассматриваются психологические предпосылки, последствия и возможности коррекции конспирологических убеждений, касающихся COVID-19. Определены социально-демографические и индивидуально-психологические факторы, благоприятствующие появлению у человека подобных убеждений. Выявлены эффекты их влияния на различные поведенческие реакции, связанные с пандемией. Рассмотрены стратегии и конкретные приемы, используемые для противодействия конспирологическим теориям COVID-19.

Ключевые слова: конспирологические убеждения; конспирологические теории; COVID-19; пандемия; недостоверная информация; социальное дистанцирование.

Введение

Пандемия коронавируса, оказывая существенное влияние на различные сферы жизни общества, сопровождается и мощным информационным полем. Речь идет, в частности, о так называемой инфодемии, т.е. быстром и неконтролируемом распространении разнообразной, часто необоснованной информации о коронавирусе, вызывающей негативные социальные и психологические последствия. Одним из эффектов инфодемии является внедрение в массовое сознание конспирологических теорий, т.е. концепций, объясняющих причины появления и масштабы пандемии действием определенных групп лиц.

Существуют различные конспирологические теории пандемии COVID-19. Можно выделить две их основные группы. К первой относятся теории, ставящие под сомнение сам факт пандемии или преуменьшающие ее опасность и масштабы («Пандемия коронавируса – это не более чем миф, а ее масштабы намеренно преувеличены»), «Опасность коронавируса сильно преувеличена»). Во вторую группу входят теории, затрагивающие вопросы появления коронавируса и закономерности его распространения: «Коронавирус был создан в США в секретной лаборатории Пентагона», «Коронавирус разработан китайскими учеными», «Работа сетей 5G влияет на иммунитет человека, из-за чего люди становятся уязвимыми к коронавирусной инфекции» и т.п.

Конспирологические теории пандемии довольно широко распространены в мире. Например, проведенный в США опрос показал, что тезис «Опасность коронавируса преувеличена противниками президента Д. Трампа» получил одобрение 29% опрошенных, а «Коронавирус был целенаправленно создан и выпущен на волю определенной группой лиц» – 31% [1]. В России многие люди также разделяют конспирологические убеждения в отношении COVID-19. Так, в ходе опроса, проведенного в феврале 2021 г., большинство респондентов (64%) заявили, что коронавирус – новая форма биологического оружия, которую создали искусственно, и только 23% опрошенных посчитали, что вирус возник естественным путем, без вмешательства человека (еще 13% затруднились с ответом) [2].

Активную роль в распространении информации о конспирологических теориях играют социальные сети [3, 4]. Это неудивительно, поскольку именно социальные сети (в отличие от традиционных СМИ) в настоящее время являются основным источником «альтернативного», а нередко и асоциального контента [5–7].

Наличие у человека касающихся COVID-19 конспирологических убеждений приводит к различным негативным последствиям: отвержению информации о пандемии, поступающей из авторитетных и компетентных источников; отказу от выполнения набора мер, рекомендуемых ВОЗ в качестве защиты от заражения; негативному отношению к вакцинации [1, 8].

Многообразные негативные последствия веры в конспирологические теории стимулируют их активное изучение. К настоящему времени по данной проблематике проведено значительное количество исследований, затрагивающих три основных вопроса: какие факторы провоцируют появление у людей конспирологических убеждений; какое влияние эти убеждения оказывают на поведение, связанное с пандемией коронавируса; каким образом можно осуществлять коррекцию конспирологических убеждений. Мы в данной статье последовательно рассмотрим три указанных вопроса.

Предпосылки формирования конспирологических убеждений в отношении COVID-19

Проведенные в течение 2020–2021 гг. исследования позволили выявить разнообразные социально-демографические и индивидуально-психологические факторы, благоприятствующие появлению у человека конспирологических убеждений, касающихся пандемии.

В ряде работ показано, что у молодых людей сильнее выражена вера в конспирологические теории [8, 9]. Вместе с тем сообщается и о противоположных результатах: большем интересе пожилых к таким теориям [10]. Что касается пола, то и здесь нет полной ясности в отношении его роли в приобщении к конспирологическим теориям: по данным одних исследований в такие теории чаще верят женщины [10, 11], а по данным других – мужчины [12]. Нередки случаи,

когда половых различий вообще обнаружить не удастся [8, 9].

Таким образом, к настоящему времени определенных закономерностей, касающихся взаимосвязи пола и возраста с конспирологическими убеждениями, не обнаружено.

В отношении того, как влияет уровень дохода и образования на веру в конспирологические теории, определенности больше. Установлено, чем ниже доход и уровень образования человека, тем более он склонен разделять подобные теории [8, 10].

Перейдем к рассмотрению индивидуально-психологических характеристик, способствующих формированию у людей конспирологических убеждений, связанных с COVID-19. Наличие подобных убеждений часто сочеталось с переживанием тревоги, неопределенности, чувством беспомощности [13, 14]. Находясь в негативном эмоциональном состоянии, человек оказывается особенно восприимчив к альтернативным объяснениям происходящего.

Вера в конспирологические теории – один из способов, при помощи которого люди пытаются справиться с ситуацией неопределенности, вызванной пандемией. Столкнувшись с такой ситуацией, они стараются сформировать собственное понимание случившегося и отношение к нему. Неслучайно популярность конспирологии возрастает именно в периоды кризисов [15]. Хотя конспирологическая теория и отличается от общепринятой версии событий, однако человеку, в нее верящему, она дает ответы на многие вопросы, позволяет вернуть контроль над ситуацией, создает основу для прогноза будущих событий.

Наряду с текущим психологическим состоянием свой вклад в развитие у человека конспирологических убеждений вносят и его устойчивые индивидуально-психологические характеристики (черты личности, мировоззренческие убеждения, стиль мышления, особенности когнитивной сферы и аттитудов).

Получены данные, свидетельствующие о влиянии личностных черт на активность приобщения к конспирологическим теориям. Интересно, что черты «большой пятерки» и «большой шестерки» (модель HEXACO) довольно слабо коррелировали с наличием у человека конспирологических убеждений в отношении COVID-19 [16]. Значимые корреляции подобных убеждений отмечались только с экстраверсией (чем ее значения были выше, тем сильнее была вера в конспирологические теории) и такой чертой из модели HEXACO, как честность (при ее высоких значениях люди реже имели конспирологические убеждения) [16].

Существенно больше значимых взаимосвязей было обнаружено между конспирологическими убеждениями и чертами так называемой «темной» тетрады (макиавелизмом, психопатией, нарциссизмом, садизмом) [17]. Особенно сильным на приобщение к конспирологическим теориям было влияние такой черты, как психопатия. Вере в конспирологические теории способствовало и наличие у человека импульсивности и низкого уровня межличностного доверия [11, 18].

Помимо личностных особенностей, люди с конспирологическими убеждениями о пандемии облада-

ют и специфическими характеристиками когнитивной сферы психики [8, 11, 14]. Вере в конспирологические теории пандемии благоприятствует, в частности, наличие у человека так называемых эпистемологически сомнительных убеждений (*epistemically suspect beliefs*), т.е. таких представлений о мире, которые идут «вразрез» с данными современной науки [19]. Принято выделять три вида подобных убеждений: паранормальные, конспирологические, псевдонаучные [19]. Установлено, что люди, придерживающиеся конспирологических убеждений в отношении коронавируса, как правило, склонны верить и другим, тематически не связанным с пандемией, конспирологическим теориям [8]. Кроме того, они разделяют разного рода псевдонаучные убеждения и допускают существование паранормальных явлений [14].

Эти результаты свидетельствуют о существовании мировоззренческих оснований повышенной восприимчивости к конспирологическим теориям COVID-19. Люди, поверившие в эти теории, как правило, ранее уже имели и другие неподтвержденные наукой представления об окружающей действительности. Возможно, именно из-за наличия у них несколько иррациональной картины мира конспирологические теории пандемии достаточно легко ими принимались и рассматривались в качестве достоверных.

Вера в конспирологические теории сочетается с ориентацией на консервативные ценности (моральные основания лояльности к своей группе и уважения к авторитетам), низким институциональным доверием и социальным цинизмом, т.е. с убеждением в несправедливом устройстве общества [20].

Кроме мировоззренческих особенностей, люди с конспирологическими убеждениями, касающимися пандемии, обладают и специфическим стилем мышления. Так, они склонны при принятии решений опираться на интуицию, обладают слабо развитыми аналитическими способностями, оценка которых проводилась при помощи Теста когнитивной рефлексии [11, 16].

Для людей с конспирологическими убеждениями в отношении пандемии характерен низкий уровень базовых научных знаний, а также скептическое отношение к науке в целом [21]. Подобное отношение к науке оказалось связано и со склонностью человека распространять в социальных сетях конспирологические теории и другие недостоверные сведения, связанные с пандемией [22]. Кроме того, чем ниже была информированность людей о коронавирусной инфекции, тем чаще они придерживались конспирологических убеждений [21].

Носителям конспирологических убеждений о COVID-19 присущ низкий уровень доверия к институтам власти, международным организациям, органам здравоохранения [8, 9].

За повышенную восприимчивость людей к конспирологическим теориям ответственны не только индивидуальные (содержательные и стилевые) психологические характеристики, но и особенности их социального Я и групповой идентичности. Дело в том, что подобные теории постулируют наличие ответственных за пандемию групп лиц, угрожающих тем

самым существованию верящего в такие теории человека и его близких. Осознание факта наличия враждебной аут-группы приводит к актуализации механизмов межгруппового сравнения и оценивания. Так, было показано, что высокий уровень коллективного нарциссизма (представлений о превосходстве своей группы над другими) у человека благоприятствует принятию им конспирологических теорий [23].

Обнаружены устойчивые взаимосвязи конспирологических убеждений, касающихся COVID-19, с политической идентичностью людей. В США, например, республиканцы существенно чаще имели подобные убеждения [1]. Сторонники республиканской партии не просто придерживались конспирологических убеждений, но и обнаруживали специфическое коммуникативное поведение в социальных сетях по вопросам, связанным с пандемией. Они сообщали о большей готовности распространять конспирологические теории COVID-19, чаще репостили такие сообщения, обнаруживали большее доверие к социальным сетям как источнику информации о пандемии [3, 22].

Исследования, проведенные в других странах, также продемонстрировали роль политической идентичности в приобщении к конспирологическим теориям. Сходные с США закономерности были обнаружены в Турции и Бразилии: сторонники таких теорий, как правило, идентифицировали себя с правым, консервативным крылом политического спектра [11, 24].

Таким образом, можно говорить о многообразии факторов, способствующих принятию человеком конспирологических убеждений в отношении COVID-19. К такого рода факторам относятся уровень образования, материальное положение, текущее психологическое состояние человека, его стабильные индивидуально-психологические характеристики (черты личности, мировоззренческие убеждения, стиль мышления, особенности когнитивной сферы и аттитюдов), особенности социальной идентичности.

Поведенческие эффекты конспирологических убеждений в отношении COVID-19

Конспирологические убеждения, касающиеся COVID-19, оказывают влияние на различные поведенческие реакции, связанные с пандемией: выполнение правил гигиены и норм социального дистанцирования, покупательское поведение, следование псевдонаучным практикам профилактики и лечения коронавирусной инфекции [8, 10, 25].

Яркий пример негативного влияния конспирологических теорий на поведение людей представлен в статье Н. Айзенмана с соавт. [26]. Ее авторы постарались выяснить, как воздействовали на соблюдение людьми норм социального дистанцирования публичные выступления бразильского президента Жаира Болсонару, в которых он принижал риски заражения коронавирусом и советовал избегать изоляции. Для анализа использовалась база данных бразильской компании In Loco, позволяющая получать сведения анонимного характера о местоположении (с точностью до 3 м) 60 млн мобильных устройств. Было обнаружено, что после подобных «ковид-диссидент-

ских» выступлений бразильского президента в тех регионах, где он пользовался поддержкой населения, ощутимо ухудшалось выполнение мер социального дистанцирования (увеличивалось количество людей, отдалявшихся в течение суток от своего дома на расстояние более 450 м).

Предваряя обзор поведенческих эффектов конспирологических убеждений, касающихся пандемии, отметим, что в одних работах использовался общий индекс следования защищающим от COVID-19 рекомендациям, включающий все наиболее часто предлагаемые их варианты, а в других выполнение правил гигиены (мытье рук, использование антисептиков и т.п.) и следование нормам социального дистанцирования рассматривались в качестве двух независимых переменных. Мы акцентируем на этом внимание в силу того, что результаты этих двух групп исследований имеют определенные различия.

В большинстве работ, использующих общий индекс следования «антиковидным» рекомендациям, обнаружено негативное влияние конспирологических убеждений на выполнение ограничивающих распространение коронавируса предписаний [8, 27, 28]. Вместе с тем есть и отдельные примеры, в которых указанная зависимость обнаружена не была [11].

Исследования, в которых влияние касающихся COVID-19 конспирологических убеждений на следование нормам дистанцирования и выполнение правил гигиены анализировалось отдельно, дали интересные, в чем-то неожиданные результаты. Оказалось, что вера в конспирологические теории пандемии препятствовала принятию норм дистанцирования (но не выполнению правил гигиены) [13, 29]. Вместе с тем есть данные о негативном влиянии конспирологических убеждений как на следование нормам социального дистанцирования, так и на выполнение правил гигиены [8].

Обнаружена специфичность влияния различных видов конспирологических убеждений на отношение к профилактическим рекомендациям. По сравнению с теориями искусственного происхождения коронавируса вера в теории, отрицающие существование пандемии и принижающие ее масштабы («Пандемия – это миф»), имела гораздо более сильное негативное влияние на их выполнение [30].

Как мы видим, различные виды убеждений по-разному влияют на соблюдение людьми профилактических рекомендаций. Это указывает на то, что конспирологические убеждения следует рассматривать не как одно целое, а дифференцированно. О специфичности психологического воздействия конспирологических убеждений свидетельствуют и результаты проведенного в Польше исследования [31]. Было установлено, что негативное отношение к китайцам и итальянцам, а также поддержка политики ксенофобии были существенно выше у тех респондентов, которые придерживались определенных конспирологических теорий («пандемия коронавируса специально организована в интересах определенной группы лиц»).

Следует отметить, что нередко негативное влияние конспирологических убеждений на следование «антиковидным» рекомендациям опосредовано про-

межуточными переменными, такими, например, как субъективная оценка опасности COVID-19, доверие к науке, чувство беспомощности [13, 32, 33].

Помимо профилактических рекомендаций, касающиеся COVID-19 конспирологические убеждения влияли и на покупательское поведение: чем более человек был склонен разделять такие убеждения, тем активнее он покупал различные товары (продукты, бензин и др.) [10, 30]. Как и в случае выполнения «антиковидных» рекомендаций, обнаружена специфика влияния различных конспирологических теорий: вера в то, что пандемия – это миф, не способствовала активным закупкам товаров впрок [30].

Вера в конспирологические теории COVID-19 провоцировала использование неэффективных псевдонаучных способов лечения [21, 25]. Выраженное негативное влияние касающихся COVID-19 конспирологических убеждений отмечается в отношении вакцинации [8, 25]. Если вспомнить, какими психологическими особенностями обладают люди с конспирологическими убеждениями, то полученные результаты не выглядят неожиданными. Ведь вакцина – это продукт науки, а к ее возможностям многие конспирологи относятся скептически; понимание механизмов ее действия требует аналитических навыков и научных знаний, которые у них не всегда присутствуют; вакцинация активно пропагандируется органами власти и здравоохранения, которым конспирологи, как правило, не доверяют.

Коррекция связанных с пандемией конспирологических убеждений

Представленные выше данные определенно свидетельствуют о том, что наличие у людей конспирологических убеждений в отношении COVID-19 провоцирует дезадаптивные реакции и затрудняет борьбу с пандемией. Подобное положение вещей делает актуальной проблему коррекции подобных убеждений.

Противодействие конспирологическим теориям (и более широко: недостоверной информации по проблеме пандемии в целом) может осуществляться различными способами. Можно выделить две основные стратегии: превентивную (реализуемую еще до появления недостоверной информации), реактивную (осуществляемую уже после появления такой информации в СМИ и социальных сетях).

Существуют различные варианты реализации превентивной стратегии. Прежде всего можно попытаться ограничить распространение информации о конспирологических теориях COVID-19 в традиционных СМИ и социальных сетях. Тем самым подобная информация не допускается до сознания людей, а значит, не происходит формирования у них конспирологических убеждений. Подобные меры противодействия (удаление заведомо ложных сообщений, сопровождение сообщений с неподтвержденной информацией меткой «непроверенные данные» и др.) довольно активно использовались в социальных сетях. Вместе с тем нельзя сказать, что эти меры были особенно эффективны: подавляющее большинство людей доволь-

но хорошо информировано об основных конспирологических теориях пандемии [2].

Еще один вариант – предупреждение людей о том, что недостоверная информация (в частности, о конспирологических теориях пандемии) может появиться, и им следует внимательно оценивать поступающие сведения с точки зрения их соответствия реальности. Эффективность такого приема изучалась в психологических исследованиях, и были получены обнадеживающие результаты [34]. Применительно к ситуации с пандемией COVID-19 также была продемонстрирована полезность его применения [4]. Респондентов просили оценить, является ли истинным некоторое сообщение, а затем выясняли, готовы ли они поделиться им с другими пользователями в социальных сетях. В контрольной же группе такого предварительного «настроя на истинность» не проводилось. Оказалось, что подобный наводящий вопрос ощутимо повышал точность различения достоверной и недостоверной информации, а также снижал вероятность распространения фейковых сообщений.

Кроме предупреждения о возможном появлении недостоверной информации можно постараться превентивно ее опровергнуть, т.е. сообщить некоторые аргументы в поддержку альтернативной, научно обоснованной точки зрения. При всех плюсах подобного подхода существует опасность информирования о конспирологических теориях тех лиц, которые о них еще не знали.

Интересный способ борьбы с недостоверной информацией был предложен С. Ван дер Линденом с соавт. [35]. Эти ученые разработали специальную компьютерную игру, участники которой выступали в роли авторов фейковых новостей. В процессе игры они осваивали наиболее часто используемые в социальных сетях приемы продвижения недостоверной информации. Предполагается, что человек, ознакомившись в процессе игры с подобными приемами, научится их хорошо распознавать и в реальной жизни, что повысит его устойчивость к воздействию недостоверной информации.

В отличие от превентивной, реактивная стратегия противодействия нацелена на изменение уже сформированных у человека конспирологических убеждений. Это весьма непростая задача, поскольку, как свидетельствуют исследования, они оказываются довольно плотно «встроены» в систему убеждений личности. Дело в том, что процесс восприятия новой (пусть даже и недостоверной) информации осуществляется не механически, путем заполнения некоторой ячейки памяти, а посредством более сложных механизмов, предусматривающих ее интеграцию и согласование с уже имеющимися у человека представлениями об окружающей действительности.

Несмотря на наличие психологических механизмов, препятствующих изменению сложившейся у человека системы убеждений, задача ее коррекции не выглядит неразрешимой. Современная наука накопила значительный массив данных, касающихся закономерностей эффективного психологического воздействия в подобных ситуациях. Речь, в частности, идет об исследованиях, касающихся проблемы опроверже-

ния недостоверной (фейковой) информации. Показано, что можно успешно корректировать уже имеющиеся у человека ложные (в том числе и конспирологические) убеждения [36, 37].

Значимым в данном отношении является вид тактики, используемой для коррекции основанных на недостоверной информации убеждений [37]. Наиболее эффективными тактиками опровержения являлись взаимосвязанность (объяснение того, почему появился конкретный фейк и кому это выгодно), факт-чекинг (ссылка на специальные сайты, содержащие оценки достоверности различных фактов, появляющихся в СМИ и социальных сетях) и апелляция к компетентности (указание на то, что пользующиеся доверием лица или организации считают фейковое сообщение ложным) [37]. Менее эффективными оказываются такие тактики, как консенсус (указание на единодушные специалисты по вопросу, истинность которого ставит под сомнение содержащее недостоверную информацию сообщение) и предупреждение (рекомендация с осторожностью воспринимать информацию, получаемую в социальных сетях).

Изменение убеждений, основанных на недостоверной информации, будет более успешным, если опровержение исходит из того же источника, из которого человек получил эту информацию [38]. Кроме того, имеет значение уровень доверия к источнику ложных сведений. Если этот уровень высок, то такую информацию опровергнуть довольно сложно. Структура «опровергающего» сообщения играет важную роль в успешности опровержения [39]. Оно должно включать не только указание на ложность некоторой информации, но и аргументы в поддержку истинной точки зрения.

Частоту повторения неточной информации и время, прошедшее между ее появлением и опровержением, также следует учитывать при коррекции не соответствующих реальности представлений. Чем дольше это время и чем чаще повторялась недостоверная информация, тем слабее оказывается эффект опровержения [40].

Важную роль в опровержении недостоверной информации играет направленность познавательной активности человека – получателя «опровергающего» сообщения [36]. Наибольшая эффективность опровержения обнаруживается в тех случаях, когда с помощью специальных приемов (например, наводящих вопросов) удастся побудить человека «хорошенько подумать» над предоставленными ему доказательствами того, что некоторое представление является ложным.

Отметим, что успешная борьба с конспирологическими теориями должна включать широкий круг мероприятий, реализуемых совместными усилиями ученых, общественности и государственных структур. Использование рассмотренных выше приемов и стратегий позволит сделать ее более успешной.

Заключение

Пандемия коронавируса сопровождается активным внедрением в массовое сознание конспирологических теорий, т.е. концепций, объясняющих причи-

ны появления и масштабы пандемии действием определенных групп лиц.

Принятию человеком конспирологических убеждений, касающихся COVID-19, способствуют разнообразные социально-демографические и психологические факторы: пол, возраст, уровень образования, материальное положение, текущее психологическое состояние человека, его стабильные индивидуально-психологические характеристики (черты личности, мировоззренческие убеждения, стиль мышления, особенности когнитивной сферы и аттитудов), особенности социальной идентичности.

Конспирологические убеждения в отношении COVID-19 оказывают влияние на различные поведенческие реакции, связанные с пандемией: выполнение правил гигиены и норм социального дистанцирования, покупательское поведение, следование псевдонаучным практикам профилактики и лечения коронавирусной инфекции.

Обнаружена специфичность влияния различных видов конспирологических убеждений на поведение людей, касающееся пандемии. Одни виды конспирологических убеждений сильнее препятствуют выполнению профилактических рекомендаций, чем другие. Это указывает на то, что конспирологические убеждения следует рассматривать не как одно целое, а дифференцированно. Влияние конспирологических убеждений на следование «антиковидным» рекомендациям опосредовано различными промежуточными переменными (субъективной оценкой опасности COVID-19, доверием к науке, чувством беспомощности).

Можно говорить о двух основных стратегиях противодействия конспирологическим теориям: превентивной, реализуемой до появления конспирологической информации, и реактивной, осуществляемой уже после появления в СМИ и социальных сетях сведений о таких теориях. Реализация превентивной стратегии может проводиться посредством ограничения распространения информации о конспирологических теориях COVID-19, превентивного опровержения таких теорий, формирования у людей навыков обнаружения недостоверной информации.

В качестве значимых факторов эффективности реактивной стратегии противодействия следует упомянуть тип тактики опровержения конспирологической теории, характеристики источника недостоверной информации о теории, структуру опровергающего сообщения, частоту повторения недостоверной информации и время, прошедшее между ее появлением и опровержением, степень и направленность познавательной активности получателя, его взгляды и убеждения.

Несмотря на наличие психологических механизмов, препятствующих изменению сложившейся у человека системы конспирологических убеждений, касающихся COVID-19, задача их коррекции не выглядит неразрешимой. Современная наука накопила значительный массив данных, касающихся закономерностей эффективного психологического воздействия, что внушает определенный оптимизм в отношении успеха борьбы с конспирологическими теориями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Uscinski J.E., Enders A.M., Klostad C., Seelig M., Funchion J., Everett C., Wuchty S., Premaratne K., Murthi M. Why do people believe COVID-19 conspiracy theories? // *Harvard Kennedy School Misinformation Review*. 2020. № 1 (3). URL: <https://misinforeview.hks.harvard.edu/article/why-do-people-believe-covid-19-conspiracy-theories/> (дата обращения: 01.04.2021).
2. Коронавирус: вакцина и происхождение вируса. М., 2021. URL: <https://www.levada.ru/2021/03/01/koronavirus-vaksina-i-proisshozhdenie-virusa/> (дата обращения: 01.04.2021).
3. Jiang J., Chen E., Yan S., Lerman K., Ferrara E. Political polarization drives online conversations about COVID-19 in the United States // *Human Behavior and Emerging Technologies*. 2020. Vol. 2, № 3. P. 200–211. DOI: 10.1002/hbe2.202
4. Pennycook G., McPhetres J., Zhang Y., Lu J.G., Rand D.G. Fighting COVID-19 misinformation on social media : Experimental evidence for a scalable accuracy-nudge intervention // *Psychological science*. 2020. Vol. 31, № 7. P. 770–780. DOI: 10.1177/0956797620939054
5. Мацута В.В., Мундриевская Ю.О., Сербина Г.Н., Мищенко Е.С. Анализ текстового контента девиантных онлайн-сообществ (на примере сообществ скул-шутинга) // *Гуманитарный научный вестник*. 2020. № 3. С. 90–101. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/Matsuta.pdf> (дата обращения: 01.04.2021).
6. Myagkov M., Kashpour V.V., Baryshev A.A., Goiko V.L., Shchekotin E.V. Distinguishing features of the activity of extreme right groups under conditions of state counteraction to online extremism in Russia // *Region : Regional studies of Russia, Eastern Europe and Central Asia*. 2019. Vol. 8, № 1. P. 41–74. DOI: 10.1353/reg.2019.0002
7. Myagkov M., Shchekotin E.V., Chudinov S.I., Goiko V.L. A comparative analysis of right-wing radical and Islamist communities' strategies for survival in social networks (evidence from the Russian social network VKontakte) // *Media, War & Conflict*. 2019. Vol. 13, № 4. P. 425–447. DOI: 1177/1750635219846028
8. Freeman D., Waite E., Rosebrock L., Petit A., Causier C., East A., Jenner L., Teale A.-L., Carr L., Mulhall S. Coronavirus conspiracy beliefs, mistrust, and compliance with government guidelines in England // *Psychological Medicine*. 2020. Vol. 50. P. 1–30. DOI: 10.1017/S0033291720001890
9. Earnshaw V.A., Eaton L.A., Kalichman S.C., Brousseau N.M., Hill E.C., Fox A.B. COVID-19 conspiracy beliefs, health behaviors, and policy support // *Translational Behavioral Medicine*. 2020. Vol. 10, № 4. P. 850–856. DOI: 10.1093/tbm/ibaa090
10. van Mulukom V. The Role of Trust and Information in Adherence to Protective Behaviors and Conspiracy Belief during the COVID-19 Pandemic // *PsyArXiv Preprints*. 2020. URL: <https://psyarxiv.com/chy4b/> (дата обращения: 01.04.2021).
11. Alper S., Bayrak F., Yilmaz O. Psychological Correlates of COVID-19 Conspiracy Beliefs and Preventive Measures: Evidence from Turkey // *Current Psychology*. 2020. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12144-020-00903-0> (дата обращения: 01.04.2021).
12. Casese E.C., Farhart C.E., Miller J.M. Gender differences in COVID-19 conspiracy theory beliefs // *Politics & Gender*. 2020. Vol. 16, № 4. P. 1009–1018. DOI: 10.1017/s1743923x20000409
13. Biddlestone M., Green R., Douglas K. Cultural orientation, power, belief in conspiracy theories, and intentions to reduce the spread of COVID-19 // *British Journal of Social Psychology*. 2020. Vol. 59, № 3. P. 663–673. DOI: 10.1111/bjso.12397
14. Srol J., Mikuskova E.B., Cavojoja V. When we are worried, what are we thinking? Anxiety, lack of control, and conspiracy beliefs amidst the COVID-19 pandemic // *PsyArXiv Preprints*. 2020. DOI: 10.31234/osf.io/9e6p
15. van Prooijen J.-W., Douglas K.M. Conspiracy theories as part of history : The role of societal crisis situations // *Memory studies*. 2017. Vol. 10, № 3. P. 323–333.
16. Lazarevic L., Puric D., Teovanovic P., Knezevic G., Lukic P., Zupan Z. What drives us to be (ir)responsible for our health during the COVID-19 pandemic? The role of personality, thinking styles and conspiracy mentality // *PsyArXiv Preprints*. 2020. DOI: 10.31234/osf.io/cgeuv
17. Kay C.S. Predicting COVID-19 conspiracist ideation from the Dark Tetrad traits // *PsyArXiv Preprints*. 2020. DOI: 10.31234/osf.io/j3m2y
18. Jovančević A., Milicevic N. Optimism-pessimism, conspiracy theories and general trust as factors contributing to COVID-19 related behavior – A cross-cultural study // *Personality and Individual Differences*. 2020. Vol. 167. Art. 110216. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110216
19. Lobato E., Mendoza J., Sims V., Chin M. Examining the relationship between conspiracy theories, paranormal beliefs, and pseudoscience acceptance among a university population // *Applied Cognitive Psychology*. 2014. Vol. 28, № 5. P. 617–625. DOI: 10.1002/acp.3042
20. Нестик Т.А., Дейнека О.С., Максименко А.А. Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации // *Социальная психология и общество*. 2020. Т. 11, № 4. С. 87–104. DOI: 10.17759/sps.20201100407
21. Cavojoja V., Srol J., Ballova Mikuskova E. How scientific reasoning correlates with health-related beliefs and behaviors during the COVID-19 pandemic? // *Journal of Health Psychology*. 2020. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1359105320962266> (дата обращения: 01.04.2021).
22. Lobato E., Powell M., Padilla L., Holbrook C. Factors Predicting Willingness to Share COVID-19 Misinformation // *Frontiers in psychology*. 2020. Vol. 11. Art. 566108. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.566108
23. Sternisko A., Cichocka A., Cislak A., Van Bavel J.J. Collective narcissism predicts the belief and dissemination of conspiracy theories during the COVID-19 pandemic // *PsyArXiv Preprints*. 2020. DOI: 10.31234/osf.io/4c6av
24. Farias J.E.M., Pilati R. COVID-19 as an undesirable Political Issue: Conspiracy Beliefs and Political Partisanship Predict Adhesion to Sanitary Measures // *PsyArXiv Preprints*. 2020. DOI: 10.31234/osf.io/97gn4
25. Teovanovic P., Lukic P., Zupan Z., Lazic A., Ninkovic M., Zezelj I. Irrational beliefs differentially predict adherence to guidelines and pseudoscientific practices during the COVID-19 pandemic // *Applied Cognitive Psychology*. 2021. Vol. 35. P. 486–496. DOI: 10.1002/acp.3770
26. Ajzenman N., Cavalcanti T., Da Mata D. More than words : Leaders' speech and risky behavior during a pandemic // *IZA Discussion Paper*. 2020. No. 14229. URL: http://iepcdg.com.br/wp-content/uploads/2020/04/ACDM_4_2020-1.pdf (дата обращения: 01.04.2021).
27. Bierwaczonk K., Kunst J.R., Pich O. Belief in COVID-19 Conspiracy Theories Reduces Social Distancing over Time // *Applied Psychology: Health and Well-Being*. 2020. Vol. 12, № 4. P. 1270–1285. DOI: 10.1111/aphw.12223
28. Swami V., Barron D. Analytic thinking, rejection of coronavirus (COVID-19) conspiracy theories, and compliance with mandated social-distancing : Direct and indirect relationships in a nationally representative sample of adults in the United Kingdom // *OSF Preprints*. 2020. DOI: 10.31219/osf.io/nmx9w
29. Pummerer L., Böhm R., Lilleholt L., Winter K., Zettler I., Sassenberg K. Conspiracy theories and their societal effects during the COVID-19 pandemic // *PsyArXiv Preprints*. 2020. DOI: 10.31234/osf.io/y5grn
30. Imhoff R., Lamberty P. A Bioweapon or a Hoax? The Link Between Distinct Conspiracy Beliefs About the Coronavirus Disease (COVID-19) Outbreak and Pandemic Behavior // *Social Psychological and Personality Science*. 2020. Vol. 11, № 8. P. 1110–1118. DOI: 10.1177/1948550620934692
31. Oleksy T., Wnuk A., Maison D., Lys A. Content matters. Different predictors and social consequences of general and government-related conspiracy theories on COVID-19 // *Personality and Individual Differences*. 2021. Vol. 168, № 1. Art. 110289. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110289
32. Marinthe G., Brown G., Delouvée S., Jolley D. Looking out for myself: Exploring the relationship between conspiracy mentality, perceived personal risk and COVID-19 prevention measures // *British Journal of Health Psychology*. 2020. Vol. 25. P. 957–980. DOI: 10.1111/bjhp.12449
33. Plohl N., Musil B. Modeling compliance with COVID-19 prevention guidelines: The critical role of trust in science // *Psychology, Health & Medicine*. 2021. Vol. 26, № 1. P. 1–12. DOI: 10.1080/13548506.2020.1772988

34. Lewandowsky S., van der Linden S. Countering Misinformation and Fake News Through Inoculation and Prebunking // *European Review of Social Psychology*. 2021. DOI: 10.1080/10463283.2021.1876983
35. van der Linden S., Roozenbeek J., Compton J. Inoculating Against Fake News About COVID-19 // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. Art. 566790. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.566790
36. Chan M.P.S., Jones C.R., Hall Jamieson K., Albarracín D. Debunking: A meta-analysis of the psychological efficacy of messages countering misinformation // *Psychological Science*. 2017. Vol. 28. P. 1531–1546.
37. Walter N., Murphy S.T. How to unring the bell: A meta-analytic approach to correction of misinformation // *Communication Monographs*. 2018. Vol. 85. P. 423–441.
38. Walter N., Tukachinsky R. A meta-analytic examination of the continued influence of misinformation in the face of correction: How powerful is it, why does it happen, and how to stop it? // *Communication Research*. 2020. Vol. 47, № 2. P. 155–177. DOI: 10.1177/0093650219854600
39. Cappella J.N., Maloney E., Ophir Y., Brennan E. Interventions to correct misinformation about tobacco products // *Tobacco Regulatory Science*. 2015. Vol. 1. P. 186–197.
40. Ecker U.K., Lewandowsky S., Cheung C.S., Maybery M.T. He did it! She did it! No, she did not! Multiple causal explanations and the continued influence of misinformation // *Journal of Memory and Language*. 2015. Vol. 85. P. 101–115.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 19 января 2021 г.

COVID-19 Pandemic and Conspiracy Beliefs: Psychological Antecedents, Consequences, Possibilities for Correction

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 156–163.

DOI: 10.17223/15617793/467/19

Mikhail G. Myagkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: myagkov@skoltech.ru

Tina A. Kubrak, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: kubrak.tina@gmail.com

Vladislav V. Latynov, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation) E-mail: vladlat5@lenta.ru

Yulia O. Mundrievskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: muo@data.tsu.ru

Keywords: conspiracy beliefs; conspiracy theories; COVID-19; pandemic; misinformation; social distancing.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-04-60301.

The coronavirus pandemic is accompanied by the active introduction of conspiracy theories into the mass consciousness, that is, concepts that explain the causes and extent of the pandemic by the action of certain groups of people. The article discusses three main questions: what factors provoke the appearance of conspiracy beliefs in people; how these beliefs affect behavior related to the coronavirus pandemic; how to counter conspiracy theories. A person's acceptance of conspiracy beliefs related to COVID-19 is facilitated by a variety of socio-demographic and psychological factors: gender, age, educational level, financial situation, current psychological state of a person; one's stable individual psychological characteristics (personality traits, worldview beliefs, style of thinking, features of the cognitive sphere and attitudes); features of social identity. Conspiracy beliefs about COVID-19 affect various behavioral responses associated with the pandemic: compliance with hygiene and social distancing norms, purchasing behavior, adherence to pseudoscientific practices for the prevention and treatment of coronavirus infection. The specificity of the influence of various types of conspiracy beliefs on people's behavior associated with the pandemic was found. Some types of conspiracy beliefs are more likely to inhibit the implementation of prevention recommendations than others. This indicates that conspiracy beliefs should not be viewed as a whole, but in a differentiated way. The influence of conspiracy beliefs on following "anti-COVID" recommendations is mediated by intermediate variables such as a subjective assessment of the danger of COVID-19, trust in science, and a sense of helplessness. Two main strategies for countering conspiracy theories have been identified: preventive, implemented before the appearance of conspiracy information, and reactive, carried out after information about such theories appears in the media and social networks. Various options for implementing a preventive strategy are considered: limiting the dissemination of information about COVID-19 conspiracy theories, preventive refutation of such theories, and the formation of skills in people to detect inaccurate information. The factors of the effectiveness of the reactive countermeasure strategy are considered: the type of tactics for refuting the conspiracy theory, characteristics of the source of inaccurate information about the theory, the structure of the refuting message, the frequency of repetition of inaccurate information and the time elapsed between its appearance and refutation, the degree and direction of the recipient's cognitive activity, their views and beliefs.

REFERENCES

1. Uscinski, J.E. et al. (2020) Why do people believe COVID-19 conspiracy theories? *Harvard Kennedy School Misinformation Review*. 1 (3). [Online] Available from: <https://misinforeview.hks.harvard.edu/article/why-do-people-believe-covid-19-conspiracy-theories/> (Accessed: 01.04.2021).
2. Levada.ru. (2021) *Koronavirus: vaksina i proiskhozhdenie virusa* [Coronavirus: the vaccine and the origin of the virus]. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2021/03/01/koronavirus-vaksina-i-proiskhozhdenie-virusa/> (Accessed: 01.04.2021).
3. Jiang, J. et al. (2020) Political polarization drives online conversations about COVID-19 in the United States. *Human Behavior and Emerging Technologies*. 2 (3. pp. 200–211. DOI: 10.1002/hbe2.202
4. Pennycook, G. et al. (2020) Fighting COVID-19 misinformation on social media: Experimental evidence for a scalable accuracy-nudge intervention. *Psychological Science*. 31 (7). pp. 770–780. DOI: 10.1177/0956797620939054
5. Matsuta, V.V. et al. (2020) Analysis of the text content of deviant online communities (on the example of school shooting communities). *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik*. 3. pp. 90–101. [Online] Available from: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/Matsuta.pdf> (Accessed: 01.04.2021). (In Russian).
6. Myagkov, M. et al. (2019) Distinguishing features of the activity of extreme right groups under conditions of state counteraction to online extremism in Russia. *Region: Regional studies of Russia, Eastern Europe and Central Asia*. 8 (1). pp. 41–74. DOI: 10.1353/reg.2019.0002
7. Myagkov, M. et al. (2019) A comparative analysis of right-wing radical and Islamist communities' strategies for survival in social networks (evidence from the Russian social network VKontakte). *Media, War & Conflict*. 13 (4). pp. 425–447. DOI: 1177/1750635219846028
8. Freeman, D. et al. (2020) Coronavirus conspiracy beliefs, mistrust, and compliance with government guidelines in England. *Psychological Medicine*. 50. pp. 1–30. DOI: 10.1017/S0033291720001890

9. Earnshaw, V.A. et al. (2020) COVID-19 conspiracy beliefs, health behaviors, and policy support. *Translational Behavioral Medicine*. 10 (4). pp. 850–856. DOI: 10.1093/tbm/ibaa090
10. van Mulukom, V. (2020) *The Role of Trust and Information in Adherence to Protective Behaviors and Conspiracy Belief during the COVID-19 Pandemic*. PsyArXiv Preprints. [Online] Available from: <https://psyarxiv.com/chy4b/> (Accessed: 01.04.2021).
11. Alper, S., Bayrak, F. & Yilmaz, O. (2020) Psychological Correlates of COVID-19 Conspiracy Beliefs and Preventive Measures: Evidence from Turkey. *Current Psychology*. [Online] Available from: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12144-020-00903-0> (Accessed: 01.04.2021).
12. Cassese, E.C., Farhart, C.E. & Miller, J.M. (2020) Gender differences in COVID-19 conspiracy theory beliefs. *Politics & Gender*. 16 (4). pp. 1009–1018. DOI: 10.1017/s1743923x20000409
13. Biddlestone, M., Green, R. & Douglas, K. (2020) Cultural orientation, power, belief in conspiracy theories, and intentions to reduce the spread of COVID-19. *British Journal of Social Psychology*. 59 (3). pp. 663–673. DOI: 10.1111/bjso.12397
14. Srol, J., Mikuskova, E.B. & Cavojoja, V. (2020) *When we are worried, what are we thinking? Anxiety, lack of control, and conspiracy beliefs amidst the COVID-19 pandemic*. PsyArXiv Preprints. DOI: 10.31234/osf.io/f9e6p
15. van Prooijen, J.-W. & Douglas, K.M. (2017) Conspiracy theories as part of history: The role of societal crisis situations. *Memory Studies*. 10 (3). pp. 323–333.
16. Lazarevic, L. et al. (2020) *What drives us to be (ir)responsible for our health during the COVID-19 pandemic? The role of personality, thinking styles and conspiracy mentality*. PsyArXiv Preprints. DOI: 10.31234/osf.io/cgeuv
17. Kay, C.S. (2020) *Predicting COVID-19 conspiracist ideation from the Dark Tetrad traits*. PsyArXiv Preprints. DOI: 10.31234/osf.io/j3m2y
18. Jovančević, A. & Milisević, N. (2020) Optimism-pessimism, conspiracy theories and general trust as factors contributing to COVID-19 related behavior – A cross-cultural study. *Personality and Individual Differences*. 167. Art. No. 110216. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110216
19. Lobato, E., Mendoza, J., Sims, V. & Chin, M. (2014) Examining the relationship between conspiracy theories, paranormal beliefs, and pseudoscience acceptance among a university population. *Applied Cognitive Psychology*. 28 (5). pp. 617–625. DOI: 10.1002/acp.3042
20. Nestik, T.A., Deyneka, O.S. & Maksimenko, A.A. (2020) Socio-Psychological Predictors of Belief in Conspiracy Theories of the Origin of COVID-19 and Involvement in Social Media. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*. 11 (4). pp. 87–104. (In Russian). DOI: 10.17759/sps.20201100407
21. Cavojoja, V., Srol, J. & Ballova Mikuskova, E. (2020) How scientific reasoning correlates with health-related beliefs and behaviors during the COVID-19 pandemic? *Journal of Health Psychology*. [Online] Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1359105320962266> (Accessed: 01.04.2021).
22. Lobato, E., Powell, M., Padilla, L. & Holbrook, C. (2020) Factors Predicting Willingness to Share COVID-19 Misinformation. *Frontiers in Psychology*. 11. Art. No. 566108. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.566108
23. Sternisko, A., Cichocka, A., Cislak, A. & Van Bavel, J.J. (2020) *Collective narcissism predicts the belief and dissemination of conspiracy theories during the COVID-19 pandemic*. PsyArXiv Preprints. DOI: 10.31234/osf.io/4e6av
24. Farias, J.E.M. & Pilati, R. (2020) *COVID-19 as an undesirable Political Issue: Conspiracy Beliefs and Political Partisanship Predict Adhesion to Sanitary Measures*. PsyArXiv Preprints. DOI: 10.31234/osf.io/97gn4
25. Teovanovic, P. et al. (2021) Irrational beliefs differentially predict adherence to guidelines and pseudoscientific practices during the COVID-19 pandemic. *Applied Cognitive Psychology*. 35. pp. 486–496. DOI: 10.1002/acp.3770
26. Ajzenman, N., Cavalcanti, T. & Da Mata, D. (2020) More than words: Leaders' speech and risky behavior during a pandemic. *IZA Discussion Paper*. No. 14229. [Online] Available from: http://iepecdg.com.br/wp-content/uploads/2020/04/ACDM_4_2020-1.pdf (Accessed: 01.04.2021).
27. Bierwaczon, K., Kunst, J.R. & Pich, O. (2020) Belief in COVID-19 Conspiracy Theories Reduces Social Distancing over Time. *Applied Psychology: Health and Well-Being*. 12 (4). pp. 1270–1285. DOI: 10.1111/aphw.12223
28. Swami, V. & Barron, D. (2020) *Analytic thinking, rejection of coronavirus (COVID-19) conspiracy theories, and compliance with mandated social-distancing: Direct and indirect relationships in a nationally representative sample of adults in the United Kingdom*. OSF Preprints. DOI: 10.31219/osf.io/nmx9w
29. Pummerer, L. et al. (2020) *Conspiracy theories and their societal effects during the COVID-19 pandemic*. PsyArXiv Preprints. DOI: 10.31234/osf.io/y5grn
30. Imhoff, R. & Lamberty, P. (2020) A Bioweapon or a Hoax? The Link Between Distinct Conspiracy Beliefs About the Coronavirus Disease (COVID-19) Outbreak and Pandemic Behavior. *Social Psychological and Personality Science*. 11 (8). pp. 1110–1118. DOI: 10.1177/1948550620934692
31. Oleksy, T., Wnuk, A., Maison, D. & Lys, A. (2021) Content matters. Different predictors and social consequences of general and government-related conspiracy theories on COVID-19. *Personality and Individual Differences*. 168 (1). Art. No. 110289. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110289
32. Marinthe, G., Brown, G., Delouvé, S. & Jolley, D. (2020) Looking out for myself: Exploring the relationship between conspiracy mentality, perceived personal risk and COVID-19 prevention measures. *British Journal of Health Psychology*. 25. pp. 957–980. DOI: 10.1111/bjhp.12449
33. Plohl, N. & Musil, B. (2021) Modeling compliance with COVID-19 prevention guidelines: The critical role of trust in science. *Psychology, Health & Medicine*. 26 (1). pp. 1–12. DOI: 10.1080/13548506.2020.1772988
34. Lewandowsky, S. & van der Linden, S. (2021) Countering Misinformation and Fake News Through Inoculation and Prebunking. *European Review of Social Psychology*. DOI: 10.1080/10463283.2021.1876983
35. van der Linden, S., Roozenbeek, J. & Compton, J. (2020) Inoculating Against Fake News About COVID-19. *Frontiers in Psychology*. 11. Art. No. 566790. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.566790
36. Chan, M.P.S., Jones, C.R., Hall Jamieson, K. & Albarracín, D. (2017) Debunking: A meta-analysis of the psychological efficacy of messages countering misinformation. *Psychological Science*. 28. pp. 1531–1546.
37. Walter, N. & Murphy, S.T. (2018) How to unring the bell: A meta-analytic approach to correction of misinformation. *Communication Monographs*. 85. pp. 423–441.
38. Walter, N. & Tukachinsky, R. (2020) A meta-analytic examination of the continued influence of misinformation in the face of correction: How powerful is it, why does it happen, and how to stop it? *Communication Research*. 47 (2). pp. 155–177. DOI: 10.1177/0093650219854600
39. Cappella, J.N., Maloney, E., Ophir, Y. & Brennan, E. (2015) Interventions to correct misinformation about tobacco products. *Tobacco Regulatory Science*. 1. pp. 186–197.
40. Ecker, U.K., Lewandowsky, S., Cheung, C.S. & Maybery, M.T. (2015) He did it! She did it! No, she did not! Multiple causal explanations and the continued influence of misinformation. *Journal of Memory and Language*. 85. pp. 101–115.

Received: 19 January 2021

Г.Н. Сербина, В.В. Мацута, В.Л. Гойко

АНАЛИЗ СВЯЗИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ» С ПОДПИСКАМИ НА СООБЩЕСТВА С ДЕВИАНТНЫМ КОНТЕНТОМ

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ 19-78-10122 «Разработка алгоритма идентификации факторов риска безопасности пользователей социальных сетей на основе анализа контента и психологических характеристик его потребителей».

Представлены результаты анализа связи психологических характеристик школьников и студентов – пользователей социальной сети «ВКонтакте» с подписками на сообщества с девиантным контентом. Показана связь экстраверсии, доброжелательности, сознательности, открытости опыту, нейротизма, депрессии, тревожности, стресса и агрессивности (с разным уровнем выраженности) с подписками на сообщества с опасным и вредным контентом и временем активности в социальной сети.

Ключевые слова: социальные сети; девиантные онлайн-сообщества; цифровой след; экстраверсия; доброжелательность; нейротизм; депрессия; тревожность; стресс; молодежь.

Введение

В последнее время социальные сети стали не только средством коммуникации, но и инструментом влияния, провоцирующим различные формы девиантного поведения: от социально неодобряемого, отклоняющегося, до агрессивного и делинквентного поведения. Увеличивающийся разрыв между уровнем вовлеченности детей и подростков в социальные сети и пониманием механизмов потребления онлайн-информации и информационного влияния в социальных сетях определяет высокую значимость научных исследований в данном направлении. По данным Росстата, в 2019 г. 99% подростков и молодых людей 15–24 лет являлись активными пользователями интернета, в 2018 г. – 52% детей 3–6 лет, 74% детей 7–11 лет и 92% подростков 12–14 лет [1].

Стремительное проникновение социальных сетей во все сферы жизни делает детей и подростков мишенью для деструктивного влияния в связи с еще не сформировавшимися механизмами адекватной оценки и противостояния негативной информации.

Социальные сети, популяризирующие и романтизирующие дискриминацию, насилие, скулшутинг, суицид, самоповреждающее поведение, каждый день вовлекают сотни последователей из числа подростков и молодых людей.

Только за период с 2012 по 2017 г. Роскомнадзор заблокировал 275 тыс. ресурсов с запрещенной информацией (в том числе 70 тыс. ресурсов за пропаганду наркотиков, более 38 тыс. – за детскую порнографию, 25 тыс. – за суицидальный контент). Причем значительная часть запрещенной информации распространяется с помощью социальных сетей, 60 тыс. страниц или материалов которых было заблокировано Роскомнадзором, более 48 тыс. из них были в самой распространенной среди подростков и молодежи России социальной сети «ВКонтакте» [2].

За 2019 г. Роскомнадзор обработал более 556 тыс. обращений о наличии на страницах сайтов и социальных сетей запрещенной информации. В Единый реестр внесено более 68 тыс. интернет-ресурсов, в том числе

«зеркала» сайтов с информацией экстремистского характера, во внесудебном порядке внесено 285 тыс. страниц сайтов с противоправным контентом, на основании судебных решений – более 134 тыс. интернет-ресурсов, включая примерно 56 тыс. «веб-зеркал» [3].

Однако число трагических случаев, спровоцированных контентом интернет-ресурсов, особенно социальных сетей, среди подростков и молодежи не снижается. Несмотря на существующую политику противодействия и блокирования интернет-ресурсов с запрещенной информацией, количество сообществ и аккаунтов пользователей, распространяющих девиантный контент, постоянно растет.

В связи с этим исследования психологической безопасности детей и подростков – пользователей социальных сетей, как и разработка методов защиты от деструктивного информационного воздействия в социальных сетях, становятся крайне востребованными.

В статье представлены результаты анализа связи психологических характеристик школьников и студентов – пользователей социальной сети «ВКонтакте» с подписками на сообщества с девиантным контентом, проведенного с использованием алгоритмов машинного обучения и интеллектуального анализа данных цифрового следа.

Анализ литературы

Современные исследования последствий развития социальных сетей сосредоточены, в основном, вокруг проблем восприятия и использования информационно-коммуникационных технологий детьми и подростками, цифровой компетентности пользователей, детского и родительского опыта столкновения с интернет-угрозами и безопасного использования интернета и новых онлайн-технологий.

Отдельным вопросом является изучение социальных сетей. Социальные сети рассматриваются с точки зрения механизмов управления и информационного воздействия [4–6]. Разрабатываются модели коллективного поведения в социальных сетях, отдельные методы и подходы для работы с данными социальных

сетей [7–10]. Показано, что поведение пользователей в социальных сетях отличается от их поведения в реальной жизни [11–15].

Проводятся исследования связи между практиками, связанными с компьютерными играми, социальными сетями, СМИ и подростковой агрессией. Так, жестокий медиаконтент снижает чувствительность пользователей к насилию в реальной жизни и насилию со стороны СМИ, что, в свою очередь, делает агрессивное поведение более вероятным, поскольку у пользователей контента вырабатываются устойчивые знания, агрессивные эмоции и агрессивно-легитимирующие взгляды с течением времени [16]. Интернет является новым транслятором жестокого медиаконтента, таким как жестокие видеоклипы и видеоигры [17].

Исследование кибербуллинга с использованием методологии «большой пятерки» черт личности показало, что экстраверсия и нейротизм положительно коррелируют с ним [18], доброжелательность и добросовестность отрицательно связаны с киберзапугиваниями [19]. Сравнение кибербуллеров и традиционных девиантов обнаружило низкие показатели нейротизма у кибербуллеров [20]. «Темная триада» черт личности – макиавеллизм, нарциссизм и психопатия – положительно связаны с поведением кибербуллеров, причем психопатия является самым сильным предиктором [21, 22].

Исследования демонстрируют некоторое противоречие относительно того, может ли использование социальных сетей усугублять или облегчать депрессию и беспокойство. Взаимодействие через Facebook, Twitter, Reddit, Instagram, Snapchat и Tumblr может предоставить возможность человеку поддерживать социальные отношения, и, как следствие, расширять социальный капитал и, далее, облегчать депрессию и беспокойство [23, 24].

Использование социальных медиа может способствовать установлению связей между людьми с потенциально стигматизирующими состояниями здоровья, включая депрессию и тревогу [25]. Так, в исследованиях приводятся доказательства, что эмоциональные состояния могут передаваться среди участников социальных сетей посредством наблюдения за положительным или отрицательным опытом других [26]. Имеются исследования сообществ, посвященных самоповреждению, в которых участники поощряют негативное или вредное поведение [27, 28].

В целом можно отметить, что проблема определения угроз, исходящих из социальных сетей, методологии и конкретных алгоритмов анализа девиантного контента, а также механизмов его влияния на детей и подростков остается малоизученной, как и характеристики пользователей социальных сетей, которые могут быть фактором их уязвимости перед девиантным контентом.

Методология

Для анализа связи психологических характеристик пользователей социальной сети «ВКонтакте» с подписками на сообщества с девиантным контентом бы-

ло проведено исследование, реализованное в рамках трех направлений:

1. Психодиагностика респондентов с использованием специально разработанной онлайн-платформы. Для диагностики психологических характеристик применялись «Короткий портретный опросник Большой пятерки» (экстраверсия, доброжелательность, сознательность, нейротизм, открытость опыту), «Шкала депрессии, тревоги и стресса», «Опросник диагностики склонности к агрессии» А. Басса и М. Перри, «Опросник интернет-зависимости» К. Янг, «Шкала самоповреждающего поведения» Н.А. Польской.

Для обработки данных использовались методы описательной статистики (баллы переведены в классы относительно норм методик и классы относительно выборки – разделение по 25 и 75 перцентилем). Далее прошедшие психодиагностику были идентифицированы в социальной сети «ВКонтакте» для последующего сбора цифрового следа.

2. Исследование цифрового следа респондентов с использованием инструментов и алгоритмов анализа больших данных социальной сети «ВКонтакте». Был применен алгоритм на Python3 для автоматического сбора данных, работающий на основе API социальной сети «ВКонтакте». Для анализа выгружены цифровые следы пользователей, включающие: профиль (имя, фамилия, дата рождения, пол, город, образование и т.д.), контент со «стены» и подписки, информация о времени, которое пользователи проводят онлайн.

3. Исследование особенностей контента девиантных сообществ социальной сети «ВКонтакте».

Для исследования контента применялся метод обработки естественного языка Natural Language Toolkit. Был осуществлен поиск по лингвистическим маркерам, в качестве которых выступают ключевые слова, словосочетания, аббревиатуры и численные символы, характерные для тематик контента девиантных сообществ. Поиск по лингвистическим маркерам был осуществлен с помощью системы мониторинга социальных медиа «Крибрум». В качестве основы для классификации контента выбраны критерии «изменения форм отношения» к собственной личности (депрессия, самоповреждение, наркотики, суицид, эстетика смерти, сексуальные перверсии) и к обществу (национализм, ненависть, жестокость, скулшутинг, убийства).

Выборку исследования составили школьники (4 352), студенты вузов (1 956) и техникумов (193). Исследование было одобрено этическим комитетом ТГУ. Участие было добровольным и только на основе информированного согласия. Изучение цифрового следа проводилось на основе открытых пользовательских данных социальной сети «ВКонтакте». Идентификаторы пользователей в социальной сети были обезличены в целях сохранения конфиденциальности персональных данных.

Результаты

На выборке студентов в цифровом следе 38% респондентов обнаружены подписки на сообщества с девиантным контентом (8 384 подписок на уникаль-

ные сообщества). Максимальная доля таких сообществ в подписках одного респондента – 29,6% (37 сообществ), минимальная – 0,1% (1 сообщество).

Потребление студентами информации в сообществах с девиантным контентом: 49,6% – пошлость; 30% – депрессия; 16,5% – ненависть; 14% – национализм; 13% – жестокость; 11% – алкоголь, наркотики, курение; 10,2% – оружие; 8,3% – эстетика зла; 7,3% – самоповреждающее поведение; 6,5% – эстетика смерти; 3,4% – суицид; 2,2% – криминальная субкультура.

Потребление контента категории «пошлость» (сюда относится в том числе информация о сексуальных перверсиях, эротический и порнографический контент) может быть связано с возрастными особенностями, определяющими особое внимание к данной информации.

Можно сказать, что в структуре информационного потребления студентов преобладают депрессивный, а также различные формы агрессивного контента. Причем это сохраняется и для группы студентов с выраженными признаками психологического неблагополучия – высоким уровнем депрессии, тревоги и стресса. Для студентов с высоким уровнем интернет-зависимости характерны подписки на наибольшее количество сообществ с пошлым, депрессивным и жестоким контентом.

Для изучения связи психологических характеристик пользователей с девиантным контентом был применен точный тест Фишера ($p \leq 0,05$). Анализ обнаруженной связи психологических характеристик пользователей и информационного потребления пока-

зывает, что для студентов с выраженными признаками психологического неблагополучия особенно значимым является потребление депрессивного, жестокого контента, контента, пропагандирующего насилие, а также употребление алкоголя и других психоактивных веществ (табл. 1).

На выборке студентов также были собраны данные 9 тыс. аккаунтов о количестве времени, проведенном респондентами онлайн в социальной сети «ВКонтакте», и определена тональность их постов (позитивная, негативная, нейтральная). Были выделены негативные посты и построено распределение их количества в течение суток. Гипотеза о наличии пика по количеству сообщений негативного характера в ночное время не подтвердилась – появление негативных постов по времени связано с общим циклом пользования социальной сетью (рис. 1, 2).

На выборке школьников в цифровом следе обнаружено 7 532 подписок на уникальные сообщества с девиантным контентом. В табл. 2 даны результаты анализа связи психологических характеристик с потреблением девиантного контента в социальной сети.

На выборке студентов техникума установлена связь особенностей онлайн-активности, в том числе ее небезопасных форм (потребление и продуцирование агрессивного, депрессивного контента, контента с самоповреждающим поведением), а также времени нахождения онлайн с психологическими особенностями респондентов (табл. 3).

Таблица 1

Связь психологических характеристик пользователей социальной сети «ВКонтакте» с потреблением девиантного контента у студентов

Психологические характеристики	Девушки, $n = 1\,336$	Юноши, $n = 620$
	Тип девиантного контента	
Низкий уровень сознательности	Депрессивный и жестокий контент; контент с пропагандой алкоголя и курения	Контент с пропагандой алкоголя и курения; жестокий и мизогинный контент
Низкий уровень доброжелательности	Депрессивный контент; контент с пропагандой насилия и смерти; нецензурный контент	Депрессивный контент; контент с пропагандой алкоголя и курения; контент с пропагандой национализма, жестокости и насилия
Низкий уровень экстраверсии	Депрессивный контент; контент с пропагандой социальной изоляции	–
Высокий уровень нейротизма	Контент с пропагандой алкоголя и курения среди детей и подростков	Контент с пропагандой алкоголя, курения и наркотиков
Высокий уровень депрессии	–	Контент с пропагандой насилия и зла; контент с пропагандой алкоголя и курения
Высокий уровень тревожности	–	Контент с пропагандой самоповреждающего поведения; контент с пропагандой алкоголя и курения
Высокий уровень стресса	Жестокий контент	

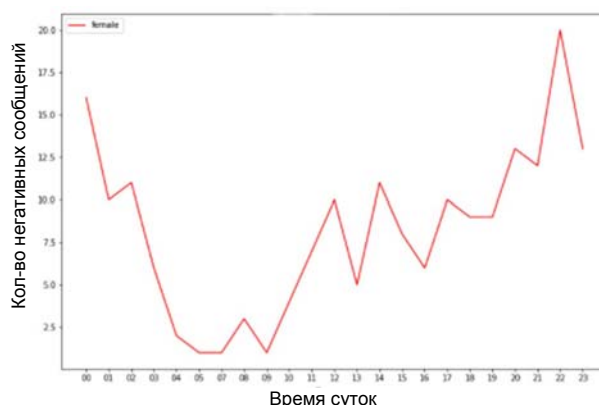

Рис. 1. Распределение негативных постов в течении суток у девушек

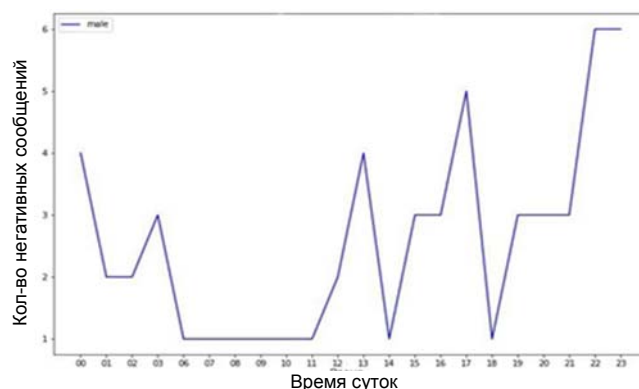

Рис. 2. Распределение негативных постов в течении суток у юношей

Таблица 2

Связь психологических характеристик пользователей социальной сети «ВКонтакте» с потреблением девиантного контента у школьников

Психологические характеристики	Девушки, n = 2 520	Юноши, n = 1 832
	Тип девиантного контента	
Низкий уровень сознательности	—	Контент с пропагандой смерти
Низкий уровень доброжелательности	Депрессивный контент; контент с пропагандой алкоголя и других психоактивных веществ	Контент с пропагандой отклоняющегося поведения; контент с пропагандой криминальной субкультуры; контент с пропагандой смерти
Низкий уровень экстраверсии	Депрессивный контент; контент с пропагандой алкоголя и других психоактивных веществ	Контент с пропагандой отклоняющегося поведения; контент с пропагандой криминальной субкультуры
Высокий уровень нейротизма	Депрессивный контент; контент с пропагандой алкоголя и других психоактивных веществ	Контент с пропагандой отклоняющегося поведения; контент с пропагандой криминальной субкультуры

Таблица 3

Связь психологических характеристик пользователей социальной сети «ВКонтакте» с потреблением девиантного контента у студентов техникума, n = 193

Психологические характеристики	Тип девиантного контента
Низкий уровень экстраверсии	Агрессивный контент
Высокий уровень нейротизма	Онлайн-активность в социальной сети в ночное время
Открытости опыту	Контент с пропагандой самоповреждающего поведения
Высокий уровень тревожности	Онлайн-активность в социальной сети в вечернее и ночное время
Враждебность	Онлайн-активность в социальной сети в вечернее время

Можно сказать, что время активности в социальной сети «ВКонтакте» (вечернее и ночное), а также наличие подписок на сообщества с агрессивным контентом являются маркерными (наиболее информативными) показателями в отношении тревожных и агрессивных тенденций среди психологических характеристик пользователей.

Потребление и продуцирование контента о самоповреждающем поведении связаны с открытостью к опыту – характеристикой, показывающей готовность человека воспринимать новое, познавать что-либо.

Заключение

В результате проведенного исследования была верифицирована гипотеза о связи психологических характеристик пользователей социальной сети «ВКонтакте» (как факторов риска безопасности) и потребления девиантного контента. Обнаружены значимые связи экстраверсии, доброжелательности, сознательности, открытости опыту, нейротизма, депрессии, тревожности, стресса и агрессивности (с разным уровнем выраженности) с подписками на сообщества с опасным и вредным контентом и временем активности в социальной сети.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информационное общество в Российской Федерации. 2020 : стат. сборник. М. : НИУ ВШЭ, 2020.
2. Роскомнадзор – РБК: В Роскомнадзоре назвали число заблокированных за пять лет сайтов // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. 2017. URL: <https://rkn.gov.ru/press/publications/news48346.htm> (дата обращения: 14.04.2021).
3. Итоги работы с обращениями граждан в 2019 году // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. 2019. URL: https://rkn.gov.ru/docs/doc_2606 (дата обращения: 14.04.2021).
4. Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Социальные сети // Модели информационного влияния, управления и противоборства. М. : Физматлит, 2010.
5. Gubanov D.A., Chkhartishvili A.G. A conceptual approach to online social networks analysis // Automation and Remote Control. 2015. Т. 76, № 8. С. 1455–1462.

6. Мацута В.В., Мундриевская Ю.О., Сербина Г.Н., Мищенко Е.С. Анализ текстового контента девиантных онлайн-сообществ (на примере сообществ скруштинга) // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 3. С. 90–101.
7. Gubanov D.A., Chkhartishvili A.G. An actional model of user influence levels in a social network // Automation and Remote Control. 2015. Т. 76, № 7. С. 1282–1290.
8. Коршунов А. и др. Анализ социальных сетей : методы и приложения // Труды Института системного программирования РАН. 2014. Т. 26, № 1.
9. Евсеев В.Д., Пешковская А.Г., Мацута В.В., Мандель А.И., Бохан Н.А. Взаимосвязь цифровых маркеров онлайн-активности и социально-демографических характеристик лиц призывного возраста с несущивальными формами самоповреждающего поведения // Суицидология. 2020. Вып. 11, № 3 (40). С. 72–83.
10. Bartunov S., Korshunov A., Park S., Ryu W., Lee H. Joint link-attribute user identity resolution in online social networks // Proceedings of the 6th International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining, Workshop on Social Network Mining and Analysis. ACM. 2012.
11. Шахматова О.М., Болтага Е.Ю. Психологические аспекты общения в социальных сетях виртуальной реальности // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2011. № 24.
12. Асмолов А.Г., Асмолов Г.А. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2010. № 1.
13. Авербух Н.В. Психологические аспекты феномена присутствия в виртуальной среде // Вопросы психологии. 2010. Т. 5. С. 105–113.
14. Войскунский А.Е. Психология и интернет. М. : Акрополь, 2010. Т. 439.
15. Bonsón E., Royo S., Ratkai M. Citizens' engagement on local governments' Facebook sites. An empirical analysis: The impact of different media and content types in Western Europe // Government Information Quarterly. 2015. Vol. 32 (1). P. 52–62.
16. Anderson C.A., Bushman B.J. The effects of media violence on society // Science. 2002. Vol. 295 (5564). P. 2377–2379.
17. Anderson C.A., Bushman B.J. Effects of violent video games on aggressive behavior, aggressive cognition, aggressive affect, physiological arousal, and prosocial behavior : A meta-analytic review of the scientific literature // Psychological science. 2001. Vol. 12(5). P. 353–359.
18. Festl R., Quandt T. Social Relations and Cyberbullying : The Influence of Individual and Structural Attributes on Victimization and Perpetration via the Internet // Human Communication Research. 2012. Vol. 39 (1). P. 101–126. DOI: 10.1111/j.1468-2958.2012.01442.x
19. Van Geel M., Goemans A., Toprak F., Vedder P. Which personality traits are related to traditional bullying and cyberbullying? A study with the Big Five, Dark Triad and sadism // Personality and Individual Differences. 2017. P. 231–235. DOI: 10.1016/j.paid.2016.10.063
20. Resett S., Gamez-Guadix M. Traditional bullying and cyberbullying: Differences in emotional problems, and personality. Are cyberbullies more Machiavellians? // Journal of Adolescence. 2017. Vol. 61. P. 113–116. DOI: 10.1016/j.adolescence.2017.09.013
21. Gibb Z.G., Devereux P.G. Who does that anyway? Predictors and personality correlates of cyberbullying in college // Computers in Human Behavior. 2014. Vol. 38. P. 8–16. DOI: 10.1016/j.chb.2014.05.009
22. Goodboy A.K., Martin M.M. The personality profile of a cyberbully: Examining the Dark Triad // Computers in Human Behavior. 2015. Vol. 49. P. 1–4. DOI: 10.1016/j.chb.2015.02.052
23. Bessière K., Pressman S., Kiesler S., Kraut R. Effects of Internet Use on Health and Depression : A Longitudinal Study. // Journal of Medical Internet Research. 2010. Vol. 12 (1). Art. No. e6. DOI: 10.2196/jmir.1149
24. De la Peña, A., Quintanilla C. Share, like and achieve: the power of Facebook to reach health-related goals // International Journal of Consumer Studies. 2015. Vol. 39 (5). P. 495–505. DOI: 10.1111/ijcs.12224
25. Merolli M., Gray K., Martin-Sanchez F. Health outcomes and related effects of using social media in chronic disease management : A literature review and analysis of affordances // Journal of Biomedical Informatics. 2013. Vol. 46 (6). P. 957–969. DOI: 10.1016/j.jbi.2013.04.010
26. Kramer A.D.I., Guillory J.E., Hancock J.T. Experimental evidence of massive-scale emotional contagion through social networks // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2014. Vol. 111 (24). P. 8788–8790. DOI: 10.1073/pnas.1320040111
27. Peshkovskaya A., Matsuta V., Evseev V. Time spent online on social networks linked with anxiety and personality traits // European Neuropsychopharmacology. 2020. Vol. 40 (1). P. 387–388. DOI: 10.1016/j.euroneuro.2020.09.502
28. Peshkovskaya A., Evseev V., Matsuta V., Myagkov M. Social media content preferences and non-suicidal self-injuries in youth // European Neuropsychopharmacology. 2020. Vol. 40 (1). P. 388. DOI: 10.1016/j.euroneuro.2020.09.503

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 21 мая 2021 г.

Analysis of the Relationship Between VK Users' Psychological Characteristics and Subscriptions to Communities With Deviant Content

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 164–169.

DOI: 10.17223/15617793/467/20

Galina N. Serbina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gnserbina@gmail.com

Valeria V. Matsuta, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: matsuta-vv@mail.ru

Vyacheslav L. Goiko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: goiko@data.tsu.ru

Keywords: social networks; deviant online communities; digital footprint; extraversion; benevolence; neuroticism; depression; anxiety; stress; youth.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-78-10122.

Recently, online social networks have become not only communication channels, but also instruments of influence, provoking various forms of deviant behavior: from socially disapproved, deviant to aggressive and delinquent behavior. The growing gap between the level of children's and adolescents' involvement in social networks and the understanding of the mechanisms of online information consumption and information influence in social networks determine the high importance of scientific research in this area. The rapid spread of online social networks into all spheres of life makes children and adolescents a target for destructive influence in connection with the yet non-formed mechanisms of adequate assessment of and resistance to negative information. However, the number of tragic cases connected with the content of Internet resources, especially social networks, among adolescents and young people is not decreasing. Despite the existing policy of countering and blocking Internet resources with prohibited information, the number of online communities and user accounts that distribute deviant content is constantly growing. In this regard, research on the psychological safety of children and adolescents using social networks, and the development of methods of protection against destructive informational influence on social networks are becoming extremely popular. The article presents the results of the analysis of the relationship between the psychological characteristics of schoolchildren and students – users of the social network VKontakte – and subscriptions to communities with deviant content; the analysis was carried out using machine learning algorithms and digital footprint data mining. To analyze the relationship between the psychological characteristics of VKontakte users and subscriptions to communities with deviant content, a study was carried out in three areas: psychodiagnostics of respondents using a

specially developed online platform; research of the digital footprints of respondents using tools and algorithms for analyzing big data of VKontakte; study of the features of the content of VKontakte deviant communities. As a result of the study, the hypothesis about the connection between the psychological characteristics of VKontakte users and the consumption of deviant content was verified. Significant connections were found between extraversion, benevolence, consciousness, openness to experience, neuroticism, depression, anxiety, stress, and aggressiveness (with different levels of severity) with subscriptions to communities with dangerous and harmful content and the time of activity in the social network.

REFERENCES

1. Federal State Statistics Service. (2020) *Informatsionnoe obshchestvo v Rossiyskoy Federatsii. 2020: statisticheskiy sbornik* [Information society in the Russian Federation. 2020: statistics]. Moscow: HSE.
2. Roskomnadzor. (2017) *Roskomnadzor – RBK: V Roskomnadzore nazvali chislo zablockirovannykh za pyat' let saytov* [Roskomnadzor – RBC: Roskomnadzor has named the number of sites blocked over five years]. [Online] Available from: <https://rkn.gov.ru/press/publications/news48346.htm> (Accessed: 14.04.2021).
3. Roskomnadzor. (2019) *Itogi raboty s obrashcheniyami grazhdan v 2019 godu* [Results of work with citizens' appeals in 2019]. [Online] Available from: https://rkn.gov.ru/docs/doc_2606 (Accessed: 14.04.2021).
4. Gubanov, D.A., Novikov, D.A. & Chkhartishvili, A.G. (2010) Sotsial'nye seti [Social networks]. In: *Modeli informatsionnogo vliyaniya, upravleniya i protivoborstva* [Models of information influence, management and confrontation]. Moscow: Fizmatlit.
5. Gubanov, D.A. & Chkhartishvili, A.G. (2015) A conceptual approach to online social networks analysis. *Automation and Remote Control*. 76 (8). pp. 1455–1462.
6. Matsuta, V.V. et al. (2020) Analysis of the text content of deviant online communities (on the example of school shooting communities). *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik*. 3. pp. 90–101.
7. Gubanov, D.A. & Chkhartishvili, A.G. (2015) An actional model of user influence levels in a social network. *Automation and Remote Control*. 76 (7). pp. 1282–1290.
8. Korshunov, A. et al. (2014) Analiz sotsial'nykh setey: metody i prilozheniya [Analysis of social networks: methods and applications]. *Trudy Instituta sistemnogo programmirovaniya RAN*. 26 (1).
9. Evseev, V.D. et al. (2020) Interconnection of Digital Markers of Online Activity and Sociodemographic Characteristics of Young Males With Non-suicidal Forms of Self-Harming Behavior. *Suitsidologiya – Suicidology* (Russia). 11:3 (40). pp. 72–83.
10. Bartunov, S., Korshunov, A., Park, S., Ryu, W. & Lee, H. (2012) Joint link-attribute user identity resolution in online social networks. *Proceedings of the 6th International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining, Workshop on Social Network Mining and Analysis*. ACM.
11. Shakhmartova, O.M. & Boltaga, E.Yu. (2011) Psikhologicheskie aspekty obshcheniya v sotsial'nykh setyakh virtual'noy real'nosti [Psychological aspects of communication in social networks of virtual reality]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*. 24.
12. Asmolov, A.G. & Asmolov, G.A. (2010) Ot My-media k Ya-media: transformatsii identichnosti v virtual'nom mire [From We-Media to I-Media: Identity Transformation in the Virtual World]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya – Moscow University Psychology Bulletin*. 1.
13. Averbukh, N.V. (2010) Psikhologicheskie aspekty fenomena prisutstviya v virtual'noy srede [Psychological aspects of the phenomenon of presence in a virtual environment]. *Voprosy psikhologii*. 5. pp. 105–113.
14. Voyskunskiy, A.E. (2010) *Psikhologiya i internet* [Psychology and the Internet]. Moscow: Akropol'.
15. Bonsón, E., Royo, S. & Ratkai, M. (2015) Citizens' engagement on local governments' Facebook sites. An empirical analysis: The impact of different media and content types in Western Europe. *Government Information Quarterly*. 32 (1). pp. 52–62.
16. Anderson, C.A. & Bushman, B.J. (2002) The effects of media violence on society. *Science*. 295 (5564). pp. 2377–2379.
17. Anderson, C.A. & Bushman, B.J. (2001) Effects of violent video games on aggressive behavior, aggressive cognition, aggressive affect, physiological arousal, and prosocial behavior: A meta-analytic review of the scientific literature. *Psychological Science*. 12(5). pp. 353–359.
18. Festl, R. & Quandt, T. (2012) Social Relations and Cyberbullying: The Influence of Individual and Structural Attributes on Victimization and Perpetration via the Internet. *Human Communication Research*. 39 (1). pp. 101–126. DOI: 10.1111/j.1468-2958.2012.01442.x
19. Van Geel, M., Goemans, A., Toprak, F. & Vedder, P. (2017) Which personality traits are related to traditional bullying and cyberbullying? A study with the Big Five, Dark Triad and sadism. *Personality and Individual Differences*. pp. 231–235. DOI: 10.1016/j.paid.2016.10.063
20. Resett, S. & Gamez-Guadix, M. (2017) Traditional bullying and cyberbullying: Differences in emotional problems, and personality. Are cyberbullies more Machiavellians? *Journal of Adolescence*. 61. pp. 113–116. DOI: 10.1016/j.adolescence.2017.09.013
21. Gibb, Z.G. & Devereux, P.G. (2014) Who does that anyway? Predictors and personality correlates of cyberbullying in college. *Computers in Human Behavior*. 38. pp. 8–16. DOI: 10.1016/j.chb.2014.05.009
22. Goodboy, A.K. & Martin, M.M. (2015) The personality profile of a cyberbully: Examining the Dark Triad. *Computers in Human Behavior*. 49. pp. 1–4. DOI: 10.1016/j.chb.2015.02.052
23. Bessière, K. et al. (2010) Effects of Internet Use on Health and Depression: A Longitudinal Study. *Journal of Medical Internet Research*. 12 (1). Art. No. e6. DOI: 10.2196/jmir.1149
24. De la Peña, A. & Quintanilla, C. (2015) Share, like and achieve: the power of Facebook to reach health-related goals. *International Journal of Consumer Studies*. 39 (5). pp. 495–505. DOI: 10.1111/ijcs.12224
25. Merolli, M., Gray, K. & Martin-Sanchez, F. (2013) Health outcomes and related effects of using social media in chronic disease management: A literature review and analysis of affordances. *Journal of Biomedical Informatics*. 46 (6). pp. 957–969. DOI: 10.1016/j.jbi.2013.04.010
26. Kramer, A.D.I., Guillory, J.E. & Hancock, J.T. (2014) Experimental evidence of massive-scale emotional contagion through social networks. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 111 (24). pp. 8788–8790. DOI: 10.1073/pnas.1320040111
27. Peshkovskaya, A., Matsuta, V. & Evseev, V. (2020) Time spent online on social networks linked with anxiety and personality traits. *European Neuropsychopharmacology*. 40 (1). pp. 387–388. DOI: 10.1016/j.euroneuro.2020.09.502
28. Peshkovskaya, A., Evseev, V., Matsuta, V. & Myagkov, M. (2020) Social media content preferences and non-suicidal self-injuries in youth. *European Neuropsychopharmacology*. 40 (1). p. 388. DOI: 10.1016/j.euroneuro.2020.09.503

Received: 21 May 2021

Е.В. Щекотин

ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ КАК НОВЫЙ ИСТОЧНИК ДАННЫХ О КАЧЕСТВЕ ЖИЗНИ И БЛАГОПОЛУЧИИ: ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00391.

Обсуждается возможность использования нового источника данных – цифровых следов пользователей для изучения качества жизни и благополучия населения. Представлен обзор актуального состояния исследований качества жизни и благополучия населения, которые используют в качестве источника данных цифровые следы (социальные медиа, поисковые запросы, сервис Google Books и т.д.) и методы цифровой социологии (большие данные, машинное обучение) для анализа и обработки этих данных.

Ключевые слова: цифровые следы; качество жизни; благополучие; большие данные; машинное обучение; цифровая социология.

Введение

Развитие информационно-коммуникационных технологий оказывает огромное влияние и на исследования в области качества жизни и благополучия. Это влияние носит двойственный характер: с одной стороны, информационно-коммуникационные технологии изменяют сам образ жизни людей, генерируют массу новых возможностей для человека, которые меняют жизнь на уровне повседневно-бытовой активности, помогают преодолеть определенные ограничения, связанные со здоровьем, и т.п., тем самым способствуя повышению качества жизни [1]; с другой стороны, эти технологии создают предпосылки для применения в социальных науках и практике государственного управления новых методологических инструментов для изучения качества жизни. Помимо опросного метода, который является основным в изучении субъективных аспектов качества жизни, сегодня активно используются данные о поведении пользователей в интернете, а также информация, которую они размещают в социальных сетях. Таким образом, для исследований качества жизни цифровые технологии важны не только с точки зрения изменения образа жизни людей, трансформации труда, социальных институтов и тому подобных процессов, получивших наименование цифровой трансформации, но и с точки зрения обновления методологии научного познания.

Как отмечает О.В. Крыштановская, «раньше мы изучали социальные группы путем физического соприкосновения: надо было подойти к человеку, задать ему вопросы, получить ответы, закодировать их, ввести коды в компьютер, создать матрицы, подвергнуть их статистическому анализу, декодировать и интерпретировать. С распространением социальных сетей появилась возможность проводить опросы онлайн, затрачивая на это меньше ресурсов, экономя время и собирая значительно большие объемы информации. Такого рода опросы подвергались критике со стороны профессионального сообщества в связи с тем, что невозможно было доказать репрезентативность таких выборок. Однако постепенно стали проступать контуры новой социологии – социологии, связанной с цифровой эпохой, с новыми методами сбора и обработки информации» [2. С. 5]. О.В. Крыштановская называет

цифровую социологию бесконтактной, ее особенность в том, что социологи никого не опрашивают, они получают информацию из потока сообщений, из открытых источников. «Можно не выполнять традиционные манипуляции, если люди в социальных сетях и блогах и так высказываются относительно всех политических событий. Можно не спрашивать их об этом, если они сами пишут свое мнение, не ожидая анкет социологов» [2. С. 6].

Можно с уверенностью утверждать, что социальные медиа стали сегодня одним из основных (если не основным) источников данных о чувствах, настроениях, переживаниях, мнениях и поведении людей. Обсуждая использование технологии больших данных для исследования благополучия, К. Беллет и П. Фрайтерс отмечают: «Утверждения о том, что социальные медиа могут, таким образом, предсказывать наше благополучие весьма точно, вообще не должно быть удивительным, поскольку это часто является смыслом социальных медиа» [3. Р. 102]. В конце обзора возможностей применения цифровых технологий для исследования благополучия, который вошел во Всемирный доклад о счастье 2019, авторы приходят к выводу, что «большие данные расширяют возможности исследователей, правительств, компаний и других субъектов измерять и прогнозировать благополучие и внутреннюю жизнь отдельных людей. Следует ожидать, что это повысит возможность анализировать воздействие политики и крупных изменений на благополучие в целом, что должно повысить интерес и знания о благополучии» [3. Р. 118].

Достоинства и недостатки цифровых следов как источника данных

Социальные медиа как источник информации обладают своими достоинствами и недостатками в сравнении с традиционными опросными методами. Так, С. Санчес, М. Краглиа и А. Брегг рассматривают Twitter как источник данных о различных социальных индикаторах и предлагают использовать эти данные для измерения качества жизни [4]. В своей работе С. Санчес, М. Краглиа и А. Брегг исследуют только один социальный индикатор – коммуникацию с политиками. Данное исследование представляет значи-

тельный интерес, так как авторы подробно проанализировали возможности и ограничения предлагаемого метода. Достоинствами метода измерения качества жизни по данным Twitter, по мнению авторов, является более высокая степень детализации распределения оценок пользователей во времени и пространстве, т.е. полученная информация является более подробной и точной. Эти данные доступны в любой момент – их данные можно получать в реальном времени. Также достоинствами этого метода являются быстрота реализации проекта исследования, относительно невысокая стоимость (за счет экономии на расходах на проведение опросов) и гибкость методологии – такой метод позволяет легко подстраиваться под поставленные задачи, в то время как опросы включают в себя фиксированные вопросы, что облегчает сравнение результатов и повторные исследования, но в случае изменения целей анализа не позволяет гибко реагировать на актуальные запросы. Главным недостатком Twitter как источника данных являются проблемы, связанные с репрезентативностью выборки, – пользователи Twitter не представляют всего населения, более активными пользователями являются молодые граждане. Также есть некоторые сложности с определением местоположения пользователей, что отражается на точности измерения. Авторы исследования приходят к выводу, что данные из Twitter вполне могут быть использованы для измерения социальных индикаторов, и если пока еще не удастся нивелировать отмеченные выше ограничения, то совершенно точно эти данные могут быть использованы в качестве дополнения к результатам официальных опросов. Особенно это актуально для малых поселений, где официальные опросы не дают репрезентативных оценок населения.

М. Шобер с соавторами высказывают более осторожную точку зрения относительно возможностей анализа социальных сетей в качестве инструмента, который может заменить опросы и официальную статистику [5]. С одной стороны, очевидно, что анализ социальных сетей обладает огромным потенциалом для быстрого и доступного измерения не только тех аспектов, которые замеряют опросы, но и тех социальных явлений, которые никогда ранее не оценивались. В то же время возникает много вопросов о том, в какой мере анализ социальных сетей будет соответствовать результатам опросов, т.е. в какой мере он дает надежные данные. Решение этих вопросов далеко от окончательных выводов. Основная проблема, по мнению авторов, заключается в том, что исследователи, занимающиеся анализом социальных сетей и опросами, имеют различный опыт, знания и языки описания. Так, ученые в области компьютерных технологий и инженеры используют широкий спектр методов для анализа данных в социальных сетях (такие как машинное обучение, анализ естественного языка, лексический анализ), социальные исследователи ориентируются на методы социологических опросов («золотой стандарт»). Сюда же подключаются исследователи из области коммуникации и медиа, рынка и потребительского поведения и т.д. Все это

крайне усложняет ситуацию и нуждается в дальнейших обсуждениях и исследованиях.

В.И. Дудина и Д.И. Юдина отмечают, что «хотя измерение общественного мнения через анализ информации из социальных сетей, блогов и других социальных медиа постепенно становится все более распространенной практикой полстерских служб и компаний, методологических работ, описывающих не просто процесс сбора и анализа такой информации, но и сравнение полученных данных с результатами опросных методов, на данный момент очень мало» [6. С. 65]. Можно выделить три основных подхода к решению задачи извлечения мнения из неструктурированных текстов, которые представляют собой посты в социальных сетях, блогах и т.д.: это машинное обучение (тематическое моделирование, методы обучения с учителем), лингвистические методы (словари, лингвистические парсеры) и гибридный подход, соединяющий два указанных подхода [7]. В своем исследовании В.И. Дудина и Д.И. Юдина сравнивали реакции на резонансное событие общественного мнения (демонстрация фильма «Чайка» на видеохостинге Youtube в 2015 г.), полученные двумя различными способами – с помощью традиционного опроса общественного мнения и тематического моделирования мнений, извлеченных из интернета.

Вывод, который делают авторы данного исследования, состоит в том, что анализ текстов из сети «Интернет» наделен как определенными достоинствами, так и недостатками. К преимуществам метода можно отнести то, что мнения и обсуждения в интернете позволяют получить больше информации о контексте формирования общественного мнения относительно какого-либо события или персоналии. Также результаты анализа мнений в интернете могут послужить для усовершенствования опросов (структуры опросника, вопросов). В то же время авторы заключают, что «анализ текстов из Интернета не может рассматриваться как полноценная альтернатива массовым опросам» [6. С. 75]. Основная проблема, связанная с экстраполяцией результатов изучения онлайн реальности на офлайн-реальность, заключается в отсутствии теоретических оснований для генерализации данных на более широкие («нецифровые») слои населения. Как отмечают В.И. Дудина и Д.И. Юдина, «традиционная модель массового опроса предполагает привязку мнений к социально-демографическим группам, а результаты анализа текстов из сети Интернет дают возможность представить лишь спектр обсуждаемых тематик и их относительную популярность, но не позволяет сопоставить мнения с их носителями, поскольку при анализе данных из социальных медиа возникает проблема с получением надежной демографической информации» [6. С. 76]. Данные об онлайн активности пользователей социальных сетей, которые проще и быстрее получить, чем результаты опросов, пока не вписываются в существующую модель общественного мнения.

Преодоление этого ограничения В.И. Дудина и Д.И. Юдина видят в совершенствовании инструментов анализа онлайн-текстов, и, в частности, в разработке специфически социологических анализаторов,

которые будут способны структурно воспроизводить традиционные опросы. Такая точка зрения хорошо иллюстрирует основную причину, препятствующую более активному использованию цифровых технологий в социологических исследованиях, – это интуитивный стремление социологов свести новые методы изучения социальной реальности к привычным и хорошо обоснованным стандартам, которые гарантируются тщательным следованием предписанным традиционной статистикой процедурам. Новые технологии требуют от исследователя более свободного и творческого взгляда, полета «социологического воображения», что вполне успешно реализуется в других дисциплинах (например, в математике и физике) и сферах знания (например, в бизнесе).

Вместе с тем, несмотря на отмеченные методологические ограничения, исследование различных социальных процессов с помощью анализа социальных сетей становится все более популярным. Так, Э. Коуди, А. Риган, П. Доддс и С. Данфорт утверждают, что изучение общественного мнения при помощи анализа текстов в интернете (в данном случае это Twitter) обладает такой же предикативной точностью, как и традиционные офлайн-опросы. Они полагают, что распространение социальных медиа создают предпосылки для проведения опросов общественного мнения, в которых не требуется приглашать респондентов к участию [8]. То есть исследователь получает возможность изучать мнение людей, которое они высказывают добровольно, по собственному желанию, без посредничества интервьюеров и использования заранее сконструированных опросных листов.

Также, помимо упомянутой выше статьи С. Санчес, М. Краглиа и А. Брегт, можно отметить работу Д. Антенуччи с соавторами [9], в которой исследуется проблема безработицы на материале Twitter. Большое значение методу изучения онлайн-активности в социальных сетях придается в исследованиях, посвященных изучению актуальных политических процессов (прежде всего, прогнозирование результатов голосования, но не только), и маркетинге. В первом случае любимым объектом изучения для исследователей является мессенджер Twitter (не в последнюю очередь это связано с бесплатным доступом к открытым данным в Twitter, что позволяет исследователям свободно собирать интересующие их данные). Во втором случае изучаются возможности анализа социальных сетей для достижения маркетинговых целей, продвижения продуктов и брендов и т.д.

По нашему мнению, глубокий количественный анализ онлайн-активности, т.е. различных действий людей в социальных сетях, позволяет получить информацию об их эмоциях и переживаниях и оценить субъективные аспекты качества жизни и благополучия людей. Информация об онлайн-активности пользователей получила название «цифровой след». Как отмечают Дж. Блюб Дж. Конделл и Т. Ланни, в современном мире человек наделен двумя идентичностями: первая, «реальная», формируется на основе официальных документов, вторая, «цифровая» включает в себя всю совокупность форм взаимодействия человека с интернетом (историю поисковых запросов,

онлайн-сервисы, форумы, блоги, социальные сети) [10]. Цифровой след отображает присутствие человека в интернете и служит доказательством его цифровой и реальной идентичности. Как заметил М. Конлин, описывая сущность саморепрезентации в интернете, «ты есть то, что ты постишь» [11].

Цифровые следы подразделяются на два типа – активные и пассивные [12]. Пассивные следы пользователь оставляет, когда посещает ресурсы в интернете, просматривает и загружает какую-либо информацию, взаимодействует с мобильной телефонной сетью (определение местоположения пользователя) и т.д. Пассивные цифровые следы собирают без ведома пользователей владельцы интернет-ресурсов, приложений и платформ. В англоязычной литературе пассивный цифровой след называют «выхлопными дынными» (data exhaust или exhaust data). Выхлопные данные являются частью более широкой категории нетрадиционных данных (unconventional data), которые включают в себя геопространственные, сетевые и временные ряды данных и могут быть полезны для прогнозной аналитики. Каждый посещенный сайт, нажатая ссылка и даже наведение курсора мыши фиксируются, оставляя за собой след данных, создается огромное количество часто необработанных данных, которые могут храниться в разных формах – в виде файлов cookie, временных файлов, лог-файлов, сохраненных выборов и многого другого.

Активным цифровым следом является та информация, которая создается и размещается в интернете самим человеком. Онлайн-аккаунты предоставляют множество проверенных ссылок на характеристики реальных личностей. Почти каждый созданный онлайн-аккаунт требует наличия адреса электронной почты. Официальные онлайн-сервисы требуют персональных идентификаторов, таких как имя, дата рождения, адрес и уникальные персональные идентификационные номера. Интернет-магазины требуют почтового адреса и платежных реквизитов, поиск в интернете и использование карт Google часто включают в себя использование текущего местоположения человека и потенциально того, где он будет находиться в будущем, а учетные записи в социальных сетях представляют собой подтверждение контактов, отношений, а также профессиональные и личные интересы.

Экстериорная и интериорная стратегии изучения качества жизни и благополучия в контексте цифровизации

Современные цифровые технологии открывают широкие возможности для измерения и оценки качества жизни с использованием цифровых следов пользователей. Выше мы рассмотрели основные аргументы в дискуссии, которая сегодня ведется относительно применимости анализа цифровых следов для измерения качества жизни. Далее рассмотрим некоторые наиболее примечательные исследования, в которых реализуется методологический подход, связанный с использованием цифровых следов для измерения качества жизни и благополучия. Можно выделить две основные стратегии в том, что касается взаимодей-

ствия двух направлений исследований – информационно-коммуникативных технологий и исследований качества жизни и благополучия. Первая стратегия состоит в рассмотрении цифровизации как процесса проникновения информационно-коммуникативных технологий в жизнь общества и применительно к проблематике качества жизни соотносится с изучением возможностей, которые появляются в этой связи, для улучшения качества жизни людей. Эту стратегию можно назвать экстериторной, так как цифровые технологии здесь выступают в роли внешнего фактора, который позволяет реализовать некоторые позитивные (или негативные) изменения в жизни людей. Такая установка реализуется в исследованиях, которые рассматривают социальные медиа как новое социальное явление, которое оказывает воздействие на различные аспекты качества жизни и благополучия людей [13–26]. В этом случае социальные медиа выступают как существенный фактор, который может негативно или позитивно воздействовать на такие аспекты благополучия как удовлетворенность жизнью [27–29], социальный капитал [30–32], удовлетворенность браком [33], депрессия и страхи [34–39], одиночество [40, 41], душевное здоровье [42–44], социальная поддержка [45], оценка своей жизни по степени счастья в сравнении с другими людьми [46], продуктивность работы [47] и т.д.

Вторая стратегия отталкивается от понимания цифровизации как уже состоявшего процесса и цифровых технологий как составного компонента повседневного существования людей, поэтому ее можно охарактеризовать как интериорную. В рамках этой стратегии информация о поведении пользователей в онлайн-пространстве (цифровые следы) рассматривается как достоверный источник о качестве жизни и благополучии людей. Жизнь человека разворачивается одновременно в двух реальностях – в оффлайн (физическом мире) и в онлайн (информационном пространстве), и эти реальности взаимно детерминируют друг друга, плавно перетекая одна в другую. Поэтому существование человека одновременно в двух реальностях необходимо рассматривать как комплексный и целостный феномен, в котором невозможно без упрощения и искажения отделить оффлайн-жизнь от онлайн. Данная стратегия требует создания нового методологического инструментария, присущего цифровой социологии (технологии больших данных, машинное обучение, анализ социальных сетей и т.д.) для сбора и обработки информации о качестве жизни в информационном измерении.

Таким образом, интериорная стратегия исследований рассматривает цифровые следы как самодостаточный источник данных для оценки качества жизни и благополучия. Учитывая ту роль, которую социальные сети стали играть в последнее десятилетие в повседневной жизни людей, эти попытки представляются очень плодотворными. Так, Б. Хао с соавторами использовали технологию машинного обучения для того, чтобы предсказывать субъективное качество жизни пользователей социальных медиа. Авторы использовали данные в социальной сети Sina Weibo 1785 волонтеров для обучения алгоритма, предвари-

тельно попросив их заполнить опросники для оценки позитивных и негативных аффектов (PANAS) и оценки психологического благополучия (PWBS) [48]. Схожую работу, но на материалах Facebook, проделали Шварц и др. [49]. В другой работе Шварц с соавторами на основании данных Twitter дали оценку субъективного благополучия в разных графствах США [50]. Л. Чен с соавторами анализировали обновления статусов на страницах пользователей Facebook для предсказания субъективного благополучия пользователей [51]. К. Ву с соавторами использовали данные социальной сети Sina Weibo для построения City Happiness Index [52].

Н. Ванг с соавторами в течение года изучали профили пользователей Facebook и оценивали уровень их благополучия по шкале удовлетворенности жизнью Э. Диенера, затем и сравнили полученные данные с индексом Facebook's Gross National Happiness, который калькулируется на основе анализа количества позитивных и негативных слов, используемых в обновлениях статусов пользователей [53]. В данном исследовании авторы ставят под сомнение возможность применения лингвистического анализа интернет-сообщений для изучения психологического состояния пользователей. С. Янг и П. Сринивасан удовлетворенность жизнью населения исследуют на материале Twitter [54]. Сюда же можно отнести исследования, изучающие «географию счастья», например связь между эмоциями и мобильностью [55]. Интересные результаты были получены в нескольких исследованиях того, насколько положительные и негативные эмоции коррелируют с удовлетворенностью жизнью, измеренной на основе данных Facebook. Как оказалось, положительные эмоции слабо коррелируют с данными по удовлетворенности жизнью по Facebook, в то время как отрицательные эмоции демонстрируют такую связь. Отсюда можно предположить, что социальное давление может побуждать несчастливых людей притворяться счастливее, чем они есть на самом деле, что менее вероятно в случае проявления негативных эмоций.

Я. Алган с соавторами в качестве источника данных использовали запросы пользователей в поисковой системе Google, которые они анализируют с помощью сервиса Google Trends, за период 2008–2013 гг. [56]. В качестве поисковых запросов авторы использовали два перечня слов, которые связаны с субъективным благополучием. Первый список взят из онлайн-базы данных Better Life Index, в которой содержатся ответы на вопрос «что значит для вас лучшая жизнь?». Второй список основан на американском опросе использования времени, который фиксирует повседневную деятельность американских граждан, а также положительные или отрицательные эмоции, связанные с этими эпизодами. Авторы также добавили ряд слов, которые имеют отношение к различным жизненным переживаниям, связанным с субъективным благополучием, например, проблемы с работой (например, «безработица»), бедностью («купоны») или семейный стресс («приют для женщин»). В общей сложности исходная база данных содержит 827 слов, из которых 201 относится к материальным усло-

виям (доход, богатство, занятость и жилье), 529 – к качеству жизни (здоровье, досуг, образование, окружающая среда, гражданская жизнь, личная безопасность, субъективное благополучие и социальные связи) и 97 – к потенциально запретным категориям (порнография, ненависть и расизм, теории заговора).

Отдельные поисковые слова авторы объединили в 12 категорий, которые в свою очередь сгруппировали в три класса, отражающие важнейшие аспекта жизни: материальные условия (поиск работы, рынок труда, финансовая безопасность и домашние финансы), социальные (семейный стресс, семейное время, гражданская вовлеченность и личная безопасность) и здоровье и благополучие (состояние здоровья, здоровые

привычки, летняя активность, образование и идеалы). Авторы исключили категорию домашние финансы из модели, поскольку в этот период (2008–2013 гг.) преобладают слова, критически связанные с финансовым кризисом (например, ипотека), что делает важность этих слов для прогнозирования субъективного благополучия весьма специфичной во времени. В табл. 1 представлены ключевые слова, которые характеризуют каждую категорию. Так как компоненты категорий в оригинале изложены на английском языке не всегда есть возможность корректно перевести их в форму поискового запроса, поэтому некоторые запросы мы оставили на языке оригинала и дали пояснение в скобках, часть опустили по указанной выше причине.

Таблица 1

Компоненты категорий [56]

Аспекты жизни	Категория	Альфа Кронбаха	Ключевые слова
Материальные условия	Поиск работы	0,8720	Неполный рабочий день, увольнения, ярмарка вакансий, обучение, выходное пособие, уровень безработицы, ярмарка карьеры, работа, пособие по безработице
	Рынок работы	0,9315	Трудовые льготы, трудовой договор, карьерный центр, сопроводительное письмо, пенсия, сертификационная программа, выход на пенсию, опыт работы, начальный уровень, квалификация, дискриминация, льготы работникам
	Финансовая безопасность	0,9101	401k, банковские операции, семейный бюджет, жилищное управление, раздел 8, инфляция, студенческие кредиты, школьные кредиты, процентная ставка, увольнение, финансовый кризис, кредиты, eic (налоговый кредит на заработанных доход), социальное обеспечение, купоны, medicaid (медицинская помощь немущим), заявление о банкротстве, жилье, выселение, продовольственный банк, бездомные
	Домашние финансы	0,9618	Ипотечные ставки, ипотечный калькулятор, ипотечное рефинансирование, цена дома, ипотечный кредит, жилищный кризис, ипотечный платеж
Социальные аспекты	Семейный стресс	0,8818	Домашнее насилие, помощь в браке, проблемы брака, опека, брачные консультации, поддержка семьи, приют для женщин
	Семейное время	0,9140	Закуски для детей, выходные, adhd (синдром дефицита внимания с гиперактивностью), детский сад, детский центр, pta (родительский комитет), детская вечеринка, волейбол, играть в футбол, чтение, рецепт, домашняя работа, прачечная, малыш, детский душ, издательства, детские книги, идеи для детей, обучение
	Гражданская вовлеченность	0,9148	Волонтерство, донорство крови, ассоциация домовладельцев, бойскауты, киванис, городской совет, масоны, бинго, чаепитие, клуб львов, клуб, собрание сообщества, гражданская активность, ротари-клуб, муниципальный совет
	Личная безопасность	0,8657	Огнестрельное оружие, жертвы, оружие, безопасность оружия, насильственная преступность, уровень преступности, нападение, камера безопасности, убийство, самооборона, агрессия, риски, домашняя сигнализация, ограбление
Здоровье и благополучие	Состояние здоровья	0,9051	Стресс, гипертония, диабет, ожирение, паническое расстройство, болезнь, употребление табака, рак легких, сердечные заболевания, обсессивно-компульсивные заболевания, рак, методы релаксации, антидепрессанты, состояние здоровья, переломы, артрит, астма, релаксация, уход за собой, проблемы со сном, клиника майо, симптомы депрессии, проверка симптомов, частота самоубийств, употребление наркотиков, хроническая усталость
	Здоровые привычки	0,8441	Физические упражнения, вес, здоровое питание, уход за зубами, фрукты и овощи, ожидаемая продолжительность жизни, похудеть, здравоохранение, бросить курить
	Летняя активность	0,9417	Гольф, рыбалка, мотоцикл, пруды, пешие прогулки, езда на велосипеде, водные виды спорта, катание на лодках, туры, пляжный коттедж, достопримечательности, ночлег и завтрак, бейсбол, софтбол, играть в бильярд
	Образование и идеалы	0,9862	Средняя школа, экономика, домашнее задание, государственный университет, мораль, индивидуализм, билль о правах, человеческий капитал, конституция, политические действия, социальная справедливость, отсев, чтение книг, грамматика, репетитор, буддизм, школа, этика, философия, учеба, изучение, математика, обучение, навыки, среднее образование, письмо, почитание, творчество, психолог, терапия, самоуважение, нравственность, бедность, онлайн-курсы, литература, ученая степень, язык, наука, грамотность, феминистка, права, отношения, свобода слова, гражданские права, религия, религиозные права, имущественные права, расизм, правительства, свобода высказывания, ритуалы, детская смертность, духовность

Используя методы машинного обучения, Я. Алган с соавторами построили модели предсказания для оценки благополучия населения как США в целом, так и на уровне отдельных штатов. Для установления взаимосвязи между данными о благополучии населения, полученными с помощью цифровых методов, с данными, полученными традиционными методами,

авторы использовали результаты ежедневных телефонных опросов, которые проводила компания Gallup Analytics на выборке не менее 500 американцев в возрасте старше 18 лет с 6 января 2008 г. по 4 января 2014 г. Опрос включает в себя 6 показателей самооценки положительных эмоций (счастье, учеба, оценка жизни в настоящий момент и через 5 лет, смех,

уважение), а также 4 показателя отрицательных эмоций (гнев, печаль, стресс, беспокойство), Я. Алган с соавторами отмечают интересное наблюдение – последствия «Великой рецессии» 2008 г. видны по большинству субъективных показателей благополучия: оценка жизни в настоящий момент и через 5 лет, счастье и смех значительно снизились в 2008–2009 гг., в то время как процент людей, испытывающих беспокойство, гнев, стресс и печаль, одновременно возрос. Второе наблюдение касается цикличности этих переменных, которые демонстрируют большие сезонные колебания.

В результате этого интереснейшего исследования Я. Алган с соавторами делают несколько выводов. Ряд категорий поисковых запросов имеет очень высокую предсказательную точность – это поиск работы,

гражданская активность и здоровые привычки. Из всех показателей субъективного благополучия, которые используются в опросах, за исключением стресса, материальные условия являются наиболее важным семейством предикторов, за которыми следуют социальные факторы и категории здоровья/хорошего самочувствия. На уровне категорий наиболее важными переменными являются поиск работы, финансовое обеспечение, летний отдых и семейная жизнь.

К. Беллет и П. Фрайтерс в своем обзорном исследовании обращаются к изучению благополучия методами больших данных. Результаты сравнительного анализа данных о благополучии, полученных цифровыми и традиционными опросными методами, представлены в табл. 2. Для определения наличия связи авторы используют коэффициент детерминации R-квадрат.

Т а б л и ц а 2

Предсказание уровня благополучия методами Больших данных [3. С. 104]

Источник	Показатель субъективного благополучия	Показатель, измеряемый методами Больших данных	Источник Больших данных	Единица анализа	Коэффициент детерминации R ²
Предсказание на основе данных индивидуального уровня					
Collins S. et al. [57]	Удовлетворенность жизнью	Обновления статуса	Facebook	Facebook users	0,02
Kosinski M. et al. [58]	Удовлетворенность жизнью	Тип понравившихся страниц Facebook	Facebook	Facebook users	0,028
Liu P. et al. [59]	Удовлетворенность жизнью	Обновления статуса (положительные эмоции)	Facebook	Facebook users	0,03
Liu P. et al. [59]	Удовлетворенность жизнью	Обновления статуса (отрицательные эмоции)	Facebook	Facebook users	0,026
Schwartz H.A. et al. [49]	Удовлетворенность жизнью	Обновления статуса (темы, лексика)	Facebook	Facebook users	0,09
Предсказание на основе агрегированных данных					
Algan Y. et al. [60]	Удовлетворение жизнью	Поисковые запросы	Google Trends	Еженедельные наборы данных по США	0,760
Algan Y. et al. [60]	Счастье	Поисковые запросы	Google Trends	Еженедельные наборы данных по США	0,328
Collins S. et al. [57]	Удовлетворение жизнью	Средний размер персональной сети	Facebook	LS bins	0,7
Collins S. et al. [57]	Удовлетворение жизнью	Среднее количество обновлений статусов	Facebook	LS bins	0,096
Collins S. et al. [57]	Удовлетворение жизнью	Среднее количество тегов для фотографий	Facebook	LS bins	0,348
Hills I. et al. [61]	Удовлетворение жизнью	Слова	Google Books	Ежегодная панель из 5 стран	0,25
Schwartz H.A. et al. [49]	Удовлетворение жизнью	Темы и лексика из твитов	Twitter	Округа США	0,094

К. Беллет и П. Фрайтерс выделяют два типа данных для предсказания уровня благополучия – данные индивидуального уровня (обновления статуса в аккаунте пользователя, лайки, которые поставил пользователь, и т.д.) и агрегированные данные, т.е. не привязанные к отдельному пользователю, данные, усредненные по какой-то группе (поисковые запросы, средние значения сети, тегов, обновлений, слова из сервиса Google Books и т.п.). Как показывают приведенные в табл. 2 данные, агрегированные показатели, извлеченные из текстового контента социальных сетей, имеют гораздо более высокий предсказательный потенциал в сравнении с предсказаниями на основе данных индивидуального уровня.

К. Беллет и П. Фрайтерс подчеркивают, что предсказание и изучение благополучия с помощью технологий больших данных открывают широкие возможности перед исследователями, так как не требуется

проведения дорогостоящих масштабных социологических опросов. Способность определять текущие настроения населения и уровень удовлетворенности жизнью, являющейся бесспорным преимуществом изучения благополучия при помощи больших данных, может пригодиться самым разным действующим лицам. Для правительства такие технологии позволяют отслеживать последствия политических изменений или внешних событий на местных сообществах, влияние этих локальных событий в пространстве и времени. Это особенно важно, когда речь идет о социальных мультипликаторах событий, которые непосредственно влияют на отдельные подгруппы населения, таких как безработица или связанные с идентичностью потрясения. Способность определять текущее настроение и уровень удовлетворенности жизнью населения как на индивидуальном, так и на агрегированном уровне также может быть использована для

целенаправленного управления: правительства и организации могут целенаправленно воздействовать на группы населения с низким уровнем настроения или удовлетворенностью жизнью посредством специальной политики, направленной на эти группы (например, оказывать больше помощи в сфере психического здоровья или открыть больше детских учреждений для раннего возраста). Оппозиционные партии могут намеренно понижать высокий уровень удовлетворенности жизнью и обвинять правительство в его низком уровне. Рекламодатели могут адаптировать свои сообщения к настроению отдельных людей и их избирателей [3. С. 106].

Хотя данные о настроении, извлеченные из социальных сетей, могут не полностью соответствовать показателям удовлетворенности жизнью или счастья, полученным с помощью социологических опросов, эти данные позволяют осуществить гораздо более детальный анализ благополучия в масштабе одного дня. К. Беллет и П. Фрайтерс приводят в качестве примера использования масштабных данных для оценки эмоционального состояния населения исследование Г. Лейва настроения населения Мексики по данным Twitter [62]. В этом исследовании анализируется, как менялось соотношение положительных и отрицательных слов ежедневно в период 2016–2018 гг. в Twitter. Исследование Г. Лейва демонстрирует резкий взлет положительного настроения в определенные дни, такие как Рождество 2017 г. или день, когда Мексика обыграла Германию на чемпионате мира по футболу 2018 г., и всплеск отрицательного настроения в такие дни, как землетрясение в 2017 г., проигрыш на чемпионате мира Бразилии или избрание Дональда Трампа на выборах Президента в США в 2016 г. К. Беллет и П. Фрайтерс делают вывод о том, что на основе анализа данных Twitter можно получить вполне правдоподобные профили настроения и что отдельные события довольно недолговечны с точки зрения их влияния на настроение в Twitter [3. С. 108].

К. Беллет и П. Фрайтерс также обращают внимание на изменение подхода к измерению благополучия с наступлением цифровой эпохи. В доинтернетный период измерялись в основном объективные показатели: количество собственности, социальные отношения (брак), рождаемость и смертность, формы аттестации (образование, профессиональная подготовка, гражданство), потоки доходов (занятость, социальное обеспечение, налоги), другие виды деятельности (преступность, судебные дела, общественные организации, крупные покупки). Измерение во всех этих случаях обычно было явным и осуществлялось с помощью форм и систем, о которых население было достаточно хорошо информировано. Цифровая эпоха, в частности внедрение технологии больших данных, существенно увеличила возможности получать информацию об индивидуальном поведении – о его перемещении в пространстве, о процессах, происходящих внутри организма человека (с помощью различных медицинских устройств), о таких физических атрибутах, как отпечатки пальцев, структура сетчатки, рост, вес, частота сердечных сокращений, мозговая активность [3. С. 109].

В завершении представленного обзора обратимся к использованию цифровых данных как источника информации о качестве жизни и благополучии в российской научной литературе. К сожалению, нам не известны отечественные исследования, в которых используются цифровые следы для изучения качества жизни и благополучия, кроме тех, которые были реализованы под руководством авторы данной статьи. Можно выделить несколько исследований, в которых сделан акцент на влиянии процесса цифровизации на качество жизни населения, т.е. выдержанные в рамках экстернорной стратегии. Например, Н.А. Восколович исследует влияние цифровой трансформации сферы услуг на качество жизни населения и приходит к выводу, что этот процесс оказывает значительное влияние на качество жизни населения [63]. Г.П. Литвинцева и С.П. Петров выделяют 6 блоков качества жизни, которые обусловлены процессом цифровизации: качество населения, характеризующее его цифровыми компетенциями; обеспеченность цифровыми благами (цифровое благосостояние населения); качество трудовой сферы; качество социальной сферы; качество электронных государственных и муниципальных услуг населению; безопасность информационной деятельности населения [64. С. 419]. Анализируя статистические данные по перечисленным блокам, авторы предлагают аналитический инструмент – российский региональный индекс цифровой составляющей качества жизни населения, который позволяет оценить уровень цифровизации качества жизни населения регионов РФ.

Интернорной стратегии исследования качества жизни и благополучия в контексте цифровизации придерживается автор данной статьи. Им реализованы два исследовательских проекта, в которых использовались в качестве источника данных цифровые следы пользователей. В первом исследовании на материале социальной сети Instagram исследовались образы благополучия, которые транслируют пользователи в своих постах [65]. Для этого были разработаны словари метафор благополучия и соответствующих им лингвистических маркеров. Далее авторы собирали сообщения (подписи и комментарии к фотографиям, изображениям и видео, которые разместили пользователи) в социальной сети Instagram, содержащие эти лингвистические маркеры. После тщательной фильтрации в выборке осталось 137 315 сообщений, которые были сгруппированы в крупные семантические кластеры, включающие тематически и семантически близкие метафоры. Авторы установили, что наиболее часто встречаются сообщения, характеризующие максимально интенсивное выражение положительных эмоций (счастье и/или наслаждение, удовольствие, радость и т.д.), далее следуют семантические кластеры, характеризующие любовь и просто позитивные эмоции, а также кластер, в котором присутствуют сообщения о позитивном опыте релаксации (развлечения, отдых, путешествия).

В другом исследовании были использованы для оценки уровня благополучия в различных регионах

РФ цифровые следы пользователей в социальной сети «ВКонтакте» [66, 67]. В данном исследовании авторы анализировали региональные сообщества в социальной сети «ВКонтакте», и в качестве источника данных выступали сообщения, которые размещают пользователи в этих сообществах и которые характеризуют те или иные аспекты благополучия жизни людей. Авторы выделили 19 социальных индикаторов (показателей) благополучия, в исследовании рассматривались только сообщения, которые тематически относятся к какому-либо из этих социальных индикаторов. Также с помощью машинного обучения для каждого сообщения определялась тональность сообщения. Далее, анализируя онлайн-активность пользователей по отношению к таким сообщениям (количество лайков, репостов и комментариев), авторы разработали индекс (не)благополучия регионов РФ. В статье [66] представлен индекс для 43 регионов РФ за 2018 г. Такое название инструмента измерения благополучия («индекс (не)благополучия регионов РФ») обусловле-

но спецификой коммуникации в онлайн-пространстве – поскольку большее внимание пользователей привлекают сообщения, которые содержат какую-либо негативную информацию, то в контексте анализа качества жизни и благополучия данный инструмент высвечивает в большей мере проблемные моменты в жизни конкретного региона, те аспекты, которые снижают качество жизни в этом регионе.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что сегодня цифровые методы вызывают значительный интерес у исследователей и получили определенное признание в качестве достаточно надежного инструмента изучения благополучия и качества жизни. Вместе с тем существует целый ряд серьезных аргументов, заставляющих относиться к исследованиям с использованием методов цифровой социологии достаточно осторожно. Как представляется, дальнейшее совершенствование технологической составляющей данных исследований позволит сделать их столь же точными, как и традиционные опросные методы в социологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фомин М.В. Технологии качества жизни и постиндустриальная эпоха // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 139–146.
2. Крыштановская О.В. Бесконтактная социология: новые формы исследований в цифровую эпоху // Цифровая социология. 2018. № 1. С. 4–9.
3. Bellet C., Frijters P. Big Data and Well-being // World Happiness Report 2019 / eds. by J. Helliwell, R. Layard, J. Sachs. New York : Sustainable Development Solutions Network, 2019. P. 97–122.
4. Sanchez C.R., Craglia M., Bretz A.K. New data sources for social indicators: the case study of contacting politicians by Twitter // International Journal of Digital Earth. 2017. Vol. 10, is. 8. P. 829–845.
5. Schober M.F., Pasek J., Guggenheim L., Lampe C., Conrad F.G. Research Synthesis : Social Media Analyses for Social Measurement // Public Opinion Quarterly. 2016. Vol. 80, is. 1. P. 180–211.
6. Дудина В.И., Юдина Д.И. Извлекая мнения из сети Интернет : могут ли методы анализа текстов заменить опросы общественного мнения? // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 63–78.
7. Ravi K., Ravi V. A survey on opinion mining and sentiment analysis: tasks, approaches and applications // Knowledge-Based Systems. 2015. Vol. 89. P. 14–46.
8. Cody E.M., Reagan A.J., Dodds P.S., Danforth C.M. Public Opinion Polling with Twitter. 2016. URL: <http://www.uvm.edu/pdodds/research/papers/cody2016b/>
9. Antenucci D., Cafarella M., Levenstein M., Re C., Shapiro M.D. Using Social Media to Measure Labor Market Flows // NBER Working Papers 20010. 2014. URL: <https://ideas.repec.org/p/nbr/nberwo/20010.html>
10. Blue J., Condell J., Lunney T. Digital Footprints: Your Unique Identity // Proceedings of the 32nd International BCS Human Computer Interaction Conference (HCI). Belfast, UK : BCS Learning and Development Ltd, 2018. P. 1–5.
11. Conlin M. You are what you post // BusinessWeek. 2006. March 27. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2006-03-26/you-are-what-you-post>
12. Флёров О.В. Цифровой след человека в Интернете: основные гуманитарные подходы // Образовательные ресурсы и технологии. 2018. № 4 (25). С. 79–82.
13. Awaworyi Churchill S., Mishra V. Trust, Social Networks and Subjective Wellbeing in China // Social Indicators Research. 2017. Vol. 132. P. 313–339.
14. Beyens I., Pouwels J.L., van Driel I.I., Keijsers L., Valkenburg P.M. The effect of social media on well-being differs from adolescent to adolescent // Scientific Reports. 2020. Vol. 10. Art. No. 10763. URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-020-67727-7>
15. Bourgeois A., Bower J., Carrol A. Social Networking and the Social and Emotional Wellbeing of Adolescents in Australia // Australian Journal of Guidance and Counselling. 2014. Vol. 24, is. 2. P. 167–182.
16. Brusilovskiy E., Townley G., Snethen G., Salzer M.S. Social media use, community participation and psychological well-being among individuals with serious mental illnesses // Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 65. P. 232–240.
17. Krishnan A., Zhou X. Modeling the effect of health antecedents and social media engagement on healthy eating and quality of life // Journal of Applied Communication Research. 2019. Vol. 47, is. 4. P. 365–380.
18. Lee P.S.N., Leung L., Lo V., Xiong C., Wu T. Internet communication versus face-to-face interaction in quality of life // Social Indicators Research. 2010. Vol. 100. P. 375–389.
19. McDool E., Powell P., Roberts J., Taylor K. The internet and children's psychological wellbeing // Journal of Health Economics. 2020. Vol. 69. Art. No. 102274. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0167629618311408?via%3Dihub>
20. Sabatini F., Sarracino F. Online Networks and Subjective Well-Being // Kyklos. 2017. Vol. 70, is. 3. P. 456–480.
21. Settanni M., Azucar D., Marengo D. Predicting Individual Characteristics from Digital Traces on Social Media : A Meta-Analysis // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2018. Vol. 21, is. 4. P. 217–228.
22. Slegers K., Van Boxtel M.P.J., Jolles J. Effects of computer training and Internet usage on the well-being and quality of life of older adults: a randomized, controlled study // Journals of Gerontology : Psychological Sciences and Social Sciences. 2008. Vol. 63, is. 3. P. 176–184.
23. Summerskill B. Online social networks and wellbeing // Lancet. 2009. Vol. 374. P. 514.
24. Verduyn P., Ybarra O., Resibois M., Jonides J., Kross E. Do social network sites enhance or undermine subjective well-being? // A critical review. Social Issues and Policy Review. 2017. Vol. 11, is. 1. P. 274–302.
25. Wheatley D., Buglass S.L. Social network engagement and subjective well-being: a life-course perspective // British Journal of Sociology. 2019. Vol. 70, is. 1. P. 1971–1995.
26. Yang Y., Yuan Y., Archer N., Ryan E. Adoption of Social Media and the Quality of Life of Older Adults // 49th Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS). 2016. P. 3133–3142. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/7427577>

27. Hawi N.S., Samaha M. The Relations Among Social Media Addiction, Self-Esteem, and Life Satisfaction in University Students // *Social Science Computer Review*. 2017. Vol. 35, is. 5. P. 576–586.
28. Longstreet P., Brooks S. Life satisfaction: A key to managing internet & social media addiction // *Technology in Society*. 2017. Vol. 50. P. 73–77.
29. Zhan L., Sun Y., Wang N., Zhang X. Understanding the influence of social media on people's life satisfaction through two competing explanatory mechanisms // *Aslib Journal of Information Management*. 2016. Vol. 68, is. 3. P. 347–361.
30. Burke M., Marlow C., Lento T. Social Network Activity and Social Well-Being // *Proceedings of the SIGCHI conference on human factors in computing systems*. 2010. P. 1909–1912.
31. Chen H.-T., Li X. The contribution of mobile social media to social capital and psychological well-being: Examining the role of communicative use, friending and self-disclosure // *Computers in Human Behavior*. 2017. Vol. 75. P. 958–965.
32. Ellison N.B., Vitak J., Gray R., Lampe C. Cultivating social resources on social network sites: Facebook relationship maintenance behaviors and their role in social capital processes // *Journal of Computer-mediated Communication*. 2014. Vol. 19. P. 855–870.
33. Valenzuela S., Halpern D., Katz J.E. Social network sites, marriage well-being and divorce: Survey and state-level evidence from the United States // *Computers in Human Behavior*. 2014. Vol. 36. P. 94–101.
34. Aalbers G., McNally R.J., Heeren A., de Wit S., Fried E.I. Social media and depression symptoms: a network perspective // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2019. Vol. 148, is. 8. P. 1454–1462.
35. Alt D. Students' Wellbeing, Fear of Missing out, and Social Media Engagement for Leisure in Higher Education Learning Environments // *Current Psychology*. 2018. Vol. 37. P. 128–138.
36. Appel H., Gerlach A.L., Crusius J. The interplay between Facebook use, social comparison, envy, and depression // *Current Opinion in Psychology*. 2016. Vol. 9. P. 44–49.
37. Lin L.Y., Sidani J.E., Shensa A., Radovic A., Miller E., Colditz J.B., Hoffman B.L., Giles L.M., Primack B.A. Association between social media use and depression among U.S. young adults // *Depression and Anxiety*. 2016. Vol. 33. P. 323–331.
38. McCloskey W., Iwanicki S., Lauterbach D., Giammittorio D.M., Maxwell K. Are Facebook "Friends" Helpful? Development of a Facebook-Based Measure of Social Support and Examination of Relationships Among Depression, Quality of Life, and Social Support // *Cyberpsychology, behavior and social networking*. 2015. Vol. 18, is. 9. P. 499–505.
39. Reer F., Tang W.Y., Quandt T. Psychosocial well-being and social media engagement: The mediating roles of social comparison orientation and fear of missing out // *New Media & Society*. 2019. Vol. 21, is. 7. P. 1486–1505.
40. Hunt M.G., Marx R., Lipson C., Young J. No More FOMO: Limiting Social Media Decreases Loneliness and Depression // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 2018. Vol. 37, is. 10. P. 751–768.
41. Song H., Zmyslinski-Seelig A., Kim J., Drent A., Victor A., Omori K., Allen M. Does Facebook make you lonely?: A meta analysis // *Computers in Human Behavior*. 2014. Vol. 36. P. 446–452.
42. Hardy B.W., Castonguay J. The moderating role of age in the relationship between social media use and mental well-being: An analysis of the 2016 General Social Survey // *Computers in Human Behavior*. 2018. Vol. 85. P. 282–290.
43. O'Reilly M., Dogra N., Whiteman N., Hughes J., Eruiyar S., Reilly P. Is social media bad for mental health and wellbeing? Exploring the perspectives of adolescents // *Clinical Child Psychology and Psychiatry*. 2018. Vol. 23, is. 4. P. 601–613.
44. Rasmussen E.E., Panyanunt-Carter N., LaFreniere J.R., Norman M.S., Kimball T.G. The serially mediated relationship between emerging adults' social media use and mental well-being // *Computers in Human Behavior*. 2020. Vol. 102. P. 206–213.
45. Lee K.-T., Noh M.-J., Koo D.-M. Lonely people are no longer lonely on social networking sites: The mediating role of self-disclosure and social support // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2013. Vol. 16. P. 413–418.
46. Chou H.-T.G., Edge N. 'They Are Happier and Having Better Lives than I Am': The Impact of Using Facebook on Perceptions of Others' Lives // *Cyberpsychology, behavior, and social networking*. 2012. Vol. 15, is. 2. P. 117–121.
47. Priyadarshini C., Dubey R., Kumar Y.L.N., Jha R. Impact of Social Media Addiction on Employees' Wellbeing and Work Productivity // *Qualitative Report*. 2020. Vol. 25. P. 181–196.
48. Hao B., Li L., Gao R., Li A., Zhu T. Sensing Subjective Well-Being from Social Media // *Proceedings of 10th International Conference Active Media Technology*. Springer. 2014. P. 324–336.
49. Schwartz H.A., Sap M., Kern M.L., Eichstaedt J.C., Kapelner A., Agrawal M., Blanco E., Dziurzynski L., Park G., Stillwell D., Kosinski M., Seligman M.E., Ungar L.H. Predicting individual well-being through the language of social media // *Pacific Symposium on Biocomputing*. 2016. Vol. 21. P. 516–527.
50. Schwartz H.A., Eichstaedt J.C., Kern M.L., Dziurzynski L., Lucas R.E., Agrawal M., Park G.J., Lakshmikanth S.K., Jha S., Seligman M.E., Ungar L. Characterizing geographic variation in well-being using tweets // *Proceedings of the Seventh International AAAI Conference on Weblogs and Social Media*. Cambridge, MA, 2013. P. 583–591.
51. Chen L., Gong T., Kosinski M., Stillwell D., Davidson R.L. Building a profile of subjective well-being for social media users // *PloS ONE*. 2017. Vol. 12, is. 11. Art. No. e0187278.
52. Wu K., Ma J., Chen Z., Ren P. Analysis of Subjective City Happiness Index Based on Large Scale Microblog Data // *Proceedings of Web Technologies and Applications : 17th Asia-Pacific Web Conference*. Springer, 2015. P. 365–377.
53. Wang N., Kosinski M., Stillwell D.J., Rust J. Can Well-Being be Measured Using Facebook Status Updates? Validation of Facebook's Gross National Happiness Index // *Social Indicators Research*. 2014. Vol. 115. P. 483–491.
54. Yang C., Srinivasan P. Life Satisfaction and the Pursuit of Happiness on Twitter // *PLoS ONE*. 2016. Vol. 11, is. 3. Art. No. e0150881.
55. Mitchell L., Frank M.R., Harris K.D., Dodds P.S., Danforth C.M. The Geography of Happiness: Connecting Twitter Sentiment and Expression, Demographics, and Objective Characteristics of Place // *PLoS ONE*. 2013. Vol. 8, is. 5. Art. No. e64417.
56. Algan Y., Murtin F., Beasley E., Higa K., Senik C. Well-being through the lens of the Internet // *PLoS ONE*. 2019. Vol. 14, is. 1. Art. No. e0209562.
57. Collins S., Sun Y., Kosinski M., Stillwell D., Markuzon N. Are you satisfied with life? Predicting satisfaction with life from Facebook // *International Conference on Social Computing, Behavioral-Cultural Modeling, and Prediction*. Springer, 2015. P. 24–33.
58. Kosinski M., Stillwell D., Graepel T. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2013. Vol. 110, is. 15. P. 5802–5805.
59. Liu P., Tov W., Kosinski M., Stillwell D.J., Qiu L. Do Facebook status updates reflect subjective well-being // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2015. Vol. 18, is. 7. P. 373–379.
60. Algan Y., Beasley E., Guyot F., Higa K., Murtin F., Senik C. Big Data Measures of Well-Being: Evidence from a Google Well-Being Index in the United States // *OECD Statistics Working Papers*. 2016. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/big-data-measures-of-well-being_5jlz9hpg0rd1-en
61. Hills T., Proto E., Sgroi D. Historical analysis of national subjective well-being using millions of digitized books // *Nature : Human Behaviour*. 2019. Vol. 3, is. 12. P. 1271–1275.
62. Leyva G. The mood of twitterers in Mexico. 2018. URL: <https://www.cepal.org/sites/default/files/presentations/presentation-the-mood-of-twitterers-mexico-inegi.pdf>
63. Восколович Н.А. Измерение влияния цифровой трансформации сферы услуг на качество жизни населения // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2019. № 75. С. 6–23.

64. Литвинцева Г.П., Петров С.П. Теоретические основы взаимодействия цифровой трансформации и качества жизни населения // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16, № 3. С. 414–427.
65. Shchekotin E., Baryshev A., Mundrievskaya Y. Images of Well-Being in Everyday Communication // Proceedings of the 32nd International Business Information Management Association Conference (IBIMA 2018) : Vision 2020: Sustainable Economic Development and Application of Innovation Management from Regional Expansion to Global Growth. 15–16 November 2018, Seville Spain. P. 2663–2673.
66. Щекотин Е.В., Мягков М.Г., Гойко В.Л., Кашпур В.В., Коварж Г.Ю. Субъективная оценка (не)благополучия населения регионов РФ на основе данных социальных сетей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 78–116.
67. Щекотин Е.В., Коварж Г.Ю., Гойко В.Л., Петров Е.Ю., Бакулин В.В. Оценка качества жизни населения регионов РФ на основе цифровых данных: методологические аспекты // Векторы благополучия: экономика и социум. 2020. № 3 (38). С. 138–156.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 25 мая 2021 г.

Digital Footprints as a New Source of Data on Quality of Life and Well-Being: An Overview of Current Trends

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 170–181.

DOI: 10.17223/15617793/467/21

Evgeny V. Shchekotin, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: evgvik1978@mail.ru

Keywords: digital footprints; quality of life; well-being; big data; machine learning; digital sociology.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-011-00391.

The article presents an overview of foreign research devoted to the study of the quality of life and well-being of the population by methods of digital sociology, i.e. with the help of new information and communication technologies (such as big data, machine learning, social network analysis, etc.). The most promising and actively developing area of research is the study of digital footprints of users, primarily in social networks (Facebook, Twitter, Weibo, etc.). The advantages (a high degree of detail in the distribution of user ratings over time and space, ability to get more information in general, availability at any time, speed of research, reducing the cost of conducting surveys, flexibility of methodology, etc.) and disadvantages (the problem of representativeness and reliability of data) of using such a methodology to study the quality of life and well-being of the population are discussed. Two main strategies for studying the quality of life and well-being of the population are considered, based on a different understanding of the role and significance of information and communication technologies in people's daily lives. The first strategy – external – considers digital technologies as an external and self-sufficient factor that affects people's daily lives. This strategy is to identify the impact of digital technologies (mainly social media) on individual nuances of quality of life and well-being (life satisfaction, social capital, social support, mental health, depression and fears, loneliness, etc.). The second strategy – internal – does not single out digital technologies as a separate external factor but considers digital technologies as an integral part of people's daily existence. In this case, life in the online information space and life in the physical offline environment are inseparable components of the holistic existence of a modern person, so the analysis of human behavior and reactions in the information space carries as reliable information about the quality of life and well-being of a person as traditional data sources (surveys, etc.). It is concluded that despite significant methodological difficulties and a certain caution of many sociologists regarding the methods of digital sociology, this direction has great prospects and further improvement of the technological component of these studies will make digital methods of studying the quality of life and well-being as reliable as traditional survey methods in sociology.

REFERENCES

1. Fomin, M.V. (2016) *Life Quality Technologies and Postindustrial Era. Voprosy filosofii*. 3. pp. 139–146. (In Russian).
2. Kryshchanovskaya, O.V. (2018) Kryshchanovskaya OV Contactless Sociology: New Forms of Research in a Digital Age. *Tsifrovaya sotsiologiya – Digital Sociology*. 1. pp. 4–9. (In Russian).
3. Bellet, C. & Frijters, P. (2019) Big Data and Well-being. In: Helliwell, J., Layard, R. & Sachs, J. (eds) *World Happiness Report 2019*. New York: Sustainable Development Solutions Network. pp. 97–122.
4. Sanchez, C.R., Craglia, M. & Bregt, A.K. (2017) New data sources for social indicators: the case study of contacting politicians by Twitter. *International Journal of Digital Earth*. 10 (8. pp. 829–845.
5. Schober, M.F. et al. (2016) Research Synthesis: Social Media Analyses for Social Measurement. *Public Opinion Quarterly*. 2016. 80, Is.1. pp. 180–211.
6. Dudina, V.I. & Yudina, D.I. (2017) Mining Opinions on the Internet: Can the Text Analysis Methods Replace Public Opinion Polls? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – The Monitoring of Public Opinion Economic&Social Changes*. 5. pp. 63–78. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.05
7. Ravi, K. & Ravi, V. (2015) A survey on opinion mining and sentiment analysis: tasks, approaches and applications. *Knowledge-Based Systems*. 89. pp. 14–46.
8. Cody, E.M. et al. (2016) *Public Opinion Polling with Twitter*. [Online] Available from: <http://www.uvm.edu/pdodds/research/papers/cody2016b/>
9. Antenucci, D. et al. (2014) Using Social Media to Measure Labor Market Flows. *NBER Working Papers 20010*. [Online] Available from: <https://ideas.repec.org/p/nbr/nberwo/20010.html>
10. Blue, J., Condell, J. & Lunney, T. (2018) Digital Footprints: Your Unique Identity. *Proceedings of the 32nd International BCS Human Computer Interaction Conference (HCI)*. Belfast, UK: BCS Learning and Development Ltd. pp. 1–5.
11. Conlin, M. (2006) You are what you post. *BusinessWeek*. March 27. [Online] Available from: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2006-03-26/you-are-what-you-post>
12. Flerov, O.V. (2018) Human Digital Internet Trace: Humanitarian Approaches. *Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii – Education Resources and Technologies*. 4 (25). pp. 79–82. (In Russian).
13. Awaworyi Churchill, S. & Mishra, V. (2017) Trust, Social Networks and Subjective Wellbeing in China. *Social Indicators Research*. 132. pp. 313–339.
14. Beyens, I. et al. (2020) The effect of social media on well-being differs from adolescent to adolescent. *Scientific Reports*. 10. Art. No. 10763. [Online] Available from: <https://www.nature.com/articles/s41598-020-67727-7>
15. Bourgeois, A., Bower, J. & Carrol, A. (2014) Social Networking and the Social and Emotional Wellbeing of Adolescents in Australia. *Australian Journal of Guidance and Counselling*. 24 (2). pp. 167–182.
16. Brusilovskiy, E., Townley, G., Snethen, G. & Salzer, M.S. (2016) Social media use, community participation and psychological well-being among individuals with serious mental illnesses. *Computers in Human Behavior*. 65. pp. 232–240.

17. Krishnan, A. & Zhou, X. (2019) Modeling the effect of health antecedents and social media engagement on healthy eating and quality of life. *Journal of Applied Communication Research*. 47 (4). pp. 365–380.
18. Lee, P.S.N., Leung, L., Lo, V., Xiong, C. & Wu, T. (2010) Internet communication versus face-to-face interaction in quality of life. *Social Indicators Research*. 100. pp. 375–389.
19. McDool, E., Powell, P., Roberts, J. & Taylor, K. (2020) The internet and children's psychological wellbeing. *Journal of Health Economics*. 69. Art. No. 102274. [Online] Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0167629618311408?via%3Dihub>
20. Sabatini, F. & Sarracino, F. (2017) Online Networks and Subjective Well-Being. *Kyklos*. 70 (3). pp. 456–480.
21. Settanni, M., Azucar, D. & Marengo, D. (2018) Predicting Individual Characteristics from Digital Traces on Social Media: A Meta-Analysis. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 21 (4). pp. 217–228.
22. Slegers, K., Van Boxtel, M.P.J. & Jolles, J. (2008) Effects of computer training and Internet usage on the well-being and quality of life of older adults: a randomized, controlled study. *Journals of Gerontology: Psychological Sciences and Social Sciences*. 63 (3). pp. 176–184.
23. Summerskill, B. (2009) Online social networks and wellbeing. *Lancet*. 374. p. 514.
24. Verdun, P. et al. (2017) Do social network sites enhance or undermine subjective well-being? A critical review. *Social Issues and Policy Review*. 11 (1). pp. 274–302.
25. Wheatley, D. & Buglass, S.L. (2019) Social network engagement and subjective well-being: a life-course perspective. *British Journal of Sociology*. 70 (1). pp. 1971–1995.
26. Yang, Y., Yuan, Y., Archer, N. & Ryan, E. (2016) Adoption of Social Media and the Quality of Life of Older Adults. *49th Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS)*. pp. 3133–3142. [Online] Available from: <https://ieeexplore.ieee.org/document/7427577>
27. Hawi, N.S. & Samaha, M. (2017) The Relations Among Social Media Addiction, Self-Esteem, and Life Satisfaction in University Students. *Social Science Computer Review*. 35 (5). pp. 576–586.
28. Longstreet, P. & Brooks, S. (2017) Life satisfaction: A key to managing internet & social media addiction. *Technology in Society*. 50. pp. 73–77.
29. Zhan, L., Sun, Y., Wang, N. & Zhang, X. (2016) Understanding the influence of social media on people's life satisfaction through two competing explanatory mechanisms. *Aslib Journal of Information Management*. 68 (3). pp. 347–361.
30. Burke, M., Marlow, C. & Lento, T. (2010) Social Network Activity and Social Well-Being. *Proceedings of the SIGCHI conference on human factors in computing systems*. pp. 1909–1912.
31. Chen, H.-T. & Li, X. (2017) The contribution of mobile social media to social capital and psychological well-being: Examining the role of communicative use, friending and self-disclosure. *Computers in Human Behavior*. 75. pp. 958–965.
32. Ellison, N.B., Vitak, J., Gray, R. & Lampe, C. (2014) Cultivating social resources on social network sites: Facebook relationship maintenance behaviors and their role in social capital processes. *Journal of Computer-mediated Communication*. 19. pp. 855–870.
33. Valenzuela, S., Halpern, D. & Katz, J.E. (2014) Social network sites, marriage well-being and divorce: Survey and state-level evidence from the United States. *Computers in Human Behavior*. 36. pp. 94–101.
34. Aalbers, G. et al. (2019) Social media and depression symptoms: a network perspective. *Journal of Experimental Psychology: General*. 148 (8). pp. 1454–1462.
35. Alt, D. (2018) Students' Wellbeing, Fear of Missing out, and Social Media Engagement for Leisure in Higher Education Learning Environments. *Current Psychology*. 37. pp. 128–138.
36. Appel, H., Gerlach, A.L. & Crusius, J. (2016) The interplay between Facebook use, social comparison, envy, and depression. *Current Opinion in Psychology*. 9. pp. 44–49.
37. Lin, L.Y. (2016) Association between social media use and depression among U.S. young adults. *Depression and Anxiety*. 33. pp. 323–331.
38. McCloskey, W., Iwanicki, S., Lauterbach, D., Giammitto, D.M. & Maxwell, K. (2015) Are Facebook "Friends" Helpful? Development of a Facebook-Based Measure of Social Support and Examination of Relationships Among Depression, Quality of Life, and Social Support. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*. 18 (9). pp. 499–505.
39. Reer, F., Tang, W.Y. & Quandt, T. (2019) Psychosocial well-being and social media engagement: The mediating roles of social comparison orientation and fear of missing out. *New Media & Society*. 21 (7). pp. 1486–1505.
40. Hunt, M.G., Marx, R., Lipson, C. & Young, J. (2018) No More FOMO: Limiting Social Media Decreases Loneliness and Depression. *Journal of Social and Clinical Psychology*. 37 (10). pp. 751–768.
41. Song, H. et al. (2014) Does Facebook make you lonely?: A meta analysis. *Computers in Human Behavior*. 36. pp. 446–452.
42. Hardy, B.W. & Castonguay, J. (2018) The moderating role of age in the relationship between social media use and mental well-being: An analysis of the 2016 General Social Survey. *Computers in Human Behavior*. 85. pp. 282–290.
43. O'Reilly, M. et al. (2018) Is social media bad for mental health and wellbeing? Exploring the perspectives of adolescents. *Clinical Child Psychology and Psychiatry*. 23 (4). pp. 601–613.
44. Rasmussen, E.E., Punyanunt-Carter, N., LaFreniere, J.R., Norman, M.S. & Kimball, T.G. (2020) The serially mediated relationship between emerging adults' social media use and mental well-being. *Computers in Human Behavior*. 102. pp. 206–213.
45. Lee, K.-T., Noh, M.-J. & Koo, D.-M. (2013) Lonely people are no longer lonely on social networking sites: The mediating role of self-disclosure and social support. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 16. pp. 413–418.
46. Chou, H.-T.G. & Edge, N. (2012) 'They Are Happier and Having Better Lives than I Am': The Impact of Using Facebook on Perceptions of Others' Lives. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 15 (2). pp. 117–121.
47. Priyadarshini, C., Dubey, R., Kumar, Y.L.N. & Jha, R. (2020) Impact of Social Media Addiction on Employees' Wellbeing and Work Productivity. *Qualitative Report*. 25. pp. 181–196.
48. Hao, B., Li, L., Gao, R., Li, A. & Zhu, T. (2014) Sensing Subjective Well-Being from Social Media. *Proceedings of 10th International Conference Active Media Technology*. Springer. pp. 324–336.
49. Schwartz, H.A. et al. (2016) Predicting individual well-being through the language of social media. *Pacific Symposium on Biocomputing*. 21. pp. 516–527.
50. Schwartz, H.A. et al. (2013) Characterizing geographic variation in well-being using tweets. *Proceedings of the Seventh International AAAI Conference on Weblogs and Social Media*. Cambridge, MA. pp. 583–591.
51. Chen, L. et al. (2017) Building a profile of subjective well-being for social media users. *PLoS ONE*. 12 (11). Art. No. e0187278.
52. Wu, K., Ma, J., Chen, Z. & Ren, P. (2015) Analysis of Subjective City Happiness Index Based on Large Scale Microblog Data. *Proceedings of Web Technologies and Applications: 17th Asia-Pacific Web Conference*. Springer. pp. 365–377.
53. Wang, N., Kosinski, M., Stillwell, D.J. & Rust, J. (2014) Can Well-Being be Measured Using Facebook Status Updates? Validation of Facebook's Gross National Happiness Index. *Social Indicators Research*. 115. pp. 483–491.
54. Yang, C. & Srinivasan, P. (2016) Life Satisfaction and the Pursuit of Happiness on Twitter. *PLoS ONE*. 11 (3). Art. No. e0150881.
55. Mitchell, L. et al. (2013) The Geography of Happiness: Connecting Twitter Sentiment and Expression, Demographics, and Objective Characteristics of Place. *PLoS ONE*. 8 (5). Art. No. e64417.
56. Algan, Y., Murtin, F., Beasley, E., Higa, K. & Senik, C. (2019) Well-being through the lens of the Internet. *PLoS ONE*. 14 (1). Art. No. e0209562.
57. Collins, S., Sun, Y., Kosinski, M., Stillwell, D. & Markuzon, N. (2015) Are you satisfied with life? Predicting satisfaction with life from Facebook. *International Conference on Social Computing, Behavioral-Cultural Modeling, and Prediction*. Springer. pp. 24–33.

58. Kosinski, M., Stillwell, D. & Graepel, T. (2013) Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 110 (15). pp. 5802–5805.
59. Liu, P., Tov, W., Kosinski, M., Stillwell, D.J. & Qiu, L. (2015) Do Facebook status updates reflect subjective well-being. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 18 (7). pp. 373–379.
60. Algan, Y. (2016) Big Data Measures of Well-Being: Evidence from a Google Well-Being Index in the United States. *OECD Statistics Working Papers*. [Online] Available from: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/big-data-measures-of-well-being_5j1z9hpg0rd1-en
61. Hills, T., Proto, E. & Sgroi, D. (2019) Historical analysis of national subjective well-being using millions of digitized books. *Nature: Human Behaviour*. 3 (12). pp. 1271–1275.
62. Leyva, G. (2018) *The mood of twitterers in Mexico*. [Online] Available from: <https://www.cepal.org/sites/default/files/presentations/presentation-the-mood-of-twitterers-mexico-inegi.pdf>
63. Voskolovich, N.A. (2019) Measuring the Impact of Digital Transformation of Services on the Quality of Life. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik – Public Administration. E-Journal*. 75. pp. 6–23. (In Russian).
64. Litvintseva, G.P. & Petrov, S.P. (2019) Theoretical Foundations of Digital Transformation of Economy and People's Quality of Life. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*. 16 (3). pp. 414–427. (In Russian).
65. Shchekotin, E., Baryshev, A. & Mundrievskaya, Y. (2018) Images of Well-Being in Everyday Communication. *Proceedings of the 32nd International Business Information Management Association Conference (IBIMA 2018): Vision 2020: Sustainable Economic Development and Application of Innovation Management from Regional Expansion to Global Growth*. 15–16 November. Seville, Spain. pp. 2663–2673.
66. Shchekotin, E.V. et al. (2020) Subjective Measurement of Population Ill-Being/Well-Being in the Russian Regions Based on Social Media Data. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*. 1. pp. 78–116. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.05
67. Shchekotin, E.V. et al. (2020) Assessment of the Population Life Quality in Russian Regions Based on Digital Data: Methodological Aspects. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium – Journal of Wellbeing Technologies*. 3 (38). pp. 138–156. (In Russian).

Received: 25 May 2021

H.N. Gunes

ATTITUDES OF GAGAUZES AND ULUPAMIR KYRGYZES TOWARDS PREMARITAL SEX: A COMPARISON BASED ON ETHNICITY–RELIGION–TRADITION

A comparative analysis of attitudes of Gagauzes and Ulupamir Kyrgyzes, each acknowledged as constituents of the global Turkish culture, towards premarital sex was carried out in this study. Gagauzes are an autonomous Christian community, while Ulupamir Kyrgyzes are a Muslim community living in exile in territories of a different country. It was stipulated that their different religious affiliations would act as a discriminator with the assumption that both communities have much in common at the level of ethnicity, culture, and tradition. Both communities, on the other hand, are considered as sub-national communities whose identity-building processes are in progress. In identity-building processes, components such as religion, ethnicity, and tradition may be instrumentalized at different levels according to the existing socio-political conditions. The gender regime, which also includes attitudes towards premarital sex, is shaped according to the nature of this instrumental use as well. Therefore, 166 people – 115 women and 51 men – from the Gagauz community and 154 people – 76 women and 78 men – from the Ulupamir Kyrgyz community were met to measure the impact of the ethnicity, religion, and tradition elements on attitudes towards premarital sex associating with factors such as age, gender, income, and education. Findings indicate that, although attitudes of both communities towards premarital sex seem to have a conservative mean, the scores of Gagauzes are significantly higher compared to that of Ulupamir Kyrgyzes. By interpreting the findings, it has been concluded that the influence of the ethnicity and tradition factors are more evident in the attitudes of Gagauzes and the religion factor in the attitudes of Ulupamir Kyrgyzes.

Keywords: Gagauzes; Ulupamir Kyrgyzes; premarital sex; ethnicity; religion; tradition.

Introduction

This study aims to perform a comparative analysis of the attitudes of Gagauzes living in the Gagauz Autonomous Region of Moldova and Ulupamir Kyrgyzes living in the Erciş District of the Van province of Turkey towards premarital sex. The main reason for choosing these two communities living in different geographies for comparison is that, although both communities are considered to be components of Turkish culture, they are subject to different belief systems. Pan-Turkist policies that Turkish tribes living scattered in various parts of Central Asia, Asia Minor, and Europe are the bearers of historical Turkish Culture, and that all these communities form cooperation and share a common destiny [1] are still strong and widespread. Well, is this cultural genetics so dominant that it is capable of absorbing religious differences considering the theses and policies identified based on the evidence such as common linguistic features, shared customs, and migration maps based on their common movement points? In other words, is it possible to reunite in a folk spirit (*volkgeist*) that takes cultural genetics as a reference despite the differences in the level of faith?

As will be discussed in more detail below, both Gagauzes and Ulupamir Kyrgyzes speak dialects very similar to Turkish and most of their birth, wedding, and funeral ceremonies are also seen in Turkey and other Turkish communities. Both communities feel a close connection in both socio-cultural and political level with Turkey. Similarly, these communities attract the attention of the people of Turkey [2]. Therefore, I assume that the social perceptions with reference to Turkish culture will be similar in these communities. It would not be wrong to say that attitudes towards sex before marriage, which constitute the focal point of the study, are also included in this pre-acceptance.

Although Turkish culture, whose origins are based on the history of Central Asia, nourished from the shamanic

tradition, the historical Turkish civilization, in general, was included in the Islamic cultural environment by converting to Islam in the 8th century [3]. During the so-called Migration Period, it is also known that they chose Christianity in line with the socio-political processes involving some small tribes who disintegrated from the main body and display scattered settlements. Nevertheless, according to the Pan-Turkism approach, the tendency to consider these communities in Turkish culture is more dominant [4]. It is possible to say that, although religion has an important place, ethnicity and tradition prevail in the basic motivation of this approach. In this context, being a Christian is considered a second-degree deviation.

Religion, Ethnicity, Tradition: Classification of the Framework

A community may belong to a different belief system from the communities in the ethnic identity group to which it belongs. At this point, on what basis should the gender perception of that community, including the perspective of premarital sexuality, be evaluated? Ethnicity, religion, tradition, or modernity? Among these options, even if we place modernity in a separate category on the basis of a traditional–modern contrast, the first three elements contain a nested uncertainty in terms of a cause-and-effect relationship. For example, while Durkheim [5] argued that religion emerged when socially based rituals created common patterns, according to Schuon [6], religion is the ore derived from the tradition itself. However, debates are also under way where the meanings of the concepts of religion and tradition gain importance in terms of different belief systems. Accordingly, in Islam, the emphasis on religion stands out in that it is based on the Holy Quran, which is regarded as a divine text whose single letter has not changed; however, Christianity is intertwined with tradition due to the secularization process it went through [7. P. 168]. This

distinction does not offer a safe assessment option because, although the religion of Islam has not entered into a secularization process like the Western example of Christianity, it has revealed a wide variety of practical differences based on interpretation as a result of its relations at both social and political levels. Otherwise, we would not have been watching a Sectarian Conflict between Iran and Saudi Arabia [8] in the sub-dimension of Huntington's Clash of Civilizations [9]. Likewise, we would not be confronted with the knowledge in the Bible that a military aristocracy flourished from the private property of the land whose ownership was God's right, and the right to use was based on the principle of equality [10. P. 310–311]. At this point, as Marx states, in his German Ideology [11. P. 72], that religion and politics – which he considers the real causes of this era – are nothing but the forms of production relationships embraced by the civil society and that they are wrongly considered as the only active forces that determine practical activities of people. Adhering to this notion, one could move ahead as per the framework of established forms and consequences of this upside-down relationship. In this sense, Hobsbawm's [12] Invention of Tradition and Anderson's [13] Imaginary Communities thesis can lead us because we know that historical relations of production were able to make one of the phenomena of ethnicity, religion, and tradition more functional. The relationship of the Roman Empire with Christianity, Nazi Germany with the concept of Ari Race, fascist Japan with tradition created social motivation for the desire for absolute power. The relationship between men and women has vital importance at the basis of the collective spirit that is tried to be built through all three sources of motivation, and especially women play an important role. This is because women are often established as cultural symbols of the community and community borders, carriers of the community's honor, and intergenerational reproducers of community culture [14. P. 132–133].

Women should not be positively implicated in being reproducers of community culture, as this is a passive category subject to the notion of creating culture and civilization through men [15]. All monotheistic religions took the woman's fertility, namely her life-giving power, ideologically, and gave it to God and the man who was his representative on earth [16. P. 10]. These religions, on the other hand, labeled women literally as a reckless and cursed being to be kept under control based on the myth of Adam and Eve [17]. On the other hand, they kept the women in the system, providing that she was primarily a virgin, then a loyal wife, and ultimately a good mother, and commissioned them as a producer of community culture. Although the influence of religious institutions that provide the organization of all these gender roles in different periods and different societies has decreased or changed, maintaining the stability of these roles should require a social motivation that also instrumentalizes religious discourse. Nations, imaginary communities, which Anderson [13] claimed to have emerged as a result of the decline of religions and dynasties, the rise of capitalist publishing and the change in the perception of time, can be considered as the new form of this motivation. Indeed, on the way to the capitalist

nationalization process, the Medieval Catholic church significantly transferred its organizational function to the state. The modern nation-state, on the other hand, did not make significant expansions on women and their gender roles, but only reproduced the issue from a theocratic perspective to a technocratic framework (such as population planning, poverty laws, family policies). Moreover, in order to reduce financial responsibilities, such as the care of illegitimate babies, which was under the responsibility of the Church in the past centuries, the modern nation-state has changed the tradition by declaring it out of morality and virtue [18]. However, like Catholic Church offering the opportunity to be purified provided that it turns into a sinful Eve, the Virgin Mary, or Mary Magdalena, who is repentant and devoted to God; it will also be the modern nation-state that converts this uncanny being into the Holy Mother [19] provided that it fulfills its assigned duties.

Although bloody battles continued in the past; there seems to be a single point where nations, religions, and their traditions unite: woman and control over her. However, when expressed in this way, there is a risk that the main issue will be reduced to some form of misogyny, but we can see the tendency of men to be supervised by the same elements, albeit their level is quite different. Rules that are accepted as indicative of male control include rules about marriage and afterward. In this sense, it would not be wrong to say that the real interest of the will, which instrumentalizes religion, tradition, ethnicity, and nation, is the family institution, where it bears a vital responsibility for the preservation and maintenance of its existential conditions through reproduction. It is related to the fact that the family institution plays a central role in the social functionalist sociological approach that develops a conservatism relationship with the above three factors and focuses on order and harmony [20]. The construction of the family institution within a structure with boundaries and rules, just like the nation-state, systematized top-down value transfer and bottom-up reproduction. In this system, codes defining the requirements of marriage, sexuality, and reproduction will be placed, and these codes can be found in religion, ethnicity, or tradition according to the current character of sociality. So that, even modernity, which builds the cause of existence on its categorical contrast with the traditional, does not hesitate to appeal to each of these three, while encouraging mothers to raise labor force and military children that the nation-state needs; like the 3Ks of Nazi Germany: Kinder: Child, Küche: Kitchen, Kirche: Church [21. P. 119].

In the final analysis, it is possible to summarize my basic approach when evaluating attitudes towards premarital sex, which is the subject of this study, as follows: civil society dominating production relations builds patriarchy as a social control system, and patriarchy generates codes by making use of religion, ethnicity, and tradition both instrumentally and relationally. In this sense, the attitudes of Gagauzes and Ulupamir Kyrgyzes about premarital sexuality will be discussed in relation to virginity, the cultural code, and within the framework of religion, ethnicity, and tradition.

Marriage and Virginitly in Kyrgyz Society

Ulupamir Kyrgyzes comprise a community of around 2,000 inhabitants in Ulupamir village, Erciş District, Van, Turkey. In the early 20th century, Ulupamir Kyrgyzes, who lived a nomadic life on the plateaus of the Pamir located in a strategic location between the Soviet Union, Afghanistan, and China within the borders of East Turkistan, Afghanistan, and Pakistan, constantly moved (Ulupamir Kyrgyzes faced the obligation to re-migrate at the time of the final version of this article. The hydroelectric power plant, which was established exactly in their residential area, threatens the living space of Ulupamir Kyrgyzes) because of wars, unrest, and political pressures and, finally, migrated to Turkey when the Soviet Union invaded Afghanistan [22]. The Kyrgyz who shared shamanism, Zoroastrianism, and other pagan beliefs with other communities in the region of Siberia previously, are estimated to have adopted Islam from the 8th century onward [23].

It could be argued that Kyrgyzes adhere to an interpretation of Islam far from that of Arab culture within a common cultural circle with Turkic communities such as Kazakhs, Uzbeks, Turkmens, Azerbaijanis, and Tatars with whom they share the same language and religion [24]. On the other hand, it is known that Islamic practices are superficial among Kyrgyzes living in the northern and eastern regions, whereas Islamic motives are dominant in religious practices among Kyrgyzes in the southern and western regions [25]. The present religiosity in Ulupamir Kyrgyzes, who entered the southern group alongside their life experiences in the Pamir Mountains, has become more evident due to the impact of forced migrations. This tendency in Ulupamir Kyrgyzes is also evident in preferring Turkey despite being offered settlement possibilities in Alaska [26].

Islam and pre-Islamic belief systems in Kyrgyz society could be argued to have different effects in terms of examining concepts such as gender, women, virginity, and marriage. Generally, studies aimed at determining the place of women in pre-Islamic Turkish culture [27–30] commonly indicate that the value given to women is higher than in the Islamic period. While suggesting that Turks are both democrat and feminist because of the influence of shamanic culture, the Turk sociologist Gökalp [31] tries to materialize his claim with the women's rights of divorce, earning property, and patrimony. On the other hand, these examples do not prevent the formation of a strict understanding of morality and honor in Turkish culture. Eventually, the pre-Islamic Turkish culture has a patriarchal identity as well and severe punishments like burning or dismembering of the accused for acts of violating honor [32] is a manifestation of this strict patriarchal understanding. By contrast, the status of women in Islamic culture has been determined by precise lines of Islamic law. Even though Quran, which makes up the basis of this law, discusses females in an egalitarian and non-discriminatory manner, it takes an approach that nourishes patriarchal social gender hierarchy by placing them in a financially male-dependent and culturally obedient position [33]. For the moral principles of Kyrgyz society in the framework of gender,

it could be argued that it is a form of pre-Islamic patriarchal values that are further toughened by Islamic law. The concept of virginity is considered a very sensitive value in this form [34, 35]. Loss of virginity is a very serious problem in Kyrgyz culture and the veracity of how virginity is lost may remain a secondary concern against the seriousness of this issue. The most concrete example of this situation is the incidents of kidnapping girls. The phenomenon is ubiquitous in Kyrgyz society; it often ends up in marriage. Since the loss of virginity as a result of forced possession of a young girl during the kidnapping is irreversible, the only way to put this corollary into a moral framework is marriage [36–38]. Islam's influence might be dominant in this approach since the consent of two parties is sought for marriage in pre-Islamic culture and the kind of rapes seen in abduction incidents are stated to end up with death penalties in cases when the woman does not consent for marriage [39].

Marriage and Virginitly in Gagauz Society

Gagauzes are a Christian community living in the Gagauz Autonomous Region, located within the borders of the Republic of Moldova but also living in a scattered manner in many countries such as Ukraine, Bulgaria, Romania, Greece, and Russia. Around 63% of Gagauzes, who make up a large population of around 170 thousand people in the Gagauz Autonomous Region of 1,882 km² consisting of the capital city Komrat and districts of Çadır and Vulkanesh, live in rural areas [40. P. 35]. Besides widely speaking Russian and Moldavian, the middle-aged and elderly population tries using the Gagauz language, which is close to Turkish. The Gagauz society has been treated as a Turkic community in many studies in Turkish academic literature and has received particular attention beside other communities that are considered as consanguine in the foreign policy of the Republic of Turkey [41, 42]. However, the issue of ethnic origins of the Gagauz people is quite complicated.

As per the oldest examples from the sources seen in the late 19th century, it is possible to tell that the debates on the ethnic origin of the Gagauz people are gathered under two groups, of which one is of Turkish origin and the other is of non-Turkish origin. Those who advocate non-Turkish theses include historians such as Meşçerük, Gurgurov, and Svinin [43] who defend the theory that Gagauzes are Bulgarians who maintained their religion despite losing their language. However, under the theses of Turkish origin, the Gagauz people are the descendants of Seljuk Turks who came to Dobruca with the Seljuk Sultan, 2nd Izzeddin Keykavus, from Anatolia and the individuals like Balasçev [44] and Wittek [45] claim that the name of Gagauz comes from Keykavus [46]. Manof [47] and Kafesoğlu [41] maintain that there are two different versions of Gagauzes. They are either an extension of Turkish tribes such as Peçeneks and Kumans or come from a lineage consisting of a blend of these two with tribes of Oğuz. Today, interestingly, the Gagauz people living within the borders of Moldova claim to be of Turkish origin, while those living within the borders of Bulgaria claim to be of Bulgarian origin [48]. In this case,

since the main reference ought to be the Gagauz people living in the native country, the theses of Turkish origin must be considered more explanatory. Another point of reference is the Gagauz cultural assets that emerged in many anthropological and sociological studies of Gagauzes that show similar features to Turkic communities in Anatolia and Central Asia. This gives us a common point of action in terms of comparing Ulupamir Kyrgyzes and Gagauzes in a cultural study. Meanwhile, the fact that Gagauzes are Christian, unlike most Turkic communities, provides a particular focus to this comparison.

Statelessness, dispersion, and weak political structure of Gagauzes have also destabilized the relationship of this society with religion, ethnicity, and tradition. The Turkish identity in their relations with the Ottomans and the rise of the Orthodox faith in their contact with the Bulgarian language or Greek politics under the Bulgarian flag are related to this situation. However, nonlinear outcomes of these crosswise effects also take shape. For instance, Manof [47. P. 47] states that no one is able to convince the Gagauz people that what they do is wrong concerning their disobedience or even outright violation of Christianity. Although this is the result of their closeness to tradition than religion, it is related to their worship in Greek, Bulgarian, and Moldovan languages until the early 20th century and the lack of religious books in their languages [43]. At this point, belief structures have become eclectic, and this is reflected in practice as well. Gagauzes living in the region have their forenames from the Bible, and their last names are Gagauzian/Turkish and, instead of the term God, they use the Islamic terminology, Allah.

The structure of the Gagauz tradition entirely reflects the codes of the patriarchal regime. In the period until it came under the influence of the Soviet Union, the women's identity was structured by traditions and lived as subordinate to men; women could not even have their own passports and were deprived of all political rights [43]. Of general tendencies of women, who are fully dependent on traditional mother and wife roles, are not to reveal besides not complaining when they are subjected to violence, not to break into conversation in the environment where stranger men are around, and not to consider divorce as an option despite all kinds of difficulties [43]. However, this frame was largely broken with the rules of the Soviet regime, and the gender roles were transformed by granting various political rights to women and their inclusion in working life. Although the effects of these gains persist today, immediately after the dissolution of the Soviet regime, the Gagauz society instinctively returned to their traditions. Soon the gender roles that have changed under the influence of Soviet ideology will be affected by the conditions of the free market economy this time. At least one member of Gagauz families, who suffer from poverty and insecurity, has gone to European countries to work while also many women go to various countries, especially Turkey, as care-workers, maidservants, or sex workers [49, 50]. The fact that fathers who are left behind with their children must carry out the house chores has created a new break in traditional roles.

Despite the ever-changing conditions and fluctuations in values, the influence of tradition on the gender regime of Gagauz society is evident. However, this tradition has become horrendous in the extent of uncertainty that the quest for religious, ethnic, and political identity has created. From the 1990s, when the Soviet regime collapsed, till the present day, an independent Gagauz is being shaped within the policy of establishing a national identity. Today, the middle-aged-plus women living in Gagauz society complain that the young generations are pulling away from tradition. Women from this generation, whom I met for a different study, emphasize the importance of traditional gender roles of women and occasionally accuse themselves of neglecting these roles, referring to the image of the "sinful woman" of Medieval Christianity [51]. On the other hand, the Gagauz woman has to explain the situation of her biotypes who engage in sex work, if necessary, to supply their family under the conditions that disregard the tradition [52, 53]. After centuries, today, the Gagauz people were able to acquire an autonomous position by breaking the dependency relationships, this time they are experiencing the agony of acquiring a new identity squeezed between the effort to create a national awareness with reference to tradition and the living conditions imposed by economic problems.

Methodology

This survey seeks to determine the views of the Gagauz community living in the Gagauz Autonomous Region of Moldova and the Ulupamir Kyrgyzes in the Van province of Turkey on premarital sex based on data obtained from a measurement tool applied.

Participants

A total of 166 Gagauzes, 115 women and 51 men, and 154 Ulupamir Kyrgyzes, 76 women and 78 men, who were randomly selected from the lower, middle, and upper socioeconomic levels living in the Gagauz Autonomous Region by applying simple random sampling, which is a method in which every subject in the population has the same chance of being selected, participated in the study. Herewith, the field research was carried out with the participation of 320 people in total. The distribution of participants is presented in Table 1 as per their nationality, age, gender, income, and educational levels.

Instrument

Premarital Sexual Permissiveness Scale (PSPS) consisting of 12 items developed by Karakurt [54] and a Personal Information Form containing four questions on demographic factors such as age, gender, income, and education level making up a measurement of 16 questions was employed in the study.

The participants indicated the extent of their agreement with the statements given in PSPS on a scale of 1 to 5, where 1 shows a negative attitude, 3 indecision, and 5 a positive attitude.

According to the results of reliability analysis of PSPS, the mean of the 12-item scale was calculated as 27.2 with a standard deviation of 9.699. The overall mean and the overall variance of items were obtained as 2.267 (Min = 1.703, Max = 3.234) and 1.928 (Min = 1.498, Max = 2.594) respectively. The mean of the correlation between items was computed as 0.281 (Min = 0.002, Max = 0.827).

The Cronbach's Alpha coefficient of the scale was found 0.823. This result shows evidence that the 12 items in the scale are highly reliable in that they represent a homogeneous whole. There was no evidence to cause a change in the Cronbach Alpha coefficient obtained when one or more of the items in the scale was removed and it was concluded that the scale is consistent in its entirety.

Table 1

Demographics of Research Participants

		Gagauz (%)	Kyrgyz (%)	Total (%)
Gender	Female	69.3	49.4	59.7
	Male	30.7	50.6	40.3
Age Group	25-35	43.4	68.2	55.3
	36-45	21.1	19.5	20.3
	46-54	23.5	9.7	16.9
	55 and above	12.0	2.6	7.5
Education Level	Primary School	7.8	28.6	17.8
	Secondary School	18.7	26.6	22.5
	High School	30.7	31.2	30.9
	University	38.6	13.0	26.3
	Graduate	4.2	.6	2.5
Income/per month (USD)	No Income	34.9	18.8	27.2
	0.1-150.0	34.3	3.9	19.7
	150.1-300.0	26.5	19.5	23.1
	300.1-450.0	4.2	45.5	24.1
	450.1 +	.0	12.3	5.9
Total		100.0	100.0	100.0

Procedure

In order to determine the Gagauz participants for the study, the Moldova Turkish Embassy and the Turkish Student Representative of Komrat State University were contacted, and the field research was carried out in August 2018 in person, with the help of the Turkish Student Representative as well as teachers who are appointed officially by the Republic of Turkey in the region and students of Gagauz origin receiving undergraduate education in Turkey.

In the sample of the Gagauz community, some obstacles arose in terms of balancing the number of men and women. In most of the households in the Gagauz community, at least 1 male went out of the region or country to work. For this reason, more women are encountered in the households visited for the interview. On the other hand, different towns in Gagauz Autonomous Region were visited for interviews and these visits could be made within working hours. For this reason, many men who were at work at that time could not be reached. As a result, the Gagauz sample consisted of 115 female and 51 male participants.

To contact the Ulupamir Kyrgyzes, who were to participate in the study, permission was firstly sought from the administrative authorities of Erciş District of the Van province. Then the village chief representing the Ulupamir Kyrgyz community was contacted under the guidance of faculty members working in Bitlis Eren University who previously had conducted studies with this community, and the field research was carried out in March 2019.

Data Analysis

PSPS includes items containing positive and negative statements. The contribution of positive aspects to the

scale score was obtained by reversing responses given to the items that contained negative expressions. This way, large scores for the scale show a positive attitude towards the scale, while small scores show a negative attitude. The amount of monthly income obtained in local currency is grouped by calculating its USD equivalent to ensure its comparability. Groups with an insufficient number of observations in variables of age, education level, and monthly income were combined. Number (frequency) and percentage distributions of the responses provided for the scale items were examined, and an outlier analysis was also performed which yielded no extreme points of concern. The distribution was examined according to independent variables, where the skewness and kurtosis values were found falling in the range of ± 1 and there was a close to normal distribution. Moreover, it was checked whether it was distributed with a common variance according to independent variables, and it was decided to use the alternative provision for the test used in cases where there was no common variance. The Student t-test was examined when the assumption of common variance of PSPS scores was satisfied in two-group factor comparisons, while the Welch test was examined for variables with no common variance. One-way ANOVA was used in multi-group factor comparison of PSPS scores and F statistics in distributions with a common variance, as well as Welch test results were examined in heteroscedastic cases. However, two-way ANOVA was used for interaction comparisons of PSPS scores under two factors along with Bonferroni correction for distributions sharing a common variance in all pair comparisons, while Games-Hovell results were examined in cases with no common variance. Cohen's d was computed for pair group factors and Partial Eta Square values for one-way and two-way ANOVAs for effect sizes.

Findings and interpretations

The study's findings were obtained through combinations that measured the relationships between ethnicity, gender, age, income, and education factors and the PSPS scores. The findings are presented together with their graphics that stand out in terms of evaluation.

When the PSPS scores were examined according to the nationality of those involved in the study, the mean score of Gagauzes (2.566 ± 0.7919) was observed to be

higher than the mean score of Ulupamir Kyrgyzes (1.944 ± 0.6953). On the other hand, it could be argued that there is no gender difference in attitudes regardless of nationality ($F(1, 316) = 2.663$; $p = 0.104$; $\eta^2 = 0.008$). According to the two-way ANOVA result, the interaction variable (nationality*gender) was not significant and the PSPS scores were parallel to nationality and gender, ($F(1, 316) = 0.552$; $p = 0.458$; $\eta^2 = 0.002$). The PSPS scores of men and women in both communities are seen in Figure 1.

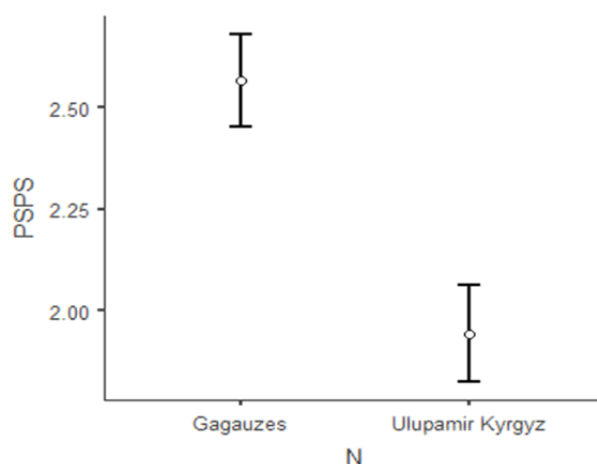

Fig. 1. PSPS Scores by Nationality

When the PSPS scores were examined along with nationality and education variables, score distribution according to nationality and education level shares a common variance (Levene $F(7, 312) = 0.416$; $p = 0.892$).

Figure 2 indicates a significant difference in the PSPS score according to nationality ($F(1, 312) = 15.708$; $p = 0.0001$; $\eta^2 = 0.091$). In the meantime, there is a different mean according to education levels regardless of nationality ($F(3, 312) = 6.042$; $p = 0.008$; $\eta^2 = 0.037$). Besides, the interaction of nationality and education level was significant ($F(3, 312) = 9.580$; $p = 0.0001$; $\eta^2 = 0.057$). In this interactive model, it could be argued that scores significantly differ in some levels of education according to nationality. According to the F tests results, the PSPS scores were significantly different at each level of education in high school ($F(1, 312) = 5.386$; $p = 0.017$; $\eta^2 = 0.017$) and University + graduate levels ($F(1, 312) = 41.970$; $p = 0.0001$; $\eta^2 = 0.119$) in terms of nationality. The degree of effect of this difference is higher at the University + graduate level as indicated by Partial ETA Square.

Considering the analysis of the difference yielded by the F test related to pair-wise comparisons in high school and University + Graduate levels according to nationalities, the PSPS scores of Gagauz people significantly differed according to the levels of their education ($F(3, 312) = 11.076$; $p = 0.0001$; $\eta^2 = 0.096$). However, the PSPS scores of Kyrgyz people did not significantly differ according to the levels of

their education ($F(3, 312) = 2.308$; $p = 0.077$; $\eta^2 = 0.022$).

Moreover, the PSPS score did not have a common variance according to nationality, amount of income, and interaction model (Levene $F(7, 312) = 2.954$; $p = 0.005$). Therefore, the ANOVA test was performed separately. The PSPS scores separately analyzed by nationality and income distributions were found to have no common variance (Gagauz; Levene $F(3, 162) = 3.706$; $p = 0.013$; and Kyrgyz; Levene $F(3, 150) = 2.273$; $p = 0.073$). ANOVA results under unequal variance were analyzed by Welch test and Post Hoc comparisons by Games-Howell test. According to the Welch test results applied separately for each nationality, the PSPS score of Gagauzes may differ according to income status (Welch $(3, 31.933) = 8.154$; $p = 0.0001$). However, there was no statistical evidence that the PSPS score of Kyrgyz people differed according to income status (Welch $(3, 20.637) = 1.362$; $p = 0.282$). Figure 3 illustrates that as a result of pair-wise comparisons of income levels, Gagauzes with incomes more than 300USD were found to have significantly higher PSPS scores than those with lower income levels. Accordingly, considering the order of the largest difference, the 0.9002 point difference between those with incomes between 0.1 – 150.0 USD and those with incomes more than 300USD is significant ($p = 0.03$). The 0.7880 point difference between those having no income and those having more than 300USD income is significant ($p = 0.07$). Besides, the 0.7849 point difference between those having 150.1-300.0 USD

income and those having more than 300USD income is significant ($p = 0.07$).

Further, nationality, age, and nationality*age interaction distributions of the PSPS score yielded a homoscedastic distribution (Levene $F(5, 314) = 1.339$; $p = 0.247$). According to Multivariate ANOVA test, the interaction nationality*age is not significant ($F(2, 314) = 1.976$; $p = 0.159$; $\eta^2 = 0.012$). On the other hand, it could be argued that, regardless of nationality, there is a difference in scores in terms of age groups ($F(2, 314) = 5.267$; $p = 0.006$; $\eta^2 = 0.032$). However, the power of

this difference is much lower than the difference caused by nationality (Nationality; $\eta^2 = 0.122$).

The score of Gagauzes is significantly higher than that of Kyrgyzes ($p < 0.05$) in each age group. The scores of Gagauzes in the 25–35 age group could be stated to differ significantly by 0.519 points from those aged 46 and above ($p = 0.0001$). The striking point here (as shown in the graph) is that when the difference is examined between [25–35] and [36–45] age groups, the point difference in Gagauzes (0.288) is in favor the young people, while in Kyrgyzes this is against the young people (-0.060).

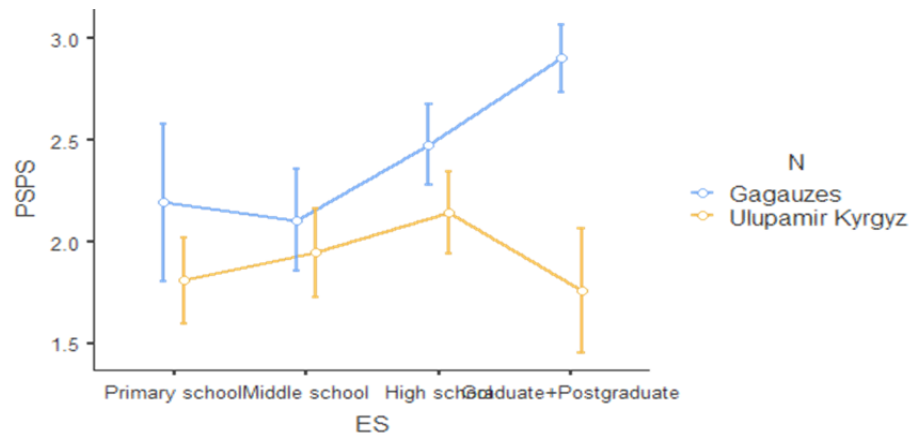

Fig. 2. PSPS Scores by Nationalities and Levels of Education

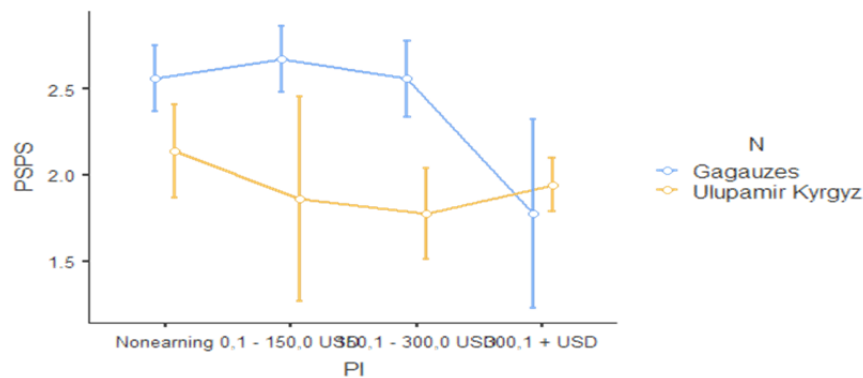

Fig. 3. PSPS Scores by Nationality and Income

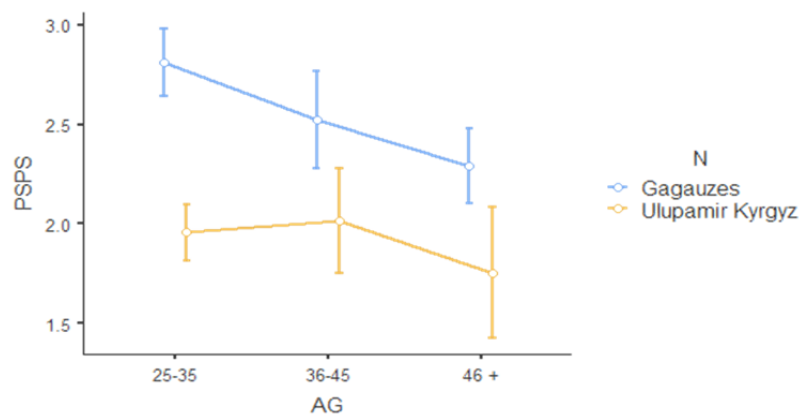

Fig. 4. PSPS Scores by Nationality and Age

Conclusion

The study compared the attitudes of the Gagauz community living in the Gagauz Autonomous Region in Moldova and Ulupamir Kyrgyzes living in Turkey towards premarital sex. The reason why these communities were chosen as sample is that they are both considered part of Turkish culture but affiliated to different religions. In this sense, the cultural foundations were considered as a point of movement and the belief systems as a factor of dissociation. In addition, Turkish culture was taken as a point of movement only, as this cultural raw material containing ethnic references was not regarded as a fixed data by an essentialist approach. Instead, the phenomenon of identity was approached as a flexible and transitive construct far from the essentialist reality that social actors creatively construct using cognitive, normative, aesthetic, and symbolic resources based on a constructivist approach [55. P. 149]. In this context, a theoretical framework true to Hobsbawm's [12] concepts of "The Invention of Tradition" and Anderson's [13] "Imagined Communities" was utilized within the same approach.

On the other hand, both Gagauzes and Ulupamir Kyrgyzes were considered as sub-national communities because of their autonomous or nomadic lives. Sub-national communities are defined as being between tribe and nation and related to ethnicity. Some ethnic groups use the concepts of "race" or "blood", while others use measures of cultural competence [56. P. 43–44]. No matter upon which component they choose to base their ethnic construct, sub-national communities reflect the most dynamic, complicated, and even inconsistent examples of the identity-building process. In such communities, returns to religion, ethnicity, or tradition, depending on political conditions, occur in parallel with strict rules of intellectual and moral behavior that, according to Said [57], defy the freedoms associated with relatively liberal philosophies such as multiculturalism and hybridism.

The Gagauzes and Ulupamir Kyrgyzes constituting the sample of the study are the living, stunning, and concrete examples of a dynamic process of identity-building. Gagauzes are a community who have changed their religion, language, and cultural codes in the course of history and are still looking for a way today. Due to years of political oppression, the Ulupamir Kyrgyzes continue living in exile in Turkey's geography, where they feel closely connected from a religious, ethnical, and traditional point of view, but are still struggling for identity between the Turks with whom they want to establish a bond. and the Kurds, who are geographically surrounding them, do not see them as friends in the political conflict persisting in the country.

Of course, nationality, race, class, religion, gender and language, identity and ethnicity are often interlinked when forming identity and the elements being dominant through historical terms of formation of a particular ethnic identity are different from one another [58]. However, considering the traumas they have experienced, the change in these two communities will be quick and tough. The important point here, as Smith [59. P. 49] points out, is the extent to which traumatic events falsify or alter the basic myths,

symbols, memory, and value patterns that also bind the generations of the community to one another while also distinguish them from the 'outsiders' concerning which of the lines constituting the boundaries of 'cultural signs' will make cultural differentiation stable.

Gender perception is both a component and a consequence of the identity-building process. Observing relationship that gender perception builds with other components, especially in the ongoing identity-building process, can provide more fundamental and fresher data. So we wanted to see this relationship through attitudes towards premarital sex in these communities, where the identity-building dynamic is ongoing. I added age and gender factors to the scale (PSPS) in that they are directly related to tradition plus added the income and education factors in that they are more closely related to modernity. In this context, I considered six variables in the analysis I was to do using the scale including ethnicity, religion, age, gender, income, and education.

With the Premarital Sexual Permissiveness Scale (PSPS) consisting of expressions such as "I am against premarital sex", "I think it's immoral to have sex before marriage", "I do not find it appropriate for people to have sexual intercourse before marriage", participants' attitudes towards sexual intercourse before marriage was measured. Analysis of the PSPS score according to the nationality of those involved in the study indicated that, although both communities seem to approach premarital sex negatively, the mean score of Gagauzes was observed to be higher than that of Kyrgyzes. Based on this finding, it is possible to say that the meaning of virginity that Kyrgyzes have attached to the concept of virginity is stronger. The negative attitude of Kyrgyzes towards premarital sex and even more the negative attitudes of women towards losing their virginity in this way are related to the narrow cultural environment where they live. During their escape from the Soviet regime, Ulupamir Kyrgyzes were not in touch with ethnic and religious differences but established relationships with the Turkish and Kurdish communities who also share similar cultural codes with them in the geography where they live today. On the other hand, for years the Gagauz people have been in touch with cultural circles such as the Soviet regime, where gender codes were more flexible and women's freedom was an important value as well as the Moldovan, Romanian, and Russian communities, where sexuality is less restricted than that of Islamic culture. A study that examined premarital sexual behaviors of women in Moldova, Albania, and Ukraine reported that women living in Moldova are less affected by religious factors [60]. However, the noteworthy conservative position in the attitudes of Gagauzes towards premarital sex, although relatively lower than that of the Kyrgyz community, does not go unnoticed. Therefore, addressing the mean conservative attitude of both communities towards premarital sex and the relatively more conservative attitudes of Ulupamir Kyrgyzes is essential.

Both communities seek to ensure social unity on identity-belongingness basis. Therefore, their orientations towards cultural raw material or their endeavor to create cultural raw material seem inevitable. At this point, it could be argued that the comebacks are mainly towards

religion in Ulupamir Kyrgyzes and tradition in Gagauzes. After the downfall of the Soviet regime, the Gagauz society is striving to establish its autonomous structure through the nationalization movement [40]. The efforts to purify the Gagauz language, in particular, are a reflection of this tendency and are mostly welcomed amongst the middle-aged-plus population. The fact that demographically the population over the middle age are living in the countryside is influential in gaining importance in the tradition factor. For instance, Mikhail Chacir's efforts to localize the Gagauz language by translating the religious texts into Gagauz in the early 20th century nurtured this language by religious capital [61] and particularly rekindled the language consciousness of this stratum into the tradition. From the pre-Soviet Gagauz tradition standpoint, virginity is approached as a very strict phenomenon. Of other examples of Turkish culture, the wedding night rituals and enforcements exist in Gagauz tradition, too [43, 62]. Although they seem to have diminished to a symbolic level with the "red raki" custom in today's marriages [47, 62], they remain important in public memory. Emphasis on tradition in identity acquisition process entails the recall of customs, especially when the elderly population draws the boundaries of *I* and *other*. The fact that the most valid answers that can be provided about the reasons why they demand existing as an autonomous community in the Republic of Moldova lies in the traditions that make them, different and it is the idea that makes this tendency even stronger from a psycho-social perspective. At this point, the dysfunctional elements of the tradition may somehow be loaded with functions. However, the Gagauz society, on the one hand, is busy with the invention of tradition, while, on the other hand, it must tackle the challenges of being the poorest country in Europe [63. P. 2]. Cultural tensions between the experiences of individuals who travel to various countries to work, study, or even participate in the sex trade to break up the chain of poverty and the middle-aged-plus rural population who seek to preserve the identity via tradition make it difficult to maintain the balance. As the findings indicate, the income and education factors that would pave the way for transformation against the tradition may create differences in attitudes towards premarital sex. This attitude evolves into a distinctly positive one, especially in the undergraduate and graduate level of education which requires walking away from the rural life. This inclination is in line with the results of a similar study conducted in Bulgaria, which is one of the countries where the Gagauz people are living [64].

On the other hand, negative attitudes are distinctively prominent in individuals with a high level of income in both communities. Although the mean score of Gagauzes is slightly higher than that of Ulupamir Kyrgyzes, it falls into a similar level with the score of 46+ age group Ulupamir Kyrgyzes. In terms of production relations, an inverse relationship between the increase in welfare and traditional attitude was expected in this study. However, the findings are showing the opposite. Considering that the whole Ulupamir Kyrgyz population shares a common rural life, the attitudinal homogeneity regardless of income differences is a comprehensible fact, though our

Gagauz sample includes a mix of those living in rural and urban areas. At this point, when the income-attitude relationship in the Gagauz sample is considered together with the age-attitude relationship, combined senility and welfare could be the categories indicating the most negative attitude. The relation of elderly and rural populations with tradition was elaborated previously. It could be claimed that the traditional attitudes of individuals comprising the majority of this stratum, isolated from public life, have stiffened because of not knowing languages other than the Gagauz language. Yet the validity of this claim should be tested by determining the rural-urban distributions of income groups.

Ulupamir Kyrgyzes are living based on a *mechanical solidarity* with a motivation to protect the community spirit in the nomadic/exile life that starts in the Pamir Plateau and continues in the territory of Turkey. Since their out of community relationships are very limited, the union strategy is more dominant for their similarities. Alternatively, the foundation of this union, unlike the Gagauzes, is based on a religious ground rather than on ethnicity-tradition relationship. Firstly, the Ulupamir Kyrgyzes have a common nation and homeland, albeit they are far away, but there is also a resentment-induced distance between them and the home country Kyrgyzes. Urmanbetova [65. P. 104] supports this situation in her study quoting participant statements such as "brides from Kyrgyzstan do not pray" and "there is no religion in Kyrgyzstan, it is developing just now". Being of Kyrgyz or Turkish origin is not an element that could be used as a discriminator within the geography and social structure where they live. Contrarily, being Kyrgyz/Turkish mostly has an integrative function in the relationship to be established. On the other hand, this identity may be a problem in terms of relationships with the immediate surroundings. Ulupamir Kyrgyzes are in tense interaction with nearby Kurdish communities, as they carry out ranger activities [66]. At this point, it might be their Muslim identity that brings them together on common ground with both the Turks as the majority and also with the Kurds in the immediate vicinity. Studies [24, 67, 68] show that Muslim religious identity is more dominant in Kyrgyz culture. In this sense, gender perceptions and attitudes towards premarital sex and virginity are expected to be stricter based on the Islamic tradition. Besides, the anxiety of "we will be dispersed if we separate" within this community influences the stable and rigid pursuance of this perception. Division of labor, which has failed to turn into dominant specialization within this community, is capable of absorbing the impact of age, gender, income, and education factors. There are no conditions for diversifying ownership relations in this new habitat, where the animal breeding activity, which could be accepted as the basic production relations, has declined instead of developing (the proportion of those engaged in animal breeding alone is 13.3% [69]). Since education is capable of increasing intellectual development rather than being a factor that affects production relationships, one could argue that individuals who leave the community for undergraduate and graduate education may not be capable of transforming community values when they return. The results revealed at this point

indicate that as the level of education increases, the attitude towards premarital sex surprisingly turns into positive in the undergraduate and graduate levels. This could be interpreted as individuals who leave the community for education use the attitudes they have acquired within the community at the point of reactivity rather than integration where they go. Put differently, they might have used the out of community education as a differentiating element of identity in the new environment on condition that they consider temporary and utilize it in their return, and this way, they may have stiffened the respective attitude evermore.

The overall findings indicate that attitudes towards premarital sex are more positive in favor of the Gagauz society with a conservative mean. Despite the fact that the age factor had no significant impact on this attitude, there was also a positive tableau in favor of Gagauzes at the level of gender, income, and education. To summarize the analysis based on my theoretical framework once again, the

formation of unity and identity in these communities, both of which carry sub-national characteristics, occurs in such a way that encompasses gender perception. Unity and identity anxiety, which are the primary sensitivity in both, develop this perception by leaning on the patriarchal regime. Both tradition and religion are the factors that nurture the patriarchal regime and the Gagauz society takes the former as a reference while Ulupamir Kyrgyzes take the latter. On the other hand, the Gagauz society is more open to change in terms of its potential for transformation in gender perception in general and premarital sex perception in particular or its attitude towards virginity owing to its autonomous experience or relationships stemming from its geopolitical position. Ulupamir Kyrgyzes, on the other hand, seem to be more desirous in maintaining their attitudes, as they base their identity anxiety on the unity factor. Ultimately, for both communities, ethnicity–religion–tradition will continue to determine these attitudes in varying ways in terms of their cyclical advantages.

REFERENCES

- Demirtepe, M.T. & Özkan, G. (eds) (2013) *Uluslararası Sistemde Orta Asya: Dış Politika ve Güvenlik* Vol. 60. International Strategic Research Organization (USAK).
- Pancu, A.-M. (2018) *1991 Sonrası Gagauz Yeri Özerk Bölgesi ile Türkiye Cumhuriyeti Arasındaki İlişkilerin Kurulması ve Gelişmesi*. Master's Thesis. Erciyes Üniversitesi.
- Akyüz, Y. (2008) *Türk Eğitim Tarihi*. 12th ed. Ankara: Pegem Yayınevi.
- Landau, J. M. (1999) *Panturkizm*. Translated by Mesut Akın. İstanbul: Sarmal Yayınevi.
- Durkheim, E. & Swain, J.W. (2008) *The elementary forms of the religious life*. Courier Corporation.
- Schuon, F. (1998) *Understanding Islam*. Indiana: World Wisdom, Inc.
- Vural, M. (2003) Gelenek ve Din. *Doğu-Batı*. 7 (25). pp. 161–179.
- Bilgrami, A. (2003) The clash within civilizations. *Daedalus*. 132 (3). pp. 88–93.
- Huntington, S.P. (2000) The clash of civilizations? In: *Culture and politics*. New York: Palgrave Macmillan.
- Öktem, N. & Türkbağ, A.U. (2012) *Felsefe Sosyoloji Hukuk ve Devlet*. 5th ed. İstanbul: Der Yayınları.
- Marx, K. & Engels, F. (1968) *Alman İdeolojisi*. Translated by Selahattin Hilav. İstanbul: Sosyal Yayınlar.
- Hobsbawm, E. & Ranger, T. (eds) (2012) *The invention of tradition*. Cambridge University Press.
- Anderson, B. (2006) *Imagined communities*. Routledge.
- Yuval-Davis, N. (2007) *Cinsiyet ve Millet*. Translated by A. Bektaş. İstanbul: İletişim Yayınları.
- Nagel, J. (1998) Masculinity and nationalism: Gender and sexuality in the making of nations. *Ethnic and racial studies*. 21 (2). pp. 242–269.
- Berktaş, F. (2000) *Tek tanrılı dinler karşısında kadın* (Women in the face of monotheistic religions). İstanbul: Metis Yayınları.
- Dalarun, J. (1992) Ruhban Bakış. In: Duby, G. & Perrot, M. (eds) *Kadınların Tarihi II Ortaçağ'ın Sessizliği*. Translated by Ahmet Fethi. İstanbul: Türkiye İş Bankası Yayınları. pp. 25–51.
- Gittins, D. (2012) *Aile Sorgulanıyor*. Translated by Erdem. İstanbul: Pencere Yayınları.
- Badinter, E. (2011) *Kadınlık mı Annelik mi?* Translated by Ayşen Ekmekçi. İstanbul: İletişim.
- Polama, M.M. (1993) *Çağdaş sosyoloji kuramları*. Translated by Hayriye Erbaş. İstanbul: Gündoğan Yayınları.
- Ovadia, S. & Bella, H. (2015) İdeoloji, İnkâr ve Tahrîp Olmuş Ara Alanların Üçgeninde Kadınlık ve Annelik. *Cogito*. 81. pp. 117–130.
- Baran, M. (2014) Pamir Yaylası'ndan Ulupamir Köyü'ne: Kırgızlarda Sosyo-Kültürel Yaşam ve Mekânın Dili. *Bilig*. 68. pp. 43–58.
- Ashymov, D. (2003) The religious faith of the Kyrgyz. *Religion, State & Society*. 31 (2). pp. 133–138.
- Mirzabaev, M. (2003) *Kırgızistan'da Dini Hayat (Öz Örneği)*. Master's Thesis. Ankara Üniversitesi.
- Arık, D. (2005) Kırgızlar'da Kurban Fenomeni. *Ankara Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi*. 46 (1). pp. 157–174.
- Kokaisıl, P. (2013) The lifestyles and changes in culture of Afghan Kyrgyz and Kyrgyz in Kyrgyzstan. *Asian Ethnicity*. 14 (4). p. 407–433.
- Eröz, M. (1977) *Türk ailesi*. Vol. 3. Millî Eğitim Basımevi: Devlet Kitapları Müdürlüğü.
- Sevinç, N. (1987) *Eski Türkler'de kadın ve aile*. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı.
- İnan, A. (1976) *Eski Türk dini tarihi*. Vol. 9. Ankara: Millî Eğitim Basımevi.
- Ögel, B. (1988) *Dünden bugüne Türk kültürünün gelişme çağları*. Vol. 46. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı.
- Gökalt, Z. (1990) *Türkçülüğün esasları*. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayını.
- Özdener, K. (1988) İslam öncesi Türklerde kadının içtimai yeri. *Sosyoloji Konferansları*. 22. pp. 225–236.
- Tucker, J.E. (2015) *İslam Hukukunda Kadın, Aile ve Toplumsal Cinsiyet*. Translated by Z.E. Koca. İstanbul: Açılım Kitap.
- Wejnert, B., Parrot, A. & Djumabaeva, A. (2008) Maternal Health Policies in Countries in Transition: Poland and Kyrgyzstan, 1990–2006. *Marriage & Family Review*. 44 (2/3). pp. 279–300.
- Kirmse, S.B. (2009) Leisure, business and fantasy worlds: exploring donor-funded 'youth spaces' in southern Kyrgyzstan. *Central Asian Survey*. 28 (3). pp. 289–301. DOI: 10.1080/02634930903421806
- Simpson, M. (2009) *Local strategies in globalizing gender politics: a study of women's organizing and aid in contemporary Kyrgyzstan*. PhD Diss. Central European University.
- Sataeva, B. (2017) *Public Shaming and Resistance in the Context of the Bride Kidnapping Phenomenon in Kyrgyzstan*. Master's Thesis. Utrecht University.
- McKendry-Smith, E., & Jenkins, T. (2016) Wife Capture. In: Shehan, C.L. (ed.) *Encyclopedia of Family Studies*. Vol. 4. DOI: 10.1002/9781119085621.wbefs269
- Öztuna, Y. (1985) *Türk Tarihinden Yapraklar, 1000 Temel Eser Dizisi*. İstanbul: MEGSB Yayınları.
- Mutaf, S. (2013) *Gagauzların Tanınma Mücadelesi ve Gagauz Yeri Özerk Bölgesinin Oluşum Süreci*. Master's Thesis. İstanbul Üniversitesi.
- Kafesoğlu, İ. (2005) *Türk milli kültürü*. İstanbul: Ötügen Neşriyat AŞ.
- Karpat, K. (1996) Gagauzlar. In: TDV İslam Ansiklopedisi. İstanbul: TDV İslam Araştırmaları Merkezi 288–291.

43. İusumbeli, İ. (2008) *Gagauz Yerinde Kadın*. PhD Diss. Hacettepe Üniversitesi.
44. Balascev, G. (1917) Dirzhavata na oguzite v dobrudzha. *Voenny Izvestia*. XXVI. Sofia.
45. Wittek, P. (1952) Yazjioghlu 'Alı on the Christian Turks of the Dobruja. *BSOAS*. XIV/3. pp. 639–668.
46. Güngör, H., & Argunşah, M. (1991) *Gagauz Türkleri: (Tarih-Dil-Folklor ve Halk Edebiyatı)*. Vol. 1300. Kültür Bakanlığı.
47. Manof, A. I. (1940) *Gagauzlar*. Translated by Türker Acaroğlu. Ankara: Varlık Neşriyatı.
48. Menz, A. (2000) Indirectivity in Gagauz. In: Johanson, L. & Utas, B. (eds) *Evidentials: Turkic, Iranian and Neighbouring Languages*. Walter de Gruyter. p. 103.
49. Suter, B. (2008) The different perception of migration from Eastern Europe to Turkey: The case of Moldovan and Bulgarian domestic workers. *Focus on Central and Eastern Europe*. [Online] Available from: migrationonline.cz
50. Dağdelen, G. (2008) *Changing Labour Market Positions and Workplace Interactions of Irregular Moldovan Migrants: The Case of Textile/Clothing Sector in Istanbul Turkey*. PhD Diss. Ortadoğu Teknik Üniversitesi.
51. Güneş, H.N. (2019) Marriage and Wedding in the Gagauze/ Gagauzlar'da Evlilik ve Düğün. In: Berrin Ceylan Ataman. (ed.) *Humanities&Social Science*. Gülçin Taşkıran. pp. 59–68.
52. Keough, L.J. (2003) Driven Women: Reconceptualizing the Traffic in Women in the Margins of Europe through the Case of Gagauz Mobile Domestic in Istanbul. *The Anthropology of East Europe Review*. 21 (2). pp. 73–78.
53. Kaşka, S. (2009) The new international migration and migrant women in Turkey: The case of Moldovan domestic workers. In: İçduygu, A. & Kirişçi, K. (eds) *Istanbul. In Land of Diverse Migrations. Challenges of Emigration and Immigration in Turkey*. Istanbul: Bilgi University Press. pp. 725–804.
54. Karakurt, G. (2000) *Development of a suitable premarital sexual permissiveness scale for Turkish culture. Attitude measurement and scale development*. Ortadoğu Teknik Üniversitesi.
55. Joldoshev, A. (2013) Kabilecilik, Bölgecilik ve Etnisite: Kırgız Kimliği Üzerine Çalışmalar. *Orta Asya ve Kafkasya Araştırmaları*. 15. pp. 101–133.
56. Yıldız, A. (2001) *Ne Mutlu Türküm Diyebilene. Türk Ulusal Kimliğinin Etno-Seküler Sınırları (1919–1938)*. İstanbul: İletişim Yayınları.
57. Said, E.W. (2014) *Kültür ve Emperyalizm*. Translated by Necmiye Alpay. İstanbul: Hil Yayın.
58. Konuralp, E. (2018) Kimliğin Etni ve Ulus Arasında Salınımı: Çokkültürcülük mü Yeniden Kabilecilik mi? *Eskişehir Osmangazi Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Dergisi*. 13 (2). pp. 133–146.
59. Smith, A.D. (1994) *Milli Kimlik*. İstanbul: İletişim Yayınları.
60. Chiao, C. & Marella, B. (2017) *Community and socioeconomic risks of premarital sex among young women in Albania, Moldova, and Ukraine: Evidence from Demographic and Health Surveys*. Paper presented at the International Population Conference. [Online] Available from: iussp.confex.com
61. Kapáló, J. (2014) She Read Me a Prayer and I Read It Back to Her: Gagauz Women, Miraculous Literacy and the Dreaming of Charms. *Religion and Gender*. 4 (1). pp. 3–20.
62. Perçemli, V. (2011) *Gagauz Türklerinde Doğum Evlenme Ölüm Adetleri*. PhD Diss. Ege Üniversitesi.
63. Keogh, L. J. (2006) Globalizing Postsocialism: Mobile Mothers and Neoliberalism on the Margins of Europe. *Anthropological Quarterly*. 79 (3). pp. 431–461.
64. Georgieva, K.N. & Massaldjieva, R.I. (2000) Attitudes of Bulgarian women toward various forms of specific sexual behaviour. *Folia Med (Plovdiv)*. 42 (1). pp. 57–61.
65. Urmanbetova, Z. (2015) *Ulupamir Köyü Kırgız Topluluğunun Etnik Sınırlarını ve Kimliklerini Oluşturmada Göç Sürecinin Rolü*. Master's Thesis. Hacettepe Üniversitesi.
66. Bilgili, A. (1998) Bir dış iskân uygulamasının sosyolojik çözümlemesi (Ulupamir örneği). *Sosyoloji Konferansları*, 25, 139–151.
67. Gasimova, M. (2006) *Azerbaycan'da Milli Kimliğin Oluşumunda Dinin Rolü*. PhD Diss. Marmara Üniversitesi.
68. Göktaş, V. (2013) Kırgızistanda Tasavvufi Durum. *Ankara Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi*. 54 (2). pp. 159–169.
69. Sağır, A. (2011) Sürgün sosyolojisi bağlamında Van-Ulupamir Kırgız Türkleri ile Oş-Karadenizli Türkler üzerine Uygulamalı ve kıyaslamalı bir çözümleme. *Turkish Studies*. 6 (4). pp. 263–286.

Received: 19 January 2021

Attitudes of Gagauzes and Ulupamir Kyrgyzes on Premarital Sex: A Comparison Based on Ethnicity-Religion-Tradition

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 182–192.

DOI: 10.17223/15617793/467/22

Huseyin Nihat Gunes, Bitlis Eren University (Bitlis, Turkey). E-mail: hnihatgunes@hotmail.com

Keywords: Gagauzes; Ulupamir Kyrgyzes; premarital sex; ethnicity; religion; tradition.

ИСТОРИЯ

УДК 94(47)

Д.В. Васильев

ПРОЕКТ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ТУРКЕСТАНСКИМ КРАЕМ 1913 г.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00078.

Анализируется законопроект об управлении Туркестанским краем, разработанный в Ташкенте в 1913 г. Он стал новой попыткой унифицировать администрацию всех областей Туркестанского генерал-губернаторства. Отмечается, что этот документ был проникнут идеей усиления власти главного начальника Русского Туркестана и стремлением освободиться от опеки Военного министерства. Другой важнейшей составляющей законопроекта стала организация эффективного надзора над местными учреждениями со стороны главного начальника края.

Ключевые слова: Туркестан; Российская империя; Положение об управлении; административная политика; П.А. Столыпин; генерал-губернатор; 1913.

Динамика законодательства Российской империи о Центрально-Азиатском регионе довольно детально изучена на отрезке до 1890-х гг. [1–3]. Существует ряд исследований, освещающих более поздние попытки преобразования управления в Туркестанском крае [4–7], а также фактическую реализацию отдельных мероприятий российского правительства [8, 9].

При этом вне поля зрения историков оказался целый комплекс материалов, связанных с последними попытками системных административных преобразований в Туркестанском генерал-губернаторстве, и среди них – наименее изученные документы, связанные с подготовкой ташкентскими властями проекта местного Положения 1913 г. Именно они и составили источниковую базу данной статьи.

К началу 1913 г. администрация Туркестанского генерал-губернаторства подготовила очередной проект Положения об управлении Туркестанским краем, в котором наиболее существенные изменения должны были коснуться главного управления в этой части владений Российской империи [10].

Прежде чем приступить к изложению необходимых изменений в администрации региона, авторы проекта кратко и конкретно описали перипетии непростой истории его конструирования. Образованное в 1867 г. из земель Оренбургского (Сырдарьинская область) и Западно-Сибирского (Семиреченская область) генерал-губернаторств, в 1868–1870 гг. оно пополнилось частью владений бухарского эмира (Зеравшанский округ), образовавших со временем Самаркандскую область. В 1873 г. в состав Туркестанского края вошла часть территории Хивинского ханства (Амударьинский отдел Сырдарьинской области). Три года спустя генерал-губернаторство пополнилось бывшими кокандскими владениями, преобразованными в Ферганскую область. Образование в 1882 г. Степного генерал-губернаторства повлекло исключение Семиречья из состава Туркестана, что продолжалось до 1899 г. когда область вернулась в край вместе с Закаспийской областью, до того времени подчинявшейся непосредственно Военному министерству.

Итак, составителям проекта предстояло создать унифицированную администрацию не только для пяти

областей Туркестанского генерал-губернаторства, но и для зависимых от России Бухарского эмирата и Хивинского ханства общей площадью более 500 тыс. кв. верст с населением почти 9 млн человек [10. Л. 1 об.]. Ведь в рассматриваемое время три коренные области (Сырдарьинская, Самаркандская и Ферганская) управлялись Туркестанским положением 1886 г. (и то с определенными нюансами) [1. С. 338–376, 534–546], Семиреченская – Степным положением 1891 г., Закаспийская – отдельным Положением 1890 г.

Попытка создать общий закон для всех областей Русского Туркестана была предпринята в самом начале нового столетия, когда в Ташкенте работала специальная комиссия под председательством тайного советника Несторевского. Ее кропотливый труд завершился неплохим результатом, который тем не менее не был востребован верховной властью. В 1907 г. при Военном министерстве было образовано межведомственное совещание для составления нового закона. Но его работа была прервана сенаторской ревизией графа К.К. Палена. Последняя в 1911 г. подготовила свои предложения, рассмотренные Советом министров 12 ноября 1912 г. и получившие высочайшее одобрение. Тогда же туркестанскому генерал-губернатору и было предложено на основании материалов и выводов Палена разработать проект нового Положения [10. Л. 2], что и было исполнено к началу 1913 г.

В это время действовавшее законодательство оставляло за главным начальником Туркестана, представлявшим Военное министерство, всю власть в крае, за исключением судебного, финансового, контрольного, учебного и почтово-телеграфного ведомств. При генерал-губернаторе состояли Совет, чиновники особых поручений и канцелярия. Расширение зоны ответственности краевого начальства в связи с присоединением новых областей повлекло за собой учреждение должности помощника туркестанского генерал-губернатора.

Права и обязанности главного начальника Туркестанского края определялись общей инструкцией генерал-губернаторам (ст. 208–257 Общего учреждения губерний), а также особыми дополнениями. Так, за-

конодательством о Туркестанском крае главе региональной администрации были предоставлены следующие особые права: сношения с Бухарским эмиром и Хивинским ханом, принятие в российское подданство, утверждение торгов, высылка неблагонадежных представителей коренного населения, изменение границ уездов, высшее заведование городскими хозяйственными делами там, где не было еще введено Городовое положение, игнорирование при чрезвычайных обстоятельствах мнения Совета главного управления. Кроме того, туркестанскому генерал-губернатору принадлежали высшее заведование местными государственными имуществами, назначение и увольнение советников, членов общих присутствий областных правлений и уездных начальников, представление о назначении помощников губернаторов, согласование кандидатур самих губернаторов, утверждение постановлений областных правлений о распределении приставов по уездам, решение о введении в городах упрощенного общественного управления, назначение волостных управителей вместо выбранных, отсрочка выборов должностных лиц первичной администрации в местностях, находящихся на положении усиленной охраны, награждение должностных лиц первичной местной администрации халатами и деньгами и др.

Кроме того, распространившееся на Туркестан с начала XX в. законодательство о Закаспийской и степных областях предоставило генерал-губернатору право адаптировать эти региональные нормы к местным условиям. Наконец, из Степного положения к компетенции главного начальника Русского Туркестана перешло право самостоятельно определять границы приставств, а также разрешать возведение мечетей, а из Закаспийского – право устанавливать размер жалованья для волостных управителей. Вдобавок отраслевое законодательство Российской империи (о земских повинностях, прямых налогах, таможенное, лесное, уголовно-процессуальное и др.) предоставляло туркестанскому генерал-губернатору ряд особых полномочий: изменять (по согласованию с Минфином) оклады поземельного налога, утверждать количество заведений, торгующих спиртным в розлив, определять местности для образования переселенческих участков и порядок землеотвода, устанавливать нормы кочевого землепользования, осуществлять высший надзор над учебными заведениями в крае и т.д. Не следует забывать, что главный начальник Туркестана оставался при этом еще и командующим войсками Туркестанского военного округа и наказным атаманом Семиреченского казачьего войска.

Совет краевого управления состоял под председательством генерал-губернатора и обсуждал все законодательные вопросы, земские повинности, поземельно-податное устройство, а также те дела по управлению регионом, которые на его рассмотрение передавал главный начальник края. При этом обязательными для туркестанского генерал-губернатора были решения Совета по вопросам земского хозяйства, принятые большинством голосов.

Заложенный еще в период правления первого генерал-губернатора Туркестана К.П. Кауфмана принцип сильной региональной власти, намного превосходящей полномочия главных начальников губерний внутренней России, был отчасти пролонгирован в новом региональном Положении 1868 г., оставившем в руках местного главного начальника не только гражданское, но и военное управление в крае. Это правило противоречиво было нарушено тем же законом, учреждавшим при генерал-губернаторе Совет, который в заметной степени сковывал свободу главного начальника Русского Туркестана. В отличие от других генерал-губернаторств, где подобные советы выполняли лишь совещательную функцию, туркестанский был наделен властным императивом. И хотя его председатель мог приостанавливать исполнение решений своего Совета, последний воспринимался в Ташкенте как тягостные узы главной власти.

Но даже не на это обращали внимание туркестанские начальники. Больше всего, как ни странно, их смущало и стесняло подчинение главного начальника региона Военному министерству, ибо фактически «при этом управление Туркестанского края оказалось на практике подчиненным даже не военному министру непосредственно, а Главному штабу – его Азиатскому отделу. Подчинение это и контроль Азиатского отдела за действиями и управлением туркестанского генерал-губернатора приобрело ныне такие формы, что туркестанский генерал-губернатор по всем более или менее важным вопросам по управлению краем ожидает санкции Главного штаба, и действия и распоряжения генерал-губернатора по всем почти отраслям управления поверяются и отменяются по докладом Азиатского отдела Главного штаба, фактически распоряжающегося ныне главным управлением Туркестанского края» [10. Л. 6 об.–7].

В Ташкенте признавали, «...что поставленный во главе управления обширной и отдаленной окраиной империи генерал-губернатор не может пользоваться, пока управление края находится “в ведении” одного <лишь> из Министерств, той полнотой власти, которая необходима, чтобы должность главного начальника этого края действительно соответствовала бы исключительному ее характеру, а не сводилась бы к административной инстанции, средней между губернскими и центральными установлениями» [10. Л. 7 об.]. При этом ссылались на опыт Иркутского и Приамурского генерал-губернаторств, власть главных начальников которых позиционировалась как часть министерского (высшего по всем отраслям) управления, действующего на месте.

Туркестанские чиновники утверждали, что их главный начальник во всех принципиальных вопросах был скован мнениями министров и властью, способной играть определяющую роль в генерал-губернаторстве, не обладал [10. Л. 8 об.–9].

Более того, туркестанский генерал-губернатор не был свободен даже в прерогативах, предоставленных ему Положением 1886 г. Министерство иностранных дел фактически осуществляло всю полноту дипломатических сношений с Бухарой и Хивой, действуя в отношении эмира через дипломатического чиновника

при генерал-губернаторе и политического агента в Бухаре. А отношения с ханом велись непосредственно Азиатской частью Главного штаба. Государственными имуществами главный начальник края распоряжался фактически под контролем Главного управления землеустройства и земледелия. И несмотря на то, что высшее управление учебным делом Положением 1886 г. передавалось в руки генерал-губернатора, общее законодательство управление туркестанским образованием оставляло за Министерством народного просвещения [10. Л. 10].

Краевое начальство сетовало, что после введения в действие Положения 1886 г. «...власть туркестанского генерал-губернатора утрачивала свое значение и ныне сохраняет лишь внешний признак высшей единоличной на месте власти, в действительности же генерал-губернатор сего края утратил самостоятельность, превратился в посредствующую инстанцию между министерствами и губернскими установлениями в крае, которая не является достаточно авторитетной ни в глазах высшего правительства, ни местных учреждений... Связанный в деле управления постановлениями автономного учреждения – своего Совета, зависимый по делам административно-полицейского управления и в главных мероприятиях от Главного штаба, поставленный в неопределенные отношения к министерствам финансов, иностранных дел, народного просвещения, Главному управлению земледелия и землеустройства, лишенный какой бы то ни было власти в отношении чинов судебного ведомства, Государственного банка, Государственного контроля и т.д., туркестанский генерал-губернатор в настоящее время является органом, лишним для края, так как все предметы непосредственного его ведения по Туркестанскому положению могут быть переданы в ведение местных губернаторов или подлежащих местных органов и установлений разных ведомств без ущерба, при настоящем положении, ходу административных дел» [10. Л. 11–11 об.].

При этом местные чиновники общего управления, ссылаясь на недавнее присоединение, чужеродное население и необходимость взаимодействия с местными ханствами, признавали насущной потребностью концентрацию всех отраслей управления Туркестанским краем в руках его генерал-губернатора: «...должность генерал-губернатора должна быть сохранена в крае, поставлена на такую высоту, чтобы лицо, занимающее ее, имело бы в своих руках действительную, а не призрачную, как теперь, власть... направляло бы деятельность всех органов местного управления к осуществлению государственной цели – полного слияния с империей ее окраины, отличающейся своими резкими особенностями природы, населения и экономических условий, и к упрочению благоденствия края на пользу России и местного населения» [10. Л. 11 об.–12]. Усиление власти главного начальника края следовало бы провести в двух направлениях – усиливая его надзорные функции над местными учреждениями и выводя его из зависимости от министерств и главных управлений.

Что касается надзора, то генерал-губернатору, а ташкентские чиновники видели в своем начальнике обойденного вниманием правопреемника наместни-

ческой власти, планировали предоставить право отмены решений присутственных (коллегиальных) учреждений, отстранения от должностей чиновников, утративших его доверие. Никаких затруднений в реализации этой идеи они не видели, так как такие же права уже были предоставлены кавказскому наместнику. Последний в 1880 г. получил еще и право привлекать к суду лиц, которых не мог отрешить от должности (судебных чиновников, чинов Государственного банка, Государственного контроля и Министерства императорского двора). Иркутский же и приамурский генерал-губернаторы обладали идентичными правами в отношении служащих казенной палаты, акцизного и почтового управлений, других чиновников губернских учреждений. Распространяя эти нормы на главного начальника Туркестанского края, можно было бы предоставить ему и возможность согласования с министерствами кандидатур на местные административные должности.

Развивая далее мысль об усилении генерал-губернаторской власти, разработчики нового законопроекта об управлении Туркестанским краем не сочли целесообразным следовать идее М.М. Сперанского о создании в отдаленных регионах аналога министерской власти, но предложили дать главному начальнику возможность взаимодействия с высшими инстанциями наравне с министрами и главноуправляющими. А для этого надо было вывести генерал-губернатора из подчинения Военному министерству, замкнув его, подобно сибирским генерал-губернаторам, на Правительствующий Сенат, предоставив ему тем самым право законодательной инициативы.

Таким образом, министры и генерал-губернатор должны были ставить друг друга в известность об осуществляемых ими мерах, и при этом спорные ситуации должны были разбираться Советом министров. А областным губернаторам и присутственным местам вменялось в обязанность доставлять главному начальнику края копии своих циркуляров и наиболее важных представлений в соответствующие министерства. В общем, и в этом ничего оригинального не было – всего лишь предлагалось распространить на Туркестан порядок, существовавший уже на Кавказе и в сибирских генерал-губернаторствах.

Расширение самостоятельности туркестанских генерал-губернаторов вполне естественно вело к лишению Совета главного начальника края решающего голоса и превращению его в совещательный орган. Эта мера выглядела вполне естественной, особенно исходя из того, что земские дела в коренных областях, равно как и поземельно-податные, уже находились в процессе передачи соответствующим учреждениям. Состав же Совета при этом предлагалось сократить [10. Л. 19–19 об.].

Одновременно главу региональной власти предлагалось освободить от заведования отдельными частями управления (государственными имуществами, лесами, казенными оброчными статьями, учебными заведениями), что сводило его власть до уровня губернской администрации.

Вполне естественно, что укрепление региональной власти нуждалось в кадровом обеспечении. И этого предполагалось достигнуть учреждением должности специального помощника генерал-губернатора по гражданскому управлению (по аналогии с Кавказом и Варшавским генерал-губернаторством) [10. Л. 18 об.]. Еще одно предложение касалось учреждения при главном начальнике края должностей чиновников для поручений по надзору за мусульманскими школами и мусульманской печатью (с функцией цензора) [10. Л. 20].

Составленный в Ташкенте проект Положения об управлении Туркестанским краем 1913 г. [11. Л. 1–51] предлагал узаконить изменения, произошедшие в административно-территориальном устройстве генерал-губернаторства, – включал в его состав Семиреченскую и Закаспийскую области, которые теперь должны были действовать на общих для всего края основаниях (§ 1). Изменения в этом отношении должны были коснуться административно-территориального деления областей. В Сырдарьинской области краевые власти предлагали восстановить Туркестанский уезд и зафиксировать в общем законе уже состоявшееся (около 1912 г.) переименование Чимкенского уезда и города Чимкента в Черняевский уезд и город Черняев (§ 2). Законопроект фиксировал и состоявшееся ранее переименование Маргеланского уезда в Скобелевский (§ 3). Территорию Семиреченской области предлагалось разделить на семь уездов, образовав дополнительно новый – Нарынский (§ 5).

Законопроект впервые делал акцент на том обстоятельстве, что все государственные учреждения и должностные лица генерал-губернаторства должны действовать в соответствии с общими законами империи, за исключением зафиксированных в законодательстве изъятий из них (§ 11).

Еще более интересным представляется текст следующей статьи: «Туземцы Туркестанского края (кочевые и оседлые) пользуются правами сельских обывателей. Права и преимущества, присвоенные другим состояниям империи, туземцы приобретают на основании общих законов» (§ 12). Заметим, что аналогичная статья Положения 1886 г. (§ 8) присваивала выходцам из коренного населения, проживавшим в городах региона, права городских обывателей. С одной стороны, этот шаг, как представляется, более объективно отражал восприятие российской властью коренного населения Туркестана как мало готового к полноценной городской жизни. С другой стороны, статья фиксировала своего рода начальный социальный уровень местных жителей, которые сохраняли возможность дальнейшего изменения своего статуса.

Как было отмечено выше, проект 1913 г. предусматривал значительное расширение прав главного начальника края. Однако документальная конкретизация идей, изложенных в Объяснительной записке, демонстрирует более пространное толкование этой идеи. Так, власти туркестанского генерал-губернатора было предложено подчинить русские поселения в пределах Хивинского и Бухарского ханств, что в какой-то степени возвращало ему утраченные диплома-

тические полномочия (§ 13 прим.). Тенденция к укреплению дипломатических полномочий главного начальника края поддерживалась включением в документ отдельной статьи, требовавшей предоставить ему конкретные права и обязанности в сношениях с ханствами (§ 16).

В качестве оснований генерал-губернаторской власти проект 1913 г. называл не только Общее губернское учреждение и предусмотренные предлагавшимся законопроектом правила, но и Учреждение Сибирское (§ 15).

Высшее заведование учебным делом в регионе, оставленное в руках генерал-губернатора, обрело конкретизацию. Теперь он наделялся правом формулировать образовательную политику в крае (§ 17). Главный начальник края получал в свои руки заведование земским хозяйством в городах, где еще не действовало Городовое положение 1870 г., не ограничиваясь при этом контролем со стороны МВД (§ 19). Ограничение в 30 тыс. руб. на утверждение генерал-губернатором проектов, смет, подрядов, поставок и других договоров с частными лицами было предложено снять (§ 20). Главному начальнику края были развязаны руки в отношении высылки неблагонадежных представителей коренного населения. В этой части права генерал-губернатора было предложено расширить за счет предоставления ему права воспрещать «лицам, вредным для общественного порядка и безопасности», пребывание в районах, пограничных с Китаем, Ираном и Афганистаном. Но все эти мелочи можно было бы отменить перед лицом завершающей статью (§ 22) формулы: «...воспрещать жительство в какой-либо местности края и вообще в пределах края лицам, пребывание коих там признано будет им вредным». Главный туркестанский начальник должен был получить и новое для себя право внутренней высылки сроком до 5 лет представителей коренного населения, подозреваемых властями в массовой провокации тяжких преступлений, причем не только в собственно туркестанские, но и в соседние Акмолинскую и Семипалатинскую области Степного генерал-губернаторства. Применение последних мер допускалось лишь после предварительного обсуждения в Совете главного начальника края и требовало обязательного уведомления министров военного и внутренних дел (§ 23–24).

Законопроект предлагал присвоить главному начальнику Туркестана право законодательной инициативы в отношении всех частей управления регионом. При этом особо оговаривалось, что «никакой законодательный вопрос, касающийся Туркестанского края, не может быть возбужден министрами и главноуправляющими без истребования предварительного заключения по оному туркестанского генерал-губернатора» (§ 26). Одновременно, как было отмечено и в Объяснительной записке, все указания и разъяснения министров и главноуправляющих должны были сообщать адресатам через главного начальника края, а последний должен был получить возможность останавливать их действие, обращаясь за разрешением конфликта в Совет министров (§ 27). Эта мера должна была иметь и обратное действие в

отношении отраслевых распоряжений генерал-губернатора (§ 28).

Лишь органы и должностные лица министерств императорского двора и юстиции, Государственного банка и Государственного контроля не подлежали надзору (§ 29), ревизии (§ 33) и отстранению от должности властью генерал-губернатора, который о таких случаях обязан был доводить до сведения соответствующего министра или главноуправляющего (§ 34). Прочие же должностные лица туркестанской администрации, а также мировые судьи согласно проекту 1913 г. должны были назначаться, увольняться и получать награды только с согласия главного начальника края (§ 30), который мог изменять и отменять постановления всех присутственных мест в крае, за исключением органов министерств императорского двора и юстиции, Государственного контроля и Государственного банка (§ 32).

Заметим, что составители проекта 1913 г. не готовы были серьезно стеснять полновластие главы Русского Туркестана. Они намеревались дать ему возможность полного контроля заверченного и текущего делопроизводства по всем отраслям управления, за исключением текущих судебных и контрольных дел (§ 31).

Согласно высказанному ранее мнению, в законопроект был включен целый ряд совершенно новых прерогатив главной краевой власти, а именно: назначать и увольнять членов коллегияльных органов – общих присутствий областных правлений, помощников начальников уездов и участковых начальников, чиновников особых поручений и делопроизводителей (начальников отделений) собственной канцелярии; представлять кандидатуры на должности военных губернаторов и на ключевую должность управляющего канцелярией генерал-губернатора; самостоятельно устанавливать границы уездов; разрешать введение в городах упрощенной общественной администрации; разрешать назначение волостных управителей без производства выборов; награждать представителей первичной администрации не только почетными халатами, но и медалями и денежными подарками из экстраординарных сумм; наблюдение и цензурирование периодических изданий, выходящих за пределами края; разрешение взимания сборов (и утверждение таксы) за пользование мостами, переправами и дорогами, устроенными не за счет казны; разрешать, по соглашению с Министерством финансов и Министерством торговли и промышленности, устройство и ликвидацию ярмарок. Но, самое главное, главному начальнику края следовало предоставить права ревизирующего сенатора в части отстранения от должностей чиновников всех ведомств, в том числе императорского двора, контроля и т.д., а также возможность контролировать назначение всех отраслевых чинов в крае, более свободно распоряжаться суммами, выделяемыми на содержание полиции. Из законодательства 1902 г. в проект закона 1913 г. вошли права генерал-губернатора образовывать сельские и волостные общества по своему усмотрению, а также приостанавливать и оспаривать в Сенате постановления общих присутствий областных правлений (§ 35).

Законопроект устанавливал состав главного управления Туркестанского края. Кроме генерал-губернатора его должны были составить старший помощник (по военной и гражданской части), младший помощник (по гражданской части), Совет, инспекторы по медицинской и гражданской частям, чиновник по дипломатической части, чиновник особых поручений, переводчик и канцелярия (§ 38).

Он сокращал количество членов Совета при генерал-губернаторе. Теперь, под председательством старшего помощника главного начальника края, в него должны были входить два специально назначенных члена, представители МВД, Министерства финансов, Министерства земледелия, попечитель Туркестанского учебного округа, прокурор Ташкентской судебной палаты, начальник штаба военного округа и управляющий канцелярией генерал-губернатора. По своему усмотрению главный начальник края мог лично возглавить заседание Совета (§ 44). Для обсуждения ведомственных вопросов в Совет, как и прежде, могли приглашаться руководители соответствующих управлений (§ 45).

Проект 1913 г. весьма детально конкретизировал сферу ответственности генерал-губернаторского Совета. По общему управлению краем на Совет возлагались: руководство и общий надзор за деятельностью местных учреждений, подведомственных главному начальнику края; разработка мероприятий, направленных на экономическое развитие края, совершенствование системы образования, развитие путей сообщения и др.; выработка предложений по совершенствованию регионального законодательства, по выведению края из-под действия общеимперского законодательства и о приостановлении распоряжений министерств и главных управлений. Кроме того, Совет должен был рассматривать дела об административной высылке представителей коренного населения, о предании суду должностных лиц, назначаемых генерал-губернатором, об учреждении и управлении городов и др. Совет должен был обсуждать вопросы общественного, поземельного, податного и хозяйственного устройства крестьян и коренного населения региона, осуществлять руководство и наблюдение за состоянием переселенческого дела, разрабатывать предложения о податном обложении сельских обывателей. Вопросы земского хозяйства и городского общественного управления в проект Положения включены не были в связи с ожидавшимся их решением в крае на основе общего законодательства империи (§ 47).

Следующая статья законопроекта (§ 48) в том или ином виде передавала окончательное решение всех вопросов, обсуждаемых в Совете, воле самого главного начальника края, «...от которого зависит или одобрить состоявшееся заключение, или изменить его по собственному усмотрению». Лишь разногласие с прокурором по вопросу о предании суду должностных лиц вело к окончательному разрешению в Первом департаменте Сената (§ 49).

Рассматриваемый документ впервые официально возлагал делопроизводство Совета на канцелярию генерал-губернатора. Но интересно даже не это указание, а то обстоятельство, что руководство дело-

производством по отдельным (отраслевым) вопросам и доклады по ним Совету предлагалось возложить на представителей в Совете от отдельных министерств и главных управлений (§ 50). Последний шаг непременно привел бы к официальному закреплению за канцелярией главного начальника края и без того неоправданно высокого положения, которое она занимала в регионе и которое зачастую становилось предметом критики среди представителей региональной и центральной власти. Это значение канцелярии еще более подчеркивалось учреждением в ее составе особых отделов по полицейской и по статистической частям (§ 53).

Итак, проект 1913 г. стал очередной попыткой унифицировать администрацию всех областей Туркестанского генерал-губернаторства, ибо различный статус главного начальника для отдельных частей края приводил к тому, что генерал-губернатор обладал разноречивыми полномочиями, расширенными применительно к одним территориям и суженными или измененными в отношении других. Новый проект проникнут идеей усиления власти главного начальника Русского Туркестана, но даже не столько ради реализации идеи регионального сепаратизма, сколько ради освобождения от мелочной и неквалифицированной опеки со стороны Военного министерства. Наконец, практика поставила его в сложное, зависимое, переkreщивающееся и дублирующее положение перед министерствами иностранных дел, финансов и просвещения, Главным управлением землеустройства и земледелия. Выйти из этой ситуации могло подчинение генерал-губернатора Сенату и предоставление ему таким образом права законодательной инициати-

вы. Сковывал местную администрацию и Совет при генерал-губернаторе, имевший императивные полномочия и состоявший из чиновников, часть которых подчинялась Петербургу и отстаивала корпоративные интересы. Этому административному органу составители проекта предлагали оставить лишь совещательный голос.

При этом необходимость адаптации вновь вошедших в состав генерал-губернаторства территорий, насущная задача организации эффективного надзора над местными учреждениями требовали единства власти во всем крае. Права главного начальника края в сфере просвещения, дипломатических, полицейских и земских дел предлагалось заметно расширить. Местные чиновники всех ведомств в той или иной степени должны были оказаться под контролем генерал-губернатора, который получал и право назначать волостных управителей без производства выборов.

Проект 1913 г. предоставлял коренным жителям права только сельских обывателей. И в этом нет ничего удивительного – идея реализации в Центральной Азии столыпинских преобразований [12], которые должны были распространить на весь регион и общегосударственные имущественные права, диктовала необходимость именно такого шага.

Вызванный к жизни острой политической необходимостью, проект 1913 г. так и остался без законодательного движения. И пока столичные чиновники решали вопрос о полноте полномочий главного начальника Русского Туркестана, началась Первая мировая война, поставившая перед страной уже другие задачи, но не остановившая попыток найти решение туркестанского административного вопроса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев Д.В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М. : Политическая энциклопедия, 2018. 638 с.
2. Тухтаметов Ф.Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи (вторая половина XIX века). Уфа : Башк. ун-т, 1999. 215 с.
3. Почакаев Р.Ю. Степное право и имперский закон в трудах исследователей казахского права XIX – начала XX в. // Исторический опыт земских соборов и систематизации законодательства в России : к 370-летию принятия Соборного уложения и 470-летию созыва первого земского собора : сб. науч. тр. / отв. ред. Н.В. Дунаева. СПб. : Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина, 2019. С. 140–154. (Сер. «Историческое правоведение»).
4. Корнеев В.В. Управление Туркестанским краем: реальность и «правовые мечтания» (60-е годы XIX в. – февраль 1917 г.) // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 56–70.
5. Шушкова М.Е. Организация управления Туркестаном в начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 287 с.
6. Акимбеков С. Казахстан в Российской империи. Алматы : Ин-т азиатских исследований, 2018. 562 с.
7. Абдурахимова Н.А., Рустамова Г.К. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX – первой четверти XX вв. Ташкент : Университет, 1999. 163 с.
8. Алимджанов Б.А. Экономическая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве (вторая половина XIX – начало XX вв.) : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. 177 с.
9. Котюкова Т.В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М. : Науч.-полит. книга, 2016. 391 с.
10. Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. И-1. Оп. 27. Д. 40а. Объяснения к проекту Положения о главном управлении Туркестанского края. 21 л.
11. Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. И-1. Оп. 27. Д. 659. Положение об управлении Туркестанского края, разделение на области, уезды и края. 101 л.
12. Васильев Д.В. Реорганизация казахского общественного управления в контексте столыпинской аграрной реформы // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета : электронный научный журнал. 2019. № 4 (32). С. 80–89. DOI: 10.32516/2303-9922.2019.32.6. URL: http://vestospu.ru/archive/2019/articles/6_32_2019.pdf

Статья представлена научной редакцией «История» 2 марта 2020 г.

The 1913 Bill for Transformation of Turkestan Regional Governing

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 193–199.

DOI: 10.17223/15617793/467/23

Dmitry V. Vasilyev, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: dvvasiliev@mail.ru

Keywords: Turkestan; Russian Empire; Statute for Governing; administration policy; P. Stolypin; Governor General; 1913.

Turkestan Governorate-General in the early twentieth century was a complex conglomerate of regions and territories where almost each had a peculiar administrative system. The situation was aggravated by the fact that the main chief of the region had different rights and powers in relation to different territories, which sometimes even contradicted each other. The Chief Council was an important authority. Limiting the chief's prerogatives, it was more focused on the interests of individual departments than on the real needs of the region. Finally, the Governor-General did not have the right to supervise the activities of local officials of various departments who in their practice followed not regional, but narrow departmental interests. Naturally, the Tashkent authorities used any excuse to rectify the situation. So, their legislative initiative of 1913 appeared. Despite the fact that there are a number of studies on Russian legislation on Turkestan, the documents drawn up in Tashkent are still unexplored. Among these documents, a special place is occupied by a complex of sources related to the attempt of Turkestan administration to develop a project (legislative initiative) on the management of the Turkestan Governorate-General in 1913. These sources are stored in the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan and are largely closed to researchers. This article gives a general description of the position of the main administration of the region and analyzes the proposals the administration made. The 1913 project was another attempt to unify the administration of all regions of the Turkestan Governorate-General and strengthen the power of the main chief of Russian Turkestan by freeing him from custody of the War Office. Drafters of the project proposed to leave the Board of General Directorate with only an advisory vote. At the same time, it was proposed to establish an effective supervision over all the local institutions. The rights of the main chief of the region in the field of education, diplomatic, police, and zemstvo affairs was to be significantly expanded. Local officials of all departments to one degree or another were to be under the control of the Governor-General, who received the right to appoint volost managers without elections. The 1913 project provided indigenous people with the rights of only rural inhabitants. This fully corresponded to the essence of the Stolypin reforms and was aimed at the spread of civil property rights for the entire region. However, brought to life by acute political necessity, the 1913 project remained without a legislative motion.

REFERENCES

1. Vasil'ev, D.V. (2018) *Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentral'noy Azii. Vtoraya polovina XIX v.* [The Burden of the Empire. Administrative policy of Russia in Central Asia. Second half of the 19th century]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
2. Tukhtametov, F.T. (1999) *Pravovoe polozhenie Turkestana v Rossiyskoy imperii (Vtoraya polovina XIX veka)* [The Legal Status of Turkestan in the Russian Empire (Second half of the 19th century)]. Ufa: Bashkir State University.
3. Pochekaev, R.Yu. (2019) *Stepnoe pravo i imperskiy zakon v trudakh issledovateley kazakhskogo prava XIX – nachala XX v.* [Steppe law and imperial law in the works of researchers of Kazakh law of the 19th – early 20th centuries]. In: Dunaeva, N.V. (ed.) *Istoricheskiy opyt zemskikh soborov i sistematizatsii zakonodatel'stva v Rossii* [Historical Experience of Zemstvo Councils and Systematization of Legislation in Russia]. Saint Petersburg: Prezidentskaya biblioteka im. B.N. El'tsina. pp. 140–154.
4. Korneev, V.V. (2001) *Upravlenie Turkestanskim kraem: real'nost' i "pravovye mechtaniya" (60-e gody XIX v. – fevral' 1917 g.)* [Governance of the Turkestan Territory: Reality and "Legal Dreams" (1860s – February 1917)]. *Voprosy istorii*. 7. pp. 56–70.
5. Shushkova, M.E. (2015) *Organizatsiya upravleniya Turkestanom v nachale XX veka* [Organization of management of Turkestan at the beginning of the 20th century]. History Cand. Diss. Moscow.
6. Akimbekov, S. (2018) *Kazakhstan v Rossiyskoy imperii* [Kazakhstan in the Russian Empire]. Almaty: TOO "Institut aziatskikh issledovaniy".
7. Abdurakhimova, N.A. & Rustamova, G.K. (1999) *Kolonial'naya sistema vlasti v Turkestane vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX vv.* [Colonial system of power in Turkestan in the second half of the 19th – first quarter of the 20th centuries]. Tashkent: Universitet.
8. Alimdzhinov, B.A. (2016) *Ekonomicheskaya politika Rossiyskoy imperii v Turkestanskom general-gubernatorstve (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Economic policy of the Russian Empire in the Turkestan General Government (second half of the 19th – early 20th centuries)]. History Cand Diss. Saint Petersburg.
9. Kotyukova, T.V. (2016) *Okraina na osobom polozhenii... Turkestan v preddverii dramy* [The Outskirts in a Special Position ... Turkestan on the Eve of the Drama]. Moscow: Nauchno-politicheskaya kniga.
10. Central State Archive of the Republic of Uzbekistan. Fund I-1. List 27. File 40a. *Ob "yasneniya k proektu Polozheniya o glavnom upravlenii Turkestanskogo kraya* [Explanations to the draft Regulations on the main administration of the Turkestan Territory]. (In Russian).
11. Central State Archive of the Republic of Uzbekistan. Fund I-1. List 27. File 659. *Polozhenie ob upravlenii Turkestanskogo kraya, razdelenie na oblasti, uyezdy i kraya* [Regulations on the administration of the Turkestan Territory, division into regions, counties and territories]. (In Russian).
12. Vasil'ev, D.V. (2019) Reorganization of Kazakh public administration in the context of the Stolypin agrarian reform. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal – Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*. 4 (32). pp. 80–89. [Online] Available from: http://vestospu.ru/archive/2019/articles/6_32_2019.pdf. (In Russian). DOI: 10.32516/2303-9922.2019.32.6

Received: 02 March 2020

М.А. Клинова, А.В. Трофимов

ОБРАЗЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-х гг. И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЭГОДОКУМЕНТАХ

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00216А «Визуальные стандарты
образа жизни советского городского населения после мировых войн: компаративный анализ»*

(рук. А.В. Трофимов)

На основе анализа контента 32 советских художественных фильмов второй половины 1940-х гг. и 30 источников личного происхождения (дневников советских граждан) выявляется смысловое содержание образов Великой Отечественной войны, транслируемых с экрана, и специфика их восприятия современниками. В анализируемых эгодокументах упоминается 21 кинокартина военной тематики. Фильмы положительно воспринимались большинством зрителей, особенно молодежью – наиболее лояльной группой советского социума.

Ключевые слова: визуальный образ; Великая Отечественная война; советский кинематограф; социальная коммуникация; эгодокумент.

В исторической памяти современного российского социума особое место занимает Великая Отечественная война. Происходящие в последние годы, в глобальном политическом и медийном пространствах, информационные и мемориальные войны актуализируют обращение к образам Великой Отечественной войны, их генезису, смысловому содержанию, специфике личностного восприятия. Одним из релевантных средств визуализации, мифологизации и инструментом трансляции этих образов является советский художественный кинематограф.

С позиции антропологического подхода рассмотрение советских послевоенных фильмов позволяет исследователям [1. С. 23] акцентировать внимание, не столько на открытый политико-идеологический смысл фабулы и сюжета, сколько на их скрытое содержание, на то, что читается «между кадров», составляет неявный, неосознанный фон реальности. В статье на основе анализа контента советских художественных фильмов второй половины 1940-х гг. и источников личного происхождения (дневников) выявляются основные образы Великой Отечественной войны, транслируемые с экрана, и особенности их восприятия современниками.

Великая Отечественная война нанесла значительный ущерб материальной базе кинематографа; если в 1940 г. в городах и рабочих поселках РСФСР работало 5 тыс. киноустановок, то в 1945 г. их осталось 3,8 тыс. За первые три послевоенных года в 16 городах, существенно пострадавших во время войны, количество мест в кинотеатрах увеличилось на 3 270, что было почти в два раза меньше запланированного [2. С. 163]. С 1945 по 1950 г. в стране количество стационарных киноустановок увеличилось с 9,1 тыс. до 21,2 тыс., а количество посещений киносеансов возросло с 622 млн в 1945 г. до 1 144 млн в 1950 г. [3. С. 238]. Послевоенный спрос населения опережал возможности кинематографической сети, о чем свидетельствовали очереди за билетами и спекуляция ими, особенно в крупных городах. Так, в центре Москвы у кинотеатра «Метрополь» в любое время дня и до позднего вечера в послевоенные годы подростки пе-

репродавали билеты, купленные за 3 р. по цене 15–20 р. [4. С. 151]. Высокая степень востребованности, популярности, доступности практически для всех категорий и возрастных групп населения превращали кинематограф в массовый вид развлечения и отдыха. Для государства кинематограф являлся важным средством социальной коммуникации, инструментом управления восприятием, трансляции визуальных образов и смыслов, мотивирующим нормативные модели поведения.

Художественные фильмы второй половины 1940-х гг. являются важным историческим источником, свидетельством эпохи, отражают ценностные предпочтения, идеалы, модели поведения, детали повседневной жизни. Предложенная в них версия художественного осмысления исторического прошлого, реконструкции феномена войны опиралась на политико-идеологический каркас «сталинизма», а главным методом визуального отображения действительности являлся «социалистический реализм».

По нашим подсчетам, на основе аннотированного каталога «Советские художественные фильмы... (1930–1957 гг.)» [5] в 1946–1950 гг. на экраны кинотеатров вышло 92 игровых фильма, снятых в СССР, 32 из которых были либо полностью посвящены теме Великой Отечественной войны, либо в сюжетных линиях явно прослеживалась связь с войной, определяя логику повествования и характеры персонажей. По жанровой принадлежности в данном каталоге эти фильмы определялись следующим образом: *историко-революционные* – «Клятва» (1946 г.); *художественно-документальные* – «Третий удар» (1948 г.), «Падение Берлина» (1949 г.), «Сталинградская битва» (1949 г.); *экранизации* – «Сын полка» (1946 г.), «Возвращение с победой» (1947 г.), «Жизнь в цитадели» (1947 г.), «За тех, кто в море» (1947 г.), «Мальчик с окраины» (1947 г.), «Молодая гвардия» (1948 г.), «Повесть о настоящем человеке» (1948 г.), «Звезда» (1949 г.), «Кавалер Золотой Звезды» (1950 г.); *драмы* – «Большая жизнь» (1946 г.), «В горах Югославии» (1946 г.), «Дорога без сна» (1946 г.), «Во имя

жизни» (1946 г.), «Наше сердце» (1946 г.), «Освобожденная земля» (1946 г.), «Сыновья» (1946 г.), «Голубые дороги» (1947 г.), «Маритэ» (1947 г.), «Повесть о "Неистовом"» (1947 г.), «Рядовой Александр Матросов» (1947 г.), «Встреча на Эльбе» (1949 г.), «Константин Заслонов» (1949 г.); *приключения* – «Остров Безымянный» (1946 г.), «Подвиг разведчика» (1947 г.), «Секретная миссия» (1950 г.), «Смелые люди» (1950 г.); *комедии* – «Беспокойное хозяйство» (1946 г.), «Поезд идет на восток» (1947 г.).

Жанровая специфика позволяла использовать различные художественные ракурсы, изобразительные приемы и средства для создания у зрителей многопланового визуального образа войны. Историко-революционные и художественно-документальные фильмы, выполненные в эпической стилистике, помещали Великую Отечественную войну в контекст послереволюционной истории страны. Соединение на экране макро- и микрособытийного ряда, батальных сцен с эскизами судеб отдельных персонажей призваны были продемонстрировать единство власти и народа, мудрость его вождя И.В. Сталина, массовый героизм воинов Красной Армии, патриотизм тружеников тыла.

Жанр большинства послевоенных фильмов о войне был драматическим, стилистически наиболее адекватным теме войны и понятным «обычному» зрителю, имевшему экзистенциальный военный опыт и личные представления о войне. Сценарной основой многих послевоенных кинофильмов стали драматические произведения известных советских авторов (В. Катаева, В. Лациса, А. Якобсона, Б. Лавренева, В. Кожевникова, А. Фадеева, Б. Полевого, Э. Казакевича, С. Бабаевского). Именно тогда с экрана «шагнули» и надолго остались в памяти людей послевоенных поколений «сын полка» Ваня Солнцев, легендарный летчик Алексей Маресьев, герои-молодогвардейцы, фронтовые разведчики с позывным «Звезда» и др.

Снятые в приключенческом и комедийном жанрах фильмы четко визуализировали образы «свой-чужой», противопоставляя героический образ советского солдата, офицера, разведчика, партизана образу врага, который, несмотря на внешние признаки силы, оказывался слабым, тупым, трусливым, продажным.

В ходе подготовки сценариев, а затем их экранного воплощения авторы должны были следовать политико-идеологическим установкам и учитывать изменения внутри- и внешнеполитической ситуации. В послевоенном отечественном кинематографе складывались базовые элементы обобщенного образа Великой Отечественной войны: «война», «враг», «вождь», «Красная Армия», «свои» [6. С. 76]. Сценарная и экранная конкретизация этих элементов происходила в трех ключевых сегментах, составляющих смысловое ядро образа войны: 1) образ «вождя и полководца» И.В. Сталина, победных битв войны (предполагалось создать художественные киноверсии «десяти сталинских ударов»); 2) образ врагов и союзников; 3) образ советского народа, его героизма и жертвенности.

Первый из этих сегментов, формируется фильмами «Клятва», «Третий удар», «Сталинградская битва», «Падение Берлина», относящихся к жанру «художественно-документальной эпопеи».

В них важное смысловое значение имели батальные сцены, для участия в которых привлекались целые воинские соединения, так, в «Сталинградской битве» ежедневно снималось от 500 до 5 тыс. солдат, военнопленные немцы, специально доставленные из лагерей, десятки танков, орудий, самолетов, автомашин, барж, лодок и т.д. [7. С. 161]. Транслируемый в этих фильмах образ мудрого Главнокомандующего, обладающего и реализующего победную военную стратегию, подтверждался масштабными сценами реконструкции решающих военных битв.

В фильме «Клятва» было отражено предвидение Сталиным войны, подчеркивалась его уравновешенность, спокойствие и полный контроль над ситуацией на фронте. Великая Отечественная война изображалась как один из этапов истории СССР, испытание, которое с честью выдержал советский народ [8. С. 44]. Для того, чтобы подчеркнуть близость вождя к простым людям, в фильмах «Третий удар» и «Сталинградская битва» актер А. Дикий, игравший Сталина, говорил без акцента, стремясь показать на экране не столько реального Сталина, сколько «впечатление людей от Сталина», создать его мифологический образ. В фильме «Падение Берлина», констатирует А.В. Лямзин, главный действующий герой, это «Сталин и его апостолы-генералы», все участники этого идеографического произведения живут и идут в бой со Сталиным на устах, сцены и персонажами выглядят достаточно плоскими, но это сродни обратной перспективе русской иконописи [6. С. 77]. В эпическом кинополотне «Клятва» также можно увидеть аллюзии христианских мотивов в сюжете, позволяющие провести идентификацию Ленина с Иоанном Крестителем, выбравшем Сталина как Мессию.

Насыщенность этих фильмов очевидным символизмом, акцент на неразрывную связь в образе Победы ее главного творца с героическим народом, закладывала в общественное сознание краеугольные основы мифологической версии войны. Подвергнутые существенной эрозии и прямой критике в годы «хрущевской оттепели» и «горбачевской перестройки» эти структурные элементы в современном кинематографе России проявились в двух противоположных тенденциях: попытках разъединения фигуры Сталина и Победы народа и возврата к мифологии образа Великого Главнокомандующего.

В послевоенное время эти фильмы встретили неоднозначную реакцию со стороны зрителей, имеющих собственный опыт и представления о войне, о чем, в частности, свидетельствует такой важный показатель, как посещаемость кинотеатров. Проведенный Д.Н. Ряпусовой анализ архивных документов на примере Молотовской (Пермской) области показал, что, несмотря на широкую рекламную кампанию, фильм «Клятва» значительно уступал по посещаемости трофейному мюзиклу «Девушка моей мечты» (Германия, 1944 г.). За пять месяцев 1947 г. в Прикамье было дано 388 сеансов первого и 201 второго фильма, на которых «Клятву» посмотрели 25 783 чел., а зарубежный мюзикл – 55 526 чел. Причем средняя посещаемость киносеанса советской кинокомедии «Небесный

тихоход» (1945 г.) составляла 72 чел., тогда как «Девушку моей мечты» в среднем просматривали за сеанс 276 чел., а «Клятву» – 67 чел. [9. С. 191]. Очевидно, что в тяжелые послевоенные годы для многих людей целью похода в кино было желание на несколько часов попасть в иллюзорный мир мечты, и потому легкая музыкальная комедия была более притягательна, чем официальный пафосный фильм.

Вторая составляющая образа войны в послевоенном кинематографе предельно четко демонстрирует «врага», «немецко-фашистских захватчиков». Враг был коварен, расчетлив и жесток. Немецкие офицеры зачастую изображались малопривлекательными сухощавыми немолодыми субъектами. Вожди нацистской Германии выглядели подчеркнуто карикатурно и нелепо во главе с их бесноватым фюрером [6. С. 77]. Воплощенные на экране образы фашистов вызвали у зрителей неприязнь, отвращение, язвительный смех над их непомерными амбициями, истеричностью, жадностью и глупостью, особенно это удавалось таким актерам, как В. Астангов, С. Мартинсон, чьи персонажи запоминались и прочно ассоциировались с понятиями «враг», «чужой».

В условиях начавшейся холодной войны негативные характеристики приобретают и недавние союзники (У. Черчилль в фильмах «Третий удар», «Падение Берлина»), представители американского командования в остросюжетных кинокартинах «Встреча на Эльбе» и «Секретная миссия». В фильме «Большая жизнь» тема коллаборационизма была представлена в нетрадиционном ракурсе, положительными оказались персонажи, работавшие полицейскими при немецкой оккупации в Донбассе якобы по заданию партизан. После выхода фильма в прокат последовала критика со стороны А.А. Жданова и И.В. Сталина, обвинивших авторов в фальшивом отображении советских людей и хода восстановительных работ на Донбассе. Еще одним недостатком, противоречащим идеологии Советского государства, было названо то, что лично в фильме придавалось гораздо большее значение, чем общественному [10. С. 598–599]. Иной взгляд на проблему коллаборационизма представлен в фильме «Подвиг разведчика», где появляется украинский предатель-националист, который добровольно приходит на службу к немцам, заявляя, что он украинец и не любит русской музыки.

Третий сегмент обобщенного образа войны воплощался на экране как с помощью обращения к реальным прототипам, так и на уровне художественных типажей. Главными персонажами многих послевоенных фильмов становились не Сталин, генералы и командующие фронтами, а советский народ и отдельные герои, имевшие реальных прототипов или выступающие как собирательные образы («Подвиг разведчика», «Сыновья», «Рядовой Александр Матросов», «Повесть о настоящем человеке», «Молодая гвардия», «Звезда», «Сын полка», «Путь славы», «Константин Заслонов», «Смелые люди» и др.). Наряду с психологически достоверными образами персонажей вниманием к внешнему облику, деталям фронтовой повседневности в киноязыке присутствовала излишняя театральность, мифологичность изложения, показ при-

украшенной послевоенной действительности («Сказание о земле Сибирской» (1948 г.), «Кубанские казаки» (1949 г.)). Главной характеристикой в образе советского человека, ведущего борьбу с фашизмом, становилась именно его советскость, а подвиги героев, их самопожертвование представлялись в полной мере осознанными [11. С. 169]. В ходе просмотра зрители могли вновь пережить свой экзистенциальный военный (фронтовой или тыловой) опыт, поместив его в контекст биографии страны и героического поколения победителей. Кинокартины и выполненные в приключенческом жанре («Остров Безымянный», «Подвиг разведчика», «Секретная миссия», «Смелые люди»), призваны были держать зрителей в постоянном напряжении, интрига и ходы сюжета были достаточно прозрачны и предсказуемы, но они выполняли свою главную задачу – создавали героический образ советских людей: на фронте, в тылу врага, на оккупированных территориях.

Успешное воплощение сценарных и режиссерских решений во многом зависело от игры актеров. Плеяда уже известных и популярных у зрителей мастеров экрана в лице М. Жарова, Б. Андреева, В. Астангова, А. Грибова, С. Гиацинтовой, А. Дикого, С. Филиппова, С. Мартинсона, М. Геловани, П. Кадочникова, Т. Макаровой, Л. Целиковской и других актеров сумели создать яркие образы своих персонажей, запоминающиеся визуальные типажи-символы: разведчика, фашиста, Сталина, подпольщика и др. Для послевоенных подростков и молодежи подпольщики-молодогвардейцы из фильма «Молодая гвардия» воплотили их ценности и идеалы. В памяти послевоенных поколений их реальные прототипы будут существовать в визуальных образах, ярко воплощенных актерами: О. Кошевой (В. Иванов), Л. Шевцова (И. Макарова), У. Громова (Н. Мордюкова), С. Тюлений (С. Гурзо).

Идеалом «настоящего разведчика» в кино и восприятии зрителей станет образ Алексея Федотова под именем Генриха Эккерта (актер П. Кадочников в фильме «Подвиг разведчика»). Присущие этому образу бесстрашие, ум, преданность Родине, готовность идти на оправданный риск сохраняют и другие экранные образы разведчиков, созданные в кинематографе конца 1960-х – начала 1970-х гг. («Сильные духом», «Майор Вихрь», «Щит и меч», «Семнадцать мгновений весны»).

О том, насколько отвечали представлениям власти созданные в рассматриваемых кинофильмах образы войны, может свидетельствовать своеобразный «рейтинг» присвоения им Сталинских премий (высших государственных наград того времени для деятелей советского киноискусства). Сталинскую премию первой степени получили фильмы «Клятва», «Молодая гвардия», «Встреча на Эльбе», «Падение Берлина», «Сталинградская битва», «Кавалер Золотой Звезды», «Секретная миссия», второй степени – «Жизнь в citadel», «Подвиг разведчика», «Повесть о настоящем человеке», «Третий удар», «Смелые люди», третьей степени – «Константин Заслонов», т.е. 40% от всех, вышедших на экраны во второй половине 1940-х гг. фильмов, посвященных тематике Великой Отечественной войны.

Только 4 из 32 послевоенных фильмов о войне были сняты в новом тогда для советского кинематографа цветном формате («Поезд идет на восток», «Падение Берлина», «Кавалер Золотой Звезды», «Смелые люди»). Цветное изображение создавало настроение всего фильма, более ярко передавало эмоции и переживания персонажей, подчеркивало разделение на силы добра и зла. Цветная киноплёнка фиксировала внимание зрителей на красках войны и символах Победы (огонь, красное знамя, белый китель Сталина, военная форма, ордена и медали у героев войны и т.п.), признаках мирной жизни в стране (праздничная одежда, застолье, красоты природы), в которую входят герои-фронтовики.

Ставшие определенными «эталоном» зрительского восприятия образы Великой Отечественной войны, созданные в послевоенном кинематографе, в дальнейшем тиражировались и постепенно превратились в кинематографические «штампы», характерные как для советского, так и постсоветского кино (со сменой смысловых контекстов). Заметный в последние годы тренд на национально- и государственно-ориентированную политику исторической памяти обусловил претензии, предъявляемые к выходящим в постсоветский период фильмам о войне. Их критикуют за очевидную мифологизацию, подмену «правды» о войне спецэффектами и кочующими из фильма в фильм одномерными стереотипами в изображении Сталина, сотрудников НКВД, «Смерша» и т.п., избытком исторических неточностей, что в значительной мере объясняется как исторической дистанцией, отказом от обязательной государственной идеологии, так и требованиями современного медийного рынка.

Чтобы понять, как воспринимали советские граждане данные фильмы, снятые в период с 1946–1950 гг., обратимся к материалам дневников представителей различных категорий советского социума. Источниковую основу составили дневниковые записи 30

граждан, в которых зафиксированы события 1946–1956 гг. (в работе использовались материалы дневников, размещенные на сайте prozhito.org). География исследования охватывает жителей таких городов и областей СССР: Москва, Молотов, Ленинград, Омск, Казань, Краснодар, Челябинск, Смоленск, Кишинёв, Ярославль, Сталинград, Томская, Тюменская, Новосибирская, Нижегородская области, Алтайский край.

Важно отметить, что далеко не все из выявленных 32 кинокартин упомянуты в дневниковых записях граждан. В них не было найдено упоминаний о фильмах «Жизнь в цитадели», «Мальчик с окраины», «Дорога без сна», «Наше сердце», «Сыновья», «Остров безымянный», «Освобожденная земля». Произведения «Звезда», «Повесть о настоящем человеке» неоднократно упоминались в дневниках горожан, но как названия книг и спектаклей, а не кинофильмов. Таким образом, из 32 кинокартин, снятых в период 1946–1950 гг., в анализируемых дневниковых записях 1946–1956 гг. фигурирует только 21 фильм. Всего в них было обнаружено 69 упоминаний о советских кинокартинах, вышедших на экраны в 1946–1950 гг. В рамках периода 1946–1956 гг. большая часть упоминаний о данных кинофильмах была зафиксирована в записях 1946–1950 гг. (60 упоминаний – 87%), в то время как в дневниковых записях 1951–1956 гг. было обнаружено лишь 9 сюжетов (13%). Данное количественное распределение, по всей видимости, было обусловлено спецификой кинопроката, ориентированного на новые фильмы.

Упоминания о просмотре кино чаще фиксировались в дневниках горожан (90% анализируемых дневниковых записей), что было обусловлено более высокой частотностью показа кинофильмов в городах. Анализ дневниковых записей позволил выявить неравноценную частотность обращения к описанию сюжетов кинофильмов в различных возрастных группах советского социума (таблица).

Возрастное распределение граждан, упоминавших о кинофильмах, снятых в 1946–1950 гг., в своих дневниковых записях (1946–1956 гг.)

Возрастная группа	До 20 лет	От 21 до 30 лет	От 31 до 40 лет	От 41 до 50 лет	От 51 до 60 лет	От 61 года и старше
Количество граждан	13	5	4	4	1	3

Наибольшее количество упоминаний о просмотре фильмов фиксируется в дневниках молодых людей (школьников, студентов) до 20 лет.

В 13 случаях (19%) упоминание о кинофильмах в дневниках советских граждан представлено заметками, фиксирующими факт просмотра кино, но не раскрывающими отношение их к данному фильму. Так, например, А.Р. Маринат (г. Кишенев, студент, 22 года) в своем дневнике отметил: «Сегодня вечером смотрел кинокартину “В горах Югославии” в актовом зале нашего университета» [12. Запись от 15.04.1947 г.]. Аналогичную «безоценочную» запись встречаем в дневнике М.В. Березовской (Тюменская обл., колхозница, 41 год): «Вчера было кино “Сталинградская битва”» [13. Запись от 18.09.1949 г.] и т.п.

В 11 случаях (16%) упоминание в дневниках граждан о просмотренных кинофильмах представлено сюжетами, в которых фиксируется краткое описание содержания фильма (тема, сюжет), но отсутствует оценка увиденного. В качестве примеров таких описаний можно привести дневниковые записи Э.В. Лурье (Ленинград, школьница, 15 лет): «Вчера было кино “Во имя жизни” из жизни медицинских ученых» [14. Запись от 7.05.1947 г.].

Такие краткие упоминания в дневниках граждан о просмотре фильмов, безусловно, дают определенную информацию о частотности посещаемости ими кинотеатров, хронологии кинопроката, но являются малоинформативными в контексте данного исследования, направленного на выявление специфики восприятия послевоенных кинофильмов зрителями.

В большинстве случаев (45 сюжетов – 65%) граждане, упоминая о фильмах в своих дневниковых записях, давали оценку увиденному. Эти оценочные характеристики кинофильмов можно условно разделить на три группы.

Первую и самую многочисленную группу (24 сюжета – 35%) составляют дневниковые записи, в которых дана краткая оценка просмотренного фильма, определяющаяся по шкале «понравилось»/«не понравилось». В подавляющем большинстве зрители положительно оценивали кинокартины. Достаточно эмоциональные оценки: «картина очень понравилась», «картина замечательная», «кино очень интересное, хорошее», «это вершина киноискусства» и т.п., встречаются в большинстве дневниковых записей данной группы [12. Запись от 23.05.1947 г.; 15. Запись от 21.03.1949 г., 18.05.1949 г.; 16. Запись от 08.01.1950 г., 10.02.1950 г.; 17. Запись от 05.02.1947 г.]. В ряде случаев положительные оценки фильмов были более сдержанными. А.А. Алексанян (Томская обл., колхозница¹, 24 года) в своем дневнике писала: «Смотрели первую серию “Падение Берлина” – картина содержательная» [18. Запись от 04.04.1950 г.]. Обращает на себя внимание тот факт, что в некоторых случаях положительная оценка кинокартин видится несколько искусственной с учетом общего описания, зафиксированного в дневнике. Н.Н. Козаков (Нижегородская обл., учащийся, 16 лет) по поводу фильма «Возвращение с победой» пишет: «Фильм мне очень понравился, но под конец я задремывал и просыпался только во время какой-нибудь стрельбы» [19. Запись от 27.06.1948 г.].

Важно отметить, что в положительной характеристике фильмов про войну («Падение Берлина», «Третий удар») зрители апеллировали к историчности и «правдивости» кинокартин. Так, например, В.А. Порцевский (Москва, студент, 32 года) в своем дневнике отмечал: «Сходили в кино “Ударник” на “Третий удар” (о крымской операции 1944 г.) – интересно в военно-историческом смысле» [20. Запись от 29.04.1948 г.]; А.И. Дмитриев (г. Молотов, рабочий, 32 г.) пишет: «Посмотрел обе серии цветного фильма “Падение Берлина”. Вот это действительно правдивая кинокартина. Очень хорошая вещь» [21. Запись от 09.02.1950 г.].

Краткие негативные оценки просмотренных кинокартин встречались в дневниках граждан достаточно редко (5 сюжетов – 7%). А.А. Алексанян в своем дневнике писала: «Наконец, приехали кинопередвижки... Была скучная картина “Третий удар”... Вместо того чтоб смотреть, мы говорили и смеялись» [18. Запись от 04.04.1950 г.]; А.И. Дмитриев отмечал: «После ужина было кино “Сын полка” – не понравилось» [21. Запись от 29.06.1947 г.].

Ко второй группе можно отнести дневниковые записи, в которых изложены суждения и размышления граждан по поводу проблем (нравственных, о смысле жизни и пр.), затронутых в кинокартине, либо вызванных ее просмотром. Данные записи (10 сюжетов – 14%) фиксируются в основном в дневниках молодых людей до 25 лет (преимущественно девушек).

Так, например, М.А. Добрынина (г. Москва, учащаяся, 18 лет), рассуждая о фильме «Во имя жизни», пишет в своем дневнике: «Это чудесный фильм. Сильный, глубокий, идейный, увлекательный, чистая, замечательная любовь. Из кино выходишь, как из чистилища. Светлые думы и мысли занимают тебя. Борьба за жизнь человека, стремление к этому через все препятствия, воля, твердость, вера в свое прекрасное дело, жертвы, но и они не колеблют человека, опять борьба, упорная, дерзкая борьба за жизнь человека и, наконец, победа... И все то, все во имя жизни» [22. Запись от 29.03.1947 г.]. Жительница Смоленска Н.Н.² (22 года) писала: «Смотрела “Молодую гвардию” (2ая серия). Что писать? Нет слов. Только хотелось бы доказать, нет, не то. Я бы сейчас пошла бы с улыбкой на такие же пытки и смерть. У нас таких краснотонцев миллионы. Боже мой! Как тяжело! Милые и дорогие Олег, Сережа, Уля, Люба и многие, многие неизвестные! Только бы хватило сил. Неужели я не выдержу? Нет, я выдержу. Да, тысячу раз да. Только самое тяжелое из всего то, если смерть рано пресечет деятельность... Как мне тяжело! Ваши образы всегда будут со мной. Вы были сильные, смелые и выдержанные. А я невыдержанная, часто срываюсь. Как мне выковать силу воли. Дайте мне силы» [23. Запись от 04.11.1948 г.]. К.С. Мансурова (г. Москва, школьница, 17 лет), писала в своем дневнике о фильме «Рядовой Александр Матросов»: «Какой подвиг. Вот такие простые, обыкновенные люди и бывают настоящими героями. Таким ли в действительности был Матросов? Вероятно. Хочется, чтобы все было так, как в кино. Трудно все-таки передать свои чувства. После этой картины хочется жить для всех. Но как слова не передают настоящих впечатлений. Слишком беден мой язык... Эта картина учит, каким должен быть настоящий комсомолец... Главное, жить не для себя, честно выполнять свою обязанность. Иначе и жить незачем» [24. Запись от 21.05.1948 г.].

Помимо суждений граждан о «правильной» жизненной стратегии в дневниковых записях, отнесенных к данной группе, фиксируются размышления о настоящем и будущем, вызванные просмотром кинокартин. Л.А. Аннинский (г. Москва, школьник, 15 лет) пишет в своем дневнике: «Смотрел “Секретную миссию”. Страшно подумать, что делается на белом свете. Обо всем этом хорошо бы прочесть в учебнике истории через полсотни лет, но тяжело сознавать, что это творится сейчас на самом деле, что это не фантазия, а реальность. Интересно, как об этом будут писать потомки – счастливые люди. Поймут ли они нас? В какое великое и трудное время мы живем! Впереди – самое тяжелое, но это уже конец, это уже победа» [25. Запись от 23.08.1950 г.].

Анализ данных дневниковых записей позволяет прийти к выводу, что просмотр кинофильмов обладал дидактическим эффектом, влияя на формирование ценностных и нравственных качеств советской молодежи – группы, наиболее восприимчивой к императивам и образам, транслируемым советской пропагандой посредством СМИ, кино, художественной литературы и пр.

О значимом эмоциональном воздействии кинокартин свидетельствует запись в дневнике М.В. Березовской, хотя специфика данного воздействия не вполне очевидна из текста данной дневниковой записи: «Приехала домой. Опять была в кино (Голубые дороги). Эти две картины³ мне будут помниться долго. Да я изменилась. Мысли мои бродят. Чем это все кончится, я не знаю» [13. Запись от 23.10.1948 г.].

К третьей из выделенных групп отнесены дневниковые записи, в которых был предпринят анализ фильмов как кинематографических произведений (игра актеров, кинематографические приемы, применяемые режиссерами и пр.). Количественно группа составляет 11 сюжетов (16%). Пять сюжетов данной группы фиксируются в дневниковых записях граждан от 49 до 77 лет, шесть – от 15 до 22 лет.

Все оценки молодых людей представлены положительными характеристиками кинофильмов, но уровень анализа существенным образом рознится. Н.В. Кравченко (г. Москва, школьница, 17 лет) в своих записях кратко отмечает: «Сегодня вечером ходили смотреть “Секретную миссию”. Очень хорошее кино, наверное, получит Сталинскую премию! Теперь у нас, вообще, все кино стали хорошими» [26. Запись от 26.08.1950 г.]; «... смотрела “Большую жизнь”, и мне очень понравилось. Алейников там играет бесподобно» [26. Запись от 31.08.1950 г.]. О.В. Амитров (г. Москва, школьник, 17 лет) пишет: «Были в кино на “Поезд идет на восток”. Одна из лучших кинокомедий, какие я видел. Прекрасно играют Грановская, Галлис и другие, веселый сюжет, хорошо сделаны съемки» [27. Запись от 21.08.1954 г.]. В дневнике В.А. Чивилихина (г. Москва, студент, 21 год) приведен краткий анализ кинокартины «Сталинградская битва»: «Картина замечательная. Сделана по-советски. Выпукло, рельефно выступает образ И.В. [Сталина] С ужасом подумал – что будет, если его не станет?..» [28. Запись от 12.05.1949 г.]. Более подробный анализ просмотренных кинофильмов изложен в дневниковых записях Л.А. Аннинского: «Смотрел в “Родине” первую серию “Падения Берлина”. Замечательно! Надо отметить, что способы показа идей, господствующие в картине, стары, но отделанность, убедительность и правдивость, которая достигается этими старыми способами массовой агитации, невиданна. Эта картина – энциклопедия всей второй мировой войны, замечательное художественное обобщение целого взлета истории...» [25. Запись от 04.02.1950 г.]; «Это чудесная картина – “Смелые люди”! И само содержание, и захватывающий сюжет, и игра актеров, и постановка, и непередаваемая прелесть цвета – все это вызывало у публики бурные аплодисменты буквально каждые 15 минут; я же думаю, что если взять все рецензии на все наши фильмы, собрать из них самое хвалебное – понемногу из каждой, соединить в одну и проредактировать – то получится характеристика “Смелых людей”. Немного утрирую, но все же: в этой картине собрано все то, за что когда-нибудь хвалили любую нашу кинокартину...» [25. Запись от 07.09.1950 г.].

В дневниках зрителей более зрелого возраста также встречаются положительные оценки просмотренных

кинофильмов. Так, например, С.Д. Грамматин (Новосибирская обл., выслан на поселение⁴, 54 года) отмечал в своем дневнике: «Смотрел “Поезд идет на восток” – цветной фильм. Очень понравился. Хотя и глуповато, и грубовато в сюжете, но хорошо, потому что весело, без надоевших поучений, к тому же все действие – в дороге под стук колес быстро бегущего поезда. Люблю железную дорогу! В комических кадрах я смеялся от души. Съемка хорошая» [29. Запись от 18.01.1951 г.]. Краткое нейтральное замечание относительно просмотренного кинофильма фиксируется в дневнике М.М. Пришвина (г. Москва, писатель, 77 лет): «Вечером смотрели “Падение Берлина” и дивились на актера, изображавшего Сталина: даже и говорит с грузинским акцентом» [30. Запись от 03.02.1950 г.]. В дневниковых записях представителей данной возрастной группы встречаются скептические и негативные оценки-характеристики советских кинематографических произведений. Так, например, Б.И. Вронский (пос. Нексикан, Магаданская обл., геолог, 50 лет) по поводу кинофильма «За тех, кто в море» отмечает в своем дневнике: «Это произведение Лавренева в кинопостановке явно проигрывает, как это обычно бывает с хорошими вещами» [31. Запись от 08.07.1948 г.]. Л.В. Шапорина (г. Ленинград, переводчица, 71 год), негативно оценивающая реалии светской политико-экономической действительности, хотя сама и не посещала кинотеатры (дневниковые записи, свидетельствующие о просмотре ею советских послевоенных кинофильмов, отсутствуют), не без сарказма пишет в своем дневнике: «Вчера мне рассказали содержание второй серии картины “Падение Берлина” ... Говорят, что когда эту картину показали в Кремле, Сталин заметил: “Но ведь я же не был в Берлине”. Чиаурели ответил: “Да, но народ верит, что Вы там были”. “Это смело”, – сказал Сталин (Чиаурели звали служителем культа. – М.К., А.Т.)» [32. Запись от 11.02.1950 г.]. О.Н. Гильдебрандт-Арбенина (г. Ленинград, актриса, 49 лет), скептически оценивая фильм «Подвиг разведчика», определяет его как «восторг детей» [33. Запись от 20.10.1947 г.].

Вообще в дневниковых записях представителей советской творческой интеллигенции (актеры, композиторы, литераторы и т.п.) в большинстве своем фиксировались негативные оценки отечественных кинематографических произведений (как послевоенного, так и более ранних периодов). Л.К. Чуковская (г. Москва, писатель, редактор, 41 год) в 1948 г. напишет в своем дневнике: «Сегодня... показывали картину “Любимая девушка”... Предел лживости, грубости, пошлости... все действующие лица поставлены в такое ложное социальное и бытовое положение, что не веришь ни единому слову, ни единому жесту. Простая работница с наружностью барышни. Маскарад на заводе – вместо пьяных и полупьяных – учтивые молодые люди с манерами графов. Комсорг разумеется мудрый и самоотверженный сердцеved» [34. Запись от 20.11.1948 г.]. Б.М. Эйхенбаум (г. Ленинград, литературовед, 59 лет) также достаточно жестко отзываясь в своем дневнике о произведении советского кинематографа: «Отошел от мерзкого впечатления, которое осталось от нового фильма “Небесный тихоход” (С. Тимошенко), видел в Доме кино... Комедия, а я ни разу даже не улыбнулся – так глупо, пошло, без юмора, без человеческих чувств,

с ужасными актерами, которые по-любительски ломаются и гогочут. Было такое ощущение, как будто я попал неудачно в гости на вечеринку – в неподходящую мешанскую компанию. Беда с искусством!» [35. Запись от 07.02.1946 г.]. В.А. Шве́ц (г. Одесса, композитор, музыкальный педагог, 30 лет) в своем дневнике указывает на неправдоподобность воспроизводимого в кинокартине сюжета: «Вечером мы пошли в деревенский клуб, где шел отвратительный по своей надуманности фильм “Иван Никулин – советский моряк”. Как это возможно, чтобы пустым жестяным чайником можно было бы убить немца в крепкой железной каске на голове?» [36. Запись от 06.08.1946 г.]. Актриса, поэтесса Т.Д. Булах-Гардина (г. Ленинград, 41 год) в своих дневниковых записях 1946 г., характеризуя фильм «Зигмунд Колоссовский», заметила, что «люди в нем не говорят передовицами “Правды”» [37. Запись от 26.02.1946 г.]. На страницах ее дневника более положительными характеристиками наделялись произведения зарубежного кинематографа: «Смотрела вчера цветной немецкий фильм “Большой простор”. Чуть-чуть порнографии, много юмора. Срежиссировано, снято, сыграно превосходно. Каждую неделю я хожу теперь на просмотры в Дом кино и убеждаюсь, как блестяще овладели техникой художественного реализма иностранные актеры. Они не потрясают, редко запоминаются, но нигде не шокируют, не фальшивят. Но мало в них глубины. Так же как и в наших молодых актерам. Но наши к тому же не обладают выхоленными, тренированными телами тех актеров» [37. Запись от 10.04.1946 г.].

Таким образом, в художественных фильмах о Великой Отечественной войне, созданных по «го-

рячим следам», формируется определенное видение истории войны, создаются визуально-вербальные образы, кодирующие нормативную модель ее восприятия. Обращение к визуальному контенту военного кинематографа первых послевоенных лет позволяет лучше понять, что в фильмах, вышедших тогда на экраны были зафиксированы базовые элементы образа войны, ставшие константой для исторической памяти и коммеморативных практик: огромные усилия воинов Красной Армии и военнополитического руководства страны для достижения Победы; массовый героизм и жертвенность советского народа во имя Родины.

Предпринятый анализ дневниковых записей советских граждан позволяет прийти к выводу, что послевоенные советские кинофильмы воспринимались положительно большинством зрителей, особенно молодежью – наиболее лояльной группой советского социума. Очевидно также, что мифологические конструкции, заложенные в смысловой и визуальный контекст, резонировали с экзистенциальным опытом людей, прошедших войну, определяя характер их эмоциональных реакций и рациональных оценок.

Наиболее талантливые кинопроизведения, в которых соединились соответствующие историческим реалиям и мифологические сюжетные линии, действовали запоминающиеся зрителю персонажи, стали классическими, они составляют неотъемлемую часть золотого фонда отечественного кинематографа, содержат элементы национального кода памяти о Великой Отечественной войне, объединяющей современный российский социум.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В прошлом студентка Тбилисского медицинского института, высланная в Томскую область как «бывшая турецкоподданная» [18].

² По настоянию родственников дневник был опубликован анонимно [23].

³ Вторая картина – «Чио-Чио-Сан» (В оригинале «Премьера Баттерфляй», «Мечта Баттерфляй» (Германия–Италия, 1939 г.) [13].

⁴ До выселения – преподаватель русского языка и литературы в г. Шуя [29].

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков Е.В., Пономарева Е.В. Игровое кино как исторический источник для изучения культурной памяти // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 10 (269). С. 22–25.
2. РСФСР за 40 лет (Статистический сборник). М. : Сов. Россия, 1957. 223 с.
3. Народное хозяйство СССР в 1956 г. (Статистический сборник). М. : Государственное статистическое издательство, 1956. 262 с.
4. Богданов С.В., Орлов В.Н. Из истории борьбы правоохранительных органов СССР со спекуляцией в первые послевоенные годы // Современное право. 2010. № 1. С. 148–152.
5. Советские художественные фильмы. Аннотированный каталог. Ч. 2: Звуковые фильмы (1930–1957 гг.). М. : Искусство, 1961. 784 с.
6. Лямзин А.В. Базовые образы Великой Отечественной войны в советском и постсоветском кинематографе как элементы национальной российской идентичности // История и современное мировоззрение. 2019. № 1. С. 73–80.
7. Ханютин Ю.М. Предупреждение из прошлого. М. : Искусство, 1968. 285 с.
8. Багдасарян В.Э. Образ врага в исторических фильмах 1930–1940-х гг. // Отечественная история. 2003. № 6. С. 31–46.
9. Ряпунова Д.Н. «Что сегодня покажет нам товарищ Большаков?»: проблемы послевоенного уральского кинопроката в свете сталинской кинополитики // Вестник Пермского университета. 2013. № 1 (21). С. 185–196.
10. Власть и художественная интеллигенция. ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. / сост. А.Н. Артизов. М. : Демократия, 1999. 868 с.
11. Орлова А.С. Художественные фильмы о Великой Отечественной войне 1946–1956 гг. как отражение изменений в политической жизни СССР // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 3. С. 165–172.
12. Маринат А.Р. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhitto.org/person/2342> (дата обращения: 15.06.2020).
13. Брезовская М.В. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhitto.org/person/2267> (дата обращения: 15.06.2020).
14. Лурье Э.В. Дальний архив. Семейная история в документах, дневниках, письмах. 1922–1959 // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhitto.org/person/157> (дата обращения: 18.06.2020).
15. Воробьев В.Н. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhitto.org/person/836> (дата обращения: 11.06.2020).
16. Тулюлюк А.А. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhitto.org/person/1270> (дата обращения: 18.06.2020).
17. Тарасов В.Д. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhitto.org/person/3713> (дата обращения: 11.06.2020).
18. Алексанян А.А. Сибирский дневник 1949–1954 гг. // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhitto.org/person/360> (дата обращения: 19.06.2020).

19. Козаков Н.Н. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/257> (дата обращения: 20.06.2020).
20. Порцевский В.А. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/367> (дата обращения: 19.06.2020).
21. Дмитриев А.И. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/418> (дата обращения: 15.06.2020).
22. Добрынина М.А. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/954> (дата обращения: 19.06.2020).
23. Н.Н. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/2377> (дата обращения: 19.06.2020).
24. Мансурова К.С. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/3191> (дата обращения: 14.06.2020).
25. Аннинский Л.А. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/2585> (дата обращения: 21.06.2020).
26. Кравченко Н.В. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/2034> (дата обращения: 19.06.2020).
27. Амитров О.В. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/3898> (дата обращения: 19.06.2020).
28. Чивилихин В.А. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/314> (дата обращения: 19.06.2020).
29. Грамматин С.Д. Дневник // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/960> (дата обращения: 21.06.2020).
30. Пришвин М.М. Дневник // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/56> (дата обращения: 19.06.2020).
31. Вронский Б.И. Дневник // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/386> (дата обращения: 11.06.2020).
32. Шапорина Л.В. Дневник // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/198> (дата обращения: 19.06.2020).
33. Гильдебрандт-Арбенина О.Н. Дневник // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/1311> (дата обращения: 17.06.2020).
34. Чуковская Л.К. Дневник // Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhito.org/person/434> (дата обращения: 19.06.2020).
35. Эйхенбаум Б.М. Дневник // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/1110> (дата обращения: 14.06.2020).
36. Швец В.А. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/318> (дата обращения: 19.06.2020).
37. Булах-Гардина Т.Д. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/2311> (дата обращения: 21.06.2020).

Статья представлена научной редакцией «История» 6 июля 2020 г.

Images of the Great Patriotic War in the Soviet Cinema of the Second Half of the 1940s and Their Reflection in Egodocuments

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 200–208.

DOI: 10.17223/15617793/467/24

Marina A. Klinova, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: klinowa.m@yandex.ru

Andrey V. Trofimov, Ural state University of Economics (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: 2519612@rambler.ru

Keywords: visual image; Great Patriotic War; Soviet cinema; social communication; egodocument.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-09-00216A.

One of the means of visualization, mythologization, and translation of images of the Great Patriotic War is the Soviet art cinema, which in the post-war years performed ideological, propaganda, communicative, and integrative functions. Based on the analysis of the content of 32 Soviet feature films of the second half of the 1940s and 30 sources of personal origin (diaries of Soviet citizens), the article reveals the semantic content of images of the Great Patriotic War broadcast from the screen and the specifics of their perception by contemporaries. It is revealed that the scenario and visual concretization of the semantic core of images of the war occurred in three key segments: 1) the image of the “leader and commander” Joseph Stalin, the victorious battles of the war (it was supposed to create artistic film versions of “ten Stalin strikes”); 2) the image of enemies and allies; 3) the image of the Soviet people, their heroism and sacrifice. The analyzed egodocuments mention 21 films on military themes. In total, 69 references to Soviet films released in 1946–1950 were found in these diary entries. In their diaries, citizens wrote about watching films more often (90% of the analyzed diary entries), which was due to the higher frequency of showing films in the country’s cities. The largest number of mentions of watching films is recorded in the diaries of young people (school children, students) aged 20 and younger (43.3% of all the analyzed diaries). References to films viewed varied in detail. In 19% of diary entries, there are only mentions of watching, in 16% there are brief descriptions of plots, in 65%, there are evaluations of films seen (the movie rating on a scale of “liking” – “disliking” (35%), or as cinematographic works (16%), or opinions and thoughts of citizens about the issues raised in films (14%). Analysis of the reflected perception of these films in the diaries shows that they were positively perceived by the majority of viewers, especially by the youth – the most loyal group of the Soviet society. In the diary entries of older citizens (50 years old and older), as well as representatives of the Soviet creative intelligentsia (actors, composers, writers, etc.), negative evaluations of domestic cinematic works were recorded more often. Mythological constructs embedded in the semantic and visual context resonated with the existential experience of people who had gone through the war, determining the nature of their emotional reactions and rational evaluations.

REFERENCES

1. Volkov, E.V. & Ponomareva, E.V. (2012) Igrovoye kino kak istoricheskiy istochnik dlya izucheniya kul'turnoy pamyati [Feature films as a historical source for studying cultural memory]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki – Bulletin of the South Ural State University. Series: Social and Humanitarian Sciences*. 10 (269). pp. 22–25.
2. RSFSR. (1957) *RSFSR za 40 let (Statisticheskiy sbornik)* [RSFSR for 40 years (Statistics)]. Moscow: Sov. Rossiya.
3. USSR. (1956) *Narodnoye khozyaystvo SSSR v 1956 g. (Statisticheskiy sbornik)* [National economy of the USSR in 1956 (Statistics)]. Moscow: Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel'stvo.
4. Bogdanov, S.V. & Orlov, V.N. (2010) Iz istorii bor'by pravookhranitel'nykh organov SSSR so spekulatsiyey v pervye poslevoennyye gody [From the history of the struggle of the USSR law enforcement agencies with speculation in the first post-war years]. *Sovremennoye pravo*. 1. pp. 148–152.
5. Macheret, A.V. et al. (eds) (1961) *Sovetskie khudozhestvennyye fil'my. Annotirovannyi katalog* [Soviet feature films. Annotated catalog]. Pt. 2. Moscow: Iskusstvo.
6. Lyamzin, A.V. (2019) Basic Images of Soviet and Post-Soviet Cinematography About the Great Patriotic War as Elements of the National Russian Identity. *Istoriya i sovremennoye mirovozzrenie – History and Modern Perspectives*. 1. pp. 73–80. (In Russian).
7. Khanyutin, Yu.M. (1968) *Preduprezhdenie iz proshlogo* [A warning from the past]. Moscow: Iskusstvo.
8. Bagdasaryan, V.E. (2003) Obraz vraga v istoricheskikh fil'makh 1930–kh–1940–kh gg. [The image of the enemy in historical films of the 1930s–1940s]. *Otechestvennaya istoriya*. 6. pp. 31–46.
9. Ryapusova, D.N. (2013) “Chto segodnya pokazhet nam tovarishch Bol'shakov?”: problemy poslevoennogo ural'skogo kinoprokata v svete stalinskoy kinopolitiki [“What will comrade Bolshakov show us today?”: problems of post-war Ural film distribution in the light of Stalinist film policy]. *Vestnik Permskogo universiteta – Perm University Herald*. 1 (21). pp. 185–196.

10. Artizov, A.N. (1999) *Vlast' i khudozhestvennaya intelligentsiya. VChK–OGPU–NKVD o kul'turnoy politike 1917–1953 gg.* [Power and artistic intelligentsia. Cheka–OGPU–NKVD on cultural policy of 1917–1953]. Moscow: Demokratiya.
11. Orlova, A.S. (2015) Khudozhestvennyye fil'my o Velikoy Otechestvennoy voyne 1946–1956 gg. kak otrazhenie izmeneniy v politicheskoy zhizni SSSR [Feature films about the Great Patriotic War of 1946–1956 as a reflection of changes in the political life of the USSR]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*. 3. pp. 165–172.
12. Marinat, A.R. (n.d.) *Dnevnik* [Diaries]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/person/2342> (Accessed: 15.06.2020).
13. Brezovskaya, M.V. (n.d.) *Dnevnik* [Diaries]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/person/2267> (Accessed: 15.06.2020).
14. Lur'e, E.V. (n.d.) *Dal'niy arkhiv. Semeynaya istoriya v dokumentakh, dnevnikakh, pis'makh. 1922–1959* [Distant archive. Family history in documents, diaries, letters. 1922–1959]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/person/157> (Accessed: 18.06.2020).
15. Vorob'ev, V.N. (n.d.) *Dnevnik* [Diaries]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/person/836> (Accessed: 11.06.2020).
16. Tulyulyuk, A.A. (n.d.) *Dnevnik* [Diaries]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/person/1270> (Accessed: 18.06.2020).
17. Tarasov, V.D. (n.d.) *Dnevnik* [Diaries]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/person/3713> (Accessed: 11.06.2020).
18. Aleksanyan, A.A. (n.d.) *Sibirskiy dnevnik 1949–1954 gg.* [Siberian Diary of 1949–1954]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/person/360> (Accessed: 19.06.2020).
19. Kozakov, N.N. (n.d.) *Dnevnik* [Diaries]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/person/257> (Accessed: 20.06.2020).
20. Portsevskiy, V.A. (n.d.) *Dnevnik* [Diaries]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/person/367> (Accessed: 19.06.2020).
21. Dmitriev, A.I. (n.d.) *Dnevnik* [Diaries]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/person/418> (Accessed: 15.06.2020).
22. Dobrynina, M.A. (n.d.) *Dnevnik* [Diaries]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/person/954> (Accessed: 19.06.2020).
23. N.N. (n.d.) *Dnevnik* [Diaries]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/person/2377> (Accessed: 19.06.2020).
24. Mansurova, K.S. (n.d.) *Dnevnik* [Diaries]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/person/3191> (Accessed: 14.06.2020).
25. Anninskiy, L.A. (n.d.) *Dnevnik* [Diaries]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/person/2585> (Accessed: 21.06.2020).
26. Kravchenko, N.V. (n.d.) *Dnevnik* [Diaries]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/person/2034> (Accessed: 19.06.2020).
27. Amitrov, O.V. (n.d.) *Dnevnik* [Diaries]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/person/3898> (Accessed: 19.06.2020).
28. Chivilikhin, V.A. (n.d.) *Dnevnik* [Diaries]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/person/314> (Accessed: 19.06.2020).
29. Grammatin, S.D. (n.d.) *Dnevnik* [Diary]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/person/960> (Accessed: 21.06.2020).
30. Prishvin, M.M. (n.d.) *Dnevnik* [Diary]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/person/56> (Accessed: 19.06.2020).
31. Vronskiy, B.I. (n.d.) *Dnevnik* [Diary]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/person/386> (Accessed: 11.06.2020).
32. Shaporina, L.V. (n.d.) *Dnevnik* [Diary]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/person/198> (Accessed: 19.06.2020).
33. Gil'debrandt-Arbenina, O.N. (n.d.) *Dnevnik* [Diary]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/person/1311> (Accessed: 17.06.2020).
34. Chukovskaya, L.K. (n.d.) *Dnevnik* [Diary]. [Online] Available from: <http://prozhito.org/person/434> (Accessed: 19.06.2020).
35. Eykhenbaum, B.M. (n.d.) *Dnevnik* [Diary]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/person/1110> (Accessed: 14.06.2020).
36. Shvets, V.A. (n.d.) *Dnevnik* [Diaries]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/person/318> (Accessed: 19.06.2020).
37. Bulakh-Gardina, T.D. (n.d.) *Dnevnik* [Diaries]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/person/2311> (Accessed: 21.06.2020).

Received: 06 July 2020

О.И. Пасиука

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ГАЛИЧИНЫ 20–30-х гг. XX в.

Проанализированы особенности социально-экономического развития Галичины в контексте исторических вызовов в межвоенной Польше. Показаны этнодемографические процессы, формирование социальной структуры и занятости населения Галичины, влияние мировых и общегосударственных хозяйственных и общественно-политических факторов на функционирование экономической модели Галицкого края. Прослежено, что в мировой хозяйственной конъюнктуре Галичина отличалась сельскохозяйственным производством, торговым балансом, концентрацией иностранных инвестиций, была источником сырья и профессиональной рабочей силы.

Ключевые слова: Галичина; население; экономическое развитие; промышленность; торговля.

В 20–30-х гг. XX в. Галичина (территория Львовского, Тернопольского, Станиславовского воеводств) находилась в составе Польши. Как историко-этнографический регион она характеризовалась многоэтничностью, культурными и экономическими особенностями. В Галицком регионе проживали украинцы, поляки, евреи, немцы, армяне, чехи и представители других национальностей. По данным польской переписи 1921 г., во Львовском, Тернопольском и Станиславовском воеводствах проживало около 5,5 млн человек [1. Т. 13. С. 8; Т. 14. С. 8; Т. 15. С. 8], а по переписи 1931 г. – более 6,2 млн [2. Т. 58. С. 12; Т. 65. С. 22; Т. 68. С. 32; Т. 78. С. 26]. В селах численно преобладали украинцы, а среди жителей городов (Львов, Коломыя, Стрый) значительный процент составляли поляки и евреи. В частности, во Львове по состоянию на 1921 г. поляки насчитывали 51%, евреи – 35%, украинцы – 12,4%, немцы – 1,2% [3. С. 10].

В течение 1920–1930-х гг. в Галичине наблюдался существенный прирост польского населения, что можно объяснить продуманной политикой польских властей, которые пытались усилить свои позиции, ассимилировать местное население. Среди предпринятых мер была политика осадничества – заселение польскими военными и гражданскими лицами распарцелированных помещичьих земель согласно тогдашнему законодательству. Это способствовало усилению польского элемента в сельских местностях края. Осадники получали самоуправление, возможность развивать образование, культуру, хозяйство и становились гарантом Польского государства, носителями польской культуры, веры и традиций. В то же время украинцев ограничивали не только в образовании, трудоустройстве на государственную службу, но и в приобретении недвижимости (земельного участка, здания).

Что касается занятости галицкого населения, то украинцы были сосредоточены преимущественно в отраслях, которые производили или обменивали материальные блага (сельское хозяйство, промышленность, ремесло), в частности были владельцами сельскохозяйственных угодий площадью менее 50 га [4. Л. 12]. Наличие малых и «карликовых» хозяйств в Галичине свидетельствовало о демографическом и экономическом кризисе и нерешенности земельного вопроса на государственном уровне [5. С. 258]. Проблема «земельного голода» была нерешенной еще

с предыдущих исторических периодов [6. С. 32], ведь в Польше по состоянию на 1921 г. крупные хозяйства размером более 1 000 га составляли лишь 0,06%, а более 100 га – 0,6% среди общего количества хозяйств [7. С. 33–34]. Поляки преобладали среди владельцев хозяйств площадью более 50 га. Кроме этого, поляки доминировали в государственной администрации, органах самоуправления и образовательных учреждениях. Прерогативой евреев оставалась торговая сфера. Многие евреи также были задействованы в сфере здравоохранения [2. Т. 58. С. 11; Т. 65. С. 61; Т. 68. С. 84; Т. 78. С. 69].

Социальная структура населения Галичины характеризовалась значительным преобладанием крестьян (более 74%), умеренным числом рабочих (более 19%), незначительной численностью интеллигенции и частных предпринимателей [2. Т. 58. С. 96–97; Т. 65. С. 296–297; Т. 68. С. 412–413; Т. 78. С. 269–270].

Этнодемографические процессы, занятость и социальная структура населения были отражением хозяйственных процессов в регионе. Экономическая конъюнктура Галичины формировалась под влиянием мировых, общегосударственных и региональных хозяйственных тенденций.

Первая треть XX в. в социально-экономическом контексте для европейских стран, в том числе Польши, была периодом технического прогресса, сложных социальных, политических и экономических процессов. Хозяйственные процессы и трансформации в Польше распространялись и на территорию Галичины. Польша, как и ряд других стран Восточной Европы, была аграрно-индустриальным государством. Это непосредственно влияло на хозяйственный потенциал украинских земель, находившихся в составе Польши. На социально-экономическое развитие Польши, в том числе и Галичины, негативно повлияли общественно-политические события, в частности Первая мировая война, польско-украинская и польско-советская войны, повлекшие масштабные человеческие и материальные потери.

На момент провозглашения Польши в обращении были одновременно польская марка, немецкая марка и австрийская крона. В начале 1920-х гг. в результате общественно-политических изменений назрела необходимость стабилизационных хозяйственных реформ, прежде всего денежной. Польское правительство в первую очередь ставило задачи стабилизации поль-

ской марки, эффективного промышленного производства. Ведь в начале 1920-х гг. промышленная продукция Польши составляла менее половины предвоенного объема, и производство развивалось очень медленно. Польские чиновники стремились к независимости экономического развития страны от хозяйственной конъюнктуры и изменений в Германии [8]. При правительстве выдающегося экономиста В. Грабского удалось кратковременно стабилизировать экономику, в частности была введена новая денежная единица – польский злотый.

В 1925 г. Сейм принял закон об аграрной реформе. Закон предусматривал парцелляцию имений, превышающих 180 га, в промышленных регионах эта граница составляла 60 га. Отдельно устанавливался парцелляционный предел для украинских («забужанских») территорий – 300 га, а в промышленных регионах – 70 га. Польское правительство вводило добровольную парцелляцию земель крупных землевладельцев и создавало хозяйства польских осадников на восточных и юго-восточных территориях государства [9].

Экономическое положение Польши в середине 1920-х гг. ярко охарактеризовал польский министр Эдвард Рачинский на пресс-конференции, обсуждая планы подъема сельского хозяйства и сравнивая экономическое положение Польши и Германии: «Польша является аграрной страной. К этому состоянию надо приспособить нашу хозяйственную, экспортную и прочую политику. Если у нас примерно 70% населения живет с полеводства, то в Германии этот процент только 40%, следовательно, ничего удивительного, что немцы в хозяйственных договорах с соседями делают акцент на облегчении для вывоза своей промышленной продукции, а Польша – для своей полеводческой продукции» [10. Л. 39].

Несмотря на определенное развитие, польская промышленность с устаревшей техникой и низкой производительностью труда оказалась малоконкурентной на европейском рынке. Отрицательно повлияло на положение польской экономики падение мировых цен на нефть, уголь, древесину и сахар, которые составляли основу польского экспорта. Эти негативные факторы привели к росту дефицита баланса внешней торговли и подорвали стабильность злотого. Экономический кризис стал причиной отставки правительства Владислава Грабского [11. С. 109].

После майского переворота Юзефа Пилсудского (1926 г.) в Польше наблюдалось общее улучшение экономической конъюнктуры: урегулирование польско-германских таможенных отношений, положительные последствия высокого урожая 1925 г., поступления иностранных инвестиций, выгодное американское и западноевропейское кредитование. Как и в предыдущие годы, польское правительство пыталось привлечь как можно больше иностранных инвестиций (американских, английских, немецких, частично французских и итальянских), что улучшало экономику Польши и делало положительным платежный баланс. Крупные зарубежные займы для польского правительства тогдашние политики называли «вопросом

жизни или внезапной смерти». Значительная часть этих займов шла на поддержку курса злотого, а не на инвестиции, как это было обещано, что обусловило трудности с предоставлением новых иностранных займов [12. Л. 1–3]. Больше всего иностранных инвестиций поступило в горную, металлургическую и химическую отрасли промышленности. Однако иностранный капитал через некоторое время все больше стал выполнять роль дезинтеграционного фактора для несформированной еще экономики Польши. Импорт начал превышать экспорт, иностранные кредиты направляли для погашения дефицита платежного баланса. Это привело к росту внешнего долга Польши, доминированию иностранного капитала в национальной экономике и вывозу значительной части дохода за ее пределы [11. С. 110–111].

Среди европейских государств Польша была одной из самых монополизированных. Государственные табачная, соляная, спиртовая монополии на территории Галичины функционировали еще с австрийских времен. Широкая монопольная программа Польши позволяла контролировать доходы от наиболее прибыльных отраслей промышленности и увеличить польский экспорт.

Мировой экономический кризис 1929–1933 гг. имел негативное влияние на экономический баланс Польши, в том числе и Галичины. Кризис прежде всего проявлялся в уменьшении количества произведенной продукции в промышленности и в снижении цен на сельскохозяйственную продукцию. В апреле 1930 г. польская газета «Полония» писала, что «хозяйственный кризис находится в Польше на стадии, которую можно назвать “хроническим состоянием”» [13]. В период экономического кризиса частные предприятия требовали государственной поддержки, количество зарегистрированных торговых предприятий в Польше уменьшилось на 13%, а крупных предприятий – почти наполовину. Зато количество малых предприятий возросло. Большинство ликвидированных предприятий не имело собственных наличных или кредитных средств на закупку сырья и производственные процессы. Все чаще крупные и средние польские предприятия попадали в зависимость от иностранных инвесторов, уменьшалась доля немецкого и австрийского капитала, зато увеличивались бельгийские, швейцарские и голландские инвестиции. Резкое падение цен на аграрную продукцию на мировом рынке привело к значительному ограничению платежеспособности сельского населения и, соответственно, к резкому сокращению спроса на промышленные товары, закрытию предприятий и увольнению работников [14. Л. 4]. Если производство в западноевропейских государствах сократилось в 1928–1932 гг. в среднем на 27%, то в Польше – на 46% [15. Л. 82].

В Польше, несмотря на отсталую аграрно-промышленную структуру экономики, депрессивное состояние длилось до 1935 г. С середины 1935 г. произошло оживление экономической конъюнктуры: рост цен на сельскохозяйственную продукцию, повышение общих доходов полеводческих хозяйств, спроса на промышленные товары, однако эти процессы шли значительно медленнее, чем в других евро-

пейских странах. Даже в послекризисный период Польша уступала по объемам промышленного производства таким европейским странам, как Чехословакия, Венгрия и Румыния. Польские чиновники огромное внимание уделяли развитию военной сферы, поэтому поддерживали инвестиции в укрепление оборонноспособности государства.

В торговой конъюнктуре важным рынком сбыта для Польши была Австрия, которая занимала третье место после Германии и Англии в польском экспорте товара, а в импорте – четвертое, после Германии, США и Англии. Скот вывозили в основном в Австрию и Чехословакию, а свежее мясо – в Англию, Австрию и Чехословакию. Больше всего бориславской нефти и нефтяной продукции, озокерита Польша экспортировала в Германию, Австрию, Чехию, Венгрию; а также в Швейцарию, а оттуда – во Францию [16]. В 1933 г. Польша пыталась наладить торговые контакты с СССР. Польшу посетили советские делегации, которые согласовывали вопросы экспорта-импорта товаров. СССР был заинтересован в польской сельскохозяйственной и электротехнической продукции [17. Л. 2–3]. Делегаты Торговой Палаты Польши и СССР договаривались также об обмене товарами [13].

Таким образом, на развитие экономики в Галичине повлиял ряд общегосударственных факторов: слабые сбыт товаров и техническое обеспечение, отсутствие определенных видов сырья, нищета и перенаселенность сел, отсутствие экономической культуры и организации среди населения, нехватка квалифицированных кадров. Польский государственный аппарат организационно и профессионально не был готов к внедрению эффективной экономической политики в сложных условиях. Зарубежные займы не могли кардинально изменить ситуацию. Препятствием для решения хозяйственных вопросов была и нестабильная общественно-политическая ситуация. Поэтому перед польским правительством встала задача создать новую экономическую модель и прибегнуть к плановой хозяйственной политике. Основанием экономического развития должно было стать прежде всего развитие коммуникаций, транспорта, энергетического и водного обеспечения городов и сел, налаживание товарного оборота, возведение домов частного и государственного сектора, что должно было гармонизировать с развитием промышленности и сельского хозяйства. В целом экономический план развития государства должен был охватывать хозяйственные, общественные и государственные процессы, способствовать независимости от международной экономической конъюнктуры. Однако эту экономическую модель на практике реализовать не удалось.

Несмотря на вышеуказанные факторы, Галичина в экономическом плане имела ряд особенностей. В регионе развивались две формы хозяйственного движения: кооперативная и частная. Под влиянием немецкой кооперации и на основании немецких нормативно-правовых актов в Галичине развивалась кооперация, в которой была задействована значительная часть населения. Центром кооперативного движения был Львов. В городе функционировали крупнейшие укра-

инские кооперативы: «Народная торговля», Центросоюз, Центробанк, Маслосоюз, «Достава», Ревизионный союз украинских кооперативов, которые были составляющими Международного кооперативного союза. Аграрный характер галицких земель обусловил функционирование на этой территории в основном сельских кооперативов: потребительских, заготовительно-сбытовых, кредитных, молочных и др. Кооперативное движение охватывало также сферу культуры, здравоохранения. Кооперативное движение стало источником финансирования многих культурно-образовательных, социальных, общественных организаций и учреждений.

Вместе с кооперативным зарождалось частное предпринимательство; в частности, потребительская кооперация стала основой деятельности ряда частных предприятий. В частном бизнесе наблюдалась жесткая конкуренция между украинцами, поляками и евреями. В это время предприниматели в экономическом и социальном контексте отождествлялись с промышленниками, купцами, коммерсантами, кооператорами и т.п. В связи с развитием техники и промышленности эти профессии становились популярными и прибыльными. Как правило, представители этих профессий учились в профессиональных государственных, частных промышленно-технических, торгово-кооперативных, сельскохозяйственных учебных заведениях. С целью отстаивания своих прав и интересов предприниматели объединялись в социально-профессиональные организации, в частности общество украинских ремесленников, промышленников и торговцев «Заря», Общество украинских кооператоров, Союз украинских купцов и промышленников, которые функционировали в разных городах и селах Галичины. Они работали в нескольких направлениях: экономическом, организационном, культурно-образовательном, благотворительном. Члены обществ выступали инициаторами новых хозяйственных проектов, владельцами предприятий, ремесленных мастерских и т.п. Профессиональные организации выдавали свои журналы (например, «Торгівля і промисел» («Торговля и промышленность»), «Новітній ремісник» («Новый ремесленник»), «Професійний вісник» («Профессиональный вестник»)), которые были важным средством коммуникации и обмена информацией. В целях решения вопроса кредитования по инициативе членов Союза украинских купцов и промышленников была создана собственная банковско-кредитная система в лице Торгово-промышленного банка.

В 20–30-х гг. XX в. в Галичине доминировали три вида промышленности: горная, деревообрабатывающая и пищевая. В больших городах развивались легкая, галантерейная, строительная, химическая отрасли, однако их состояние по сравнению с другими воеводствами Польши было незначительным и имело сильных конкурентов среди промышленников Польши [18. Л. 1–15]. Горная и деревообрабатывающая промышленность концентрировалась в Прикарпатье, а пищевая – во Львовском и Тернопольском воеводствах. Больше всего рабочих было сосредоточено в Дрогобычском нефтяном бассейне и во Львове [19. С. 24].

В целом в Галичине доминировали малые предприятия деревообрабатывающей, минеральной, пищевой промышленности, на которых работало до 50 человек. Более 500 рабочих было только на 12 галицких предприятиях [20. С. 31].

Наличие природных ресурсов и их эффективное использование способствовали экономическому развитию региона. Благодаря своему географическому положению и геологическим условиям формирования Восточных Карпат Галичина была богата разнообразными полезными ископаемыми. Некоторые из них (нефть, соль, озокерит, минеральная вода) имели промышленное значение и представляли экономический интерес. Ведущее место среди природных богатств занимала нефть, которую добывали на Прикарпатье (Борислав, Сходница, Тустановичи). О галицком нефтяном регионе писали в многочисленных источниках, его называли «Галицкая Калифорния».

Нефтяной бизнес был одним из самых прибыльных в Галичине еще с конца XIX в. В нем, по сравнению с другими отраслями, был больше задействован иностранный капитал: французский, американский, австрийский. В 1920–1930-е гг. галицкая нефтяная промышленность находилась в руках двух ведущих фирм: концерна «Малопольша» (в который входили фирмы «Фантом», «Нафта» и Галицко-карпатский нефтяное общество «Пионер») и «Галиция» вместе с франко-польским нефтяным обществом. Главными рынками сбыта галицкой нефти были Германия, Чехословакия, а нефтепродукты экспортировали в Бельгию, Англию, Францию, Швейцарию и Австрию. Крупнейшие предприятия по производству нефтяных товаров – «Галиция» и «Польмин» – располагались в Дрогобыче.

В Галичине активно развивалась деревообрабатывающая промышленность, однако она уступала, например, Закарпатскому региону. В Галичине функционировало около 100 крупных лесопилок, на которых работали более 20 рабочих на каждой [18. Л. 1–15]. Галичина была одним из основных экспортеров леса на европейские рынки. Дерево экспортировали в Германию, Англию, Бельгию, Австрию, Италию, Францию и другие страны. Благодаря низким ценам на сырье и низкой заработной плате галицкое дерево могло выдержать конкуренцию на зарубежном рынке. Более медленными темпами развивалось мебельное, бумажное производство и другие отрасли деревообрабатывающей промышленности [21. С. 64–65]. В середине 1920-х гг. тогдашние бизнесмены пытались реализовать замысел по созданию деревообрабатывающего синдиката на основе английского капитала, а для транспортировки древесины выбирали два порта – Клайпеду и Кенигсберг [22. Л. 19–20]. По состоянию на 1933 г. в деревообрабатывающем промысле доминировал английский концерн. Кроме этого, в деревообрабатывающем промысле были задействованы немецкие и австрийские инвесторы. Заметим, что одним из крупных лесовладельцев Галичины была Украинская греко-католическая церковь.

Значительного развития в Галичине достигла пищевая промышленность, в частности мукомольная и хлебопекарная, которые активно развивались и в предвоенный период. Самая большая львовская мель-

ница Тома перерабатывала 55–60 т зерна в сутки. Среди крупных хлебозаводов выделялся львовский «Меркурий». Мукомольные предприятия функционировали почти в каждом городе, а в больших городах их было несколько: во Львове, Бродах, Коломые – по 6 мельниц, в Тернополе и Самборе – по 5, в Перемышле и Золочеве – по 2. Продукцию кондитерской промышленности представляли прежде всего кондитерские гиганты «Бранка» и «Газет», фабрика Гефлингера, а также «Фортуна новая». Бекон, мясные и фруктовые консервы производили на большом консервном заводе Рукера во Львове. Спиртоводочное производство представляли львовский пивоваренный завод и крупнейшие львовские заводы Бачевских и Шпрехера. Табачная промышленность развивалась на фабриках в Винниках и Монастырисках. Кстати, в Галичине выращивали много табака: по количеству собранного табака с 1 га Галичина уступала только Шлёнскому и Поморскому воеводствам, а опережала Люблинский, Гродненский и Волынский регионы [23]. Еще одним гигантом в области потребительского промысла была Лисинецкая фабрика дрожжей, которая находилась под влиянием Венского «Кредитанштальта». Галичина также была центром соляной промышленности. Источники поташевой соли и предприятия по ее переработке были сосредоточены в Калуше и Стебнике.

Сахарная промышленность Галичины по уровню развития значительно уступала другим украинским регионам, например Волыни и Киевщине. Больше сахарных плантаций было в Тернопольском воеводстве [20. С. 35]. В Польше действовало три сахарных объединения: Познанское, Варшавское и Малопольское. Сахарная отрасль была под контролем специально созданного Главного совета для сахарной промышленности и Сахарного банка в Познани. Несмотря на государственное кредитование, сахарная промышленность попадала под влияние иностранного капитала, в частности немецко-голландских компаний, которые закупали большие сахарные заводы. Заметим, что Польша была членом международного сахарного картеля (Польша, Чехия, Германия, Бельгия, Венгрия, Куба), который регулировал развитие сахарной промышленности на мировом рынке.

В химической и легкой промышленности преобладали мелкие предприятия. Ткацкое и ковровое производство было популярным на Гуцульщине. Предприятия машиностроительной, металлообрабатывающей отраслей промышленности занимались производством и ремонтом железнодорожных вагонов, паровозов, парокотлового и насосного оборудования, оборудования для мельниц, нефтеперерабатывающих, спиртоводочных заводов, сельскохозяйственных машин и орудий труда. Значительно лучше за счет государственных дотаций развивались эти области в центральных и западных регионах Польши.

Место Галичины на государственном и мировом рынке определялось не только промышленным производством, но и торговым балансом, т.е. экспортом-импортом товаров, а также концентрацией иностранных инвестиций. Хозяйственное значение Галичины для Польши лучше отражалось в характере товарообмена. В

сфере торговли Галичина была поставщиком сельскохозяйственной продукции и промышленного сырья (нефть, нефтепродукты, лесоматериалы и т.п.) и рынком сбыта готовых фабричных изделий. С Галичины вывозили в центральные и западные регионы Польши сельскохозяйственную продукцию, дерево и промышленное сырье. В Галичину привозили промышленные продукты (уголь, товары тяжелой, легкой, химической промышленности) [24. Л. 93]. Продукцию земледелия экспортировали в западноевропейские страны (Англию, Бельгию, Францию, Италию, Швейцарию). Завозили также кофе, масло, рыбу и рыбные продукты. Льняное волокно вывозили в Чехословакию, Францию, Бельгию. Свинину и свиней в основном поставляли в Германию, Австрию, Чехословакию. Бекон и яйца – в Англию, Чехословакию. Поскольку в бюджете сельского хозяйства важную роль играл экспорт яиц, то говорили, что «яйцо стало валютой нашего села» [25. Л. 38]. Дерево экспортировали не только в европейские страны, но и в Азию, Африку, Америку. Зато почти не вывозили готовые изделия из дерева – фанеру, мебель и тому подобное, а бумагу и картон ввозили из Центральной и Западной Польши. К привозным товарам относились текстильные изделия из хлопка, шерстяные изделия, уголь, кожаные изделия, электротехнические приборы, автомобили, химические и медицинские товары, краски, табак, галантерея. Ткани в основном ввозили из Лодзинского, Белостокского и Бельского текстильных центров, а химическую продукцию – из центральных и западных регионов Польши [26. Л. 22]. Кроме этого, Галичина на общепольском и мировом рынке была источником рабочей силы (мигрантов).

Итак, после распада Австро-Венгерской империи и непродолжительного периода Западно-Украинской Народной Республики и до 1939 г. Галичина входила в состав Польши. В межвоенный период в Галицком крае проживали украинцы, поляки, евреи и другие этнические группы. Существовали различия в занятости и социальной структуре населения различных этнических групп. В частности, украинцы преобладали в сельском хозяйстве и владели незначительными сельскохозяйственными угодьями. В коммерческой сфере доминировали евреи, а в государственных структурах – поляки, чему способствовала политика «польской монополии». В хозяйственном аспекте Галичина имела аграрный характер. По сравнению с европейскими странами и центральными регионами Польши промышленное развитие Галичины было слабым, доминировали средние, малые и «карликовые» предприятия. Несмотря на то, что «хозяйственный подъем» Галичины конца XIX в. был прерван Первой мировой войной, в 1920–1930-е гг. нестабильными темпами продолжали развиваться фабрично-заводская промышленность, кооперативное движение, рыночные отношения, горная, деревообрабатывающая, пищевая и другие отрасли промышленности. Экономическому развитию региона способствовало наличие природных ресурсов (нефть, газ, соль). В мировой хозяйственной конъюнктуре Галичина отличалась собственным сельскохозяйственным производством, торговым балансом, концентрацией иностранных инвестиций, выступала источником сырья и профессиональной рабочей силы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Warszawa: Nakł. Głównego Urzędu Statystycznego, 1924–1932. T. XIII. Województwo Lwowskie. 1924. 64 s.; T. XIV. Województwo Stanisławowskie. 1924. 32 s.; T. XV. Województwo Tarnopolskie. 1924. 35 s.
2. Drugi powszechny spis ludności z dnia 9.XII.1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe // Warszawa : Nakł. Głównego Urzędu Statystycznego, 1932–1939. T. 58. Miasto Lwów. 1937. 126 s.; T. 65. Województwo Stanisławowskie. 1938. 332 s.; T. 68. Województwo Lwowskie. 1938. 450 s.; T. 78. Województwo Tarnopolskie. 1937. 300 s.
3. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej opracowany na podstawie wyników pierwszego powszechnego spisu ludności z dn. 30 września 1921 r. i innych źródeł urzędowych.
4. Центральний державний архів громадських об'єднань (ЦДАГОУ). Ф. 6. Оп. 1. Спр. 334. 21 арк.
5. Vnenchak D. Historyczne perspektywy własności ziemskiej w Galicji // Galicja i jej dziedzictwo / [red. J. Chłopecki, H. Madurowicz-Urbańska]. Rzeszów : Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1995. T. II. S. 257–263.
6. Гудь Б. Українсько-польські конфлікти новітньої доби: етносоціальний аспект. Харків : Акта, 2011. 472 с.
7. Landau Z., Tomaszewski J. Zarys historii gospodarczej Polski 1918–1939. Warszawa : Książka i Wiedza, 1962. 295 s.
8. Archiwum Akt Nowych (AAN). 10. Sygn. 7531b.
9. Виздрик В. Польська аграрна реформа та її реалізація у 20-х роках XX ст. на західноукраїнських землях // Вісник Національного університету «Львівська політехніка». Держава та армія. 2013. № 752. С. 150–155.
10. ЦДАГОУ. Ф. 233. Оп. 1. Спр. 71. 109 арк.
11. Вербова О. Національний господарський рух на західноукраїнських землях впродовж 1848–1944 років. Львів : ПАІС, 2009. 368 с.
12. ЦДАГОУ. Ф. 233. Оп. 1. Спр. 56. 55 арк.
13. AAN. 1559. Sygn. 13.
14. ЦДАГОУ. Ф. 233. Оп. 1. Спр. 143. 37 арк.
15. ЦДАГОУ. Ф. 233. Оп. 1. Спр. 155. 188 арк.
16. AAN. 12. Sygn. 181.
17. ЦДАГОУ. Ф. 6. Оп. 1. Спр. 96. 15 арк.
18. ЦДАГОУ. Ф. 6. Оп. 1. Спр. 99. 49 арк.
19. Ковальчак Г. Економічний розвиток західноукраїнських земель. Київ : Наукова думка. 1988. 250 с.
20. Ковальчак Г. Становище фабрично-заводської промисловості Східної Галичини в 20–30-х роках XX ст. // З історії Української РСР / [відп. ред. І. Крип'якевич]. Київ : Вид-во Академії наук УРСР, 1963. Вип. 8. С. 28–41.
21. Ковальчак Г. Розвиток фабрично-заводської промисловості в Східній Галичині в кінці XIX – на початку XX ст. // З історії західноукраїнських земель / [відп. ред. І. Крип'якевич]. Київ : Вид-во Академії наук УРСР, 1960. Вип. 5. С. 57–74.
22. ЦДАГОУ. Ф. 6. Оп. 1. Спр. 309. 20 арк.
23. AAN. 10. Sygn. 6881.
24. ЦДАГОУ. Ф. 6. Оп. 1. Спр. 7. 158 арк.
25. Державний архів Івано-Франківської області (ДАІФО). Ф. 2. Оп. 1. Спр. 897. 83 арк.
26. ЦДАГОУ. Ф. 6. Оп. 2. Спр. 186. 72 арк.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 мая 2020 г.

The Socio-Economic Situation in Galicia in the 1920s–1930s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 209–214.

DOI: 10.17223/15617793/467/25

Oksana I. Pasitska, I. Kryp'yakevych Institute of Ukrainian Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine (Lviv, Ukraine). E-mail: pasitska@ukr.net

Keywords: Galicia; population; economical development; industry; trade.

In the 1920s–1930s, the socio-economic situation in Galicia was formed under the influence of global, national, and regional economic trends. Galicia was a multi-ethnic, agro-industrial region, with its economy mainly focused on raw materials. Being the source of raw materials and professional workforce, the region was widely known for agricultural production, trade balance, and a high rate of foreign investments. The aim of the study is to give a comprehensive outline of the state of the socio-economic development of Galicia in the 1920s–1930s, in particular, to characterize ethnic and demographic processes, the social structure and employment of the population, to analyze the peculiar features of the development of the industry, agriculture, and trade. Close attention is paid to such problematic issues as the influence the socio-political and economic changes in Poland had on the population and employment rates; the economic development of the Galician region; the industries which attracted foreign investors; the economic forms which were typical of the market relations in Galicia. The materials for the article are Polish censuses of 1921 and 1931. They contain various information about the ethno-demographic situation and the socio-economic life of the then society. In addition, documents stored in the archives of Kyiv, Lviv, Ivano-Frankivsk, and Warsaw, as well as the achievements of the Ukrainian and Polish scholars (O. Verbova, V. Vyzdryk, B. Hudia, H. Kovalchak, S. Landau), were used. In the interwar period of the twentieth century, Galicia, being a part of Poland, was characterized by a multi-ethnic and multi-confessional population. Galician society was a conglomerate in which each ethnic community tried to preserve and strengthen its positions. Ukrainians, Poles, Jews, and representatives of other nationalities living in Galicia had different social structures and fields of work. The socio-economic situation in Galicia developed as an integral part of the Polish economic system but had a number of local features. The place of Galicia on the state and world markets was determined by several factors: agricultural production, trade balance, a high rate of foreign investments, sources of raw materials and workforce. The population of Galicia was involved not only in agriculture, but also in industry. The most developed were oil, woodworking and food industries, which were represented mainly by small enterprises and attracted foreign investors. Galicia was one of the largest exporters of wood and agricultural products in Europe. The region was famous for its oil fields and development of the oil industry.

REFERENCES

1. Główny Urząd Statystyczny Rzeczypospolitej Polskiej. (1924) *Warszawa: Nakł. Głównego Urzędu Statystycznego, 1924–1932*. T. XIII–XV. Warszawa: Nakł. Głównego Urzędu Statystycznego
2. Główny Urząd Statystyczny Rzeczypospolitej Polskiej. (1937–1938) *Drugi powszechny spis ludności z dnia 9.XII.1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe*. T. 58, 65, 68, 78. Warszawa: Nakł. Głównego Urzędu Statystycznego.
3. Główny Urząd Statystyczny Rzeczypospolitej Polskiej. (1921) *Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej opracowany na podstawie wyników pierwszego powszechnego spisu ludności z dn. 30 września 1921 r. i innych źródeł urzędowych*. Warszawa: Nakł. Głównego Urzędu Statystycznego.
4. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine. Fund 6. List 1. File 334. 21 ark.
5. Vnenchak, D. (1995) Historyczne perspektywy własności ziemskiej w Galicji. In: Chłopecki, J. & Madurowicz-Urbańska, H. (red.) *Galicja i jej dziedzictwo*. T. 2. Rzeszów: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej. pp. 257–263.
6. Gud', B. (2011) *Ukrains'ko-pol's'ki konflikti novitn'oi dobi: etnosotsial'nyi aspekt* [Ukrainian-Polish conflicts of modern times: ethnosocial aspect]. Kharkiv: Akta.
7. Landau, Z. & Tomaszewski, J. (1962) *Zarys historii gospodarczej Polski 1918–1939*. Warszawa: "Książka i Wiedza".
8. Archiwum Akt Nowych. 10. Sygn. 7531b.
9. Vizdrik, V. (2013) Pol's'ka agrarna reforma ta ii realizatsiya u 20-kh rokakh XX st. na zakhidnoukrains'kikh zemlyakh [Polish agrarian reform and its implementation in the 1920s in western Ukrainian lands]. *Visnik Natsional'nogo universitetu "L'viv's'ka politekhnika"*. *Derzhava ta armiya*. 752. pp. 150–155.
10. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine. Fund 233. List 1. File 71. 109 p.
11. Verbova, O. (2009) *Natsional'nyi gospodars'kiy ruh na zakhidnoukrains'kikh zemlyakh vprodovzh 1848–1944 rokiv* [National economic movement in the western Ukrainian lands during 1848–1944]. Lviv: PAIS.
12. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine. Fund 233. List 1. File 56. 55 p.
13. Archiwum Akt Nowych. 1559. Sygn. 13.
14. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine. Fund 233. List 1. File 143. 37 p.
15. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine. Fund 233. List 1. File 155. 188 p.
16. Archiwum Akt Nowych. 12. Sygn. 181.
17. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine. Fund 6. List 1. File 96. 15 p.
18. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine. Fund 6. List 1. File 99. 49 p.
19. Koval'chak, G. (1988) *Ekonomichnyi rozvitok zakhidnoukrains'kikh zemel'* [Economic development of the western Ukrainian lands]. Kyiv: Naukova dumka.
20. Koval'chak, G. (1963) Stanovishche fabrichno-zavods'koi promislivosti Skhidnoi Galichini v 20–30-kh rokakh XX st. [The development of factory industry in Eastern Galicia in the 1920s–1930s]. In: Krip'yakevich, I. (ed.) *Z istorii Ukrain's'koi RSR* [From the history of the Ukrainian SSR]. Vol. 8. Kyiv: USSR Academy of Sciences. pp. 28–41.
21. Koval'chak, G. (1960) Rozvitok fabrichno-zavods'koi promislivosti v Skhidniy Galichini v kintsy XIX – na pochatku XX st. [The development of factory industry in Eastern Galicia in the late nineteenth – early twentieth centuries]. In: Krip'yakevich, I. (ed.) *Z istorii zakhidnoukrains'kikh zemel'* [From the history of Ukrainian lands]. Vol. 5 Kyiv: USSR Academy of Sciences. pp. 57–74.
22. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine. Fund 6. List 1. File 309. 20 p.
23. Archiwum Akt Nowych. 10. Sygn. 6881.
24. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine. Fund 6. List 1. File 7. 158 p.
25. State Archive of Ivano-Frankivsk Oblast. Fund 2. List 1. File 897. 83 p.
26. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine. Fund 6. List 2. File 186. 72 p.

Received: 12 May 2020

Д.Н. Старостин

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГРИГОРИЯ ТУРСКОГО И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСКОГО ЛЕТОИСЧИСЛЕНИЯ И ПАСХАЛЬНОГО КАЛЕНДАРЯ ДИОНИСИЯ МАЛОГО В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

Рассматривается возможность связи между исторической концепцией Григория Турского и распространением пасхальных таблиц и эры от рождества Христова, которые приобрели особую актуальность после начала в 532 г. н. э. нового цикла пасхальных праздников. Очерчиваются основные пути развития пасхальных вычислений и эры от рождества Христова и предпринимается попытка найти отражение 19-летнего и 84-летнего пасхальных циклов в структурировании Григорием Турским его исторического нарратива.

Ключевые слова: хронология; христианское летоисчисление; историография; раннее Средневековье; Григорий Турский; Дионисий Малый.

Введение

Исследования в области представлений о хронологии общества раннего Средневековья в недавнее время стали привлекать внимание большого количества исследователей [1–17]. Это позволяет рассмотреть исторические воззрения Григория Турского в совершенно другом контексте, чем это делалось раньше. Сфера интересов Григория Турского, как уже отмечали историки, включала в себя не только создание исторических нарративов. Он как человек, интересовавшийся историей в целом, ее сакральным измерением, уделял много внимания проблемам общей хронологии священной истории [18. С. 194; 19. Р. 153]. Поэтому его отношение к созданию королевства франков нужно рассматривать не просто как нарратив, созданный в рамках позднеантичной исторической традиции, а как попытку осмыслить это событие в терминах всеобщей священной истории от сотворения мира. Не следует забывать, что обрамлением для его «Истории» служили подсчеты относительно возраста мира и длительности исторических периодов в Библии. Эти подсчеты были основаны на уже давно существовавшей традиции и показывали неплохое знакомство Григория Турского с работами не только Августина блаженного (хотя он и не цитировал его), но и с более специальными работами по ветхозаветной хронологии. В частности, историк начинал свое сочинение с постановки описываемой им истории в контексте ветхозаветных эпох и событий: «Следуя ходу времени, мы рассказываем попеременно как о чудесных деяниях святых, так и о народных бедствиях. Я считаю разумным, чтобы мы, повествуя о праведной жизни святых, сообщили и о гибели нечестивых людей, ибо этого требует не удобство пишущего, а последовательность времени. В самом деле, внимательный и усердный читатель среди историй о царях израильских найдет рассказ о том, как при Самуиле-праведнике погиб богохульник Финеес, а при Давиде, прозванном Могучею дланью, пал язычник Голиаф. Пусть читатель вспомнит про времена великого пророка Илии, который прекращал дожди, когда он хотел, и посылал их по своему желанию на иссохшую землю, и как этот же Илия по своей молитве сделал богатой бедную вдову; пусть вспомнит истребления народов, какой голод и какая засуха постиг-

ли несчастную землю, какие бедствия перенес Иерусалим во времена [царя] Езекии, которому бог прибавил пятнадцать лет жизни; о том, какому истреблению и каким бедам подвергся сам израильский народ во времена пророка Елисея, который воскрешал умерших и совершал в народе много других чудес. Точно так же, попеременно, писали в своих хрониках о войнах царей и о чудесах мучеников историки Евсевий, Север, Иероним и Орозий. Так же поступили и мы, чтобы легче обозреть череду столетий и произвести полный подсчет годов до наших дней. Итак, следуя историям упомянутых авторов, мы с божьей помощью изложим то, что случилось в дальнейшем» [20. Кн. II. Предисловие]. Таким образом, он рассматривал современные ему события через призму библейской истории и брал из последней ключевые сюжеты, чтобы через типологически похожие сюжеты подтвердить главную свою мысль о сочетании в Священной истории как чудесных событий, так и бедствий. В конце своего сочинения он подводил подсчет общему количеству лет к 592 г., когда он завершал свою работу: «Итак, число лет от сотворения мира таково: От сотворения мира до потопа – 2242 года. От потопа до перехода сынов Израиля через Чермное море – 1404 года. От перехода Чермного моря до воскресения господня – 1538 лет. От воскресения господня до кончины святого Мартина – 412 лет. От кончины святого Мартина до вышеупомянутого года, то есть до двадцать первого года нашего служения епископом, пятого года первосвященничества Григория, папы Римского, тридцать первого года правления короля Гунтрампа и девятнадцатого года правления короля Хильдеберта Младшего – 197 лет 260. Каковых лет общее число таково: 5792 года 261» [20. Кн. X, 31]. Таким образом, его работа явно виделась ему как своего рода «глава» в общей священной истории грехопадения и спасения человечества [19. Р. 153]. Однако как показали современные исследования, хронология христианского исторического мировоззрения развивалась в тесной связи с практикой и методами вычисления даты Пасхи. В настоящей статье предпринимается попытка показать, что несмотря на то, что Григорий Турский явным образом не связывал свое повествование рамками пасхального канона, его изложение истории в значительной степени зависело от 19-летнего и 28-летнего пас-

хальных циклов, которые стали рассматриваться как норма после введения нового пасхального календаря Дионисием Малым в 532 г.

Циклы исчисления времени в христианском мирозерцании

Проблема создания Григорием Турским исторической концепции, в которую он встраивал историю королевства франков, имеет под собой многовековую предысторию создания христианского календаря и его специфических вариантов, связанных с вычислением дат движущихся праздников, в первую очередь Пасхи. Теологи начали обращать внимание на проблему исчисления времени от Рождества Христова начиная примерно со II в. н. э. Это было тесно связано с проблемой вычисления даты Пасхи, потому что даты этого праздника измерялись, в первую очередь, «метоновым циклом» длительностью в 19 лет. Одновременно после открытия Гиппархом прецессии весеннего солнцестояния в 138 г. до н. э. образованным людям стало ясно, что нет смысла проецировать даты лунного календаря более чем на 100, а точнее, на 95 лет вперед. Таким образом, и теологов, и интересовавшихся календарем в начале II в. стал занимать вопрос об использовании правильного календаря, который способствовал бы теологическим постулатам христианства и ветхозаветной традиции. Евполемий, иудей из Палестины и друг Иуды Маккавея, в 158 г. до н. э. впервые согласовал греческую и ветхозаветную истории. Дальнейшие работы в этом направлении были сделаны Александром Полигистором (85–35 до н. э.), Варроном (116–27 до н. э.), Птолемеем, священником из Мендеса (50 г. до н. э.), который упоминался Татианом (*Oratio ad graecos*, 38), Фразиллом (до 36 н. э.), и Фаллом (I в. н. э.). Первые попытки создать хронологию на основании Ветхого Завета уже после появления Нового Завета были предприняты Феофилом (115–181 гг. н. э.) и Юлием Африканом (200–245 гг. н. э.) [21. Р. 451–452; 22. С. 52–56, 75–89]. Обе этих версии хронологии основывались на Септуагинте и принимали в качестве рождества Христова дату около 5530 г. от сотворения мира [23. Р. 73]. После нескольких попыток была создана Александрийская эра, в соответствии с которой сотворение мира приходилось на 25 марта 5493 г. [22. С. 240–255; 23. Р. 73].

Однако следует понимать, что общие эры в хронологии и истории могут быть недостаточны, так как календари строятся на коротких повторяющихся циклах. Это лунный 19-летний цикл и солнечный 28-летний цикл. Но между тысячелетиями Священной истории и солнечным и лунным циклами должны были быть и промежуточные циклы для описания периодов, которыми обычно мыслят историки, т.е. периоды примерно в 100 лет. В пасхальных таблицах, которые начинались в 222 г., было указано, что 13 год цикла, 234 г. н. э. был 205 годом от времени страстей Христовых [24. С. 14]. В данном случае стоит отметить, что христианские авторы стремились к максимальному совпадению дат современной им истории с датами Ветхого Завета. В частности, 205-летний цикл упоминался в книге Бытия 11:32 как время жизни

патриарха Фарры [25. Р. 97]. Таким образом, представляется возможным выдвинуть гипотезу, что вопрос о времени рождения Христа как точной дате не ставился просто так, а возникал тогда, когда на него можно было ответить, приведя в пример циклы и периоды времени из ветхозаветной истории. Таким образом, для христианских авторов тема вычисления даты от сотворения мира рано стала важной и фактически представляла собой одну из первых практик при обращении к историческому исследованию. Из этого у историков и Отцов Церкви постепенно вырос интерес к исчислению даты от Рождества Христова, который имеет длинную историю [26]. Следует понимать, что поскольку Пасха и Вознесение Христа являются результатом сложной работы по вычислению и согласованию солнечного и лунного календарей, то вопрос о вычислении даты от Рождества Христова сразу стал непосредственно и тесно связанным с вопросом о вычислении даты Пасхи [5, 27].

В поздней Античности сложилось немалое количество систем исчисления времени ветхозаветной истории [22. С. 113–212]. Уникальность времени, в котором пришлось жить Григорию Турскому, – появление новой системы христианской хронологии – связана с тем, что до создания христианского летоисчисления и пасхальных таблиц Дионисием Малым в 532 г. христианские теологи не могли точно вычислить количество лет от Рождества Христова только с помощью пасхальных таблиц. Это хорошо показывает первая попытка создания пасхального цикла. Историки отмечают, что первая и самая главная попытка увязать всеобщую христианскую историю и пасхальный цикл была предпринята Ипполитом из Рима. Его таблица начиналась 13 Апреля 222 г. [22. С. 89–101; 27. Р. 117]. Она была выгравирована на пьедестале, на котором находилась сама его статуя, найденная в 1551 г. в Риме. На задней стенке кресла была надпись: «В первый год правления Александра Севера 14 день Пасхальной луны падал на субботу, 13 апреля, во время месяца с эмболизмом. Для всех будущих лет Пасха должна праздноваться следующим образом. Пасхальные даты прошлого считаются по-старому» [28. Р. 3–50]. Следует отметить, что деление исторического периода на две части, заявленное в этой надписи, является важнейшим аспектом представлений о времени и об истории для христианской концепции мира, хотя корнями оно уходит во времена древней Месопотамии. Одновременно, на этой таблице были отмечены те даты Пасхи, которые приходились на события, связанные с ветхозаветными пророками [27. Р. 117–118]. Можно сразу заметить две особенности этих таблиц и подходов, которые отличали их от тех, которыми могли пользоваться Григорий Турский или его современники после масштабных реформ Дионисия Малого. Они были сильно связаны с пророческой литературой Ветхого Завета, но не стремились найти соответствие между современными их автору датами Пасхи и датой Пасхи в год Воскресения Христа. Современные вычисления астрономической полной луны на этот год дают именно эту дату, что говорит о достаточно развитой астрономической науке в III в. н. э. [29. Р. 12]. Система Ипполита

была основана та 8-летнем цикле, использовавшемся греческим астрономом Метонем. Таблица, выполненная на основе идеи Ипполита, состояла из двух 8-летних циклов, из которых каждый возвращался к тому же дню солнечного календаря [30–33]. Знание пасхальной математики и христианской истории показывает сразу, что этот цикл нельзя было связать с 33 г. н. э. Таблицы, выполненные на основе предложений Ипполита (возможно в IV в.) имели общую длительность 112 лет, потому что в юлианском календаре даты сдвигались на один день недели назад каждые 16 лет [34. Р. 805]. Эта периодичность подсказывает, что компутисты в целом опирались на период около 100 лет как на время, в течение которого календари могли вычисляться достаточно точно и после которого требовали внимания и, возможно, ручной подгонки с помощью астрономических наблюдений.

Система исчисления времени лунного календаря, необходимого для определения даты Пасхи, могла быть заимствована из Александрии, где епископ Деметрий ввел в употребление понятие эпакта, т.е. даты лунного месяца для одного заранее условного дня солнечного года. Для расчета дат лунного календаря в согласии с солнечным Деметрий предлагал считать лунный год равным 354 дням и затем добавлять к этому году 11 дней [27. Р. 115]. Предполагается, что и сама идея 8-летнего календаря могла быть заимствована из Александрии [27. Р. 122; 33. Р. 309; 35. S. 29; 36. S. 85–87, 93]. В этой таблице Пасха падала на дни с 16 по 22 лунного месяца. Но в этой таблице не было указания на то, что Пасха обязательно должна была падать на день после дня весеннего равноденствия [27. Р. 124–125]. Следующим существенным этапом стали расчеты Дионисия Александрийского, жизнь которого пришлась на период правления императора Галлиена (253–268) [27. Р. 110; 37. S. V.22, VI.26]. Эти пасхальные таблицы еще не способствовали становлению представлений об исчислении времени от Рождества Христова, потому что все расчеты еще не могли подтвердить, что в год Вознесения, 33 г. н. э. по современному календарю, Пасха попадала в один цикл с пасхами III в. Это указывает на уникальность времени Григория Турского, для которого пасхи могли быть вычислены на основании одного цикла от Воскресения до VI в.

Исчисления времени от Рождества Христова и адаптация исторической концепции Ветхого Завета к условиям позднеантичного общества получили выражение в работах Проспера Тиро, ученика Августина Блаженного и первого продолжателя Хроники св. Иеронима, Августалиса, епископа Тулона (Padua Bibl. cap. 490), и Виктория Аквитанского, которые жили в V в. н. э. Все они считали в качестве основной даты календаря Вознесение Христа, которое они датировали, правда, 28 г. н. э. Таблица Августалиса отсчитывалась от 213 г. и продолжалась до 312 г. [38. Р. xiv]. Дальше всех пошел Виктория Аквитанский, который первый выстроил последовательность Пасхальных циклов от Вознесения до современных ему лет. Это было крайне логичным развитием самой идеи Пасхи, так как именно Вознесение Христа считалось по совпадению солнечного и лунного календарей [22. С. 259–261; 27. Р. 217,

227–228]. Отметим тот путь, который прошло развитие представлений о времени по сравнению с III в. н. э., потому что у учеников Иеронима и Августина Блаженного и их современников в христианской эре четко просматривалась последовательность Пасх от Вознесения до настоящего времени. Критическим эпизодом в истории создания христианского летоисчисления на основе текстов Ветхого и Нового Заветов была попытка Дионисия Малого, в силу ряда объективных причин, свести несколько временных шкал воедино для нахождения новой, единой точки отсчета для христианского календаря. Два цикла времени, солнечный длиной 28 лет и лунный длиной 19 лет, сходятся день в день через 532 года. Поэтому ряд проблем с определением времени рождения Христа естественным образом отпал, когда эти два цикла сошлись. Более того, они давали возможность повторения всех пасхальных дат в истории, что позволяло «воспроизвести», или «повторить», события жизни Христа. 84-летний цикл не давал такой возможности, потому что он не имел связи с годом 1 или годом 33 н. э. на уровне повторения всех дат земного пути Христа.

19-летний и 84-летний циклы

Изучение пасхальных календарей, имевших влияние на науку составления календарей в раннесредневековый период, стало в последнее время одним из важнейших аспектов исследований современных историков, занимающихся ранним Средневековьем. Это было вызвано тем, что ряд важных рукописей был либо вообще неизвестен исследователям, либо не привлекал их внимания в течение долгого времени. В частности находка так называемого Падуанского компута, который сейчас называется падуанский латеркус, в 1980-е гг. сделала все ранее известные представления об истории календаря и о способах исчисления даты Пасхи неверными и полностью лишенными актуальности. В частности, само понятие «ирландские» пасхалии потеряло научную ценность, потому что оказалось, что все существующие пасхальные таблицы до VIII в. опирались либо на цикл Дионисия Малого, либо на цикл Виктория Аквитанского, либо на модифицированные варианты так называемой *Supputatio Romana* [17. Р. 61–63]. Это показывает, что в Ирландии и на Британских островах не изобрели какого-то своего пасхального цикла, а пользовались одним из тех, который ранее был доступен на континенте. А это, в свою очередь, говорит о том, что Григорию Турскому были хотя бы теоретически доступны все способы исчисления даты Пасхи и, соответственно, связанные с ними календарные и хронологические системы. Оказывается, что многие из казавшихся принесенными извне систем пасхального календаря на самом деле были известны в качестве рукописей не только ирландским монахам, но и образованным людям Галлии. Более того, оказалось, что простые дихотомии типа «островная» или «римская» Пасха уже не могут представляться реальным отражением ситуации в области пасхальных календарей, потому что образованные люди раннего Средневековья имели возможность выбирать как минимум из

трех (!) вариантов пасхальных таблиц, возникших в Средиземноморье [39. Р. 63–64]. А это говорит о том, что мир специалистов по календарям в раннем Средневековье был намного более сложным. Знания Григория Турского в области христианского летоисчисления, могут рассматриваться, таким образом, как репрезентативные. Поэтому хотя епископ Тура и не проявлял знания пасхального цикла явно, его текст стоит исследовать на наличие в нем указаний на исчисление времени в рамках пасхального цикла.

Поскольку исследователи оказались перед проблемой описания совершенно новых для них источников, у них не было шаблона для их описания в рамках существующих условностей (например, «Римский компут», «компут Дионисия Малого» и т.п.), и поэтому их обсуждения новых для науки календарей остановилось на весьма специфическом и техническом уровне определения использовавшихся их составителями циклов. Как показали исследования, это было вызвано тем, что расхождения в один день, а также расхождения более значительные, в неделю или больше, были в десятках дат пасхальной таблицы [40. Р. 240–242]. В частности, речь в недавних исследованиях шла только о конкретных датах Пасхи, о сдвиге календаря на один лунный день в конце цикла, о том, куда нужно было сдвигать этот день, если он попадал на февраль, и так периодически требовавший добавления одного дня [14. Р. 49–51].

Чтобы понять, как влияло составление пасхальных циклов на восприятие истории в целом, стоит разобрать длину различных пасхальных циклов и причины их разницы. Важным для анализа представлений о праздновании Пасхи моментом является длина пасхального цикла. Она является показателем того, к какой из освященных церковью традиций относили себя монахи и священники, которые использовали те или иные пасхалии. Посмотрев на сводную таблицу различных сообщений нарративных источников, можно отметить, что Беда Достопочтенный в своем трактате *De temporum ratione*, а также Куммиан в своем письме аббату Сегене, считали, что более древним и более традиционным был 84-летний пасхальный цикл, а не 19-летний, принадлежавший Дионисию Малому.

При изучении раннесредневековых пасхалий недостаточно просто знать тип цикла, так как особенности вычисления даты Пасхи в конкретной традиции выявляются только при рассмотрении пасхальных таблиц, использовавшихся учеными монахами. В начале XX в. ирландские ученые Бартоломью МакКарти и Дэниэл О'Коннелл сделали попытку доказать, что пример описания ранних 84-летних пасхалий можно найти в рукописи из Мюнхена Clm 14456, известной сегодня под названием «Мюнхенский компут» (BSB Clm 14456, fol. 67r) [14; 40; 41; 42. Р. lxxiv–lxxiii]. Хотя в этой рукописи тоже не было таблицы с датами Пасхи, они попытались восстановить таблицу, которую мог видеть и использовать составитель этого описания. Их уверенность в использовании 84-летнего пасхального цикла со времени раннего христианства основывалась на использованном Штробелем утверждении Епифания из Саламиса (Ephraim Panarion, 51, 23) об использовании его еще в ветхоза-

ветную эпоху [43. S. 447]. Смысл 84-летнего цикла состоял в том, что все солнечные и лунные даты, в том числе и даты Пасхи, должны были повторяться через 84 года. Правда, это было верно только при условии, что длина каждого года считалась равной 365 дням, что не совпадает с астрономическими данными. Поэтому нужно было вводить поправки, так называемое *saltus lunae*. В соответствии с объяснениями Епифания из Саламиса цикл был довольно сложным и поправки вводились раз в 85 лет в виде одного добавленного лунного месяца. Но фактически, как сообщает Епифаний, поправка вводилась каждые 14 лет. Единственной особенностью было то, что, по подсчетам исследователей, разница в днях составляла 26 дней, что было на 2 или 3 дня короче обычного лунного месяца [27. Р. 234]. В христианском 84-летнем календаре, в трактате из Карфагена *saltus lunae* вводился каждые 14 лет, т.е. падал на 14/15, 28/29, 42/43, 56/57, и 70/71-е годы цикла. Существовал также другой 84-летний цикл, в котором поправка на один день вводилась каждые 12 лет [14]. В «Мюнхенском компуте» ошибка состояла в том, что его автор был непоследователен в использовании *saltus lunae*. В нескольких случаях он добавлял один день к лунному календарю, а затем отнимал его в следующем году [41. S. 11].

История 84-летнего цикла говорит о том, что он вряд ли мог быть самым древним [27. Р. 238]. Дело было не в древности, а в практике функционирования этого календаря и в той концепции истории, которую создавало его использование. В частности, этот календарь не имел прямой математической связи с датой рождения Христа в том его варианте, который был создан в 298 г. [27. Р. 239]. 84-летний цикл был создан Ипполитом Римским и начинался в 222 г., когда 1 января соответствовал эпакт 1. Он должен был закончиться в 306 г. Однако начавшийся 222-й цикл повторялся 4 раза к 298 г. в соответствии с правилами функционирования 19-летнего календаря [27. Р. 239]. Таблицы с этим циклом из рукописи, традиционно называемой *Laterculus Augustalis*, относятся к середине III в. Примерно тогда же появляются первые свидетельства о возникновении другого, 19-летнего, цикла [27. Р. 130–162, 208–239].

Викторий Аквитанский говорил о 84-летнем, 19-летнем и 112-летнем циклах [27. Р. 212]. Куммиан с подозрением отзывался о 84-летнем пасхальном цикле Виктория Аквитанского, в котором тот считал, что Пасха могла падать только на даты с 16-го по 22-й день лунного месяца [27. Р. 116, 118, 168, 205; 44. S. 19]. Вероятно, поводом для такого подозрительного отношения было также и то, что Викторий Аквитанский считал 95-летний цикл не полностью возвращающимся в ту же самую дату [27. Р. 188]. Этот ирландский автор считал его неудачным нововведением, не соответствующим традициям не только ирландской, но и вообще церкви, находящейся под властью римских понтификов. Однако данный цикл появился в середине V в. как ответ Рима на «монополизацию» пасхальных вычислений александрийскими учеными после 457 г. [27. Р. 138]. Это был цикл, который кардинально отличался от александрийского цикла «пределами Пасхи». Однако если попытаться понять, от-

куда взялась ошибка составителя «Мюнхенского компута», то ситуация выглядит по-другому. Получается, что его автор с большим уважением относился к Викторию Аквитанскому. Ведь особенность (или «ошибка») этой таблицы появилась не по причине простой невнимательности. Автор «Мюнхенского компута» был непосредствен в использовании *saltus lunae*, потому что он, по-видимому, имел перед собой для сравнения таблиц пасхалий Виктория Аквитанского. Введя поправку, он вернулся к таблице Виктория для определения дат лунного календаря на следующий год [14. Р. 39, 53, 62–63, 83–85; 41. S. 12]. Это порождает интересную коллизию. Как видно из наблюдений ряда исследователей XX в., «Мюнхенский компут» вовсе не был тем 84-летним циклом, каким этот цикл должен был быть в идеале, и это заметил еще сам Б. Круш [41. S. 13]. О’Кронин называет эту рукопись «значительно искаженным описанием» (*badly corrupted description*) 84-летнего цикла [45. Р. 5]. Однако возникает вопрос: что в данном случае стоит считать нормой и что отклонением от нее? Суть дела в том, что даже в Средиземноморье существовало несколько вариантов 84-летнего цикла и что «Мюнхенский компут» имеет столько же прав на звание «ирландского» пасхального цикла, сколько и остальные. Проблема подхода О’Кронина состоит в том, что нормой он считал классический 84-летний цикл, которого не существовало даже в Средиземноморье.

В представлениях о способах празднования Пасхи есть еще одна проблема, которую вряд ли можно разрешить, если подходить к ней с традиционных позиций. Вернемся немного назад, в XVIII в., когда голландский ученый Ван дер Хаген вслед за своим предшественником Бухерием заинтересовался трактатом о вычислении даты Пасхи, авторство которого приписывалось Анатолию, епископу Лаодикийскому (III в. н. э.). Можно предположить, что этот трактат был изначально написан на греческом языке, но сохранился он только в латинском варианте. Ученые достаточно давно выдвинули тезис о том, что этот трактат был переведен не ранее 409 г. н. э., возможно, в том же кругу, в котором трудился Руфин, переводчик хроники Иеронима Стридонского. Однако до сравнительно недавнего времени все известные ученым рукописи этого трактата происходили из Ирландии. Ван дер Хаген выдвинул гипотезу о том, что указанный трактат был ирландской подделкой. Но это спутало все карты специалистам по истории острова, потому что данный сравнительно ранний трактат построен на 19-летнем, так называемом лунном цикле пасхалий, а вовсе не на 84-летнем [27. Р. 130–162]. Ситуация еще более запуталась, когда копия трактата Анатолия была найдена в рукописи X в. из Падуи, причем найдена она была переплетенной вместе с таблицей 84-летних пасхалий. Это еще более усложняет ситуацию, а вопрос о том, какая же именно традиция вычисления даты Пасхи использовалась, остается открытым. В последующей работе Даниэл Мак-Карти предпринял значительные усилия, чтобы показать, что трактат Анатолия – это не ирландская подделка, и что он действительно возник в Средиземноморье, хотя датой его возникновения по-прежнему вряд ли можно считать III в. [22. С. 150–152; 46].

Таким образом, выбор пасхального цикла определенной длины нес на себе некоторую смысловую нагрузку. Можно считать, что эта смысловая нагрузка состояла в выборе между тремя вариантами вычисления даты Пасхи, установленной письмами из Александрии и принятой епископами в Западном Средиземноморье, и более старой практикой, местом возникновения которой считается западное Средиземноморье и Карфаген в частности (что отразилось в названии «Карфагенский компут»), так называемой пасхалией Анатолия Лаодикийского. Но дело заключалось в другом. Особенно сложные вопросы при создании календарей и хронологии исторических событий возникали тогда, когда речь шла об увязке Рождества Христа и Его вознесения с событиями, современными авторам исторических сочинений поздней Античности и раннего Средневековья. Фактически при использовании полностью циклического календаря мог возникнуть и вопрос о достоверности событий, изложенных в евангелиях. 19-летний цикл полностью замыкался на себя и повторял даты Пасхи с учетом введения *saltus lunae*. Но 84-летний цикл, наоборот, требовал интеркаляции от 2 до 5 дней на 85-м году. Это могло компенсироваться интеркаляциями через каждые 12 или 14 лет, но все равно проблемы оставались. Правда, Викторий Аквитанский считал как раз наоборот, что 95-летний цикл не возвращался в ту же самую точку [27. Р. 188]. Но это было его личное мнение. Таким образом, разница в использовании циклов состояла в том, что 84-летний цикл был «неисторическим», а 19- и 95-летние циклы возвращались в ту же самую череду дат. Таким образом, 19-летний цикл позволял построить прямую связь современной авторам истории с Сыном Божиим, а 84-летний ставил его земной путь за пределы точной исторической хронологии и делал его, если можно так выразиться, более «мифологичным».

Григорий Турский и пасхальные циклы

Посмотрим, есть ли какие-либо совпадения в хронологии «Истории» Григория Турского. Как показывает пример, написание истории ставило его в положение, когда споры относительно правильной даты празднования Пасхи были далеки от него. О Пасхе Турский говорит только один раз. Он нечасто упоминает точные даты событий и отмеряет их годами правления королей. Однако пасхальный календарь с его циклами неявно присутствовал в его хронологической системе. Рассмотрим два наиболее показательных эпизода. Историками и специалистами по астрономии было отмечено, что Григорий Турский внимательно отмечал необычные небесные и погодные явления [47. С. 51–53; 48. Р. 108–110; 49]. Отметим, что в 548 г., за 3 года до окончания 19-летнего цикла, когда в 551 г. эпакт был ноль или 30, Григорий отметил очень холодную зиму, а в 551 г., как он сообщает, умер епископ Галл [20. Кн. IV, 5]. Поскольку Григорий писал свои «Истории» в 580–590-е гг., то мы можем предположить, что значимость некоторых естественных феноменов могла быть усилена. Подобная последовательность событий напоминает конец света

в миниатюре, когда должен был замерзнуть ад и все реки. Смерть же Галла и последующая неразбериха были своего рода метафорой ухода старого и начала нового календаря [20. Кн. IV, 6–7]. Иначе говоря, со смертью Галла пропала и память о том, что происходило во время его жизни в соответствии с датами церковного календаря.

Стоит также обратить внимание, что и в другом случае начала нового цикла Григорий Турский отмечал необычные погодные явления. 589 год был временем, когда осенью зацвели деревья [20. Кн. 9, 44]. Известно, что лунное затмение 590 г. он считал знаком прихода эпидемии [20. Кн. 10, 23]. Отметим, что 589 год имел эпакт ноль и, соответственно, был началом нового 19-летнего цикла. Таким образом, необычные погодные условия в 589 г. говорили об одной интересной практике, которая была необходима компутистам, чтобы свести календарь к новому началу в конце 19-го года. Например, это делал автор «Мюнхенского компута», который добавлял *saltus lunae* в октябре (правда, он делал это в 8-й год цикла, что говорило о его знании и активном использовании цикла Виктория Аквитанского, где 8-й год использовался очень активно) [14. Р. 49–51]. Заметим, что Григорий Турский в данном случае пытался с помощью метафоры показать, что началом года стал октябрь, так как деревья зацвели, как будто это была Пасха, считавшаяся иногда началом года. Лунное затмение в первый год было знаком необычного хода небесных событий, что и было выражено Григорием Турским в словах об эпидемии. Можно даже предположить, что поскольку в своем предисловии к книге 2 он увязывал морские поветрия с временем, когда пророки творили чудеса, то сравнение 590 г., года лунного затмения с годом возможной эпидемии, говорит о том, что затмение было эсхатологическим знаком, требовавшим появления пророка. Таким образом, хотя он и не мог рассчитать его время заранее, он, однако, хорошо понимал суть ветхозаветного времени и нарратива как поиск закономерностей в чередовании обычного и эсхатологического времени, времени смены эпох.

Упомянутая исследователями практика использования методов из «Мюнхенского компута» с его 84-летним циклом и методом введения *saltus lunae*, взятый из цикла Виктория Аквитанского [14. Р. 49–51], была, вероятно, известна Григорию Турскому. Этот «компут» мог и не быть удачным с точки зрения математической точности и предсказуемости, но главные его принципы, как мы видим, тем не менее, использовались. Посмотрим, нет ли отражения этого цикла о писании событий Григорием Турским. Заметим, что 84 года являются слишком долгим сроком для того, чтобы человек в раннем Средневековье мог наблюдать его весь. Но тогда проверим периоды в 12 и 14 лет, которые не позволяют вывести какую-то закономерность. 28-летний период интереснее, потому что 28-й год после 532 пришелся на 560 г., время объединения королевства франков под властью сына Хлодвиг Хлотаря I и одновременно время, когда сын Хлотаря Храмн был убит отцом в наказание за своеволие и непослушание. В этой истории можно заметить метафорическое изложение идеи жертвы Сына

Отцом как основы христологии Нового Завета. Таким образом, если 19-летний цикл ассоциировался с полным возвращением времен в свое начало, которое одновременно было концом предыдущего периода, то 28-летний цикл был метафорически истолкован в другом ключе. Если 19-летний цикл напоминал о времени пророков, то 28-летний цикл был временем для явления Сына Божьего человечеству. Такое описание двух циклов мы вряд ли найдем у компутистов, но в работе историка Григория Турского можно увидеть принципиальную разницу между двумя циклами – непрерывным, повторяющимся и божественным 19-летним циклом и циклом человеческого времени, которое было освящено приходом Христа.

Таким образом, в описании необычных небесных и природных событий у Григория Турского можно заметить определенную логику. Те, которые попадали на годы смены 19-летнего пасхального цикла, описывались им с помощью эсхатологических метафор. 28-летний цикл был своего рода циклом «богоявления». Другие же необычные явления не имели статуса «знака», который обозначал бы хоть какое-то отношение к концу света. Это дает возможность предположить, что епископ Тура знал базовые аспекты пасхального цикла Дионисия Малого, причем использовал его так, что первый год падал именно на события, которые могли быть метафорически истолкованы как напоминание о жертве Христа.

Григорий Турский и эра от Рождества Христова

Историки отметили, что модель хронологии священной истории, взятая на вооружение Григорием Турским, показывает, насколько календарная наука продвинулась вперед в период становления христианской церкви в качестве официальной и какой значительный прорыв был сделан, когда христианские историки и теологи Иероним и Евсевий Кесарийский сделали весьма успешную попытку объединить ветхозаветную и новозаветную хронологии в единое повествование. Евсевий был тем историком, кто, основываясь на идеях Иеронима Стридонского и его комментариях к книге пророка Даниила, попытался создать компромиссную хронологию, которая не опиралась ни на хронологию Септуагинты в силу подозрений в отсутствии аутентичности последней, ни на хронологии еврейской Библии, где датой рождества Христова был год 3760 от сотворения мира [27. Р. 88; 50. Р. 175–176, 196–200]. Более того, его труды создали компромиссный вариант хронологии, который сделал возможным всю средневековую историографию и хронологию. Успех Григория Турского в создании исторической концепции христианского мира после падения Римской империи на Западе обуславливается тем, что он смог активно интегрировать в свою «Историю» то переосмысление принципов формирования священной хронологии, которое было произведено Евсевием. Схема христианской истории, в которую как часть вписывалась история королевства франков при Меровингах, возможно, представляла собой результат выбора схемы дат в контексте возможной полемики между Отцами Церкви, возникшей не в по-

следную очередь в связи с важнейшей для Ветхого и Нового Заветов темой начала и конца временной шкалы, темой конца времен и наступления Тысячелетнего царства.

В отличие от так называемой Александрийской эры, которая признавала Рождество Христа в 5493 г. от сотворения мира, или более поздней эры, насчитывавшей 5508 лет [23. Р. 73], Григорий Турский использовал эру Евсевия Кесарийского, которая насчитывала 5199 лет [51–53]. Исследователи использовали это, чтобы предположить, что в VI в. образованные представители церкви воспринимали представление о конце времен как актуальную историческую схему и стремились построить календарь так, чтобы самим не жить в конце времен. Таким образом, если Августин жил в 5930-х гг., то Григорий Турский уже имел возможность наблюдать 6190-е гг. от сотворения мира, что явно делало современные ему события выражением истории тысячелетнего царства. Поскольку тогда один из важнейших посылов христианства, ожидание второго пришествия, терял смысл, то, как предположил Р. Ландес, Григорий Турский перешел на другую схему, в которой второе пришествие Христа не рассматривалось как ближайшее будущее. Таким образом, в течение достаточно долгого времени идея о прямом влиянии страха перед наступлением Тысячелетнего царства, высказанная вышеупомянутым исследователем, оставалась хоть и дискуссионной, но важной частью научных представлений об исторической концепции поздней Античности и раннего Средневековья. Более того, Григорий Турский не просто обратился к теме эсхатологии, но более того, смог построить историю королевства франков в ту часть христианской истории, которая была значима как часть божественного плана по передаче власти от одной светской империи к другой. Франки не стали символом Армагеддона, а наоборот, являлись частью Священной истории, в рамках которой светская власть реализовывала план Священной истории по обращению в мир Ветхого и Нового Заветов все большего количества сопредельных народов.

Заключение

Недавние исследования позволили выдвинуть гипотезу, почему именно в эту эпоху у историков и образованных людей возник интерес к календарю всеобщей христианской истории. Астрономические циклы, 19-летний и 28/84-летний, а точнее их сходимость, послужили основой христианского летоисчисления в поздней Античности. Основой же христианского летоисчисления был пасхальный календарь,

посредством которого и достигалось совпадение дат в солнечном году и цикле лунных месяцев. Таблицы пасхальных дат, основанные на лунном цикле, обычно составлялись вперед на 5 циклов по 19 лет, т.е. на 95 лет, так как в силу открытия прецессии дня весеннего равноденствия Гиппархом в 138 г. до н. э. образованные люди не рисковали рассчитывать циклы астрономических событий более чем на столетие. На основании солнечного цикла люди обычно составляли таблицы по 4 периода по 28 лет, т.е. 84 года, или на 112 лет. Таким образом, таблицы, которые еще работали в эпоху Августина Блаженного, к 520-м гг. перестали «предоставлять» надежную информацию. Именно тогда образованные люди церкви и папство начали поднимать вопрос о необходимости создать новый календарь. Новые таблицы и подсчеты были созданы, что, однако, не снизило значимости уже существующих циклов. Григорий Турский писал как раз в то время, когда прошло как минимум два лунных цикла после начала календаря Дионисия Малого и один цикл солнечного календаря. Стоит отметить, что эти два цикла в календаре Дионисия Малого занимали особое место. Поскольку цикл начинался с года, который можно было бы условно назвать годом 1, т.е. годом Рождества Христова, то земная жизнь Христа пришлась как раз на первые два цикла, с года 1 по год 33, а второй цикл заканчивался в году 38-м. Таким образом, для людей церкви, живших после принятия цикла Дионисия Малого, первые два цикла, с 532 по 570 г. н. э., имели особый смысл, потому что они повторяли день в день время жизни Христа. Надо понимать, что как правило, два 19-летних пасхальных цикла были временем наибольшего совпадения предполагаемых дат Пасхи с реально наблюдаемыми астрономическими событиями. Поэтому период с 532 г. по 570 г. был своего рода «историческим» временем, когда даты были надежными и календарь работал. Таким образом, уникальность трудов Григория Турского среди других историков обуславливалась тем, что он писал в очень интересный и критический период. Фактически это время делилось на три части: до начала цикла (до 532 г.), время, как-бы повторявшее жизнь Христа (цикл до 570 г.), и цикл после Христа, время апостолов и построения Церкви. Хлодвиг, таким образом, попадал в список ветхозаветных царей, время, соответствовавшее жизни Христа, было временем раздоров среди светских правителей и даже временем одного Ирода, короля Хлотаря. Это делало историю 570–592 гг. актуальной как период апостольского построения Церкви. 570–589 гг. были временем «рассогласования» календаря, что обусловило эсхатологический характер этой части истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Darby P. Bede and the End of Time. Farnham : Ashgate, 2016.
2. Darby P. Apocalypse and Reform in Bede's De die iudicii // Apocalypse and Reform from Late Antiquity to the Middle Ages / ed. by M. Gabriele, J.T. Palmer. Abingdon, Oxon, 2018.
3. Mac Carron M. Christology and the future in Bede's Annus Domini // Bede and the Future / ed. by P. Darby, F. Wallis. Burlington : Ashgate, 2014. P. 161–179.
4. Mac Carron M. Bede, Irish computistica and Annus Mundi // Early Medieval Europe. 2015. Vol. 23, № 3. P. 290–307.
5. Nothaft C.P.E. Dating the Passion: the Life of Jesus and the Emergence of Scientific Chronology (200–1600). Leiden : Brill, 2011. 329 p.
6. Palmer J.T. The ends and futures of Bede's De temporum ratione // Bede and the Future / ed. by P. Darby, F. Wallis. Burlington : Ashgate, 2014. P. 139–160. (Studies in Early Medieval Britain and Ireland).

7. Wallis F., Darby P. *Bede and the Future*. Burlington : Ashgate, 2016. (Studies in Early Medieval Britain and Ireland).
8. Wallis F. Why Did Bede Write A commentary on Revelation? // *Bede and the Future* / ed. by P. Darby, F. Wallis. Farnham : Ashgate, 2016. P. 23–45.
9. Warntjes I. *Computus as scientific thought in Ireland and the early medieval West*. 2016.
10. Warntjes I. The mechanics of lunar calendars and the modes of calculating Easter, AD 400–1100: contexts and perspectives // *La conoscenza scientifica nell'alto medioevo*. Spoleto : Centro italiano di studi sull'alto medioevo, 2020.
11. Warntjes I. The origins of the medieval calendar tradition in the Latin West // *Calendars in the making : the origins of late antique and medieval calendars* / ed. by S. Stern. Leiden; Boston : Brill, 2020.
12. Warntjes I. A newly discovered prologue of AD 699 to the Easter table of Victorius of Aquitaine in an unknown Sirmond manuscript // *Peritia*. 2010. Vol. 21. P. 254–283.
13. Warntjes I. The Computus Cottonianus of AD 689: A computistical formulary written for Willibrord's Frisian mission // *The Easter Controversy of Late Antiquity and the Early Middle Ages : its manuscripts, texts, and tables. Proceedings of the 2nd International Conference on the Science of Computus in Ireland and Europe, Galway, 18–20 July 2008* / ed. by I. Warntjes, D. Ó Cróinín. 2011. P. 173–212.
14. Warntjes I. The Munich Computus and the 84 (14)-year Easter reckoning // *Proceedings of the Royal Irish Academy*. 2007. Vol. 107C. P. 31–85.
15. Warntjes I. The Munich Computus: Text and Translation. Irish computistics between Isidore of Seville and the Venerable Bede and its reception in Carolingian times. Stuttgart : Steiner, 2010. 402 p. (Sudhoffs Archiv, Beihefte; 59).
16. Warntjes I. Victorius vs. Dionysius : the Irish Easter controversy of AD 689 // *Early medieval Ireland and Europe: chronology, contacts, scholarship* / ed. by P. Moran, I. Warntjes. Turnhout, 2015. P. 40–96.
17. Warntjes I. The Final Countdown and the Reform of the Liturgical Calendar in the early Middle Ages // *Apocalypse and Reform from Late Antiquity to the Middle Ages* / ed. by M. Gabriele, J.T. Palmer. Abingdon, Oxon, 2018. P. 51–75.
18. Heinzelmann M. Gregor von Tours (538–594), «Zehn Bücher Geschichte»: Historiographie und Gesellschaftskonzept in 6. Jahrhundert. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1994. 275 s.
19. Goffart W. The narrators of barbarian history (AD 550–800) : Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. Princeton : Princeton University Press, 1988. 491 p.
20. Григорий Турский. История франков / под ред., ком. В.Д. Савукова. М., 1987.
21. Wacholder B.Z. Biblical Chronology in the Hellenistic World Chronicles // *The Harvard Theological Review*. 1968. Vol. 61, № 3. P. 451–452.
22. Кузнецов П.В. Христианские хронологические системы: История летоисчисления в святоотеческой и восточнохристианской традиции. М. : Русский издательский центр имени св. Василия Великого, 2014. 992 с.
23. Bickerman E. *Chronology of the Ancient World*. 2nd ed. Ithaca : Cornell University Press, 1980.
24. Grumel V. *La chronologie*. T. 1. Paris, 1958. (Trait' e d' etudes byzantines).
25. Fokkelman J.P. Time and structure of the Abraham cycle // *New avenues in the study of the Old Testament: a collection of Old Testament studies, published on the occasion of the fiftieth anniversary of the Oudtestamentisch Werkgezelschap and the retirement of prof. Dr. M.J. Mulder* / ed. by M.J. Mulder, A.S. van der Woude. Leiden : E.J. Brill, 1989. P. 96–109. (Oudtestamentische studiën; 25).
26. Declercq G. *Anno Domini : The origins of the Christian era*. Turnhout : Brepols, 2000.
27. Mosshammer A.A. *The Easter computus and the origins of the Christian era*. Oxford : Oxford University Press, 2008. 474 p. (Oxford early Christian studies).
28. Brent A. *Hyppolytus and the Roman Church in the Third Century : Communities in Tension before the emergence of the Monarch-Bishop*. Leiden : Brill, 1995.
29. Jones C.W. *Beda's opera de temporibus*. Cambridge, MA : Medieval Academy of America, 1943. 416 p. (Publication of the Mediaeval Academy of America; 41).
30. Richard M. *Comput et chronographie chez saint Hippolyte* // *Mélange de Science Religieuse*. 1950. T. 7. P. 237–268.
31. Richard M. *Comput et chronographie chez saint Hippolyte* // *Mélange de Science Religieuse*. 1951. T. 8. P. 19–50.
32. Richard M. *Notes sur les comput de cent-douze ans* // *Revue des études byzantines*. 1966. T. 24. P. 257–277.
33. Richard M. *Le comput pascal par octaétéris* // *Le Museon*. 1974. T. 87.
34. Blackburn B.J., Holford-Strevens L. *The Oxford companion to the year*. Oxford; New York : Oxford University Press, 1999. 937 p.
35. Schwartz E. *Christliche und jüdische Ostertafeln*. Berlin : Weidmannsche Buchhandlung, 1905. 195 s.
36. Neugebauer O. *Sitzungsberichte der österreichischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 347. Ethiopic Astronomy and Computus*. Wien : Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1979.
37. Eusebius Caesariensis. *Eusebii, Hieronymi chronicon* / hrsg. von R. Helm. Berlin, 1956. (Die Griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte).
38. Wallis F. Preface // *Bede : The reckoning of time* / ed. by F. Wallis. Liverpool : Liverpool University Press, 1999. P. xxxiv–lxiii.
39. Dailey E. *Queens, Consorts, Concubines: Gregory of Tours and Women of the Merovingian Elite*. Leiden : Brill, 2015. 202 p. (Mnemosyne, Supplements, Late Antique Literature).
40. Ó Cróinín D. The 'lost' Irish 84-Year Easter Table rediscovered // *Peritia*. 1988. Vol. 6/7. P. 227–242.
41. Krusch B. *Studien zur christlich-mittelalterlichen Chronologie : Der 84-jährige Osterzyklus und seine Quellen*. Leipzig, 1880.
42. *The Annals of Ulster* / ed. by B. MacCarthy. Dublin, 1901. Vol. 4.
43. Strobel A. *Ursprung und Geschichte des frühchristlichen Osterkalenders*. Berlin : Akademie-Verlag, 1977.
44. Krusch B. *Studien zur christlich-mittelalterlichen Chronologie: Die Entstehung unserer heutigen Zeitrechnung*. Berlin : Akademie der Wissenschaften, 1937. (Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Jahrgang 1937. Phil.-hist. klasse. Nr. 8).
45. Walsh M., O Cróinín D. *Cummian's letter De controversia paschali and the De ratione computandi*. T. 86. Toronto, 1988. (Studies and texts).
46. Anatolius of Laodicea. *De ratione paschali* // *The ante-Nicene Christian Pasch De ratione paschali : The Paschal tract of Anatolius, bishop of Laodicea* / ed. by D.P. McCarthy, A. Breen. Dublin, 2003.
47. Bergmann W.S. und. Gregor von Tours und der 'rote Sirius' // *Francia*. 1987. T. 15. C. 43–74.
48. McCluskey S.C. *Astronomies and cultures in early medieval Europe*. Cambridge, UK; New York : Cambridge University Press, 1998. 235 p.
49. Halfond G. *Sis Quoque Catholicis Religionis Apex : The Ecclesiastical Patronage of Chilperic i and Fredegund* // *Church History*. 2012. Vol. 81, № 1. P. 48–76.
50. Stern S. *Calendar and Community : A History of the Jewish Calendar, Second Century BCE – Tenth Century CE*. Oxford : Oxford University Press, 2001.
51. Landes R. *Lest the Millennium Be Fulfilled: Apocalyptic Expectations and the Pattern of Western Chronography, 100–800 C. E.* // *The Use and Abuse of Eschatology in the Middle Ages* / ed. by W. Verbeke. Louvain, 1988. P. 141–211.
52. Landes R. «Millenarismus absconditus» : L'historiographie augustinienne et le millénarisme du haut Moyen Age jusqu'à l'an Mil // *Le Moyen Age*. 1992. T. 98, № 3/4. P. 355–377.
53. Landes R. *Sur la traces du Millenium: la «via negativa»* // *Le Moyen Age*. 1993. T. 99, № 1. P. 5–26.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 апреля 2020 г.

This article investigates the possibility of a link between the historical concept of Gregory of Tours and the spread of the Easter tables of Dionysius Exiguus that were set and started in 532. In terms of the Easter time reckoning, it was the beginning of an entirely new cycle that warranted its application to the new period in the history of Europe. Using novel approaches that have been developed in recent historiography of the problem, this article attempts to find a deep interconnection between the long periods of historical chronology, i.e. the eras from the Creation and from the Incarnation of Christ, and the Easter cycles of years 19 and 28/84 that had reached their mathematical and theological perfection in the works of Dionysius Exiguus and other scholars of Late Antiquity and the early Middle Ages. Having outlined the basic innovations in the studying of both the eras and the Easter calculations in the recent works, the article attempts to find a deeper correlation between the long and the short cycles on the example of Gregory of Tours and both his uses of the Christian era and the hints of using the Easter cycles in the structuring of his historical narrative. The article shows that Gregory was well aware of the specifics of the Old Testament and the Christian eras and their eschatological implications and that he was one of those scholars who opted to use the era of Eusebius (which put the birth of Christ to 5199 from the creation) because it was this era and not the so-called “Alexandrian” (or “Byzantine”) one that allowed to move the end of the 6th millennium and the coming of the Millennial kingdom 200 year ahead from the time of him writing his “Histories”. By investigating Gregory’s use of unusual natural and celestial phenomena in his work, the article suggests that occasions that were linked to the beginning of the 19-year Easter cycle were marked by a description of events that pointed to the beginning (or the end) of the cycle as the “resetting of the clock”. At the same time, the investigation of his using the 28/84-year cycle suggests how he used this date to pinpoint the importance of the sacrifice of Christ by God-father and the eventual end of the earthly life of Christ. In other words, the study suggests that Gregory attributed various unusual events with eschatological expectations, the second coming of Christ and of the beginning of the Millennial kingdom to the beginning of the 19-year cycle (with epact 0), and he assigned the story that metaphorically reminded of Jesus’ incarnation, sacrifice, and resurrection to the end of the 28-year cycle. In a sense, therefore, in his approach, the 28-year, solar, calendar (the metaphor of the coming light) was that of the beginning of the Christian time, whereas the 19-year, lunar, calendar (the metaphor of the coming of darkness) was that of the end of times.

REFERENCES

1. Darby, P. (2016) *Bede and the End of Time*. Farnham: Ashgate.
2. Darby, P. (2018) Apocalypse and Reform in Bede’s *De die iudicii*. In: Gabriele, M. & Palmer, J.T. (eds) *Apocalypse and Reform from Late Antiquity to the Middle Ages*. Abingdon, Oxon.
3. Mac Carron, M. (2014) Christology and the future in Bede’s *Annus Domini*. In: Darby, P. & Wallis, F. (eds) *Bede and the Future*. Burlington: Ashgate. pp. 161–179.
4. Mac Carron, M. (2015) Bede, Irish computistica and *Annus Mundi*. *Early Medieval Europe*. 23 (3). pp. 290–307.
5. Nothaft, C.P.E. (2011) *Dating the Passion: the Life of Jesus and the Emergence of Scientific Chronology (200–1600)*. Leiden: Brill.
6. Palmer, J.T. (2014) The ends and futures of Bede’s *De temporum ratione*. In: Darby, P. & Wallis, F. (eds) *Bede and the Future*. Burlington: Ashgate. pp. 139–160. (Studies in Early Medieval Britain and Ireland).
7. Wallis, F. & Darby, P. (eds) (2016) *Bede and the Future*. Burlington: Ashgate, (Studies in Early Medieval Britain and Ireland).
8. Wallis, F. (2016) Why Did Bede Write A commentary on Revelation? In: Darby, P. & Wallis, F. (eds) *Bede and the Future*. Farnham: Ashgate. pp. 3–45.
9. Warntjes, I. (2016) Computus as scientific thought in Ireland and the early medieval West. In: Flechner, R. & Meeder, S. (eds) *The Irish in Early Medieval Europe: Identity, Culture and Religion*. London: Palgrave.
10. Warntjes, I. (2020) The mechanics of lunar calendars and the modes of calculating Easter, AD 400–1100: contexts and perspectives. In: *La conoscenza scientifica nell’alto medioevo*. Spoleto: Centro italiano di studi sull’alto medioevo.
11. Warntjes, I. (2020) The origins of the medieval calendar tradition in the Latin West. In: Stern, S. (ed.) *Calendars in the making: the origins of late antique and medieval calendars*. Leiden/Boston: Brill.
12. Warntjes, I. (2010) A newly discovered prologue of AD 699 to the Easter table of Victorius of Aquitaine in an unknown Sirmond manuscript. *Peritia*. 21. pp. 254–283.
13. Warntjes, I. (2011) The Computus Cottonianus of AD 689: A computistical formulary written for Willibrord’s Frisian mission. *The Easter Controversy of Late Antiquity and the Early Middle Ages: its manuscripts, texts, and tables*. Proceedings of the 2nd International Conference on the Science of Computus in Ireland and Europe, Galway, 18–20 July 2008. pp. 173–212.
14. Warntjes, I. (2007) The Munich Computus and the 84 (14)-year Easter reckoning. *Proceedings of the Royal Irish Academy*. 107C. pp. 31–85.
15. Warntjes, I. (2010) *The Munich Computus: Text and Translation. Irish computistics between Isidore of Seville and the Venerable Bede and its reception in Carolingian times*. Stuttgart: Steiner. (Sudhoffs Archiv, Beihefte; 59).
16. Warntjes, I. (2015) Victorius vs. Dionysius: the Irish Easter controversy of AD 689. In: Moran, P. & Warntjes, I. (eds) *Early medieval Ireland and Europe: chronology, contacts, scholarship*. Turnhout. pp. 40–96.
17. Warntjes, I. (2018) The Final Countdown and the Reform of the Liturgical Calendar in the early Middle Ages. In: Gabriele, M. & Palmer, J.T. (eds) *Apocalypse and Reform from Late Antiquity to the Middle Ages*. Routledge. pp. 51–75.
18. Heinzelmann, M. (1994) *Gregor von Tours (538–594), “Zehn Bücher Geschichte”: Historiographie und Gesellschaftskonzept in 6 Jahrhundert*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
19. Goffart, W. (1988) *The narrators of barbarian history (AD 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon*. Princeton: Princeton University Press.
20. Savukov, V.D. (ed.) (1987) *Grigoriy Turskiy. Istoriya frankov* [Gregory of Tours. The history of Franks]. Moscow: Nauka.
21. Wacholder, B.Z. (1968) Biblical Chronology in the Hellenistic World Chronicles. *The Harvard Theological Review*. 61 (3). pp. 451–452.
22. Kuzenkov, P.V. (2014) *Khristianskie khronologicheskie sistemy: Istoriya letoischneniya v svyatootecheskoy i vostochnokhristianskoy traditsii* [Christian Chronological Systems: A History of Chronology in the Patristic and Eastern Christian Traditions]. Moscow: Russkiy izdatel’skiy tsentr imeni sv. Vasiliya Velikogo.
23. Bickerman, E. (1980) *Chronology of the Ancient World*. 2nd ed. Ithaca: Cornell University Press.
24. Grumel, V. (1958) *La chronologie*. T. 1. Paris: Presses Universitaires de France.

25. Fokkelman, J.P. (1989) Time and structure of the Abraham cycle. In: Mulder, M.J. & van der Woude, A.S. (eds) *New avenues in the study of the Old Testament*: A collection of Old Testament studies, published on the occasion of the fiftieth anniversary of the Oudtestamentisch Werkgezelschap and the retirement of prof. Dr. M.J. Mulder. Leiden: E.J. Brill. pp. 96–109. (Oudtestamentische studiën; 25).
26. Declercq, G. (2000) *Anno Domini: The origins of the Christian era*. Turnhout: Brepols.
27. Mosshammer, A.A. (2008) *The Easter computus and the origins of the Christian era*. Oxford: Oxford University Press. (Oxford early Christian studies).
28. Brent, A. (1995) *Hippolytus and the Roman Church in the Third Century: Communities in Tension before the emergence of the Monarch-Bishop*. Leiden: Brill.
29. Jones, C.W. (1943) *Bedae opera de temporibus*. Cambridge, MA: Medieval Academy of America. (Publication of the Mediaeval Academy of America; 41).
30. Richard, M. (1950) Comput et chronographie chez saint Hippolite. *Mélange de Science Religieuse*. 7. pp. 237–268.
31. Richard, M. (1951) Comput et chronographie chez saint Hippolite. *Mélange de Science Religieuse*. 8. pp. 19–50.
32. Richard, M. (1966) Notes sur les comput de cent-douze ans. *Revue des études byzantines*. 24. pp. 257–277.
33. Richard, M. (1974) Le comput pascal par octaétéris. *Le Museon*. 87.
34. Blackburn, B.J. & Holford-Strevens, L. (1999) *The Oxford companion to the year*. Oxford; New York: Oxford University Press.
35. Schwartz, E. (1905) *Christliche und jüdische Ostertafeln*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung.
36. Neugebauer, O. (1979) *Sitzungsberichte der österreichischen Akademie der Wissenschaften*. Bd. 347. Ethiopic Astronomy and Computus. Wien: österreichischen Akademie der Wissenschaften.
37. von Helm, R. (ed.) (1956) *Eusebii Caesariensis. Eusebii, Hieronymi chronicon*. Berlin, (Die Griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte).
38. Wallis, F. (1999) Preface. In: Bede. *The reckoning of time*. Liverpool: Liverpool University Press. pp. xxxiv–lxiii.
39. Dailey, E. (2015) *Queens, Consorts, Concubines: Gregory of Tours and Women of the Merovingian Elite*. Leiden: Brill. (Mnemosyne, Supplements, Late Antique Literature).
40. Ó Cróinín, D. (1988) The ‘lost’ Irish 84-Year Easter Table rediscovered. *Peritia*. 6/7. pp. 227–242.
41. Krusch, B. (1880) *Studien zur christlich-mittelalterlichen Chronologie: Der 84-jährige Osterzyklus und seine Quellen*. Leipzig.
42. McCarthy, B. (1901) *The Annals of Ulster*. Vol. 4. Dublin.
43. Strobel, A. (1977) *Ursprung und Geschichte des frühchristlichen Osterkalenders*. Berlin: Akademie-Verlag.
44. Krusch, B. (1937) *Studien zur christlich-mittelalterlichen Chronologie: Die Entstehung unserer heutigen Zeitrechnung*. Berlin: Akademie der Wissenschaften. (Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Jahrgang Phil.-hist. klasse. Nr. 8).
45. Walsh, M. & Ó Cróinín, D. (1988) *Cummian's letter De controversia paschali and the De ratione computandi*. T. 86. Toronto. (Studies and texts).
46. McCarthy, D.P. & Breen, A. (eds) (2003) Anatolius of Laodicea. De ratione paschali. In: *The ante-Nicene Christian Pasch De ratione paschali: The Paschal tract of Anatolius, bishop of Laodicea*. Dublin.
47. Bergmann, W.S. (1987) Gregor von Tours und der ‘rote Sirius’. *Francia*. 15. pp. 43–74.
48. McCluskey, S.C. (1998) *Astronomies and cultures in early medieval Europe*. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press.
49. Halfond, G. (2012) Sis Quoque Catholicis Religionis Apex: The Ecclesiastical Patronage of Chilperic i and Fredegund. *Church History*. 81 (1). pp. 48–76.
50. Stern, S. (2001) *Calendar and Community: A History of the Jewish Calendar, Second Century BCE – Tenth Century CE*. Oxford: Oxford University Press.
51. Landes, R. (1988) Lest the Millennium Be Fulfilled: Apocalyptic Expectations and the Pattern of Western Chronography, 100–800 C. E. In: Verbeke, W. (ed.) *The Use and Abuse of Eschatology in the Middle Ages*. Louvain: University of Louvain. pp. 141–211.
52. Landes, R. (1992) “Millenarismus absconditus”: L’historiographie augustinienne et le millénarisme du haut Moyen Age jusqu’à l’an Mil. *Le Moyen Age*. 98 (3/4). pp. 355–377.
53. Landes, R. (1993) Sur la traces du Millenium: la “via negativa”. *Le Moyen Age*. 99 (1). pp. 5–26.

Received: 18 April 2020

ПРАВО

УДК 342.731

А.В. Безруков, И.С. Иксанов, А.А. Исаева

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Исследуются регулирование миграционных процессов в законодательстве России и Европейского союза. Отдельно рассмотрены взаимоотношения соответствующих стран по вопросам совместного регулирования миграционной политики и практики его применения. Авторы пришли к выводу, что в исследуемых странах реализуются разные модели миграционной политики.

Ключевые слова: миграционная политика; реадмиссия; миграционная стратегия; легальная миграция; нелегальная миграция; свобода перемещения.

Введение

Правовое регулирование и реализация миграционной политики являются весьма актуальными сферами общественных отношений как в России, так и в государствах Европейского союза (ЕС). В Европе вопросы проведения миграционной политики доминировали в ходе проведения кампании Брексита (англ. Brexit) и сыграли немаловажную роль на выборах во Франции, Германии и Венгрии в 2017 г. Политика стран Европы все больше нацелена на укрепление государственных границ, а потому положения Шенгенского соглашения неоднократно ставились под сомнение. Более того, национализм, который, как считалось, ушел в историю и был заменен идеями глобализации, понемногу возрождается. Описываемые процессы происходят на фоне притока мигрантов в европейские страны. Данные, представленные французским демографом Ф. Эраном, показывают, что с 2014 г. Европа обогнала США и стала наиболее популярным направлением миграции [1. С. 340]. Однако мигранты вызывают озабоченность у жителей европейских стран, и в результате антиэмиграционная позиция стала для политических лидеров удобным способом завоевать всеобщее одобрение. Основную озабоченность вызывает количество мигрантов, их культурное и религиозное разнообразие, а также предполагаемый дисбаланс, который они могут привести в социальную и экономическую структуру принимающих их стран.

В свою очередь в России миграционная политика нередко становится предметом ожесточенных дискуссий. В нашей стране имеется богатый опыт регулирования миграции, однако в последние десятилетия в связи с распадом Советского Союза и происшедшими в стране процессами модернизации экономики эти проблемы резко актуализировались. Преобразование межреспубликанских миграционных потоков в международные вследствие распада единого Советского государства способствовало превращению России в крупнейший мировой иммиграционный центр [2. С. 40–46], что выявило ряд проблем. В частности, вопросы адаптации и интеграции мигрантов в российское общество, повышения эффективности и обоснованности механизма получения разрешений на работу, оптимизации распределения мигрантов на территории России и многие другие [3. С. 35–38].

Таким образом, очевидно, что ЕС и Россия имеют как общие проблемы в вопросах миграции, так и некоторые различия. С целью повышения эффективности правового регулирования и реализации миграционной политики в России важен учет европейского опыта регулирования свободы перемещения. Общие угрозы национальной безопасности России и ЕС способствуют укреплению партнерства. В то же время для ЕС и России характерны три основных различия: проблемы и потребности миграции, типы мигрантов и разные исторические модели миграции. Но наличие общих проблем требует глобального сотрудничества [4. С. 104–110].

Россия хоть и не входит в ЕС, продолжает сохранять развитые отношения с ним, которые имеют большое значение для обеих сторон. Россия нацелена на тесное всестороннее партнерство с Европейским союзом. В основе этого партнерства должны лежать принципы взаимной выгоды, равноправия и уважения. Россия, являясь одним из самых крупных соседей ЕС, активно взаимодействует с его государствами-членами в рамках Организации Объединенных Наций, Европейской организации по безопасности и сотрудничеству, а также Совета Европы.

Россия стремится к поддержанию постоянного диалога с ЕС о проблемах политики в современном мире. Юридической основой отношений России и ЕС выступает Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, подписанное в июне 1994 г., которое затронуло отношения в самых разных сферах. Оно оказало непосредственное влияние на экономические и политические отношения между Россией и ЕС.

ЕС и Россия – стратегические партнеры [5], которые взаимодействуют по различным направлениям в экономике, культуре, образовании и др. Одной из наиболее приоритетных областей сотрудничества и взаимодействия между РФ и странами ЕС является миграция, что важно для обеспечения безопасности и в основном обусловлено активными контактами между странами, изменениями на рынке труда, а также в социальной и экономической сфере. И хотя в каждом регионе есть свои особенности, можно выделить общие проблемы, с которыми сталкиваются страны при регулировании миграционных отношений, которые решаются скоординированными действиями. Кроме того, произошло обострение проблем, имеющих связь

с незаконной миграцией и увеличением числа беженцев. Это отражает приоритетность сферы миграции. Есть острая потребность в тесном сотрудничестве России и стран ЕС, целью которого является управление миграционными потоками.

Вопросы теории

Понятие «миграция» имеет множество определений. Как наиболее полное некоторые исследователи выделяют то, которое было дано О.Д. Воробьевой. Она под миграцией населения понимает любое перемещение населения в рамках территории, а также перемещение среди внутренних или внешних государственных границ с целью изменения места жительства, что подразумевает под собой смену гражданства или получение разрешения на жительство для образовательных, трудовых и иных целей. При этом, факторы, влияющие на это перемещение, не имеют значения [6. С. 70–77].

Миграция может быть классифицирована по-разному. Выделяют следующие виды: маятниковая миграция, эпизодическая, постоянная и сезонная. В то же время, если делать акцент на географических факторах, то можно выделить региональную, приграничную, маятниковую и транзитную миграцию. По длительности миграция может быть временной, долгосрочной или постоянной. Значение также имеют причины, по которым принимается решение о смене места жительства. Наиболее популярными как для миграции из России в ЕС, так и из ЕС в Россию были и остаются трудовые и личные причины [7. С. 2–6].

Вопросы миграции затрагивают две сферы: политическую и законодательную. Первая касается деятельности органов государственной власти и их должностных лиц в отношении иммигрантов из третьих стран, а вторая – нормативно-правового регулирования статуса мигрантов и их интеграции. Фактически там, где наблюдается реализация либеральной миграционной политики, она сопровождается существенными законодательными ограничениями [8].

Сочетание миграционной политики и соответствующего законодательства, приводит к реализации двух различных политических подходов к миграции: ассимиляции и интеграции. Политика ассимиляции заключается в возможности обретения политических прав мигрантами при условии, что они полностью примут моральные и нормативные основы государства-пребывания. В отличие от гомогенизирующего духа такого подхода интеграционная политика позволяет предоставлять мигрантам гражданство без принуждения их к отказу от своих национальных особенностей.

Основная причина расхождения этих двух практик обращения с мигрантами, в первую очередь, связана с разным способом построения национальных государств. Во-вторых, это текущие демографические, экономические и политические цели, которые переплетаются с доктриной безопасности каждого государства. В частности, те этнические группы, которые образовали государства в процессе отделения от колониальных или имперских держав, выбрали более

терпимую политику интеграции мигрантов в свои общества, избегая навязывания строгих правил ассимиляции приезжим. Напротив, те государства, которые претерпели территориальные сокращения, проводят политику ассимиляции каждого нового иностранца, к которым относятся с большой осторожностью. Это происходит потому, что мигранты вызывают опасения в связи с сепаратистскими тенденциями, наблюдаемыми в различных группах меньшинств.

Представляется, что один из способов примирить два доминирующих представления об иммиграционной политике – выбрать открытую систему социальной интеграции мигрантов, которая признает права на участие в политической жизни, по крайней мере, на уровне местных органов власти. Логика такого подхода направлена на адекватное уравнивание двух, казалось бы, противоположных принципов: равенства и разнообразия, которые являются фундаментальными элементами для разработки структурированной стратегии миграции. Успех такого начинания предполагает изменение менталитета со стороны доминирующих национальных групп в отношении идентификации концепций гражданства и национальности. Это можно сделать с помощью соответствующей образовательной политики.

Регулирование миграционных отношений в России и ЕС

Регулирование отношений России и ЕС в сфере миграционной политики осуществляется на основе множества источников: международных договоров, а также принципов международного права, внутреннего законодательства России и стран ЕС, а также с использованием «дорожных карт».

Начало регулирования миграционных отношений России и ЕС было положено Советским Союзом в 1988 г. с принятия Совместной декларацией об официальных отношениях между Советом экономической взаимопомощи и Европейским экономическим сообществом (ЕЭС). Далее в конце 1989 г. ЕЭС, Союз Советских Социалистических Республик и Евратом подписали договор, определяющий развитие сотрудничества между данными государствами в таких сферах, как торговля, экономика, коммерция. После распада СССР в 1991 г. данное соглашение стало недействительно, и его заменило новое соглашение 1994 г., предполагающее сотрудничество и партнерство между Россией и странами Евросоюза. Стоит отметить, что миграция – один из многих вопросов, который регулирует данное соглашение.

Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, заключенное между РФ и странами ЕС в 1994 г., было направлено на осуществление регулирования сферы миграции, профилактику нелегальных видов деятельности, в том числе возврат нелегальных мигрантов в государства происхождения, регулирование вопросов визовой политики [9. С. 108].

В 2007 г. было заключено Соглашение о реадмиссии, которое также регулирует вопросы незаконной миграции. Это соглашение регулирует прием нелегальных мигрантов обратно в страну их происхожде-

ния. Чтобы повысить эффективность реализации данного соглашения Россией и отдельными странами – членами ЕС, были подписаны двусторонние исполнительные протоколы. Совместным комитетом по реадмиссии были приняты рекомендации, затрагивающие использование соглашения на практике. А с 1 июня 2010 г. реадмиссия также распространяло свое действие на лиц, не имеющих гражданство, а также лиц, имеющих гражданство не РФ или ЕС.

С 2006 г. также распространяют свое действие Правила процедуры оперативного сотрудничества, а также План совместных действий, направленные на сотрудничество и взаимодействие государственных органов РФ и ЕС. В 2011 г. Россией и ЕС были начаты переговоры, касающиеся отношений законной миграции, а также проблем незаконной миграции и торговли людьми.

Россия также принимала попытки об отмене визового режима для российских граждан при поездках в странах РФ, и в 2010 г. со стороны РФ был разработан проект, утверждающий отмену визового режима между РФ и ЕС, но ЕС не дал единого решения по этому вопросу. Сегодня отношения между РФ и Евросоюзом затрагивают все сферы общественной жизни, но все также остро стоит вопрос либерализации визового режима.

В мае 2011 г. было положено начало Миграционного диалога России и ЕС, предусматривающего обмен мнениями в отношении вопросов легальной и нелегальной миграции. Сегодня проводятся экспертные тематические сессии с целью регулирования данной сферы взаимоотношений [10]. Так, сессия с 12 по 13 февраля 2015 г. была посвящена законной миграции, сессия 4–5 апреля 2018 г. – вопросам противодействия нелегальной миграции, поскольку данные вопросы представляют взаимный интерес. На других встречах затрагивались вопросы международной защиты, миграции и развития [11].

В 2011 г. также был организован Гражданский форум ЕС-Россия, продолжающий свою деятельность, несмотря на значительное изменение положения гражданского общества на территории всей Европы. Закон 2015 г. о «нежелательных организациях» [12] спровоцировал удаление из России большей части иностранных грантодателей и также привел к уходу некоторых международных партнеров. Форум рассматривает не только функционирование гражданского общества, но также и вопросы, касающиеся изменения климата, миграции и интеграции, устойчивого развития, защиты данных, безопасности и дезинформации. Общей целью Гражданского форума ЕС-Россия является сотрудничество России и ЕС на благо Европы и всего мира [13].

В первую очередь, частое обращение к вопросам миграционной политики ЕС и России обусловлено ростом востребованности всех видов миграции в связи с глобализацией образования, частой сменой работы и сменой места жительства. Помимо этого, влияние оказывает и существующий кризис европейской миграционной политики, который обусловлен трудностями в упорядочении притока населения, недостаточностью самостоятельного обеспечения стабильно-

го экономического роста, а также нехваткой трудовых ресурсов. Не менее значимый фактор – неустойчивость в политике и экономике, напряженность в отношениях России и ЕС. Оба партнера нуждаются в разработке новой стратегии миграционной политики.

Помимо норм международного права роль базиса в стратегических отношениях России и ЕС играют «дорожные карты», утверждение которых произошло в 2005 г. «Дорожные карты» стали началом и стартом для развития данных отношений. Это произошло благодаря формированию единого экономического пространства, правового поля, общей области для обеспечения безопасности, развития образования и науки. Цель создания «дорожных карт» – помощь в создании контактов между людьми, а также содействие в поездках между Россией и ЕС посредством упрощения процедуры пересечения границ и пребывания на территориях стран. Помимо этого, целью создания было и совместное сопротивление незаконной миграции.

В «дорожной карте» рассматриваются и вопросы трудовой миграции, и вопросы миграции с целью получения образования. Помимо этого, «дорожная карта» способствует обмену молодыми кадрами между Россией и ЕС. Стоит отметить, что данный документ носит не обязательный, а рекомендательный характер. «Дорожные карты» должны стать основой для нормативной базы. Ситуация усложняется тем, что меры, изложенные в «дорожных картах», носят общий характер, отсутствует контрольный механизм и точный план действий, в отличие от норм международного права.

На национальном уровне в России действуют нормы, регулирующие вопросы миграционных отношений и правового статуса иностранных граждан в России. Это, в частности, Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации». Кроме того, в качестве стратегического акта указом Президента РФ была утверждена Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. [14]. Она определяет цели, принципы, задачи и основные направления государственной миграционной политики России до 2025 г. В ней учтены практика регулирования миграционных процессов и современное понимание национальных и глобальных проблем миграции.

Совершенствование национальной миграционной политики имеет существенное значение для России. Привлечение высококвалифицированных специалистов из других стран может сделать отечественную экономику более конкурентоспособной, улучшить демографическую ситуацию.

Выводы

Сегодня ЕС и Россия сталкиваются с проблемами экономического развития, сокращения населения, прав человека, а также с угрозами национальной безопасности. В то же время есть разные подходы к пра-

вовому регулированию миграции в ЕС и Россией. Во-первых, ЕС находится в разгаре кризиса беженцев (из-за войны в Сирии и других государств, расположенных в Африке и на Ближнем Востоке) и испытал террористические атаки, совершенные мигрантами («кризис террора»). Россия же рассматривает миграцию под другим углом: дефицит рабочей силы. Во-вторых, для ЕС и России характерны разные типы мигрантов. В результате «кризиса террора» в ЕС большее количество беженцев от войны и политических беженцев и меньшее количество экономических беженцев. В странах ЕС иммигранты – это натурализованные граждане. В России больше экономических мигрантов из бывших советских республик и из Центральной Азии и меньше военных беженцев из региона Ближнего Востока и Северной Африки. В-третьих, у ЕС и России разная история с точки зрения моделей миграции и культурного наследия. Это объясняет разные взгляды России и ЕС на миграцию населения [15].

Анализ внутренних документов России и ЕС, а также совместных договоров и соглашений позволил сделать выводы и выявить проблемы, касающиеся сферы миграционной политики. В большей части взаимодействие России и ЕС в области миграции регулируют рамочные соглашения или документы рекомендательного характера. Они обладают как сильными, так и слабыми сторонами. Несомненно, это регулирование удобно тем, что такие документы легко менять в зависимости от ситуации в политике и экономике. В то же время у государства отсутствуют конкретные меры воздействия для тех, кто не соблюдает положения договоров и соглашений.

Проблема сложности создания документа, устраивающего и Россию и все страны ЕС, присутствует не только в миграционном праве. В целом сложно создать единый механизм регулирования и управления, поскольку для каждой страны характерна своя политическая и экономическая специфика. Так, можно сделать вывод о необходимости создания органов, которые будут заниматься разрешением споров, связанных с данными соглашениями, а также институтов, которые будут разрабатывать дальнейшую стратегию развития отношений России и ЕС.

Решения, принятые Россией и ЕС совместно, необходимо имплементировать в национальное законодательство. Сегодня российские суды часто отка-

зываются от использования положений, утвержденных соглашениями, заключенными между странами Европейского союза и России. До тех пор, пока соглашения между Россией и ЕС остаются рамочными, почти невозможно отстоять прямое действие отдельных положений в суде ЕС [16. С. 142–150].

Есть ряд серьезных проблем, затрудняющих регулирование миграции. К ним можно отнести как слабую правовую базу и несовершенство законодательства, так и несостоятельность единообразного понятийного аппарата. Ученые и исследователи предлагают новые проекты Соглашения о партнерстве и сотрудничестве России и ЕС, фундаментом которых выступают принципы четырех пространств, представленных в «дорожных картах». В ходе взаимодействия Россия и ЕС должны оценивать внутренние институциональные возможности друг друга и знать о существующих ограничениях. Чтобы сотрудничество между Россией и ЕС было эффективно, важно наладить алгоритмы принятия решений, дать определение юридическому статусу этих решений и начать использование единого механизма контроля исполнения решений, принимаемых на каждом этапе.

В современном мире в отношении миграции есть ряд стереотипов, которые не всегда верны. Среднее количество международных мигрантов во всем мире стабильно на протяжении нескольких десятилетий и процессы международной миграции закономерны. Миграция часто характеризует экономическую, социальную и культурную эффективность общества. Также миграцию часто обсуждают в контексте кризиса или угрозы, требующей ответа. Это усложняет решение вопросов, связанных с приемом, адаптацией и интеграцией мигрантов. Единый рынок труда существует, а свобода передвижения мигрантов между национальными государствами является частью политической реальности, в которой крупные проекты реинтеграции часто противоречат практике регулирования миграционной политики. Понимание миграции как «угрозы» национальной безопасности мешает экономическому развитию и не дает решить ряд системных проблем. Несмотря на различия в сфере регулирования миграционных процессов в России и ЕС, накопленный опыт разработки миграционной политики может помочь в разработке новой парадигмы миграционной политики, которая была бы эффективной, гуманной и безопасной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hérán F. Avec l'immigration. Paris : La Découverte, coll., 2017.
2. Батищева Г.А., Маслова Н.П., Хандога С.А. Статистический анализ и моделирование иммиграционных потоков в Россию // Учет и статистика. 2014. № 3 (35).
3. Забавка В.И. Конституционно-правовые механизмы реализации государственной миграционной политики в российской федерации и пути ее совершенствования // Международный журнал конституционного и государственного права. 2020. № 2.
4. Malfait M. Russia's and EU's migration challenges in 2019: comparative analysis // Comparative Politics Russia. 2020. № 11 (1).
5. Европейский Союз и Россия: близкие соседи, игроки на мировой арене, стратегические партнеры. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu_russia_ru.pdf (дата обращения: 06.12.2020).
6. Евтушенко В.И. Миграция: критерии понятия // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 4.
7. Пухова М.М., Дорошина И.П., Ходжаева И.Г. Теоретические основы миграции // Транспортное дело России. 2013. № 6-2.
8. Αποστόλος Μ., Γεωργίου Α. Η ΜΕΤΑΝΑΣΤΕΥΣΗ ΩΣ ΠΡΟΚΛΗΣΗ ΓΙΑ ΤΗΝ Ε.Ε ΤΟΥ 21ΟΥ ΑΙΩΝΑ. URL: https://www.academia.edu/1077494/Immigration_as_a_Challenge_for_Europe_2020 (дата обращения: 06.02.2020).
9. Итоговый доклад о миграционной ситуации, результатах и основных направлениях деятельности Федеральной миграционной службы за 2015 год / ФМС. М., 2016.
10. IOM World Migration Report 2020. URL: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2020> (дата обращения: 06.12.2020).
11. Миграционные проблемы в Европе и пути их решения / [под ред. Н.Б. Кондратьевой, О.Ю. Потемкиной]. М. : Ин-т Европы РАН, 2015.

12. Федеральный закон Российской Федерации от 23.05.2015 № 129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 111.
13. Стратегия Гражданского Форума ЕС-Россия 2020–2025 (Принята 27.03.2020). URL: <https://eu-russia-csf.org/ru/strategija-foruma-2020-2025/> (дата обращения: 06.12.2020).
14. Указ Президента РФ от 31 октября 2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201810310046> (дата обращения: 06.12.2020).
15. United Nations – International Migration Report 2017. Highlights. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017_Highlights.pdf (дата обращения: 06.12.2020).
16. Калининченко П.А. Применение права ЕС российскими судами в условиях избирательного взаимодействия между Россией и ЕС // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 142–150.

Статья представлена научной редакцией «Право» 25 декабря 2020 г.

Legal Framework for Migration Policy in Russia and the European Union

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 225–230.

DOI: 10.17223/15617793/467/27

Andrey V. Bezrukov, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation); Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation); South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: abezrukov@bk.ru

Ilya S. Iksanov, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: isi-ur@mail.ru

Anastasia A. Isaeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tess@mail2000.ru

Keywords: migration policy; readmission; migration strategy; legal migration; illegal migration; freedom of movement.

In this study, the authors address the problem of the role of legal regulation of migration processes in the framework of strategic cooperation between the Russian Federation and the European Union. The authors focus the content of migration policy, the system of sources of its legal regulation, and the specifics of its practical implementation in Russia at the present stage of development. The aim of this article is to identify the main directions and legal regulators of state migration policy in the framework of cooperation between Russia and the European Union. The relationship between the implemented migration policy and the restrictions imposed by the states in this area is determined. The study is based on the theoretical material of the works of Russian (I.P. Doroshina, V.I. Evtushenko, V.I. Zabavka, M.M. Pukhova, I.G. Khodzhaeva, and others) and foreign (M. Malfe, A. Mandralis, F. Eran, and others) researchers. International agreements, Russian federal sources of law (federal legislation and acts of individual authorities), reports of Russian and foreign organizations were also used. The methodological basis of the research was the dialectical, comparative legal, and formal legal methods. In particular, the use of the dialectical method contributed to the study of the legislation regulating the migration policy in Russia in its formation and development. The use of comparative legal and formal legal methods helped to identify trends in the establishment and development of partnerships in the field of migration policy in Russia and the European Union, as well as the prospects for the use of certain legal instruments in Russia. As a result, the authors came to the conclusion that today both Russia and the European Union are faced with various socio-economic problems and threats to national security; therefore, they implement different models of migration policy. The analysis of internal documents of Russia and the European Union, as well as joint treaties and agreements, made it possible to draw conclusions and identify problems related to the sphere of migration policy. For the most part, the countries' interaction in the field of migration is governed by framework agreements or recommendatory documents. Undoubtedly, such regulation is convenient because such documents are easy to change depending on the political and economic situation, but, at the same time, the countries do not have specific measures to influence those who do not comply with the provisions of the agreements.

REFERENCES

1. Hérán, F. (2017) *Avec l'immigration*. Paris: La Découverte, coll.
2. Batishcheva, G.A., Maslova, N.P. & Khandoga, S.A. (2014) Statisticheskiy analiz i modelirovanie immigratsionnykh potokov v Rossiyu [Statistical analysis and modeling of immigration flows to Russia]. *Uchet i statistika*. 3 (35).
3. Zabavka, V.I. (2020) Konstitutsionno-pravovye mekhanizmy realizatsii gosudarstvennoy migratsionnoy politiki v rossiyskoy federatsii i puti ee sovershenstvovaniya [Constitutional and legal mechanisms for the implementation of state migration policy in the Russian Federation and ways to improve it]. *Mezhdunarodnyy zhurnal konstitutsionnogo i gosudarstvennogo prava – International Journal of Constitutional and State Law*. 2.
4. Malfait, M. (2020) Russia's and EU's migration challenges in 2019: comparative analysis. *Comparative Politics Russia*. 11(1).
5. European Commission. (2007) *Evropeyskiy Soyuz i Rossiya: blizkie sosed, igroki na mirovoy arene, strategicheskie partnery* [European Union and Russia: close neighbors, players on the world stage, strategic partners]. [Online] Available from: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu_russia_ru.pdf (Accessed: 06.12.2020).
6. Evtushenko, V.I. (2011) Migratsiya: kriterii ponyatiya [Migration: criteria of the concept]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 4.
7. Pukhova, M.M., Doroshina, I.P. & Khodzhaeva, I.G. (2013) Teoreticheskie osnovy migratsii [Theoretical Foundations of Migration]. *Transportnoe delo Rossii*. 6–2.
8. Apostolos, M. & Georgios, A. (2020) *Immigration as a Challenge for Europe 2020*. [Online] Available from: https://www.academia.edu/1077494/Immigration_as_a_Challenge_for_Europe_2020 (Accessed: 06.02.2020). (In Greek).
9. RF Federal Migration Service. (2016) *Itogovyy doklad o migratsionnoy situatsii, rezul'tatakh i osnovnykh napravleniyakh deyatel'nosti Federal'noy migratsionnoy sluzhby za 2015 god* [Final report on the migration situation, results and main activities of the Federal Migration Service for 2015]. Moscow: Federal Migration Service.
10. IOM. (2020) *IOM World Migration Report 2020*. [Online] Available from: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2020> (Accessed: 06.12.2020).
11. Kondrat'eva, N.B. & Potemkina, O.Yu. (eds) (2015) *Migratsionnye problemy v Evrope i puti ikh resheniya* [Migration problems in Europe and ways to solve them]. Moscow: Institute of Europe, RAS.
12. *Rossiyskaya gazeta*. (2015) Federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 23.05.2015 №129-FZ “O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law of the Russian Federation of May 23, 2015, No. 129-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”]. 26 May. 111.

13. EU-Russia Civil Society Forum. (2020) *Strategiya Grazhdanskogo Foruma ES-Rossiya 2020–2025 (Prinyata 27.03.2020)* [The EU-Russia Civil Society Forum Strategy for 2020–2025 (Adopted on 27 March 2020)]. [Online] Available from: <https://eu-russia-csf.org/ru/strategija-foruma-2020-2025/> (Accessed: 06.12.2020).
14. RF. (2018) *Ukaz Prezidenta RF ot 31 oktyabrya 2018 № 622 “O Kontseptsii gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na 2019–2025 gody”* [Decree of the President of the Russian Federation of October 31, 2018, No. 622 “On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025”]. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201810310046> (Accessed: 06.12.2020).
15. United Nations. (2017) *International Migration Report 2017. Highlights*. [Online] Available from: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017_Highlights.pdf (Accessed: 06.12.2020).
16. Kalinichenko, P.A. (2020) Application of the EU Law in Russian Courts in the Conditions of the Selective Interaction between Russia and the EU. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 1. pp. 142–150. (In Russian).

Received: 25 December 2020

И.А. Белецкий, В.Н. Борков

КВАЛИФИКАЦИЯ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ В ВИДЕ СКИДКИ НА ТОВАРЫ, РАБОТЫ ИЛИ УСЛУГИ

Исследуются две актуальные и взаимосвязанные проблемы противодействия получению взятки в виде скидки на товары, работы или услуги, которые заключаются в определении момента окончания данного преступления, а также суммы взятки. Подчеркивается межотраслевой характер организации борьбы и юридической оценки получения взятки в виде предоставленной скидки, когда на уголовно-правовую квалификацию могут повлиять тактические особенности оперативно-розыскного выявления и пресечения данного посягательства.

Ключевые слова: получение взятки; выгоды имущественного характера; скидка на товары.

Не вызывает сомнения, что предоставление скидки на товары, работы или услуги за совершение действий (бездействий) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать указанным действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе образует состав преступления, предусмотренный ст. 290 УК РФ. Усматривая признаки преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, в предоставлении должностному лицу скидки за действия (бездействие), вытекающие из его служебного положения, важно определить, что является в данном случае предметом взятки. Без разрешения этого вопроса прояснить особенности объективной стороны посягательства невозможно. Несмотря на то что правовая природа скидки имеет цивилистический характер (в меньшей степени – налоговый), по нашему мнению, попытка положить ее в полном объеме в уголовно-правовое русло – есть задача, решение которой обязательно заведет в тупик. Уже устоявшееся мнение о том, что некоторые отраслевые термины могут пониматься по-своему в уголовном праве, справедливо и для рассматриваемого нами случая. Действительно, для возможной оценки деяния коррумпированного чиновника как получение взятки не должно иметь решающего значения то, является ли предоставление скидки на товары, работы или услуги соглашением об изменении цены уже заключенного договора, или согласованием цены при направлении оферты, или же вообще прощением части долга. Очевидно, что при любом понимании скидки речь ведется о получении должностным лицом «имущественной выгоды» – термин, который сначала был указан в диспозиции ч. 1 ст. 290 УК РФ, а в настоящее время упоминается в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (далее – Постановление Пленума № 24) в контексте уточнения понятия «услуг имущественного характера». При этом скидка может предоставляться как путем выдачи скидочной карты или внесения сведений о взяткополучателе в клиентскую базу взяткодателя, так и путем достижения устной договоренности, что еще больше усложняет возможность реализации уголовной ответственности.

По справедливому замечанию П.С. Яни, к выгодам имущественного характера как предмету взятки следует относить, к примеру, прощение долга либо исполнение за взяткополучателя имущественных обязательств [1. С. 18]. Характеризуя действия имущественного характера, Д.Н. Тишин предлагает понимать под ними «любые виды производства работ, оказания услуг, передачу имущества или права на имущество и т.п., например, уплата долга, штрафа, ремонт автомашины без соответствующей оплаты, временное пользование имуществом, прощение долга, занижение стоимости продаваемого имущества» [2. С. 14–15].

Так, по уголовному делу в отношении Д. Захарченко «следствием и судом установлено, что обвиняемый и его соучастник за общее покровительство потребовали от предпринимателя 50-процентную скидочную карту сети ресторанов. Используя полученную от предпринимателя карту, Захарченко сэкономил более 3 млн рублей при оплате счетов в этих ресторанах, которые посещал регулярно. В среднем счет за одно посещение заведения составлял порядка 80 тысяч рублей, соответственно Захарченко получал скидку в 40 тысяч рублей. В одном случае пятидесятипроцентная скидка в ресторане достигла 135 тысяч рублей. Все это являлось взяткой в виде незаконных услуг имущественного характера» [3].

В указанном деле судебная коллегия отметила, «что по смыслу положений уголовного закона (ст. 290 УК РФ) ответственность за получение взятки в виде оказания услуг имущественного характера не ставится в зависимость от личного участия лица в принятии имущественной выгоды, т.е. непосредственно “из рук в руки”, а допускает возможность только лишь согласия такого должностного лица на приобретение имущественной выгоды, в том числе и в пользу третьих лиц, при наличии у взяткополучателя перед ними обязательств. При таких обстоятельствах, для наличия указанного состава преступления в действиях Захарченко достаточно установления факта предоставления ему услуги имущественного характера и **начала выполнения с его согласия действий, непосредственно направленных на приобретение имущественной выгоды** (выделено нами. – И.Б., В.Б.), что, как уже было указано выше, возможно и без его личного участия. Учитывая, что с согласия Захарченко оказание услуг имущественного характера в виде предоставле-

ния скидки было выполнено, то данное преступление является оконченным. Размер полученной Захарченко имущественной выгоды установлен судом и составил 2 949 754 рублей» [4]. Незаконные услуги имущественного характера в указанном примере были выражены в имущественной выгоде, что следует из п. 9 постановления Пленума № 24.

По нашему мнению, наиболее сложный и актуальный вопрос касается момента окончания такого преступления. Сложность определения момента окончания получения взятки в виде скидки на товары, работы, услуги заключается в особенности денежной оценки этой разновидности незаконно полученной услуги имущественного характера. Законодатель дифференцировал ответственность за взятничество в зависимости от размера подкупа, а Пленум Верховного Суда Российской Федерации указал, что переданное в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа имущество, оказанные услуги имущественного характера или предоставленные имущественные права должны получить денежную оценку на основании представленных сторонами доказательств, в том числе при необходимости с учетом заключения эксперта.

Можно предположить, что в деле Захарченко правоохранительные органы провели ретроспективный анализ преступной деятельности подсудимого и установили, что на момент выявления преступления Захарченко уже получил услуги имущественного характера в указанном размере. Но какую правовую оценку должен дать орган, которому стало известно о факте передачи в качестве взятки услуги имущественного характера в виде предложенной скидки на товары, работы или услуги, которой взяткополучатель не успел воспользоваться? Само по себе получение чиновником скидки от лица, заинтересованного в его служебном поведении, не всегда может оцениваться как оконченное преступление, а в некоторых случаях не свидетельствует о намерении пользоваться привилегией. Устанавливать направленность умысла должностного лица следует путем проведения оперативно-розыскных мероприятий. «Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации... разрешение разных задач оперативно-розыскной деятельности – с учетом того что сами результаты оперативно-розыскных мероприятий, как содержащие, конкретизирующие или подтверждающие сведения о признаках противоправного деяния либо о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, могут давать основания для дальнейшего проведения таких мероприятий – не исключает проведения новых оперативно-розыскных мероприятий, в том числе повторно, с тем чтобы предупредить или пресечь выявленное преступление, раскрыть уже совершенное преступление либо сначала установить виновных, а затем предупредить, пресечь или раскрыть их деяние» [5]. Таким образом, оперативно-розыскные мероприятия в отношении должностного лица, получившего скидку, будут иметь целью установление у него умысла на извлечение незаконной имущественной выгоды в результате ее использования, об этом будут убедительно свидетельствовать соответствующие

факты, и выяснение в ходе контролируемого преступления характера совершаемых или предполагаемых действий по службе в интересах лица, предоставившего такую услугу имущественного характера.

Заметим, высшая судебная инстанция не связывает продолжаемое взятничество со стремлением к достижению какой-то определенной цели. Если в результате ряда эпизодов принятия ценностей, образующих продолжаемое преступление, «...общая стоимость полученных должностным лицом имущества, имущественных прав, услуг имущественного характера превышает двадцать пять тысяч рублей, сто пятьдесят тысяч рублей либо один миллион рублей, то содеянное может быть квалифицировано как получение взятки соответственно в значительном, крупном либо особо крупном размере...» [5]. В.В. Векленко отмечает, что продолжаемое преступление «...объединено единой целью, достижение которой выступает в качестве обязательного условия окончания преступления» [6. С. 126]. Рассматривая данную позицию как небесспорную и допуская, что продолжаемое преступление, подобно длящемуся, может продолжаться неопределенное время, а его цель может состоять в систематическом и неограниченном во времени извлечении имущественной выгоды, мы все же не исключаем наличие у взяткополучателя конкретной цели при использовании скидки. Если такая цель будет установлена и доказана, но субъект ее не достиг, то в случаях, когда цель состояла в получении значительного, крупного и особо крупного размера, а фактически имущественная выгода была получена в меньшем размере, действия должностного лица нужно квалифицировать как оконченное получение взятки, предусмотренное частью, соответствующей цели виновного.

Следует, однако, отметить, что квалификация деяний виновного с учетом направленности умысла сразу теряет свою практическую ценность, как только взяткополучатель заявит о том, что у него не было умысла «сэкономить» конкретную сумму. При неопределенном умысле, как известно, деяние получает уголовно-правовую оценку по фактически наступившим последствиям, а «размер преступления» определяется по фактически причиненному ущербу (сумме сбереженного имущества). Поскольку получение взятки является преступлением с формальным составом, то *de jure* нет оснований не возбуждать уголовное дело – взятка получена, *de facto* – определение размера взятки является трудноразрешимой задачей. В этом заключается особенность скидки как разновидности взятки, которая заключается в том, что в момент передачи скидочной карты или достижения соглашения о ее предоставлении по общему правилу преступление должно считаться оконченным, однако в исследуемом случае необходимо, чтобы виновный «начал выполнение действий, непосредственно направленных на приобретение имущественной выгоды», после чего правоприменитель сможет оценить размер подкупа и дать верную квалификацию преступного деяния.

Тактика документирования получения взятки в виде скидки на товары, работы или услуги также может быть в большей степени утилитарной и проблем-

ной с позиций теории предупреждения преступлений и теории оперативно-розыскной деятельности. Это заключается в том, что орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, при получении информации о получении взятки в виде скидки не реализует незамедлительно информацию, полученную при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий, а продолжает документировать деятельность взяточполучателя, который пользуется предоставленными ему привилегиями. Но в этой ситуации возникает вполне логичный и резонный вопрос, до каких пор правоприменитель вправе документировать преступную деятельность фигуранта?

Следует учитывать, что в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», ее основными задачами являются выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Иное дело, как пишут авторы учебника по оперативно-розыскной деятельности, когда приходится сталкиваться с субъектом продолжаемых или длящихся преступлений, с теми, у кого антиобщественные взгляды, убеждения и преступные намерения достаточно устойчивы. В этих случаях требуется в максимально короткие сроки не только собрать фактические данные, позволяющие привлечь подозреваемых к ответственности за содеянное, но и не допустить возможности нанесения ущерба [7. С. 248]. Таким образом, можно предположить, что орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, вправе продолжать документировать пользование взяточполучателем скидкой, предоставленной ему, и после того, когда факт ее предоставления стал известен. Фактическое пользование скидкой свидетельствует о «начале выполнения действий, непосредственно направленных на приобретение имущественной выгоды». При этом возможны злоупотребления с целью достижения статистических показателей по выявленным и раскрытым тяжким и особо тяжким преступлениям, когда лицо, осуществляющее оперативно-розыскную деятельность, реализует материал проверки только по достижении определенной суммы взятки (полученной имущественной выгоды). В описанном случае не приходится вести речь о провокации преступления, поскольку субъект оперативно-розыскной деятельности играет пассивную роль, наблюдая за виновным. Умысел на получение взятки в данном случае формируется независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Между тем недопустимо осуществлять оперативно-розыскной контроль за совершаемым преступлением, факт совершения которого уже установлен, только для того, чтобы оно переросло в более тяжкое посягательство.

Еще большую сложность для квалификации представляет деяние взяткодателя, предоставившего скидку на товары, работы или услуги, так как его уголовно-правовая оценка связана с поведением взяточполучателя. Следует признать, что указанная проблема требует самостоятельного исследования. В первом

приближении можно исходить из того, что субъект, предоставивший скидку, соглашается нести ответственность в том размере, в котором взяткодатель сможет сэкономить на приобретении товаров, работ или услуг, до пресечения его противоправной деятельности, если заранее максимальный размер скидки (в абсолютной сумме) не будет оговорен сторонами. Если же субъект предоставил должностному лицу скидку за использование последним своего служебного положения в интересах дающего, а чиновник, вопреки состоявшейся договоренности, ее не использует, действия первого представляют собой покушение на дачу взятки, определить размер которой и, соответственно, дать правильную квалификацию деяния в действующем правовом регулировании весьма затруднительно.

Допуская возможность документирования преступной деятельности должностного лица, получившего скидку, исключительно с целью установления его умысла, мы неизбежно столкнемся с возможностью оценки такого «преступного» поведения, как малозначительного, если, например, в первом задокументированном случае получения скидки выгода должностного лица составит всего несколько сотен рублей. По нашему мнению, необходимо предусмотреть, что в случае, когда взятка получена в размере, не поддающемся установлению на момент выявления преступления, деяния виновных подлежат квалификации по наименее репрессивной статье УК РФ, предусматривающей ответственность за коррупционные преступления. Кроме того, нужно предусмотреть возможность для судьи назначать штраф-наказание не в виде кратной суммы полученной (переданной) взятки, а в фиксированном размере.

Изменения, внесенные 24 декабря 2019 г. в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 24, не разрешают поставленных выше проблем. Высшая судебная инстанция продолжает настаивать на том, что размер взятки должен быть точно установлен, в том числе при помощи экспертного заключения. Вместе с тем следует признать, что *de lege lata* квалификация рассматриваемых противоправных деяний возможна только в случае, когда правоохранительный орган обладает достоверными данными о преступлении уже после сбережения определенной суммы в результате использования скидки или когда в рамках оперативно-розыскных мероприятий будет установлен необходимый ему размер сбереженного имущества. Допустимость осуществления контроля правоохранительных органов за взяточничеством в виде получения должностным лицом скидок не очевидна и может быть оспорена указанием на обязанность пресечения преступлений. Но при этом важно понимать, что оперативная разработка в исследуемых случаях проводится для установления личностей взяткодателя и взяточполучателя, обстоятельств получения скидок и их сумм, а также другой информации, которая в последующем будет использована для доказывания вины коррупционеров. Кроме того, не следует исключать версию оговора должностного лица, добросовестно и принципиально исполняющего свои обязанности, а также возможные попытки устранить конкурирующих бизнес-

менов, представив их взяткодателями. Между тем следует указать на недопустимость затягивания оперативно-розыскных мероприятий и контроля над преступлением в целях создания для разрабатываемого лица условий совершения им более тяжкого посягательства, по размеру взятки, полученной в виде скидок за более продолжительный период времени. Важно понимать,

что особенность выявления и раскрытия исследуемого преступления состоит в том, что проведение негласных мероприятий с целью установления дополнительных обстоятельств преступного деяния способно повлечь за собой рост размера полученной в виде скидки взятки, а следовательно, изменение квалификации и увеличение наказания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яни П.С. Выгоды имущественного характера как предмет взятки // *Законность*. 2009. № 1. С. 17–22.
2. Тишин Д.Н. Соотношение понятий «услуга имущественного характера» и «выгода имущественного характера» как предметов подкупа и взятки // *Человек: преступление и наказание*. 2011. № 2. С. 13–18.
3. Вынесен приговор в отношении Дмитрия Захарченко. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1363940/?print=1> (дата обращения: 18.11.2019).
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 17.10.2019 по делу № 10-17772/19. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/5cc4db28-0b65-4c99-bf87-704a67ab0f0a?respondent=%D0%B7%D0%B0%D1%85%D0%B0%D1%80%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE> (дата обращения: 19.11.2019).
5. Определение Конституционного Суда РФ от 29 января 2019 г. № 75-О // СПС «КонсультантПлюс».
6. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / под ред. В.В. Векленко. М., 2017. 405 с.
7. Оперативно-розыскная деятельность : учебник. 2-е изд., доп. и перераб. / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова, А.Ю. Шумилова. М. : ИНФРА-М, 2004. 848 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 3 марта 2020 г.

Qualification of Receiving a Bribe in the Form of a Discount on Goods, Works, or Services

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 231–234.

DOI: 10.17223/15617793/467/28

Ilya A. Beletsky, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Omsk, Russian Federation). E-mail: abinik@inbox.ru

Viktor N. Borkov, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Omsk, Russian Federation). E-mail: borkovv@mail.ru

Keywords: receiving a bribe; monetized benefits; discount on goods.

The aim of the article is to solve the problem of applying Art. 290 of the Criminal Code of the Russian Federation that provides for liability for receiving a bribe. The problem consists in the fact that the bribe must have a mandatory monetary value, while bribes may be in the form of monetized services or “monetized benefits”, which include the provision of discounts on goods, works, or services. The complexity of the criminal law assessment of this type of violation of law is due to the fact that giving a bribe, on the one hand, is a formal crime and is considered completed at the time of giving a discount; on the other hand, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation requires that bribes receive a monetary value. As a result, the current legal regulation creates a situation in which law enforcers must initiate a criminal case if there is evidence that the discount is granted with the consent of the bribe taker, while they cannot give a monetary value of the bribe until the perpetrator actually takes advantage of the privileges. In this regard, there is a need to most accurately determine the limits of surveilling the defendant’s illegal activities. In the situation under consideration, the body engaged in operational-search activities passively monitors the behavior of the bribe taker, the intent of the latter is formed regardless of the behavior of law enforcement officers, it cannot be recognized as a provocation. The operational-search features of the identification and suppression of this assault, which may affect the criminal law qualification of the relevant act, come to the fore. Guided by a combination of scientific methods such as analysis, induction, deduction, as well as systemic and formal legal, the authors come to the conclusion that the legal principles and the goals of the operational-search activities do not allow surveilling criminal activity to make the offender’s liability “more grave”. Moreover, the current norms of Art. 290 of the Criminal Code of the Russian Federation and explanations of the highest court do not exclude the indicated operational-search abuses but rather create conditions for them. De lege ferenda, the law enforcer, if there is evidence of the intent of the bribe taker to take advantage of the discount and that the discount is granted with their consent or even claim, should be able to stop the criminal activity, initiate criminal proceedings and, without a mandatory monetary assessment of the bribe, hold the offender responsible under the least repressive article of the Criminal Code, and sentence the offender to a fixed amount of a fine.

REFERENCES

1. Yani, P.S. (2009) Vygody imushchestvennogo kharaktera kak predmet vzyatki [Property benefits as a subject of bribe]. *Zakonnost'*. 1. pp. 17–22.
2. Tishin, D.N. (2011) Sootnoshenie ponyatiy “usluga imushchestvennogo kharaktera” i “vygoda imushchestvennogo kharaktera” kak predmetov podkupa i vzyatki [Correlation of the concepts “property service” and “property benefit” as objects of tampering and bribe]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 2 pp. 13–18.
3. RF Investigative Committee. (2019) *Vynesen prigovor v otshenii Dmitriya Zakharchenko* [A verdict was passed for Dmitry Zakharchenko]. [Online] Available from: <https://sledcom.ru/news/item/1363940/?print=1> (Accessed: 18.11.2019)
4. Moscow City Court. (2019) *Apellyatsionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 17.10.2019 po delu № 10-17772/19* [The appeal ruling of the Moscow City Court of 17 October 2019 in Case No. 10-17772/19]. [Online] Available from: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/5cc4db28-0b65-4c99-bf87-704a67ab0f0a?respondent=%D0%B7%D0%B0%D1%85%D0%B0%D1%80%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE> (Accessed: 19.11.2019).
5. Constitutional Court of the Russian Federation. (2019) *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 29 yanvarya 2019 g. № 75-O* [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 29, 2019, No. 75-O]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB002;n=570980>
6. Veklenko, V.V. (ed.) (2017) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': uchebnik dlya vuzov* [Criminal law. The general part: textbook for universities]. Moscow: Yurayt.
7. Goryainov, K.K. et al. (eds) (2004) *Operativno-rozysknaya deyatel'nost': Uchebnik* [Operational-search activities: textbook]. 2nd ed. Moscow: INFRA-M.

Received: 03 March 2020

В.С. Витко

О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «САМОПЛАГИАТ»

Исследуются используемые в научной литературе понятия «самоцитирование» и «самоплагиат». Делается вывод о том, что правила цитирования, содержащиеся в пп. 1 п. 1 ст. 1274 ГК РФ, должны в определенных случаях применяться при цитировании автором собственного произведения. Нарушение правил цитирования произведения лицом, являющимся его автором, нельзя квалифицировать в качестве плагиата (самоплагиата).

Ключевые слова: автор; произведение; цитирование; самоцитирование; плагиат; самоплагиат.

Мой идеал теперь – хозяйка,
Мои желания – покой,
Да щей горшок, да сам большой. [1. С. 203]
А.С. Пушкин «Евгений Онегин». 1830

Жениться? Что ж? Зачем же нет?
И в самом деле? Я устрою
Себе смиренный уголок
И в нем Парашу успокою.
Кровать, два стула, *щей горшок*
Да сам большой?..
Чего же боле? [2. С. 333]
А.С. Пушкин «Медный всадник»,
черновик. 1833

В научной литературе поставлены непростые вопросы, которые до сих пор удовлетворительно не разъяснены ни в доктрине авторского права, ни в судебной практике: 1) должны ли соблюдаться правила о цитировании произведений при воспроизведении собственного произведения в другом своем произведении (самоцитирование); 2) возможно ли квалифицировать цитирование собственного произведения без указания своего авторства в качестве плагиата (самоплагиата)?

Попробуем удовлетворительно разрешить эти вопросы.

Согласно п. 1 ст. 1270 ГК РФ автору произведения или иному правообладателю принадлежит исключительное право использовать произведение в любой форме и любым не противоречащим закону способом. Исключительное право правообладателя, в целях реализации провозглашенной ч. 1 ст. 29 Конституции РФ свободы мысли и слова, заключающейся в предоставлении гражданину права свободно мыслить и свободно выражать свои мысли (чувства, эмоции и т.д.), т.е. свободного обмена мыслями, ограничено, в частности, возможностью свободного использования произведений (ст. 1272–1280 ГК РФ). Одним из таких случаев является использование произведения путем цитирования (пп. 1 п. 1 ст. 1274 ГК РФ).

При этом, как в художественной, так и в научной литературе очень часто встречается цитирование авторами своих произведений, так называемое самоцитирование. Поскольку при формулировании условий цитирования законодатель прямо не указал, должны ли применяться правила пп. 1 п. 1 ст. 1274 ГК РФ при цитировании автором созданного им произведения, то в литературе поставлен вопрос: обязан ли автор при цитировании своего произведения соблюдать правила цитирования? Возникает также другой вопрос, требующий разработки: возможно ли самоцитирование квалифицировать в качестве плагиата («самоплагиата»)?

Начнем с вопроса о том, что следует понимать под понятием «самоцитирование», которое неполно разработано в науке авторского права.

По мнению И.В. Понкина и А.И. Редькиной, самоцитированием является «приведение (помещение) автором в своей новой работе текстовых фрагментов из своих же собственных ранее опубликованных работ» [3. С. 53]. Вполне можно согласиться с такой характеристикой понятия «самоцитирование». В ней, однако, не учтено, что цитированию могут подлежать не только литературные, но и другие виды произведений. Кроме того, несколько темен смысл употребленного авторами слова «приведение» («помещение»).

Придерживаясь представления, что цитирование состоит в использовании произведения другого автора путем воспроизведения или публичного исполнения в целях раскрытия (объяснения, осмысления) мысли автора [4. С. 35], полагаем, что понятие «самоцитирование» можно определить как использование автором своего обнародованного произведения (или его частей) путем воспроизведения или публичного исполнения при создании другого произведения.

Теперь перейдем к вопросу о правилах самоцитирования. В доктрине господствует мнение, что правила цитирования, содержащиеся в пп. 1 п. 1 ст. 1274 ГК РФ, должны применяться при цитировании не только чужих, но, в определенных случаях, и своих произведений.

Так, по мнению Э.П. Гаврилова, «цитирование есть самый распространенный и, пожалуй, самый сложный способ свободного использования чужих произведений» (здесь и далее в цитатах курсив мой. – В.В.) [5. С. 15]. При этом, из слов ученого о том, что «если цитируется произведение, обладателем авторских прав на которое является правообладатель (автор) произведения, в которое включается цитата, то в этом случае правила, ограничивающие цитирование,

не применяются» [5. С. 15], следует заключить, что правила цитирования не применяются при цитировании произведения его автором в том случае, когда автор обладает исключительным правом на это произведение. О том же пишет Н.В. Козлова: «Понятие “цитирование” не ограничивается использованием одним автором произведения, созданного другим автором. Правила, установленные законом, следует применять также в случае самоцитирования, когда при создании одного произведения автор использует другое свое произведение, исключительные права на которое принадлежат иному лицу» [6. С. 47]. Как видим, по мысли исследователей, правила цитирования подлежат применению во всех случаях, кроме цитирования произведения его автором, при условии обладания им исключительным правом на произведение.

Такой взгляд на правила самоцитирования следует поддержать. Цитирование состоит в использовании произведения в смысле ст. 1270 ГК РФ, что требует согласия правообладателя. Поскольку исключительное право на произведение может не принадлежать его автору, то в таком случае автор может использовать собственное произведение либо с согласия правообладателя, либо по праву цитирования (пп. 1 п. 1 ст. 1274 ГК РФ). Тем самым, правила цитирования подлежат применению не только при цитировании чужих произведений, но и при цитировании автором своего произведения в случае, когда ему не принадлежит исключительное право на это произведение. В выводе ученых чрезмерным кажется требование о принадлежности автору не иначе как исключительного права на произведение. Попробуем развить сформированное исследователями положение.

Цитирование является одним из случаев свободно-го использования произведений, т.е. использования произведений путем воспроизведения или публичного исполнения без согласия автора или иного правообладателя при соблюдении ряда условий. В случае когда автор произведения обладает 1) исключительным правом на произведение или 2) правом использования произведения путем воспроизведения или публичного исполнения с согласия правообладателя, ему нет необходимости прибегать к праву цитирования, установленного законом для случая использования произведений без согласия правообладателя.

Из этого можно заключить, что правила цитирования должны применяться при цитировании автором своего произведения в том случае, *когда автор не обладает исключительным правом на произведение или правом использования произведения путем воспроизведения или публичного исполнения.*

Теперь рассмотрим вопрос о том, возможно ли нарушение автором правил пп. 1 п. 1 ст. 1274 ГК РФ при цитировании своего произведения квалифицировать в качестве плагиата (самоплагиата)?

Кажется ясным, что в случае, когда автор цитирует свое произведение, не обладая при этом исключительным правом или правом его использования путем воспроизведения или публичного исполнения, то тем самым он нарушает исключительное право на произведение, принадлежащее другому лицу (п. 1 ст. 1270 ГК РФ). Поэтому вполне можно согласиться с тем,

что «при самоплагиате автор обкрадывает не самого себя, а тот журнал, в котором исходный материал был первоначально опубликован (т.е. нарушает чужие права – как и при плагиате)» [7. С. 7]. При том, конечно, условии, что издатель обладает исключительным правом на произведение или исключительной лицензией, т.е. правом использования произведения без сохранения за лицензиаром права выдачи лицензий другим лицам (пп. 2 п. 1 ст. 1236 ГК РФ). Попутно не лишним будет заметить, что нарушение исключительного права на произведение не является отличительным признаком плагиата.

Если при цитировании собственного произведения автор не указывает имени автора, то тем самым он признает свое авторство на это произведение. При этом, конечно, нельзя упрекнуть автора в «присвоении» им права авторства на цитируемое произведение, поскольку ему как создателю произведения (автору) принадлежит право авторства на это произведение. По мысли законодателя, цитирование является использованием произведения лицами, не обладающими необходимыми правами на произведение: исключительным правом или правом воспроизведения и (или) публичного исполнения, поэтому применять термин «цитирование» в отношении произведения, на которое автор обладает одним из упомянутых прав, не представляется правильным.

Поскольку автору может и не принадлежать право использования своего произведения, что, заметим, встречается не редко, то едва ли можно согласиться во всем с тезисом о том, что «использование понятия “самоплагиат” противоречит самой сути интеллектуального права. Запрет на копирование именно тому лицу, которому принадлежит все права на использование произведения, – абсурдно» [8. С. 94]. Авторы, полагаем, справедливы в одном: в целесообразности отказаться от использования понятия «самоплагиат», содержание которого не согласуется с положениями авторского права, в частности п. 2 ст. 1255, п. 1 ст. 1265 ГК РФ.

Рассмотрим взгляды исследователей на содержание понятия «самоплагиат», на представлении о котором, как нам кажется, наслوилось много неверного и случайного.

Так, И.Д. Котляров, не выдвигая собственного определения, пишет о том, что в научном сообществе под самоплагиатом понимается повторная публикация самим автором значительных по объему и идентичных по форме и содержанию научных текстов без указания на то, что эти тексты уже были опубликованы ранее [7. С. 7]. Этот взгляд разделяет Д.В. Кривин: самоплагиат имеет место быть при повторном использовании автором своей собственной опубликованной или защищенной авторским правом работы или ее части в последующих публикациях без указания ссылки на нее [9]. М.Ю. Чельшев и К.М. Арсланов поддерживают подход, согласно которому под самоплагиатом понимается «самоцитирование без указания собственного авторства» [10. С. 295]. Развернутую дефиницию находим у Е. Гаврилова: самоплагиат – это «недобросовестное повторение автором своего ранее опубликованного произведения науки (моно-

графии, научной статьи и т.п.) или его отдельных частей в другом своем научном произведении, при отсутствии ссылок на ранее опубликованные авторские работы, положения которых заимствуются, либо при наличии ссылок, но в объеме, неоправданном целью цитирования (самоцитирования)» [11. С. 50]. Сразу заметим, что в этом определении вряд ли можно согласиться с тем, что недобросовестность – ключевой квалифицирующий признак самоплагиата [11. С. 50]. Этот признак не может отграничить самоплагиат от других нарушений авторского права, к примеру, от приписывания авторства, принуждения к авторству и подобного, и по этой причине не может быть критерием исследуемого понятия.

Как можно судить, предложенные исследователями характеристики понятия «самоплагиат», по существу, сводятся к указанию двух признаков: 1) повторная публикация (использование) произведения, созданного собственным трудом, в другом своем произведении; 2) представление произведения как нового (без указания своего авторства).

Надо, пожалуй, обратить внимание на то, что такой подход находит поддержку в зарубежной правовой доктрине. Так, П. Сканлон определяет самоплагиат как вид плагиата, когда автор повторно публикует свое произведение полностью или частично использует его при создании нового произведения [12. Р. 57]. Р. Стриферк трактует самоплагиат как использование своей работы без соблюдения правил цитирования [13]. О том же пишет К. Роге, определяя самоплагиат как повторное представление своих произведений или идей без упоминания своего авторства [14]. М. Ройг полагает, что самоплагиат возникает тогда, когда автор повторно использует свое ранее написанное произведение или данные в «новом» произведении, не информируя читателя о том, что оно появлялось ранее. При этом выделяет несколько видов самоплагиата: 1) повторная публикация уже опубликованной статьи без уведомления об этом читателей или издателя журнала; 2) опубликование большого по объему исследования в виде нескольких меньших по объему для увеличения количества публикаций, вместо того чтобы опубликовать одно большое произведение; 3) повторное использование частей ранее написанного [15].

Существенный интерес представляет объяснение Американской психологической ассоциации (АРА) отличия плагиата от самоплагиата: «В то время, как плагиат относится к практике предъявления претензий по использованию слов, идей и концепций других людей, самоплагиат относится к практике использования своих собственных идей и произведений, опубликованных ранее, и представлению их в качестве новых» [16. Р. 170]. Похоже, главная мысль тут такая: самоплагиат – это представление автором ранее созданного произведения или изложенных в нем идей, как новых.

Как видно из сказанного, характеристика зарубежными исследователями понятия «самоплагиат» сводится к указанию тех же самых признаков: «повторная публикация своего произведения», «пред-

ставление как нового». Тем самым, достаточно общее определение (характеристика), складываемое из выделенных признаков, сводится к тому, что самоплагиат – это повторная публикация автором своего произведения в качестве нового (без указания авторства).

Разберем, возможно ли квалифицировать повторную публикацию своего произведения в качестве нарушения авторского права – плагиата (самоплагиата). Начнем с того, что кажется несомненным в приведенных суждениях: использование автором своего произведения (повторная публикация) действительно может стать причиной нарушений исключительного права на произведение, принадлежащего другому лицу. Однако воспроизведение своего произведения без указания авторства не является нарушением права авторства, в частности «присвоением» права авторства, поскольку объявление об авторстве на форму изложения мысли (форму произведения), созданную другим автором, составляет характерный признак плагиата, по этой причине не представляется возможным квалифицировать воспроизведение собственного произведения (самоцитирование) без указания своего авторства в качестве плагиата (самоплагиата). По этой причине едва ли можно характеризовать самоплагиат без использования ключевого критерия плагиата – признания своего авторства на чужое произведение.

При этом, хотя и считается, что «все, что сказано три раза, становится истиной» (Л. Кэрролл. «Алиса в стране чудес»), против представленного подхода напрашивается ряд возражений. Во-первых, кажется ошибочным сводить понятие «самоплагиат» к понятию «самоцитирование», т.е. определять самоплагиат через использование термина «самоцитирование». Ведь автор для использования своего произведения обязан прибегнуть к правилам пп. 1 п. 1 ст. 1274 ГК РФ только в том случае, когда на созданное им произведение ему не принадлежит исключительное право или право использования путем воспроизведения или публичного исполнения. Тем самым, далеко не каждое воспроизведение автором созданного им произведения в другом своем произведении является цитированием в смысле ст. 1274 ГК РФ. Полагаем, что под понятие «цитирование» также не подпадает случай воспроизведения чужого произведения в собственном произведении, совершаемого с согласия правообладателя. Так, Э.П. Гаврилов пишет о том, что кроме свободного цитирования (по правилам ст. 1274 ГК РФ) существует «договорное цитирование» – цитирование с разрешения владельца чужого авторского права, которое может касаться любых произведений и осуществляться в любых объемах [5. С. 15]. Во-вторых, не ясно, на чем основывается утверждение о том, что использование автором своего произведения осуществляется без указания авторства («ссылки на ранее опубликованную работу»), в том числе без признания своего авторства. Ведь неуказание какого-либо лица в качестве автора при воспроизведении произведения, является признанием своего авторства на это произведение. Все же создатель произведения, признавая авторство на созданное им произведение в целом, тем самым считается автором всех его охрано-

способных частей, созданных его творческим трудом, в том числе и тех, которые были созданы им ранее. В противном случае мы столкнемся с абсурдным положением, в соответствии с которым для признания авторства необходимо объявление о своем авторстве на каждую охраноспособную часть произведения, а не на произведение в целом. Такой подход противоречит правилу ст. 1257 ГК РФ.

Принимая во внимание сказанное, трудно согласиться с тем, что автор не признает своего авторства на созданное им ранее произведение при его воспроизведении или публичном исполнении в другом своем произведении. Возможно против этого привести довод о том, что воспроизведение ранее созданного произведения является использованием, а не созданием нового произведения творческим трудом и поэтому в силу правила ст. 1257 ГК РФ не требует повторного признания авторства. На это можно ответить тем, что в случае, когда автор является правообладателем созданного им произведения, то право использования возникает из п. 1 ст. 1270 ГК РФ, а не из права цитирования (пп. 1 п. 1 ст. 1274 ГК РФ). В этом случае закон не обязывает автора при использовании им своего произведения указывать имя автора произведения, которым он же и является. При этом нелегитимно утверждать о «присвоении» автором права авторства на созданное им произведение, которое принадлежит ему в силу закона (пп. 2 п. 2 ст. 1255 ГК РФ) и к тому же является неотчуждаемым и непередаваемым (п. 1 ст. 1265 ГК РФ).

Таким образом, использование автором произведения, на которое ему принадлежит исключительное право или право использования путем воспроизведения и (или) публичного исполнения, в другом своем произведении без указания имени автора, не является нарушением авторских прав на используемое произведение, в том числе права авторства, поскольку права авторства на эти произведения принадлежат одному и тому же автору. Тем самым, в случае, когда автор не указывает своего авторства при воспроизведении созданного его творческим трудом произведения в другом своем произведении, его невозможно упрекнуть в совершении плагиата (самоплагиата) своего же произведения. Ведь плагиатор, равно как и первобытный пастух, тащит к себе овец из чужого стада, берет самые яркие, самобытные фразы и предложения из чужих произведений.

Полагаем, что в приведенных выше суждениях о понятии «самоплагиат» можно согласиться с тем, что повторная публикация произведения с одной лишь целью искусственного увеличения количества опубликованных работ является «академической непорядочностью» [12. Р. 57]. При этом вряд ли прав И. Хексам, который публикацию автором одного и того же произведения в разных журналах на том основании, что при повторной публикации не происходит развития новых идей, называет в качестве отдельного вида самоплагиата «мошеннической переработкой» [17].

Итак, занимая позицию, согласно которой обязательными признаками понятия «плагиат» являются: 1) нетворческий характер умственной деятельности; 2) выражение формы изложения мысли (формы про-

изведения), созданной творческим трудом другого автора (соавторов) в какой-нибудь объективной форме; 3) признание своего авторства на форму изложения мысли, созданную другим автором (соавторами) [18–20], следует заключить, что отсутствуют правовые основания квалифицировать действия автора по воспроизведению и (или) публичному исполнению своего произведения без указания имени автора, в другом создаваемым им произведении, в качестве плагиата («самоплагиата»).

Соглашаясь с господствующей в доктрине точкой зрения, сообразно которой плагиатом является присвоение авторства на чужое произведение, нет оснований говорить о плагиате (самоплагиате), поскольку автором используемого и создаваемого произведений является одно и то же лицо. Думается, вряд ли кто-нибудь решится трактовать указание автором своего авторства на используемое им произведение как «присвоение» принадлежащего ему права авторства на это произведение.

Подтверждение сделанному выводу находим у И.В. Понкина и А.И. Редькиной, которые пишут о том, что «не имеет под собой никаких юридических и фактических оснований маркирование и оценивание использования автором своих же научных текстов (ранее опубликованных) в других своих публикациях как “самоплагиат”» [3. С. 56]. Более того, «лексема “самоплагиат” (“автоплагиат”) – это лишенное смысла окказиональное выражение, оксюморон, поскольку невозможно “присвоить авторство чужой идеи”, если эта идея является своей собственной» [3. С. 56].

Не все исследователи придерживаются такого подхода. К примеру, И.Д. Котляров, основываясь на взгляде И. Хексама, согласно которому важным признаком плагиата является не просто использование чужого текста, но создание у читателя ложного впечатления, что этот текст принадлежит автору данной публикации, т.е. введение читателя в обман [21], заключает, что «в понятии “самоплагиат” внутреннего противоречия не содержится, и что он представляет собой столь же неэтичное и незаконное явление, как собственно и плагиат» [7. С. 8]. Вполне можно признать правильным указание И. Хексама на «введение читателя в обман» как признак плагиата (точнее сказать, заявление об авторстве на произведение, созданное другим автором). Однако, принимая во внимание, что при самоплагиате автор признает авторство на произведение, созданное его творческим трудом, едва ли верен вывод И.Д. Котлярова о том, что понятие «самоплагиат» не содержит в себе смыслового расхождения.

Таким образом, при условии, что автор обнаруженного произведения не обладает правом его использования путем воспроизведения и (или) публичного исполнения, то, как и любое лицо, он вправе без согласия правообладателя, но с обязательным указанием, в частности, имени автора произведения и источника заимствования, цитировать свое произведение на общих условиях (пп. 1 п. 1 ст. 1274 ГК РФ). В случае если автор не соблюдает правила цитирования, то это приводит к нарушению исключительного права на используемое про-

изведение. Однако неупоминание имени автора не влечет за собой нарушения личных неимущественных прав автора на цитируемое произведение, включая право авторства, и тем самым самоплагиата, поскольку право авторства на цитируемое произведение принадлежит цитирующему лицу. Полагаем, что от понимания юридической сущности самоплагиата (плагиата), выражающейся якобы в «присвоении» автором права авторства на ранее созданное им произведение, необходимо освободиться.

Не мешает, однако, заметить, что когда цитируется произведение, созданное автором, в другом произведении, созданном в соавторстве, неупоминание имени автора используемого произведения следует квалифицировать в качестве плагиата используемого произведения *соавтором*, поскольку последний объявляет себя автором произведения, ранее созданного самостоятельно другим автором.

Резюмируя сказанное, можно сформулировать следующие выводы:

1. Правила пп. 1 п. 1 ст. 1274 ГК РФ должны применяться при цитировании автором своего произведения в том случае, если автор не обладает исключительным правом на произведение или правом использования путем воспроизведения (публичного исполнения).

Воспроизведение (публичное исполнение) автором собственного произведения, на которое ему принадлежит исключительное право или право воспроизведения (публичного исполнения), в другом его произведении не является цитированием в смысле ст. 1274 ГК РФ и может осуществляться без указания имени автора используемого произведения, а также без соблюдения других условий цитирования.

2. В отсутствие указанных правомочий воспроизведение автором своего произведения ведет к нарушению исключительного права на произведение, но не права авторства, и поэтому его нельзя квалифицировать в качестве плагиата (самоплагиата).

3. Повторная публикация автором своего произведения, разделение произведения на части, воспроизведение своего произведения без указания авторства и т.п., совершаемые с целью искусственного увеличения количества опубликованных работ, при условии обладания автором исключительным правом на созданное им произведение, являются нарушениями этики научных публикаций.

Основываясь на полученных выводах, представляется целесообразным разобрать требования, установленные п. 14 Положения «О порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (далее – Положение):

«В диссертации соискатель ученой степени обязан ссылаться на автора и (или) источник заимствования материалов или отдельных результатов».

При использовании в диссертации результатов научных работ, выполненных соискателем ученой степени лично и (или) в соавторстве, соискатель ученой степени обязан отметить в диссертации это обстоятельство».

Первое требование, полагаем, состоит в необходимости соблюдения соискателем правил цитирова-

ния при воспроизведении («заимствовании») «материалов или отдельных результатов» других авторов. Что, спрашивается, следует понимать под терминами «материалы» и «отдельные результаты», которые не используются законодателем в ч. 4 ГК РФ, в том числе в ст. 1274 ГК РФ? Если слово «материал» понимать в значении «источник, сведения, служащие основой для чего-нибудь» [22. С. 285], то термин «материалы», по смыслу Положения, может означать как изложение идеи, так и сами по себе идеи. Поскольку восприятию подлежат лишь объективизированные идеи, т.е. идеи, изложенные словами, звуками, цветами и так далее и выраженные каким-нибудь способом вовне, то «материалы» – это научные знания (идеи), изложенные каким-либо способом и выраженные вовне на материальном носителе.

Под словом «результаты» подразумеваются научные результаты, поэтому обратимся к ст. 2 Федерального закона РФ от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее – Закон о науке), в которой содержится определение научного результата: это продукт научной деятельности, содержащий новые знания (решения), зафиксированный на любом информационном носителе. Можно сказать, что научный результат – это новые знания (решения), изложенные каким-либо способом и выраженные вовне на материальном носителе. Поскольку Закон о науке не требует от исследователя при изложении новых знаний (идей) творчества в смысле ст. 1257 ГК РФ, то из этого следует, что в определенных случаях научный результат – как изложение новой, даже оригинальной научной идеи, выраженное на материальном носителе, – *de lege lata* не будет признаваться произведением и тем самым подлежать охране авторским правом. Учитывая, что изложение знаний (идей) осуществляется, как правило, в словесной форме, в таком случае научный результат можно определить как полученные исследователем новые знания (решения, идеи), изложенные в словесной форме на материальном носителе. Тем самым, под «отдельным результатом» следует понимать изложение конкретной идеи. В таком случае термины «материалы» и «отдельные результаты» являются совпадающими: материалы – это изложение совокупности знаний (идей), а отдельный результат – единичной идеи.

Таким образом, из вышесказанного можно заключить следующее: 1) поскольку в самом Положении не сказано, в каком смысле следует понимать термины «материалы» и «отдельные результаты», то достаточно сложно выяснить точный смысл, в котором они должны пониматься, что создает правовую неопределенность; 2) учитывая, что в первом абзаце речь идет о цитировании, то при формулировке правила должны бы использоваться не только термины Закона о науке и Положения, но и понятия авторского права.

Требование первого абзаца касается цитирования научных результатов, которые, как показано выше, не всегда представляют собой охраняемые авторским правом результаты интеллектуальной деятельности, т.е. произведения (научные). По этой причине, исходя из смысла установленного Положением правила, в диссертации соискатель обязан цитировать не только

произведения, как того требуют правила пп. 1 п. 1 ст. 1274 ГК РФ, но также должен ссылаться на научные результаты, хотя бы и представляющие собой изложение новых и оригинальных научных идей, но которые в глазах авторского права произведениями не являются и поэтому не подпадают под обязательный режим цитирования произведений.

Исходя из этого, используемое в Положении словосочетание «материалов или отдельных результатов», следовало бы заменить на выражение «произведений и (или) научных результатов». Помимо того, придерживаясь представления, что научные результаты – это изложение в словесной форме новых научных знаний (решений) и (или) результатов применения знаний (методы, методики, модели и т.д.), в том числе разработанных теоретических положений (понятия, категории, определения, гипотезы, принципы и т.д.), представляющих собой выражение выработанных научных идей, имеющих научное объяснение (обоснование), воплощенное на письме, предложенная формулировка требует уточнения: «произведений и (или) научных результатов, включая теоретические положения». При этом понятие «теоретическое (научное) положение», исходя из значения слова «положение» – научное утверждение, сформулированная мысль [22. С. 452], можно определить как изложение новой научной мысли (идеи), выраженное вовне, т.е. изложение в словесной форме нового научного объяснения события или явления, выраженное, как правило, на письме.

В таком случае абз. 1 п. 14 Положения мог бы быть сформулирован так: «В диссертации соискатель ученой степени обязан указывать имя автора и источник заимствования используемых произведений и (или) научных результатов, включая теоретические положения, созданных другими исследователями». В свою очередь, абз. 1 п. 10 Положения мог бы иметь такую редакцию: «Диссертация должна быть написана автором самостоятельно, обладать внутренним единством, содержать новые научные результаты, в том числе теоретические положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствовать о личном вкладе автора диссертации в науку».

Теперь анализируем содержание абз. 2 п. 14 Положения, которым установлены правила использования результатов научных работ, выполненных соискателем лично и (или) в соавторстве.

В отношении этого правила возникают следующие вопросы. Во-первых, что следует понимать под использованием научных результатов, ведь значение слова «использование» не определено ни Положением, ни Законом о науке. Термин «использование» содержит часть IV ГК РФ, относя его к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности и средствам индивидуализации (п. 1 ст. 1229 ГК РФ). При этом одним из способов использования, например, произведения является воспроизведение (пп. 1 п. 2 ст. 1270 ГК РФ). Во-вторых, каким именно образом соискатель должен отметить в диссертации использование результатов научных работ?

Начнем со случая, когда научные результаты получены соискателем лично. С учетом требования п. 11

Положения о том, что «основные научные результаты диссертации должны быть опубликованы в рецензируемых научных изданиях», в диссертации, в первую очередь, используются научные результаты, включая научные положения, изложенные соискателем в статьях, написанных самостоятельно. Научный результат, как изложение в словесной форме нового научного знания (решения, положения) на письме, является произведением. По этой причине его использование путем воспроизведения, в том случае, когда автору не принадлежит право воспроизведения, совершается с соблюдением правил цитирования: обязательным указанием имени автора; источника заимствования; в целях раскрытия идеи автора; в объеме, оправданном целью цитирования. Если автору принадлежит исключительное право или право воспроизведения созданного им произведения, то он не стеснен правилами цитирования и может воспроизвести свое произведение в диссертации в любом объеме без указания имени автора, которым он же и является. Исходя из сказанного, мы склоняемся к выводу о том, что авторское право не обязывает соискателя, обладающего исключительным правом на свое произведение или правом его воспроизведения, делать ссылку на собственную работу, как того требует Положение. Таким образом, допустимо воспроизведение соискателем в диссертации произведений и (или) научных результатов, созданных им лично, без указания авторства.

В другом случае, когда научные результаты (произведения) созданы соискателем в соавторстве, их воспроизведение в диссертации, при том условии, что соискатель обладает исключительным правом на произведение или правом его воспроизведения, осуществляется по своему усмотрению на основании п. 1 ст. 1270 ГК РФ, но с обязательным указанием имени соавтора. Неуказание имени соавтора является нарушением права авторства соавтора, которое следует квалифицировать в качестве плагиата, несмотря на то что произведение создано совместным творческим трудом соавторов. Если соискателю не принадлежит право воспроизведения произведения, созданного им в соавторстве, то в этом случае использование осуществляется на праве цитирования (ст. 1274 ГК РФ).

Таким образом, при использовании в диссертации результатов научных работ (произведений), созданных соискателем ученой степени в соавторстве, соискатель всегда обязан указывать имя соавтора и источник заимствования произведения.

Материал, изложенный выше, приводит нас к убеждению, что абз. 2 п. 14 Положения нуждается в уточнении. Он мог бы быть изложен в следующей редакции: «При воспроизведении в диссертации результатов научных работ, выполненных соискателем ученой степени в соавторстве, соискатель ученой степени обязан указывать имя соавтора и источник заимствования научного результата. При этом допустимо воспроизведение в диссертации собственного произведения без указания авторства».

Кроме того, основываясь на положении, что правила цитирования распространяются на произведения и научные результаты, созданные в соавторстве, пп. г п. 20 Положения, которым установлено одно из осно-

ваний для отказа в приеме диссертации к защите, мог бы иметь следующую редакцию: «Использование в диссертации произведений и (или) научных результатов, включая теоретические положения, полученных другими исследователями, без ссылки на автора и источник заимствования, а также созданных (полученных) соискателем ученой степени в соавторстве, без ссылок на соавторов».

Подводя итог исследованию вопроса о правовой сущности понятий «самоцитирование и «самоплагиат», считаем возможным сформулировать следующие выводы:

1. Правила пп. 1 п. 1 ст. 1274 ГК РФ должны применяться при цитировании автором своего произведения в том случае, если автор не обладает исключительным правом на произведение или правом использования произведения путем воспроизведения (публичного исполнения).

2. Воспроизведение (публичное исполнение) автором собственного произведения, на которое ему принадлежит исключительное право или право воспроизведения (публичного исполнения) в другом его произведении, не является цитированием в смысле ст. 1274 ГК РФ и может осуществляться без указания имени автора используемого произведения, а также без соблюдения других условий цитирования.

3. В отсутствие указанных правомочий воспроизведение автором своего произведения ведет к нарушению исключительного права на произведение, но не права авторства, и поэтому его нельзя квалифицировать в качестве плагиата.

4. Принимая во внимание, что понятие «самоплагиат» содержит в себе смысловое расхождение (конфликт), считаем целесообразным отказаться от использования этого термина в научном обороте.

5. Повторная публикация автором своего произведения, разделение произведения на части, воспроизведение своего произведения без указания авторства и т.п., совершаемые с целью искусственного увеличения количества опубликованных работ, при условии обладания автором исключительным правом на созданное им произведение, являются нарушениями этики научных публикаций.

6. Нормы авторского права не обязывают соискателя, обладающего исключительным правом на свое

произведение или правом его воспроизведения, делать ссылку на собственную работу, как того требует Положение. Поэтому допустимо воспроизведение соискателем в диссертации произведений и (или) научных результатов, созданных им лично, без указания авторства.

7. При использовании в диссертации результатов научных работ (произведений), созданных соискателем ученой степени в соавторстве, соискатель всегда обязан указывать имя соавтора и источник заимствования произведения. Неуказание имени соавтора является нарушением права авторства соавтора, которое следует квалифицировать в качестве плагиата.

Основываясь на полученных в работе выводах, считаем целесообразным рассмотреть возможность внесения следующих изменений и дополнений в правила Положения «О порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842:

1. Абзац первый п. 10: «Диссертация должна быть написана автором самостоятельно, обладать внутренним единством, содержать новые научные результаты, в том числе теоретические положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствовать о личном вкладе автора диссертации в науку».

2. Абзац первый п. 14: «В диссертации соискатель ученой степени обязан указывать имя автора и источник заимствования используемых произведений и (или) научных результатов, включая теоретические положения, созданных другими исследователями».

3. Абзац второй п. 14: «При воспроизведении в диссертации результатов научных работ, выполненных соискателем ученой степени в соавторстве, соискатель ученой степени обязан указывать имя соавтора и источник заимствования научного результата. При этом допустимо воспроизведение в диссертации собственного произведения без указания авторства».

4. Подпункт г п. 20: «Использование в диссертации произведений и (или) научных результатов, включая теоретические положения, полученных другими исследователями, без ссылки на автора и источник заимствования, а также созданных (полученных) соискателем ученой степени в соавторстве, без ссылок на соавторов».

ЛИТЕРАТУРА

1. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 т. 3-е изд. Т. 5: Стихотворения (1827–1836). М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963.
2. Чулков Г.И. Жизнь Пушкина. М. : Вече, 2017.
3. Понкин И.В., Редькина А.И. Цитирование как метод сопровождения и обеспечения научного исследования. М. : ИНФРА-М, 2019.
4. Витко В.С. Критерий допустимого объема цитирования произведений // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2019. № 5.
5. Гаврилов Э.П. Интеллектуальные права: есть над чем поразмыслить // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2019. № 11.
6. Козлова Н.В. Оригинальность и самоцитирование в произведениях, содержащих результаты исследований по юридическим наукам // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2019. № 8.
7. Котляров И.Д. Самоплагиат в научных публикациях // Научная периодика: проблемы и решения. 2011. № 4.
8. Чайков М.Ю., Штенников В.Н., Зяблова А.Ю. Что такое «самоплагиат» // Правовая защита, экономика и управление интеллектуальной собственностью : материалы науч.-практ. конф. Екатеринбург, 21 апреля 2015 г. Екатеринбург, 2015. Т. 2.
9. Кривин Д.В. Понятие, отличительные признаки и характерные особенности отдельных видов плагиата // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2017. № 5. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2017/05/14783> (дата обращения: 02.10.2020).
10. Чельшев М.Ю., Арсланов К.М. Несанкционированные заимствования в российских и германских квалификационных исследованиях по праву: российское и немецкое законодательство, судебная практика // Вестник гражданского процесса. 2013. № 1.
11. Гаврилов Е. К вопросу о самоплагиате в произведениях науки // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 10.
12. Scanlon Patrick M. Song from myself: An anatomy of self-plagiarism. Plagiarism: Cross-Disciplinary Studies in Plagiarism, Fabrication, and Falsification. 2007.

13. Streefkerk R. What is plagiarism? URL: <https://www.scribbr.co.uk/category/academic-dishonesty/> (accessed: 25.09.2020).
14. Roger C. Self-Plagiarism and Self-Citation: A Practical Guide Based on Underlying Principles. URL: <http://www.rogerclarke.com/SOS/SCSP-09.html> (accessed: 02.10.2020).
15. Roig Miguel. Avoiding plagiarism, self-plagiarism, and other questionable writing practices: Aguide to ethical writing. Retrieved from URL: <http://facpub.stjohns.edu/~roigm/plagiarism.doc> (accessed: 02.10.2020).
16. American Psychological Association. The Publication Manual of the American Psychological Association. Sixth Edition. Washington, D.C. : American Psychological Association. 2010.
17. Hexham I. On Plagiarism and Integrity in Scholarly Activity Humanist: Humanities Computing 5, 4 (3 April 1992). URL: <http://www.ucalgary.ca/~hexham/study/plag.html> (accessed: 29.09.2020).
18. Витко В. О признаках понятия «плагиат» в авторском праве. Ч. I // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 2.
19. Витко В. О признаках понятия «плагиат» в авторском праве. Ч. II // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 3.
20. Витко В.С. О признаках понятия «плагиат» в авторском праве. М. : Статут, 2017.
21. Hexham I. The Plague of Plagiarism. 1999. URL: <http://c.web.umkc.edu/cowande/plague.htm>
22. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М. : Мир и образование, 2018.

Статья представлена научной редакцией «Право» 5 февраля 2021 г.

The Content of the Self-Plagiarism Concept

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 235–243.

DOI: 10.17223/15617793/467/29

Viacheslav S. Vitko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vitko_v_s@mail.ru

Keywords: author; work; citing; self-citing; plagiarism; self-plagiarism.

In the article, the author discusses the questions posed in scientific literature that have no satisfactory explanation either in the copyright doctrine or in the arbitrage practice: Should the rules for citing works be followed when using your own work in your other work (self-citing)? Is it possible to qualify citing of your own work (self-citing) without indicating its author as plagiarism (self-plagiarism)? The aim of the article is to identify legal features characteristic of the notions of self-citing and self-plagiarism, and to reveal the legal nature of self-plagiarism based on these notions. Citing is using a part of a work (or the whole work) which is protected by copyright by reproducing it in a different work in order to disclose (explain, comprehend) the author's idea connected with the idea of the author of this different work. Based on this, citing rules should be used when an author is citing his/her own work in case this author does not have an exclusive right to the work or the right to use the work by means of reproduction or public performance. Thus, the author who has an exclusive right to a work or the right of reproduction can reproduce his/her own work in another work without indicating the name of the author of the work used and without complying with citing conditions. This situation cannot be considered as citing (Art. 1274, the RF Civil Code). The analysis of Russian and foreign scholars' views on the content of self-plagiarism shows that its general definition comes down to the idea that self-plagiarism is the repeated publication of an author's own work as a new one by this author (without indicating his/her authorship). It is hard to agree with this position because reproduction of his/her own work by the author without the consent of the copyright holder leads to an infringed exclusive right to a work but not the copyright. Based on this, the main features of plagiarism are: (2) non-creative nature of mental activity; (2) expression of the form of presenting a thought (form of work) created by the creative work of another author (co-authors) in any objective form; (3) recognition of one's authorship for the form of presenting a thought created by another author (co-authors). The author comes to the conclusion that there is no legal basis for qualifying author's actions to reproduce his/her own works in his/her other work without specifying the name of the author as plagiarism (self-plagiarism).

REFERENCES

1. Pushkin, A.S. (1963) *Polnoe sobranie sochineniy v 10 tomakh* [Complete works in 10 volumes]. 3rd ed. Vol. 5. Moscow: USSR AS.
2. Chulkov, G.I. (2017) *Zhizn' Pushkina* [Pushkin's life]. Moscow: Veche.
3. Ponkin, I.V. & Red'kina, A.I. (2019) *Tsitirovanie kak metod soprovozhdeniya i obespecheniya nauchnogo issledovaniya* [Citation as a method of supporting and providing research]. Moscow: INFRA-M.
4. Vitko, V.S. (2019) Kriteriy dopustimogo ob'ema tsitirovaniya proizvedeniy [The criterion for the permissible volume of citation of works]. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nye prava*. 5.
5. Gavrilov, E.P. (2019) Intellektual'nye prava: est' nad chem porazmyslit' [Intellectual rights: there is something to think about]. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nye prava*. 11.
6. Kozlova, N.V. (2019) Original'nost' i samotsitirovanie v proizvedeniyakh, sodержashchikh rezul'taty issledovaniy po yuridicheskim naukam [Originality and self-citation in works containing the results of research in legal sciences]. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nye prava*. 8.
7. Kotlyarov, I.D. (2011) Samoplgiat v nauchnykh publikatsiyakh [Self-plagiarism in research publications]. *Nauchnaya periodika: problemy i resheniya*. 4.
8. Chaykov, M.Yu., Shtennikov, V.N. & Zyablova, A.Yu. (2015) Chto takoe "samoplgiat" [What "self-plagiarism" is]. *Pravovaya zashchita, ekonomika i upravlenie intellektual'noy sobstvennost'yu* [Legal protection, economics and management of intellectual property]. Conference Proceedings. Yekaterinburg, 21 April 2015. Vol. 2. Yekaterinburg: USUE. (In Russian).
9. Krivin, D.V. (2017) Ponyatie, otlichitel'nye priznaki i kharakternye osobennosti otdel'nykh vidov plagiata [Concept, distinctive and characteristic features of certain types of plagiarism]. *Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologiy – Economics and Innovations Management*. 5. [Online] Available from: <http://ekonomika.snauka.ru/2017/05/14783> (Accessed: 02.10.2020).
10. Chelyshev, M.Yu. & Arslanov, K.M. (2013) Nesanktsionirovannye zaimstvovaniya v rossiyskikh i germanskikh kvalifikatsionnykh issledovaniyakh po pravu: rossiyskoe i nemetskoe zakonodatel'stvo, sudebnaya praktika [Unauthorized borrowing in Russian and German qualification studies in law: Russian and German legislation, judicial practice]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa*. 1.
11. Gavrilov, E. (2019) K voprosu o samoplgiate v proizvedeniyakh nauki [On self-plagiarism in the works of science]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava*. 10.
12. Scanlon, P.M. (2007) Song from myself: An anatomy of self-plagiarism. *Plagiarism: Cross-Disciplinary Studies in Plagiarism, Fabrication, and Falsification*. pp. 57–66.

13. Streefkerk, R. (2020) *What is plagiarism?* [Online] Available from: <https://www.scribbr.co.uk/category/academic-dishonesty/> (Accessed: 25.09.2020).
14. Clarke, R. (2009) *Self-Plagiarism and Self-Citation: A Practical Guide Based on Underlying Principles*. [Online] Available from: <http://www.rogerclarke.com/SOS/SCSP-09.html> (Accessed: 02.10.2020).
15. Roig, M. (2020) *Avoiding plagiarism, self-plagiarism, and other questionable writing practices: A guide to ethical writing*. [Online] Available from: <http://facpub.stjohns.edu/~roigm/plagiarism.doc> (Accessed: 02.10.2020).
16. American Psychological Association. (2010) *The Publication Manual of the American Psychological Association*. Sixth Edition. Washington, D.C.: American Psychological Association.
17. Hexham, I. (1992) On Plagiarism and Integrity in Scholarly Activity. *Humanist: Humanities Computing*. 5 (4). 3 April 1992. [Online] Available from: <http://www.ucalgary.ca/~hexham/study/plag.html> (Accessed: 29.09.2020).
18. Vitko, V. (2017) O priznakakh ponyatiya "plagiat" v avtorskom prave. Chast' I [On the signs of the concept "plagiarism" in copyright. Part I]. *Intellektual'naya sobstvennost'*. *Avtorskoe pravo i smezhnye prava*. 2.
19. Vitko, V. (2017) O priznakakh ponyatiya "plagiat" v avtorskom prave. Chast' II [On the signs of the concept "plagiarism" in copyright. Part II]. *Intellektual'naya sobstvennost'*. *Avtorskoe pravo i smezhnye prava*. 3.
20. Vitko, V.S. (2017) *O priznakakh ponyatiya "plagiat" v avtorskom prave* [On the signs of the concept "plagiarism" in copyright]. Moscow: Statut.
21. Hexham, I. (1999) *The Plague of Plagiarism*. [Online] Available from: <http://c.web.umkc.edu/cowande/plague.htm>.
22. Ozhegov, S.I. (2018) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: Ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: Around 100,000 words, terms and idioms]. 27th ed. Moscow: Mir i obrazovanie.

Received: 05 February 2021

А.В. Дёмкина

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕДОБРОСОВЕСТНОЕ ВЕДЕНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И ФРАНЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Рассматриваются относительно новые правила ст. 434.1 ГК РФ о ведении переговоров и вопрос о правовой природе преддоговорной ответственности. Проводится сравнительно-правовой анализ положений Гражданских кодексов России и Франции, приводятся различные позиции ученых по вопросу природы преддоговорной ответственности.

Ключевые слова: принцип добросовестности; переговоры; преддоговорное правоотношение; преддоговорные обязанности; преддоговорная ответственность.

Правила ст. 434.1 ГК РФ «Переговоры о заключении договора» действуют с 1 июня 2015 г. Научно-правовое обоснование правил о ведении переговоров в отечественной науке пока не сложилось, несмотря на то что требования добросовестности и справедливости были закреплены в ГК РФ задолго до реформы гражданского законодательства. Однако найти примеры в российской судебной практике, когда лицо привлекалось бы к возмещению убытков за недобросовестное ведение переговоров до 2015 г., не представляется возможным. При этом следует отметить, что принцип добросовестности законодательно был закреплен в ГК РФ еще в 2013 г., а фактически применялся ВАС РФ и ранее. А именно с принципом добросовестности во многих странах связывалась возможность привлечения к преддоговорной ответственности. Таким образом, для отечественной правовой системы характерно то, что преддоговорная ответственность за недобросовестное ведение переговоров введена именно через закрепление соответствующих правил в законодательстве. Судебная практика по применению ст. 434.1 ГК РФ только начинает складываться, и именно сейчас данный вопрос является актуальным. Уже имеется ряд исследований, проведенных после реформы гражданского законодательства 2015 г., включая и диссертации по указанной теме (см., например: [1]). Но в них рассматриваются только отдельные вопросы и аспекты преддоговорной ответственности, и пока не предложено правовой модели для обоснования сущности преддоговорной ответственности.

Во Франции же преддоговорная ответственность была сформирована именно судебной практикой, и привлечение к ответственности за нарушения на стадии переговоров до реформы договорного права Франции осуществлялось по правилам о деликтах.

Еще в 1883 г. Парижский апелляционный суд в соответствии с правилами о деликтах постановил возместить убытки лицу, которое до заключения договора, но в соответствии с предложением своего контрагента понесло расходы на рекламу товара, которым данные лица собирались торговать в будущем. По итогам переговоров договор между этими лицами так и не был заключен, а лицо, убедившее в необходимости рекламы и вышедшее из переговоров, открыло собственное дело по распространению уже прорекламированного товара [2. С. 208]. Очевидно, что такой

выход из переговоров будет недобросовестным, поскольку сделанное им предложение о рекламе порождает разумные ожидания контрагента на заключение с ним договора при выполнении условий, а кроме того, участник переговоров недобросовестно воспользовался преимуществами уже разрекламированного другим лицом товара.

Правовым основанием привлечения к преддоговорной ответственности до реформы были ст. 1382 и 1383 Гражданского кодекса Франции (ФГК). Статья 1382 ФГК закрепляет, что любое действие человека, причиняющее другому вред, обязывает лицо, виновное в его причинении, этот вред возместить [3. С. 377]. При этом любое лицо несет ответственность за вред, причиненный им не только в результате его действий, но и в результате его небрежности или неосторожности (ст. 1383 Гражданского кодекса Франции) [3. С. 377].

М.М. Якубчик пишет, что французские ученые исходили из того, что не существует договорной ответственности в отсутствие договора, поэтому период переговоров остается вне границ договорного права и жертва понесенных убытков должна была обращаться именно к ст. 1382 Гражданского кодекса Франции [2. С. 207–208].

Как отмечает автор, французские ученые рассматривали преддоговорную ответственность как нечто, ограничивающее свободу вступления в договорные отношения как часть более широкой категории свободы договора. А как следствие такой позиции французская доктрина была склонна признать право потерпевшей стороны на возмещение причиненных ей убытков на основе деликтного права, нежели уважать свободу стороны, причинившей вред необоснованным односторонним выходом из переговоров [2. С. 208].

Получается, что принцип генерального деликта позволял судам взыскивать чисто экономические убытки, причиненные, в том числе, неосторожными действиями и на этапе ведения переговоров. Сама преддоговорная ответственность рассматривалась как ограничение свободы договора.

После проведенной реформы договорного права Франции в Гражданском кодексе Франции появились правила о переговорах, которые устанавливают общие принципы ведения переговоров: принцип свободы переговоров (их инициирование, ведение и выход из переговоров осуществляются свободно) и принцип

добросовестности ведения переговоров (инициатива, продолжение и разрыв переговоров должны отвечать требованиям добросовестности (ст. 1112)).

Правилам о переговорах теперь посвящены три статьи – ст. 1112–1112-2 Гражданского кодекса Франции [4].

Итак, как и в ГК РФ, Французский гражданский кодекс (ст. 1112) предусматривает общее правило о свободе переговоров (что очень сильно напоминает п. 1 ст. 434.1 ГК РФ), устанавливает обязанность вести переговоры добросовестно (такая же обязанность установлена в абз. 1 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ) и устанавливает пределы преддоговорной ответственности (в нашем случае это п. 3 ст. 434.1 ГК РФ).

Рассмотрим подробнее эти правила. Принцип свободы переговоров по Гражданскому кодексу Франции означает, что их инициирование, ведение и прекращение осуществляются свободно и бесплатно (ст. 1112 Гражданского кодекса Франции) [4]. Похожие правила закреплены и в Гражданском кодексе РФ. Согласно п. 1 ст. 434.1 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, граждане и юридические лица свободны в проведении переговоров о заключении договора, самостоятельно несут расходы, связанные с их проведением, и не отвечают за то, что соглашение не достигнуто. Данные положения раскрывают принцип свободы договора, что предполагает, свободу как вступления в переговоры, так и выхода из них без объяснения причин, свободу ведения переговоров с несколькими контрагентами и т.п. Это также предполагает, что участники переговоров несут риски недостижения соглашения по результатам переговоров. Зачастую расходы на ведение переговоров могут быть значительными (аренда дорогостоящих залов, перелеты, расходы на юридическое сопровождение переговоров, привлечение экспертов и т.д.). Каждый участник переговоров несет такие расходы самостоятельно и не отвечает за расходы своих контрагентов.

Принцип добросовестности ведения переговоров по ст. 1112 ГК означает, что инициатива, продолжение и разрыв переговоров должны отвечать требованиям добросовестности [4]. Никакой детализации к требованию добросовестного ведения переговоров французское законодательство не устанавливает.

Согласно абз. 1 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ при вступлении в переговоры о заключении договора в ходе их проведения и по их завершении стороны обязаны действовать добросовестно, в частности не допускать вступления в переговоры о заключении договора или их продолжения при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной. Поскольку для отечественного правового порядка требование добросовестного ведения переговоров является новеллой и нет судебной практики по данному вопросу, то наш законодатель попытался сформулировать некие ориентиры для определения критериев добросовестного поведения на этапе переговоров. Один из самых распространенных примеров недобросовестного ведения переговоров из зарубежной практики – это вообще отсутствие желания заключить договор. Переговоры могут вестись для статуса, с целью получения инфор-

мации от контрагента, с целью отвлечь лицо от заключения договора со своим конкурентом и т.д. Причины могут быть разнообразными, действия такого субъекта являются недобросовестными, поскольку его контрагент по переговорам тратит время, деньги, иные ресурсы, а изначально известно, что договор заключаться не будет.

Как пишет О.В. Мазур, наиболее распространенные в судебной практике стран континентального права примеры недобросовестного поведения при переговорах связаны с первоначальным отсутствием намерения заключить договор: вступление в переговоры с целью получения от другой стороны важной для бизнеса информации либо исключительно с намерением подчеркнуть свою коммерческую привлекательность в глазах других контрагентов и т.д. [5. С. 198–199].

Кроме закрепления общего требования добросовестного ведения переговоров ГК РФ устанавливает и презумпции недобросовестного поведения на этапе переговоров. Недобросовестными действиями при проведении переговоров предполагаются:

1) предоставление стороне неполной или недостоверной информации, в том числе умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны;

2) внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать (п. 2 ст. 434.1 ГК РФ).

При формулировании данной нормы разработчики ГК РФ также учли зарубежный опыт и в презумпции недобросовестного ведения переговоров включили самые распространенные примеры недобросовестного поведения на преддоговорном этапе. Эти примеры касаются, во-первых, нарушения процесса переговоров (последовательность ведения переговоров, никто не должен беспричинно прерывать переговоры), во-вторых, обязанности предоставлять определенную информацию (обман или замалчивание важных для договора сведений недопустимы) [6. С. 93].

Если, согласно общим положениям ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются и это означает, что лицо, которому на стадии переговоров причинены убытки, должно в суде доказать недобросовестность его контрагента, то п. 2 ст. 434.1 ГК РФ устанавливает презумпции недобросовестного поведения и доказать обратное должна будет виновная сторона. Сами презумпции (п. 2 ст. 434.1 ГК РФ) являются опровержимыми. И даже если по формальным признакам ясно, что лицо со своим контрагентом прекращает переговоры внезапно, но основания для такого поведения есть и при их доказанности, действия лица не будут считаться недобросовестными (например, стало известно о фактах каких-либо правонарушений или о браке в продукции и т.п., что может оказать влияние на решение о заключении договора).

Кроме закрепления принципов ведения переговоров ст. 1112 Гражданского кодекса Франции устанавливает и пределы ответственности: в случае виновного нарушения переговоров компенсация причиненно-

го ущерба не может быть направлена на компенсацию неполученных доходов, ожидаемых от незаключенного договора (потеря шанса получить выгоду) [4].

При этом сразу отметим, что пределы ответственности в виде «потери шанса получения выгод» появились в указанной норме уже после реформы (а именно 10 апреля 2018 г., когда было внесено дополнение в Кодекс в связи с принятием Закона о ратификации реформы) [7]. В целом можно констатировать, что с точки зрения возмещаемых убытков французский законодатель придерживается принципа защиты только «негативного интереса» в случае нарушения преддоговорной обязанности вести себя добросовестно (т.е. лицо должно быть поставлено в такое положение, которое бы у него было, если оно не вступило бы в переговоры – компенсируются негативные последствия). «Позитивный интерес», заключающийся в признании наличия договора и компенсации всего, что могло быть получено по такому договору, в данном случае взыскать невозможно, поскольку никто не может гарантировать, что по результатам переговоров был бы заключен договор и какими могли бы быть условия такого договора.

Возмещение в виде «негативного интереса» закреплено и в п. 3 ст. 434.1 ГК РФ. Согласно названной норме убытками, подлежащими возмещению недобросовестной стороной, признаются расходы, понесенные другой стороной в связи с ведением переговоров о заключении договора, а также в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом. Необходимо сразу отметить, что в силу отсутствия наработанного материала по данному вопросу разработчики постарались конкретизировать преддоговорные убытки, а в результате получилось, что норма права содержит всего лишь два вида убытков: расходы на переговоры (аренда залов, расходы на подготовку документов и т.п.) и потеря шанса заключить договор с 3-м лицом. Такой подход, конечно же, нельзя признать верным. И исходя из того, что абз. 1 п. 3 ст. 434.1 ГК устанавливает общее требование: сторона, которая ведет или прерывает переговоры о заключении договора недобросовестно, обязана возместить другой стороне причиненные этим убытки, то получается, что абз. 2 п. 3 ст. 434.1 ГК называет примерный перечень убытков, подлежащих возмещению.

Эта позиция находит свое подтверждение и в разъяснениях Верховного суда РФ. Согласно п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» в результате возмещения убытков, причиненных недобросовестным поведением при проведении переговоров, потерпевший должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы не вступал в переговоры с недобросовестным контрагентом. Например, ему могут быть возмещены расходы, понесенные в связи с ведением переговоров, расходы по приготовлению к заключению договора, а также убытки, понесенные в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом (ст. 15, п. 2 ст. 393, п. 3 ст. 434.1, абз. 1 п. 1 ст. 1064 ГК РФ) [8].

Таковы общие правила о переговорах и об ответственности за их недобросовестное ведение. Кроме того, отдельная статья Французского гражданского кодекса посвящена обязанности по информированию контрагента, при этом эту обязанность, как отмечают практикующие юристы, стороны не смогут ограничить или исключить своим соглашением [9]. Это ст. 1112-1 Французского гражданского кодекса, согласно которой:

– во-первых, если сторона обладает информацией, имеющей решающее значение для выражения согласия на заключение договора другой стороной, такая сторона должна сообщить об этом контрагенту, если последний не знает и не должен знать эту информацию или исходит из доверия к своему контрагенту;

– во-вторых, такая обязанность по информированию не может касаться оценки стоимости предоставления. Информация будет иметь решающее значение для согласия на заключение договора, если она имеет прямую и необходимую связь с содержанием договора или качеством сторон. Это важная новелла, возможно, ее стоит взять на заметку, поскольку добросовестность в части определения цены или предоставления информации о действительной стоимости товара (услуги, работы и т.д.) является весьма спорным вопросом еще и с учетом того, что контрагенты здесь имеют противоположный интерес. Возможно закрепление подобного правила и в ГК РФ о том, что информирование о стоимости не относится к обязанностям добросовестного участника переговоров, однако с рядом исключений из него, например, когда речь идет об информировании потребителя или эта обязанность вытекает из существа соответствующего обязательства;

– в третьих, та сторона, которая утверждает, что определенная информация должна была быть ей предоставлена, должна доказать, что другая сторона обязана ей предоставить такую информацию. В этом случае другая сторона должна доказать, что она предоставила данную информацию;

– в-четвертых, кроме ответственности стороны, которая должна была предоставить информацию, невыполнение этой обязанности может повлечь за собой аннулирование договора в соответствии с условиями, предусмотренными в ст. 1130 и последующих [4].

Таким образом, в ФГК более или менее конкретно прописаны требования к добросовестности ведения переговоров только в части информирования участниками переговоров друг друга и вопрос распределения бремени доказывания в этой части. Сами принципы свободы ведения переговоров и добросовестности ведения переговоров законодательной конкретикой не содержат. Последнее связано и с тем, что судебная практика Франции к моменту законодательного закрепления этих требований уже сложилась и с тем, что сложно или даже невозможно дать определение понятию «добросовестность». Как еще писал И.Б. Новицкий, добросовестность больше чувствуется и угадывается, чем поддается логическому объяснению [10].

Итоги реформы договорного права Франции оцениваются юристами по-разному. Так, кто-то говорит о

расширении дискреционных полномочий суда, что, в свою очередь, может привести к снижению уровня правовой определенности норм. Например, по мнению Жан-Люка Сулье, ряд новых принципов должен повлечь изменение роли судьи в разрешении спора между сторонами контракта, в частности, такие изменения, как обязанность добросовестного исполнения контракта или обязанность информирования своего контрагента на стадии заключения договора [9]. Другие авторы, напротив, исходят из того, что эти поправки всего лишь кодифицируют уже давно применяемые судами правила, а это значит, что участник гражданского оборота, основывающийся на Французском гражданском кодексе, сможет сейчас более реалистично оценить свою правовую ситуацию и перспективы, при этом усматривается, что полномочия суда уменьшились, поскольку сейчас они введены в установленные законом рамки [11].

Так или иначе, если нужно будет применять принцип добросовестности, часть вопросов будет передана на усмотрение судьи, что очевидно вытекает из положений ст. 1112 Гражданского кодекса Франции, закрепляющей только общее правило о свободе переговоров и добросовестности ведения переговоров.

Несмотря на то что в положениях Гражданского кодекса Франции ничего не сказано о правовой природе преддоговорной ответственности, в Докладе Президенту Франции о реформе договорного права (поправки от 10 февраля 2016 г.) отмечается, что такая ответственность имеет внедоговорную природу, если только не будет заключено соглашение между участниками переговоров, определяющее их отношения в ходе переговоров [12].

В. Величко также отмечает, что после состоявшейся реформы сомнений в деликтном характере ответственности не возникает, и если раньше преддоговорные обязательства по информированию Кассационный суд вынуждено связывал с правилами о договоре купли-продажи (ст. 1134, 1135 и 1615 Гражданского кодекса Франции), то сейчас они закреплены в отдельной статье [13]. Автор обосновывает, что преддоговорная ответственность является деликтной, поскольку она локализована в преддоговорном периоде, и ни один договор не может быть заключен в результате прекращения переговоров, поэтому основанием ответственности является ст. 1240 Гражданского кодекса Франции (а до реформы – ст. 1382) [13].

Как отмечается в докладе Президенту Республики, если бы был заключен какой-либо предварительный договор во время переговоров или в ожидании их или любой договор, который регламентирует отношения сторон на этапе до заключения основного договора, то нарушение его положений повлечет договорную ответственность [12].

Представляется, что в этих случаях как при наличии соглашений о переговорах, так и без них, по сути, речь идет об одном и том же организационно-переговорном отношении и на его правовую природу не должно влиять, каким способом стороны вступили в эти отношения (заключив отдельный договор или совершив очевидно свидетельствующие о намерении

вести переговоры действия). Тем более что такое соглашение будет регулировать не только вопросы возмещения убытков, но и вопросы взаимных обязанностей по добросовестному ведению переговоров, что именно стороны будут считать недобросовестным поведением и т.п. При этом если стороны переговоров будут вести их добросовестно, то вопрос о возмещении убытков и не возникнет вовсе. При этом нельзя сказать, что эти отношения (по ведению переговоров до заключения какого-либо договора об этом и без причинения на этом этапе убытков) безразличны для права, ведь уже на этой стадии отношений их участники должны действовать добросовестно. Однако эти новеллы пока не повлияли на французскую правовую доктрину.

Таким образом, на сегодняшний день согласно ст. 1112 Гражданского кодекса Франции инициатива, продолжение и разрыв переговоров должны в обязательном порядке отвечать требованиям добросовестности. А в случае нарушения этой обязанности будут применяться правила ст. 1240 Гражданского кодекса Франции, согласно которым любой факт причинения вреда, связанный с человеком, который причиняет вред другим, обязывает того, по чьей вине он был причинен, исправить его [4].

Возвращаясь к положениям ГК РФ о ведении переговоров, необходимо отметить, что при их разработке уже учитывался опыт других стран, но, на наш взгляд, законодатель постарался сохранить нейтралитет в определении правовой природы ответственности за недобросовестное ведение переговоров, позволив судебной практике и доктрине развивать заложенные в законодательстве идеи.

Правила ст. 434.1 ГК РФ начинаются с уточнения принципа свободы договора применительно к переговорам и закрепляют общее правило, что граждане и юридические лица свободны в проведении переговоров о заключении договора, самостоятельно несут расходы, связанные с их проведением, и не отвечают за то, что соглашение не достигнуто (п. 1 указанной нормы).

Следующий пункт этой статьи уже конкретизирует принцип добросовестности. В целом, следуя общедозволительному характеру метода гражданско-правового регулирования, законодатель устанавливает свободу ведения переговоров, не ограничивает возможность ведения переговоров сразу с несколькими контрагентами и оставляет риски, связанные с недостижением успеха в переговорах, за каждым из их участников, устанавливая лишь обязанность вести переговоры добросовестно.

Пунктом 3 ст. 434.1 ГК РФ установлено, что сторона, которая ведет или прерывает переговоры о заключении договора недобросовестно, обязана возместить другой стороне причиненные этим убытки.

Теоретическое осмысление указанных правил ГК РФ позволяет, основываясь на опыте других стран, предположить как минимум две теории о природе преддоговорной ответственности и преддоговорных правоотношениях.

Во-первых, следуя общепринятой доктрине во Франции (и схожести правового регулирования, в том

числе в отношении принципа генерального деликта) можно попытаться обосновать внедоговорный характер преддоговорных отношений и деликтный характер преддоговорной ответственности, которая возникнет только после причинения убытков контрагенту по переговорам. В этом случае, при недостаточности правил ст. 434.1 ГК РФ, subsidiarily должны будут применяться соответствующие нормы о деликтах.

В обоснование этой позиции может быть положена теория существования прав и обязанностей вне правоотношения. Так, еще Д.М. Генкин писал о возникновении субъективных прав и обязанностей непосредственно из норм права, без юридического факта и существования субъективного права вне правоотношения [14. С. 97–98]. А немецкий ученый К. Ларенц писал, что «преддоговорная ответственность носит объективированный характер» (цит. по: [15. С. 70]).

Еще одним доводом в пользу этой теории может стать характер убытков, подлежащих компенсации (компенсация так называемого негативного интереса). В пользу этой теории приводят и позицию Верховного Суда РФ о subsidiarily применении к ст. 434.1 ГК РФ правил ГК РФ о деликтах [16]. Однако если мы обратимся к п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» [8], то нельзя сказать, что Верховный Суд РФ именно определяет правовую природу преддоговорной ответственности (ст. 434.1 ГК РФ), а возможность применения правил о деликтах уже заложена в указанной статье ГК РФ. Согласно п. 8 ст. 434.1 ГК РФ правила указанной статьи не исключают применения к отношениям, возникшим при установлении договорных обязательств, правил главы 59 ГК РФ.

Характеристика же убытков (компенсация «негативного интереса») может быть обоснована не их деликтным характером, а этапом, на котором они возникают. Преддоговорные правоотношения характеризуются как организационные, направленные на формирование основного обязательства, и, соответственно, логично, что возмещение «позитивного интереса», как если бы договор был заключен, не является разумным и справедливым. При этом никто не может гарантировать ни то, что такой договор был бы в результате заключен, ни условия, на которых такой договор мог бы быть заключен.

Во-вторых, можно обосновать обязательственную природу преддоговорного правоотношения. В пользу данной теории может свидетельствовать место в ГК РФ самой нормы о ведении переговоров и о преддоговорной ответственности. Кроме того, очевидна и взаимосвязь положений указанной нормы с правилами п. 3 ст. 307 ГК РФ (при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию).

По нашему мнению, закрепление обязанности вести себя добросовестно, вступая в переговоры, уже

свидетельствует о том, что законодательством регулируется сама стадия переговоров, а не только отношения, связанные с возмещением убытков, причиненных на этой стадии. Переговоры же предполагают наличие связи между как минимум двумя контрагентами, т.е. происходит персонализация таких участников. При этом переговоры не могут возникнуть без действий этих участников. Таким образом, для возникновения правовой связи нам необходима идентификация участников переговоров и совершения ими действий, очевидно свидетельствующих о желании вести переговоры. Только после совершения юридических фактов (например, вступление в переговоры обеих сторон, ответ на оферту с предложением обсудить дополнительные условия или заключить договор на иных условиях, направление предложения заключить договор стороне, которая не имеет права отказаться от его заключения, и т.п.) между определенными участниками гражданского права возникает обязательственная связь (а не абсолютная), характеризующаяся взаимной обязанностью действовать добросовестно, т.е. уважать права и интересы контрагента по переговорам, не прерывать переговоры неожиданно для другой стороны, не причинять своими недобросовестными действиями убытки другой стороне, предоставлять необходимую информацию и т.п.

Указанные характеристики позволяют сделать вывод, что преддоговорная ответственность связана с нарушением особого преддоговорного обязательства, содержанием которого является обязанность добросовестного поведения на этапе переговоров. Такой вывод, в свою очередь, означает, что при недостаточности правил ст. 434.1 ГК РФ нужно будет применять общие положения об обязательствах.

В пользу данной теории склоняется К.В. Нам. Автор пишет, что «даже неглубокий доктринальный, а формальный подход должен был здесь привести к тому, что правовая природа преддоговорной ответственности должна была искаяться в содержании преддоговорных отношений. Соответственно, наличие обязательственной связи до момента факта правонарушения должно вызывать сомнения в определении правовой природы преддоговорной ответственности как деликтной» [17].

Об актуальности и важности вопроса о правовой природе ответственности за недобросовестное ведение переговоров могут свидетельствовать и публикации, в которых авторы пока не определились с ответом на этот вопрос или видят возможность обосновать некий промежуточный вариант между названными теориями.

Е.А. Крашенинников и Ю.В. Байгушева предложили некую «промежуточную» теорию: преддоговорную ответственность нельзя квалифицировать ни в качестве деликтной ответственности, ни в качестве договорной ответственности, при этом, поскольку в основании возникновения ответственности за culpa in contrahendo лежит нарушение обязанности, которая, так же как и договорная обязанность, связывает поименно определенных лиц и возникает в результате совершения ими правомерных волевых действий,

к этой ответственности могут применяться по аналогии предписания о договорной ответственности [18. С. 82 и др.]. Таким образом, по мнению авторов, этот вид ответственности напрямую нельзя отнести ни к деликтной, ни к договорной, но все же она ближе к договорной ответственности, раз авторы рассматривают возможность применения именно этих норм по аналогии.

А.Г. Карапетов пишет, что «если мы действительно признаем идею генерального деликта, отказываемся от закрытого перечня защищаемых деликтным правом абсолютных прав и начинаем двигаться по французскому пути, то логично придерживаться и французской модели определения природы преддоговорной ответственности» [19. С. 886]. Доводом в пользу деликтной природы преддоговорной ответственности автор также считает то, что в российском гражданском праве действует правило строгой ответственности, не зависящей от вины (п. 3 ст. 401 ГК РФ), а представить не зависящую от вины ответственность за недобросовестное ведение переговоров сложно [19. С. 887].

М.Н. Малеина утверждает, что «закон предусматривает два порядка ведения переговоров о заключении договора: бездоговорный порядок на основе положений, предусмотренных Гражданским кодексом РФ, и договорный порядок с помощью соглашения о порядке ведения переговоров. Бездоговорный порядок предполагает, что закон порождает права и обязанности участников переговорных отношений и

определяет их содержание (ст. 434.1, гл. 59 ГК РФ и др.)» [20. С. 37]. К сожалению, автор не раскрывает более подробно свое видение в отношении природы преддоговорных отношений, но из приведенной цитаты можно предположить, что права и обязанности возникают из закона, а не в связи с совершением определенных действий участниками гражданского оборота. А, кроме того, такие же права и обязанности по добросовестному ведению переговоров могут возникнуть из соглашения сторон. Если следовать идее автора, то, возможно, в первом случае природа ответственности будет деликтной, а во втором – договорной.

Как уже выше отмечалось, по своей сути это будет одно и то же организационное правоотношение между конкретными участниками переговоров независимо от того, вступили в него стороны, начав переговоры или заключив специальное соглашение о порядке ведения переговоров. Это правоотношение направлено на формирование будущего договорного правоотношения, а его содержанием является взаимная обязанность добросовестного поведения участников переговоров. И не имеет значения для определения его правовой природы, возникло ли оно на основании специального соглашения о переговорах или в результате действий, свидетельствующих о вступлении в переговоры. А это говорит об обязательственной природе отношений по ведению переговоров и, соответственно, обязательственной природе ответственности за недобросовестное ведение переговоров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Муратова О.В. Преддоговорные отношения в международном коммерческом обороте: от материально-правового к коллизионному регулированию : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.
2. Якубчик М.М. *Culpa in contrahendo* и другие доктрины преддоговорной ответственности // Актуальные проблемы гражданского права : сб. работ выпускников РШЧП 2009 г. Вып. 14. М. : Статут, 2012. С. 199–225.
3. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / пер. с фр. В.Н. Захватаева. М. : Инфротропик Медиа, 2012.
4. Civil Code. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGIARTI000032040805/2016-10-01>
5. Мазур О.В. Преддоговорная ответственность: анализ отдельных признаков недобросовестного поведения // Закон. 2012. № 5. С. 197–205.
6. Дёмкина А.В. Преддоговорное правоотношение-обязательство: основы теории. М. : Проспект, 2020. 272 с.
7. LAW No. 2018-287 of April 20, 2018 ratifying Ordinance No. 2016-131 of February 10, 2016 reforming contract law, the general regime and proof of obligations. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000036825602&dateTexte&categorieLien=id>
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС Консультант Плюс.
9. Jean-Luc Soulier. Ordinance of February 10, 2016 for the reform of French contract law: The principle of the binding force of contracts is considerably undermined by the new provisions of the French Civil Code. URL: www.soulier-avocats.com/en/ordinance-of-february-10-2016-for-the-reform-of-french-contract-law-the-principle-of-the-binding-force-of-contracts-is-considerably-undermined-by-the-new-provisions-of-the-french-civil-code/
10. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. СПС КонсультантПлюс.
11. Будылин С. Реформа французского ГК: Сводка ключевых новелл. URL: https://zakon.ru/blog/2016/3/17/reforma_francuzskogo_gk_svodka_klyuchevyh_novell
12. Доклад Президенту Республики. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000032004539>
13. Величко В. Преддоговорная ответственность во Франции. URL: http://m-logos.ru/img/Tezis_M-Logos_23052018_V_Velichko.pdf
14. Генкин Д.М. Право собственности как абсолютное субъективное право // Советское государство и право. 1958. № 6.
15. Гнидевич К.В. Преддоговорная ответственность в гражданском праве (*culpa in contrahendo*) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. 209 с.
16. Разъяснения Верховного Суда РФ об ответственности за нарушение обязательств / Юридическая фирма «Гольцблат БЛП», Практика по разрешению споров, Интеллектуальная собственность, Коммерческая практика, Проекты // СПС КонсультантПлюс. 2016.
17. Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М. : Статут, 2019. 278 с.
18. Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Обязанности при ведении преддоговорных переговоров // Вестник ВАС РФ. 2013. № 6. С. 82–93.
19. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. 1425 с.
20. Малеина М.Н. Переговоры о заключении договора (понятие, правовое регулирование, правила) // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 36–46.

Статья представлена научной редакцией «Право» 28 января 2021 г.

Responsibility for Unfair Negotiation Under the Laws of Russia and France: A Comparative Legal Analysis

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 244–250.

DOI: 10.17223/15617793/467/30

Alesia V. Demkina, State Duma (Moscow, Russian Federation). ale-demkina@ya.ru

Keywords: principle of good faith; negotiations; pre-contractual legal relationship; pre-contractual obligations; pre-contractual liability

The article discusses the relatively new rules of Art. 434.1 of the Civil Code of the Russian Federation on negotiating and the question of the legal nature of pre-contractual liability. The answer to the question determines the norms to be applied if the rules of Art. 434.1 – general provisions on obligations or norms on tort – are insufficient. The question of the legal nature of liability at the negotiation stage is controversial not only for the domestic legal order. The principle of general tort laid down in the French Civil Code allowed scholars to extend the application of tort liability to cases of damages for guilty behavior at the negotiation stage even before the reform of French contract law. After the reform of French contract law (2016), rules on negotiations appeared in the French Civil Code. These rules on negotiations establish the general principles of negotiation: the principle of freedom of negotiations (their initiation, conduct, and exit from negotiations are carried out freely) and the principle of good faith in negotiations (the initiative, continuation, and termination of negotiations must meet the requirements of good faith (Article 1112 of the French Civil Code)), and also establish the limits of pre-contractual liability. According to French scholars, pre-contractual liability is tort in nature, unless the parties conclude an agreement between themselves to negotiate. In the latter case, pre-contractual liability will follow from the contract. The article provides a comparative legal analysis of the provisions of the Civil Codes of Russia and France, and different positions of scholars on the nature of pre-contractual liability. In the domestic legal system, pre-contractual relations are regulated by law, and they are not just a legal relationship, but an obligation. The basis for the emergence of such an obligation is certain actions of partners to enter into negotiations. Special rules of the Civil Code of the Russian Federation provide that actions taken to enter into negotiations (for example, if the conclusion of an agreement is mandatory for one party) or actions of both partners entail legal consequences – the obligation to negotiate in good faith. Violation of this obligation will be followed by liability in the form of damages. All this allows coming to the conclusion about the obligatory nature of the negotiating relationship and, accordingly, the obligatory nature of liability for unfair negotiation.

REFERENCES

1. Muratova, O.V. (2017) *Preddogovornye otnosheniya v mezhdunarodnom kommercheskom oborote: ot material'no-pravovogo k kollizionnomu regulirovaniyu* [Pre-contractual relations in international commercial turnover: from substantive to conflict regulation]. Law Cand. Diss. Moscow.
2. Yakubchik, M.M. (2012) Culpa in contrahendo i drugie doktriny preddogovornoj otvetstvennosti [Culpa in contrahendo and other doctrines of pre-contractual liability]. In: *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava: sbornik rabot vypusknikov RShChP 2009 g.* [Topical issues of civil law: a collection of works by graduates of the 2009 Russian School of Private Law]. Vol. 14. Moscow: Statut. pp. 199–225.
3. Infrotropik Media. (2012) *Grazhdanskiy kodeks Frantsii (Kodeks Napoleona)* [French Civil Code (Napoleon Code)]. Translated from French by V.N. Zakhvataev. Moscow: Infrotropik Media.
4. France. (2016) *Civil Code*. [Online] Available from: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGIARTI000032040805/2016-10-01>
5. Mazur, O.V. (2012) Preddogovornaya otvetstvennost': analiz otdel'nykh priznakov nedobrosovestnogo povedeniya [Pre-contractual liability: analysis of individual signs of unfair behavior]. *Zakon*. 5. pp. 197–205.
6. Demkina, A.V. (2020) *Preddogovornoe pravootnoshenie-obyazatel'stvo: osnovy teorii* [Pre-contractual obligation relationship: the foundations of the theory]. Moscow: Prospekt.
7. France. (2018) *LAW No. 2018-287 of April 20, 2018 ratifying Ordinance No. 2016-131 of February 10, 2016 reforming contract law, the general regime and proof of obligations*. [Online] Available from: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000036825602&dateTexte&categorieLien=id>
8. Russian Federation. (2016) *Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2016, No. 7 “On the application by courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for violation of obligations”*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/
9. Soulier, J.-L. (2016) *Ordinance of February 10, 2016 for the reform of French contract law: The principle of the binding force of contracts is considerably undermined by the new provisions of the French Civil Code*. [Online] Available from: www.soulier-avocats.com/en/ordinance-of-february-10-2016-for-the-reform-of-french-contract-law-the-principle-of-the-binding-force-of-contracts-is-considerably-undermined-by-the-new-provisions-of-the-french-civil-code/
10. Novitskiy, I.B. (2006) Printsip dobroy sovesti v proekte obyazatel'stvennogo prava [The good conscience principle in the draft law of obligations]. *Vestnik grazhdanskogo prava*. 1.
11. Budylin, S. (2016) *Reforma frantsuzskogo GK: Svodka klyuchevykh novell* [Reform of the French Civil Code: A Summary of Key Novels]. [Online] Available from: https://zakon.ru/blog/2016/3/17/reforma_francuzskogo_gk_svodka_klyuchevykh_novell
12. France. (2016) *Report to the President of the Republic*. [Online] Available from: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000032004539> (In French).
13. Velichko, V. (2018) *Preddogovornaya otvetstvennost' vo Frantsii* [Pre-contractual liability in France]. [Online] Available from: http://m-logos.ru/img/Tezis_M-Logos_23052018_V_Velichko.pdf
14. Genkin, D.M. (1958) Pravo sobstvennosti kak absolютnoe sub'ektivnoe pravo [Property right as an absolute subjective right]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 6.
15. Gnitsevich, K.V. (2009) *Preddogovornaya otvetstvennost' v grazhdanskom prave (culpa in contrahendo)* [Pre-contractual liability in civil law (culpa in contrahendo)]. Law Cand. Diss. St. Petersburg.
16. BCLP. (2016) *Raz'yasneniya Verkhovnogo Suda RF ob otvetstvennosti za narushenie obyazatel'stv* [Clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation on liability for breach of obligations]. [Online] Available from: <https://bclplaw.ru/actual/legal/85281/>
17. Nam, K.V. (2019) *Printsip dobrosovestnosti: razvitie, sistema, problemy teorii i praktiki* [The principle of conscientiousness: development, system, problems of theory and practice]. Moscow: Statut.
18. Krashennnikov, E.A. & Baygusheva, Yu.V. (2013) Obyazannosti pri vedenii preddogovornykh peregovorov [Liabilities in the conduct of pre-contractual negotiations]. *Vestnik VAS RF*. 6. pp. 82–93.
19. Karapetov, A.G. (ed.) (2020) *Dogovornoe pravo (obshchaya chast')*: postateynnyy kommentariy k stat'yam 420–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Contract law (general part): article-by-article commentary to articles 420–453 of the Civil Code of the Russian Federation]. 2.0 ed. Moscow: M-Logos.
20. Maleina, M.N. (2016) Peregovory o zaklyuchenii dogovora (ponyatie, pravovoe regulirovanie, pravila) [Negotiations on the conclusion of an agreement (concept, legal regulation, rules)]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 10. pp. 36–46.

Received: 28 January 2021

О.К. Шевченко

ФУНКЦИОНАЛ ОБЫЧНОГО ПРАВА В СОЗИДАНИИ АРХИТЕКТУРЫ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В XXI в.

Анализируются нюансы теории и практики правоприменения норм международного обычного права в процедурах созидания системы международной безопасности. Автор утверждает, что к середине XXI в. глобальная безопасность и ее архитектура будут зависеть от международного правового обыкновения и международного обычая. Делается вывод, что уже сейчас видны элементы и связи между ними, которые в перспективе сложатся в устойчивую систему «по ту сторону договорного права» в праве международной безопасности.

Ключевые слова: международно-правовой обычай; международно-правовое обыкновение; международная безопасность; глобальная угроза; COVID-19.

«Обычай – это “память нации” – утверждает французский теоретик права. Он, обычай, удерживается до тех пор, пока существует консенсус. Причем и память, и консенсус есть следствие глубокой историчности права вообще, а не его модальность в формате правового обычая [1. С. 200–204]. Но как возможно определить функционал правового обычая, ориентируясь в международном праве на то, что он в своей основе является соответствующим способом оформленной памятью нации и результатом социального консенсуса? Необходимо ли рассуждать о правовом обычае как о некоем результате «совокупной памяти многих наций»? Или как о признании одной «памяти нации», играющей решающую роль для всех остальных наций? Или речь все-таки должна вестись об очень ограниченном фрагменте наций, свидетельствующем о позитивных решениях возникающих проблем в международных отношениях?

На первый взгляд, вопросы кажутся довольно банальными, если не дилетантскими. Но только на первый взгляд. Особых трудностей определение формата, структуры и содержания обычного права в рамках национальных систем в теоретическом плане не вызывает и является довольно распространенной темой в отечественных исследованиях [2. С. 96–99; 3. С. 16–17]. Однако до сих пор нет определения, дефиниции и конвенционального согласия в теории международного права о том, что считать международным обычаем. В этой связи ученые-юристы вынуждены проводить тщательный анализ и давать различные интерпретации решений международного суда и его комментариев по тому или иному локальному вопросу международной юридической практики. Об этом активно пишут как в зарубежных [4. С. 26–28; 5. Р. 72–76], так и в отечественных исследованиях [6. С. 113–122; 7. С. 88–90; 8. С. 369]. Ситуация зашла настолько далеко, что появилось мощное течение, которое снимает проблему путем утверждения об однопорядковости понятий «обычай» и «обыкновение» [9. С. 139], а в перспективе вероятно и слияние с ними термина «прецедент». В наиболее оригинальной форме указанные тенденции оформились в предложения о радикальной реформе международно-правовой системы. Речь идет о жесткой регламентации и кодификации правового обычая в формат института права международного обычая [10. С. 108–110]. И связано это с

уникальной юридической природой правового обычая, сутью которого, как это точно отметили французские исследователи, является национальная память и общественный консенсус (ибо в основе генезиса международно-правового обычая в начале его оформления в правовую норму лежит именно социальный обычай [11. С. 90] – единственное, что не вызывает споров у исследователей).

Конститутивной чертой проблемы является темпоральная характеристика («постепенность», «поэтапность», «устойчивая практика», или «duration, consistency, repetition») правового обычая [4. С. 28; 5. Р. 76; 7. С. 88], именно она имеет решающую роль в определении того или иного правового явления как прецедента, обыкновения (usage) или именно обычая (custom) [9. С. 141–145]. Должно пройти определенное, достаточно большое время, дабы индивидуальные прецеденты, определенная практика, ориентир на обыкновения стали правовым обычаем – 40 лет, несколько поколений, или определенная дата, как, например, в Великобритании [12. С. 36–38]. Однако в международном праве нет жесткого временного элемента [5. С. 76]. И если для традиционного вида обычной нормы темпоральность все еще весьма значительна, то для второго вида обычных норм, «создаваемых не длительной практикой, а признанием в качестве таковых правил, содержащихся в том или ином акте» [6. С. 113], она не является решающим фактором. В разработках теоретиков международного права это нашло выражение в появлении понятия «быстрые обычаи» [11. С. 92], наиболее ярко проявившие себя в космическом международном праве, в котором до сих пор выработано определение «космическое пространство» и «космическая деятельность» [7. С. 881]. Но, тем не менее, быстро оформилась правовая регуляция освоения космического пространства и космической деятельности (впрочем, в связи с последним решением Д. Трампа относительно освоения Луны в очередной раз проявились недостатки правоприменимости правовых обычаев [13]). Таким образом, память и социальный консенсус как хребет обычного права в формате международного обычного права исчезают. Их начинает подменять практика государственных действий и признание остальными участниками международного процесса этой практики приемлемой либо в формате позитивного решения

(резолуции, меморандума и т.д.), либо посредством молчания, трактуемого как согласие. Это соответствует преамбуле Устава ООН [14], отвечает духу и букве 38-й статьи Международного Суда ООН, в которой определяются параметры международного обычая [15], и, наконец, совпадает с пониманием обычая как такой нормы, которая отражает объективные реалии, а не сложившиеся отношения с прицелом на будущие потребности субъектов международного права [10]. По сути, об этом же говорит экспертное сообщество: «термин “международное обычное право” означает те нормы международного права, которые вытекают из всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы, и отражают ее» [16. С. 8]; «Практика, часто называемая «материальным» или «объективным» элементом, играет «принципиально важную роль» в формировании и выявлении международного обычного права. Ее можно рассматривать как «сырой материал» международного обычного права, поскольку последнее возникает из практики, которая «и определяет, и ограничивает его»... Такая практика состоит из «материальных и очевидных» деяний субъектов международного права, и именно эти «эпизоды поведения» могут образовывать «прецедентную ткань», в которой можно разглядеть поведенческую модель» [16. С. 17]; «как элемент международного обычного права – в отношении наличия всеобщей практики означает, что в первую очередь именно практика государств способствует созданию или выражению норм международного обычного права... Практика государств состоит из присваиваемого государству поведения, будь то при осуществлении исполнительной, законодательной, судебной или любой другой функции» [16. С. 21]. Эти идеи легли в основание дальнейшего развития понимания обычного международного права [17]. В настоящий момент обозначенные выводы, видимо, стали очевидными и поэтому не получили «своей» главы в очередном Докладе Комиссии. С другой стороны именно они стали отправной точкой для развития дискуссии, связанной с императивной стороной норм общего международного права в формулировке: «Нормы обычного международного права, противоречащие императивной норме общего международного права (*jus cogens*)» [18].

Таким образом, в понятии международно-правового обычая исключается второй становой элемент обычного права – социальный консенсус, понятия «общество», «народ», «нация», и на их место воздвигается понятие «государство» со всеми вытекающими процессуальными моментами и практическими выводами. Именно данный факт является решающим при обращении к теме глобальной безопасности и ее архитектуре в XXI в.

Что же такое безопасность? Если посмотреть на проблему миропорядка с позиций миросистемности [19. С. 55], то станет очевидным, что в современном мире термин «безопасность» выступает как системообразующее понятие для многочисленных сфер жизнедеятельности человека и общества в области международных отношений, начиная от актуализовавшийся в 2020 г. проблемы здравоохранения (пандемия Covid-19 [20]) до классической, такой как терроризм

[21. С. 143–147]. В собственно международном модуле юриспруденции проблема определения понятия «безопасность» носит обостренно дискуссионный характер, а в настоящий момент идет спор между сторонниками школы неореализма (Э. Кар, Г. Моргентау, М. Каплан, У. Уолфот), институционализма (Дж. Най, Ф. Закария) и конструктивизма (А. Вендт, Н. Онуф) [22. С. 46]. Правоприменительная же практика ориентируется на ряд положений, закрепленных в Уставе ООН, Статуте Международного суда и других **правовых** актах. Особая роль отводится разъяснениям и заявлениям структур ООН, в частности заявлению Совета Безопасности ООН от 31 января 1991 г. [23]. Однако правы те исследователи, которые предупреждают о недопустимости перенесения акцента «в деятельности органов по обеспечению безопасности с объектов безопасности на признаки безопасности» [24. С. 271]. А при широких интерпретациях довольно размытых формулировок в существующих актах ООН именно эта аберрация велика как никогда.

Безусловно, термин «безопасность» занимает одну из ведущих понятийно-образующих ролей как при создании того или иного нормативного акта, так и в рамках рефлексии этих актов юридической наукой. В ряде областей проблема безопасности является ведущей и подчиняющей себе все остальные вопросы. С нашей точки зрения, сфера международного права как раз относится к таким областям. Очевидно, правы те авторы, которые считают, что безопасность – это «состояние защищенности от возможного нанесения ущерба, способность к сдерживанию или парированию опасных воздействий, а также к быстрой компенсации нанесенного ущерба. Безопасность означает сохранение системой стабильности, устойчивости и возможности саморазвития» [25. С. 7]. Обратим внимание, что решающим понятием во всех определениях является концепт «**состояние** защищенности», а значит, речь идет о чем-то постоянном, регулярном, имеющем характер системы, направленной на обеспечение этого состояния. Собственно, именно в русле общемировых трендов и современных теоретических представлений было сформировано определение национальной безопасности в отечественном правовом поле. Об этом же идет речь и у ведущих юристов коллективного Запада [22. С. 47–53]. Разница лишь в технологиях достижения этой цели и организации, которая бы конституировала безопасность, обеспечивала механизмы ее поддержания [26. С. 243–247 и пр.].

Вероятно, следует также согласиться с точкой зрения, согласно которой международное договорное право ориентировано не столько на реальные объективные условия, требующие незамедлительной реакции международного сообщества, сколько на определенные отношения между странами, военно-политическими и экономическими блоками [10. С. 106]. Обычное право фиксирует *status quo* и нацелено на решение «горячих» угроз глобальной безопасности, требующих разрешения «*hic et nunc*» (лат. «здесь и сейчас»), тогда как договорное право создается на перспективу, с учетом доминирования и приоритетности той или иной страны, той или иной позиции в будущем, на том, что З. Бжезинский обозначил как

«Великая шахматная доска» [27]. Безусловно, что эта перспектива в самых общих чертах всеми участниками международных отношений понимается как «создание нового мирового порядка, в основу которого ляжет идея единства человечества» [28. С. 468]. Но вот формат контроля над этим человечеством, специфика координации действий этого пока еще гипотетического будущего «единого человечества», наконец, стандарты «порядка» понимаются и манифестируются очень по-разному [29. С. 430–467].

О роли правового обычая в архитектонике глобальной безопасности на современном этапе как осознанном теоретическом процессе, конечно, говорить не приходится. Мы вполне согласны с тем мнением, что для чего крайне важно запустить процесс кодификации обычного нормообразования, для этого предпринимаются серьезные шаги, которые могут привести к созданию «конвенции о праве международных обычаев» [10. С. 108]. Однако уже сейчас мы можем проследить эффективность международно-правовых обычаев как работающих механизмов обеспечения **отдельных элементов международной безопасности в кризисных ситуациях**. Конечно, речь не идет об анализе системности таких явлений. Для этого необходимо осуществить как минимум монографическое или диссертационное исследование. Но выявить эффективность правоприменения международно-правового обычая в решении актуальной проблемы мы вполне в состоянии. В качестве практического примера возьмем наиболее резонансное событие в международных отношениях начала 2020 г. – пандемию COVID-19.

11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила заболевание COVID-19 пандемией, в частности был отмечен глобальный характер угрозы: «Все страны должны стремиться к оптимальному балансу между интересами охраны здоровья населения, необходимостью снизить негативное воздействие эпидемии на экономику и общество, а также интересами защиты прав граждан. В соответствии со своим уставом ВОЗ занимается вопросами общественного здравоохранения. Однако мы также ведем работу со множеством партнеров во всех секторах в интересах смягчения социально-экономических последствий пандемии. Нынешний кризис – не только кризис в сфере здравоохранения, он коснется каждого сектора, поэтому в борьбе с пандемией должны участвовать каждый сектор и каждый человек» [20].

2 апреля была принята Резолюция 74/270 Генеральной Ассамблеи ООН от 2 апреля 2020 г., посвященная борьбе с пандемией. Мы остановимся на ней более подробно в силу нескольких причин. Во-первых, это единственный документ подобного уровня, принятый в рамках борьбы с угрозой международной безопасности по комплексной проблеме: «Жизнь, здоровье и права человека в условиях пандемии». Во-вторых, документ является итогом борьбы разных точек зрения на поднятые нами вопросы и позволяет проследить эффективность международно-правового обычая в сфере международной безопасности в части, касающейся борьбы с пандемиями.

В этом документе Генеральная Ассамблея, помимо всего прочего, «подтверждает свою приверженность международному сотрудничеству и многосторонней деятельности и свою решительную поддержку центральной роли системы Организации Объединенных Наций в глобальной борьбе с пандемией коронавирусного заболевания 2019 года (COVID-19)» и «призывает активизировать международное сотрудничество, с тем чтобы сдержать пандемию, смягчить ее последствия и одержать победу над ней, в том числе путем обмена информацией, научными знаниями и передовым опытом, а также на основе применения соответствующих руководящих принципов, рекомендованных Всемирной организацией здравоохранения» [30. С. 2]. Примечателен факт полного игнорирования во всем тексте резолюции любого упоминания договорного права и, с нашей точки зрения, массирования косвенного упоминания исключительно обычного права. Так постоянное представительство России при ООН предлагало зафиксировать подтверждение нормы Устава ООН о «сотрудничестве государств», предложение было отклонено. Вместо этого в резолюции была использована формула «стремления к сотрудничеству», «активизации международного сотрудничества». То есть формулировка России, обозначающая состояние сотрудничества, была заменена на формулировку стремления к **обретению** такого состояния, которого, исходя из принятого документа, еще нет, но которое может быть. Более того, формулировка, предложенная Россией, подтверждала договорную норму Устава ООН, а принятая резолюция сформулирована так, что оставляет за государством право либо следовать обычной норме, либо отказаться от ее поддержки. Также вместо предлагаемого Россией наделяния ВОЗ функцией координатора в борьбе с пандемией была принята формула «признания важнейшей роли, которую играет Всемирная организация здравоохранения...».

Также в связи с угрозой глобальному порядку РФ совместно с 28 странами предложила зафиксировать в резолюции «отказ от торговых войн и применения принятых в обход Совета Безопасности ООН односторонних санкций, чтобы обеспечить срочный доступ к продовольствию и медикаментам, а также противодействие финансовым спекуляциям с товарами первой необходимости». Представители РФ также важными посчитали «положения о недопустимости стигматизации государств, народов и физических лиц в связи с пандемией и о необходимости распространения достоверной и научно обоснованной информации о ней» [31]. Вместо этого в резолюции осталась рекомендация к обмену «информацией, научными знаниями и передовым опытом», а также приветствуется «принятие мер по смягчению социальных последствий и мер экономического реагирования». Очевидно, что Россия предлагала взять странам на себя определенные обязательства для борьбы с COVID-19, а принятая резолюция лишь рекомендовала и приветствовала шаги, которые **могли привести** к таковым обязательствам государств-подписантов.

Из всего вышесказанного следует, что попытки России вместе с 28 государствами принять Резолюцию, которая бы формировала и закрепляла конкретные шаги государства по борьбе с пандемией и несла бы в себе основания необходимости дальнейших шагов в области международного права, провалились. Была принята резолюция, направленная на всемирное поощрение и следование праву международных обычаев. Россия публично, в рамках обычного права указала несогласие с рядом положений резолюции, оставив за собой право их национального толкования. Более того, развивая и соглашаясь действовать в рамках предложенных «правил игры», РФ обозначила свои дальнейшие действия исключительно в формате обычного права: «Мы были бы очень заинтересованы в том, чтобы услышать и увидеть в письменной форме логику и аргументы блокирования нашего проекта Декларации со стороны ЕС, США и Великобритании... Несмотря на то что предложенная Россией Декларация была заблокирована небольшой группой государств, мы продолжим координацию с единомышленниками по этому вопросу. Рассчитываем, что все заинтересованные страны присоединятся к ней, чтобы мир услышал призыв к развитию практического сотрудничества по всем направлениям в борьбе с пандемией» [31].

Целый ряд действий России и ее «единомышленников» за пределами международного договорного права в рамках взаимопомощи в условиях пандемии создают в момент написания настоящей статьи не только серию прецедентов, но и формируют обыкновение, которое охватывает страны Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, Южную и Юго-Восточную Азию, Западную Европу, Южную Америку. Осуществляется создание системы быстрого гуманитарного и медицинского реагирования ряда стран между собой в деле борьбы с пандемией. Иными словами, выстраивается существенный элемент архитектуры глобальной безопасности на основе обычного права. Инициатива 29 государств в нормативном закреплении правового обыкновения в борьбе с пандемией на сессии Генеральной Ассамблеи ООН говорит именно об этом. А принятие довольно невнятной резолюции с отсылкой к общим моментам обычного права лишь подтверждает тот факт, что в современном мире глобальная безопасность и ее архитектура зависят не столько от норм договорного права, сколько от практики правового обыкновения и ее венца – международного обычая, который утверждается вопреки складывающимся международным отношениям и нацелен на реальное решение глобальных угроз.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергель Ж.-Л. Общая теория права. М. : Издательский дом NOTA BENE, 2000. 576 с.
2. Кича М.В. Обычай как форма права: актуальные проблемы сущностной характеристики // Философия права. 2013. № 1. С. 96–100.
3. Печников А.П. Юридическая природа правового обычая // Юридические исследования. 2013. № 3. С. 16–19.
4. Броунли Я. Международное право : в 2 кн. М. : Прогресс, 1977. Кн. 1. 528 с.
5. Shaw M.N. International law. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 1542 p.
6. Международное право : учеб. / отв. ред. В.И. Кузнецов, Б.Р. Тузмухамедов. М. : Норма; Инфра-М, 2010. 720 с.
7. Международное право : учеб. / отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М. : Юрайт, 2009. 1012 с.
8. Ромашев Ю.С. Системообразующая роль права международных обычаев // Актуальные проблемы современного международного права : материалы междунар. конгресса, Москва, 22 апреля 2017 г. : в 3 ч. / под общ. ред. А. Абашидзе. М., 2018. Ч. 1. С. 369–378.
9. Черняк Л.Ю. К вопросу о соотношении понятий «обычай» и «обыкновение» в теории международного права // Сибирский юридический вестник. 2014. № 4. С. 139–146.
10. Ромашев Ю.С. Право международных обычаев в системе международного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 103–112.
11. Тирских М.Г., Черняк Л.Ю. Международно-правовой обычай: понятие и признаки // Сибирский юридический вестник. 2014. № 2. С. 89–97.
12. Фетищев Д. Становление прецедентного права в англосаксонской правовой системе // Российский следователь. 2007. № 24. С. 36–38.
13. Executive Order on Encouraging International Support for the Recovery and Use of Space Resources. 2020. April 6. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-encouraging-international-support-recovery-use-space-resources/> (дата обращения: 15.04.2020).
14. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945. URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 15.04.2020).
15. Статут Международного суда ООН от 26 июня 1945 г. URL: <http://www.un.org/ru/ictj/statut.shtml> (дата обращения: 15.04.2020).
16. Выявление международного обычного права. Второй доклад Специального докладчика Майкла Вуда. Док. A/CN.4/672 22 мая 2014 г. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/CN.4/672> (дата обращения: 15.04.2020).
17. Доклад Комиссии международного права. Семидесятая сессия (30 апреля – 1 июня и 2 июля – 10 августа 2018 года). Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Семьдесят третья сессия. Дополнение № 10 (A/73/10) Глава V. URL: <https://legal.un.org/docs/index.asp?symbol=A%2F73%2F10&referer=http://legal.un.org/cod/&Lang=R> (дата обращения: 15.04.2020).
18. Доклад Комиссии международного права. Семьдесят первая сессия (29 апреля – 7 июня и 8 июля – 9 августа 2019 года). Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Семьдесят четвертая сессия. Дополнение № 10 (A/74/10). Глава V. Часть III. Вывод XIV. URL: <https://legal.un.org/docs/index.asp?symbol=A%2F74%2F10&referer=http://legal.un.org/cod/&Lang=R> (дата обращения: 15.04.2020).
19. Зуйков Р. Миросистемность: критерии и трансформация // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 8. С. 55–61.
20. Вступительное слово Генерального директора на пресс брифинге по COVID-19 11 марта 2020 г. // Сайт всемирной организации здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020> (дата обращения: 15.04.2020).
21. Чернядьева Н.А. Институциональный механизм противодействия терроризму системы ООН // Безопасность личности, государства и общества: вызовы и перспективы : материалы Первого междунар. симпозиума, Пермь, 11–12 октября 2016 г. / отв. ред. М. Лосавио, П.С. Пастухов и др. Пермь, 2017. С. 143–147.
22. Хлопов О.А. Система международной безопасности XXI в.: поиск приемлемой теоретической модели // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2019. № 1. С. 45–57.
23. Заявление Председателя Совета Безопасности. S/23500. 31 Января 1992. URL: <http://www.un.org/en/documents/> (дата обращения: 15.04.2020).
24. Ляхов Е.Г., Ляхов Д.Е., Алимова А.А. Безопасность государства и Мирового сообщества: теоретико-правовая формула обеспечения в XXI веке. Челябинск : Цицеро, 2015. 301 с.
25. Рогозин Д.А. Война и мир в терминах и определениях. Военно-технический словарь. М. : Вече, 2016. 270 с.

26. Радиков И.В. Архитектура безопасности в системе международных отношений: эволюция и перспективы обновления // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6, № 4. С. 229–248.
27. Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и ее геостратегические императивы. М.: АСТ, 2017. 256 с.
28. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть. М.: Волтерс Клувер, 2005. 517 с.
29. Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2017. 512 с.
30. Резолюция 74/270 Генеральной Ассамблеи ООН от 2 апреля 2020 года. Doc. A/RES/74/270. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/270>
31. Комментарий для СМИ в связи с рассмотрением Генассамблеей ООН Декларации о солидарности в борьбе с пандемией коронавируса от 2 апреля 2020 г. // Сайт Постоянного представительства Российской Федерации при ООН. URL: https://russiaun.ru/news/pressrelease_020420 (дата обращения: 15.04.2020).

Статья представлена научной редакцией «Право» 11 ноября 2020 г.

The Role of Customary Law Functions in the Creation of Global Security Architecture in the 21st Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 251–256.

DOI: 10.17223/15617793/467/31

Oleg K. Shevchenko, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: skilur80@mail.ru

Keywords: international legal custom; international legal habit; international security; global threat; COVID-19.

The article examines the peculiarities of the theory and practice of international customary law enforcement in the procedures of creating the international security system. In the first part of the article, the author carefully examines the research terminology of the legal problem paying special attention to the temporal component of the key terms: “custom” and “habit”. He formulates the theoretical paradoxes associated with the definition of the customary law’s attributes as theoretical constructs and the experience of their application in the international conflict of laws. The main paradox is the international legal declassification of social consensus (the key element of customary law) and the concepts “society”, “people” and “nation”, along with the consistent replacement of all of the above-mentioned elements of the concept “state” with all the ensuing procedural aspects and practical conclusions. The main element of the sources of the study is a series of the UN International Law Commission’s reports. The author considers the terminological contradictions associated with the mismatch of the theoretical constructs “International Security” and “International Law” to be the key problem. In the context of the contract law’s destabilization, the author states the absence of a conscious theoretical process of defining the role of custom in the architectonics of the global security nowadays. In the second part of the article, the above-mentioned theoretical postulates are exemplified on the specific law enforcement practice in the field of human life safety and a sustainable health care system within the framework of collisions foregrounded in connection with the coronavirus pandemic. The author argues that, by the middle of the 21st century, global security and its architectonics will depend on international legal practice and international custom. However, nowadays it is too early to discuss the systematic nature of this phenomenon. Now the elements and connections between them are evident, and in the future they will form a stable system “beyond the contract law” within the law of international security. By way of example, the author analyzes a number of actions taken by Russia and its “associates” beyond the international contract law in the framework of mutual assistance in the pandemic context. According to the author, these actions currently create not only a series of precedents, but also form a habit spreading over the countries of the Near, Middle, and Far East, South and Southeast Asia, Western Europe, and South America. A system of mutual rapid relief and medical assistance is being created in a number of countries to fight against the pandemic.

REFERENCES

1. Bergel, J.-L. (2000) *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Translated from French. Moscow: Izdatel'skiy dom NOTA BENE.
2. Kicha, M.V. (2013) Obychay kak forma prava: aktual'nye problemy sushchnostnoy kharakteristiki [Custom as a form of law: topical issues of essential characteristics]. *Filosofiya prava*. 1. pp. 96–100.
3. Pechnikov, A.P. (2013) Yuridicheskaya priroda pravovogo obyachaya [The legal nature of legal custom]. *Yuridicheskie issledovaniya*. 3. pp. 16–19.
4. Brownlie, I. (1977) *Mezhdunarodnoe pravo v 2-kh kn.* [International law in 2 books]. Book 1. Moscow: Progress.
5. Shaw, M.N. (2008) *International law*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Kuznetsov, V.I. & Tuzmukhamedov, B.R. (eds) (2010) *Mezhdunarodnoe pravo: ucheb.* [International law: textbook]. Moscow: Norma; Infra-M.
7. Vylegzhanin, A.N. (ed.) (2009) *Mezhdunarodnoe pravo: ucheb.* [International law: textbook]. Moscow: Yurayt.
8. Romashev, Yu.S. (2018) [The system-forming role of the law of international customs]. *Aktual'nye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava* [Topical issues of modern international law]. Proceedings of the International Congress. Moscow. 22 April. In 3 parts. Part 1. Moscow: MGIMO-University. pp. 369–378. (In Russian).
9. Chernyak, L.Yu. (2014) K voprosu o sootnoshenii ponyatiy “obyachay” i “obyknovenie” v teorii mezhdunarodnogo prava [On the relationship between the concepts “custom” and “habit” in the theory of international law]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*. 4. pp. 139–146.
10. Romashev, Yu.S. (2016) The Law of International Customs in the International Law. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*. 3. pp. 103–112. (In Russian).
11. Tirsikh, M.G. & Chernyak, L.Yu. (2014) Mezhdunarodno-pravovoy obyachay: ponyatie i priznaki [International legal custom: concept and features]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*. 2. pp. 89–97.
12. Fetishchev, D. (2007) Stanovlenie pretsedentnogo prava v anglosaksonskoy pravovoy sisteme [Formation of case law in the Anglo-Saxon legal system]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 24. pp. 36–38.
13. White House. (2020) *Executive Order on Encouraging International Support for the Recovery and Use of Space Resources*. April 6, 2020. [Online] Available from: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-encouraging-international-support-recovery-use-space-resources/> (Accessed: 15.04.2020).
14. UN. (1945) *Ustav Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy ot 26 iyunya 1945* [UN Charter of 26 June 1945]. [Online] Available from: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (Accessed: 15.04.2020).
15. UN. (1945) *Statut Mezhdunarodnogo suda OON ot 26 iyunya 1945 g.* [Statute of the UN International Court of Justice of 26 June 1945]. [Online] Available from: <http://www.un.org/ru/icj/statut.shtml> (Accessed: 15.04.2020).
16. Wood, M. (2014) *Vyyavlenie mezhdunarodnogo obychnogo prava. Vtoroy doklad Spetsial'nogo dokladchika. Doc. A/CN.4/672 22 maya 2014 g.* [Second Report on Identification of Customary International Law. Doc. A/CN.4/672, 22 May 2014]. [Online] Available from: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/CN.4/672> (Accessed: 15.04.2020).
17. UN. (2018) *Doklad Komissii mezhdunarodnogo prava. Semidesyataya sessiya (30 aprelya – 1 iyunya i 2 iyulya – 10 avgusta 2018 goda). General'naya Assambleya. Ofitsial'nye otchety. Sem'desyat tret'ya sessiya. Dopolnenie № 10 (A/73/10) Glava V* [Law Commission. Seventieth session. (30 April – 1 June and 2 July – 10 August 2018). General Assembly. Official Records. Seventy-third Session. Supplement No. 10 (A/73/10).

- Chapter 5]. [Online] Available from: <https://legal.un.org/docs/index.asp?symbol=A%2F73%2F10&referer=http://legal.un.org/cod/&Lang=R> (Accessed: 15.04.2020).
18. UN. (2019) *Doklad Komissii mezhdunarodnogo prava. Sem'desyat pervaya sessiya (29 aprelya – 7 iyunya i 8 iyulya – 9 avgusta 2019 goda). General'naya Assambleya. Ofitsial'nye otchety. Sem'desyat chetvertaya sessiya. Dopolnenie № 10 (A/74/10) Glava V. Chast' III. Vyvod XIV [Seventy-first session. (29 April–7 June and 8 July–9 August 2019). General Assembly. Official Records. Seventy-fourth Session. Supplement No. 10 (A/74/10). Chapter 5. Part 3. Conclusion 14].* [Online] Available from: <https://legal.un.org/docs/index.asp?symbol=A%2F74%2F10&referer=http://legal.un.org/cod/&Lang=R> (Accessed: 15.04.2020).
 19. Zuykov, R. (2009) *Mirosistemnost': kriterii i transformatsiya [World system: criteria and transformation]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya.* 8. pp. 55–61.
 20. WHO. (2020) *Vstupitel'noe slovo General'nogo direktora na press brifinge po COVID-19 11 marta 2020 g.* [Opening remarks by the Director-General at the press briefing on COVID-19 on March 11, 2020]. [Online] Available from: <https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020> (Accessed: 15.04.2020)
 21. Chernyad'eva, N.A. (2017) [Institutional mechanism of countering terrorism of the UN system]. *Bezopasnost' lichnosti, gosudarstva i obshchestva: vyzovy i perspektivy [Security of the individual, state and society: challenges and prospects].* Proceedings of the First International Symposium. Perm. 11–12 October 2016. Perm: Perm State University. pp. 143–147. (In Russian).
 22. Khlopov, O.A. (2019) The System of International Security of the 21st Century: the Search for an Acceptable Theoretical Model. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie – RSUH/RGGU Bulletin Series "Political Science. History. International Relations".* 1. pp. 45–57. (In Russian).
 23. UN. (1992) *Zayavlenie Predsedatelya Soveta Bezopasnosti. S/23500. 31 Yanvarya 1992 [Statement by the President of the Security Council. S/23500. January 31, 1992].* [Online] Available from: <http://www.un.org/en/documents/> (Accessed: 15.04.2020)
 24. Lyakhov, E.G., Lyakhov, D.E. & Alimova, A.A. (2015) *Bezopasnost' gosudarstva i Mirovogo soobshchestva: teoretiko-pravovaya formula obespecheniya v XXI veke [Security of the State and the World Community: Theoretical and Legal Formula of Security in the 21st Century].* Chelyabinsk: Tsitsero.
 25. Rogozin, D.A. (2016) *Voyna i mir v terminakh i opredeleniyakh. Voennno-tekhnicheskii slovar' [War and peace in terms and definitions. Military-technical dictionary].* Moscow: Veche.
 26. Radikov, I.V. (2010) *Arkhitektura bezopasnosti v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy: evolyutsiya i perspektivy obnovleniya [Security Architecture in the System of International Relations: Evolution and Prospects for Renovation].* *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS.* 6 (4). pp. 229–248.
 27. Brzezinski, Z. (2017) *Velikaya shakhmatnaya doska: gospodstvo Ameriki i ee geostrategicheskie imperativy [The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives].* Translated from English. Moscow: AST.
 28. Lukashuk, I.I. (2005) *Mezhdunarodnoe pravo. Osobennaya chast' [International law. The special part].* Moscow: Volters Kluver.
 29. Kissinger, H. (2017) *Mirovoy poryadok [World order].* Translated from English. Moscow: AST.
 30. UN. (2020) *Rezolyutsiya 74/270 General'noy Assamblei OON ot 2 aprelya 2020 goda. Doc. A/RES/74/270 [UN General Assembly Resolution 74/270 of April 2, 2020. Doc. A/RES/74/270].* [Online] Available from: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/270>
 31. RF Permanent Mission to the UN. (2020) *Kommentariy dlya SMI v svyazi s rassmotreniem Genassambleey OON Deklaratsii o solidarnosti v bor'be s pandemiy koronavirusa ot 2 aprelya 2020 g.* [Commentary for the media in connection with the consideration by the UN General Assembly of the Declaration on Solidarity in the fight against the coronavirus pandemic of April 2, 2020]. [Online] Available from: https://russia.un.org/ru/news/pressrelease_020420 (Accessed: 15.04.2020).

Received: 11 November 2020

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

GUNES Huseyin Nihat – PhD, Lecturer, Assistant Professor at Bitlis Eren University (Bitlis, Turkey). E-mail: hnihat-gunes@hotmail.com

АЛЕКСАНДРОВА Юлия Константиновна – младший научный сотрудник Центра прикладного анализа больших данных Томского государственного университета. E-mail: jalexandrova@data.tsu.ru

АЛЕКСЕЕВ Глеб Александрович – магистрант факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: glebsseriousacc@gmail.com

БАРЫШЕВ Алексей Андреевич – канд. экон. наук, доцент кафедры социологии Томского государственного университета. E-mail: barishevnp@mail.ru

БЕЗРУКОВ Андрей Викторович – д-р юрид. наук, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России (г. Москва); профессор кафедры конституционного, административного и муниципального права Сибирского федерального университета (г. Красноярск); ведущий научный сотрудник кафедры теории государства и права, конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). E-mail: abezrukov@bk.ru

БЕЛЕЦКИЙ Илья Александрович – канд. юрид. наук, научный сотрудник научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России. E-mail: abinik@inbox.ru

БОРКОВ Виктор Николаевич – д-р юрид. наук, начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России. E-mail: borkovv@mail.ru

БУДАКОВА Анна Васильевна – научный сотрудник лаборатории когнитивных исследований и психогенетики, старший преподаватель кафедры организационной психологии Томского государственного университета. E-mail: farmazon-ka2009@yandex.ru

БУШУЕВА Людмила Александровна – д-р филол. наук, доцент кафедры зарубежной лингвистики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: sebeleva@yandex.ru

БУЯКОВА Кристина Игоревна – аспирант факультета психологии Томского государственного университета. E-mail: buyakovachristina@mail.tsu.ru

ВАСИЛЬЕВ Дмитрий Валентинович – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета. E-mail: dvvasiliev@mail.ru

ВИТКО Вячеслав Станиславович – канд. юрид. наук, аналитик научно-образовательного центра «Интеллектуальная собственность и интеллектуальные права» Томского государственного университета. E-mail: Vitko_v_s@mail.ru

ГАБДРАХМАНОВ Нияз Камлиевич – канд. геогр. наук, научный сотрудник проектно-учебной лаборатории «Развитие университетов» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: ngabdrahmanov@hse.ru

ГОЙКО Вячеслав Леонидович – директор Центра прикладного анализа больших данных Томского государственного университета. E-mail: goiko@data.tsu.ru

ГОРСКАЯ Инесса Юрьевна – д-р пед. наук, профессор кафедры естественно-научных дисциплин Сибирского государственного университета физической культуры и спорта (г. Омск). E-mail: gorskaya.inessa@gmail.com

ДЁМКИНА Алеся Вячеславовна – канд. юрид. наук, главный советник аппарата Комитета по государственному строительству и законодательству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (г. Москва). E-mail: ale-demkina@ya.ru

ДЕМЧЕНКОВА Оксана Андреевна – канд. социол. наук, доцент Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: odemchenkova@hse.ru

ДМИТРИЕВА Светлана Валерьевна – канд. пед. наук, доцент кафедры технологий физкультурно-спортивной деятельности Тюменского государственного университета. E-mail: s.v.dmitrieva@utmn.ru

ДЮЛЬДЕНКО Александр Александрович – канд. ист. наук, старший аналитик-исследователь АО «НПК «Криптонит»; магистрант школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: 2017126@mail.ru

ЗАХАРОВА Евгения Александровна – аспирант, преподаватель кафедры сравнительной политологии Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. E-mail: eva5094@mail.ru

ЗУСЕВА-ОЗКАН Вероника Борисовна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник отдела литератур Европы и Америки Новейшего времени Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (г. Москва). E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com

ИКСАНОВ Илья Саматович – канд. юрид. наук, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва). E-mail: isiur@mail.ru

ИЛЬИНЫХ Светлана Анатольевна – д-р социол. наук, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: ili.sa@mail.ru

ИСАЕВА Анастасия Александровна – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Томского государственного университета. E-mail: tess@mail2000.ru

КАШПУР Виталий Викторович – канд. социол. наук, зав. кафедрой социологии Томского государственного университета. E-mail: vitkashpur@mail.ru

КЛИНОВА Марина Александровна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и философии Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург). E-mail: klinowa.m@yandex.ru

КОЛМАКОВА Оксана Анатольевна – д-р филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ). E-mail: post-oxygen@mail.ru

КОНЫШЕВ Евгений Валерьевич – канд. геогр. наук, доцент кафедры туризма и управления персоналом Вятского государственного университета (г. Киров). E-mail: konj@bk.ru

КОТОВА Татьяна Германовна – канд. пед. наук, доцент кафедры технологий физкультурно-спортивной деятельности Тюменского государственного университета. E-mail: t.g.kotova@utmn.ru

КУБРАК Тина Анатольевна – канд. психол. наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии Российской академии наук (г. Москва). E-mail: kubrak.tina@gmail.com

ЛАТЫНОВ Владислав Викторович – канд. психол. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии Российской академии наук (г. Москва). E-mail: vladlat5@lenta.ru

МАЛКОВА Ирина Юрьевна – д-р пед. наук, профессор кафедры организационной психологии Томского государственного университета. E-mail: malkovoi@yandex.ru

МАРИНА Ольга Анатольевна – канд. пед. наук, доцент Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: omarina@hse.ru

МАРКОВ Александр Викторович – д-р филол. наук, профессор кафедры кино и современного искусства Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва). E-mail: markovius@gmail.com

МАЦУТА Валерия Владимировна – канд. психол. наук, доцент кафедры организационной психологии Томского государственного университета. E-mail: matsuta-vv@mail.ru

МИТЯГИНА Екатерина Владимировна – д-р социол. наук, проректор по развитию на основе анализа данных Вятского государственного университета (г. Киров). E-mail: usr07868@vyatsu.ru

МУНДРИЕВСКАЯ Юлия Олеговна – младший научный сотрудник Центра прикладного анализа больших данных Томского государственного университета. E-mail: muo@data.tsu.ru

МЯГКОВ Михаил Георгиевич – PhD, зав. лабораторией экспериментальных методов в общественных и когнитивных науках Томского государственного университета. E-mail: myagkov@skoltech.ru

НОВОСЁЛОВА Екатерина Алексеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: novosyolova_e@mail.ru

ОРЛОВА Вера Вениаминовна – д-р социол. наук, зав. кафедрой философии и социологии Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: orlova_vv@mail.ru

ПАСИЦКА Оксана Игоревна – д-р ист. наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Института украиноведения имени И. Крипьякевича Национальной академии наук Украины (г. Львов, Украина). E-mail: pasitska@ukr.net

ПЕШКОВ Владимир Федорович – д-р пед. наук, зав. кафедрой теории и методики обучения физической культуре и спорту Томского государственного педагогического университета. E-mail: peshkov@sibmail.com

ПОЗДЕЕВА Светлана Ивановна – д-р пед. наук, зав. кафедрой педагогики и методики начального образования Томского государственного педагогического университета. E-mail: svetapozd@mail.ru

РОДИНА Ирина Викторовна – заслуженный мастер спорта России, старший тренер спортивной сборной команды России по дзюдо Центра спортивной подготовки сборных команд России (г. Москва). E-mail: irinarodina73@mail.ru

САЙФУЛИН Эдуард Риялович – техник Суперкомпьютерного центра Томского государственного университета. E-mail: sayfulin@data.tsu.ru

СЕРБИНА Галина Николаевна – заместитель директора Научной библиотеки Томского государственного университета. E-mail: gnserbina@gmail.com

СТАРОСТИН Дмитрий Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории средних веков Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: d.starostin@spbu.ru

ТРОФИМОВ Андрей Владимирович – д-р. ист. наук, профессор кафедры истории и философии Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург). E-mail: 2519612@rambler.ru

ТРУБЕЦКОВА Елена Геннадиевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. E-mail: etrubetskova@gmail.com

ЦИГУЛЕВА Олеся Владимировна – канд. пед. наук, зав. кафедрой иностранных языков Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: oltsiguleva@yandex.ru

ЧЕРНЫШЕВ Константин Анатольевич – канд. геогр. наук, ведущий научный сотрудник отдела георбанистики и пространственной демографии Института демографических исследований Федерального научного социологического исследовательского центра Российской академии наук (г. Москва). E-mail: kochern@rambler.ru

ЧУДИНОВ Сергей Иванович – канд. филос. наук, научный сотрудник Центра прикладного анализа больших данных Томского государственного университета; доцент кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (г. Новосибирск). E-mail: personally@ngs.ru

ШАГАРОВА Елена Анатольевна – преподаватель кафедры теории и методики циклических видов спорта Сибирского государственного университета физической культуры и спорта (г. Омск). E-mail: shef_le@mail.ru

ШЕВЧЕНКО Олег Константинович – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиала) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Ялта). E-mail: skilur80@mail.ru

ЩЕКОТИН Евгений Викторович – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: evgvik1978@mail.ru

ЯКУШЕВА Ирина Владимировна – канд. филол. наук, ординарный профессор Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: iyakusheva@hse.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2021. № 467. Июнь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 30.06.2021 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 34. Усл. печ. л. 31,6. Тираж 50 экз.
Заказ № 4808 Цена свободная.

Дата выхода в свет 15.10.2021 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материала можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru